

Юлия Цыменкова

НАСЛЕДИЕ

Ежегодные Драконьи игры - развлечение для знати и простолюдинов. Драконоправы на своих могучих летунах мчались по небу, состязались, показывали силу своих драконов. Никто и никогда не погибал, не увечился, несмотря на козни соперников. Устроители Драконьих игр, род Илейни, неизменно следил за безопасностью игроков. Тогда что стало причиной трагедии новых Игр? Быть может, то, что Риктор Илейни, последний лорд славной династии, решил принять участие в состязании и отдал подготовку в руки самого венценосца? Или же приз, обещанный ему - Побережье и должность королевского аниторна, если он вернется на ристалище первым? Да и виноват ли король в том, что не все игроки выбрались из смертельных ловушек, сменивших привычные испытания?

Глава 1

Гул толпы поднимался высоко в небо — туда, где кружились драконы, разминавшие крылья. Люди сидели на трибунах, задрав головы, и рассматривали гордых великанов, на которых сейчас восседали драконоводы, готовившие драконов к играм. С земли было невозможно рассмотреть, кому принадлежал тот или иной летун — цвета их попон терялись в небесной выси, и все-таки зрители указывали пальцами, уверенно выкрикивая имена владельцев. Почти никто не угадал, но никто ведь не запрещал гордиться тем, что невозможно проверить и опровергнуть.

Впрочем, на земле также было на что обратить жадный до зрелищ взор. На арене сейчас состязались воины на мечах, между трибун стояли приглашенные маги, запускающие в небо разноцветные огни. Они взмывали над ристалищем и распадалась на разнообразные картины. Зеваки могли увидеть славного короля Эдинура, одержавшего на своем белоснежном драконе победу над темным магом Хольстромом. Но вот образ короля таял, и в небо поднимались прекрасные сияющие девы, кружащиеся в изумительном танце. Их тела соблазнительно изгибались на потеху мужчинам. Но исчезали девы, и над ареной мчалась огненная конница, взметая в небо сверкающие мечи.

Пока народ наслаждался зрелищами, между рядами бродили торговцы хмелем, сладкой водой и медово-ореховыми палочками, которые таяли в руках, но отказать себе в удовольствии вкушать их было невозможно. И люди не отказывали, тем более где-то недалеко застыли водоносы, которые по первому требованию подносили миски с водой, чтобы зрители могли омыть руки и не отвлекаться от зрелища такими мелочами, как липкие пальцы. И все-таки, несмотря на разнообразные увеселения, народ ждал главного: когда на ристалище войдут драконоправы. Так называли седоков, управляющих великанами, закованными в чешую.

Подобное заслуживало уважения: не каждого признавали эти чудо-звери. Не каждому покорялись. Даже просто прокатиться дано было не всем. Если человек не нравился дракону, то он скорее подвергнется наказанию, чем позволит приблизиться к себе. Потому драконоправы пользовались всеобщим поклонением и почитались едва ли не за великих воинов. Дамы влюблялись в них безоговорочно, мужчины втайне завидовали, дети мечтали быть похожими на них. И даже горбатый карлик мог считаться завидным женихом, если перед ним склонил голову дракон.

Испокон веков Драконьи игры проходили на берегу Шуанийского моря, где на высоком утесе возвышалась Башня Грез. Кто и почему так назвал эту башню, уже никто не помнил.

Кажется, там жила дочь одного из лордов, закрытая отцом после побега с возлюбленным-простолудином. А может, и не было никакой дочки лорда, и все это красивая сказка, но название прижилось в народе.

В общем-то, башня была частью замка, принадлежавшего лорду Илейни, главному устроителю Драконьих игр, но замок — это замок, а Башня Грез будоражила воображение и рождала целые легенды. «Дочь лорда» была лишь одной из них. Обитателям древней твердыни эти легенды не мешали. Они с добродушной усмешкой слушали новые сказки, важно кивая головами, не подтверждая и не опровергая их.

Молодой лорд Илейни в этом году тоже стал участником Игр. Его дракон сейчас отдыхал перед вылетом, и сам лорд сидел в удобном кресле, читая труды одного из мудрецов древности. Он даже не обратил внимания на открывшуюся дверь, в которую проскользнула молодая женщина с белоснежными, как снег, волосами и черными, как ночь, глазами. Она неслышно приблизилась к лорду Илейни и положила на его плечи тонкие ладони.

— Мой господин, — позвала женщина.

Широкая мужская ладонь накрыла ее пальцы, и по губам молодого лорда скользнула легкая улыбка. Женщина обошла кресло, устроилась на коленях мужчины и потянулась к его губам, но лорд остановил.

— Не стоит, Нэми, — покачал он головой. — Гор тревожится, когда чувствует запах женщины. Ему пришла пора спариваться.

— Почему дракон может желать того, чего не желает его седок? — с улыбкой спросила Нэми.

— Седок получит желаемое, когда вернется в замок; дракону же придется ждать подходящей самки: он более избирателен, — усмехнулся мужчина и поднялся с кресла, ставя женщину на ноги.

— Мой господин хочет сказать, что сам восходит на ложе с кем попало? — обиженно спросила наложница.

— Глупости. — Он отвел белоснежную прядку с женского лба. — Иди, Нэми, лучше навести меня после игр. Сейчас мне нужно собираться.

— Один поцелуй. — Она игриво взмахнула ресницами.

Лорд Илейни усмехнулся, поцеловал наложницу в лоб и развернул к двери, сопроводив легким шлепком по аппетитному округлому задку. Женщина обернулась, обиженно надув пухлые губки, но мужчина остался неумолим. Нэми протяжно вздохнула и послушно покинула покои господина. Лорд достал из-под камзола амулет, по виду похожий на алмазную слезу, сжал его в ладони и, прикрыв глаза, прошептал:

— Будьте со мной, матушка.

Амулет нагрелся в ладони Илейни, отдавая тепло его телу, наполняя силой и уверенностью. Это была древняя магия, которой воспользовалась леди Илейни, умирая. Она отдала свою душу амулету. И это стало главной ценностью, которую мать оставила сыну после себя. Мужчина прижался губами к алмазной капле и вновь спрятал ее. Затем прошел в опочивальню, где с вечера был приготовлен голубой костюм. Золотые узоры, которыми он был расшит, складывались в обережные руны, лаская взор изысканностью и искусностью работы мастериц, которые шили одежду молодому господину. Переодевался мужчина в одиночестве. Лорд Риктор Илейни не пожелал, чтобы кто-то присутствовал рядом, когда он будет готовиться к Играм. Ему сейчас было необходимо уединение и покой.

И когда он спустится в драконник, чтобы собственноручно надеть упряжь на летуна,

рядом тоже никого не будет. Только лорд и его дракон. Так было всегда. Риктор Илейни никому не доверял своего любимца. Он растил его, ухаживал, баловал, позволяя вольности. Разговаривал, будто дракон мог понять его. И людям, служившим лорду, казалось, что летун и правда его понимает — до того внимательно великан следил за хозяином. Даже отвечал по-своему, по-драконьи, временами выдыхая из ноздрей облачка дыма. И если кому-то доводилось оказаться рядом с господином и летуном, то возникало стойкое ощущение, что эти двое отлично понимают друг друга.

Гор был одним из немногих драконов, в ком проснулось пламя, и это создавало для его хозяина некоторые сложности. Обычно спарить дракона было не так уж и сложно, но огнедышащие принимали только «свою» самку, и владельцам приходилось изрядно попотеть, прежде чем им удавалось найти пару своему летуну. Дракон, который долго не имел возможности покрыть собой драконицу, становился неуправляемым. Драконе бешенство считалось одним из страшнейших бедствий во всем мире. Огнедышащий великан мог выжечь не одно селение, уничтожив в своей необузданной ярости многие жизни.

Огонь Гора пробудился чуть больше года назад, и у Риктора было не меньше пяти лет, как уверяли известные драконоводы, на поиски драконицы, однако мужчина тревожился за своего летуна уже сейчас. Хуже всего было то, что дракониц рождалось на порядок меньше, чем самцов. Молодых самок нежно берегли, не позволяя трогать до третьего гона. А если драконица оказывалась парой огнедышащего дракона, то драконоводы заламывали такие суммы, что не каждый владелец мог купить ее своему любимцу. Искать же драконицу на воле смысла не имело, потому что свободных драконов почти не осталось. Их истребляли, если не удавалось подчинить. Свободный дракон — опасный дракон.

Так что перед Риктором Илейни стояла непростая задача, но он собирался найти пару своему Гору, чего бы ему это ни стоило.

— Здравствуй, приятель, — негромко произнес мужчина, подходя к дракону. — Сегодня день Игр.

Мужчина обнял огромную чешуйчатую голову и потерся щекой о холодную чешую. Дракони хвост с шорохом прополз по полу, обвил тело и коснулся сапога Риктора.

— Я тоже скучал, — улыбнулся Илейни. — Как ты? Готов показать этим щенкам, кто тут истинный король?

— Пф, — ответил Гор, и Риктор рассмеялся.

— Ты лучший, мальчик. Ты единственный.

Он действительно был единственным драконом, который шел за своим драконоправом без магического аркана. Гору не нужна была привязь. Человека и летуна связывала настоящая дружба, зародившаяся еще двадцать лет назад, когда Судьба свела этих двоих по желанию старшего лорда Илейни, решившего сделать сыну подарок...

Когда дракона привезли в поместье Илейни, тот был еще малышом — всего двадцати лет от роду. Гор тогда был ростом с большую собаку, зол и испуган. Перед тем, как отправиться в путь, хозяин питомника опутал дракона с головы до ног магией, на малыша натянули намордник и посадили в клетку с толстыми прутьями. Гор лежал на дне клетки и жалобно попискивал, но никто не обращал внимания на страх и страдания драконенка.

Всю дорогу его окружали незнакомые запахи. Клетку закрыли большими деревянными щитами, и малыш не мог видеть того, что происходит снаружи. Когда повозка прибыла в большое поместье, Гор был уже настолько измотан дорогой, что безучастно взирал на мужчину, долго и задумчиво рассматривающего его. Мужчина говорил с драконоводом,

который доставил маленького дракона, тот стучал себя в грудь, показывая на Гора и уверенно кивал головой. Хозяин поместья вздохнул, еще раз окинул драконенка скептическим взглядом, и клетку сняли с повозки.

— Рик! — крикнул мужчина. — Иди сюда, мой мальчик. Твой подарок на день рождения прибыл.

Вскоре послышался быстрый топот, и во двор, мощенный каменными плитами, выбежал десятилетний лорд Риктор Илейни. Он приблизился к отцу, почтительно склонив голову, затем мазнул взглядом по клетке, и глаза его округлились в немом восхищении.

— Драко-он, — с придыханием протянул он. — Мой дракон.

— Твой, — улыбнулся лорд Илейни-старший. — Сейчас его отправят в драконник, накормят и дадут отдохнуть. Пусть малыш привыкнет к новому дому.

— Я в драконник! — воскликнул мальчик, и никакие увещевания не смогли остановить его.

Потом он долго сидел рядом со своим подарком, гладил еще мягкую встопорщенную от страха чешую драконенка и уговаривал поесть. Запах свежего мяса наполнял пасть Гора слюной, но он забился в угол своего загона и не желал покидать его. Намордник, снятый, когда принесли еду, вернулся на прежнее место, потому что рядом сидел маленький лорд. Мальчик окидывал слуг сердитым взглядом, но отец дал приказ, и намордник с дракона не снимали.

— Тогда я уйду, — грозно произнес Рик Илейни. — И только попробуйте не снять с него всю эту дрянь. — Затем повернулся к малышу, снова провел ладошкой по его шее, заглянул в янтарные глаза и пообещал: — Я никому не дам тебя в обиду.

Мальчик ушел, и слуги сняли намордник и часть пут. Ночью Гор все-таки выбрался из своего угла и поел. Кроме него в драконнике Илейни жил еще один дракон — старый и ко всему равнодушный. Он иногда всхрапывал и фыркал. А когда драконенок слишком расшумелся, подвывая и попискивая, издал трубный рев, после которого послышались человеческие шаги, и маленький дракон снова забился в свое ненадежное убежище. Прислуга в драконнике осмотрела новое приобретение хозяев, обозвала малыша доходягой и снова ушла, бросив на старого дракона короткий взгляд.

А утром вернулся Рик. Он воровато оглядывался, когда, крадучись, пробирался к своему питомцу. Но добраться до загона так и не успел. Ворота драконника открылись, впуская лорда Илейни со слугами.

— Рик, — сурово позвал отец. — Я велел не трогать дракона. Ты можешь его навещать под присмотром, но растить и объезжать его будут без тебя. Я не собираюсь рисковать здоровьем и жизнью своего единственного сына.

— Но это мой дракон! — воскликнул мальчик. — Никто не позаботится о нем лучше, чем я. Отец, позвольте мне самому ухаживать за Гором.

— Ты уже дал ему имя? — приподнял брови взрослый лорд. — Хорошо, пусть будет Гор. Но ухаживать за ним...

— Буду я! — Риктор скрестил руки на груди и притопнул ногой. Однако тут же молитвенно сложил руки и протянул: — Пожа-а-алуйста. Я буду осторожен, я буду внимателен. Но если это мой дракон, и мне предстоит стать драконоправом, то я сам должен ухаживать за ним. Отец, клянусь, что я больше не буду сбегать от учителя, обещаю есть гадкую кашу, и я готов каждый день молиться положенное время, только позвольте мне самому ухаживать за Гором.

Отец любил своего сына, возможно, даже слишком. Он был единственной ценностью лорда Илейни, и единственным наследием умершей жены, в которой Октор Илейни не чаял души. Рик был копией своей матери, и мужчина был рад хотя бы такой возможности смотреть в ее глаза. К тому же шустрый и смывленный мальчишка неизменно радовал отца, и лорд сдался.

— Хорошо, Рик, — сказал он. — Я позволяю тебе самому возиться с драконом, но с тобой всегда будут рядом опытные драконоводы.

— Я согласен! — горячо закивал головой мальчик и бросился к отцу, стискивая его талию в еще несильных сыновних объятьях.

Лорд улыбнулся, потрепал сына по волосам и позволил подойти к загону. С того утра Рик пропадал в драконнике, правда, не забывая выполнять обещания, данные отцу. Учитель его хвалил, жрец Огненных благословлял Богов за то, что те вразумили благородного отпрыска и наставили на истинный путь, а кухарка умиленно утирала слезу, когда маленький хозяин оставлял после себя пустую тарелку.

Гор привык к мальчику настолько, что уже не забивался в угол при его появлении. Однако намордник с него упорно не снимали, как и путы, стягивающие крылья и не позволяющие передвигаться слишком быстро. Риктор сердился, но приказ отца был слишком недвусмысленным, чтобы слуги его ослушались. Маленький лорд сопел, пыхтел, грозил кулаком и до слез жалел своего нового друга, который никак не мог понять, что он не в клетке, и что человек, сидящий рядом с ним, не враг.

И Рик решился на некрасивый поступок. Он выпросил у отца разрешение отправиться на прогулку с драконом за пределы замка. Лорд Октор Илейни позволил, и с Риктором и Гором отправился один из драконоводов. Когда замок остался далеко позади, а мальчика и его подопечного окружала сочная зелень и аромат цветов, в изобилии растущих на склоне Лабирийских гор, где находилось поместье Илейни, Рик велел:

— Сними с него всю магическую дрянь и намордник.

— Ваш отец...

— Если не снимешь, я скажу, что ты на моих глазах лез под юбку Геретти, — отчеканил мальчик. — Ты знаешь, что отец не выносит распущенности.

— Но ведь этого не было! — воскликнул драконовод.

— Я могу быть очень убедительным, — усмехнулся Рик. — Снимай.

Мужчина некоторое время буравил взглядом младшего хозяина, затем сунул ему в руки ключ, отпирающий замок, созданный магом, сплюнул и отошел. Драконовод был обижен, Рик это понимал, но не сожалел об угрозе, потому что его дракон был измучен всеми теми ухищрениями, которыми огораживали сына хозяина от возможного нападения. Пусть Гор был малышом, но он оставался зверем, у которого имелись острые зубы, сильные лапы и длинные когти.

Мальчик подошел к дракону, тоскливо глядевшему в чистое небо, встал на колени перед ним и произнес:

— Все закончилось, малыш, теперь ты больше никогда не будешь связан.

Он отомкнул замок, освобождая своего подопечного, затем взялся за намордник и улыбнулся, глядя в глаза дракона.

— Я называл тебя Гор-ин-Сианлэй, на языке древних это означает «свободный сын ветра». Это ты, Гор, и я всегда буду тебе другом, а не хозяином.

Намордник упал на траву, откинутый рукой маленького лорда, и Риктор поднялся на

ноги. Драконенок некоторое время смотрел на него, не решаясь сделать первый шаг, но вот Рик отошел от него, и Гор втянул носом чистый горный воздух. Затем переступил с лапы на лапу, и его крылья с шорохом развернулись. Еще слабые, неспособные поднять малыша в воздух, но он, наконец, мог раскрыть их. Рик счастливо рассмеялся, глядя на ошеломленного свободой дракона.

— Бежим, Гор! — крикнул мальчик, срываясь с места. — Бежим со мной! Обгони меня!

Дракон обернулся, некоторое время глядел на Рика, затем поднялся на задние лапы, с силой ударил передними по земле и... помчался следом. И чем дольше он бежал, тем сильнее охватывала его шальная радость. Лапы все быстрее перебирали по густой траве, ветер щекотал чешую, смех мальчишки рождал в горячем сердце маленького дракона желание взвиться вверх и лететь, лететь, лететь на волнах ветра, такого же свободного, каким он почувствовал себя сейчас.

— Гор! Гор! — Рик остановился и смотрел вслед убегающему дракону.

— Он сбежал, — мрачно произнес драконовод, оказавшийся за спиной.

— Нет, не сбежал, — уверенно ответил младший лорд Илейни. — Просто ему хорошо. Гор!

Дракон скрылся из виду. Рик испугался, что драконовод оказался прав, но не пожелал показывать своего страха перед взрослым мужчиной. Он упрямо сжал кулаки и снова выкрикнул:

— Гор!

И вдруг мимо них пронесся черный вихрь, сбив драконовода с ног. Вихрь издавал повизгивания и сопение, и это привело Рика в восторг. Он снова расхохотался.

— Гор! — Крик мальчика был наполнен ликованием и искрящимся счастьем.

Дракон снова исчез из виду, но вскоре появился вновь, остановился перед мальчиком и склонил голову набок, нетерпеливо перетаптываясь с лапы на лапу. Взгляд янтарных глаз с вертикальными черточками зрачков, сейчас казавшихся почти круглыми, так ясно говорил: «Ну, что же ты стоишь? Бежим! Скорей бежим!» И они побежали. Дракон впереди, мальчик сзади.

Драконовод поднялся на ноги, ворча себе под нос. Он покачал головой, глядя вслед двум детям, резвившимся среди зеленой травы, и все-таки улыбнулся, признавая правоту маленького лорда. Только мужчина не мог понять, почему дракон не дал стрекача, а вернулся и теперь носится, как какой-нибудь щенок, прыгая вокруг хозяина. А ответ был прост: Гор поверил тому, кто освободил его.

Люди неизменно считали, что драконы обладают лишь крупными разума, а Рик всегда знал и верил, что гордые великаны будут поумней многих его собратьев. Гор понял и принял мальчика, обещавшего ему дружбу. И Рик ни разу не обманул дракона, не предал. С того дня аркан больше не ложился на чешуйчатую шею, намордник так и остался валяться в траве. И домой они возвращались, шествуя рядом, а драконовод ехал за ними на телеге с бесполезной клеткой.

Тогда Риктор солгал отцу, что украл ключ у слуги, принял свое наказание и отстоял право Гора на свободу. Драконовод не пострадал. Правда, взять дракона в замок отец не позволил, и Гор вернулся в драконник, гордо переступая лапами и раскрыв крылья. С того дня все сильнее крепла связь между маленьким лордом и его драконом.

Риктор Илейни сам кормил, чистил, выгуливал своего летуна. Он первым увидел, как крылья Гора налились силой, и дракон оторвался от земли. Рик не позволил накинуть на

своего любимца аркан, уверенный, что он вернется, и Гор вернулся. Он положил на плечо юного лорда уже немаленькую голову, и Рик крепко обнял дракона, прошептав:

— Я так горжусь тобой.

Риктор сам готовил Гора к упряжи, сам объезжал, не позволяя никому приблизиться к своему летуну. Слуги поговаривали, что у юного лорда и его дракона одно сердце на двоих — до того они понимали друг друга. Понадобилось не так много времени, чтобы обитатели поместья Илейни привыкли к тому, что неразлучную парочку можно было встретить где угодно и когда угодно. Дракон подрастал, но люди не боялись его, видя, что юноша без всяких охранных ухищрений возится с опасным зверем, и тот не спешит его сожрать.

Они вместе росли, вместе взрослели. Гор был единственным, кто знал все тайны младшего лорда Илейни. Рик делился с ним всем на свете. Он пересказывал дракону то, что говорил учитель, делился своими успехами в ратном деле, похвастался, когда впервые познал женщину, пообещав найти своему другу лучшую драконицу, как только тот войдет в брачную пору. И когда старшего Илейни принесли мертвым с охоты, слезы молодого лорда видел только его дракон. Он положил на колени Рiku голову и жалобно ворчал, горюя вместе со своим человеком.

Возможно, именно благодаря той свободе и доверию, что связывали дракона и его драконоправа, у Гора проснулся огонь. Проснулся рано и неожиданно. Огнедышащих драконов было мало: огонь просыпался чаще всего у агрессивных особей, уже в зрелом возрасте. А Гор выдохнул первую струйку дыма, когда ему исполнилось всего тридцать девять лет. Юный, только входящий пору зрелости дракон, еще не познавший не одной драконицы, он промучился несколько дней. То ярился, то сжимался в комок. Дракон страдал, и вместе с ним страдал Риктор, не отходивший от своего летуна ни на шаг. Лекари предполагали разное, даже отравление, и это предположение едва не стоило жизни слугам, готовившим еду для Гора. И только наложница, к которой Илейни питал слабость, удержала руку лорда, сжавшую меч.

Закончилось все неожиданно. Гор издал громкий и протяжный рев, поднялся на лапы, задрал голову кверху, и из его пасти вырвался дым, предвестник огня. Риктор потом провел в архиве не один день, отыскивая все о пробуждении пламени у молодых драконов. Драконоводы в один голос твердили, что это неправильно, и с Гором что-то не так, а лорд нашел древний манускрипт, где говорилось, что огонь просыпается у драконов вместе с созревaniem. Пробуждение огня — не что иное, как наступление зрелости. Именно с этого момента драконы искали свою пару, чтобы вступить во взрослую жизнь. С Гором было все хорошо, он рос и развивался так, как росли и развивались его свободные предки. И это давало надежду Илейни на то, что с его драконом не произойдет помешательства, как с теми, к кому огонь пришел поздно. И все же...

— У нас все будет хорошо, мальчик. — Риктор оторвался от головы дракона и заглянул в глаза.

Гор смотрел на него открытым взглядом умных глаз, в которых читалось доверие. Он знал, что человек — его человек — никогда не дает ложных обещаний, и верил своему драконоправу.

— Господин, пора. — У ворот драконника застыл один из слуг.

— Мы скоро будем, — не оборачиваясь, ответил лорд.

Слуга исчез, а Риктор собственноручно занялся подготовкой Гора к полету. Когда последнее крепление было застегнуто, лорд Илейни провел ласкающим движением по шее

летуна, вышел вперед и улыбнулся.

— И пусть все сдохнут от зависти. Ты лучше всех.

— Пф, — насмешливо фыркнул Гор, поднимаясь на лапы.

Рик поманил за собой дракона, и они направились к распахнутым воротам. День Игр настал — день их первых Игр.

Глава 2

Прислуга замерла в огромном замковом дворе и склонила головы, приветствуя своего господина и его летуна. Люди молчали: лорд Илейни не любил пустословия и преждевременного ликования, потому его челядь провожала господина в тишине, не спеша желать удачи — об этом они вознесут молитвы Огненным, как только ворота за лордом закроются. Только беловолосая женщина с черными глазами вышла вперед, ожидая, когда Риктор обратит на нее свой взор. В руках наложница сжимала оберег, желая повесить его на шею своему высокородному возлюбленному.

Лорд Илейни шел, подняв лицо к чистому небу, и на устах его играла легкая, даже мечтательная улыбка. Одну руку Риктор прижал к груди, туда, где был скрыт одеждой амулет с душой его матушки. Вторая покоилась на рукояти меча, увенчанной большим голубым камнем, по граням которого пробежали солнечные блики. Прислуга исподволь любовалась своим господином, чей пригожий облик сейчас, казалось, светился изнутри. И этот внутренний свет рождал надежду в людских душах. От этих игр зависело так много...

За спиной лорда неспешно шел дракон, вознеся высоко над землей свою большую голову. Из ноздрей его вырывались сизые струйки дыма, создавая образ устрашающий и величавый. Мощные когти постукивали по каменным плитам двора, хвост шуршал черной чешуей, сметая первые пожухлые листья, занесенные ветром в замок на утесе. Драконом люди тоже любовались. Он рос на их глазах, матерел, наливался мощью. Гор-ин-Сианлэй. Еще такой юный, но уже такой сильный и быстрый. Челядь верила, что даже ветер не может обогнать Гора. Он был самым молодым из драконов, участвовавших в Играх, но люди лорда Илейни ни мгновения не сомневались, что милость Огненных будет на стороне именно этого летуна.

— Господин, — торжественную тишину нарушил голос Нэми.

Риктор не повернул головы, прошел мимо женщины, застывшей с оберегом на вытянутых руках. Лорд понял, что хотела его наложница, но главный оберег был с ним всегда, и ни одна сила в мире не может сравниться с силой любви матери, готовой до последнего вздоха защищать свое дитя. Риктор поднял руку, на которой сверкнул браслет подчинения дракона, и Гор замер на месте. Рука медленно опустилась, опустился на землю и дракон. Лорд обошел его, любовно погладив чешую на боку. Затем легко забрался в седло и негромко произнес:

— Да воссияет Божественный Огонь.

— Да воссияет, — нестройным хором отозвались его люди, опускаясь на колени.

Гор поднялся на лапы, рывок — и мощные крылья подняли летуна в воздух. Челядь устремила взоры вслед господину. Они верили в победу, они знали, что их лорд и его дракон не могут проиграть. Нэми проводила взглядом Гора, опустила голову, прижала к груди руки, в которых все еще был сжат оберег, и прошептала:

— Не оставьте его, Боги.

На плечо ей легла рука одного из драконоводов. Он подмигнул женщине:

— У этого дракона огонь в груди вместо сердца, и весь он принадлежит нашему господину.

Риктор взирал с высоты на далекую землю, где по извилистой горной дороге растянулась череда людей. Он хотели пожелать удачи на Играх лорду Илейни, чей род издревле оберегал эту землю, и этот берег, и море. Когда-то в драконниках замка на утесе находилось до двадцати драконов разом, а это была уже великая сила. Говорили, что одного из предков нынешнего лорда просили взойти на трон, но он отказался, оставшись верным своему монарху. Возможно, согласись тогда Илейни, и все было бы иначе, но произошло то, что произошло.

Лорд был убит, огромные драконники разорены, и род почти истреблен вероломным королем, не оценившим преданность своего слуги. Опустели дозорные башни, и замок затих. Выжившие Илейни ушли в горы, где и прозябали в увядании. От прежнего величия рода остался лишь этот замок на берегу Шуанийского моря, огромное ристалище, с которого начинались Драконьи Игры, да право устраивать их. Последний дракон, помнивший те славные времена, умер десять лет назад в драконнике замка Илейни в горах под горестный рев Гора.

Сами лорды Илейни не принимали участия в Играх, оставаясь лишь устроителями и зрителями с тех пор, как им пришлось покинуть родные земли. Слишком долгой была память о столах уничтожаемых драконов, слишком глубоко тронули их страдания. В драконники долгие годы не привозили новых драконов, и Гор стал первым за много лет, кто перешагнул порог в опустевшего обиталища великанов.

В память о прежнем величии рода отец подарил сыну дракона, и сын принял решение, что вернет славу своей семье. Впервые за последние восемьдесят лет отпрыск некогда славного рода поднял в небо своего дракона, чтобы сразиться на равных с теми, кто приезжал сюда из года в год на состязания. Когда-то Рикку мечталось, как отец объявит имя победителя — его имя, — но отец не дожил до великого дня, и свою победу Риктор собирался посвятить именно ему.

Однако победа лорда Илейни была ценна отнюдь не символизмом: она должна была положить начало возвращения хозяина этих земель домой. Король Ледагард поклялся признать за родом Илейни прежние права, вернуть землю и вновь назначить последнего отпрыска покровителем Побережья, если он окажется лучшим на этих Играх. Так что награда была столь велика, что за нее стоило бороться.

Жители Побережья слышали о королевской клятве. Потому-то и собрались у замка своего лорда великим множеством. Каждый мечтал выкрикнуть свое пожелание, каждый хотел увидеть первого дракона Илейни, появившегося в драконнике замка на утесе за столько лет. Риктор все это знал, но он не хотел, чтобы многоголосый рев толпы дразнил и раздражал Гора, привыкшего свободно передвигаться по горам, где стоял замок его человека. Потому ворота в замке на утесе так и не открылись, и народ стоял, задрал головы и приложив ладони к глазам, рассматривая великолепного зверя, уносившего лорда к ристалищу, где уже собирались остальные участники.

— Пусть Огненные не оставят нашего господина своею милостью, — прошептал какой-то мужчина и закричал во всю мощь своих легких: — Да воссияет Божественный Огонь!

— Да воссияет! — подхватили несколько тысяч человеческих голосов.

— Хвала нашему лорду!

— Милости Огненных!

Гор сделал круг над ристалищем и спустился вниз по нисходящей спирали. Приземлившись, он оглядел притихших людей и поднялся на задние лапы, трубно взревев. Из пасти великана вырвалась струя белого пламени и умчалась в небо под дружный восторженный вздох зрителей. Затем дракон топнул передними лапами и опустился на брюхо. Лорд Илейни спустился на землю, вскинул руку, поднимая Гора на лапы, и они развернулись к королевской ложе. Рик опустился на одно колено, приложил руку к груди и склонил голову. Глядя на человека, дракон отставил переднюю лапу в сторону и поклонился его величеству.

— Неожиданно, — усмехнулся король, поднимаясь на ноги. — Рад приветствовать вас, дорогой лорд, и вас, дорогой дракон, — закончил он весело. — Можете подняться. И пусть над ристалищем воссияет меч вашего предка, имя которого вы носите.

Илейни выпрямился, вытянул из ножен меч Риктора Победителя и вознес над головой. И ристалище взорвалось многоголосым криком ликования. Меч, хранивший побережье многие сотни лет, вернулся вместе с первым лордом на драконе. Гор взревел, снова поднимаясь на задние лапы, вторя жителям Побережья. Лорд вернул в ножны древний клинок, дракон опустился на все четыре лапы и замер, ожидая следующей команды.

Венценосец милостиво кивнул, и Рик проследовал туда, где уже стояли остальные драконы со своими драконоправами. Соперники по-разному восприняли выходку Илейни и его летуна. Кто-то покровительственно усмехался, кто-то похлопал кончиками пальцев о запястье, выражая одобрение, а кто-то недовольно кривился.

— Решили покрасоваться вначале, зная, что будете уползать в конце Игр? — спросил один из лордов.

— Ну что ты, Гальтор, — ответил Рик, натягивая перчатки. — Разве это красоваться? Сможешь полюбоваться, как мы будем красоваться после того, как нас объявят победителями.

— Я полюбуюсь на то, как вы будете скулить, уползая в свой горный замок, — зло усмехнулся лорд Гальтор Давейн.

Илейни обернулся к нему, несколько мгновений рассматривал, задумчиво приподняв брови, затем отвернулся и произнес деловито:

— Гальтор, напомни, чтобы я внес тебя в список нежеланных лиц на моем Побережье. Не люблю завистников.

— Это я завистник? — взвился лорд. — Это я завидую? Тебе?

— Тихо! — рявкнул на них самый старший участник. — Как решат Огненные, так и будет.

Молодые лорды обменялись колючими взглядами, но больше колкостями не обменивались. Король поднялся со своего места, поднял руку и провозгласил:

— Драконьи Игры начинаются! Да воссияет Божественный Огонь!

Замолчав, его величество застыл у резных перил. Взгляд его не отрывался от драконоправа в голубых, шитых золотом одеждах. Король следил, как дракон Илейни опустился на брюхо, как седок вернулся в седло, и Гор поднялся на лапы, готовый сорваться с места. Ледагард приготовился дать отмашку, но медлил. Казалось, ему стало интересно понаблюдать за выдержкой молодого дракона и его седока.

Однако Гор, несмотря на свой возраст, стоял, словно каменное изваяние, полураспустив крылья. Первым не выдержали лорд Глордас и его дракон. Лорд нервно потрянул волосами,

неосторожно махнул рукой, и его дракон взлетел. Рыжеволосый лорд осыпал летуна бранью, снова и снова яря зверя ударами хлыста, сплетенного из магических заклинаний. Наконец, дракон опустился на ристалище. Он повернулся головой к одному из великанов, заревел и бросился на него. Хозяин второго летуна, лорд Болейни, дернул поводья, поднимая дракона на дыбы, чтобы избежать нападения. Летун взвился вверх, разъяренный дракон Глордаса следом, и между ними разгорелась драка в воздухе. Теперь оба лорда бранились, пытаясь расцепить драконов. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не вмешались маги, наблюдавшие за происходящим. Драконов захватили в арканы, опустили на землю и прочно связали магическими путами, после чего убрали с ристалища летунов и обоих драконоправов. Из семи соперников на арене осталось всего пятеро.

— Недурно, — усмехнулся Гальтор Давейн, остальные промолчали.

Рик перевел взгляд на короля: тот сокрушенно покачал головой и поднял руку. Свернула вспышка, и пять драконов взмыли в небо, закладывая над ристалищем круг под рев трибун, а после рванули прочь, подвластные воле своих седоков. Летуны миновали черту берега и помчались над морем. И чем дальше оставалась земля, тем больше снижалась скорость великанов. Они ненадолго выстроились в ровную линию, но вот не выдержал первый драконоправ, вновь подгоняя своего дракона, и линия сломалась. Следом поспешил второй лорд, и настоящая гонка началась.

Илейни не гнал Гора, позволяя соперникам уйти вперед. Дракон недовольно рыкнул, но Рик остался неумолим.

— Не торопись. Я не знаю, какие испытания подготовил король. Дадим торопыгам первыми влететь в ловушку, — сказал мужчина. — Мы с тобой на обратной дороге покажем, что можем.

Гор успокоился, как всегда успокаивался, когда слушал своего человека. Не стал рваться вперед и лорд Дальгард — самый старший и опытный из игроков. Риктор обернулся к нему и поймал понимающий взгляд. Дракон Дальгарда, уже немолодой, но тем не менее сильный и выносливый, летел, рассекая воздух размеренными взмахами крыльев. Вскоре он поравнялся с Гором, и теперь оба драконоправа зорко следили за тем, что происходит впереди.

Первым летел лорд Магдал — зеленый цвет его одежд сливался с цветом чешуи его дракона. Летун казался сильным, но рваные взмахи его крыльев показывали, что он уже устал. Дальгард покачал головой и сердито отчеканил:

— Каков дурак! Он измотал летуна перед Играми.

Риктор его услышал и мысленно согласился. Зеленый дракон выдыхался на глазах, и вскоре Магдала обогнал лорд Ноэль. Дракон Давейна шел за летуном Ноэля, но не обгонял. Над Магдалом сверкнул всполох магии, и его дракон заревел. Дальгард снова выругался, активируя браслет подчинения. Его летун в мгновение ока догнал Магдала. Рик видел, как пожилой лорд машет рукой, что-то втолковывая более молодому товарищу по Играм. Видел, как Магдал замотал головой, отмахнулся, и его хлыст снова прошелся по бокам дракона. Тогда рука Дальгарда взметнулась, с его пальцев сорвалась короткая молния, метнувшаяся к лорду Магдалу. Вспышка на мгновение ослепила Риктора и Гора, а когда зрение вернулось, ни Магдала, ни его летуна в небе не было.

— Нарушение свода законов Драконьих Игр, — машинально отметил Рик. — Нельзя использовать магию против соперников и их летунов. Однако использовать магию дозволено, если это делается во благо, — пятое дополнение к своду.

Дальгард теперь летел третьим, Илейни по-прежнему держался последним. Драконы

мчались быстро, и берег остался далеко позади, но ни одной ловушки им еще не встретилось. Это настораживало. Прежде, когда испытания готовили Илейни, первая ловушка поджидала игроков вскоре после пересечения береговой черты, давая зрителям возможность увидеть хотя бы начало Игр. Все остальное смотрел сквозь Всевидящее око распорядитель. Это была не привилегия, а необходимость следить за соблюдением правил. Что было подготовлено в этом году, постоянный распорядитель Драконьих игр не знал. Для этих Игр испытания готовил сам король. Риктор на мгновение представил физиономию Ледагарда и усмехнулся. Его величество не зря прозвали за глаза Пройдохой. Вряд ли он устроил испытания, похожие на прежние. Зная монарха, можно быть уверенным, что подвох непременно найдется. Только какой?..

Лорд Илейни беспокойно заерзал в седле, и его волнение передалось Гору. Дракон вывернул шею, пытаясь взглянуть на человека, но седок смотрел не на летуна — он с тревогой поглядывал вниз. Взгляд дракона скользнул за спину человеку, под развевающийся плащ, и... Рывок вышел столь неожиданным, что Рик едва не вылетел из седла. В это мгновение Илейни был рад, что позволил себя уговорить и приспособить к седлу ремни, удерживающие его на месте.

— Гор! — закричал мужчина, когда его дракон в немыслимой петле извернулся в воздухе, взлетев вверх почти вертикально, и, оказавшись вниз головой, Риктор увидел то, что заметил дракон.

Их настигали. Авехендры, распластав по воздуху свои острые треугольные крылья, чем-то похожие на крылья чаек, стремительно догоняли игроков. Их скорость навевала мысль о магическом усилении, иначе эти существа никогда бы не догнали драконов. Авехендры — женщины-птицы, людоеды, способные завлечь в свои сети любого мужчину. Их голоса были столь сладки, что завораживали одним своим звучанием. Взгляд черных без белков глаз проникал в самую душу. Их кожа казалась прозрачной, открывая синие сеточки вен. Тела, белые, как снег, покоряли взор изяществом форм, а за пухлыми чувственными губами скрывались острые зубы, способные рвать сырую плоть. На тонких длинных пальцах красовались когти, а стопы заменяли птичьи лапы. Но стоило авехендрам открыть рот, как мужчина забывал, кто перед ним, загораюсь вожделением, но слиться с авехендрой в жарких объятьях дано было не каждому.

Среди сладкоголосых чудовищ не было мужчин, и для продления своего рода они использовали человеческих. Говорили, что погибнуть в объятьях авехендры — не худший исход. Страсть их была столь велика, что мужчины не выдерживали и умирали, изливаясь в тела своих крылатых любовниц. Но сейчас на хищно оскаленных лицах не было и капли страсти: они летели убивать.

— Авехендры! — заорал Риктор. — Авехендры сзади!

Дальгард обернулся в то мгновение, когда одна из людоедок уже протянула руки, готовая вцепиться в него. Мужчина успел вытащить кинжал и полоснуть по руке авехендры. Затем его дракон вильнул в сторону, сбивая вторую тварь, и рванул вверх, уходя от разъяренной раненой женщины-птицы. Ноэль и Давейн успели уклониться раньше, чем их настигли.

— Они не отстанут, — негромко произнес Риктор. — Все равно нападут. Гор!

Дракон развернулся и помчался в обратную сторону, достиг последней авехендры, обошел ее сзади, и из оскаленной пасти вырвалась струя белого пламени. Визг и запах паленого мяса заполнил воздух. Авехендры пылающими факелами полетели вниз к воде.

Риктор проводил их взглядом, зная, что вода не сможет погасить драконьего пламени: оно умирало, пожрав полностью свою жертву.

Илейни позволил Гору выпустить еще одну струю огня и увел его выше. Риктор смотрел, как Ноэль, пользуясь тем, что остальные заняты авехендрами, мчался вперед, все более увеличивая разрыв между соперниками и своим летуном. Он так увлекся, что не видел, как от стаи чудовищ, разъяренных сопротивлением добычи, отделилось с десятков авехендр и помчалось следом за ним. Рик еще успел заметить, как Дальгард пытается отбиться от хищниц пульсарами, как дракон Давейна рвет клыками авехендр, вылетающих перед его мордой, как сам Давейн уже достал меч и отражает атаку за атакой. А дальше смотреть за соперниками стало невозможно, потому что их с Гором окружили.

Авехендры мотались с визгами перед мордой дракона, и его плевки огнем пролетали мимо. Гор злился, клацал зубами, ухватил одно из чудовищ, подлетевшее слишком близко, зубами за крыло и замотал головой. Авехендра разразилась оглушающими воплями, и Рик едва не упустил момент, когда на спину летуна опустилась одна из хищниц.

— Благодородный лорд, — промурлыкала она, обольстительно улыбнувшись. — Посмотри на меня.

Риктор стиснул зубы, крепче сжал меч и велел себе не слушать, но голова уже против воли поворачивалась в сторону авехендры, положившей ему на плечи руки. Она была прекрасна, как рассвет летним утром, нежна и желанна настолько, что жажда прикоснуться к ней стала почти невыносимой.

— Мой лорд, — произнесла людоедка, перебираясь вперед и усаживаясь лицом к Риксу. — Поцелуй меня, ты же хочешь.

— Хочу, — хрипло ответил Риктор.

— Убери меч, — попросила авехендра, и клинок вернулся в ножны. — Теперь поцелуй.

Ладонь Илейни легла на затылок людоедки, мужчина всмотрелся в черные мерцающие глаза, гулко сглотнул и притянул к себе хищницу... Ее крик ударил по ушам, вынуждая зажмуриться и мотнуть головой, но вторая рука Риктора, стиснувшая кинжал, вытащила его из тела авехендры и вогнала снова по самую рукоять. Лорд откинул умирающее тело и вскрикнул, когда зубы следующей хищницы вонзились в плечо.

Рука с кинжалом вскинулась снова, и мужчина ударил, не глядя. Клинок вошел в черный глаз без белка — авехендра полетела вниз, но с другой стороны уже наседала новая. Больше Риктора не пытались соблазнять. Чудовища нападали по двое, по трое, и лорд Илейни бил уже без разбора. Визг тварей оглушал, сводил с ума, но мужчина продолжал отбиваться. Он разил мечом и кинжалом, промахивался, ранил, убивал.

Гор метался в небе, кидая свое тело из стороны в сторону, не позволяя приблизиться к своему седоку, но авехендры, забыв страх, бросались следом. Они пытались разодрать драконью чешую, выцарапать Гору глаза, но летун сбивал обнаглевших хищниц лапами, рвал клыками, жег огнем, прорываясь все дальше вперед. В какое-то мгновение Риктору показалось, что над морем собрались все авехендры, живущие в их мире.

Где-то кричали его соперники, ревели их драконы, визжали людоедки, и не было конца этому дикому испытанию. Никогда еще на Драконьих играх не было настолько опасных ловушек. Риктор чувствовал, как от крови, сочащейся из мест укусов, намок его камзол. Щека оказалась разодрана, на руках кровоточили полосы от когтей авехендр. Гор тратил силы на попытки уйти от кровожадных чудищ, ярясь все больше.

— Боги, когда это закончится?! — вскричал Илейни, пронзая мечом тело очередной

хищницы, и... все стихло.

В небе летели только драконы, озирающиеся шальными взглядами по сторонам, их седоки оглядывались так же дико, ожидая новой напасти, но живых авехендр не осталось, только белые тела исчезали в морской пучине, превращая чистую голубую воду в алую. Вскоре показались острые плавники хищных рыб: они добивали трепыхающиеся тела людоедов, пожирали их и утаскивали на дно.

— Неужели всё? — спросил сам себя Рик, и ответом ему стал далекий мужской крик. — Ноэль!

Трое драконоправов направили своих летунов туда, где кричал умчавшийся с места сражения лорд. Но застали они только его дракона, сиротливо парящего в небе — Ноэля дожирали авехендры, разорвав его тело на части. Дальгард вскинул руку, открывая окно перехода, и одинокий дракон исчез, перенесенный обратно на ристалище.

Заметив троих мужчин, авехендры бросили остатки своей добычи и помчались к новым жертвам.

— Гор! — скомандовал Рик, и струя белого пламени охватила троих из семи оставшихся из той десятки, что помчалась за Ноэлем. Все-таки троих лорд успел убить прежде, чем погиб.

Двух чудовищ перехватили драконы Дальгарда и Давейна, последние две попытались сбежать, но их настигли пульсары Дальгарда. Из всех драконоправов он один обладал даром. Трое лордов огляделись: теперь действительно все закончилось. Утерев пот и убрав клинки, мужчины обменялись мрачными взглядами и направили своих летунов дальше. Игры еще не закончились.

Теперь никто из выживших драконоправов не вырывался вперед, как и не стремился оказаться последним — это оказалось не менее опасным. Жутко было представить, что ждало бы их, если бы Гор не обернулся и не заметил вовремя опасность. Рик склонился, крепко обнимая своего дракона. Тот издал хриловатый звук, принимая благодарность человека и радуясь, что тот остался жив. Никто не заметил, как расширились зрачки дракона, когда он провожал взглядом осиротевшего собрата. В это мгновение Гор понял, что седока потерять легко, а своего человека он лишиться не хотел. Великан так же трепетно заботился о Рикторе Илейни, считая себя его защитником, как и Рик о драконе. Человек стал его стаей, его семьей, а терять семью Гор не собирался.

Драконоправы выстроили своих летунов в линию и теперь летели над морем, разделив обзор на части. В центре летел Дальгард и смотрел только вперед, Илейни, летевший с правого бока Дальгарда, следил за правой стороной и тем, что творилось под ними. Давейн наблюдал за левой стороной, посматривая наверх. Теперь лорды не были уверены, что им на головы неожиданно не посыплются камни, от которых придется уходить, метаясь из стороны в сторону. После авехендр они уже ничего не исключали.

Говорить вслух о том, что они думают о монархе, мужчины не стали, но обменялись понимающими хмурыми взглядами. Бывало, что на играх гибли то драконы, то драконоправы, или получали ранения и увечья, но это было скорее в ходе борьбы, а не испытаний, суть которых была выявить сильнейшего, но не выжившего! Эти размышления стали причиной единственного обвиняющего взгляда, брошенного Давейном в сторону Риктора, но больше он никак своего негодования не выразил. Теперь соперники стали единственной надеждой друг для друга.

Где-то впереди ждала их одинокая скала, где в пещере был спрятан ларец. В нем

хранилась награда для победителя, и за него тоже предстояло бороться. Это было последнее испытание, но оставались еще ловушки на пути к скале. Лорды ждали новой напасти, но вновь над морем воцарились тишина и покой. Это было подозрительно, это тревожило и вселяло неприятное чувство неуверенности в сердца трех мужчин. Напряжение росло, и первым не выдержал Давейн. Он вновь обернулся к Риктору.

— Это все из-за тебя, Илейни! — воскликнул Гальтор. — Если бы ты не вздумал уцепиться за прошлое своего рода, от которого несет пылью и плесенью, ничего бы этого не было! Король не отдаст тебе твои земли запросто, это понятно любому дураку.

— Ты ответишь за свое оскорбление, Давейн, — ледяным тоном ответил Риктор. — Но после. Сейчас подотри сопли, Игры еще не закончились.

— Ты назвал меня нытиком?! — вскричал Гальтор, хватаясь за меч.

— Хватит! — заорал Дальгард, летящий между молодыми лордами. — Что ты собираешься делать, Давейн? Устроить драку сейчас? Ты ведешь себя, как несмышленищ, а не воин. Убери меч, или я буду вынужден применить к тебе Силу.

— Только ко мне? — ядовито спросил Давейн.

— Илейни не обнажает оружия, — ответил ему Дальгард.

Гальтор выругался и со звонким стуком отправил меч в ножны. Дальше они летели молча, продолжая осматриваться в ожидании второго испытания.

— Великий Огонь, — сипло выдохнул Дальгард, глядевший вперед. — Откуда взялось это?!

Риктор и Давейн повернули головы... Густое черное облако надвигалось на них. Слишком большое и неправильное — оно плыло по ясному небу против ветра.

— Ты что-нибудь видишь? — Илейни посмотрел на старшего товарища по Играм.

— Нет, — ответил тот. — Нужно или снижаться, или лететь в облако.

— Снижаемся, — уверенно ответил Рик.

— В облако, — мотнул головой Давейн. — Если мы снизимся, то будем лететь почти над водой. Виллианы знают, что нас ждет в море.

— Да, рискнем влететь в облако, — согласился с ним Дальгард. — Зажгите маячки, чтобы опознать друг друга в тумане.

Трое мужчин одновременно коснулись своей груди, и на их камзолах вспыхнули руны их родов. Драконы занервничали: они не хотели лететь в странное облако, которое уже разрослось почти до самой воды. И как только дракон Гальтора Давейна дернулся в сторону, расширилось и облако. Их не хотели пропускать.

— С нами благоволение Огненных! — воскликнул Гальтор, и вязкая темнота поглотила трех драконов и их седоков.

Это было странное ощущение, словно тебя затягивает болотная топь. Мерзкий липкий холод коснулся обнажившихся местами после нападения авехендр тел, заполз под плотную одежду и кожаные доспехи. Стихли все звуки, и больше не было слышно шума от взмахов драконьих крыльев, только горестный рев летуна Дальгарда пробился сквозь плотную черноту, но звучал так тихо, словно дракон летел где-то далеко-далеко.

— Вы меня слышите? — крикнул Риктор, но ответа не последовало.

Илейни показалось, что он и сам не слышал своего голоса. Чувство дикого одиночества навалилось так внезапно, что впору было завывать от отчаяния. И если бы не шероховатая спина Гора, то можно было вовсе сойти с ума от мысли, что в мире ты остался один, никому не нужный, всеми забытый и покинутый.

— Мальчик, — ладонь в перчатке провела по шее дракона, ища поддержки у верного и единственного настоящего друга.

Риктор почувствовал, как шея дернулась, дракон повернул голову, пытаясь увидеть своего человека. Но даже его глаза не смогли пробиться сквозь наведенную тьму. Гор издал рев, вторя своему собрату — холод одиночества сковывал даже могучих летунов. Страх потерять человека в этом непонятном тумане стал так силен, что дракон не выдержал и выпустил струю пламени, на несколько мгновений разорвав мрак.

— Скала! — послышался крик Давейна, долетевший сквозь разрыв.

Драконоправы дали команды, и драконы рванули в сторону от главной цели Игр, чтобы не врезаться в камни. Теперь невозможно было угадать, кто из них где находится. Ровная линия развалилась.

— Нужно вниз, — прошептал Рик. — Гор!

Дракон не услышал, и Илейни сделал то, чего никогда не делал: он задрал рукав, обнажая браслет подчинения. Все это время браслет находился на руке лишь для того, чтобы скрыть истину: опасный огнедышащий дракон свободен. Но сейчас Риктор не видел иного выхода: нужно было вырваться из опасной тьмы.

Браслет слабо сверкнул, и дракон дернулся от болезненного удара, пробившегося в сознание приказом: «Лети вниз». Гор обижено заревел, но удар повторился, и он помчался вниз, вспарывая телом клочья тьмы. Туман исчез неожиданно. Дракон едва успел вывернуть, чтобы не упасть в море и теперь летел параллельно водной глади.

— Прости меня, мальчик, — услышал Гор голос своего человека, полный искреннего раскаяния. — Я не хотел сделать тебе больно. Прости.

И Гор простил, потому что снова слышал знакомый голос, ставший родным за долгие годы, потому что вновь увидел свет и понял, что так человек пытался докричаться до него. Риктор погладил шею своего летуна, прижал ладони к холодной спине, обвел пальцами несколько чешуек и, наконец, осмотрелся. Скала опять исчезла, но она была где-то рядом, оставалось лишь найти.

— Поворачивай назад, — велел он.

Дракон исполнил приказ человека, почти касаясь крыльями волн. Над ними висела давящая глыба тумана, под ними бежали волны. Водяные гребни стали выше, и это не нравилось ни человеку, ни дракону. От воды веяло зарождающейся угрозой, но возвращаться вверх было безумием, и они продолжали свой полет низко над морем.

— Поворачивай, — снова велел Рик.

Гор послушно свернул направо. Лорд Илейни досадливо кусал губы, думая, сколько еще они будут так метаться, прежде чем появится небольшой скалистый остров. Кроме них еще никто так и не вырвался из темноты, и оставалось гадать о судьбе соперников и их летунов. Однако одиночество продлилось недолго. Вскоре из клубящейся тьмы вывалился дракон Давейна, дико озираясь вокруг себя. Его драконоправ хлестал летуна всполохами магии.

— Гальтор, прекрати! — заорал Риктор. — Ты только пугаешь его!

— Илейни? — В таких же, как и у дракона, безумных глазах человека стали появляться первые проблески мысли. Гальтор опустил руку, гася браслет и оглядываясь. — Виллианы Бездны! — воскликнул он, обнаружив, что дракон почти касается брюхом растущих гребней морских волн. — Море было спокойным.

— Я о том же думаю, — мрачновато кивнул Риктор. — Дальгарда нет.

— Наверное, еще наверху. — Давейн поднял голову, глядя на нависшую глыбой тьму, и

передернул плечами.

Распря между молодыми лордами временно прекратилась. Они летели вновь рядом, поглядывая то по сторонам, то вниз. Брызги воды уже долетали до сапог мужчин, оставляя на них мелкие соленые бисерины. Это вызывало волнение. Маги наложили заклятье на море, не позволявшее разыгаться неожиданному шторму; более того, все это было сделано под личным присмотром Риктора Илейни. К тому же усилиями тех же магов от берега и до острова тянулась невидимая сеть, которая должна была перехватить упавшего игрока или выдохшегося дракона и переправить на ристалище. Это была обычная предосторожность, проверенная за годы проведения Игр неоднократно. И в этот раз все было сделано как обычно.

— Почему море волнуется? — напряженно спросил Давейн.

— Сам пытаюсь понять, — ответил Риктор. — Этого не должно быть, я лично проверял.

— Может, не слишком хорошо проверял? — желчно спросил Гальтор.

— Так же, как и в прошлом году, — огрызнулся Илейни. — Помнится, ты имел удовольствие лично проверить работу магов.

Давейн скривился и больше не заговаривал с Риком. Мужчины продолжали менять направление, разыскивая остров, но тот словно ушел под воду, не спеша показываться на глаза.

— Глаза нам отводят что ли? — нервно спросил Гальтор, вновь повернувшись к Илейни.

— К Бездне, похоже на то, — согласился Риктор. — Можно увидеть скалу в тумане, но невозможно найти под ним. И в тумане увидеть тоже невозможно. Ерунда какая-то.

— Пламя твоего дракона...

— Нет! — Риктор ожесточенно мотнул головой. — Я не позволю Гору терять силы на поиски во тьме.

Давейн открыл было рот, но махнул рукой и не стал ничего говорить. А через несколько мгновений стало не до разговоров. Волны вздыбились, и драконам пришлось подняться почти до клубящейся черноты. Тут же дохнуло холодом, протянувшим свои щупальца к двум игрокам.

— Мерзость, — буркнул Гальтор, невольно пригибаясь к шее своего летуна.

— Пожри меня Виллианы, — выдохнул Риктор, глядя вниз.

Волны вдруг опали, превращая море в ровное потемневшее зеркало. Однако поверхность вновь заволновалась, надуваясь пузырями, словно кипящая вода в котле. Пузыри росли, становясь все больше, в их нутре что-то шевелилось, подобно малькам в рыбьей икре. Но вот раздался первый «пф-ф», пузырь лопнул, и из воды показалась голова огромного существа.

— Бездна! — Вскрик Давейна походил на женский визг. — Камгалы!

— Откуда взялась эта дрянь?! — выкрикнул Илейни, глядя в шесть ромбовидных глаз чудовища. — Нужно уходить вверх! Гор! Гор! Го-ор!!! — заорал он изо всех сил, почти сорвав голос.

Гор не слышал. Он смотрел в глаза чудищу, вяло махая крыльями, зачарованный взглядом одного из немногих существ, кто мог совладать с драконом. Пузыри продолжали лопаться, и на поверхности появлялось все больше древних глубинных чудовищ.

— Гор!!!

Чудище вытащило из воды толстые длинные щупальца, на которых между присосками были видны острые загнутые шипы, и потянулось к дракону. Риктор видел, как на огромной

голове разверзлась щель, превращаясь в ужасающий рот. Он был наполнен мощными острыми зубами в несколько рядов, способными без труда перемолоть не только твердую чешую дракона, но даже камни. Камгал уже приготовился схватить Гора за лапы, чтобы подтянуть его себе в пасть, и Рик снова призвал силу браслета подчинения, вкладывая в удар почти всю скопленную в нем Силу.

Гор дернулся, взвыл, извиваясь от ошеломляющего предательского удара.

— Вперед! — заорал ему Риктор, и дракон окончательно очнулся.

Он выплюнул в разверстую пасть камгала струю пламени и вывернулся из щупальца, уже коснувшегося его задней лапы.

— Вверх, Гор, вверх! — кричал Илейни.

Где-то рядом надрывался Давейн, чей дракон петлял, уворачиваясь от щупалец, тянущихся к нему. Запахло горелым мясом. Камгал разразился душераздирающим визгом, оглушая не только людей, но и драконов. Ошеломленные резким высоким звуком летуны заметались, потеряв, где небо, где море. Камгалы раскрывали пасти, ожидая добычу, тянули щупальца, ранили шипами чешуйчатые бока. Мужчин мотало из стороны в сторону на спинах драконов, ставших вдруг неуправляемыми.

— Гор! Очнись, Гор! — кричал Риктор.

— Пожри тебя Виллианы, скотина! Вверх! Лети вверх! — бесновался Гальтор, щедро выплескивая жалящую магию на бока обезумевшего летуна и на щупальца камгалов.

Наконец, Гор вывернулся и стрелой помчался вверх. Илейни откинуло назад, ремни затрещали, норovia вот-вот лопнуть. Защитная маска слетела с головы, вынуждая стиснуть зубы и зажмуриться от мощного порыва ветра, хлеставшего в лицо. Гор заревел и... вдруг все закончилось. Солнце ударило в сомкнутые веки, дракон лег на брюхо, и ветер перестал сносить драконоправа из седла.

— Остров, — выдохнул Рик, глядя на скалу, перед которой завис Гор. Из горла мужчины вырвался хохот, граничащий с истерикой, и он прохрипел: — Садись.

Дракон облетел скалу, отыскивая место для посадки, увидел площадку и направился к ней. Гор опустился на нагретый солнцем камень, сложил крылья и лег на брюхо, давая Риктору слезть с себя. Лорд Илейни отстегнул ремни. Он спрыгнул на скалу, придерживая меч рукой, и охнул, едва не упав. Мужчина с удивлением понял, что у него подрагивают ноги. Он посмотрел на свои ладони, отмечая мелкую дрожь пальцев, затем перевел взгляд на Гора. Бока дракона тяжело вздымались, он не спешил подняться на лапы. Лежал на камнях, блаженно прикрыв глаза, и из ноздрей рваными клочками вырывался дым.

Риктор опустился на колени рядом с головой летуна. Ладонь лорда огладила роговые наросты на голове дракона, кончики пальцев прошли по острому гребню.

— Ты молодец, мальчик, — негромко произнес мужчина. — Ты лучший.

Гор приоткрыл один глаз, взглянул на человека и привычно издал насмешливое:

— Пф.

Дракон был рад, что они выстояли против ужасных крылатых созданий, что пробились сквозь тьму, и что человек не позволил ему пойти на корм тому чудищу, что зачаровало взглядом своих странных глаз. Его человек все выдержал, несмотря на то, что такой маленький и хрупкий. Гор гордился своим драконоправом. Великан потерся носом о живот Риктора и снова уложил голову на камни.

— Я скоро вернусь, дружище, — сказал Илейни, поднимаясь на ноги.

На скале они появились первыми... или единственными. Сейчас Рик ни о чем не думал.

После пройденных испытаний на душе была одна сплошная усталость и желание, чтобы все это поскорей закончилось. Илейни подумал о своем замке, об огромном ложе в опочивальне и о нежных руках Нэми, которые умели доставлять радость, не только даря ласки, но и избавляя от усталости тело своего господина.

— Нэми, — прошептал мужчина и улыбнулся, вспомнив открытое женское лицо с необычным сочетанием белоснежных волос и совершенно черных глаз.

«В тебе моя жизнь, с тобой моя душа, возлюбленный господин», — прозвучал в голове Риктора нежный голос наложницы. Он мотнул головой, отгоняя сейчас лишние мысли. Лорд Илейни вернется назад и выслушает все, что ему скажет Нэми, даже извинится за то, что пренебрег ее даром, но сейчас у него есть дело и поддержка матушки. Он накрыл амулет ладонью, и тот отозвался теплом, вселяющим прежний покой и уверенность. Да, все будет так, как должно быть. Земли и величие вернутся к древнему роду, Рик восстановит поруганную честь предков.

Мужчина уверенно направился к пещере. Где она находится, он знал: видел неоднократно, когда прилетал сюда с Гором, чтобы проверить подготовку к очередным Играм с тех пор, как погиб отец. Впрочем, и при его жизни Риктор тоже сюда летал. Так они с Гором проверяли выносливость и силу крыльев, а потом мчались обратно к берегу. Рик сидел на спине своего летуна, раскинув руки, и беззаботно хохотал, радуясь юности, скорости и ветру, бьющему в лицо.

Каменная узкая тропа огибала склон, спускаясь ближе к морю. Нужно было перебраться через несколько выступов, скалившихся острыми камнями, затем войти в пещеру, дойти до каменной лестницы и спуститься туда, где за стенами шумит море, и снуют рыбы — в недрах скалы, почти до самого дна. Там, в большой зале, освещенной огненными рунами, на возвышении будет стоять ларец. От игрока требуется взять ларец, вернуться наверх, сесть на дракона и мчаться назад. Если бы все семеро участников сейчас были здесь, это стало бы настоящим и самым опасным испытанием, потому что за ларец боролся бы каждый. Так было всегда... но не в этот год. И можно назвать счастливыми тех двоих, чьи драконы сцепились еще на ристалище.

Пройдя половину горной тропы, Риктор прислонился к скале и закрыл глаза, давая себе небольшой отдых. Еще немного, еще совсем немного, и все будет закончено. Илейни открыл глаза, оттолкнулся от каменной стены и продолжил спуск. Чем быстрее он спустится, тем быстрее вернется к Гору, и они отправятся в обратный путь. Рик сделал несколько шагов, свернул вслед за тропой, перебрался через первый выступ, хватаясь рукой за горячие камни, прыгнул на ровное место и замер, увидев Дальгарда.

Пожилой лорд сидел перед своим драконом, распластанным на камнях. Из вспоротого брюха последнего текла черная кровь. Летун судорожно вздыхал, вода обвисшими поломанными крыльями по камням. Голова его покоилась на коленях драконоправа, глядящего павшего великана по широкому лбу. Голова самого Дальгарда была также в крови, но он, казалось, совсем не обращал внимания на багровую струйку, стекающую по лицу и исчезающую за воротом камзола. Плечи мужчины вздрагивали: он плакал.

Рик, потрясенный увиденным, несмело приблизился к Дальгарду. Тот поднял голову, услышав шаги, взглянул на Илейни покрасневшими глазами и опять отвернулся к умирающему дракону.

— Мы налетели на гребень, — негромко произнес пожилой лорд. — Рагдар спас меня: он отчаянно цеплялся за выступы, стараясь не перевернуться и не задавить своего седока.

Даже драконья чешуя не может выдержать всех нападений, и крылья... — Мужчина замолчал, закрыл лицо свободной ладонью, и до Риктора донеслись его сдвоенные рыдания. Но Дальгард взял себя в руки и стер слезы. — Как ты выбрался?

— Мы спустились вниз, — голос Илейни сел, и мужчине пришлось прокашляться. Он вдруг представил, что Гор мог так же... — Там... там были камгалы. Давейн тоже был со мной. Потом Гор унес меня наверх, и все рассеялось. Гальтора я пока еще не видел. Он не догнал нас.

Дальгард слабо улыбнулся.

— Я рад, что это именно ты, Рик. Вы с Гором заслужили свою славу. — Затем вновь повернулся к дракону. — Иди, не теряй времени, Давейн может появиться, и лучше схлестнуться с ним в верхнем зале, чем в недрах или на этих проклятых выступях.

— А как же ты? — Риктор присел рядом и погладил дракона по шее.

— Я останусь, — ответил Дальгард. — Это должна была быть наша последняя Игра... и стала последней. Я буду с Рагом, пока Огненные не призовут его, потом вернусь через переход. Иди, Рик.

Илейни в последний раз провел ладонью по шее дракона, мгновение смотрел, а затем поднялся на ноги и решительно направился к пещере. Он старался не думать о том, что только что видел, не хотел допускать ни единой мысли, что с его Гором может что-то случиться. «Одно сердце на двоих». Да, пожалуй, слуги правы. Риктор Илейни мог представить свою жизнь без земель и замков, без милости короля, без отца и матушки, без верной Нэми, но совершенно не мог представить, как сможет перенести потерю своего дракона, ставшего для него целым миром.

Когда-то Октор Илейни говорил сыну: «Не стоит привязываться к зверю: он никогда не сможет оценить твоей любви так, как оценит ее человек». Октор Илейни был неправ — это Рик знал с самого детства. Не было на свете существа вернее и преданнее, чем Гор-ин-Сианлэй. Люди забывали, лгали, предавали — даже те, кому, казалось, можно верить без оглядки. А Гор никогда. Он не пытался втереться в доверие, не таил за спиной кинжала, не подстраивал несчастий на охоте. Гор был предан ему, а Рик был предан Гору, и не было силы, способной пошатнуть эту дружбу.

Войдя в пещеру, Риктор вновь остановился, упираясь ладонями и лбом в прохладный камень: здесь солнца не было. Илейни отчаянно зажмурился. Перед его глазами вновь лежал поверженный скалами гигант, который, умирая, спасал своего драконоправа. И кто скажет, что драконы не способны любить? Кто посмеет сказать, что у них нет разума? Пусть тот, кто будет это утверждать, катится в проклятую Бездну, и его пожрут Виллианы.

— Ну, хватит! — одернул сам себя мужчина, оттолкнулся от скалы, зажег светлячок и направился к лестнице.

Лестница, несмотря на то, что ее сушили и чистили, все равно была влажной и скользкой. Пару раз Риктор чуть не скатился вниз, но сумел удержаться. Светлячок выхватывал из темноты ступеньку за ступенькой. Звук шагов молодого лорда отражался от стен, казался оглушающим, но это помогало отвлечься от невеселых дум. Шаг за шагом, ступенька за ступенькой Риктор приближался к заветной цели.

Он ступил на пол, и темнота взорвалась тысячей огненных всполохов. Каменная зала осветилась огненными письменами, прославляющими Богов и небесных летунов, которых Боги послали людям. Илейни опустился на колени, признавая правоту рун. Драконы — посланники Огненных Богов. Их дружбу можно только заслужить. Вознеся краткую молитву,

лорд продолжил свой путь, закончившийся у возвышения. Риктор протянул руки, взял ларец и прерывисто вздохнул, понимая, что последние несколько шагов даже не дышал.

— Хвала Огненным Богам, — шепотом произнес он, скинул с плеч плащ и завернул в него ларец.

Обратный путь показался ему бесконечно долгим, оттого выход к дневному свету стал полной неожиданностью. Риктор ненадолго остановился, снова привыкая к солнечным лучам. Когда он приблизился к Дальгарду, его дракон затих, но бока все еще судорожно вздрагивали. Осталось совсем немного, и гордый Рагдар отправится на горные склоны Огненных. Дальгард поднял голову и печально улыбнулся.

— Осталось немного, Рик, и ты вернешь себе то, что заслужил, — произнес он. Затем ненадолго задумался и поднялся на ноги. — Я слышал драконий рев. Будь осторожен: Давейн может поджидать тебя. Если хочешь, я перемещу вас с Гором сразу на ристалище.

— Нет. — Рик покачал головой. — Переходом возвращаются проигравшие.

— После тех испытаний, которые нам устроили, можно забыть о правилах, — недобро усмехнулся Дальгард, и Илейни понял, что лорд вернется, чтобы потребовать у короля ответа за все, что произошло на этих Играх.

— И все-таки плата за нарушение может быть слишком высока, — ответил Риктор. — Я не могу позволить себе вольность.

— Понимаю, — кивнул Дальгард. — Гор — сильный дракон, он легко справится с обратной дорогой... если не будет новых напастей. И все же, если передумаешь, ты знаешь, где меня искать.

Не дожидаясь ответа, лорд вернулся к своему дракону, казалось, сразу перестав замечать, что творится вокруг. Риктор поджал губы. Искушение было велико. Гор сильный, но измотан испытаниями, полет может стать для него непростым. Илейни кивнул спине Дальгарда и поспешил вверх — туда, где его ждал верный летун. Но чем выше он поднимался, тем медленней шел, останавливаясь и прислушиваясь у каждого выступа.

Наконец Илейни остановился, заново обернул ларец и забросил его за спину, скрепив концы плаща на груди. Теперь руки его были свободны, и мужчина вытянул из ножен меч предка. Крадучись, он приблизился к очередному выступу, перебрался через него и замер, услышав едва различимый шорох. Некоторое время ушло на то, чтобы дыхание успокоилось, и тогда он услышал хриплый вздох.

— Давейн, — позвал Риктор, прижимаясь спиной к скале и сжимая рукоять двумя руками. — Я слышу тебя.

За выступом выругались, и Гальтор вышел из своего укрытия. Он был изрядно потрепан, одежда оказалась разодрана в клочья, по лицу тянулся кровавый шрам от шипа камгала. Давейн сплюнул и посмотрел на противника.

— Я не пропущу тебя, — сказал он.

— Я не отступлюсь, — ответил Риктор.

— Тогда я тебя убью, — Гальтор сделал шаг к Риктору.

— Или я тебя, — пожал плечами Илейни.

Места для драки было ничтожно мало. Один неверный шаг — и Бездна раскрывала свои объятия противникам. И все же отступать было некуда. Или вперед, или вниз. Рик предпочитал вперед. Он отделился от скалы и приготовился отразить атаку. И Давейн бросился на Риктора. Звякнула сталь скрещенных мечей, нагрелся амулет Илейни, и Гальтор отлетел назад.

— К Бездне! Магия! — воскликнул он.

— Защита матушки, — ответил Рик. — Не глупи, Давейн. Ты знаешь, что мне нужна эта победа. Твои Игры еще впереди. Ты продержался до конца, твое падение будет забыто, а имя прославлено уже оттого, что ты прошел все испытания.

— Нет, — мотнул головой Гальтор, обнажая браслет подчинения.

— Это не действует на людей, — Илейни следил за тем, как Давейн поворачивает браслет на руке, и он загорается всполохом алого свечения.

— Ошибаешься, — криво усмехнулся Гальтор. — Я хорошо подготовился.

Браслет полыхнул, и смертоносная молния полетела в Риктора. Он выставил перед собой меч, и родовая сила поглотила магический выплеск, затем еще один и еще, а после Давейн снова взялся за клинок. Риктор отступал под натиском Гальтора. Меч Риктора Победителя отражал выпады меча Гальтора, ловил выплески, но вот Давейн ударил сразу магией и оружием. Илейни успел отразить выпад клинка, душа матушки прикрыла от магического удара. Но нога Рика неловко подвернулась, и он с силой приложился к каменной стене.

Рик вскрикнул, хватаясь за плечо, и Давейн ударил снова.

— К Бездне, — зарычал Риктор, чувствуя, как начинает слепить ярость.

Он уже приготовился к отчаянному броску вперед, но снизу донесся драконий рев. Голос Гора Илейни узнал бы среди рева тысячи драконов. Он бросил взгляд вниз и увидел, что его тот висит на каменной стене, цепляясь лапами за ее неровности, и смотрит на него.

— Рик, уходи! — крикнул Дальгард, появляясь за спиной Илейни.

— Нет, не отпущу! — прохрипел Давейн. — Победа моя!

— Не в этот раз, Гальтор, — ответил Риктор, убрал в ножны меч и прыгнул со скалы.

Гор сорвался с места, резко ушел вниз и поймал своего драконоправа. Рик упал на широкую спину, покрытую черной чешуей, перебрался в седло, и Гор взмыл вверх. Илейни увидел перекошенное лицо Давейна, заметил, как тот метнул алую вспышку вслед черному дракону. С ладоней Дальгарда сорвались потоки магии, рассеивая алую молнию и захватывая Гальтора в ловушку.

— Нет! — заревел тот, когда открылся переход, и Давейна унесло на ристалище.

Дальгард помахал Риктору и направился к площадке, где лежал изможденный и израненный дракон Давейна. Большого Илейни не успел увидеть: Гор взревел и рванул вперед из всех своих драконьих сил. Так быстро, кажется, он еще никогда не летал.

— Спокойней, мальчик, — крикнул ему Рик, но Гор ослушался.

Он мчался назад к берегу, желая оградить своего человека от новой беды. Гор-ин-Сианлэй хотел сохранить свою стаю, и готов был отдать за это жизнь. Земля, показавшаяся вдали, немного успокоила дракона. Гор снизил скорость, но перед берегом вновь ускорился. Для Рика земля слилась в цветные росчерки, он не мог различить ни людей, ни ристалища. Он не слышал людского шума, только свист ветра и победный рев дракона, который облетел вокруг замка на утесе и замедлился настолько, что люди узнали его.

— Гор! — единым порывом сорвалось из тысячи глоток. — Гор!

Дракон летел теперь низко, неспешно помахивая крыльями, давая людям на земле рассмотреть себя. Гул нарастал, достигая ристалища, но вместо радости победы лорд Илейни чувствовал полное опустошение. И когда Гор приземлился посреди арены и лег на брюхо, Риктор слез с него, освободил концы плаща и достал ларец. На мгновение притихшие трибуны взорвались яростными криками. Народ ликовал. Люди кричали, топали ногами,

неистовствовали, а лорд Риктор Илейни, последний представитель древнего рода, шел к ложе короля, сжимая в руках ларец с такой силой, словно хотел его раскрошить в пыль.

Король не стал ждать, когда он подойдет и опустится на колени — его величество уже бежал вниз. В лице его не было ни кровинки, губы дрожали, как и руки, которыми он сжал плечи победителя.

— Это не я, Рик! — выкрикнул король, тряся Илейни. — Слышишь? Я не готовил эти испытания! Это не я! Но я узнаю, кто посмел вмешаться, кто изменил Игры. Я узнаю, Рик, и он жестоко пожалеет, что сотворил такое!

Венценосец рывком прижал к себе благородного лорда. Ларец уперся королю острыми углами в живот, и Ледагард вспомнил о награде для победителя. Он отпрянул, забрал ларец, снял с шеи цепочку с ключом и открыл замок. Затем достал содержимое и отбросил ларец в сторону. На траву выпала диадема, но король даже не посмотрел на нее. В руках он держал свиток. После сломал печать, развернул и провозгласил:

— Лорд Риктор Илейни, потомок славного рода, некогда управлявшего прибрежными землями, признается законным наследником своих предков, и в его владение возвращаются земли, издревле принадлежавшие роду Илейни. Лорд Риктор признается защитником и хранителем побережья и наших морских границ. Лорд Илейни, опуститесь на колени.

Рик послушно исполнил повеление. Его величество махнул рукой, и к нему приблизился паж, держащий в руках подушку. Король взял с нее серебряный обруч, возложил его на голову Риктора и объявил:

— Лорд Риктор Илейни признан аниторном Побережья!

— Ваше величество, — тихо позвал паж и скосил глаза на диадему.

— Это награда для других победителей, — отмахнулся венценосец, но подумал и поднял диадему. — Ты получил главную награду, а это отдай, кому пожелаешь.

— Благодарю, — кивнул аниторн Илейни. Он встал на ноги, уже отвернулся, желая скорей вернуться в замок, но опомнился и склонился перед королем. — Прошу прощения и приглашаю на празднество в мой замок на утесе, ваше величество.

— Отдыхай, — отмахнулся король. — Я сам еще не в себе. Расследование уже началось. В замок прибуду с наступлением темноты.

Риктор снова поклонился и вернулся к Гору. Им предстоял путь до замка под крики ликования и поздравления, под градом белоснежных цветов ганадора, но, выдержав испытания, можно было потерпеть и людскую любовь.

— Держись, мальчик, — сказал Рик своему летуну. — Скоро мы отдохнем.

Гор вывернул голову и издал закономерное:

— Пф.

Глава 3

Ворота замка на утесе, распахнутые при появлении дракона и лорда, сидевшего на спине летуна с поднятой в приветственном жесте рукой, закрылись, как только Гор вошел в замковый двор. На господина обрушились крики ликования, но он лишь устало отмахнулся. Дракон лег на брюхо, давая человеку слезть с него, и люди испуганно затихли, глядя на разорванную окровавленную одежду лорда. В воцарившейся тишине Риктор повел Гора в драконник, не желая никому доверять заботу о своем летуне.

— Мы это сделали, мальчик, — негромко сказал мужчина, когда они остались одни,

скрытые стенами драконника. — Мы это сделали.

— Пф-ф-ф, — ответил Гор, ткнувшись носом в раскрытую ладонь Рика.

— Спасибо тебе, — мужчина обхватил голову летуна и прижался щекой к шершавому холодному лбу. — Рагдар погиб... Дальгард плакал. Это было тяжело... страшно. Не хочу потерять тебя. — Он замолчал, глядя в пространство пустым взглядом, но вскоре снова заговорил. — Ты моя семья, Гор. Мой единственный друг.

— Ар-р, — проворчал дракон. Он вывернулся из объятий человека, поднял лапу и опустил ее на плечо Рика, заставляя сесть. После этого укрыл своим крылом и глубоко вздохнул.

Риктор не спешил выпутываться из перепончатого укрытия, в которое его упрятал Гор.

Мужчина прижался к драконьему боку, подложив ладонь под щеку, и вскоре усталость взяла верх, и лорд Илейни задремал. Когда драконоводы осторожно вошли в драконник, боясь помешать господину, то застыли в изумлении, глядя на дракона, с которого еще не была снята упряжь. Один из мужчин хотел подойти, решив, что лорд изменил себе и ушел в свои покои, оставив летуна прислуге, но Гор, мирно посапывавший все это время, поднял голову, показал клыки и фыркнул, отгоняя драконовода.

— Ты что, Гор? — мужчина попятился назад. — Я же хочу помочь тебе. Расседлать, накормить.

— Ар-р, — заворчал дракон, нервно дернув хвостом. Затем осторожно поднял крыло, и трое драконоводов охнули, глядя на господина. — Ар.

— Я понял, — мужчина понизил голос. — Ты не хочешь, чтобы мы разбудили лорда Илейни.

— Пф, — подтвердил Гор, снова укрывая Риктора крылом и опуская свою голову на пол. — Пф.

— Порой мне кажется, что этот дракон наполовину человек, — пробормотал драконоправ. — Ему дар речи, и он бы жреца Огненных в мудрости за пояс заткнул.

— Ага, — согласился его товарищ, и мужчины поспешили покинуть драконник, чтобы рассказать о маленьком чуде, которое только что видели.

Один из них, выходя, споткнулся, пнул какую-то ржавую железяку, брошенную у входа, и та отлетела в угол, звонко ударившись о каменную стену. Драконовод вжал голову в плечи и испуганно обернулся. Гор поднял голову, глядя на него суженными глазами, из ноздрей его вырвалась струйка дыма, и недотепа-драконовод поспешил покинуть драконник. Однако этот шум разбудил лорда. Он охнул и выбрался из-под драконьева крыла.

— Прости, дружище, — покачал головой Рик. — Уснул, надо же... Сейчас я освобожу тебя от упряжи и накормлю. Прости, мальчик.

Дракон протяжно вздохнул. Он готов был потерпеть упряжь, седло, попону, лишь бы подольше его человек находился рядом. Гор знал, что сейчас он уйдет в свой большой дом и появится оттуда нескоро. А еще он понял, что скоро в замке будет много народа, и его человек будет занят гостями.

— Ты грустишь, — уверенно сказал лорд Илейни, останавливаясь перед мордой летуна. — Не хочешь, чтобы я уходил?

Гор посмотрел на человека, фыркнул и прижал к нему голову. Рик тут же сел на пол и улыбнулся:

— Я побуду с тобой, мальчик. И потом еще зайду, но я не могу не встретить короля. И не могу его встретить в крови и лохмотьях. К тому же я хочу узнать, кто сегодня пытался нас

убить. — Риктор пробежался кончиками пальцев по чешуйкам. — Я уверен, что в Игры вмешались из-за нас с тобой, точнее, из-за меня. — Дракон приоткрыл сожмуренный глаз и взглянул на лорда. — Сам подумай, мы впервые участвовали с тобой в Играх, и наша награда была не безделушка. Решалась судьба целого побережья. Похоже, кто-то очень не хотел, чтобы я возвращал себе земли моего рода. Значит, убить пытались нас. — Гор издал недовольный рев, шлепнув хвостом по полу. — Почему на Играх? Я знаю ответ, ни кинжал наемного убийцы, ни яд, ни стрела меня не возьмут. От всего этого меня охраняет матушкина душа. От авехендр и камгалов амулет бессилён... Бездна, Гор, кому-то я очень мешаю, и мешаю именно здесь, на Побережье. Этому кому-то не нужен аниторн Илейни. И все-таки мне непонятно очень многое, и я собираюсь во всем этом разобраться.

Гор нервно забил хвостом по полу.

— Не переживай, я буду осторожен, — улыбнулся Рик. — И я буду с тобой.

— Пфр, — хвост вытянулся, и дракон удовлетворенно прикрыл веки.

— Потерпи немного, дружище, — продолжал Риктор, поднимаясь на ноги и продолжая расстегивать ремни упряжи. — Сегодня отпразднуем, а послезавтра отправимся в наш горный замок. Нужно будет закончить там дела прежде, чем мы окончательно переберемся сюда.

Лорд Илейни снял седло, стянул попону и замер на несколько мгновений, о чем-то думая. Затем сходил за водой, взял скребок и принялся чистить дракона. Кормил он Гора тоже сам, предварительно проверив мясо, чтобы ничей злой умысел не коснулся его летуна. Тело болезненно ныло, одежда присохла к ранам, и теперь, когда лорд делал резкие движения, отрывалась вместе с коркой. Кровь вновь сочилась, пропитывая заскорузлые лохмотья, но Риктор не желал уходить, пока не позаботится о своем драконе.

Гор вдыхал запах свежей крови, недовольно ворчал и все норовил лизнуть, то предплечье, то бок, но мужчина грозил ему пальцем и продолжал мучить себя. Дракон злился. Глупый человек должен был заботиться о себе, должен был позвать того старика, который исцелял его. Гор не единожды был свидетелем, как старый маг-целитель выпускал свою силу, запах которой неизменно вызывал желание у дракона укунить целителя и попробовать на вкус, до того шел соблазнительный аромат от голубоватых выплесков. От других магов так не пахло, только целитель. Гор как-то даже лизнул старого мага, надеясь, что так сможет его распробовать, но кожа старика была на вкус кисловатой, отдавая, то ли плесенью, то ли старостью. Целитель тогда жутко перепугался, и Рик качал головой, укоряя Гора за его поведение. Дракон пофыркал, показал ябеде целителю зубы и гордо ушел в драконник.

Но все это было мелочью, главным было то, что после вкусной магии исчезал запах крови от ссадин лорда, раны затягивались, и человек снова был здоров. А сейчас он терзал себя, желая сначала позаботиться о нем, о Горе, который просто устал и хотел есть.

— Ар-рф, — наконец, не выдержал дракон, топнув передней лапой.

Рик выдохнул и оперся на чешуйчатый бок. Гор почувствовал неприятный запах болезни. Он зарычал громче, поднялся на лапы, вынуждая человека отойти от него, затем потянулся к нему и подтолкнул носом к двери. Илейни удивленно взглянул на дракона, но тот был неумолим, продолжая выталкивать человека из драконника. Затем лизнул одну из ран, следя за тем, как скривилось лицо Риктора, и снова подтолкнул его, продолжая ворчать, отчитывая за легкомыслие.

— Да позову я сейчас Расследа, позову! — возмущенно воскликнул Рик.

— Гр-р-р, — нарычал на него Гор, вытолкнул из ворот драконника и величаво направился в свой загон ужинать, не забыв фыркнуть на прощание.

— Тоже мне нянька, — проворчал Илейни. — Ругается еще.

Усмехнувшись, лорд вошел в двери замка, где уже всюду кипела суета, челядь готовила празднество. Заметив господина, слуги замерли и склонились в поклонах. Риктор кивнул и прошел мимо, но обернулся и велел:

— Расследа ко мне.

— Целитель уже ожидает в ваших покоях, — ответил один из слуг.

— Хорошо, — кивнул Илейни, собираясь продолжить подъем, но тот же слуга добавил:

— Он хотел идти к вам в драконник, чтобы исцелить раны немедленно, но побоялся Гора.

Лорд негромко рассмеялся, вспоминая, как дракон подкрадывался к старику Расследу, сохраняя на морде невинное выражение, будто говоря: «Меня здесь нет, я вам привиделся». Смысл облизывания мага Рик так и не понял, но Гор давно к нему присматривался, слишком пристально и плотоядно, чтобы не решиться все-таки подойти однажды. После того случая Гор предпочитал втягивать носом воздух издали, когда старик призывал свою силу, но уже не подходя. Однако целитель с тех пор бежит от дракона, как от огня, и быстрее откусит себе руку, чем приблизится к драконнику.

Продолжая усмехаться, Риктор поднялся к себе в покои, открыл дверь и почувствовал, насколько он разбит. Стянув с себя остатки доспехов, камзола и рубахи. Затем избавился от сапог, штанов и повалился на кушетку, крикнув:

— Расслед, где ты там? Я сейчас отправлюсь к Огненным, и ты себе никогда не простишь, что лишил Побережье его аниторна!

— Если бы аниторн больше заботился о себе, а не о своем драконе, то уже давно был бы здоров и забыл об Огненных, как привык это делать, — проворчал целитель, выходя из его спальни, где ждал господина.

— О Богах я помню всегда, — возразил Рик. — Я их почитаю, но встречаться не спешу.

— Однако спите под боком своего кровожадного чудовища, а не спешите ко мне, — укорил лорда маг.

— Гор не кровожадный, — покачал головой Илейни.

— Ну да, ну да, а почтенных людей сожрать пытается, — проворчал Расслед, осматривая тело господина. — Эти раны не от меча, — заметил целитель.

— Авехендры, — усмехнулся Рик. — Там еще где-то меня хлестнул щупальцами камгал. И есть рана, нанесенная магическим выплеском.

— Проклятые Виллианы! — воскликнул целитель. — Но как такое...

— Король уже начал расследование, — ответил Илейни, кривясь от боли. — Исцеляй меня, Рас, иначе точно сдохну.

— Такие, как вы, мой лорд, не дохнут, — усмехнулся маг. — Скорей, остальных в могилу сведете, будете жить со своим Гором и на пару жрать честных целителей. С вас станется.

Илейни отрыв рот, чтобы возмутиться, но Расслед накрыл его грудь сухенькими ладонями, и веки лорда дрогнули.

— Ваша болтовня меня отвлекает, — буркнул целитель. — Разбужу, как только закончу. Камгал... надо же...

Большого Рик не слышал, потому что провалился в сон, навеянный магом, а когда проснулся, от его ран не осталось и следа, почти не осталось. Илейни еще чувствовал

сильную слабость, у него болела голова и несколько рубцов на теле еще напоминали о ранах. На полу сидел Расслед, откинув голову на кушетку. Он держался за грудь, хрипло дыша и судорожно вздрагивая.

— Рас!

Рик опустился подле мага на колени. Он осторожно потряс целителя за плечо.

— Рас, что с тобой?

— Пустой, — сипло ответил старик. — Все выплеснул.

— Но зачем? — Риктор легко поднял мага на руки и уложил на кушетку. — Я найду целителя.

— Не надо, — Расслед открыл глаза и слабо улыбнулся. — Мне нужен мой настой и добрый сон, а потом много еды.

— Зачем ты опустошил себя? — Риктор накинул на себя халат и вышел из покоев, крикнув, чтобы принесли зеленую бутылку, в которой целитель хранил настой только для себя. Об этом настое лорд знал, как и многие в замке.

Затем вернулся и сел подле мага, взяв его за руку. Пальцы старика дрогнули, ответив слабым пожатием.

— Зачем, Рас? — тихо повторил свой вопрос Илейни.

Расслед открыл глаза, окинул господина мутноватым взглядом.

— Потому что ты умирал, сынок, — устало ответил он, переходя на простое обращение. — Камгал отравил тебя, в их шипах яд. Мне пришлось терять время и искать в своих книгах все, что есть по этим древним существам, чтобы понять, как вернуть тебя. Если бы не амулет твоей матери, Гор принес бы в замок мертвеца. Матушка опять спасла тебя. А теперь дай мне полежать спокойно.

Послушно кивнув, Риктор отошел от старика. В это время открылась дверь, и слуга принес пузырек со снадобьем. Лорд открыл бутылочку, бережно приподнял старика, помогая ему сделать глоток.

— Теперь я буду спать... долго, — зевнув, пробормотал маг и затих.

Риктор с тревогой осмотрел его, но успокоился, как только приложил ухо к груди и расслышал, как стучит сердце. Он отнес Расследа в его комнаты и вернулся к себе. Лорд прошел сразу в купальню, где его уже ждала глубокая лохань, наполненная горячей водой. С блаженным вздохом Риктор погрузился в нее, откинул назад голову и закрыл глаза. Головная боль мешала расслабиться полностью, это раздражало.

Рик потер виски пальцами и улыбнулся, когда его руки накрыли прохладные ладони.

— Нэми, — прошептал мужчина.

— Да, мой господин, — ответила женщина, убирая руки лорда от его головы.

Ее пальчики ловко пробежались по скулам Риктора, добрались до висков, покружили и зарылись в волосы.

— М-м-м, — тихо простонал Рик, чувствуя, как отступает головная боль.

Женские ладони скользнули на плече, даруя напряженным мышцам легкость и отдых. Лорд открыл глаза и взглянул на Нэми. Женщина улыбнулась уголками губ, продолжая ласкающими движениями оглаживать и разминать его плечи. Прядь белых волос, скрепленных на затылке, упала вниз и теперь плавно покачивалась на воде, задевая мужское плечо. Риктор поднял руку, и капельки воды, стекающие с нее тихо, застучали по горячей водной поверхности, всколыхнувшейся от движения Риктора.

Он стянул с женских волос, удерживающую из заколку, жмурясь от удовольствия, когда

воздушный водопад белого шелка обрушился вниз, скользя по его лицу и плечам. Проследил, как волосы Нэми коснулись воды и негромко рассмеялся, когда услышал ее укоризненный вздох.

— Мой лорд развлекается, а у меня теперь мокрые волосы, — с улыбкой сказала женщина.

— И правда, — с притворной задумчивостью отозвался Риктор. — Волосы намокли, только волосы. Это неправильно.

Он развернулся, ухватил женщину за талию и затащил к себе. Вода выплеснулась на пол, оставляя на ней лужи. Нэми вскрикнула и уперлась в широкую грудь ладонями.

— Теперь я вся мокрая, — пожаловалась она.

— Да, теперь все так, как должно быть, — согласился Рик, рассматривая наложницу. — Нет, не так. Кое-что нужно исправить.

Мужчина встал на колени, развязал шнуровку и стянул с женщины платье, скинул его на пол, оставляя ее в сорочке. Тонкая белая ткань намокла и прилипла к телу, открывая все, что было скрыто от мужского взгляда еще несколько мгновений назад. Риктор отвел за спину наложницы ее волосы и отстранился, рассматривая ее. Его взгляд остановился на приоткрытых полных губах, с которых срывалось прерывистое дыхание, скользнул по острому подбородку, прошелся по шее и на мгновение задержался на ямочке между ключицами. Но вскоре вновь заскользил вниз, чтобы остановиться на груди, облепленной мокрой сорочкой. Рик сглотнул, глядя на темные ореолы с тугими горошинами, натянувшими влажную ткань.

— Встань, — приказал Риктор. В его голосе сейчас появилась хрипотца, заставившая женщину закусить губу, опустить длинные черные ресницы и рвано вздохнуть.

Она поднялась во весь рост. Сорочка прилипла к телу, открывая лорду каждую частичку женского тела. Жадный взгляд мужских глаз прошелся по плоскому животу, по темнеющему провалу пупка, спустился ниже, и на губах Риктора появилась улыбка, наполненная предвкушением — исподнего белья на Нэми не было. Сорочка, откровенно облепившая бедра, показала ему темный треугольник волос между бедрами, стыдливо сжатых ног.

Под откровенным изучающим взглядом господина женщина откинула голову назад, ее ладонь скользнула по бедру вверх, огладила живот и ненадолго задержалась на груди, коснувшись возбужденного наворачивания. Рик смотрел на то, как приоткрылись ее губ, и из груди вырвался тихий стон. Узкая ладонь поползла дальше, кончики пальцев прошли по шее, добрались до губ, и рука безвольно упала вниз, разбрызгивая воду. Капли попали Рикку на лицо, заставив его моргнуть и очнуться.

Он подался вперед, широкие мужские ладони легли на узкие бедра наложницы, сжали их на мгновение, а затем скользнули под воду, отыскивая подол сорочки. Забрались под него и теперь уверенно продвигались вверх. Риктор притянул к себе женщину, на мгновение взглянул вверх, поймал взгляд черных глаз и искушающе улыбнулся, приближая лицо к ее животу, скрытому мокрой тканью. Он коснулся губами темной впадинки пупка, приподнялся выше, прокладывая дорожку поцелуев, и чувствуя губами жар женского тела сквозь остывающую ткань сорочки.

Его ладони уже добрались до бедер, вновь чуть сжали их и скользнули на округлые ягодицы, поглаживая их. Рик снова отпрянул, усаживаясь удобнее. Одна его ладонь перебралась на живот, прошла по нему ласкающим движением и накрыла темный кустик мелких кучеряшек внизу живота Нэми. Большой палец спустился ниже, и женщина

застонала вновь, чуть раздвинув ноги. Риктор огладил влажный бугорок, наблюдая, как судорожно втянула живот его наложница, слушая ее стоны и загораясь все сильнее.

— Горячая моя, — прошептал Рик, целуя через мокрую ткань треугольник волос внизу упругого живота. Затем коснулся кончиком языка средоточия женского желания и рвано вздохнул сам, услышав, как протяжно вскрикнула Нэми.

Он вздернул ткань сорочки наверх и поставил ногу женщины на край лохани. Теперь она была ему открыта полностью. Хрипло выдохнув, Риктор обвел пальцем возбужденный бугорок, провел между нежными створками ее лона и проник внутрь, не сводя взгляда с лица Нэми и жадно ловя каждый оттенок того, что она чувствует. Затем присоединил второй палец к первому и задвигал ими. Женщина вновь вскрикнула и подалась к нему бедрами.

— Не мучай меня, — взмолилась Нэми.

И Риктор, ухватив ее за бедра, потянул вниз, усаживая на себя. Его затвердевшая плоть вошла в женское лоно, погружаясь в тугую сочную глубину.

— Ри-ик, — протяжно застонала женщина, и он поймал ее губы, не спеша двигаться дальше.

Он дразнил ее легкими касаниями языка, то лаская губы, то женский язык. Пальцы наложницы впились в плечи лорда, после нырнули ему в волосы, и поцелуй стал глубже, настойчивей, жарче. Риктор ловил обжигающее дыхание женщины, смешанное с ее стонами. Первой не выдержала Нэми. Она приподнялась и снова опустилась на твердый ствол, позволяя ему проникнуть в ее тело на всю длину.

Мужчина оторвался от ее губ, прочертил губами дорожку к подбородку, чуть прикусил его и скользнул на шею, подставленную для поцелуев. Затем спустился к груди и прикусил тугую возбужденную горошину соска через сорочку.

— Рик! — вскрикнула Нэми, вновь и вновь поднимаясь и опускаясь на его плоть. — Ри-ик...

Пальцы лорда сжались на бедрах женщины, почти причиняя боль, и ее движения стали резче и быстрее. Наложница откинула голову, дыша тяжело и рвано. Каждое новое движение его бедер навстречу женщине отзывалось новым вскриком. Она сжала в кулачках волосы любовника, продолжавшего терзать ее грудь, жадно насаживая себя на ствол, заполнивший ее до предела. Вода с шумным плеском падала на пол, послушная человеческой страсти, но этого уже не замечали ни мужчина, яростно вонзавшийся в женское лоно, ни женщина, стоявшая на краю пропасти. Мгновение, и она сорвалась вниз, оглашая купальню громкими стонами, в которых слышалось имя ее возлюбленного.

Риктор откинул голову на край лохани, лицо его исказилось сладкой судорогой, подступающего наслаждения, и он помчался вслед за своей женщиной, глухо застонав и изливаясь в ее лоно. Еще несколько мгновений он продолжал удерживать ее на себе, и Нэми, выдохнув, повалилась на грудь любовника, обжигая ее своим дыханием. Ладони Риктора поднялись вверх по спине наложницы, сжали ее голову, заставляя поднять лицо вверх, и он накрыл ее губы своими губами.

— Я так сильно люблю тебя, — прошептала Нэми, когда Рик выпустил ее из плена своих губ. — Если бы было нужно отдать свою жизнь за тебя, я бы не сомневалась ни мгновения.

Риктор прижал голову женщины к своей груди и прикрыл глаза, так и не нарушив молчания. Ее руки оплелись вокруг тела лорда, и Нэми затихла, приходя в себя. Мужчина поглаживал наложницу по голове, но мысли его были далеко. Еще до Игр он думал, что

после победы будет торжествовать, отдыхая и наслаждаясь приятными мгновениями, или... сразу улетит с Гором в горный замок, если проиграет. Но лорд Илейни даже помыслить не мог, что, получив вожделенный венец аниторна, он будет выискивать тайного врага и причины, по которым ему желали смерти.

Нэми подняла голову и заглянула в глаза господина. Тонко чувствующая его настроение, женщина сразу уловила, что он уже далеко от нее, несмотря на ласкавшую ее руку. Точно так же лорд мог сейчас гладить кошку, или собаку, или даже своего дракона. Наложница спрятала горечь и выскользнула из объятий Риктора, отметив, что его ладонь безвольно скользнула по ее спине и исчезла в воде.

— Я могу помочь тебе помыться, господин? — спросила Нэми, выбираясь из лохани.

С ее тела и сорочки быстрыми ручейками стекала на пол вода, уже обильно покрытый холодными лужами. Риктор поднял на нее отсутствующий взгляд, несколько мгновений смотрел, словно силился понять, что от него хочет женщина. Затем кивнул и снова погрузился в свои мысли. Нэми взяла в руки серебряный кувшинчик с мыльной водой, и тонкая струйка ароматной жирноватой жидкости янтарного цвета полилась на мускулистые широкие плечи лорда, так и не вырвав его из размышлений. Женская ладонь скользила по плечам, по груди господина, не столько моя, сколько лаская.

Риктор наклонился чуть вперед, подставляя спину. Он машинально поднялся на ноги, открывая свое тело наложнице. Ее ладонь сползла по плоскому животу лорда, опустилась на мужское естество, мягко сжала его и сдвинула плоть, вновь пробуждая, но Рик накрыл руку любовницы ладонью и отрицательно покачал головой.

— Ночью, — коротко сказал он и вновь погрузился в воду, смывая мыло.

— Как скажет, мой господин, — покорно склонила голову Нэми.

Риктор посмотрел на женщину, отмечая опущенные вниз уголки ее губ, опущенные ресницы, скрывающие за покорностью ее печаль. Мужская рука протянулась к лицу наложницы, пальцы ласково прошли по скуле, очертили контур губ, чуть оттянув вниз нижнюю, и лорд коснулся уст Нэми коротким поцелуем.

— У меня уже нет времени на забавы, — мягко произнес он. — Переоденься и проверь, все ли готово к приему гостей.

— Как мне одеться? — спросила женщина.

— Не скромничай, — ответил Риктор. — Ты женщина аниторна, а не прислуга. Не чересчур не украшай себя, чтобы не выглядеть вызывающе.

— Понимаю, — улыбнулась Нэми. — Любовница, даже признанная не должна выглядеть богаче будущей супруги лорда.

Илейни поджал губы, вздохнул, устало глядя на наложницу. Затем махнул рукой, оставив ее иронию без ответа. Женщина склонила голову, надела на себя халат лорда и покинула купальню. Риктор выбрался из лохани, обтерся мягким, как пух, полотном и вернулся в свои покои, где его уже ждали одежды, приготовленные для празднеств. Бросив взгляд на пол, мужчина увидел следы узких маленьких стоп Нэми и снова вздохнул.

Порой он думал, что было бы лучше ее отпустить, даже предлагал, но наложница, купленная когда-то им из жалости у торговца из Снежных Земель, не пожелала свободы. Они оба знали, что однажды в замке появится настоящая хозяйка, и тогда наложнице не останется в нем места, но Нэми продляла агонию, отчаянно цепляясь за возможность быть рядом столько, сколько будет возможно. Она любила и страдала от того, что его чувства не стали глубже за те несколько лет, что хрупкая беловолосая девушка с черными глазами и

такими же черными ресницами, столь не свойственным блондинкам, сама скользнула к нему в спальню, нырнула под одеяло к спящему лорду и уже не покидала его опочивальни.

Нэми не искала благ, не ждала подарков, радуясь, как дитя, когда получала их. Она не стала заносчивой от того, что господин признал ее своей постоянной любовницей, которая, согласно законам, могла управлять слугами, встречать и развлекать гостей, ухаживать за своим возлюбленным, заботиться о его замке и хозяйстве. Женщина осталась такой же тихой и милой, как в начале их знакомства, ладя с челядью. Но Риктору иногда казалось, что ей все это неважно, и единственным ценным для нее оставалась только возможность быть рядом с ним. И было еще одно, что печалило женщину.

— Позволь мне зачать плод от чресл твоих, — просила она. — Оставь мне частичку себя.

Но признанная любовница была временной женщиной в жизни лорда. Она могла заботиться о своем господине и возлюбленном, могла управлять его замком и людьми, могла согревать ложе, но не могла зачать и родить ребенка, это тоже велел закон. Лорд, приведя в замок супругу, мог купить дом своей временной женщине, мог одарить ее богатыми подарками, даже выделить ей содержание, но его ничего не должно было связывать с любовницей, потому что с женитьбой заканчивалась власть простолюдинки, возведенной до положения госпожи. Детей лорду полагалось иметь законных, рожденных супругой. Бастарды же считались позором, становясь пятном для рода, смешавшего свою кровь с кровью простолюдинов. Потому, если и случались высокородные любовники и оставляли во чреве своих любовниц семя, дававшее всходы, отцами такие дети не признавались и их матери изгонялись, чтобы не опорочить благородное имя. Рикку не хотелось отказываться от своего дитя, и не хотелось, чтобы столько усилий по возвращению роду Илейни прежнего величия свелись на нет лишь одной слабостью, если он пойдет на поводу у своей наложницы. Потому Расслед не снимал печать бесплодия с Нэми, во избежание ненужных осложнений.

Стук в дверь вывел Риктора из невеселых размышлений. Он уже оделся, не прибегая к помощи прислуги, использовал очередную магическую безделушку, чтобы его волосы высохли и легли на плечи мягкими волнами.

— Можно, — произнес он, и дверь открылась, впуская в покои слугу.

— Мой лорд, прибыли первые гости, — доложил мужчина.

— Нэми успела спуститься? — спросил Илейни.

— Нет, — покачал головой слуга.

— Иду, — Рик бросил на себя последний взгляд в зеркало и направился к дверям.

Лорд Илейни покинул свои покои и направился вниз. Он окидывал придирчивым взглядом стены, расцвеченные разноцветными магическими всполохами, сплетавшихся в причудливые подвижные картины. Оглядел прислугу, одетую в праздничную одежду родовых цветов Илейни. Риктор одобрительно кивнул управляющему, подчинявшемуся Нэми, и мужчина расплылся в улыбке.

Впрочем, лорд был спокоен, наложница еще ни разу не подводила его, вкладывая душу в любое действие, если оно касалось ее высокородного возлюбленного. Все остальное казалось женщине несущественной мелочью. Иногда Риктор думал, что дай Нэми волю, и она бы провозгласила своего господина королем и единственным повелителем. Любовь такой силы

льстила мужчине, но и угнетала сознанием, что ему нечем ответить наложнице, кроме страсти и верности. С тех пор, как Нэми стала его любовницей, других женщин в жизни лорда не было. Наложницы оказалось более, чем достаточно. Неутомимая, горячая, жадная до наслаждений, она отвечала всем желаниям возлюбленного без оговорок и жалоб, получая не меньше удовольствия, чем он.

Первых гостей Риктор нашел в малой пиршественной зале, где играли музыканты, прислуга разносила вино, и приглашенный маг устроил небольшое представление. Заметив хозяина замка, двое мужчин и две женщины поднялись со своих мест, почтительно склоняя головы.

— Лорд — аниторн, — восторженно прошелестела молодая особа.

Рик усмехнулся про себя, понимая причину столь ранней явки. Лорд Вейни стремился первым показать неженатому властителю Побережья свою дочь, чтобы никто не мог отвлечь его внимания.

— Приветствую вас благородные лорды и прекрасные дамы в своем замке, — улыбка лорда Илейни вышла отстраненной и прохладной.

— Позвольте нам поздравить вас с победой, лорд-аниторн, — лорд Вейни снова склонился. — Лорейн.

Дочь лорда шагнула вперед, и Риктор вновь тихо усмехнулся. Конечно, поздравлять будет девица на выданье, хоть по этикету все дары передавались через прислугу, а хозяина поздравляли устно. Но ничего этого лорд-аниторн, разумеется, не сказал. Он склонил голову перед юной дамой. Лорейн была прелестна в своей наивной попытке быть соблазнительной. И пусть она наклонилась чуть ниже, чем предписывали правила, давая мужчине возможность заглянуть в вырез ее платья на небольшую упругую грудь, но на щеках девушки ярко пылал румянец смущения, вызывая на устах Илейни добродушную, но насмешливую ухмылку.

— Лорд-аниторн, — пролепетала Лорейн Вейни, — примите в дар от нас эту скромную вещицу. Безделушка, право...

— Лорейн сама выбирала, — поспешила вставить леди Вейни. — Ей так хотелось порадовать вас, сиятельный лорд-аниторн.

— Ах, матушка! — вспыхнула девица.

— Мне приятно получить дар из нежных рук столь очаровательной особы, — Риктор обольстительно улыбнулся, и щеки порозовели не только у Лорейн, но и у ее матушки.

Девушка передала мужчине маленький ларчик. Он открыл крышку и взглянул на булавку, тут же засиявшую яркими бликами. Украшение было сделано тонко и изыскано. Несмотря на слова о скромности, стояла булавка, как пара добрых чистокровных скакунов. Рик достал булавку, и амулет на его груди сразу потеплел, предостерегая лорда о наличии магических плетений в украшении.

Конечно, семейство Вейни не могло не позаботиться о том, чтобы их устремления не остались безответными. Приворотная магия, в этом Риктор практически не сомневался. На мгновение ему захотелось поиграть с ушлым лордом и его дочерью, но мужчина тут же отказался от этой затеи, не пожелав обижать очаровательную Лорейн, у которой уже пылали даже уши. Лихорадочный взгляд, предательски выдавший волнение, то и дело скользил по лицу аниторна Илейни и его и пальцам, сжавшим булавку.

— Прошу вас, милая Лорейн, — снова улыбнулся Риктор, протягивая девушке ее подарок.

Юная леди закусила губу, склонилась, опять показав ложбинку между грудей, взяла булавку и приколотла ее к камзолу лорда. Амулет стал почти горячим, но быстро остыл, поглотив магию. Душа матушки хорошо защищала своего сына. Риктор изломил бровь, иронично глядя на семейство Вейни, не сводивших с него жадных взглядов.

— Что-то не так? — вежливо поинтересовался аниторн.

— А-а-а, — растерянно протянула Лорейн.

За спиной послышалась легкая поступь Нэми. Она приблизилась к своему господину и его гостям, поклонилась им и взглянула на Илейни.

— Мой лорд, я задержалась, — произнесла наложница.

— Я не сержусь, — Рик улыбнулся ей, протянул руку и ласково пожал пальчики женщины под недоуменными взглядами лорда Вейни, его жены, сына и дочери, на чьем хорошеньком личике теперь ясно читалась досада. Чуда не произошло. Илейни усмехнулся и посмотрел в глаза Лорейн. — Не ругайте мага. Я защищен от магического внушения, и от приворотной магии в том числе.

Теперь кровь отлила от щек не только у девушки, но и у всех ее родственников. Нэми, услышав слова господина, гневно сверкнула глазами, но лицо ее осталось таким же невозмутимым, как и мгновение назад. Оставив гостей развлекать себя зрелищами, лорд-аниторн отправился встречать новых гостей. И вновь это была семья, где имелась девица на выданье. И вновь лорд получил «скромный» дар, заряженный на приворот. А вскоре таких даров стало столь много, что Риктор попросту велел Нэми принимать их от его имени. Женщина, поначалу пришедшая в раздражение, к пятнадцатой попытке приворожить ее господина отнеслась философски и перестала злиться на предприимчивые рода, желавшие породниться с самим аниторном Побережья.

Король прибыл в замок на утесе с наступлением темноты, когда каменные стены превратились в потрясающее по своей сути зрелище, сделав замок Илейни истинной обителью чуда. Казалось, что древняя твердыня парит над морем, а через мгновение башни стали гребнем огромнейшего дракона, величественно взмахнувшего крыльями и выпустившего из пасти ворох разноцветных искр.

— Рик, это просто невероятно! — воскликнул его величество, поднимаясь по ступеням навстречу лорду, вставшему на одно колено при появлении короля.

— В нашем мире нет ничего невероятного, — улыбнулся Илейни и сделал приглашающий жест в сторону залы, куда уже успели перебраться гости.

— О, нет, лорд-аниторн, — отрицательно покачал головой король. — Сначала мне хотелось бы поговорить с вами.

— Что-то известно о замене испытаний? — насторожился Риктор.

— И, да, и, нет, — уклончиво ответил его величество. — Где бы мы могли поговорить без помех и лишних ушей?

— Следуйте за мной, государь, — лорд Илейни шел первым, указывая направление.

Они миновали ярко-освещенную и богато украшенную часть замка, прошли по узкой лестнице, подсвеченной обычными факелами, и оказались в другом крыле замка, где царили темнота и затишье. После вычурности первой части замка, это крыло произвело впечатление изнанки богатой одежды, навевая неожиданную тоску и напоминая о тяжелом дне.

Риктор щелкнул пальцами, и в коридоре вспыхнул мягкий свет нескольких магических светильников. Затем открыл тяжелую резную дверь и пропустил короля вперед. Ледагард чуть склонил голову, кивнув Рикку, и направился к креслу с высокой спинкой, тут же удобно

устраиваясь в нем. Илейни замер напротив него, но король досадливо махнул рукой, и Риктор занял второе кресло. Он молчал, ожидая, что скажет Его Величество, но государь не спешил заговаривать. Он поставил локти на подлокотники, соединил кончики пальцев домиком и задумчиво смотрел перед собой.

— Как Дальгард? — первым нарушил молчание лорд-аниторн.

— Скорбит, — коротко ответил король.

— Давейн?

— Им заняты целители, — Ледагард посмотрел на своего аниторна. — Как только он придет в себя, ему будет предъявлено обвинение в нарушении правил, и род Давейн будет навсегда отстранен от участия в Драконьих Играх.

— Сурово, — отметил Рик. — Достаточно было бы устранить Гальтора на три года.

— Он использовал магию против человека, — жестко отчеканил король.

— Мы все стали жертвами злой воли, — отмахнулся Илейни. — Дальгард лишился летуна, Ноэля сожрали авехендры, я...

— Ты пострадал меньше всех, — отметил Ледагард, нацеливая на Рика палец.

— Да, — невозмутимо кивнул тот. — Меня спасли: Гор, Дальгард, амулет, замедливший действие яда камгала, и Расслед — мой целитель, не давший мне отправиться к Огненным.

— Ты был отравлен?! — воскликнул Его Величество.

— Меня зацепил камгал, уже все позади, — аниторн сжал пальцами подлокотники. — Давейн тоже попал под щупальца камгалов.

— Он был напичкан амулетами и оберегами, — ответил Ледагард. — Когда его выкинуло на ристалище, он уже лишился сознания, но все еще жив, все-таки магия удержала его от перехода за Черту. Впрочем, он все еще не пришел в себя. Остальные лорды, кому не удалось участвовать в смертельной гонке, возносят хвалу Огненным.

— Давейн уже достаточно наказан, — Риктор все же не удержался, вновь высказавшись в защиту соперника. Но вскоре поджал губы и посмотрел в окно, за которым парило крыло сияющего дракона, сотканного из плетений Силы. — Чем дольше я думаю, тем больше уверяюсь, что кому-то нужна была именно моя смерть. Остальные стали случайными жертвами.

— Те же выводы и у меня, — кивнул Ледагард. — И вот я хочу понять, что такого в тебе, что ради твоей смерти были подняты авехендры, камгалы и Черный Туман?

Илейни пожал плечами. Лично в нем не было ничего такого, что могло бы заставить кого-то использовать такие силы.

— Дело не во мне, — ответил, наконец, Рик. — Дело в Побережье. Что-то сокрыто в этой земле, но я не имею понятия, что здесь столь ценного, что можно рискнуть так сильно, чтобы перейти дорогу королю.

Ледагард вновь кивнул, соглашаясь со своим аниторном.

— Мои архивариусы уже поднимают самые древние свитки, чтобы отыскать известия о Побережье, — сказал король.

— Я займусь тем же в своем архиве в горном замке, — отозвался Илейни. — Удалось уловить след того, кто вмешался в подготовку испытаний?

Его Величество скривился, словно ему поднесли нечто чрезвычайно кислое, мотнул головой, и его пальцы сжались в кулак, ударивший по подлокотнику.

— Ни-че-го, — по слогам произнес он. — Но мои люди ищут. Не бывает преступлений

без следов. И их найдут, не сегодня, так завтра. А ты, — король посмотрел на Рика, переходя на более свободное обращение, — будь осторожен. Сомневаюсь, что твой враг остановится.

Лорд Илейни склонил голову, давая молчаливое обещание сохранять осторожность. Ледагард поднялся на ноги и улыбнулся с кажущейся беззаботностью:

— Ну, хватит о грустном! — воскликнул король. — Ты сегодня победитель, и я желаю выпить за твою победу. Она была тяжелой и достойна того, чтобы о ней сложили песни сладкоголосые менестрели. Идем же и нальем брюхо хмельным вином. Пусть сегодня не останется ни трезвых, ни целомудренных. Желаю веселья!

Они направились прочь из мрачного крыла туда, где играла веселая музыка, и были слышны громкие выкрики и залиvistый смех. Уже спускаясь по лестнице, король лукаво ухмыльнулся и спросил:

— Сколько раз тебя пытались сегодня окрутить коварные отцы и их ушлые дочери?

— Сбился со счета, — усмехнулся Рик.

Его Величество рассмеялся и хлопнул аниторна по плечу.

— Не поверишь, они и со мной порой пытаются проделать подобное, и плевать на королеву. Иные лорды считают, что смогут добиться королевских милостей через тело своих жен, сестер и дочерей. Прилюдная порка помогает мало, — он вздохнул и закончил уже серьезно. — А жениться тебе надо, Рик. У тебя замечательная наложница, но уже давно пора растить наследников.

— Как только найду подходящую девушку, государь, — уклончиво ответил Риктор.

— Ищи скорей, или я сам выберу тебе невесту, — более жестко произнес Ледагард.

Они прошли в сторону шумной залы. При виде их оживилась свита короля, оставленная почти на входе, низко склонилась челядь, вытянулись воины, замерла со склоненной головой Нэми, вышедшая из залы, и распорядитель готов уже был возвестить о прибытии Его Величества, когда высокие двери на входе замок распахнулись, и в них вошла высокая стройная женщина в красном платье. Женщина была молода и красива настолько, что дыхание перехватило почти у всех мужчин, увидевших ее. Она не шла, женщина, будто плыла над полом, соблазнительно покачивая бедрами. Черные волосы, украшенные сеткой из рубинов, спадали на плечи крупными витыми локонами. Большие глаза цвета сочной зелени, полускрытые длинными густыми ресницами, смотрели снисходительно и насмешливо, на пухлых чувственных губах играла полуулыбка, скорей ироничная, чем приветливая. От женщины веяло холодом, но от того она казалась еще более притягательной, вызывая желание завоевать, покорить, обладать.

Однако взгляд ее был устремлен исключительно на Риктора, даже король остался без внимания. Красавица приблизилась к лорду Илейни, небрежно поклонилась Его Величеству и застыла, глядя на лорда-аниторна все тем же насмешливым взглядом.

— Милости Огненных Богов, мой лорд — произнесла она бархатным голосом, в котором отчетливо были слышны мурлыкающие нотки, только вряд ли перед аниторном стояла ласковая кошка.

— Зачем явилась? — нелюбезно спросил Рик. Он был единственным, кто остался равнодушен к вызывающей красоте гостыи.

— Как же я могла упустить возможность поздравить вас, лорд-аниторн, — ответила она, не спуская чуть досадливого взгляда с лица лорда. — Позволишь обнять?

— Позволю исчезнуть, — ответил тот и развернулся к королю, жадно рассматривающему красавицу.

— Ты выгонишь одинокую женщину ночью, даже не дав ей куска хлеба и воды? — спросила она, глядя в спину Риктора.

— Я распоряжусь, чтобы тебе принесли хлеб и воду, — усмехнулся Илейни.

— Довольно! — с гневом воскликнула женщина, приближаясь к Рику вплотную. — Я останусь здесь, и ты не можешь отказать мне в возможности порадоваться за победу сына.

Илейни стремительно развернулся и сверкнул глазами, смеривая женщину ненавидящим взглядом. Он сделал к ней тот единственный шаг, еще разделявший их, подцепил пальцами за подбородок и задрал голову, заглядывая в глаза.

— Все не уймешься, Ингер? — спросил он, ледяным тоном.

— Я всего лишь хочу порадоваться за тебя, — почти прошипела женщина. — И ты не смеешь закрывать передо мной двери моего замка.

На короткое мгновение лицо Рика исказила гримаса отвращения, но она появилась и исчезла так быстро, что Ингер засомневалась, что видела пугающее выражение.

— Завтра я покину замок, — тихо произнесла женщина.

— Хорош-шо, — шипящим шепотом ответил Риктор и почти оттолкнул ее. — Вы можете остаться до завтрашнего дня... матушка, — последнее слово он выплюнул с гадливым выражением на лице, развернулся к королю и больше не замечал Ингер, на чьем лице мелькнуло довольное хищное выражение.

Она смотрела, как исчезает в зале, полной гостей король в сопровождении аниторна, как туда же устремляется свита, как уходит, оглядываясь, наложница лорда, леди продолжала криво улыбаться.

— Леди Илейни, — Ингер обернулась и посмотрела на женщину, остановившуюся у нее за плечом.

— Этой ночью я, наконец, заполучу упрямца, — произнесла леди.

— Но...

— Никаких но, — отчеканила Ингер. — Он мне нужен, и он будет моим.

Служанка вздохнула украдкой и последовала за госпожой, направившейся в свои покои.

Глава 4

— Господин! — Нэми тронула лорда за плечо.

Он обернулся к ней слишком резко, женщина отшатнулась. В его глазах застыла жгучая ярость, и сердце наложницы отозвалось на нее острой болью. Нэми приложила руку к груди, чтобы сдержать трепет. Она переживала, когда Риктор был таким, как сейчас. Чужим, далеким, с жесткой линией поджатых губ и колючим недобрым взглядом. Таким он оставался все время, пока в пиршественной зале находилась его мачеха. И даже сейчас, когда она ушла, лорд Илейни все еще продолжал злиться. Наложнице хотелось утешить возлюбленного, но он отвел ее руку.

— Завтра она уедет, — прошептала женщина.

— Проследи, чтобы гости не скучали, — велел Рик. — Я схожу к Гору.

— Но король...

— Развлекается, — криво усмехнулся аниторн, бросив взгляд на Ледагарда, поднимающего очередной кубок с одним из приглашенных лордов. — Скоро вернусь.

Нэми повернулась, глядя ему вслед. Женщина сжала кулачки, впиваясь ногтями себе в

ладони, и представила, как душит леди Илейни и выкидывает ее тело в море. Она на многое была готова ради господина, но Ингер оставалась для нее недостижимой, и хоть как-то помочь своему возлюбленному избавиться от нее наложница не могла.

Риктор незаметно покинул пиршественную залу, сбегал вниз по лестнице и стремительно покинул замок. На улице он закрыл глаза и подставил лицо ночному прохладному ветру. Где-то за стенами замка шумело море, постепенно успокаивая мужчину. Лорд снова открыл глаза и посмотрел на россыпь далеких звезд. В горах звезды казались ближе... Тряхнув волосами, лорд направился в драконник.

Уже подойдя к воротам, он почувствовал пристальный взгляд и обернулся. В одном из многочисленных окон горела одинокая свеча, выхватывая из темноты красивейшее лицо из всех, какие доводилось видеть аниторну. Самое ненавистное лицо из всех, кого Риктор знал — лицо его мачехи. Ингер отпрянула, оставив свечу гореть, словно маяк в черноте ночи. Илейни передернул плечами и вошел в ворота драконника.

До слуха лорда донеслось сопение дракона, и он улыбнулся, окончательно расслабляясь. Затем Рик услышал шорох, клцанье когтей по каменному полу, и Гор вышел ему навстречу, поблескивая в темноте желтыми глазами.

— Пф.

— Доброй ночи, мальчик, — улыбнулся Илейни. — Я совершенно здоров, можешь проверить.

Дракон, действительно приблизил к нему голову и обнюхал, шумно пыхтя и обдавая горячим дыханием. Удовлетворенный осмотром, Гор провел большим шершавым языком по шее и лицу мужчины. Он был рад, что его человек опять здоров, и гнилостный запах, встревоживший его, напомнив запах смерти, исчез. Смех мужчины заставил дракона фыркнуть. Гор отвернул морду в сторону, но стоило Риктору сделать еще один шаг, как великан повернулся и снова облизал его.

— Гор, хватит! — со смехом воскликнул Илейни, утирая влажное лицо.

Он сделал еще несколько шагов, но запнулся о подставленный хвост, и Гор уткнулся в человека мордой, продолжая облизывать его, щекоча языком и дыханием.

— Гор! Го-ор, — хохотал Рик, пытаясь увернуться от драконьего озорства. — Го... Гор-р-р, хва... хватит, Гор, ха-ха...

Дракон отступил только тогда, когда человек уже задыхался от смеха. Илейни сел и посмотрел на своего летуна, тяжело переводя дух.

— И что ты сделал? Мне теперь надо полностью переодеваться, — с легкой укоризной произнес аниторн, но улыбка продолжала играть на его устах.

Пренебрежительно фыркнув, Гор развернулся и снова свалил Рика хвостом, когда тот поднялся на ноги.

— Ну держись, Чешуйка, — угрожающе произнес строгий и серьезный лорд и бросился вслед за драконом.

Он догнал Гора, схватил его за хвост и с силой потянул. Черная громадина, способная свалить дерево ударом бронированного лба и не пошатнуться, закачалась, поддаваясь человеку, и бухнулась на обширный зад. Риктор взбежал по спине дракона, уселся почти на шее, крепко сжимая коленями. Он знал слабое место своего летуна, случайно обнаружил, когда надевал упряжь. И сейчас пальцы лорда запорхали у основания костяных наростов.

Дракон зафыркал, зашипел, высоко взметнул передние лапы, но Риктор удержался, продолжая щекотать Гора. Наконец, дракон не выдержал и завалился на пол, рискуя

придавить своей тушей хрупкого человека, но уже ученый лорд-аниторн успел перекатиться и снова бросился на пытящего великана, хохоча над фырканием Гора, по-собачьи дергающего задней лапой.

— Как же я люблю тебя, мальчик, — воскликнул мужчина, крепко обнимая драконью шею.

Гор приподнял крыло, и Рик перебрался под него, давая дракону скрыть его ото всех. Мужчина положил голову на драконью лапу, прижал ладонь к чешуйчатому боку и затих, слушая размеренные удары гигантского сердца. Гор изогнул шею, прижимаясь головой к макушке своего человека. Если бы он мог говорить, дракон бы ответил, что тоже любит Рика так сильно, как только может любить горячая душа летуна Огненных Богов. Но сказать он не мог, потому просто закрыл глаза и наслаждался недолгой близостью лорда.

На некоторое время в драконнике воцарилась тишина, нарушаемая лишь сопением дракона. Риктор лежал, прикрыв глаза, и старался ни о чем не думать, но молчание вернуло его мысли на прежний путь, и мужчина ожесточенно скрипнул зубами. Гор, легко улавливавший настроение человека, тут же встревожился, несильно шлепнув хвостом по полу.

— Она здесь, — глухо пояснил Рик. — Сука явилась на наш праздник. Пожри ее Виллианы... Впрочем, говорят, что своих они не едят. Бездна!

Гор снова шлепнул по полу хвостом, выражая негодование вместе с человеком, и Илейни тесней прижался к нему. Перед его внутренним взором встало красивое лицо в обрамлении черных волос. Рик мотнул головой, отгоняя это видение, но мысли его уже неслись в прошлое, на несколько лет назад, когда погиб лорд Октор Илейни — через полгода после своей второй свадьбы.

Отца тяготило одиночество, и Риктор знал об этом. Поэтому он не препятствовал и не отговаривал старшего лорда, неожиданно потерявшего голову от дочери обедневшего малоземельного дворянина. Когда младший лорд Илейни увидел ее, девушка показалась ему восхитительной. Было мгновение, когда он позавидовал отцу, но быстро опомнился и вел себя почтительно, ни словом, ни делом не показывая, что очарован юной мачехой. Отец ревновал, это Рик тоже видел. Рядом с молодым и полным сил сыном, старший лорд чувствовал себя развалиной. Из-за этого он вел себя зачастую неразумно, стараясь доказать себе и юной супруге, что ни в чем не уступает Рiku. А звуки, которые доносились из родительской спальни, давали ясно понять, что Октор всё еще и способен довести Ингер до исступления.

Пожалуй, то, что Октор привел новую жену в опочивальню, где делил ложе с матерью Риктора, стало первой причиной их размолвки с отцом. Но молодой человек быстро пришел к выводу, что невозможно судить отца за опочивальню, иначе стоит оскорбиться и за весь замок, где жила первая леди Илейни, за земли, по которым она ступала, и вообще за весь мир, в котором она жила. Это успокоило Рика, он извинился перед отцом, и Октор немного оттаял. Он тоже не терял времени даром и понял, что ссориться со своим единственным сыном и наследником из-за новой жены глупо. Мужчины помирились.

А потом старший лорд отбыл из замка по делам, и Ингер появилась в опочивальне Риктора... Хотя нет, все началось гораздо раньше. Череду случайных встреч на узкой лестнице, где невозможно было разойтись, не соприкоснувшись. Она на мгновение прижималась к своему пасынку, заглядывая в глаза. Являлась, когда он упражнялся с мечом, то поднося воду, то кусок полотна, вытирая пот с крепкого молодого тела. А как-то, когда он

пришел к водопаду, падающему в небольшое ледяное озеро, то нашел там Ингер. Она вышла из воды в сорочке, облепившей тело. Соски натянули тонкую ткань, приковывая к себе взгляд. Мачеха подняла тонкую руку, выдернула заколку, удерживавшую ее волосы собранными на макушке, и черный водопад обрушился на точеные плечи. Женщина закусилась полную губу и опустила ресницы, но стыдливого румянца не появилось, как не появилось и неловкости от случайной встречи, как не было попыток скрыть свою наготу, только еще больше подчеркнутую мокрой тканью. Тело Риктора отозвалось на эту встречу, налив твердостью его естество, но он развернулся и ушел, не желая притрагиваться к супруге своего отца.

В другой раз они поменялись местами. Илейни сильными гребками разбивал ледяную водную гладь, переплывая озеро с одного берега до другого. Он не опасался судорог или простуды: от этого тоже уберегал амулет. Остановившись, чтобы передохнуть, Риктор поднял глаза и увидел леди Илейни, стоящую у дерева, где лежала его одежда, и не сводящую с него взгляда. Заметив, что пасынок смотрит на нее, женщина исчезла за ближайшими кустами. Но стоило Риктору выйти из озера и подойти к одежде, как Ингер снова появилась. Она молча подала ему полотно и отвернулась. Лорд поджал губы и так же повернулся к ней спиной, смиряя свою плоть, ожившую от взгляда зеленых глаз. В то же мгновение ему на плечи опустились женские ладони, скользнули вниз и, огладив спину, сошлись на мускулистом мужском животе.

— Это лишнее, — хрипло произнес Рик.

— Мы одни, — ответила она, целуя спину молодого лорда.

Илейни оторвал от себя руки мачехи, обернул полотном бедра, скрывая, что ее старания достигли цели, подобрал одежду и покинул берег горного озера, исчезая в густом кустарнике.

— Рик! — позвала Ингер, но ответа так и не услышала.

В тот день Риктор ожесточенно вколачивал свое естество в тело временной любовницы — миленькой служанки, с готовностью отдавшей молодому господину, как только он выказал желание. Вряд ли это можно было назвать усладой. Возбуждение плотно смешалось со злостью, выливаясь в короткую и жесткую близость. Впрочем, девушка казалась довольной тем, как Риктор, ухватив ее за руку, затащил в первую попавшуюся дверь, нагнул и закинул юбки на голову, войдя резко, без всяких ласк.

— Господин так горяч, — кокетливо произнесла служанка, оправляя одежду.

Риктор коротко поцеловал ее и ушел к мечникам. Избавившись от желания, он хотел избавиться и от ярости, охватывающей его при мысли о молодой мачехе.

Рик начал избегать совместных трапез с отцом и его женой, старался чаще покидать замок и почти все время проводил с Гором. Лорд Октор поначалу удивился переменам в поведении сына, а после махнул рукой, отдавшись своей слепой страсти.

А потом был отъезд отца и появление Ингер в опочивальне младшего лорда Илейни. Рик проснулся оттого, что по его телу блуждают руки, бесстыдно исследуя его. Перехватив ладонь, сжавшую его естество, уже ожившее и налившееся желанием, мужчина опрокинул на ложе женщину, осмелившуюся будить его столь откровенно. В темноте он не увидел лица и лишь голос, простилавший его имя, когда он оторвался от женских губ, подсказал, кто оказался прижат его телом к кровати.

Риктор порывисто поднялся на ноги, ухватил за руку Ингер и стащил ее со своего ложа. Желание наполняло его кровь, но ярость оказалась сильнее. Он, вытащив упирающуюся

мачеху прочь из своих покоев, захлопнул перед ее носом дверь. Ингер еще какое-то время уговаривала его, бросалась на двери, и, наконец, начала угрожать.

— Если ты непустишь меня, я скажу Октуру, что ты взял меня силой, — успокоившись, сказала женщина. — Рик, любить и ненавидеть я могу одинаково сильно. Подумай хорошенько, кого ты хочешь видеть во мне: пылкую возлюбленную или врага, готового тебя уничтожить?

Риктор открыл дверь, но не дал ей войти. Вышел сам и, ухватив Ингер за горло, припечатал ее к стене, разглядывая сквозь сумрак ночного замка ледяным презрительным взглядом.

— Однажды отец поймет, что взял в жены шлюху, — сказал он. — Но узнает об этом, найдя тебя не в моей постели.

— Ты мне нужен, Рик, — прохрипела женщина.

— Ты мне — нет, — ответил молодой лорд, отшвырнул мачеху прочь от своих дверей и вернулся в опочивальню.

— Значит, враги! — выкрикнула Ингер.

Лорд Риктор Илейни не оценил силу страсти, которую может внушить молодая и горячая жена своему стареющему мужу. Лорд Октор ворвался в драконник, где находился в это время сын. Его лицо было белым от переполняющей старшего лорда ярости. Глаза пылали гневом, и отец впервые ударил горячо любимого сына, обвинив его в вероломстве и насилии над мачехой. Ее слезы и следы от пальцев Риктора, оставшиеся на нежной коже, были доказательством слов Ингер.

Гор заревел, оскалившись на мужчину, который посмел напасть на его человека. Дракон чувствовал боль и злость Риктора, и эти чувства будоражили его, наполняя ответной злостью. Но Рик остановил своего летуна. Он молчал, слушая крики и обвинения отца. Октор не пожелал услышать то, что отвечал ему Риктор, и молодой лорд сомкнул уста, сказав лишь одно, когда старший Илейни выдохся:

— Мы сходим к Оракулу, отец. Ты, я и твоя... жена, — отныне назвать Ингер этим благородным словом стало сложно. — Пусть он рассудит, кто прав, а кто лжет.

— И после этого ты убереешься из моего замка. Отныне у меня нет сына, — ответил отец и покинул драконник.

Стоило Октуру уйти, как Гор ткнулся носом в спину своего драконоправа. И когда Риктор, на чьих скулах бешено ходили желваки, обернулся, дракон прошествовал к месту, где лежала его упряжь, и ухватил зубами попону. Молодой Илейни кивнул, оседлал летуна, и Гор помчался над горами, заставляя ветер хлестать в лицо человека, вышибая из его головы дурные мысли и злобу. Ночь они провели под открытым небом, так и не вернувшись в замок.

Разрешение на посещение Оракула было получено через несколько дней, и тогда Ингер пожелала выехать на охоту, с которой отец вернулся мертвым, так и не успев помириться с сыном. Сколько ни бился Рик, но вину мачехи доказать не удалось. Она осталась жить в замке, пользуясь правом вдовы. И пусть Риктор получил все, чем владел отец, но изгнать леди Илейни он не смог.

Уверившись в своей безнаказанности, Ингер врывалась на половину, которую занимал ее пасынок. Она вынуждала прислугу заботиться о себе, выполняя ее прихоти, бросив при этом господина. Даже притащила мага, опутавшего драконника запирающей магией, оставив внутри Гора без еды и питья. Это стало пределом терпения лорда, положившему конец женскому самодурству. Если до этого, Риктор молча выкидывал ее прочь из своего крыла, не

обращал внимания на истерики и оскорбления, то выходку с драконником оставить без внимания не мог.

— Что ты хочешь? — спросил он женщину.

— Тебя, — последовал немедленный ответ.

Лорд Илейни кивнул и велел:

— Следуй за мной, ты получишь жаркие ласки.

Заинтригованная женщина последовала за пасынком. Они вышли во двор, и Ингер почувствовала неладное. Она попятилась к дверям, но Рик поймал ее, скрутил за спиной руки и подтащил к столбу для наказаний. Вскоре леди Илейни билась у столба, закованная в проржавевшие оковы. Лорд вытащил нож, вспорол ткань платья на спине мачехи и одним резким движением дорвал его, обнажив женщину по пояс.

Риктор постукивал кнутовищем по сапогу, рассматривая тело мачехи с холодным равнодушием.

— Нравлюсь? — яростно прошипела она.

— Обычная, — пожал плечами лорд Илейни. — Две груди спереди — странно.

— Что странно? — задыхаясь, спросила Ингер.

— Я думал, у тебя их шесть, как у Виллианов. Ну или хотя бы парочка на спине, хоть какое-то разнообразие. А так... Ничего особенного: шлюха, как шлюха.

Свистнул кнут — и спину мачехи расчертила красная полоса. Она вскрикнула, изогнувшись, но уйти от следующего хлесткого удара не получилось.

— Прекрати! — закричала Ингер.

— Нет, — мотнул головой мужчина. — Я только начал.

И третья полоса вздулась капельками крови. Хуже всего было то, что челядь собралась во дворе и с молчаливым удовлетворением следила за происходящим.

— Что ты хочешь?!

— Чтобы ты убралась отсюда и никогда более не напоминала о себе, — ответил Рик, замахиваясь для очередного удара.

— Я уеду!

— Соберите повозку для госпожи, — усмехнулся лорд Илейни. — Она покидает нас.

— Ты еще ответишь мне за все, — прошипела Ингер, когда повозка вывозила ее за ворота замка.

— Рискнешь вернуться? — изломил бровь Риктор в насмешливом удивлении, она промолчала...

И вот рискнула, спустя несколько лет. Лорд Илейни скрипнул зубами и сел, выпутываясь из-под защиты драконьего крыла. Гор поднял голову, внимательно следя за человеком. Он чувствовал черноту, разъедавшую мужчину, и дракону она не нравилась. Человек был светлым, его душа всегда оставалась открытой, а сейчас Гор чувствовал привкус горечи. Человек ненавидел и злился.

— Я знаю, что ей надо, — произнес Риктор, поворачиваясь к своему большому другу. — Появилась тогда, когда я добился своего и вернул роду Илейни его титул и земли. Даже любопытно, как она собирается все это повернуть. — Мужчина недобро усмехнулся. — Мразь. Ей придется убраться в то болото, из которого она выползла. Только Бездна способна породить такую тварь.

— Пф, — ответил дракон, приподнимаясь на передних лапах.

— Со мной все хорошо, мальчик, — улыбнулся Рик.

— Ар-рф.

— Я буду держаться от змеи подальше, не переживай. — Лорд шагнул к дракону, ласково провел ладонями по его голове и потерся щекой. — Я приду утром, и мы разомнемся, обещаю.

— Пф.

Риктор бросил на Гора еще один взгляд и направился обратно в замок, старательно давя в себе те чувства, что всколыхнуло в нем появление его мачехи. Хотелось уединиться вместе с Нэми и ощутить тепло и нежность, которые дарила ему эта женщина. Однако празднество было в самом разгаре, и хозяину замка не пристало покидать его, тем более, когда среди гостей присутствовал сам король.

Празднество шло и за пределами высоких каменных стен, но лорду не нужно было появляться среди ликующего народа, и это несомненно радовало. Рик бросил взгляд на окно, из которого выглядывала Ингер, но там уже было темно. Передернув плечами, мужчина направился в пиршественную залу.

Леди Илейни, незаметно наблюдавшая за возвращением Риктора из драконника, отошла от окна и села перед зеркалом, рассматривая свое отражение. Лунный свет подсвечивал женщине в спину. Ингер заметила, как лихорадочно блестят ее глаза и криво усмехнулась, почти со злостью припечатав к зеркальной глади ладонь, скрывая от себя отражение почти идеального лица.

— Вы играете с огнем, госпожа. — Вечная наперсница леди Илейни, служившая ей еще в отчем замке, стояла за ее спиной, глядя на Ингер спокойным усталым взглядом.

— Я не упущу возможности заполучить аниторна, — ответила леди Илейни.

— Его амулет...

— В этот раз я подготовлена лучше. — Ингер повернулась назад и посмотрела на служанку. — Почему ты пытаешься меня отговорить?

— Однажды лорд Риктор уже выставил вас из своего замка. Как бы история не повторилась.

— Тогда я была слишком юной и слишком глупой, — усмехнулась леди, снова поворачиваясь к своему отражению. — Я слишком сильно желала его, и это сделало меня уязвимой. Нужно было избавляться не от отца, а от сына. Родить Октору нового наследника, а потом уже убрать мужа. И тогда бы я стала полноценной и единоправной хозяйкой земель Илейни. — Ингер поднялась на ноги и откинула на спину волосы. На устах ее мелькнула хищная улыбка. — Зато теперь я могу проделать все это с Риктором, и мне достанутся не жалкие крохи, а целое Побережье. Жена аниторна — отлично звучит.

— Он никогда не женится на вас, госпожа. Лорд Илейни слишком сильно вас ненавидит. — Служанка отвела взгляд и посмотрела в окно на яркие звезды.

— Этой ночью я понесу от него, Садди. — Леди подошла к столику, на котором стояла шкатулка из черного дерева. Она откинула крышку и достала жемчужное ожерелье с черным камнем в оправе из белого золота. Любовно огладила камень и надела украшение. — Его обожаемая матушка не справится с силой моего амулета, Риктор не устоит. Он падет к моим ногам, а я, наконец, узнаю, как мой пасынок умеет сгорать от страсти.

— Моя госпожа! — Служанка повернулась к хозяйке. — Даже если лорд Илейни поддастся чарам, и ваше чрево наполнится его семенем и даст всходы, тот, другой, никогда вам не простит вероломства.

Ингер немного помрачнела, но тут же легкомысленно махнула рукой.

— Мне достаточно назвать его имя, и все будет кончено. Он выбрал своим врагом самого Ледагарда, и гнев короля будет ужасным. — Женщина мотнула головой, отчего черное облако ее волос опять рассыпалось по плечам. — Нет, я не боюсь. Передо мной открывается гораздо большее, чем участь любовницы.

— Вы предадите ЕГО?! — воскликнула Садди, против воли сжимая кулаки.

— До сих пор пускаешь на него слюни? — сузила глаза Ингер. — Запомни, глупая: такие, как он, умеют использовать, но никогда не научатся любить. Лучше выкинь из головы эту расчетливую и хладнокровную тварь и пожелай мне удачи. Если я выиграю свою награду, — рука леди скользнула на плоский живот, — мы заживем почти как королевы.

Она обернулась к служанке. Садди была бледна, губы ее дрожали, а кулаки все еще оставались сжаты. Однако, заметив, как пристально смотрит на нее госпожа, женщина расслабилась и отвернулась, скрывая от леди свои настоящие чувства. Ингер приблизилась к ней, обошла по кругу и сжала пальцами щеки, задирая голову служанки кверху.

— Думаешь, как бы предать меня, да, Садди? — шипящим шепотом спросила она. — Лучше забудь об этом, потому что я выпутаюсь, а ты нет. ОН тебя не спасет, а я не забуду. Услышала?

— Я верна вам, госпожа, — испуганно ответила женщина, глядя в зеленые глаза, наполненные гневом. — Вам ли не знать этого?

— Тогда сделай так, чтобы подстилка Риктора затерялась в переходах замка и не добралась до его опочивальни. — Ингер оттолкнула служанку и вернулась к зеркалу. — Если уберешь ее навечно, я горевать не буду.

— Слушаюсь, госпожа, — склонила голову Садди и направилась к двери.

Леди Илейни проводила ее взглядом через отражение, тряхнула волосами и снова погладила амулет. Сегодня она собиралась заполучить несговорчивого молодого лорда, чье новообретенное могущество казалось слишком лакомым куском, чтобы дать ему ускользнуть сквозь пальцы. Ингер окинула себя последним внимательным взглядом и осталась довольна. Полупрозрачные одежды только подчеркивали притягательность плавных изгибов женского тела. Жемчужное ожерелье оттеняло кожу и казалось туманной дымкой, сквозь которую поблескивал черный камень, завораживая таинственными переливами бликов. Ингер с трудом оторвала взгляд от камня, чувствуя, как жар предвкушения зажигает кровь, бежит по венам раскаленной лавой, наполняет влагой ее лоно.

— Ох, Бездна, — простонала женщина, зажав в ладони амулет, спеша скрыть его от собственных глаз. — Не стоит на него смотреть, иначе эту ночь я проведу, лаская саму себя.

О, не-ет, этой ночью леди Илейни собиралась ласкать крепкое мускулистое тело своего пасынка, насыщаясь им за все то время, что мечтала о молодом лорде, пока лежала в объятьях его отца. Сколько раз она представляла, что не Октор, а Рик берет ее, вонзая в лоно распаленное естество. Что это он, а не ее муж, терзает ее тело бесконечными ласками, слизывая с кожи капельки пота. И когда Октор засыпал, Ингер вновь и вновь переживала свои мечты, лаская себя под похрапывания супруга. И чем больше упрямец избегал ее, тем сильнее о нем мечтала юная мачеха.

Сколько раз она пробиралась ночью под дверь его покоев и слушала женские крики, доносящиеся до нее, слушала его протяжные хрипловатые стоны, почти до боли сжимая свою грудь с возбужденно торчащими сосками. А однажды осмелилась пробраться в покои, дошла до опочивальни и смотрела через приоткрытую дверь на упругие мужские ягодицы, ожесточеннодвигающиеся между широко разведенных женских ног. В свете свечи Ингер

увидела, как по позвоночнику Рика стекает капля пота, и едва удержала стон, чуть не выдавший ее присутствие. Она смотрела на мышцы, бугрящиеся на спине и руках, слышала его тяжелое дыхание и, казалось, ощущала пьянящий запах услады, заполнивший сам воздух опочивальни.

— Довольно! — прохрипела Ингер, заставляя себя вырваться из оков горьковатых воспоминаний. — Проклятый амулет.

Но распаленное воображение уже рисовало женщине член мужчины, которого она собиралась этой ночью заполучить в свои объятия. Леди Илейни вспомнила горное озеро и водопад, когда она любовалась Риктором, плывущим в ледяной воде. И потом, когда он вышел на берег... Ингер глухо застонала, думая о хрустальных ручейках, скользящих по рельефному телу, волосы, прилипшие к плечам, с них тоже капала вода. Как же хотелось поймать эти ручейки ртом, остановить их стремительный бег, насыщаясь вкусом смуглой кожи. Хотелось гладить его тело, царапать, выкрикивая в порыве страсти желанное имя. И до безумия хотелось взять в руки налитой упругий ствол мужского естества. Провести языком по контуру шелковистого навершия, пощекотать кончиком языка маленькое отверстие на вершине головки, слизывая тягучую пряную каплю его желания... А он желал ее! Великая Бездна, он хотел ее не меньше, но почему же так и не ответил на ее призывы? Вместо жарких объятий молодой лорд все больше наполнялся ядом презрения и ненависти. «Шлюха».

— И ты женишься на шлюхе. — Полные губы искривились в хищной усмешке.

Наконец, стряхнув с себя сладостное оцепенение, Ингер покинула свои комнаты, устремляясь к покоям лорда. Их местонахождение она прекрасно знала. Замок гремел, но внизу. Здесь не было ни души, и проход по полутемным галереям и переходам оказался пугающим и волнительным. Сердце женщины неожиданно пустилось вскачь, затем замерло и ухнуло в глубокую пропасть. Захотелось вернуться назад и оставить свою затею, довольствуясь прежними намерениями и договоренностями, надеясь, что прежний любовник сдержит свои клятвы.

— Ну уж нет! — Леди Илейни ожесточенно мотнула головой.

Ей хотелось освободиться от гнета, стать хозяйкой самой себе, иметь все, что просит душа. Это мог дать ей Рик, главное, чтобы все пошло так, как она задумала. И тогда бояться будет уже нечего и некого. Женщина была уверена, что она сможет соблазнить некогда желанного мужчину, получит его семя, и оно разовьется в ее чреве в наследника, которого Ингер вырастит так, как посчитает нужным. А Риктор... Она уберет его... потом, когда он закрепится на месте аниторна и женщина насытится им. Илейни увидит своего сына, возьмет его на руки — Ингер подарит ему это время, — а там и против его амулета найдется сила, способная помочь лорду соединиться со своими родителями. И пусть их всех пожрут Виллианы.

Перед покоями лорда Ингер застыла, прислушиваясь к тишине, затем выдохнула и вошла внутрь.

— Я жду тебя, будущий супруг, — прошептала она и скользнула в опочивальню, стараясь не думать, что здесь он придается утехам со своей подстилкой Нэми. — Я жду...

Риктор Илейни направлялся в свои покои, желая переодеться. Игры с Гором он любил, и шалости дракона всегда забавляли его, но сейчас обмусоленные одежды выглядели... менее праздничными. К его огорчению, переодеться сразу не удалось, встревоженная Нэми встретила господина, когда он вошел в замок. Пока разговаривал с ней, из пиршественной

залы выглянул его величество, все-таки заметивший отсутствие хозяина.

Отправив Нэми распорядиться насчет чистой одежды, Рик был вынужден вернуться в залу: хмельной король желал немедленно поднять кубок доброго вина за своего аниторна. Кубки поднимали снова и снова, пожелания и веселые выкрики неслись со всех сторон, не давая Илейни покинуть залу. Он улыбался, напряженно оглядывая гостей, но мачехи среди них не было, и Рику оставалось гадать, что она задумала и как осуществит свои намерения. В желание поздравить его Риктор не верил и верить не собирался. Слишком хорошо он изучил эту женщину.

Прогнать ее из замка взащей прилюдно мужчина не мог. На празднестве должен был изрядно выпить, значит, потерять внимание, позволяя гадине приблизиться. Однако хмель Рика не брал, да и выпил он за этот вечер не так много. Сознание лорда оставалось ясным, и доверия мачехе не прибавилось.

— Эта женщина тяготит тебя, — услышал Рик и повернулся к королю, смотрящему на него совершенно трезвым взглядом.

— Она меня бесит, — честно признался аниторн.

— Остальные ее желают, — усмехнулся Ледагард. — Признаться, и я бы задрал ей юбки разок-другой, но соседствовать с ней не желал бы. Опасная женщина: глаза холодные, взгляд неприятный.

— Если мой король пожелает, — встрепенулся Риктор, — она немедленно покинет замок.

— Я не против, Рик, но потом тебе не избежать разговоров в жестокосердии, а они тебе сейчас не нужны. Ликование народа пройдет, и они начнут присматриваться к тебе, отыскивать изъяны. Сейчас они рады, что возвращаются времена аниторна, но пройдет немного времени, и люди, не получившие того, что имели при твоих предках, начнут вспоминать королевского наместника. Так что не стоит давать им повод обвинить тебя в жестокости. Пусть змея проведет ночь под этой крышей и отбудет с миром, или же ославит себя. Тогда ты сможешь вновь убрать ее от себя подальше.

Лорд Илейни согласно кивнул, признавая правоту короля. Ему предстояло еще многому научиться, и Рик не собирался пренебрегать советами опытного правителя, каким был Ледагард. Однако оставался один вопрос, который аниторн хотел задать своему государю.

— Почему вы решили вернуть мне земли предков, если признаете, что почти самостоятельный аниторнат опасен для целостности королевства? Признаться, я не ожидал, что вы так легко согласитесь, ваше величество.

Ледагард отпил из кубка и усмехнулся.

— Не так уж и легко. Ты мог и не выиграть Игры. Я дал тебе возможность попытаться, но и право оставить в моем владении Побережье никто не забирал, — ответил король. — К тому же прежних свобод у тебя не будет. Ты остаешься наместником, носящим звание аниторна Побережья. Любое важное решение не может быть принято тобой единолично — все это прописано в грамоте, которую ты получил. Понимаю, что тебе пока было не до изучения. Все изменения, которые ты решишь внести в законы и уклад Побережья, будет сначала одобрено мной. Однако, кроме того, что я считаю род Илейни обвиненным в предательстве безосновательно и пожелал воздать тебе и твоим предкам по заслугам, есть еще одна причина. Последнее время на Побережье стало беспокойно. Думаю, ты это прекрасно знаешь. Предыдущие два года были непростыми, и люди начали шептаться, вспоминать прежние времена. Я дал им то, чего они хотели. Теперь ты докажи правоту или

опровергши их домыслы.

— То есть, государь, моя участь — стать живым доказательством того, что аниторн не всесилен, и только король может дать то, чего хочет народ? — усмехнулся Риктор. Ледагард подмигнул и отсалютовал ему кубком. Илейни посмотрел на свои руки, чувствуя, как в нем закипает гнев. Из него сделали жертвенную овцу, и даже не стали скрывать этого. Однако через мгновение на уста мужчины вернулась улыбка, отдав бесшабашностью и лукавством. — Хорошо, государь. Я попробую не оказаться на алтаре со вспоротым горлом.

— У-у-у, — скривился Его Величество. — Если не справишься, казнить и позорить я тебя не стану. Признаешь принародно, что я — отец своему народу, и вернешь мне Побережье. Но, заметь, я верю в то, что у тебя все получится. К тому же твой тайный враг стал и моим врагом, так что теперь мы заодно, и я не буду препятствовать тебе и еще больше усложнять жизнь.

— Это известие несколько приятней предыдущего, — усмехнулся Риктор, поднимаясь на ноги. — Вы позволите мне покинуть вас ненадолго? Хочу привести свою одежду в порядок.

Ледагард милостиво кивнул, и лорд-аниторн поспешил на выход из залы. Нэми так и не появилась. Впрочем, она могла пойти к кухарям, чтобы посмотреть, как они продолжают готовить блюда для гостей. Могла спуститься в винный погреб, могла пойти к челяди, чтобы удостовериться, что прислуга и воины накормлены и не забыты за праздными хлопотами. Сменная одежда должна была уже лежать в его покоях, и Риктор направился прямо туда.

Комнаты встретили мужчину тишиной и сумраком, который нарушал лишь свет толстых витых свеч, установленных в старинных канделябрах. Риктор скинул камзол еще на входе в покои, стянул через голову рубашку и прошел в умывальню, где вылил себе на голову холодную воду, оставленную в небольшом серебряном тазу. Тряхнув головой, он потянулся за полотном. Затем обтер шею и плечи, откинул мокрые волосы на спину и замер, ощутив кожей пристальный взгляд.

Обернувшись, мужчина встретился с потемневшим взором зеленых глаз мачехи. Грудь ее часто вздымалась, Ингер кусала губы, не сводя затуманенного взора с тела пасынка. Женщина была возбуждена до такой степени, что стон сорвался с ее губ только от взгляда на аниторна. Опять с его волос бежали ручейки, как когда-то, опять она отчаянно желала оказаться в его объятьях.

Однако взгляд лорда приковала не высокая грудь Ингер, не то, как она ласкала свои соски через тонкую полупрозрачную ткань. Риктор замороженно смотрел на переливы черного камня, не в силах отвести взгляда. Чернота притягивала его, пробуждая в крови неведомое доселе темное желание. Амулет на его груди нагрелся, обжигая, призывая очнуться, но сила мерцающего камня, подобного звездному небу, не желала отпускать.

Риктор облизал разом пересохшие губы и сделал первый шаг к Ингер, вновь застонавшей от предвкушения скорого удовлетворения ее похоти.

— Иди ко мне, — прошептала она, открывая ему объятия, и переливы черного камня вновь ослепили мужчину.

«Это неправильно! — кричал разум. — Ты не можешь желать эту женщину». «Остановись, ловушка», — предостерегал внутренний голос. Амулет матушки, казалось, прожигает его тело насквозь, но притяжение камня было столь сильным, что жар, опаливший тело лорда Илейни, растекся по венам, пробудив естество, налил его силой и желанием. Он перестал видеть лицо женщины, манившей его, все его устремления

сосредоточились лишь на том, что скрывалось между ее ног.

— Ри-и-ик... — Болезненный стон коснулся губ лорда, когда Ингер обняла его за шею и подставила уста для поцелуя.

Но он не поцеловал. Затрещали ее одежды, сорванные одним уверенным движением сильных рук. Мужские пальцы прошли по груди, задев затвердевшие соски. Женщина прогнулась, подставляя их для поцелуя, но зверь, пробужденный чуждой магией, не желал ласки. Ладони Рика скользнули по нежной коже, остановились на бедрах и вжали тело Ингер в мужское тело. Она вскрикнула, почувствовав твердость его члена, и опустилась на колени, спеша ощутить вкус возделенной плоти. Это желание нашло отклик у аниторна, и он позволил ей приспустить с его бедер штаны.

Леди Илейни мягко сжала возбужденный член ладонью. Ее полный восторга и обожания взгляд скользнул по налитому стволу, по головке, уже увлажнившейся от желания. Женщина склонилась и ласково поцеловала навершие мужского естества. Ладонь Рика легла на затылок мачехи, пальцы зарылись в волосы, сжимая их в кулаке, и мужчина насадил Ингер ртом на свое естество, заставляя заглотить его до основания. Он насиловал ее, упираясь головкой в горло. До рвотных спазмов, до слез из глаз, издавая довольное рычание, мало похожее на звуки, которые привлекали его мачеху, когда она подслушивала под дверью опочивальни молодого лорда.

Наконец, оторвав от себя задыхающуюся женщину, Риктор поднял ее на ноги и развернул к себе спиной, окончательно сорвал остатки одежды и надавил на спину, заставляя наклониться. Ингер вскрикнула, когда он ворвался в ее сочащееся от возбуждения лоно. Что бы ни сотворила черная магия, но ей нравилось происходящее. Женский крик наслаждения прокатился по покоям, смешиваясь с мужским рычанием. И когда лорд намотал на кулак волосы любовницы, заставляя ее прогнуться, и его зубы впились в белое округлое плечо, прокусывая нежную кожу до крови, мир вокруг Ингер взорвался бешеной вспышкой наслаждения.

Рик рывком развернул ее, снова ставя на колени, и выплеснулся на лицо. Капли белой тягучей жидкости попали на грудь, на волосы. Ингер слизала прямое мужское семя с губ, но в ее лоно не попало и капли. Она не получила ничего, о чем мечтала, но разочарования и досады не было. Женщина сходила с ума от желания вновь ощутить его мощные толчки внутри своего тела, почувствовать силу и власть Риктора Илейни.

— Еще, — потребовала женщина, задыхаясь, и подняла на любовника затуманенный страстью взгляд.

Амулет на ее груди переливался, поглощая силу человеческой похоти и вновь будоража кровь. Пальцы Ингер сомкнулись на обмякшем мужском естестве, и оно вновь налилось кровью, словно не было той бешеной страсти несколько мгновений назад. И вновь взгляд лорда был прикован к черному камню.

— Возьми меня, Рик, — взмолилась Ингер, вытягиваясь на полу и широко разведя ноги в стороны. Пальцы ее запорхали по напряженному влажному бугорку в основании половых губ. Женщина выгнулась и громко застонала, содрогнувшись от новой вспышки оргазма.

Аниторн смотрел на нее, исследуя жадным взглядом женское тело. Затем опустился между ног мачехи и прохрипел:

— Ненавижу.

— Но хочешь меня, — рассмеялась Ингер, приподняв бедра и потерявшись о мощный ствол.

— Ненавижу, — повторил Илейни и снова овладел ею, потому что не мог противиться странному незнакомому голоду, который не оставлял иных потребностей, кроме неутолимой похоти.

Ингер оплела бедра мужчины ногами, и он наполнил ее своей плотью, войдя на всю длину одним резким грубым движением. Брал жестко, рыча, как зверь. Кусал плечи женщины, ее губы, слизывал выступившую кровь и продолжал вколачиваться в извивающееся тело любовницы. Черты его лица исказились. Ярость и наслаждение переплелись в мужчине столь плотно, что Ингер на мгновение показалось, он убьет ее прямо сейчас. Но вот аниторн вошел в нее последний раз и закричал, изливаясь в лоно.

Задохнувшись от новой волны острого удовольствия, Ингер сорвала с шеи амулет. И как только оргазм схлынул, она почувствовала, как расслабляется пресыщенное тело и блаженно застонала. Риктор, еще нависающий над ней, моргнул, помотал головой, и лицо его исказилось брезгливой гримасой. Наваждение растаяло, оставив после себя холодное бешенство. Мужчина отпрянул в сторону и сузил глаза, удерживая себя в руках из последних сил.

— А ты боялся, — хрипло усмехнулась Ингер. — Бояться надо было мне. Ты настоящий зверь.

— Как? — выдохнул он, понимая, что сейчас не сдержится и удавит мачеху.

— Немного магии — и ты мой, — ответила она, садясь и опираясь спиной на стену. — Ах, да, сегодня ночь, когда я зачала от тебя... Еще немного магии. Можешь готовиться к свадьбе: я молчать не буду о том, кто отец.

— Зачатие? — повторил Рик, разом остывая. — Отец?

Ингер кивнула, широко улыбнувшись, но через пару мгновений лицо ее недоуменно вытянулось, потому что широкая улыбка появилась на лице Илейни.

— Отец... — повторил он и вдруг оглушительно расхохотался. — Ингер... дура... Я принял некоторые меры предосторожности, зная, как Нэми хочет от меня ребенка. И если ей бы взбрело в голову освободиться от своей печати бесплодия, то она ничего бы не добилась. На мне стоит такая же печать. Ее снимут только тогда, когда я женюсь. Я бесплоден! Отец...

И он вновь расхохотался, глядя на побледневшую мачеху.

— Наслаждайся, Ингер! Ты же хотела меня? Ты получила, но только меня. — Риктор смеялся издевательски, до слез и всхлипов, приводя женщину в ярость.

— Я скажу, что ты меня изнасиловал! — выкрикнула она.

— Опять?! — Рик на мгновение замолчал и снова расхохотался. — А я призову Оракула, и он откроет все, что скрыто на твоей гнилой душонке. Даже то, о чем ты сама не подозреваешь. Давай, иди, ври снова.

— С-скотина, — прошипела леди Илейни, вскакивая с пола. — Ты еще заплатишь! Ты за все заплатишь!

Она выбежала из умывальни, а затем и из покоев. Риктор замолчал, откинулся на стенку лохани и закрыл глаза. Омерзение было единственным чувством, которое он сейчас ощущал. Выругавшись, мужчина повернул голову и увидел жемчужное ожерелье, забытое Ингер в ее стремительном бегстве. Лорд потянулся, поднял украшение и некоторое время рассматривал потухший черный камень.

— Любопытно, — задумчиво произнес он. — Где она могла взять такую вещь? Нужно разобраться...

Поднявшись на ноги, Риктор взглянул на лохань, всегда полную горячей воды,

окончательно разоблачился и залез в воду, с остервенением смывая с себя следы нежеланной близости.

Глава 5

— Господин...

Риктор открыл глаза и обернулся, глядя на женщину, стоявшую перед ним на коленях. Служанка Ингер опустила голову, как только поймала холодный отстраненный взгляд, но через мгновение все же прошептала:

— Я не виновата. У меня не было выбора.

Лорд Илейни приблизился к женщине, подцепил ее подбородок двумя пальцами и задрал голову, вглядываясь в испуганные глаза. Он все еще не решил, что сделать с неожиданной пленницей. По щекам женщины скатились два ручейка слез, не тронув души мужчины. Жалости не было.

— Что ты с ней сделала? — глухо спросил Риктор и обернулся, глядя на Нэми, застывшую на кровати бледной тенью. — Опоила? Проклятье? Что это за чары?

Женщина всхлипнула и закрыла лицо руками.

— Я не знаю, господин, — пролепетала она. — Я только выполнила приказ госпожи...

Лорд стремительно обернулся к служанке. Глаза его сузились, и женщина, вновь осмелившаяся посмотреть на Илейни, сдавленно охнула.

— Не убивайте, господин! — вскрикнула она. — Я скажу все, что вы хотите знать, только не убивайте!

Рик кивнул и подошел к кровати. Нэми нашли ближе к утру. Наложница была бледна, но сумела позвать на помощь, когда слышала шаги. Она еще успела вымученно улыбнуться Рику, когда он принес ее в свои покои и уложил на кровать.

— Кто? — хрипло спросил мужчина.

— Ри-ик, — прошелестела женщина, так и не дав ответа.

Веки наложницы опустились, и с той минуты она в себя не приходила. Расслед все еще спал, и разбудить его не смогли, как ни старались. Его ученик и помощник беспомощно развел руки.

— Мне неизвестна эта магия, — таков был его ответ.

— Стало быть, не хворь? — спросил Рик, и молодой целитель уверенно кивнул.

Последние сомнения рассеялись в тоже мгновение. Впрочем, их не было изначально. Слишком уж удачно все сложилось. Визит леди Илейни, ее удача в соблазнении пасынка, обернувшаяся крахом надежд, и странная болезнь Нэми. Но требовалось нечто большее, чем подозрения. И пусть доказательств причастности Ингер к тому, что происходило с наложнице, не было, но чужеродная магия и амулет, лежавший в ларце лорд, указывали именно на мачеху.

— Мерзкая тварь, — с ненавистью произнес молодой лорд. — Удавлю суку.

Он сорвался с места, покинув покои. Замок уже почти затих, если можно назвать тишиной то, что сейчас происходило в опочивальнях после хмельного пира. Рик не слушал ни смеха, доносившегося из-за закрытых дверей, ни стонов, ни ругани. Он желал лишь одного, сжать горло Ингер и вытрясти из нее всю гниль. Но когда Илейни добрался до

покоев, занятых леди Илейни, ее уже не было. Она не пересекала ворот, однако в замке Ингер так и не нашли. Только ее служанка уговаривала стражу выпустить ее. Мачеха исчезла, использовав очередную магическую игрушку, ее след нашел замковый маг, служивший Рiku уже пятый год. Она убралась вскоре после того, как потерпела крах в своих чаяниях, бросив служанку. Ингер была в бешенстве, иначе не объяснить, как она могла забыть свою давнюю наперсницу, помогавшую госпоже во всех ее делишках.

Женщину схватили и привели к лорду, и гнев, рвавший душу мужчины, обрушился бы на служанку, но он смог удержаться и взять себя в руки. Пока смог. Но чем больше проходило времени, тем все тяжелей было сдерживаться. Рик знал, на что способна Садди. Еще в замке в горах эта женщина, верная, как пес, исполняла все, что ей приказывала Ингер, не страдая и не мучаясь угрызениями совести. Она была под стать своей госпоже, иначе бы мачеха не держала возле себя служанку столько времени.

— Рик, — стон был так слаб, что едва коснулся слуха лорда.

Мужчина, задумчиво смотревший на Садди, тут же повернулся к ложу. Глаза Нэми были открыты, но смотрела она в пустоту, не замечая, как Илейни приблизился и склонился над ней.

— Я здесь, Нэми, — сказал он ласково и присел рядом, переплетая пальцы с ледяными пальцами наложницы. — Как ты, милая?

— Рик, — снова прошелестела она. — Где ты? Рик...

Мужчина наклонился над лицом Нэми, взгляделся в потускневшие глаза, затем коснулся холодных губ, словно хотел согреть их дыханием, но наложница осталась безучастна, словно не почувствовала, что ее поцеловали.

— Нэми, — позвал ее Риктор. — Ты слышишь меня?

Она не ответила. Веки снова сомкнулись, и рука, выпущенная из мужской ладони, безвольно упала на кровать. На короткое мгновение Илейни показалось, что женщина не дышит, но хриплый вздох все же сорвался с бескровных губ, немного успокоив мужчину. Он вновь посмотрел на служанку Ингер и рывком поднялся с ложа. Она втянула голову в плечи, затравленно следя за лордом. Однако Рик сейчас прошел мимо нее. Он выглянул в коридор и спросил:

— Целителей привели?

— Еще нет, господин, — донесся ответ стражника, стоявшего недалеко от дверей покоев лорда.

— Пожри вас Виллианы! — зло воскликнул Рик. — Мне нужны лекари.

— В городе был праздник, господин, — ответил стражник. — Должно быть, ищут трезвых...

Но Илейни уже не слушал. Он захлопнул дверь и вернулся к ложу. Несколько мгновений смотрел на Нэми и, наконец, развернулся в сторону пленницы. Неспешно, даже лениво, мужчина приблизился к Садди и навис сверху, слепо глядя на нее.

— Господин...

Хлесткая пощечина откинула женщину на спину. Она вскрикнула и закрылась рукой, видя, как рука лорда вновь приближается к ней. Но он не ударил повторно. Схватив Садди за волосы, Рик рывком поднял ее, оставаясь глухим к ее новому вскрику.

— Что. Ты. С. Ней. Сделала? — отчеканил лорд-аниторн, равнодушно глядя на перекошенное лицо служанки.

— Я ничего, я только хотела ее задержать...

— Что за магию ты применила?

— Обычный аркан, чтобы удержать...

Новая пощечина прервала женщину.

— Лжешь, — Риктор склонил голову к плечу, и в глазах его зажегся огонек интереса. —

Скажешь правду?

— Я говорю правду!

— Не скажешь, — с ледяным удовлетворением отметил мужчина.

Он отошел от Садди, и она услышала, как звякнул металл вытаскиваемого из ножен кинжала.

— Что вы хотите делать, господин?! — женщина шарахнулась в сторону, но лорд метнулся ей наперерез и вновь ухватил за волосы, с силой дернув к себе. — Не надо!

Он швырнул Садди на пол и оседлал ее. Перехватив руки женщины, он придавил ее ладони коленями и на мгновение застыл, с прежним равнодушием рассматривая служанку.

— Говори, — глухо велел лорд.

— Я все сказал! Я...

Женщина замолчала, когда острое кинжала прижалось к ее виску. Она отчаянно зажмурилась, чувствуя, как холодное жало поползло к глазу, остановилось у внешнего уголка...

— Г... господин, — испуганно прошептала Садди. — Вы... вы же не такой, вы добрый...

— Не со всеми, Садди, — усмехнулся Рик. — Не со всеми. Например, твою госпожу я бы порезал на куски, не задумываясь. А ты так похожа на нее, Садди...

Острое скользнуло по щеке, спустилось к губам, и женщина поджала их. В широко распахнутых глазах плескалась паника. Она, не моргая, смотрела на лорда Илейни, не узнавая улыбчивого юношу, каким знала его, когда они с хозяйкой прибыли в замок Илейни. Сейчас перед Садди был холодный, равнодушный мужчина, в глазах которого не осталось ни капли прежнего тепла.

— Скажешь? — спросил Рик, и острое, коснулось подбородка женщины.

Она охнула, ощутив, как клинок разрезал кожу. Садди до крови искусала губы, борясь с желанием рассказать, но все еще молчала. Правда, не столько из верности госпоже, сколько от страха, что тогда он точно убьет ее.

— Са-а-адди, — позвал ее Рик. — Ты хочешь узнать, насколько я могу быть жесток с врагами?

— Я не враг вам, господин, — дрожащим голосом отозвалась женщина.

— Тогда Расскажи мне правду, Садди, и я оставлю тебе твою жизнь, или ты будешь умолять меня о смерти, — Илейни пристально следил за тем, как в женщине борется с собой.

— Я все рассказала, — прошептала она и вскрикнула, когда кинжал вспорол ткань платья на груди. — Вы хотите меня...

— О, нет, Садди, ты не вызываешь у меня желания обладать тобой, — усмехнулся Рик.

— Тогда зачем...

Ответом ей стал кинжал, прочертивший кровавую полосу на груди. Женщина закричала, но осталась не услышанной.

— Садди, ты помнишь, как выглядит герб Илейни? — равнодушно спросил Рик. — Там столько линий...

— Вы будете вырезать на мне свой герб, — с ужасом поняла Садди. — Не надо!

— Правду, Садди, правду.

— Но она всего лишь наложница! — давясь рыданиями, наконец, прорвавшимися наружу, вскричала служанка.

— Она моя женщина! — заорал ей в лицо Риктор. — Что ты с ней сделала, тварь?!

Садди стиснула зубы, лишь громко застонав, когда на ее груди пролегла новая кривая линия. Третий росчерк, четвертый, пятый...

— Ее не взял аркан! — закричала женщина, сотрясаясь от боли, страха и рыданий. — Не взял! Я не хотела! Не хотела, но она увидела меня, узнала! — Илейни убрал кинжал и теперь внимательно слушал. — Ваша наложница бросилась на меня. Такая тонкая и такая сильная, она вцепилась мне в горло, и я претворилась мертвой. Она поняла, что моя госпожа замыслила против вас недоброе, она хотела бежать к вам, даже позвала стражу... Я не могла ее отпустить!

— Что ты сделала, Садди? — хрипло спросил Риктор.

— Вы ее не спасете, господин, — прошептала женщина, вновь зажмурившись в ожидании, когда кинжал войдет ей в сердце.

— Что это за магия? — лорд слез с женского тела и уселся рядом, устало потеряв лицо. — Что ты использовала? Кто дал тебе это?

— Вы не спасете свою наложницу, — вновь повторила Садди. — Ее душа уже принадлежит Тьме. Я не знаю, что это за магия. Она древняя и темная. У меня был амулет, и я воспользовалась им...

— Кто дал его тебе?

— Госпожа, — живо ответила женщина.

— Кто дал его госпоже?

— Я не знаю...

— Лжешь! — и Рик вновь навис над женщиной. — Ты лжешь, Садди. Кто?! Если ты думаешь, что я просто убью тебя, то ты ошибаешься. Я ведь обещал тебе, что ты будешь молить меня о смерти, и я был с тобой честен. Кто?!!

Она закрыла лицо руками и замотала головой, отказываясь отвечать. Лорд Илейни стиснул зубы. Он боролся с собой, боролся с желанием удавить гадину, рыдавшую на полу в его покоях, пытался хоть немного успокоиться, чтобы очистить разум от пелены горя и гнева, испепелявшего его. Уже второй раз Ингер появлялась в его жизни, чтобы забрать самое ценное. Сначала отец, теперь Нэми. Хвала Огненным, до Гора ей не добраться. Хотя...

Риктор взглянул в сторону кровати, где хрипло и рвано дышала наложница. Затем подумал об ожерелье, которое пробудило похоть против воли, и сомнения стали совсем неприятными. На Нэми была защита от магии, очень хорошая защита, поэтому аркан, использованный Садди не сработал. Такая же защита стоит на драконнике. На самом Рике был амулет с душой матери, оберегавшей его не только от магии, но и от злого умысла. Даже яд древнего чудища он удержал, но сила амулета Ингер пробилась сквозь защиту. И то, от чего сейчас умирала наложница, ее защита тоже пропустила. Значит, дракон может быть в опасности. К Бездне! Игры...

— Ко мне! — заорал лорд.

Садди испуганно затихла, когда в покои вбежали стражники. Илейни поднялся с пола и указал на женщину.

— В пыточную. Заковать. — Затем повернулся к служанке. — У нас будет очень долгий разговор, Садди. Тебе будет очень больно, обещаю. Поэтому подумай, хочешь ли ты этой боли, и прими верное решение. Увести.

— Господин, но я ничего не знаю! Господин, будьте милосердны! — закричала женщина, как только ее подхватили под руки стражники и грубым рывком поставили на ноги.

Риктор тут же развернулся в ее сторону, подошел и, ухватив за подбородок, задрал голову вверх, глядя в глаза изучающим отстраненным взглядом.

— А ты была милосердна? — спросил он. — Когда ты достала свой амулет, чтобы убить невинную женщину? Ты была милосердна, Садди?

— У меня не было вы...

Пощечина прервала ее на полуслове.

— Тогда считай, что и у меня нет выхода, — мужчина отошел от служанки и, не глядя, махнул рукой. — Увести.

Не успели выйти стражи с узницей, как дверь в покои распахнулась, и Тодар — глава замковой стражи втолкнул низенького худосочного человечка в белой мантии, сейчас перепачканной в грязи. Человечек отчаянно крутил лысой головой, сжимал в пальцах медальон Гильдии магов Побережья и испуганно вопрошал:

— Да что вам нужно? Я глава Гильдии, как вы смеете?!

— Иди сюда, — поманил его Риктор.

Человечек, отпущенный Тодаром, закачался и упал бы, если бы глава стражи вновь не ухватил его. Маг был пьян. Лорд Илейни поморщился, осознав это, но иного выбора не было.

— Господин, мы подобрали его на площади, спал возле бочки с вином, — начал Тодар, но Риктор остановил его жестом.

— Снимите браслеты, — велел лорд Илейни.

— Мы надели, чтобы с пьяну не шарахнул, — пояснил глава стражи. — Он же говорить нормально начал только со страху.

— Сними браслеты и уходи, — отмахнулся Рик.

Маг, осознав, кто перед ним, округлил глаза и воскликнул:

— Лорд — аниторн! Эти недостойные...

— Ваше имя, — прервал его лорд.

— Тэдиус Родос, — маг попытался поклониться, но вновь качнулся.

— Мастер Родос, приведите себя в порядок и подойдите ко мне, — сухо отчеканил Риктор.

— Да, мой лорд, — склонил лысую голову глава Гильдии.

Он с неодобрением смотрел на Тодара, снимавшего браслеты, блокирующие магию, затем фыркнул и прикрыл глаза, а когда их открыл, от пьяной мути не осталось и следа. Рик отпустил главу своей стражи, но не успел тот сделать и двух шагов, как подскочил на месте, хватаясь за зад. На тонких губах Тэдиуса мелькнула злорадная ухмылочка. Он потер руки и твердой походкой направился к аниторну, покачивавшему головой на мстительную выходку мага.

— Чем могу служить моему лорду? — спросил мастер, склоняя голову.

— Вы знакомы с целительством? — спросил его Риктор.

— Я — глава Гильдии магов Побережья, лорд-аниторн, — несколько высокомерно отозвался маг.

— Тем лучше, — рассеянно кивнул лорд, не проникнувшись почтением. — За мной.

Он подвел мастера Родоса к ложу и указал на Нэми.

— Осмотрите ее и помогите, — велел Рик. — Все, что я знаю, это то, что был применен амулет с древней темной магией. Она не приходит в себя, а если приходит, то никого не видит и не слышит. Холодна, как лед... Бездна.

Голос Риктора сорвался. Он мотнул головой и отошел к креслу, давая магу заняться своим делом. Лорд Илейни некоторое время следил за мастером, затем его мысли вновь понеслись по прежнему руслу. Он складывал воедино амулеты «змеи» и ее прислужницы, вспоминал Игры, и то подозрение, что мелькнуло в голове, вновь вернулось. Авехендры, камгалы, туман... Побережье, таящееся в себе нечто такое, что давно забыто, а значит, следы опять уводят в древность. Камгалов, насколько помнил Рик, пробудить и поднять на поверхность не так-то просто, тому же такое количество. К Бездне, он думал, что этих тварей не осталось вовсе! А Авехендры? Они не живут большими стаями, по большому счету, эти крылатые твари предпочитают одиночество, не желая делить добычу. Но на драконов и их седоков напала несметная рать людоедок! У кого есть столько силы, чтобы собрать их, направить по следу игроков и наделить скоростью, превышающей обычную скорость полета авехендр? Туман... О подобном Рик и вовсе не слышал. От всего этого буквально разило древней магией, забытой Силой, которой, как говорили, управляли свергнутые Боги Бездны.

«Ее душа уже принадлежит Тьме...». Неужели один источник? Риктор мотнул головой. Нет, нельзя хвататься за подозрение, как единственно верную догадку. Нужно проверить. Амулеты амулетами. Они могли храниться в сокровищнице нынешнего любовника Ингер, могли быть украдены ею. Мало ли каким образом гадина заполучила амулеты. Но иметь касательство к тому, что произошло на Играх, ей не по силам, хотя бы потому, что она лживая шлюха и убийца, а не маг. И все же... И все же стоило не отказываться от своих подозрений. Как-то уж все случилось одновременно. Да, и принять меры по охране Гора.

— Мой лорд.

Риктор вскинул голову и тяжело посмотрел на мастера Родоса, словно не узнал его. Однако опомнился и поднялся на ноги, устремляя взгляд в сторону ложа. Затем повернулся к магу.

— Что?

— Мне нечем утешить вас, лорд-аниторн, — Тэдиус сцепил пальцы на впалом животе, скрытом грязным балахоном. — Женщина мертва не менее трех хоров, от того и хладность. Перед вами покойница, мой лорд.

— Что? — Рик оттолкнул мага и бросился к ложу. Грудь Нэми поднималась все такими же рваными вдохами. — Что за ерунда?! Она же дышит! Она звала меня не так давно. Мастер Родос, к Бездне глупые шутки! Какие к Виллианам три хора? Она живая!

Илейни стремительно обернулся к главе Гильдии магов, но на лице мужчины не было и тени улыбки. Он подошел к аниторну и пристально взглянул в глаза.

— Мой лорд, эта женщина мертва не менее трех хоров, — повторил мастер. — Должно быть, с того мгновения, как была применена сила амулета.

— Она остыла... Бездна. Ее кожа похолодела не так давно. Она даже сумела позвать на помощь...

— Значит, амулет поглотил ее жизнь не сразу, — упрямо качнул головой маг. — Мой лорд, у нее черные глаза...

— У нее всегда были черные глаза, — отмахнулся Рик.

— Такие? — мастер протиснулся мимо Илейни, склонился над Нэми и раздвинул ей пальцами веки.

Лорд устремил взгляд в лицо женщины. Он сдавленно охнул и склонился совсем низко, вглядываясь в непроглядную черноту белков, затопившую глаза наложницы полностью.

— Быть может, у нее были и раньше такие зубы? — теперь маг раздвинул губы Нэми, и Рик отшатнулся, глядя на некогда ровные жемчужные зубки. Половина теперь заострилась, немного удлинившись. — Ногти, мой лорд, присмотритесь, думаю, тоже заметите изменения.

— В кого превращается моя наложница? — глухо спросил лорд, продолжая рассматривать Нэми.

Маг потер переносицу.

— Мне сложно сказать, — наконец, заговорил он, немного растягивая слова. — Если возможно осмотреть женщину целиком... Возможно, есть еще изменения. Хвост, к примеру, крылья... Мне сложно сказать, пока я могу со всей уверенностью заявить, что она превращается в нежить. В очень опасную нежить, хочу заметить. Душа мертва, но тело живо. Значит, она не подвержена разложению, и обычные заклинания разрушения неживой материи к ней неприменимы.

— Она дышит, — потерянно прошептал Рик.

— Я же вам сказал, мой лорд, тело живо, но души вашей женщины здесь нет. Она мертва, и, когда закончатся изменения, она встанет. Хм... — Мастер потер подбородок, а через пару мгновений восторженно воскликнул. — Но это же восхитительно! Марионетка, которая не сгниет и не разложится. Уверен, она будет послушна воле создателя того амулета, который поглотил душу бедняжки. Я вижу нить привязки...

— Восхитительно?! — вскрик аниторна привел мага в себя. — Что вы видите восхитительного, мастер? Быть может, то, что молодая и цветущая женщина превращается в чудовище, потеряв свою чистую любящую душу? Что вас восхищает, мастер? Бездна! — Риктор вернулся к креслу и упал на него, закрыв лицо руками. Ему нужно было успокоиться, ему нужно было немного передышки... Лорд вдруг подался вперед. — Она звала меня, Тэдиус! Она искала меня!

Маг почесал лысую голову, присел на край ложа, благоразумно отодвинувшись подальше от женского тела. Затем приподнял подол, рассматривая ноги Нэми, поцокал языком и повернулся к лорду-анитору.

— Эх, забрать бы это с собой, — мечтательно произнес Тэдиус Родос. — Так вы же не позволите. Жаль-жаль. — Риктор нахмурился, и маг поспешил продолжить. — Вы говорите, она вас звала... Могу только предполагать, что привязка этой женщины к вам была довольно сильной, и душа пыталась вернуться, используя вас, как маяк. Все-таки смерть еще свежая. Повторюсь, это лишь предположения...

Риктор встрепенулся.

— Если смерть свежая и душа пыталась вернуться, так может, ее можно вернуть? Нэми, действительно, очень сильно меня любила. Быть может, мы сможем...

Мастер Родос откинулся назад и рассмеялся. Смех у него оказался скрипучим и раздражающим. К тому же, как любой ученый маг, мастера мало трогали человеческие страсти. Не то, что возможность исследовать еще неведомое ему. Рик не ожидал от него сочувствия, но смех вызвал новый взрыв ярости, и от удушения главу Гильдии магов спасло

лишь то, что женщина шевельнулась и села, слепо глядя перед собой жуткими черными глазами.

Маг слетел с кровати, закрывая собой лорда-аниторна. Он сплел пальцы и вытянул руки перед собой. Рик успел отметить краем сознания, что Тэдиус не зашептал заклинаний, значит, достаточно Силы, чтобы не использовать дополнительного воздействия. В следующее мгновение в женщину понеслась искрящаяся сеть, сотканная из выплеска, окутала ее, оплетая по рукам и ногам. Мастер развел руки в стороны, и ладонь правой повернулась плашмя. Нэми послушно легла. Кулак мага сжался, и она закрыла глаза.

— Не так уж и сложно, — усмехнулся Родос.

Он повернулся к лорду, глядя на него с заметным превосходством, и тут же отлетел в сторону, повинаясь руке Риктора. Нежить вновь сидела на кровати и скалилась в ухмылке. Ее голова повернулась в сторону аниторна, глядя на него пустыми черными глазами.

— Не может быть, — выдохнул маг. — Моя сеть на ней, но совершенно не сковывает движений. Ох, Бездна...

Покойница плавно поднялась на ноги, протягивая руки к лорду Илейни. Лицо ее вдруг страдальчески исказилось, и губы дрогнули, складываясь в короткое и знакомое:

— Рик.

— Нэми? — тихо выдохнул мужчина.

— Это не она, — воскликнул мастер Родос.

— Превращение еще не закончилось, — мотнул головой Риктор. — Ее зубы, они наполовину прежние. Быть может...

— Не может! — выкрикнул маг. — Души нет! Ее подняли раньше, потому что я увидел и сказал. Тот, кто создал амулет, он...

Женщина резко повернула голову в сторону Тэдиуса и оскалилась, прошипев:

— Слишком много слов, шарлатан.

— Он видит нас и слышит, — все-таки закончил мастер. — Через нее. Мой лорд, уходите.

Взметнулось облако белоснежных волос, и черноглазое существо метнулось к Илейни. Он увернулся. Рука легла на то место, где обычно висел меч, конечно, его там не было. Нэми вновь страдальчески скривилась и упала на колени, простирая руки к лорду.

— Рик, помоги мне, Рик, — простонала она. — Спаси.

— Это ложь, — тут же заговорил маг. — Настоящую Нэми не спасти. Телом управляют. Мой лорд, не давайте ей приблизиться к вам.

Тэдиус поднял раскрытую ладонь, словно хотел остановить женщину одним жестом. Она ползла к мужчинам, все так же протягивая руки и моля:

— Рик, спаси меня. Умоляю. Это же я твоя любящая Нэми. Ри-ик...

— А если душа смогла пробиться? — воскликнул Риктор. — Если это Нэми просит о помощи?

— Мой господин, это я, я! — надрывно закричала женщина. — Вспомни, Рик, как ты сегодня ласкал меня в купальне, вспомни! И про тот оберег, что я приготовила перед Играми, а ты не взял. Рик!

— Это Нэми, — уверенно произнес лорд и шагнул к женщине.

Родос выкрикнул короткое заклинание, и Илейни не смог пройти дальше, уткнувшись в невидимую стену. Рик нахмурился, осознав, что его амулет не сработал и не поглотил магию. И в этом мгновение он вспомнил: «Сын, матушка всегда будет оберегать тебя. Она

остановит нож, очистит твою кровь от яда и не позволит никакой магии причинить тебе вреда». Но сейчас амулет бездействовал, и незримая преграда все так же мешала пройти. Значит, матушка согласна с магом. Он защитил, она не стала мешать, понял Рик. И тогда Нэми...

— Рик! Почему ты веришь этому шарлатану?

— Но она назвала то, что было, — все еще пытаюсь верить в лучшее, воскликнул Илейни.

— Тело живо, память вашей Нэми сейчас в руках ее кукловода, — сердито ответил маг, начиная злиться из-за упрямства лорда.

— Мне была дорога эта женщина, — хрипло произнес Рик и отвернулся. Он сделал несколько шагов к своему мечу, но обернулся. — Мастер Родос, на Нэми стояла защита от магии, возможно, она мешает вам обездвижить тело.

Тэдиус отрицательно покачал головой, не оборачиваясь.

— Если защита и была, ее уничтожил амулет, убивший ее. Я был бы счастлив, если бы дело было только в защите, но... Не уверен, что смогу с ней справиться.

И, словно в подтверждение его слов, та, кто когда-то носил имя Нэми неспешно поднялась с колен, смерила мага взглядом исподлобья, и на ее губах появилась лукавая шаловливая улыбка. Женщина сделала нарочито медленный шаг. Губы Тэдиуса Родоса шевелились, но ни слова не доносилось до звука Рика. Маг творил колдовство, и мешать мастеру лорд не стал. Он вытянул свой меч из ножен, отбросил их в сторону и наклонился, поднимая кинжал, покрытый кровью Садди. Если одержимое тело не брала магия, то сталь стоило попробовать. И все же он еще надеялся. Исподволь, в глубине души, лорд Илейни надеялся на то, что Нэми можно вернуть.

Вот же она! Немного бледновата, но это не мертвенная бледность. Грудь вздымается от спокойного дыхания, уже без хрипов и судорожных всхлипов. К Бездне! Это его Нэми! Маленькая, нежная, заботливая Нэми. Хрупкий цветок, неожиданно вошедший в его жизнь и очаровавший не на один год. Женщина, из-за которой он не спешил жениться, которой был верен, несмотря на то, что она всего лишь наложница. Может в его сердце и не было любви, но в нем жила щемящая нежность к этой женщине, страсть, не угасшая даже на малую толику. Риктору хотелось заботиться о Нэми, хотелось оберегать, и когда-то именно это он ей и обещал, а теперь снесет голову?

Женщина приблизилась к невидимой грани, подняла руку и провела кончиками пальцев по призрачной стене, отгораживающей ее от мужчин. Воздух пошел рябью, словно Нэми коснулась водной глади. Она игриво ударила пальцем, и от него пошли круги. Женщина хихикнула и склонила голову к плечу, все так же лукаво глядя на мага. Затем сделала шаг, все так же нарочито медленно. Призрачная стена все еще колыхалась, потому ощущение, что женщина проходит сквозь тонкую пленку воды, было столь явным, что оба мужчины замерли, зачарованно глядя на нее.

— А вот и я, шарлатан, — мило улыбнулось черноглазое существо в женском облике.

— Боги, — выдохнул мастер, оборвав свое заклинание. — Невероятно!

— Не для истинного мастера, — неожиданно произнесла она мужским голосом и рассмеялась смехом Нэми, наполненным нежными переливами.

Надежда оставила Риктора, он, наконец, смирился, что, некогда дорогое ему тело, теперь принадлежит неведомому магу, извратившему и изменившему милую Нэми. Не к месту вспомнился последний раз, когда он держал женщину в своих объятьях, а затем образ

наложницы сменила Ингер, хохочущая на полу той же купальни, где Илейни в последний раз брал Нэми. Ярость и ненависть исказили благородные черты лорда. Он метнулся в сторону чудовища, наступавшего на мага.

Оно словно играло с мастером, давая ему выплести очередное заклинание, вскрикивала, хватаясь за сердце, и тут же раздражалось издевательским хохотом. Маленький Тэдиус отступал, пока не уперся спиной в стену. Нежить приблизилась к мужчине, склонила голову набок, насмешливо скалясь.

— Ты закончил? — спросило существо. — Тогда моя очередь.

Оно взметнуло руки с хищно скрюченными пальцами, готовые нанести удар. Мастер Родос зажмурился, но ничего не произошло. Он открыл глаза и увидел, как лорд Илейни, ухватив Нэми за белоснежные пряди, оттаскивает ее от мага.

— Рик! — закричала женщина. — Рик, это же я, Рик! Вспомни, как я любила тебя...

— Помню, — кивнул Риктор. — Я все помню.

И кинжал вошел в сердце Нэми. Аниторн провернул рукоять и только тогда выпустил из сжатых пальцев волосы. Боль утраты жгла грудь мужчины. Все его существо противилось тому, что он сделал, но разум холодно повторял — это уже не Нэми. Мотнув головой, Рик стиснул зубы и отошел от существа на несколько шагов, следя за тем, как из тела уходит подобие жизни.

Женщина растянулась на полу. Белоснежные волосы рассыпались вокруг головы, глаза закрылись, и бледность стала по-настоящему мертвенной. Только алое пятно на груди вокруг кинжала говорило, что тело жило еще мгновение назад. Маг по дуге обогнул нежить и бросился к Риктору.

— Б-б-благодарю, лорд-аниторн, — заикаясь, бормотал он. — Вы спасли меня. Мой лорд...

— Оно теперь мертво? — хмуро спросил Илейни.

Маг резво обернулся и накрыл ладонью лысину, словно это помогало ему лучше думать. Затем охнул и юркнул за лорда, заговорив шепотом:

— Отрежьте ей голову, мой лорд, отрежьте скорей. Вы убили тело, но, боюсь, не чудовище, завладевшее им.

— Какая мудрая мысль, — издевательски произнес неизвестный кукловод губами Нэми.

Тело, дернувшись, село и повернуло голову к двум мужчинам. Веки дрогнули, и на лорда с мастером Родосом посмотрели бельма слепца. Чернота полностью исчезла, как и плавность движений. Тело поскребло по полу затвердевшими ногтями и попыталось встать. Теперь и вовсе казалось, что им управляют, как марионеткой. Настолько рваными и неуверенными стали движения. Бескровные губы, растянулись в кривой ухмылке, обнажая зубы, почти полностью изменившие форму, и Илейни подумал, что жизнь из тела утекла так быстро, словно только и ждала освобождение. Теперь мертвец выглядел мертвецом, более не обманывая ложными признаками жизни.

— Разите, мой лорд! — воскликнул Тэдиус.

Рик, наконец, отмер и, вскинув меч, бросился на нежить, но, несмотря на дерганные движения куклы, чудовище увернулось и оказалось на ногах. Оно стояло, пьяно качаясь, и бессмысленно скалилось. Руки безвольно вытянулись вдоль тела, бельма устремили слепой взгляд на приближающегося лорда.

— Илейни, у тебя нет совести, — в мужском голосе появились капризные нотки. — Ты сломал мою игрушку. Гадкий лорд.

Лорд-аниторн остановился, подавляя ярость. Он вдруг понял, что имеет возможность поговорить с неведомым колдуном.

— Поговорим? — спросил Рик, ткнув острием меча в пол и навалившись на рукоять.

— О чем? — осторожно спросил колдун устами Нэми.

— Свое имя ты, конечно, не назовешь? — на всякий случай поинтересовался аниторн.

— Конечно, — голова женщины послушно кивнуло.

— Что за Силу ты используешь? — маг, стоявший за спиной лорда, тут же наострил уши, но Рик особо не рассчитывал на ответ.

— Я сам Сила, — заносчиво ответил кукловод.

— Ладно, можешь не отвечать на этот вопрос, — пожал плечами Илейни. — Я сам знаю.

Покойница качнулась вперед, но быстро остановилась, склоняя голову к правому плечу.

— И что же ты знаешь? — любопытствовал колдун.

Риктор загадочно усмехнулся. Он не знал, даже не догадывался, потому что подобного в его мире не было. И это подтвердил Тэдиус своими восклицаниями. «Вы ее не спасите, господин. Ее душа уже принадлежит Тьме...». Риктор едва сдержался, чтобы не охнуть. Неужели...

— Магия Тьмы. Ты используешь запрещенную еще в древности магию Бездны.

Нежить вскинулась, а через мгновение хрипло расхохоталась. Слишком фальшиво, чтобы обмануть наблюдательного Рика.

— Ты изменил состязания на Играх? — этот вопрос был сознательным. — Зачем? Что тебе нужно?

— Ой, сколько вопросов, — хмыкнул колдун. — Если такой умный, сам догадаешься.

— Или Ингер расскажет, — это и вовсе само слетело с языка, но Рик тут же понял, что сказал то, что нужно.

Смех оборвался, и теперь мертвые вновь пристально разглядывало лорда. Колдун молчал, словно ожидая продолжения. Рик молчал тоже, не желая подсказывать кукловоду ответы. Он думал о неожиданном открытии. Магия Бездны — легенда. Никто не помнил ее никто не обучал. Говорили, что когда-то темных, практикующих магию Бездны, уничтожали только за одно подозрение в ее использовании. Слишком безжалостная и необратимая Сила, связывающая колдуна с Виллианами. Сейчас считали, что такой Силы не существовало, и это все сказки, но похоже лорд, всего лишь предположив, попал в цель. Это уже хоть что-то...

— Так что там с Ингер? — лениво поинтересовался колдун.

— А? — Риктор оторвался от своих мыслей. — Ингер? Да ничего особенного. Она так хочет за меня замуж, что готова на многое. Например, воспользоваться амулетом, вызывающим голую похоть... — Нежить снова дернулась в сторону Рика. — С черным камешком...

— Вот тварь! — в сердцах выкрикнул кукловод. — Значит, моя игрушка... А я-то думаю, кто мне сделал такой подарок? Кто именно воспользовался амулетом? Ингер?

— Я тебе имя того, кто использовал амулет, ты мне причину твоего интереса к Побережью, — предложил Илейни.

Умертвие склонило голову, будто напряженно раздумывая, после подняло на Риктора пустые бельма и криво усмехнулось.

— Я уже знаю. Са-адди. Еще одна глупая тварь. Для сделки найди что-нибудь

поинтересней. — Колдун еще немного помолчал. — Я вынужден откланяться, меня ожидает интереснейшая беседа. — Покойница склонилась в шутовском поклоне. — Не буду вам мешать. Да, шарлатан, ты все равно против нее бессилен. Обращение продолжается. — Затем тело развернулось опять к Рику. — Держи, твое.

И умертвие бросилось в сторону Илейни. Он поднял меч, готовый

— Не подпускай ее к себе! — снова крикнул лорд Илейни. — Гор!

Дракон стоял, раскинув крылья, и глядел на тварь, стремительно ползущую в его сторону. Он поднял лапу, собираясь наступить на непонятное существо, но крик человека остановил Гора. Он принялся и отпрянул, шлепнув хвостом по полу. А потом дракон увидел, как тварь развернулась в сторону его человека, словно забыв о своих прежних намерениях. Гор заревел. Взгляд желтых глаз был устремлен на Рика. Хвост резко махнул в сторону, и мужчина понял своего летуна. Он опустил меч, которым готов был встретить нежить, и бросился в сторону, оставляя тварь наедине с драконом. Гор поднялся на задние лапы, трубно заревел, и с силой ударил по полу драконника передними, а через мгновение из его пасти вырвалось белое пламя.

Тварь завизжала. Сейчас ее голос был далек от голоса Нэми. Мерзкий визг на высокой ноте, от которого шарахнулся в сторону Гор, успев заметить, как падает на пол его человек, зажимая ладонями уши. Запах крови Рика ударил в нос, и дракон пришел в ярость. Он вновь выпустил струю пламени, наступая на тварь, корчившуюся на полу, и остановился лишь тогда, когда даже кости чудовища превратились в пепел. Дракон подошел ближе и фыркнул. Пепел взвился в воздух и, подхваченный сквозняком из распахнувшихся шире ворот, рассеялся.

Рик, пошатываясь поднялся на ноги, поглядел на окровавленные ладони. Помотал головой и поднял взгляд на дракона, приблизившегося к нему. Гор лизнул человека в лицо и подтолкнул к воротам, где стоял Тэдиус Родос.

— Да иду я, иду! — слишком громко произнес возмущенный Рик. — Мастер Родос, есть работенка. Я оглох, кажется, совсем.

Ответ мага лорд не услышал, но прочел по губам:

— Исправим.

Глава 6

Серый туман плыл над Изумрудной долиной. Туман называли вечным, потому что он никогда не рассеивался. Нет, сначала тумана не было. Была долина, где трава всегда оставалась свежей и зеленой, даже зимой, что и послужило причиной названия этого волшебного по своей красоте места. Изумрудный ковер трав пестрел множеством цветов, источавших пьянящий аромат. Особенно невероятным было зрелище, когда пестрое ароматное многоцветие взмывало в воздух, словно порыв ветра поднял к небу разом все лепестки с цветов. Но это были не цветы. Они оставались на положенных им местах, продолжая наполнять долину дурманом своего аромата. Тысячи бабочек, вспугнутые человеком, порхали в воздухе, лаская взором разноцветием своих легких крылышек. Поллюбоваться на невероятное зрелище приходили издалека, подолгу выжидая, пока бабочки рассядутся на цветах, чтобы после взмахнуть руками, поднимая в небо маленьких красавиц. Так было...

Но потом появился туман. Он заполнил Изумрудную долину сизыми клубами ранним утром, когда выпала роса. Сначала долина покрылась бисеринками водных капелек, затем появились первые солнечные лучи, и росинки начали испаряться, поднимаясь к небу тонкими струйками пара. Пар постепенно сгустился, посерел, и по земле пополз туман, наливавшийся тяжестью с каждым новым мгновением. И когда солнце поднялось к зениту, туман так и не развеялся. Ветер не разогнал серые клубы, маги, призванные хозяином Изумрудной долины, так же оказались бессильны. С тех пор Изумрудная долина превратилась в Долину вечного тумана, утратив свою красоту. Окрестные жители нарекли некогда прекраснейшее из мест — проклятым и ходить туда перестали.

Над загадкой и происхождением тумана бились многие ученые маги. Творили заклинания, чертили пентаграммы, покрывали тело рунами и заходили в самую сердцевину, но постичь загадку так никому и не удалось. Впрочем, вреда туман никому не приносил, люди в нем не гибли, никто не набрасывался на случайных путников из вязкого мрака. В конце концов, туман признали необъяснимым явлением, посчитав, что однажды развеется так же, как и появился — сам.

— Дураки, — произнес тогда мужчина, наблюдавший за исследователями со стены своего замка, скрытого клубами тумана. Быстро потеряв интерес к магам, хозяин Призрачного замка больше не обращал на них внимания.

Призрачный замок — чьи стены были сотканы из серой пелены, не принадлежали к магии того мира, в котором появился однажды. Его хозяина никто и никогда не видел, а если и видели, то вряд ли бы догадались, откуда взялся черноволосый лорд с серыми выразительными глазами, чьи хищные черты лица производили пугающее и притягательное впечатление сразу. Весь его облик дышал властью и силой. Стоило лишь раз взглянуть на него, чтобы пришло понимание — с ним лучше не связываться. Холодный непроницаемый взгляд, жесткая линия тонких губ, чьи уголки были чуть опущены вниз, обозначая презрение ко всем, кто его окружал. Лорд был высокомерен, это отражалось в его осанке, в гордо вздернутом остром подбородке, в жестах и язвительных, порой оскорбительных насмешках. И он был жесток, но об этом знали лишь те, кому довелось познакомиться с лордом близко. Злить его опасались, потому что гнев хозяина Призрачного замка был страшен, чаще всего смертелен для провинившегося.

А сейчас он был не просто зол. Взбешенный лорд вышагивал по переходам своего несуществующего замка, чеканя шаг. Губы его поджались в тонкую линию, взгляд и вовсе замораживал. Слуги, заметив господина, спешили исчезнуть с его пути. И пусть их жизнь давно прервалась, но даже мертвецы не желают умирать повторно. Потому что господин после возвращал их. Возрождение через боль, смерть через боль, и снова муки нового рождения. Они все прошли через это, и не желали испытать вновь.

Черноволосый лорд остановился перед высокими створами дверей, за которыми спряталась та, что вызвала гнев мужчины. Он всегда знал, когда она покидала замок, и когда возвращалась. Он знал о каждом обитателе тумана, потому что покинуть это обиталище можно было лишь использовав ключ, который был связан с лордом. Хозяин замка, как паук, был центром, раскинутой им паутины, нити которой сходились на нем одном. Потому для него не существовало тайн в его доме... до сегодняшнего дня.

— Великая Бездна, — прошипел лорд, дернув в сторону подбородком.

Мрачно усмехнувшись, он распахнул двери и вошел в покои своей любовницы. Оглядев пустую комнату, лорд предвкушающе улыбнулся и проникновенно позвал:

— И-инге-ер.

Призыв остался без ответа. Криво усмехнувшись, мужчина шагнул в покои. Она была здесь, это лорд знал так же точно, как и то, что Ингер Илейни сейчас трясется от страха. Запах страха он знал, и сейчас этот терпкий аромат наполнял покои. Но был еще один запах, который не понравился колдуну — запах похоти, чужой похоти.

— И-и-инге-ер, — недобро протянул лорд, — лучше покажись сама. Если тебя найду я, будет больней, даже не сомневайся, сладкая моя. Я выпью тебя досуха. Выходи.

Легкий шорох раздался слева. Мужчина не повернул головы, ожидая, решится провинившаяся любовница выйти, или же... Нет, шорох затих, она не решилась. Колдун усмехнулся, так даже интересней. Соппротивление, пусть и столь маленькое, всегда разжигало аппетит. Ингер это знала, но страх пересилил разум, нашептывавший, что ей дали возможность хоть на малую толику облегчить свою участь.

Лорд повернулся спиной к женщине, сделал несколько шагов в противоположную сторону от ее укрытия и снова остановился. На губах его играла почти мечтательная улыбка. Мужская рука поднялась раскрытой ладонью вниз, и с кончиков пальцев заструился серый туман. Тонкие струйки свернулись в жгут, образуя змеиное тело, формируя тупоносую голову с горящими алыми глазками. Змея открыла пасть, показав наличие острых зубов, и скользнула по широкой дуге к укрытию Ингер. Следом за ней сплелась вторая змея. Она поползла к женщине с другой стороны.

— У меня еще остались вопросы, — сказал он. — Они касаются твоей верности мне.

И вновь волна страха, паники и отчаяния. Ноздри лорда затрепетали, жадно втягивая пьянящую смесь упоительных ароматов. И сколько бы Ингер не пыталась совладать с собой и добавить в голос твердости, он продолжал предательски дрожать, когда женщина взмолилась:

— Пощади-и-и...

Колдун повернулся к ней спиной и направился к креслу. Ухватив его, мужчина потянул кресло за собой. Неприятный царапающий звук резанул по натянутым нервам Ингер. Она зажмурилась, стиснула зубы, стараясь не думать о том, что сейчас произойдет. Эрхольд остановился напротив своей жертвы, уселся в кресло, закинул ногу на ногу и устремил на женщину спокойный взгляд.

— Тебе было хорошо с ним? — спросил мужчина. Нет, ему не было интересно услышать ответ, ему вообще было безразлично, что чувствовала его любовница с другим мужчиной. Но он не терпел, когда его вещь попадала в чужие руки. И уж тем более бесило, если это происходило по собственной воле игрушки. Однако все это было мелочи по сравнению с главным грехом. — Так что, сладкая? Ты громко кричала под ним? Он был нежен? Или...

— Никто не сможет сравниться с тобой, мой господин, — глухо ответила Ингер. — Ты лучший из лучших.

— Даже мой амулет не помог? — он вздернул брови.

— К-к-какой амулет? — глупая попытка отнекаться, и Ингер убедилась в ее тщетности уже через мгновение, когда тело пронзила огненная вспышка нового спазма.

— Сладкая, не зли меня еще больше, — снова доброжелательно заговорил черный лорд. — Покайся. Как, когда и зачем ты влезла в мою шкатулку, куда я запретил совать нос. И главное, как тебе удалось это скрыть?

Женщина криво усмехнулась. Это было опасно, но Ингер не сдержалась. Эрхольд считал себя таким умным, а она обвела его вокруг пальца, даже не особо усердствуя. Он был

опасен, хитер, жесток, всемогущ, но оставался всего лишь мужчиной. Ингер очень старалась угодить своему любовнику и господину, вытерпев все его причуды. Добилась, когда расслабленный колдун провалился в сладостную дремоту, и, ластясь кошкой, попросила: «Позволь мне хотя бы на один день стать хозяйкой твоего замка. Всего один день побыть твоей женой, от которой у тебя нет тайн». Он самодовольно усмехнулся и ответил:

— На два хора, не больше, но я выполню твою просьбу.

После этого Эрхольд заснул, открывая ей каждый уголок своего замка, зная, что запретных мест в нем слишком много, чтобы Ингер успела везде сунуть свой нос. А ей и не нужен был замок, всего лишь шкатулка, чей замок так же открылся после слов колдуна. Дождавшись, пока дыхание мужчины станет ровным и глубоким, леди Илейни метнулась к заветному хранилищу амулетов, созданных Эрхольдом. Он показывал их Ингер, даже объяснял, что может каждое из этих сокровищ. И в тот день, заставив себя сдерживать дрожь, женщина взяла четыре амулета: «Поглотитель душ», «Глаз Виллиана», «Смена сущности» и «Вечный холод». Затем спрятала их у себя и молилась Огненным богам, чтобы колдун не хватился пропажи. Не хватился. И леди воспользовалась двумя, отдав «Смену сущности» Садди и надев «Глаз Виллиана» на себя.

— Молчишь?

Она вскинула голову и вновь вздрогнула, потому что лорд стоял рядом, внимательно следя за ней. Увидев, что Ингер заметила его, Эрхольд удовлетворенно кивнул.

— Значит, перехитрила. Умница, сладкая. Нашла лазейку, всегда знал, что ты неглупая девочка, но... Ингер, ты все-таки непроходимая дура. — Он вернулся в кресло. — Как это возможно? Ты строишь козни, ты плетешь интриги, но никогда не видишь дальше собственного носа. Ты мечтательница, сладкая моя, и это однажды тебя погубит. Ты хватаешь кусок пирога больше, чем можешь съесть. — Женщина промолчала, напряженно наблюдая за любовником. — Хорошо, ты обвела меня вокруг пальца, ты добралась до моей шкатулки, украла амулеты, что дальше? На что ты надеялась? Что я не узнаю? Или же думала, что щенок сможет защитить тебя?

Ингер продолжала молчать. Она могла бы сказать, что до зубовного скрежета мечтает освободиться от власти колдуна, которую когда-то приняла, решив, что это изменит ее жизнь. Леди Илейни мечтала о могуществе, но получила хозяина, творившего с ней все, что ему взбредет в голову. Она хотела, чтобы ее боготворили, но стала наложницей без права на большее. И если Риктор Илейни заботился о своей постельной игрушке, сделав ее полноправной хозяйкой в своем доме, то Эрхольд превратил благородную леди в ничто. Порой Ингер казалось, что она даже дышит по указке колдуна. Это было невыносимо.

— Каков он? — снова спросил мужчина, поднимаясь с кресла. — Твоя давняя мечта сбылась, ты оказалась под молодым Илейни, и что ты чувствуешь?

— Наслаждение, — ответила женщина, неожиданно чувствуя извращенное удовольствие от того, как в брезгливой гримасе на мгновение исказилось лицо черного лорда. — Я бы не отказалась вновь оказаться под ним. Это было... жарко.

Эрхольд склонил голову к плечу, всматриваясь в самодовольное лицо женщины. Она смаковала толику своей призрачной победы, словно сладчайшее лакомство. Это забавляло лорда... и злило. Поджав губы, он некоторое время любовался на торжество в ее глазах, после усмехнулся и протянул руку к лицу. Ингер дернулась, осознавая неразумность своих слов, но мгла, наполнявшая ее, тут же сжала свои тиски, причиняя боль и удерживая на месте лучше любых пут. Колдун прижался щекой к ее щеке и шепнул, пошевелив волосы на

виске женщины своим дыханием:

— Ты пахнешь им, сладкая. Смерд чужой похоти покрывает тебя. Отвратительно.

— Упоительно, — прошипела в ответ Ингер. — Он невероятно пахнет. Его естество на вкус настоящее лакомство. Неистовый, горячий...

— Почти мертвый, — спокойно ответил Эрхольд. — Но его участь тебя волнует мало, не так ли, сладкая?

Она промолчала. Какие чувства вызывал в женщине ее пасынок, сказать было сложно. Когда-то он боготворила его, желала так сильно, что готова была на все, только бы заполучить в свою постель. Потом ненавидела, всем своим существом, до зубовного скрежета, до искусанных до крови губ, до ногтей, впивавшихся в ладони сжатых кулаков. А ночью, когда вновь увидела после нескольких лет, даже без амулета готова была извиваться под ним, выкрикивая имя, оставшееся все еще желанным. Нелепое и лишнее сейчас воспоминание о том, как он брал ее на полу купальни, заставило дыхание участиться, и лоно увлажнилось, возвращая прежнее желание. Осознав это, Ингер хрипло рассмеялась. Ее опутывает магия Бездны, страшнейший человек из всех, кого она знала, стоит напротив, уловив запах ее желания, а леди Илейни мечтает о пасынке, ненавидевшем ее всей своей душой и с удовольствием придушивший бы ее, если бы смог дотянуться.

— Глупо как, — прошептала женщина.

— Верно замечено, сладкая, — усмехнулся Эрхольд. — Значит, тебе понравилось. Забавно... — задумчиво поджав губы, мужчина поднял руку и мгновение любовался, как его конечность меняется. Кожа потемнела, пальцы удлинились еще больше, став узловатыми. Ногти вытянулись, превращаясь в заостренные когти. Затем коснулся лица любовницы тыльной стороной ладони, погладив даже ласково. После приблизил губы к ее уху и шепнул: — Я хочу увидеть.

Ладонь скользнула к шее, слегка сжав ее, затем спустилась на горловину платья, и ткань затрещала, подвластная крепким когтям. Ингер закусил губу и подняла лицо кверху, закрывая глаза. Ей было страшно.

— Что у нас тут? — донесся до слуха женщины заинтересованный голос колдуна, но не открыла глаз, зная, что следы недавней мужской страсти все еще украшают ее тело.

Сухая горячая ладонь скользнула по груди, отодвигая в сторону ткань. Эрхольд хмыкнул и окончательно сорвал с женского тела остатки платья. Он с любопытством рассматривал красные пятна засосов на груди, следы зубов, синяки от пальцев.

— Как его проняло, — усмехнулся черный лорд. — Зверь, а не человек. — Мужчина хохотнул и провел когтем между полных женских грудей, не ранив кожи. — Темная страсть Виллиана. Отличный амулет получился, действенный. Он быстро сдался?

Ингер не сразу поняла, что колдун обращается к ней. Горячая ладонь накрыла ее правую грудь и сдавила, причиняя боль. Женщина вскрикнула, распахивая глаза.

— Илейни быстро сдался? — повторил вопрос Эрхольд.

— Быстро, — ответила Ингер. — Почти сразу, но, кажется, не до конца потерял разум, потому что сказал...

— Ненавижу, — произнес вместо нее лорд, заглядывая в глаза. Леди Илейни судорожно сглотнула и прошептала:

— Да.

— Однако ненависть его оказалась жаркой, — хрипло рассмеялся мужчина.

Он дернул подбородком в сторону, рванул ворот камзола, не отпуская взгляд

любовницы.

— Какие... соблазнительные воспоминания, — хрипло сказал колдун. — Но это лишь подобие истинной страсти жителей Бездны.

Едва уловимый жест, и руки и ноги Ингер растянулись в стороны, словно кто-то повернул невидимое колесо, натягивая путы. Женщина вскрикнула и вновь закусил губу, со страхом и волнением глядя на черного лорда. В его глазах клубилась серая мгла, черты лица неуловимо изменились, став еще более хищными и жесткими. Верхнюю губу приподняли увеличившиеся клыки. Ноздри продолжали трепетать, втягивая запахи тела и эмоций женщины, распятой напротив.

— Пришло время познать силу настоящей темной страсти, сладкая, — голос лорда стал ниже, рокочущим, но это вызывало в женском теле странную дрожь, наполнявшую Ингер не только страхом.

Теперь она пристально следила за Эрхольдом, неспешно скинувшем камзол. Следом полетела рубашка из тончайшей дорогой ткани. Взгляд женщины исследовал жилистое подтянутое тело, не лишенное рельефа крепких мышц. Она видела его и раньше, много раз, слишком много, чтобы увидеть что-то новое для себя, но... Кожа теперь потемнела не только на руке, торс так же стал гораздо смуглей и мощней. Неприятный хруст костей заполнил покой. Эрхольд раскинул руки, вскинул голову кверху, мышцы его напряглись, и мужчина зарычал. Оглушительно и страшно, словно зверь.

Ингер зажмурилась, отчаянно боясь смотреть на своего любовника. Таким он не был еще никогда. Женщина вновь молилась, даже не замечая, что делает это вслух. Хриплый смех оглушил ее.

— В моем замке тебя слышит только Бездна, — пророкотал колдун, приближаясь к любовнице.

Горячие пальцы ухватили ее за подбородок, оцарапав кожу когтями.

— Смотри на меня, — велел черный лорд. — Смотри, сладкая. Такого ты еще никогда не видела.

Она мотнула головой, но веки дрогнули, послушно поднимаясь. Перед ней стояло странное существо. Лицо еще больше напоминало теперь жутковатую морду. Колдун стал заметно выше и мощней. Казалось, она видит каждую мышцу, словно с тела сорвали кожу. На плечах и груди красовались костяные наросты, закрывавшие тело, будто панцирь. Между черными прядями Ингер насмотрела заострившиеся кончики ушей. Но самое поразительное, что отметила женщина, находилось выше. Ошеломленная леди Илейни поняла, что это рога. Небольшие, но явно острые. Она сглотнула, и существо, стоявшее перед ней, расхохоталось вновь.

Он повернулся к Ингер спиной, демонстрируя костяной гребень выпирающий из позвоночника.

— Смотри, сладкая, смотри внимательно, — почти ласково произнес Эрхольд, взглянув на женщину вполоборота.

Она смотрела, не отводя взгляда. Смотрела на то, как по спине ее любовника поползла мгла, растекаясь, стекла по ногам на пол и уплотнилась, превращаясь...

— Ох, Боги, — выдохнула леди Илейни, когда кожистые крылья расправились.

Эрхольд резко повернулся к ней, кривя рот в насмешливой ухмылке. Он картинно раскинул руки, и крылья, зашуршав, распахнулись.

— А теперь последнее и самое главное блюдо, — осклабился... Виллиан.

Он щелкнул пальцами, превращая остатки своей одежды в пепел, осыпавшийся на пол. Женщина опустила взгляд и гулко сглотнул. Естество твари из бездны оказалось пугающе большим, уже затвердевшим и готовым овладеть ею.

— Нет, — просипела она. — Не надо.

— Тебе понравилась темная страсть, Ингер, — усмехнулся Эрхольд, добавив: — Я видел.

— Не надо! — взвизгнула леди Илейни, когда он скользнул к ней.

— Я хочу, — произнес Виллиан, и волна сладкой дрожи от его голоса пробежала по женскому телу, помимо воли утягивая ее в омут темного желания.

В глазах Эрхольда серая мгла таяла, возвращая черноту, только теперь она затопила даже белки. Ингер показалось, что они мерцают так же, как черный камень на том проклятом ожерелье. Сила неожиданного вожделения оказалась, столь высока, что с уст женщины сорвался не стон, она вскрикнула, невольно подавшись к Виллиану, замершему рядом. Он опять рассмеялся, глядя на голод в глазах своей жертвы.

— Эрхольд, — взмолилась она. — Дотронься до меня, прошу.

— Как? — насмешливо спросил черный лорд. — Так?

Его ладонь накрыла женскую грудь, задев затвердевшее наверху. Ингер выгнулась, насколько ей позволяли невидимые путы. Кончики когтистых пальцев сжали тугую горошину соска, вырвав очередной вскрик из груди Ингер.

— Или так?

Он наклонился, и горячий язык прошелся вокруг розового ореола, дразня извивающуюся женщину. Рот Эрхольда накрыл наверху груди, рука скользнула по телу, остановилась возле средоточия желания леди Илейни и... издевательски огладила кожу внутренней поверхности бедра, так и не тронув обильно увлажнившееся лоно.

— Эрхольд! — вскрикнула она.

Виллиан отодвинулся в сторону, с интересом разглядывая искаженное похотью красивое лицо леди Илейни.

— Пожалуйста, — простонала женщина.

— О чем ты просишь, Ингер? — издевательски протянул Эрхольд. — Отпустить? Наказать? Или... — он изломил бровь, так и не договорив свой вопрос.

— Возьми меня, — сотрясаясь от мелкой дрожи, заскулила благородная леди. — Эрхольд, умоляю.

Он подошел почти вплотную, жадно втягивая запах вожделения, страха, который теперь сменился на испуг потерять желанную плоть, с которой женщина не сводила взгляда, и аромат зарождающейся ярости. Эрхольд негромко застонал, смакуя запахи. Причмокнул губами, словно пробовал на язык, затем опустил руку и коснулся пальцем влажных складок женского лона, вновь не тронув средоточия желания.

— Эрхольд, — взвыла Ингер. — Прошу-у-у!

Он поднес к лицу палец, поблескивающий от ее влаги, принюхался, а после слизал сок ее желания.

— Будь ты проклят! — закричала Ингер в ярости, но тут же вновь заскулила. — Прости меня, прости, я не хотела тебя обидеть. Эрхольд, возьми меня, умоляю. Или хотя бы освободи руки! — выкрикнула она окончание фразы.

Виллиан развернулся к женщине спиной. Крылья его улеглись, обняв плечи, как плащ, и Эрхольд направился к дверям. Осознав, что он все-таки уходит, Ингер зарычала, отчаянно

забившись в оковах мглы.

— Уходишь? Правильно, лучше уходи, чтобы я не могла сравнить! Сравнение будет не в твою пользу, Эрхольд! Риктор Илейни — вот, кто останется навечно повелителем моего тела! Он заставил меня кричать и извиваться. От него моя кровь кипела. А с тобой я всегда претворялась! Все мои стоны были фальшивыми, как и ты, проклятый Виллиан!

Эрхольд застыл, так и не открыв дверь. Он медленно развернулся и скрестил руки на груди. В черном мерцающем взгляде Виллиана застыло любопытство. Он сделал обратно нарочито медленный шаг. Ингер торжествующе рассмеялась.

— Решил вернуться? Зря. Тебе не сравниться с молодым лордом, от взгляда которого я становлюсь влажной.

— Правда? — спросил Эрхольд. — А при взгляде на меня?

Женщина изо всех сил старалась не смотреть на его возбужденное естество, но взгляд так и норовил опуститься ниже талии Виллиана. Она облизала губы и попыталась рассмеяться, но смех вырвался из пересохшего горла, как воронье карканье, такой же хриплый и надломленный. Эрхольд неспешно приблизился к ней вплотную, так, что возбужденные соски любовницы коснулись его груди. Ингер вздрогнула и застонала, подавшись вперед бедрами.

— Ну? — бровь Виллиана снова изломилась. — Покажи, как ты претворяешься сладкая. Покажи, как ты сейчас не сходишь с ума от желания. Покажи, как не хочешь, чтобы я к тебе притрагивался.

Его близость пьянила, но Ингер попыталась повторить свои слова, однако мысли вдруг умчались куда-то далеко, растворившись в серой мгле, захватившей ее.

— Ты наказываешь меня, — простонала она. — Это наказание.

— Возможно, — пальцы Эрхольда захватили подбородок любовницы. Он склонился к ней, почти касаясь приоткрытых губ. — Возможно, настоящее наказание впереди, и я пока просто развлекаюсь. Ты ведь моя игрушка, не так ли Ингер?

— Я... не игрушка, — с трудом ответила она.

Виллиан тут же отступил. Жар его тела сменился холодом. Леди Илейни поежилась. Ее глаза наполнились слезами.

— За что ты так со мной, Эрхольд?

— Господин, — отчеканил Виллиан.

— Что? — Ингер непонимающе смотрела на него.

— Ты больше не можешь называть меня по имени, — ответил он. — Я не прощаю предательства, Ингер, а ты хотела предать меня. Отныне ты моя вещь, которая будет исполнять то, что я прикажу, будь то постель, или же поручение. Ты больше не можешь входить в мои покои, не смеешь прикасаться ко мне. Мое благоволение закончилось, Ингер.

Женщина неверяще смотрела на любовника. Он превращал ее в рабыню! Ее, благородную леди, черный лорд делал своей рабыней! Но возмутиться она не успела, потому что Виллиан вновь стоял рядом. Эрхольд склонился к шее женщины и провел по ней языком, облизал мочку уха и поднялся к виску.

— Ты все еще можешь бороться, — шепнул он, обжигая женщину своим дыханием. — Покажи свою силу, благородная леди. Покажи, что мне есть, за что тебя уважать.

Пальцы Виллиана нырнули Ингер между ног, погрузились в жаркую сочную мякоть ее тела. Ингер колотило дрожью вожделения. Она попыталась произнести хотя бы одно слово, но вместо речи, из ее горла вырвался крик наслаждения. После подняла на Эрхольда

затуманенный взгляд. Ингер хотела сказать, что все это ложь, и она вновь льстила ему, но вместо его ее губы сложились в короткое:

— Еще.

— И все? — Виллиан провел влажными пальцами по женской груди, заставляя ее снова содрогнуться в новом приступе желания. — Как же быстро ты выдохлась.

— Эрх...

Он тут же отступил на шаг назад, складывая на груди руки.

— Не уходи, — застонала Ингер. — Дотронься до меня еще раз. Эрхольд, умоляю...

Черный лорд развернулся и вновь направился к дверям.

— Рик... — начала она, но услышала лишь смешок.

Конечно, Эрхольд сразу понял ее попытку вынудить его вернуться и доказать, что он лучше Риктора Илейни. С кем она взялась играть? На кого пыталась влиять? Ингер зажмурилась, думая об озере в горах, о его ледяных водах, о холоде, о боли, еще недавно выворачивавшей внутренности. Она хотела успокоиться, но тело трясло от все еще неудовлетворенного желания. И прикосновения Виллиана становились важными настолько же, насколько важно было спать, есть, дышать. Но уже стоял у двери. Когтистая рука сжала ручку...

— Господин, — прошелестел голос Ингер. — Умоляю тебя...

И снова он остался. Вернулся к изнывающей женщине и остановился напротив.

— Вот и вся гордая аристократка, — издевательски произнес он. — Всего лишь течная сука, жаждущая кобеля. Так ты хочешь, чтобы я взял тебя?

— Да, — простонала женщина и дернулась, как от пощечины, когда увидела, что он снова отходит. — Да, господин.

— Игрушка. Покорная, слабая... Всего лишь человек, — брезгливо сказал Эрхольд. — Никогда тебе не быть равной мне. Никогда ты не станешь хозяйкой. Всего лишь раба.

Он протянул руку, на мгновение накрыл грудь Ингер, ощущая быстрый бег ее сердца, усмехнулся и начертил когтем на нежной коже руны. Кровавые капли побежали вниз, расчертив левую грудь красными дорожками. Женщина вскрикнула, на мгновение отрезвленная болью. Руна заполнилась мглой, после вспыхнула огнем, а затем исчезла, словно ее не было. Кожа вновь была целой. Ингер свесила голову на грудь, теряя сознание от пережитой боли. Виллиан усмехнулся, сжал ее щеки пальцами и впился в губы, поцарапав клыками.

Ингер вскрикнула, распахивая глаза, заполненные мутной пеленой. Эрхольд склонился к кровавым дорожкам, слизывая их. Тело женщины вновь затряслось, и с губ сорвалось прерывистое дыхание.

— Ты ведь будешь верной мне, Ингер?

— Да, господин, — со стоном ответила она, блуждая жадным взглядом по телу Виллиана.

— Конечно, сладкая, — усмехнулся Эрхольд. — Я позаботился об этом. Как только в твою голову придет мысль снова предать меня, или же солгать, ты ощутишь такую боль, что смерть тебе покажется избавлением. Теперь ты одна из них, Ингер.

Ему не нужно было уточнять, о ком говорит. Женщина прекрасно поняла, что черный лорд имел в виду теней, заполнивших замок, прислугу — своих рабов. Он небрежно взмахнул, и леди Илейни полетела на пол. После этого Виллиан в третий раз направился к дверям. Уже не собираясь останавливаться и возвращаться. Ингер, опомнившись, что уже

свободна, вскочила на ноги и побежала за Эрхольдом.

— Ты уходишь?

— Да, — коротко ответил Виллиан.

— А как же я?

— Не заслужила, — усмехнулся черный лорд.

Желание стало болезненным. Никогда еще Ингер не ощущала себя настолько гадко. Она ненавидела любовника и желала его одинаково сильно, и это он тоже знал. Развернувшись к женщине, Эрхольд велел:

— Уговори меня.

Она с готовностью поспешила к лорду, но туман набросился на нее, удерживая на расстоянии, не позволяя прикоснуться. Виллиан ждал, кривя губы в брезгливой усмешке. Ингер хотелось отвернуться, выкрикнув, чтобы он катился в Бездну, но нутро скручивало от потребности его близости, вынуждая скулить от острейшего приступа похоти. И она не выдержала. Упала на колени, протянула к нему руки и взмолилась:

— Прошу, господин...

— О чем ты просишь меня? — и вновь издевка.

— Возьми меня!

Эрхольд усмехнулся и ответил:

— Нет.

Он вышел за дверь, и Ингер поползла следом, умоляя вернуться. Последняя искра гордости угасла, столкнувшись с болезненным спазмом. Черный лорд был ей необходим.

— Господин!

— Нет, — повторил он, не оборачиваясь.

Устав сражаться со своим телом и ждать, женщина уселась на пол, не думая, что ее кто-то может увидеть. Все прежние догмы блекли перед незнакомым темным желанием, не отпускавшим женщину. Она раздвинула ноги, и ее пальцы запорхали по разгоряченному естеству. Она громко застонала, откидывая голову назад, и Виллиан замер. Он резко обернулся и некоторое время смотрел, как Ингер ласкает себя. Запах ее приближающего удовольствия взбудоражил уже успокоившуюся плоть. Зло рыкнув, черный лорд вернулся.

— Я хочу твой рот, — сказал он, глядя на женщину сверху вниз.

Она прерывисто вздохнула и потянулась к напряженной мужской плоти. Ингер сжала твердый ствол в ладони, глядя на него почти с обожанием. Когтистая ладонь легла ей на затылок, сжав в кулак волосы, и Эрхольд толкнулся бедрами в губы Ингер. И вновь не к месту перед внутренним взором женщины встала умывальня в замке на утесе. Она вспомнила, как Риктор точно так же насаживал ее ртом на свое естество. Волна жара прокатилась по телу леди Илейни, срывая с губ новый вскрик, теперь удовольствия. Тело ее затряслось от ослепительно полыхнувшего удовольствия, и если бы не рука Виллиана, державшая ее за волосы, Ингер полетела бы на пол.

— Ласкай себя, — велел Эрхольд.

Он снова толкнулся, заполняя ее рот. Ингер послушно опустила руку себе между ног, возобновляя прерванные ласки. Эрхольд еще раз толкнулся и оторвал от себя леди Илейни. Он толкнул ее вперед, и Ингер едва успела выставить руки, чтобы не упасть лицом на пол. Виллиан опустился на колени за ее спиной, вновь взял за волосы, оттягивая голову назад. Твердая, как камень, плоть скользнула во влажным губам женского лона, коснулась средоточия жара Ингер, и, направленная рукой Эрхольда, вошла в жаркое, истекающее

влагой, нутро леди. Женщина закричала, забилась, срываясь в очередной головокружительный полет.

— Порочная, похотливая сука, — ухмыльнулся черный лорд.

Он двигался в ней резко, заполняя до предела. Срывал с губ крики удовольствия, смешанные с болью. Свободная ладонь сжала бедро Ингер, ранив ее когтями. Она уже не кричала. Связки давно были сорваны. Женщина сипела, иногда хрипя имя своего любовника. А он продолжал насыщаться, вдавливаясь в податливое тело. И когда его рык сотряс стены замка, Виллиан выпустил женщину из своих когтей. Она упала на пол, не в силах пошевелиться. Кажется, Эрхольд воплотил свою угрозу, выпив ее жизненную силу почти до дна. Или же удовольствие оказалось столь сильным, что опустошило леди Илейни полностью. Ингер глухо постанывала, не в силах даже подняться на четвереньки.

Виллиан насмешливо хмыкнул. Он вернул себе человеческое обличье, самодовольно глядя на распластанное женское тело у его ног. После поднял ее на руки и понес обратно в покои. Здесь, уложив на кровать, лорд присел рядом приложил ко лбу Ингер ладонь, вливая в нее немного силы. У него остался еще один вопрос, о котором Эрхольд забыл, неожиданно увлекшись наказанием предательницы и воровки.

— Где у тебя спрятаны амулеты? — спросил мужчина.

— Здесь, — прошелестела Ингер, указывая на кровать.

— Спишь на них? — он иронично вздернул брови, велел: — Доставай.

Женщина сползла с ложа, сунула руку под перину и извлекла два оставшихся амулета.

— Где «Глаз Виллиана»? — спросил лорд. Ингер растерянно заморгала. Он нахмурился, подаваясь к ней. — Где ожерелье, сладкая?

— У Риктора, — прошептала она. — Я спешила и, кажется, оставила...

— Дура! — заорал вдруг Эрхольд, обрушивая на Ингер жгучую пощечину. — Тупая тварь! Ты хоть понимаешь, что оставила ему?!

Мгла вновь заволокла сознание леди Илейни, лишая воли и утаскивая в комнатку без окон. Лорд зло зарычал, выпуская на волю огонь. Он стремительно покинул бывшие покои любовницы, пожираемые ревущим пламенем, послушным тому, в ком бежала кровь Виллианов.

Глава 7

Замок на утесе притих. Последние гости покидали его, стараясь побыстрее оказаться за большими воротами, до того гнетущей казалась воцарившаяся здесь тишина после шумной и веселой ночи. Никого не выгоняли, но гости сами, почуяв, что произошло что-то неладное, уезжали, передавая через слуг свои поклоны аниторну. Только король, знавший обо всем, что произошло в замке, ненадолго заглянул к Риктору Илейни, молча хлопнул по плечу и быстро вышел, что-то ворча себе под нос про проклятого колдуна.

Рик не обернулся. Он стоял на большом каменном балконе, нависавшем над морем, и смотрел на волны, покрытые белой пузырящейся пеной. На душе мужчины царила пустота. Илейни посмотрел на белоснежную пену и порывисто отвернулся, потому что белые гребни на волнах напомнили ему волосы Нэми.

— Нэми, — прошептал лорд.

Он сполз на пол балкона, откинул голову назад и прикрыл глаза.

«Как тебя зовут?»

«Она не понимает, господин. Ни слова не понимает. Лопочет что-то по-своему, а по-нашему ни слова. Дура-девка».

«Откуда ты взял ее?»

«В Северных землях, господин».

«Я — Риктор. А ты?»

«Господин...»

«Закрой рот».

«Да, господин».

«Я — Риктор. А ты?»

«Нэми...»

«Твое имя Нэми?»

«Нэми! Нэми риолли нокк».

«Я не понимаю».

«Так и лепечет, господин. Виллиан ее пожри. Дохлатина совсем. Никому она не нужна, того и гляди помрет, одна морока. Может, придушить, чтоб не мучиться с ней?»

«Я куплю у тебя эту малышку».

«Да зачем она...»

«Я спрашивал твоего мнения?»

«Нет, господин».

Тогда была весна. Уже зацвели гинтеры — красноствольные нелепые деревья, похожие на перевернутые сучковатые морковки. Совершенно уродливые деревья в любое время года, кроме весны. Весной стволы и ветви гинтер покрываются сине-белыми цветами, источающими пьянящий медовый аромат. Именно из-за времени цветения их терпят все остальное время, порой высаживая целые аллеи, чтобы однажды наслаждаться красотой и невероятным ароматом.

И тогда они тоже цвели, когда Риктор купил у случайно встреченного торговца хрупкую девушку, казавшуюся прозрачной из-за худобы, светлой кожи и белоснежных волос. Только глаза, как два угля, преследовали взглядом молодого лорда. Нет, Илейни не покупал себе любовницу, он тогда даже женщину не разглядел в призрачном создании. Пожалел. Просто пожалел, понимая, что девчонку не ждет ничего хорошего. Либо прибьет сам торговец, либо сведет в могилу какой-нибудь сластолюбец, прельстившись непривычной внешностью рабыни.

Он дал ей имя — Нэми. То самое слово, которое услышал от нее первым, и девушка так и не пожелала менять его, отказавшись говорить, как ее зовут на самом деле, и что означало произнесенное слово. Но это было потом. Поначалу же лорд отдал свое приобретение на попечение ключнице, велел откормить и выходить. Вскоре Рик попросту забыл о Нэми, занятый Гором и делами своих земель. Она напомнила о себе сама.

«Мой господин».

«М-м... Нэми, да?»

«Нет, господин».

«Тогда почему ты киваешь головой, если нет?»

«Мой господин. Нет. Хороший день. Спать».

Риктор рассмеялся, сообразив, что девушка перечисляет все слова, которые научилась говорить за то короткое время, что находилась в замке. Она улыбнулась и тут же скромно

потупилась, но Рик заметил, как из-под ресниц поблескивают ее глаза. Еще он увидел, что девушка больше не выглядит призраком. На ее лице появился румянец, плечи округлились, и ключицы не выпирают столь явно. Белоснежные волосы приобрели блеск, но собирать их в косу северянка упорно не желала, лишь стянув на лбу тонкой лентой.

Молодой лорд подошел ближе, мягко взял за подбородок и приподнял голову девушки, рассматривая ее лицо. Тогда, когда он смотрел на нее, сидящую в телеге торговца, Нэми была грязной, изможденной, жалкой. Теперь же он увидел, что девушка мила, нежна, и смотреть на нее приятно. Несмотря на смущенный румянец, в больших черных глазах не было страха. Она смотрела доверчиво и открыто, вызывая странное желание обнять, покрепче прижать к себе и замереть так, ощущая тепло юного тела. Впрочем, Рик и тогда не увидел в девушке той, кого он желал бы увидеть на своем ложе. Просто она была... родная, близкая. Да, именно так — родная и близкая.

В тот день Риктор приказал заняться обучением Нэми. Ему захотелось понимать девушку. Узнать, кто она, откуда, как она попала к торговцу рабами. Они по-прежнему виделись редко, но теперь лорд Илейни не забывал о своем приобретении, время от времени навещая ее на занятиях с замковым архивариусом, взявшим на себя обязанности учителя. Добродушный старик накопил сладостей и угощал ими свою ученицу больше, чем занимался. Риктор как-то подслушал, как проходили занятия.

Эржбет Локс расхаживал перед Нэми, с упоением рассказывая ей о замке Илейни на утесе над морем, оставленном предками Рика много лет назад. Старик рассказывал о славе рода бывших аниторнов Побережья. Он возносил хвалу их драконникам, восхищался летунами и их седоками. Архивариус столь вдохновенно вел свое повествование, что даже не думал о том, что беловолосая девушка не понимает ни слова.

Нэми сидела за столом, на котором были расставлены вазочки со сладостями и засахаренными фруктами. Она следила за стариком широко распахнутыми глазами, в которых плескалось восхищение. Ротик девушки был приоткрыт, и Рикуну показалось, что она даже не дышала. А когда голос Локса взлетал к высокому каменному своду, Нэми хваталась за сердце и издавала восклицание. И если бы Риктор не был уверен в том, что северянка не понимает ни слова из рассказа архивариуса, он бы поверил, что та знает язык тех мест, где сейчас находилась.

Результатом этих занятий стало пополнение отдельных слов в словарном запасе Нэми.

«Де-воч-ка. Боги. Илей-ни-и. Благофлени Огнень».

Над последней фразой Рик думал дольше всего, но, в конце концов, понял, что северянка желала благоволения Огненных. Недовольный Риктор отчитал старика, отчего Нэми, сидевшая за своим столом, расплакалась и убежала из библиотеки, где проходили занятия.

— Бездна ее заberi, — проворчал тогда Рик и отправился на поиски беглянки.

Она нашла в саду, возле пруда, где усилиями замкового мага вода была кристально чистой, и можно было видеть дно, покрытое чистым песком, водорослями и камешками, между которых сновали юркие рыбки. Девушка подтянула колени к груди, обняла их узкими ладонями и всхлипывала, глядя на обитателей пруда.

Риктор присел рядом, заметил камешек и хотел уже бросить его в пруд, но девушка поймала его руку, отрицательно покачав головой. После разжала ладонь, забирая камень, положила его на землю, и прижалась щекой к все еще раскрытой мужской ладони, заставив этим его сердце замереть на короткое мгновение.

— Тебя расстроило то, что я ругал Эржбета? — спросил Рик, чтобы нарушить тишину.

— Мой господин, — ответила она, потеревшись щекой о его ладонь.

— Зачем ты это делаешь? — молодой лорд заглянул в глаза Нэми.

— Риктор Илейни-и, — девушка назвала его имя и улыбнулась. — Риктор Илейни-и — мой господин.

— Ты не рабыня, Нэми, — он знал, что девушка не поймет. — Ты свободна с того мгновения, когда я забрал тебя у торговца.

— Огнень.

— Да, такова воля Огненных, — усмехнулся лорд.

— Девочка, — в голосе Нэми зазвучала гордость. — Спать.

— Чудо, ты просто снежное чудо, — рассмеялся Рик, и девушка рассмеялась вместе с ним. Отсмеявшись, Илейни произнес: — Придется мне примерить на себя мантию учителя. Иначе ты так и будешь лепетать слова без всякого смысла.

— Нет, — согласно кивнула Нэми.

Рик и сам не заметил, как начал привыкать к забавной северянке, коверкавшей слова. И когда он начинал поправлять ее, произнося слова по слогам, девушка переходила на родной язык, горячо споря с ним. Должно быть, со стороны это смотрелось забавно. Они оба отчаянно размахивали руками, до хрипоты доказывая друг другу свою правоту, каждый на своем языке.

— Господин, вы понимаете Нэми? — как-то спросил его Расслед, не сдержав любопытства.

— Ни слова, — рассмеялся Риктор. — Но смысл ее речей улавливаю.

А однажды, когда лорд, сдерживая раздражение, бился над упертой северянкой, она подняла на него глаза и произнесла:

— Я все понять, господин. Я давно понять, не надо сердиться на Нэми.

Он так и застыл с открытым ртом. Затем закончил прерванный выдох и прочистил ухо.

— Ты что-то сказала? — осторожно переспросил Илейни.

— Да, — она кивнула и улыбнулась. — Я вас давно понимать. Мастер Локс меня хорошо учить.

— Но... — лорд опустил на соседний стул. — Тогда почему ты...

— Мой господин забыть Нэми, — она опустила взгляд. — Совсем не видит. Нэми грустит без свой господин. Господин Риктор Илейни радуется глаза Нэми.

— Вот как, — лорд в конце растерялся.

Он накрыл руку девушки своей ладонью, несильно сжал, но вскоре отогнал оторопь и поднялся на ноги. Девушка вскинула на него испуганный взгляд.

— С завтрашнего дня ты продолжишь заниматься с Эржбетом, — чуть севшим голосом произнес Илейни. — У него неплохо получилось обучить тебя.

— Но я хочу учить язык с вами! — воскликнула она. — Нэми расстроить вас?

— Все хорошо, Нэми. Я доволен твоими успехами, — Рик дотронулся до плеча девушки, но быстро отдернул руку, словно обжегшись. — Ты умница.

После этого стремительно покинул библиотеку, чувствуя смятение и досаду. Девчонка влюбилась в него, и самое неприятное, что его осознание ее отношения к нему не оставило равнодушным. Что мог предложить северянке Риктор Илейни? Свое ложе, и не больше. С ним у девушки не было будущего, он это знал и не хотел пользоваться слабостью Нэми. В общем-то, изначально он собирался отправить Нэми домой. Хотел помочь вернуться к ее

семье, если родные девушки были еще живы.

Отчего-то не хотелось делать ее своей наложницей, а после отправлять к челяди, когда она прискучит ему. О хрупкой северянке хотелось заботиться, а опочивальня господина была слишком далека от прежних помыслов. Лорд сбежал к Гору, как обычно делал в сложные для него мгновения. Дракону мужчина рассказал о том, что открыла ему Нэми.

— И что мне делать с ней, Гор? — спросил лорд, обнимая дракона за шею.

— Пф, — ответил тот.

— Вот и я не знаю, — вздохнул Рик. — Она мне нравится, но не настолько, чтобы я потерял голову. Да и не хочу я ломать девчонке жизнь. Что ее ждет после моей опочивальни? Замужество с тем, на кого я ей укажу, чтобы избавиться от опостылевшей любовницы? Она... Бездна. Она не похожа на других. Другая, понимаешь? Особенная. Она будто, утерянная, а ныне отыскавшаяся родня. Нэми согревает мне душу.

— Пф-ф, — фыркнул Гор.

— Да что б ты понимал, — проворчал мужчина. Он поднял голову и посмотрел на своего дракона. — Нужно отправить ее домой. И поскорей. Попытаюсь узнать, откуда она, и остались ли у нее родные. Да, сегодня вечером и узнаю.

Вечером они сидели в зале для вечерней трапезы. За длинными высокими окнами уже стемнело, и залу заполнял свет обычных свечей. Рик не хотел магического света. Ему нравился полумрак, за которым он не видел выражение глаз Нэми, но ее взгляд преследовал лорда, нарушая уют безмолвия, царившего сейчас в притихшем к вечеру замке. Риктору было не по себе, и он не мог понять, что терзает его больше, необходимость находиться рядом с хрупкой северянкой, или же настоятельная потребность убрать ее подальше от себя ради ее же блага. Наверное, именно поэтому он распорядился поставить приборы для Нэми на противоположный край длинного стола, не желая, чтобы девушка сидела рядом. И теперь мучился от того, что нужно начать разговор.

Она настороженно следила за молодым мужчиной, не спеша приниматься за трапезу. Риктор потягивал вино из кубка, Нэми несмело отпила воды из серебряного стакана. Лорд побарабанил пальцами по столу, отставил кубок и откашлялся.

— Нэми, — начал он. — Расскажи мне о себе.

Девушка неопределенно пожала плечами.

— Откуда ты? — как можно мягче спросил Рик.

— Далеко-о, — она махнула рукой и замолчала, наконец, потупившись.

— Ты из города? Или из деревни? Как называется место, где ты жила? — Илейни старался быть доброжелательным.

Но Нэми снова пожала плечами и отрицательно покачала головой.

— Не знаешь? — Риктор усмехнулся. — Не хочешь говорить? Почему?

— Я... забыть, — ответила она так тихо, что мужчина ее едва расслышал. — Голова билась о телегу, билась. Я забыть.

Недоверие лорда Илейни возрастало с каждым словом девушки.

— Как ты попала к торговцу? — сменил он тему, решив вернуться к первому вопросу позже.

— Злые люди, — коротко ответила Нэми.

— Пришли злые люди? — уточнил лорд.

— Ага, — она кивнула, немного помолчала, но все-таки продолжила. — Они жгли мой дом, убивать всех. Меня взять, но я болел. Злой человек сказал: «Совсем дохлый». Продали

торг... тор...

— Торговцу, — подсказал Рик, девушка кивнула.

— Мой сестра нравится злой человек, он ее себе забрал. Она кричать, он смешно. Больше я ее не видеть. Никого не видеть. Тор... он вез меня на телега, ругался.

— Откуда вез, Нэми? — чуть прищурившись спросил Риктор.

Она открыла рот, собираясь ответить, но тут же закрыла рот и ответила:

— Забыть.

— У тебя остались родные? — досадливо поморщившись от того, что девушка успела опомниться, задал новый вопрос Илейни.

Нэми вздохнула, пожала плечами, а после отрицательно мотнула головой.

— Не знать.

— Ты же обманываешь меня, — сухо сказал молодой лорд, поднимаясь из-за стола.

Он прошелся по зале, стараясь не смотреть на беловолосую обманщицу, следившую за ним честными глазами. Она не пыталась доказать свою правоту, но и не спешила краснеть и каяться во лжи. В хитрости маленькой северянки Риктор уже успел убедиться, потому поверил лишь рассказу о том, что произошло с девушкой дома. На все остальное Рик мог бы ответить, как его дракон: «Пф».

Вздыхнув, лорд подошел к Нэми, присел на корточки, взяв за руку. Он некоторое время подбирал слова, опять чувствуя двойственность своих желаний. Ради себя и чувства приятного покоя рядом с девушкой ему хотелось оставить ее в замке, но ради нее и ее будущего блага нужно было убрать Нэми подальше от себя.

— Послушай, — все же заговорил Риктор. — Я хочу, чтобы ты была счастлива. — Девушка смотрела на него своим открытым доверчивым взглядом, и мужчине пришлось отвернуться, чтобы не видеть выражения ее глаз, когда он закончит. — Нэми, каждый человек бывает счастлив там, где есть его дом и родные любящие люди. Тебя насильно привезли сюда, поступили жестоко и несправедливо. Я хочу это исправить. Ты должна вернуться на Север, в свою родную страну. Туда, где...

— Нет!

Она вырвала ладонь из его мягкого захвата и вскочила со стула. Девушка отбежала на несколько шагов и замотала головой.

— Нет! Мой дом, где мой господин. Мой господин — Риктор Илейни. Мой дом здесь. Я счастливый здесь! Я хотеть быть счастливый и видеть лорд Илейни. Я забыть Север, я забыть дом. Мой сердце не там, мой сердце здесь!

— Нэми...

— Здесь, — непреклонно ответила девушка и убежала прочь, так и не притронувшись к ужину.

— Нэми! — крикнул ей вслед Рик. — В Бездну, Нэми! Так будет лучше для тебя!

— Нет! — донеслось до него. — Плохо.

Риктор выругался и вышел из залы. Северянка нашла сразу за дверями. Она сидела на полу и горько рыдала. Лорд покачал головой, снова присаживаясь напротив нее. Он оторвал ладони Нэми от ее лица, бережно стер слезы и попытался еще раз до нее достучаться.

— Пойми ты, глупышка, — терпеливо заговорил Рик, — я не смогу тебе дать того, что ты ждешь. Если ты останешься в замке, я больше никогда не подойду к тебе и не позволю тебе приблизиться ко мне. Я не хочу, чтобы твое сердце болело, потому что все, что ждет тебя рядом со мной — это ложе господина и не больше. Тебе лучше уехать и забыть меня...

— Нет, — она покачала головой. — Я не могу. Мой господин всегда здесь.

Узкая ладошка прижалась к груди, туда, где билось ее сердце.

— Это пройдет... — Девушка покачала головой и печально улыбнулась. — Тогда я выдам тебя замуж...

— Нет. — Непреклонно ответила она. — Другой мужчина — нет. Господин — да.

— Завтра же тебя увезут из замка, — начал сердиться лорд ее упрямству. — В обитель. Пусть жрицы Огненных с тобой разбираются.

— Убегу.

— Нэми...

— Нэми — здесь.

— Я сказал, нет!

— Да!

— Ты издеваешься? — опешил Риктор. — Я хозяин этого замка, и я решаю...

— Сердце выбрало, — улыбка Нэми вышла вымученной. — Я не жить без вас. Это истина.

— Пожри тебя Виллианы! — в сердцах воскликнул Илейни, поднимаясь на ноги. — Ты самое упрямое существо из всех, кого я знаю. Как сказал, так и будет. Завтра же отправишься в обитель к жрицам.

Он ушел, зло чеканя шаг, оставив упрямицу сидеть под дверями трапезной. Однако понять, что больше его раздражает, опять не смог. Настойчивость Нэми и ее нежелание понять его заботы, или затаенная радость от того, что она не сказала, откуда родом? Риктор ворвался в свои покои, громко хлопнул дверью и остановился. Заложил руки за голову, закрыл глаза, протяжно выдохнув.

— Глупая упрямая девчонка, — проворчал мужчина. — Нужно было поехать другой дорогой в тот день. Притащил на свою шею...

А ночью она пришла. Сама. Осторожно прикрыла за собой дверь, прокралась на цыпочках в опочивальню и нырнула под одеяло к спящему мужчине. После некоторое время рассматривала его, ласково отведя с лица прядь волос. И склонилась к губам Рика, шепнув:

— Любимый.

Илейни открыл глаза. Он поймал Нэми за плечи, перевернул и навис сверху, рассматривая ее в призрачном свете луны.

— Пришла, — хрипловато произнес он.

— Пришла, — кивнула девушка.

— Ты делаешь ошибку.

Она улыбнулась, протянула руку и погладила мужчину по щеке. После оплела его шею руками и снова потянулась к губам.

— Я не буду этого делать, — Рик упал на спину. — Не буду, Нэми. Лучше уйди. Я не хочу...

— Я хочу. Сам.

— Завтра ты уедешь, — ее близость неожиданно взволновала лорда, но он все еще сопротивлялся. — Если это случится, ты будешь жалеть.

— Нет. — Нэми снова покачала головой. — Если я завтра уехать, ты все равно останешься здесь, — ладонь вновь накрыла сердце. — Больше никто и никогда.

Риктор закрыл глаза и попытался не замечать девичьей ладошки скользнувшей по его груди. И когда она коснулась губами его шеи, а после неловко поцеловала в губы, Илейни не

выдержал.

— Да за какой Бездной?! — воскликнул он. — Хочешь быть со мной? — Она кивнула. — Хорошо. Я подарю тебе эту ночь. Но завтра ты все равно уедешь.

И он вновь опрокинул девушку на спину, впиваясь в губы злым поцелуем. Она судорожно вздохнула, зарылась пальцами ему в волосы, и Рик ослабил напор. Он оторвался от девушки, заглянул ей в глаза, и душу заполнила нежность. Мужчина чувствовал странную тягу к ней. Это не было любовью, да и страсть пришла позже, но душевная близость, уют рядом с северянкой были невероятными. В ту ночь, их первую ночь, Рик был осторожен и нетороплив, получая удовольствие от неумелых ласк, которые дарила ему Нэми, от ее жаркого шепота на чужом языке, от ее податливого тела, от первого стога, сорвавшегося с приоткрытых девичьих уст. И от того трепета, который охватывал душу при взгляде на хрупкое создание с белоснежными волосами. Было ли ему когда-нибудь так хорошо, как с этой девочкой с далекого холодного Севера? Риктор не мог вспомнить, она затмила всех на те годы, что они прожили бок о бок, никогда всерьез не ссорясь... Кроме одного единственного раза.

На следующее утро Нэми проснулась в одиночестве. Девушка открыла глаза, не нашла рядом Рика и порывисто села на ложе, тревожно оглядываясь. Лорд обнаружился в кресле напротив кровати, уже одетый. Он смотрел на нее непроницаемым взглядом, не спеша улыбнуться в ответ на счастливую улыбку Нэми, не желая доброго утра.

— Мой господин, — она поднялась на колени и протянула к мужчине руки.

— У нас мало времени, — сказал Риктор, поднимаясь на ноги. — Завтрак уже на столе. Можешь воспользоваться моей умывальней, соберись.

— Господин недоволен своей Нэми?

— Твои вещи уже собраны, — произнес он, не глядя на девушку. — Повозка ждет. Ты едешь в обитель.

— Я умереть без вас, — прошепел ее голосок, когда Рик уже закрывал за собой дверь.

— Всякая блажь проходит со временем, — сказал он, выйдя в коридор. — Лучше сейчас, дальше будет только хуже.

Илейни ожидал, что его ждут слезы и мольбы. Готовился, искал слова, давил в себе жалость и гнал мысли о прошедшей ночи. Но Нэми не произнесла ни слова, и ни одна слезинка не скатилась по ее щеке. Девушка вышла в замковый двор, где ее ждала повозка, молча махнула рукой челяди, вышедшей проводить северянку, к которой успели привыкнуть и полюбить. После села в повозку и подняла взгляд на Рика, сидевшего на лошади, чтобы сопроводить девушку до обители, где ее уже ждали жрицы Огненных богов. Лорд стиснул зубы и на молчаливый призыв не ответил.

Всю дорогу царил тягостное молчание. Рик уехал вперед, но продолжал чувствовать взгляд Нэми. Это нервировало, раздражало... рвало душу.

— Что, к Бездне, происходит? — прошептал он, тряхнув головой.

Он обернулся, но не увидел девушки. Она и не могла его видеть, скрытая пологом, и все же ощущение ее незримого присутствия было столь явственным, что лорд Илейни сжал свой амулет, начав подозревать колдовство. Однако амулет оставался привычно теплым. Не раскалялся, не светился, не пытался укрыть от угрозы, потому что ее не было. Маленькая северянка никогда не была врагом Риктора. Душа матушки не видела в ней опасности. В конце концов, Рик решил, что сам себя извел терзаниями и сожалением о произошедшем ночью. Ему думалось, что это чувство вины внушает ему ощущение пристального взгляда

Нэми.

— Я все делаю правильно, — отчеканил лорд вслух и прищипорил лошадь, стараясь думать, о чем угодно, только не о беловолосой девушке, ехавшей позади него.

В обители Илейни постарался быстрее закончить обустройство Нэми. Он вручил старшей жрице кошель с золотом, после слуги сгрузили с повозки провиант, принятый жрицами с невозмутимым молчанием. Обычное дело.

— Мы позаботимся о вашей воспитаннице, лорд Илейни, — обозначив улыбку одними уголками губ, произнесла старшая жрица.

— Она... ранимая. Будьте с ней помягче, — глядя на неспешный бег облаков, ответил Рик. — Если что-то потребуется, или...

— Мы уведомим вас, господин, — чуть шире улыбнулась жрица Огненных. — Не волнуйтесь за девушку, ей у нас понравится.

Риктор кивнул и подошел к Нэми, застывшей белым изваянием возле телеги. Кожа девушки сейчас была бела так же, как и ее волосы. Она кусала бескровные губы, и только черные глаза горели надеждой, что лорд сейчас передумает и заберет ее с собой. Не передумал. Две жрицы приобняли девушку за плечи и увлекли ее за собой. Илейни, уже севший на лошадь, обернулся и поймал взгляд Нэми.

— Я не жить без вас, — прошептала она, но мужчина услышала.

— Идем, дитя, — мягко подбодрила девушку старшая жрица. — Знатный лорд не для тебя. Мы поможем твоему сердцу успокоиться, и ты познаешь благодать Огненных Богов.

- Мой сердце бьется для лорд Илейни, — ответила Нэми, и ворота за ней и жрицами закрылись.

Риктор крепко выругался, прищипорил коня и поспешил покинуть обитель, выдохнув с облегчением. Так лучше, для всех. Только вот облегчения не наступило. Душу разъедала чернота. Мужчину не отпускала мысль, что он предал доверие северянки. Глупость, конечно. Обычное дело. Спасенная девица влюбилась в своего спасителя. И пусть он не дрался за нее, а всего лишь пожалел и выкупил о торговца невольниками, но девчонка попала в замок, где о ней заботились. Да и лорд был молод, недурен собой, приветлив, добр к ней. Все это пройдет рано или поздно. Нужно забыть и жить дальше, как до того, как он привез в свой замок беловолосую девушку.

Однако жить, как жил до появления Нэми, у Рика не получалось. Он стал раздражительным, легко вспыхивал, часто бранил того, кто попадал ему под руку. Успокаивался только рядом со своим драконом. Гор, чувствующавший неладное, подолгу носился по небу, прочищая голову своего человека. Порой вредничал, отвлекая его от дурных мыслей, заботился, как мог. Это помогало. Но стоило мужчине вернуться в свои покои, войти в опочивальню, и воспоминания набрасывались на него роем взбешенных ос, нещадно жала и наполняя кровь ядом.

На десятый день без Нэми, Рик сделал то, что никогда раньше не делал — напился. Челядь обменивалась изумленными взглядами, перешептываясь, что ведьма с Севера, должно быть прокляла господина. Прислуга не узнавала своего хозяина. Люди быстро сопоставили перемены, произошедшие с доброжелательным лордом, с исчезновением Нэми. Сейчас она казалась им не той воздушной смешливой девочкой, которую успели полюбить. Кто-то плевался при упоминании ее имени, кто-то тяжело вздыхал, и лишь ключница утирала слезы, уверяя, что это любовь.

Но любви не было. Тоска господина и правда походила на проклятье. Он мрачнел,

злился, порой приходил в ярость. И вот теперь напился так, что передвигался по замку, держась за стены. А ведь раньше только веселый блеск в его глазах выдавал, что лорд побывал на шумном пиру, или же принимал гостей в своем замке.

— За мной, — велел Риктор, указав пальцем на первую попавшуюся служанку.

Женщина поспешила за господином, понимая, что ему нужно. Илейни сменил покои несколько дней назад, но сейчас привел временную любовницу в прежние. Возможно, он хотел так вытравить дух Нэми, возможно, доказать себе, что она для него ничего не значит.

— Ложись, — не глядя на служанку, велел Риктор. — Подними юбку.

Не заботясь об удовольствии женщины, он устроился между ее разведенных ног, приспустил штаны и понял, что не хочет этой служанки, как и любой другой женщины.

— Покажи грудь, — хрипло велел мужчина. — Поиграй с ней. И там. Погладь себя между ног.

Но и вид ласкающей себя женщины так же не возбудил Рика. Стон, сорвавшийся с губ служанки, вызвал раздражение, ее попытка поцеловать господина — острое неприятие.

— Бездна, — коротко выругался Илейни.

Он улегся на спину, закрыв глаза. Женщина замерла рядом, боясь вздохнуть.

— Что ты лежишь изваянием?! — сорвался лорд. — Сделай что-нибудь, чтобы я, наконец, поймел тебя!

Она жарко кивнула и задрала рубаху господина, покрывая его тело влажными поцелуями, спустилась ниже, вздохнула почти с обожанием и накрыла ртом мужское естество. Рик закрыл глаза, стараясь отдаться во власть опытной в любовных утехх женщине, но перед внутренним взором встала другая. Он вспомнил, как пальцы Нэми впились ему в плечи, когда Риктор впервые ощутил, насколько узкое и горячее у нее лоно. Вспомнил, как откинулась назад ее головка, как приоткрылись губы, и с них сорвался протяжный стон:

— Ри-ик...

Зарывав, мужчина перевернул служанку, подмяв ее под себя, и вошел резким толчком, заполняя женщину налитой возбужденной плотью. Он вбивался в нее, не открывая глаз и коротко велел:

— Молчи!

Не хотел нарушать наваждения, не желал слышать чужой голос. Даже лоно служанки казалось ему неуютным, но желание уже гнало кровь по венам. Рик поставил женщину на четвереньки, заставил пригнуть голову, оставляя для своего взора лишь спину, затянутую в коричневую ткань форменного платья. Он вновь и вновь брал ее, оглашая опочивальню шлепками бедер об округлые ягодицы. Уже почти дошел до черты, когда его слуха коснулся сдавленный вскрик.

Лорд резко обернулся и увидел Нэми, зажимающую рот ладонью. Он даже зажмурился и помотал головой, но беловолосое видение никуда не делось. Стояло все там же в дверях, глядя огромными глазами, в которых застыла мука. После развернулась и выбежала прочь. Рик попробовал вернуться к прерванному занятию, но тут же соскочил с кровати, натягивая штаны.

— Господин! — вскрикнула служанка.

— Возвращайся к себе, — ответил он, не обернувшись.

— Да, господин...

Риктор вышел из своих покоев, чувствуя мрачное удовлетворение от того, что северянка

сбежала из обители. Она появилась в замке, и сразу стало легче дышать. Илейни шел по переходам своего замка, прислушиваясь к тишине, но ни рыданий, ни причитаний, ни стонов, ни даже шорохов он не слышал. Случайно повернув голову, Рик увидел в свете луны и факелов, как девушка бежит по крепостной стене. Ее волосы казались сейчас серебряными, и сама она больше напоминала призрачное создание, чем человека из плоти и крови.

Почувствовав тревогу, мужчина поспешил на стену. И, не найдя взглядом Нэми, перепугался по-настоящему.

— Где? — коротко спросил он у своего воина.

— Кто? — удивился страж.

— Спишь?! — с неожиданной яростью напустился на него лорд.

Но оправданий ждать не стал, бросившись дальше. Она стояла на стене, подняв лицо к небу и закрыв глаза. Рик судорожно вздохнул и протянул руку.

— Нэми, — негромко позвал он, боясь напугать.

Девушка вздрогнула, но не обернулась. Лорд приблизился, осторожно ступая, но остановился, так и не дойдя до нее, опасаясь, что Нэми прыгнет.

— Зачем? — спросил он.

— Нэми не нужен господину, — прошептала она. — Нет господина, нет Нэми.

— Почему, Нэми? Первая любовь...

— Один жизнь — один любовь, один мужчина. Другой не будет. Так велит Великий Мать. Судьба каждый инверны. Инверна выбирать мужчину один раз. Мужчина отказаться, инверна умирать. Закон. Или сейчас быстро, или потом в муках. Душа Инверны не жить без ее мужчина.

— Инверна? — глухо переспросил Риктор. — Бездна... Я думал, что это легенда.

Нэми горько усмехнулась и покачала головой.

— Нас мало, но мы жить. Далеко. Там много снега, холод, людей мало. Я младший... последний. Остальных убить злой человек. Он думать, мы храним тайны Матери. Он думать, мы богатый. Искать много золота, но не найти. Злой человек жег инверн, резал, пытал. Я бежать, моя сестра бежать. Ее догнать, я спрятался. Злой человек хотел мой сестра. Я слышал ее крик. Он смеяться. Сердце рвался, но я хотел жить и шел дальше. Торговец найти и забрать с собой. Мы просто прятался от людей. Много зла, много боли. Мы отдавать свой душа, нас использовать. Мужчина перестал ценить дар Великий Мать, инверны погибал от горя. Мы просто хотеть жить. Злой человек не верил.

Риктор подошел еще ближе, вновь протянув к ней руки.

— Иди ко мне, глупышка, — ласково позвал он. — Я оценил дар Великой Матери. Мне плохо без тебя, маленькая инверна.

Она обернулась, удивленно глядя на мужчину, но на его губах была улыбка, и девушка поверила. Нэми потянулась к Рiku, но оступилась и чуть не полетела со стены вниз. Он успел, поймал и сдернул вниз, крепко прижимая к себе.

— Не знаю, как мы будем с тобой жить дальше. Не представляю, что из всего этого выйдет, но гнать тебя я больше не стану, — сказал Илейни, прижимаясь щекой к беловолосой макушке.

— Сколько сможешь, столько дай, — прошептала она. — Мне хорошо просто быть рядом и любить тебя.

— Я сберегу тебя, последняя инверна. Буду заботиться о тебе. Это я могу тебе

обещать...

Не сберег! Не сдержал клятвы. Рик застонал и стер с глаз влагу, вдруг застелившую взор. Да, его сердце не ускоряло бег, когда он видел Нэми, да, он не сходил с ума от разлуки с ней. Но это не мешало стремиться вернуться, зная, что она ждет его со светлой улыбкой на устах и жарким шепотом:

— Я так скучала без тебя, мой возлюбленный господин.

Кто теперь скажет ему эти простые, но нужные слова? Кто будет ждать его, стоя на смотровой башне? Кто поймет, что ему плохо? Кто поддержит в радости? Кто заполнит опустевшую душу? Кто?! Милая, преданная, любящая, безобидная, никогда и никому не причинившая зла, разве заслуживала маленькая северянка такой страшной участи?

— Что же ты не защитила свою дочь?! — закричал мужчина, глядя в небо, где вместо Великой Матери сейчас сияло солнце. — Почему ты отдала ее чистую душу поганой Бездне?!

Небо безмолвствовало. Ни Огненные Боги, ни Великая Мать не спешили ответить мужчине, сгоравшему в огне боли и отчаяния.

— Она не заслужила такого, — прошептал он, снова сползая по стене и закрывая глаза ладонью.

Перед внутренним взором вновь стояло то, во что превратилась инверна — лунная дочь, как называли когда-то самых таинственных женщин в их мире. Она несла в себе величайший дар всепоглощающей любви к избранному ею мужчине. Берегла, охраняла, защищала. Вся жизнь инверн была посвящена заботе об избраннике. Лучшие любовницы, лучшие жены, лучшие стражи, лучшие матери, отдававшие себя без остатка своему первому и единственному мужчине.

Легенды гласили, что в крови инверн хранилась сила Великой Матери, странная магия, помогавшая инверне связать себя с избранным ею мужчиной, сохраняя таким образом среброволосых женщин от боли и гибели. Еще легенды гласили, что лунная магия становилась смертельно опасной для врагов избранника инверны, могла исцелять близких и даже продлить жизнь мужчине. Но, потеряв его, инверны гибли, сгорая в огне своего горя.

Рику досталась настоящая награда, которую он, последний представитель рода Илейни, мог оценить по достоинству, но не мог сохранить. Роду нужен был наследник, и его матерью не могла стать пришлая северянка. Лорд все эти годы искал, как можно уничтожить привязку, чтобы однажды освободить Нэми и обеспечить ей достойную жизнь, но... Судьба решила все за него.

— За что? — простонал Риктор. — За что? За что?! Боги...

Он поднялся на ноги и, пошатываясь, направился прочь с балкона, больше не желая слышать птичьих криков, шум прибоя и чей-то смех, который столь кощунственно принес ему ветер. Мир жил, мир радовался, а Нэми больше не было. Не осталось даже тела, чтобы спустить его в склеп, оказав дань последнего уважения. Только прах, разлетевшийся по ветру. И душа во Тьме...

Неожиданная мысль пришла в затуманенную горем голову молодого аниторна. Он остановился, осознавая ее, ухватился, как за ускользающую надежду и бросился вниз, крикнув первому попавшемуся стражу:

— Тэдиус Родос еще здесь? Найти и привести ко мне!

Воин сорвался с места, спеша исполнить повеление господина. Риктор стряхнул с себя оцепенение и, стараясь не думать о том, что замок вдруг стал напоминать ему склеп,

устремился в приемную залу. Однако не смог долго оставаться в тишине и одиночестве и спустился вниз, чтобы выйти на солнечный свет.

— Да сколько можно?! Мой лорд! — вскоре услышал он и увидел, как Тодар вновь тащит маленького мага.

— Тодар, — Рик махнул рукой, повелевая отпустить мастера Родоса. После подозвал мага к себе. — У меня к вам спешное дело. Я хотел бы узнать ваше мнение.

— Все, что в моих силах, лорд-аниторн, — поклонился Тэдиус, успев метнуть в начальника стражи недобрый взгляд.

— Идемте, — лорд уже ни на что не обращал внимания, увлекая за собой мастера.

Они прошли в кабинет Риктора, лорд присел на краешек тяжелого резного стола, где они с Нэми... Тряхнув волосами, Илейни любовно провел ладонью по столешнице и отогнал лишние воспоминания. Он указал магу на кресло напротив, дождался, пока тот устроится и, вспомнив о законах гостеприимства, спросил:

— Вы голодны? Вина? Воды?

— Лорд-аниторн, я четверть хора назад покинул ваш замок, — мягко напомнил Тэдиус. — Меня на славу накормили и угостили замечательным вином из подвалов вашего замка. Что гложет вас?

— Душа Нэми, — ответил Рик. — Можно ли освободить ее из плена Тьмы? Моя девочка была слишком светлой, чтобы пребывать в лапах Виллианов.

Мастер Родос опустил взгляд, разглядывая свои ладони и думая над ответом. Что он мог? Опыт показал, что он бессилен против магии Бездны. Это было крайне отвратительным осознанием. Один из сильнейших магов Побережья оказался беззащитней младенца перед неведомым колдуном, столь нагло издевавшимся над ним, главой Гильдии. «Шарлатан». Передернув плечами, Тэдиус Родос вскинул взгляд на аниторна.

— Мне тяжело сознаваться в своем бессилии, мой лорд, — чуть сварливо произнес маг. — Но это так. Мне не подвластна черная магия. Это даже не темный маг, это какое-то порождение Бездны! Иначе как простой смертный смог обуздать столь разрушительную Силу? Как обычный маг, пусть и сильный, смог создать такое?! Я могу поднять мертвеца, я могу управлять им, но я не могу извлечь душу из тела, сохранив ему жизнь. И уж тем более я не могу изменить сущность. Мой лорд, я ничем не смогу вам помочь, как и любой другой собрат по моему ремеслу. И мне остается только молиться, чтобы этот колдун не сотворил большего зла...

— Он уже сотворил, — перебил мастера лорд. — Я теперь уверен, что он вмешался в Игры. И как вы думаете, мастер Родос, зачем ему это было нужно? Что может быть ценного для обладателя Силы Бездны в Драконьих Играх?

Тэдиус неопределенно пожал плечами. После почесал лысину и неуверенно предположил:

— Развлекался?

— Тогда что мешает ему для развлечения снести наше королевство с лица земли? — невесело усмехнулся Риктор. — О, нет, дорогой мастер. Я уверен, что колдун не желал, чтобы род Илейни вернулся на Побережье. Не обнаружив себя, он не мог сделать этого раньше. Необычная Сила непременно привлекла к нему внимание, а мы с вами слышали, что он не желает быть узанным, по крайней мере, пока. К тому же он знал, с кем имеет дело. Он знает меня, мастер Родос, и это еще больше укрепляет меня в моих подозрениях. И знаете, какой вывод я делаю? — маг вопросительно приподнял брови. — Он не настолько

силен, насколько хочет казаться. Иначе мы бы его уже лицезрели на Побережье, коли уж оно его интересует. И я обязательно узнаю, что столь важного для мага Бездны в моих землях, и чем ему мешаю именно я.

Тэдиус поднялся с кресла и прошелся по кабинету. Он взволнованно потирал руки, о чем-то думая, после обернулся и стиснул ладони.

— Вы правы, мой лорд, ах, как вы правы! — воскликнул маленький маг. — Колдун не так силен, как мне подумалось вначале. Он ведь, действительно, прячется. И противостоял ему один я. А если бы магов было много? Ведь в глубокой древности именно обладатели магии этого мира сумели повергнуть Виллианов, выходцев из другого мира, в Бездну. Именно маги нашего мира уничтожили их Силу в Верхнем мире. И, стало быть, мы можем уничтожить колдуна и теперь. Он один, нас много! Ах, кабы мне его вещь. Что-то, что обладает черной силой Бездны!

— Чтобы вы сделали, мастер? — жадно подался вперед Рик.

— Я бы отыскал его, — уверенно ответил Тэдиус. — Я бы смог установить связь вещи и ее владельца. И тогда, собрав своих людей, я бы наведалься в его логово и посмотрел, кто из нас шарлатан.

— А Нэми? Мастер Родос, могли бы вы освободить душу Нэми?!

— Попытаться стоит, — широко улыбнулся маг, но тут же поник. — Но у нас ничего нет.

— Есть, Тэдиус! — воскликнул лорд Илейни. — Амулет, его амулет, мастер. И он у меня.

Глаза мага вспыхнули, отражая чувства, обуревавшие его в это мгновение. Он жадно втянул носом воздух, словно охотничий пес, и взмахнул рукой:

— Тогда чего мы ждем? Ведите, мой лорд! И мы попытаемся уничтожить угрозу в ее зародыше.

Риктор поднялся со стола, отдернул камзол и поманил за собой Тэдиуса.

— Милость Огненных не оставит нас, — прошептал аниторн. — И Великая Матри поможет своей дочери. — И добавил уже громче: — Следуйте за мной, мастер. Я верю в вас и в ваше мастерство.

— И у вас есть на то основания, — самодовольно улыбнулся маг.

— Дай-то Огненные, — ответил Рик и первым покинул кабинет.

Глава 8

Он все-таки похоронил свою инверну. Пусть не осталось ее тела, пусть даже душа бедной Нэми пребывала во Тьме, но Риктор не хотел, чтобы память о маленькой северянке обратилась в дым, развеявшись с ветром. Он не хотел, чтобы от его наложницы не осталось даже малейшего следа, словно ее никогда не было в его жизни. Она была! И молодой лорд еще слишком остро чувствовал свою утрату. Тело помнило ее ласки, вновь обретенного слуха еще касались ее признания, глаза искали знакомый образ хрупкой женщины, чья жизнь была посвящена только ему. Ее любовь еще окружала горевавшего мужчину.

— Нэми, — судорожно вздыхал он, стоя над богатым гробом, куда уложили ее платье, миниатюрный портрет, написанный по личному заказу лорда Илейни, белоснежные волосы, снятые с ее гребня.

Слуги не тревожили господина. Ходили тихо, обмениваясь взглядами. Все знали, как лорд Риктор был привязан к своей наложнице, да и прислуга привыкла ее считать едва ли не госпожой, уже слабо веря, что хозяин когда-нибудь женится. Годы шли, лорд не молодедел, а ничего не менялось, несмотря на то, что он был последним в своем роду. Кто-то украдкой качал головой, втайне осуждая господина за такую блажь. Любовь любовью, а о будущем стоило подумать. Кто-то понимающе улыбался, поглядывая на Нэми, расцветающую рядом со своим высокородным любовником. Она заботилась о лорде Илейни лучше, чем иная леди могла бы позаботиться о своем супруге. Да и худого от нее никто не видел. Не задирала нос, не обижала челядь, не строила козней. Милая женщина, одним словом.

— Господин, — Тодар вошел в пустой зал, где стоял гроб.

Его шаги отдались от темных каменных стен гулким эхом, оглушая Риктора, опустившего голову на край стенки гроба. Илейни вздрогнул и посмотрел на начальника замковой стражи. Тодар опасался увидеть красные глаза или, что еще хуже, слезы господина. Не хотел быть свидетелем его слабости, чувствуя себя неловко и не зная, что сказать лорд-аниторну в поддержку. Но глаза господина оказались сухими. Свое горе Рик держал внутри, не выпуская боль утраты наружу.

— Что? — хрипло спросил лорд.

— Жрец Огненных пришел... — Тодар вздохнул, глядя на пустой гроб.

— Хорошо, — кивнул Рик.

— Господин...

— Что еще? — Илейни устало потер лицо.

— Тот маг, мастер Родос, он просит вас принять его.

— Скажи, скоро приму, — молодой лорд сделал едва уловимый жест рукой, и начальник стражи, склонив голову в почтительном поклоне, покинул сумрачный зал, оставив своего господина.

Распрямившись, Рик потер переносицу, потрянул волосами и бросил еще один взгляд на гроб без тела.

— Я освобожу твою душу, нежная моя, и ты сможешь вернуться к своей Матери, — сказал он и хлопнул в ладоши.

Тяжелые створы распахнулись, и к лорду потянулись челядь и стражи. В скорбном молчании несколько слуг накрыли гроб тяжелой резной крышкой, украшенной рунами Огня и Луны. Вычурная позолота выводила причудливую вязь переплетенных веток Древа мертвых — амератта. Риктор отвернулся, не желая смотреть, как крышка скроет то, что сейчас символизировало собой покойную инверну, как охранная магия заискрится, скрепляя крышку и стенки гроба, лишая возможности воров и некромантов вскрыть последнее пристанище мертвеца. И пусть сейчас это было излишней предосторожностью, но Илейни хотел, чтобы все соответствовало обычному ритуалу похорон.

Как только слуги отошли, сложив перед собой руки и склонив головы, стражи подхватили гроб за поручни, подняли его и замерли в ожидании приказа господина.

— Несите, — не глядя, велел Риктор.

Стражи прошли мимо аниторна, неся свою печальную ношу. Лорд Илейни проводил их взглядом, зябко поежился и последовал за воинами. Они спустились по широкой лестнице, сейчас усыпанной ветвями амератта, пропитав воздух в замке тяжелым навязчивым ароматом. Казалось запах веток забивается в нос вязкой кашей, не давая вдохнуть полной грудью. Ветки похрустывали под подошвами сапог стражей, и хруст этот, удивительно

тонкий и протяжный, напоминал стоны плакальщиц.

— Ох, Боги, — всхлипнул одинокий женский голос.

Рик повернул голову и увидел одну из горничных, уткнувшуюся в плечо распорядителя. Плечи женщины вздрагивали. Глядя на нее, заплакали еще несколько служанок... Хорошо. Древние говорили: «Чем больше слез пролито, тем полноводней река, несущая душу умершего к Земле Успокоения. Тем быстрее ее примут прекрасные девы — Эрахны и проводят туда, где ждут душу Духи пращуров». Только вот душу Нэми никто не встретит... Риктор отвернулся от служанок, теперь глядя только перед собой.

Стражи уже спустились вниз, свернули налево и понесли гроб к воротам, открывавшим вход в родовой склеп, где лежали предки последнего лорда Илейни, окруженные своими домочадцами. Заготовленные несколько сотен лет каменные саркофаги зияли пустотой холодного нутра, не успев заполниться изгнанными с родной земли потомками славных мертвецов. К одному из таких саркофагов и несли гроб, предназначенный простой наложнице. Рика мало интересовало, одобрили бы его решение пращуры, или нет, но сжигать тело, как поступали с простолюдинами, уже не было смысла. Инверна сгорела в драконьем огне. Но даже, если бы Гор и не уничтожил тварь, в которую превратилось некогда прекрасное молодое женское тело, аниторн все равно похоронил бы ее в родовом склепе. Она ведь и правда была ему женой... почти.

Промозглый холод смерти, затхлый запах, мрачные каменные саркофаги, на крышках которых покоились каменные изображения высокородных мертвецов — все это угнетало настолько, что хотелось поскорей покинуть место скорби, но спешить и сокращать ритуал погребения Риктор не хотел. Он остановился перед подготовленным саркофагом и кивнул жрецу Огненных, уже стоявшему на положенном ему месте.

Жрец воздел руки, и огненный круг опоясал каменное вместилище, куда стражи уже опустили гроб, тут же отступив назад. Огонь, паривший над головой жреца, опустился на пол, оставив внутри горящего кольца только саркофаг с гробом и жреца, теперь соединившего над головой ладони. Пламя поднялось выше, лизнув алую мантию жреца, но не опалив ее. По склепу понеслись слова древней молитвы, больше напоминавшей тягучей напев. Языки огня, послушные жестам жреца, взметнулись еще выше, соединились над ним, превратившись в пылающую сферу. Напев достиг наивысшей точки накала, и... огонь, зашипев, как голодный змей, набросился на своего создателя. Крик жреца разнесся по затхлой пустоте, оглушая всех, кто находился в склепе.

— Воды! — закричал Риктор. — Воды и Раса!

Целитель, уже очнувшийся от своего долгого сна, постукивая каблуками башмаков, спешил к полыхающему факелу, в который превратился служитель Огненных Богов, но приблизиться не смог. Его магии не хватало, чтобы погасить взбесившееся пламя.

— Отойдите! — выкрикнул знакомый голос, и мастер Тэдиус Родос вскинул руки, выплетая заклинание.

— Мертвеца нет, — прохрипел жрец, протягивая руку в сторону лорда. — Души нет, она не откликнулась на призыв Огня. Боги гневаются... Обман! Кошунство...

Пока маг пытался подчинить себе огонь, прибежали слуги с ведрами. Вода, от быстрого бега, выплескивалась на пол, оставляя на нем лужицы. Илейни обернулся на звук шагов и плеск воды, отнял ведро и выплеснул его содержимое на жреца. Тэдиус фыркнул, сжал кулак, и выплеск магии рассеялся.

— Не было времени, — буркнул Рик.

Слуги вылили на жреца остальные ведра с водой и поспешили покинуть склеп, где теперь стоял отвратительный запах горелого мяса, и не смолкали человеческие крики боли.

— Рас, восстановишь? — с тревогой спросил Илейни.

— Угу, — буркнул целитель. — Несите ко мне.

Стражи подхватили продолжавшего орать жреца и понесли следом за Расследом. Рик развернулся на каблуках, глядя вслед удаляющимся воинам. Он поджал губы и передернул плечами, сожалея о своем упрямстве.

— Боги простят, — осторожно похлопал его по плечу Родос. — А вот необразованные пустомели могут назвать вас богохульником, мой лорд. Неплохо бы вам устроить прилюдное покаяние и очищение карающим огнем, чтобы заткнуть рот болтунам. Не стоит начинать правление с ссоры со служителями.

— Обязательно, — кивнул Риктор. — Но сначала дело. Идемте за мной, Тэд.

— Я, как раз, о нашем деле, — оживился маленький маг.

— Терпение, мастер, — одернул его лорд-аниторн, и мужчины покинули склеп.

Прислуги на лестнице уже не было, кроме нескольких служанок, собиравших ветки амератта.

— Оставьте, — велел господин. — Соберете к ночи, как должно.

— Но...

— Я все сказал, — ровный тон лорда перепугал женщин больше, чем напугал бы его крик.

Поклонившись, они вновь разбросали то, что успели подобрать, и поспешили скрыться, осторожно обходя стонущие ветки. Риктор, уже не обращая внимания на прислугу, продолжил свой путь, маг благоразумно промолчал, решив, что хуже сжигания жреца ритуальным Огнем, от веток уже не будет. Стражи хранили на лицах непроницаемое выражение, лишь небольшая бледность их кожи подсказывала, что воинам тяжело дается удушающий запах амератта.

Лорд и маг уже достигли ступеньки, когда позади послышался полустон-полувсхлип. Следом звякнул металл доспехов. Илейни обернулся и тихо выругался. Одному из стражей все-таки стало дурно, и он повалился на ступени бесчувственным кулем, скатился на несколько ступеней, и остановил его товарищ, сам мотнувший головой, отгоняя дурноту. А когда третий воин вцепился в холодные мраморные перила, Риктор не выдержал.

— Эй, кто там! — крикнул он. На крик прибежал управляющий. Лорд едва заметно скривился, приказав: — Пусть уберут. — После посмотрел на стражей и коротко приказал. — Все на воздух.

Благодарный стон привел господина в крайнюю степень раздражения, но его Рик оставил при себе, понимая, что его скорбь остается только его скорбью, и люди не должны страдать из-за упрямства своего лорда. Маг прикрыл нос ладонью, это тоже злило Илейни, но, справившись с раздражением, мужчина зашагал в направлении своего кабинета. Мастер семенил следом, потирая сухие ладони и что-то бормоча себе под нос. Риктор впустил его в кабинет, указал на кресло с высокой спинкой и, предупредив:

— Сейчас вернусь, — закрыл за магом дверь.

Лорд Илейни поднялся к покоям, которые занимал лекарь, открыл дверь и вошел, вдруг ощутив неловкость. Жрец уже не кричал. Расслед усыпил обожженного мужчину и теперь тот тихо постанывал, когда руки целителя касались его. Рик подошел ближе, отчего-то ощутив себя вдруг нашкодившим мальчишкой. Он не знал, что такое возможно, даже не

представлял, что, не встретив душу, Огонь может взбеситься и накинуться на жреца, наказывая за то, что был призван впустую. Илейни просто хотел похоронить свою Нэми, как того требовал обычай, ничего дурного в его помыслах не было. Однако вышло совсем худо. И маленький маг прав, завистники и злопыхатели не преминут использовать случившееся против молодого аниторна.

— Сильно обгорел? — шепотом спросил Рик.

Целитель кивнул, не прекращая своего занятия.

— Он полностью исцелится?

Рас бросил недовольный взгляд на своего господина, и лорд понял, что мешает. Не желая отвлекать целителя, Риктор бесшумно покинул его покои. Протяжно вздохнув, аниторн ожесточенно потер лицо ладонями, сгоняя последствия двух бессонных ночей, и поспешил к Родосу. Нужно было скорей найти и уничтожить ту тварь, что творила бесчинства на земле, теперь принадлежавшей Илейни. Неизвестного колдуна Рик теперь считал личным врагом и не желал покоя, пока не избавится от него.

— Тэд, я слушаю вас, — произнес он, стремительно входя в кабинет.

— Я смог его найти, — просиял маг. — Связь слабая, словно владелец пытается отказаться от своей вещи. Скорей всего, он уничтожает след, но не так быстро, как ему хотелось бы. Времени мало, и я уже бросил клич сильнейшим мастерам Гильдии. К ночи мы сможем открыть переход и ухватить наглеца за зад.

— Где обосновалась гадина? — оживился аниторн.

— Изумрудная долина, мой лорд, — широко улыбнулся Тэдиус.

Риктор стиснул зубы, борясь с желанием немедленно броситься в драконник, оседлать Гора и мчаться к обиталищу черного колдуна. Только разум удерживал его сейчас, нашептывавший, что без магов он ничего не сможет сделать.

— Жаль, что к ночи распадется связь, и я не смогу открыть переход прямо к его логову, придется немного поискать, долина велика, — с сожалением продолжил маг. — И все же не настолько, чтобы мы не нашли мерзавца.

— Я отправлюсь с вами, — решительно заявил Рик.

— Мой лорд, — осторожно начал Родос, — безопасней...

— Вы считаете, что в королевстве остались безопасные места? Черная тварь настигла мою наложницу в моем же замке, — воскликнул Илейни. — Я не могу быть уверен, что не по его наущению произошло убийство Нэми. И уж точно не вижу никого иного, кто смог бы сотворить тот ужас, который я встретил на Играх. Кому под силу собрать несметную стаю авехендр, или поднять со дна камгалов? Кто сможет наслать туман, лишаящий воли, в котором терялись даже драконы? Вы можете это сделать, Тэд?

Маг передернул плечами, показывая, что его задели слова лорда, но вскоре развел руками и отрицательно покачал головой. Магия Бездны была почти безграничной, и для того, кто копил силы, подобное казалось не таким уж и сложным делом. Вот только...

— О, мой лорд! — воскликнул Тэдиус. — Так ведь это же означает, что враг сейчас ослаблен! Я возьму десятерых магов, нам должно хватить наших сил. Тогда нет смысла ждать ночи и блуждать в темноте, мы отправимся перед закатом, и найдем его еще до темноты.

— Вы уверены, Тэдиус? — с сомнением спросил Риктор.

— Более чем, — живо закивал мастер. — Жду вас через семь хоров, мой лорд. У башни Гильдии, оттуда я открою переход.

— Мой дракон...

— Перенос вашего летуна может отнять силы, — вздохнув, ответил Родос.

— Хорошо, — кивнул Илейни. — Стало быть, Гор останется в драконнике. Пусть отдохнет. В назначенное время я буду у башни Гильдии.

Поклонившись, Тэдиус Родос, поспешил на выход, потирая в предвкушении руки. Риктор проводил своего посетителя взглядом, после прошел к своему креслу и почти упал в него. Откинул голову на высокую спинку, закрыл глаза и постарался ни о чем не думать. Не вышло. Мысли, словно сорвавшиеся с цепи псы, накинудись на аниторна, вгрызаясь в него, не давая забыться даже на короткое мгновение. Все, что произошло за последнее время, разом обрушилось на Илейни, заставляя раз за разом прогонять перед внутренним взором Игры, Ингер с ее проклятым амулетом, Нэми, превратившуюся в верещащую мерзость, служанку мачехи, сгнившую заживо в своей камере за пару коротких мгновений.

«Враг сейчас ослаблен...»

Бездна! Выродок вовсе не похож на ослабленного. После Игр, когда поднял древних тварей, удерживал тот отвратительный туман и отводил глаза не только людям, но и драконам, он смог управлять мертвым телом инверны, меняя его мгновение за мгновением, нашел и дотянулся до Садди, уничтожив единственного свидетеля, кто мог выдать его. Впрочем...

Рик выпрямился и посмотрел в окно. Сила, убившая и изменившая Нэми, была заключена в амулете, колдун получил над инверной власть лишь после того, как сработал проклятый амулет. Садди... Возможно, она уже была отравлена? Почему нет? Если Ингер отправляла ее избавиться от соперницы, мешавшей ее намерениям, то она же могла и позаботиться о том, чтобы служанка исчезла, не успев выдать свою хозяйку. И все же...

И все же оставались сомнения, всколыхнувшие справедливое опасение, что затея Родоса обречена на крах. Глава Гильдии — сильнейший маг побережья, он превратился в безобидное дитя, не сумев удержать даже не самого господина, а лишь его создание. Сможет ли десятка сильнейших остановить колдуна, обуздавшего магию Бездны? Да и как, ради всех Богов, ему это удалось?!

— Проклятье, — Риктор тряхнул волосами и поднялся с кресла.

Что вообще такое — магия Бездны? Можно ли ею вообще овладеть, не будучи изначально выходцем из черной Бездны? И как маги древности смогли победить Виллианов и низвергнуть их в Нижний мир? Лорд-аниторн поджал губы, роясь в своей памяти, но, так и не найдя ответов в своей голове, он стремительно направился в архив, не желая слушать доводы разума. А разум не молчал. Он умолял своего хозяина дать отдых телу, измотанному бессонницей и переживаниями. Из семи хоров Рик мог смело потратить пять-шесть на сон. Нужно просто довериться тому, кто больше него понимает в магии.

Для Тэда Родоса она была даром от рождения и наукой, которой он посвятил жизнь, изучая и подчиняя незримые потоки. Для Риктора Илейни магия оставалась данностью его мира, существуя для людского блага. И если когда-то маги могли править миром, являясь непреодолимой мощью, то уже давно изобретены всевозможные защитные браслеты, блокировавшие выплески любого мага, даже главы Гильдии. Существовал Кодекс, установивший целый свод правил для магов. А выпускники магических училищ приносили клятву на крови, обязывающую их не использовать свою силу во вред жителям королевства. Одаренные превратились из господ в слуг.

Так стоило сомневаться в том, что говорил мастер? Стоило ли терзать себя

размышлениями, когда можно было просто довериться? Возможно, это было бы верным решением, но последний лорд Илейни привык полагаться на себя. Он любил находить ответы на возникающие вопросы, и действовать уже исходя из полученных знаний. Пока же он не знал ничего, только сплетни, раздутые, преувеличенные, извращенные до неузнаваемости, и это тревожило. А когда его Рика что-то тревожило, он не боялся себе в этом признаться.

Вот и сейчас, вместо необходимого ему отдыха, Риктор спешил в городской архив, превосходивший архив в его замке в разы. Стража и челядь изумленно взирали на господина, когда он, покинув кабинет, велел принести свежую одежду и устремился в драконник. Недоумение сменила тревога, и обитатели замка на утесе переглядывались друг с другом, обмениваясь вопросительными взглядами. Правда, вслух подозрения в помрачении рассудка хозяина никто так и не высказал.

Риктор вошел в ворота драконника и тут же оказался под пристальным надзором своего летуна, придирчиво оглядевшего человека. Гор принюхался, оценивая насколько Риктор здоров, после отвернул морду и фыркнул. Одежда Илейни пропиталась въедливым запахом амератта.

— Ну извини, — развел руками Рик.

— Пф, — пренебрежительно ответил дракон.

Однако снова повернулся к человеку и ткнулся носом ему в ладонь. Мужчина провел ладонью по бронированному лбу летуна, заглянул в глаза, и дракон встревожился. Человек больше не страдал так сильно, как утром, когда заглядывал к своему большому другу, но в его глазах было нечто затаенное, что Гору не понравилось. Он безошибочно угадывал, когда Рик о чем-то настойчиво думает. Но сейчас дракон уловил мрачную решимость человека, и страх вполз в горячее сердце ледяной змеей.

Гор деловито прошел к своей упряжи, ухватил зубами попону и потянул ее к Рику.

— Нет, мальчик, — улыбнулся тот, — я всего лишь в город. Хочу немного посидеть в архиве, нужно кое-что найти в древних свитках. Ты остаешься дома.

— Ар-р, — протестующе заворчал дракон.

— И как ты себе это представляешь? — усмехнулся человек. — Как такой большой дракон поместиться в ма-аленьком архиве?

— Пф.

— Ты хочешь, чтобы тебя прозвали Гор-уничтожитель свитков? — Риктор покачал головой и потрепал летуна по мощной шее.

После забрал попону и понес ее назад, но дракон поспешил следом, отнял попону и упрямо посмотрел на человека.

— Гор, — укоризненно произнес мужчина.

Но дракон высоко задрал голову и направился к воротам драконника, так и не отдав добычу. Илейни негромко рассмеялся и поспешил за летуном, решившим поиграться.

— Гор, — позвал Риктор. — Гор, вернись. Ну правда, как ты собираешься идти по улицам? Да перед архивом для тебя даже места нет. И сомневаюсь, что выдержит крыша, ты упитанный.

Дракон обернулся и окинул человека возмущенным взглядом. После приподнял крылья, показывая свои бока, и несильно шлепнул по полу хвостом.

— Да, ты красавец, но слишком большой и тяжелый.

— Пхф, — с набитым ртом фыркать оказалось не так удобно.

— Гор... Гор!

Но дракон уже вышел из драконника и опустился на брюхо, давая человеку усесться на него. Рик почувствовал легкое раздражение и снова попробовал достучаться до упряма.

— Мальчик, да пойми ты своей большой и умной головой, что город не предназначен для выгула драконов. Мы же не в горах!

Гор распластал по земле крылья.

— В Бездну! Ты устанешь кружить над городом, а я не смогу углубиться в изучение свитков, потому что буду тревожиться за тебя. Гор, мне очень надо в архив, честное слово.

Дракон вытянул шею, выплюнул попону и уложил поверх нее голову.

— Ты будешь со мной спорить? — возмутился лорд-аниторн.

— Гр, — ответствовал летун и вздохнул, подняв своим дыханием облако пыли. — Ар-р.

— Совести у тебя нет, морда чешуйчатая, — проворчал Риктор, усаживаясь рядом и взирая на Гора хмурым взглядом. — Ни стыда, ни совести. Себялюбца.

— Пф, — не согласился дракон.

— А я говорю, что упрямый, наглый и вредный себялюбца. — Риктор протяжно вздохнул. — Гор, мне очень нужно найти нечто важное. Это жизненно необходимо, понимаешь? Жизненно!

Гор обернулся, некоторое время рассматривал своего человека. Лорд был заметно удручен выходкой дракона, еще чуть раздражен, но то, что взволновало летуна, ушло из взора. Немного поколебавшись, дракон поднялся на лапы. Он подхватил попону, но тут же вновь открыл пасть, и она накрыла Риктора. Тот выпутался из тряпичных оков и укоризненно покачал. Гор царственной поступью вернулся в драконник. Человек последовал за ним.

— Когда я вернусь, мы с тобой немного погуляем, — пообещал Рик.

И вновь тревога всколыхнулась в драконьем сердце, но тут же улеглась, когда его человек светло улыбнулся и прижался щекой к холодному чешуйчатому боку.

— Когда зажгутся звезды, я вернусь, — негромко произнес мужчина.

Гор издал протяжный рев и улегся, показывая, что отпускает человека. Риктор еще раз прижался к драконьему плечу и покинул драконник, спеша смыть с себя оцепенение скорби, запах амератта, и переодеть траурные одежды. Пока лорд приводил себя в порядок, зашел Расслед. Целитель остановился недалеко от дверей, сложил руки на животе и замер, ожидая, когда господин его заметит.

— Как жрец? — Рик стянул волосы в хвост, провел ладонью по голове и обернулся к целителю.

— Спит, — коротко ответил Расслед. — Мой лорд... — Илейни поморщился, и маг усмехнулся. — Мой мальчик, тебе нужно дождаться его пробуждения. Пострадал служитель Огненных, и пострадал он по твоей вине...

— Я не знал, что подобное могло случиться, — ответил Рик. — Конечно, это не отменяет моей вины, и я непременно внесу немалое пожертвование и приму наказание карающим Огнем, но сейчас у меня нет времени.

— Рик, ты же понимаешь, как велика власть жрецов. Только им подвластен божественный огонь, и если они начнут против тебя войну, ты потеряешь не только Побережье, которое добыл с таким трудом. Даже король не будет спорить со служителями культа. — Целитель подошел ближе. — Оставь свои дела, твое будущее под угрозой.

Риктор обнял старика за плечи и заглянул в глаза. Рас тревожился, и это было ясно без

слов. Молодой лорд знал, что целитель любит его, как сына, потому принимал близко к сердцу все беды своего господина. К тому же Расслед был старше и мудрей, но Илейни сегодня не хотел его слушать.

— Рас, есть угроза пострашней гнева жрецов, — мягко заговорил он. — Если я сейчас выполню твою просьбу, то не я, а все Побережье окажется под угрозой. И не только Побережье, все королевство. И кто знает, может, и наш мир. Появилась сила, которой не было на этой земле уже не сотни, тысячи лет. Друг мой, кто-то владеет магией Бездны, и этот кто-то вмешался в Игры, убил мою Нэми, но вряд ли на этом остановится. Маги нашли его логово, и я отправляюсь с ними...

— Нет! — воскликнул целитель, вцепившись тонкими, но еще сильными пальцами, в плечи лорда. — Рик, не вздумай соваться! Нашим магам не справиться с силами Бездны!

— Почему ты так думаешь? — нахмурившись, спросил Илейни. — Ты уверен?

Расслед передернул плечами, но промолчал.

— Рас, если ты знаешь что-то, чего не знаю я, скажи, — потребовал Риктор. — Не только я, но и десять магов могут погибнуть. Говори!

— Я не уверен, — вынужденно признался целитель. — Это предположение. Просто я представляю мощь того, кто поднял со дна стаю камгалов. Обычный маг и одного призвать не сможет, как не сможет и заставить авехендр слушаться себя столько времени. Одну, двух, да. Но авехендра быстро выйдет из подчинения. Если их используют для устранения кого-то, желая представить все, как роковую случайность, то тварь отлавливают и сажают в клетку. Потом усыпляют и отвозят ближе к тому месту, где должно случиться нападение. Затем завладевают разумом авехендры и выпускают. Рик, она даже толком не просыпается, пока рвет жертву. Просто страшная кукла. Это не озверелая стая голодных авехендр, прекрасно осознающих, что они делают. Никому такое не подвластно, мой мальчик. Лучше останься в замке, дождись, пока проснется жрец и поговори с ним. А маги, если у них нет разума, то пусть суют голову в петлю. В конце концов, ты уже правитель Побережья, а правители посылают исполнителей, но не лезут к Виллианам на рога сами.

Расслед замолчал и с мольбой посмотрел на лорда. Тот смотрел поверх его головы, и целитель понял, что его жаркая речь не достигла цели.

— Ри-ик, — простонал старик, — я прошу тебя...

— Не беспокойся, мой друг, я буду наблюдать со стороны, — все-таки ответил Илейни. — Все, что у нас есть — это предположения. Родос уверен, что сможет обуздать колдуна. Ты считаешь, что нет. Два противоположных мнения, только действительность покажет, как есть на самом деле. Обещаю, что буду осторожен и хорошо подготовлюсь прежде, чем отправиться с магами.

Аниторн обошел целителя и направился к дверям. Расслед обернулся вслед за ним. Лицо его исказилось мукой, и старик выкрикнул:

— Тобой движет месть, но не разум! Рик!

Илейни на мгновение остановился у дверей, бросил на целителя короткий хмурый взгляд и все-таки покинул покои. Расслед стиснул ладонь и прошептал:

— Это чары проклятой инверны не отпускают тебя.

Он единственный, кто знал о сути Нэми, и старому мудрому магу никогда не нравилась эта связь, в ней не было смысла. Рик не полюбил инверну, и ее магия так и не проснулась. Оставалась лишь привязка мужчины к влюбившейся инверне, больше мешавшая ему, чем помогавшая. Расслед всегда надеялся, что появится та, кто разбудит сердце лорда, и это

победит чары.

Нет, Рас по-своему любил милую девчушку с севера, и будь она знатной, чтобы Рик мог жениться на ней, в инверне было бы больше проку. Впрочем, чтобы разбудить истинную силу инверны, нужна была взаимная любовь, а ее так и не случилось. Великий дар стал обузой, только и всего.

— Всего лишь чары, — вновь прошептал целитель, выходя из покоев господина.

Риктор Илейни покинул свой замок на утесе, выехав из ворот в окружении воинов. Из драконника донесся рев, Гор напоминал человеку, что ждет его. Дракон не видел, как уезжает лорд, но чутко улавливал все, что касалось его маленького и такого уязвимого друга. Вот и сейчас он беспокойно протопал до ворот, прошуршал хвостом по каменному полу и вернулся на прежнее место, вновь улегшись и подняв взгляд на отверстие в стене, через которое было видно небо. Еще залитое солнцем небо. Но оно обязательно потемнеет, зажгутся звезды, и человек войдет в ворота, чтобы добродушно посмеяться над своим летуном и его тревогами. Да, именно так и будет. С этого мгновения Гор уже не отводил взгляда от окошка, следя за неспешным течением времени.

Лорд-аниторн обернулся на драконник, после перевел взгляд на замок, в одном из окон которого был виден силуэт целителя, мотнул головой и пустил коня вскачь. Ладонь сжалась на рукояти меча, блеснувшего голубым камнем, и Рик окончательно успокоился, сосредотачиваясь на том, что собирался искать в архиве. Это отвлекало от собственной тревоги и предвкушения того, что должно было произойти с наступлением вечера.

Рик не хотел думать, что Расслед прав, и что безопасность королевства для него сейчас лишь повод сорваться в рискованный поход. Основное же желание, червяком въевшееся в кровь — это месть за смерть ни в чем неповинной Нэми. Даже сейчас, сидя над свитками, он не мог до конца избавиться от мыслей о покойной наложнице. Тоска была столь сильной, что Рик приходилось вставать со своего места, чтобы выйти на воздух и немного прийти в себя.

После он возвращался назад, углублялся в чтение, но вскоре вновь смотрел на древние письма невидящим взглядом, и вспоминал, вспоминал, вспоминал...

— Пожри меня Виллианы! — наконец воскликнул молодой лорд. — Я так и вовсе ничего не узнаю. — Он схватил первую попавшуюся книгу, раскрыл и начал читать вслух: — Шел третий день шетта в год триста седьмой от воздаяния Великого Огня. Доблестный лорд Рокор Балеини, оседлав своего летуна, взмыл в бездонную синь неба...

Риктор перелистнул несколько страниц:

— Леди Балеини приказала разжечь сигнальные огни. Уже пятый день она не сводила ясных очей с неба, ожидая возвращения... — Нахмурившись, Рик перелистнул половину книги. — Доблестный лорд съел печень горного скамма, и силы вернулись в ослабленное схваткой тело... Что это вообще такое?! — лорд Илейни посмотрел на название. — «Сказание о доблестном лорде Рокоре Балеини и его верной супруге, что ждала его на смотровой башне двадцать дней и двадцать ночей». Тьфу.

Риктор откинул в сторону книгу и откинулся на спинку стула, сердито глядя на «Сказание». Зачем он прихватил эту книгу? Или же это помощник архивариуса притащил ему? Постучав ладонью по столешнице, Илейни позвал:

— Эй, кто там?

Юркий мальчишка, ученик и помощник почтенного архивариуса спешно метнулся к высокородному посетителю.

— Чего изволите, мой лорд? — спросил паренек, преданно глядя на аниторна.

— Что ты мне принес? — строго спросил Риктор.

— Как вы и велели, мой лорд, — парень низко поклонился, — любовные сказания.

— Что? — потрясенно переспросил Илейни. — Я просил любовные сказания?

— Просили, господин, — снова закивал помощник архивариуса.

Аниторн Побережья потер лицо и вновь уставился на все, что лежало перед ним. Затем сердито нахмурился и махнул рукой:

— Унеси всю эту чушь. Мне нужно все, что есть о падении Виллианов.

— Да, господин.

От Риктора не укрылось недоумение паренька, когда он собирал книги и свитки. Помощник архивариус исчез, оставив лорда наедине с собой. Тот еще некоторое время сердито поджимал губы, но вскоре мысли вернулись к инверне.

— Да что за наваждение?! — воскликнул он, и звук его голоса прокатился эхом в тишине архива.

— Мой лорд? — паренек, прибежавший на вскрик аниторна, замер перед ним. — Вы звали?

— Нашел что-нибудь? — вместо ответа спросил Рик.

— Нет еще, ищу.

— Ищи.

Помощник архивариуса вновь исчез. Илейни еще какое-то время сидел перед опустевшим столом, но вскоре поднялся на ноги и направился к выходу из архива. Риктор толкнул створу, посмотрел на улицу и охнул. Уже смеркалось. День клонился к закату, а он так ничего и не узнал, просидев в горестном оцепенении все это время над любовными сказаниями. Это было столь нелепо и странно, что с уст аниторна сорвался нервный смешок, тут же оборвавшийся.

— Бездна, — проворчал молодой лорд. — Этак можно и рассудком тронуться.

Воины повернули головы в сторону своего господина. Риктор направился к ним, времени на изучение древних рукописей не осталось. Оставалось надеяться, что Родос и его маги знают больше лорда-аниторна. Он уже поставил ногу в стремя, когда дверь архива снова открылась, и наружу вышел помощник архивариуса.

— Мой лорд!

— Оставь, уже не надо, — отмахнулся Рик, забираясь в седло.

— Мой лорд, я ничего не нашел, хранилище рукописей о победе над Виллианами опустело, — растерянно произнес паренек.

Илейни, уже готовый тронуться с места, обернулся и некоторое время смотрел на парня.

— Поищите еще, — велел он и тронул поводья.

— Так нет ничего, — пробормотал помощник архивариуса. Вдруг побледнел и закрыл рот рукой. — Мастера удар хватит, теперь уж точно хватит.

Этого Рик уже не слышал. Он спешил к башне Гильдии магов Побережья, где уже собиралась десятка магов, которой предстояло уничтожить укореняющееся зло, или... погибнуть самим. Подобный исход мастера не исключали, потому на поясах их висели самые обычные мечи и кинжалы, за плечами нескольких Илейни разглядел арбалеты. Сомнения Расследа сейчас казались, как никогда, не лишены основания. Но стоило появиться Тэдиусу Родосу, как Риктор расслабился. На лице маленького мага царило возбуждение и уверенность в успехе задуманного дела.

— Мой лорд! — воскликнул Тэдиус.

Девять магов обернулись к подъехавшему отряду и склонили головы. Рик спешил, кинул поводья одному из воинов и велел:

— Возвращайтесь в замок.

— Господин, — немного опешил воин, — как же...

— Возвращайтесь, я прибуду к вечеру, — отмахнулся лорд. — Это всего лишь безобидная прогулка.

Воин смотрел на лорда исподлобья.

— На прогулку берут вино и женщин, но не мечи и арбалеты, — ответил он. — Мой лорд, мы давали клятву защищать вас, и должны следовать ей до тех пор, пока в наших жилах течет горячая кровь.

Илейни развернулся в сторону воина, посмеявшегося спорить с ним. Тот спешил, а следом и остальные телохранители из личной охраны лорда-аниторна.

— Потом хоть вешайте, но пока мы не убедимся, что вашей жизни не угрожает опасность, мы не оставим вас, — вновь заговорил старший.

— И повешу! — рявкнул Риктор. — С ума вы все посходили, если решили, что вам позволено оспаривать мои приказы?!

— Воля ваша, господин, но если маги берут в руки простое оружие, значит, уверены, что магия им не поможет, — возразил воин. Он опустил на колени. — Если мы отныне не нужны вам, лишите нас жизни, господин, и тогда мы будем освобождены от своей клятвы. Мы приносили ее на крови, и кровь уничтожит нашу верность вам.

— Пожри тебя Виллианы, Хэль! — с гневом воскликнул лорд Илейни.

Мастер Родос, все это время слушавший разговор, воздел руки к небу:

— Какая чушь! Мы не уверены! Мы уверены, но меры предосторожности никогда и никому не мешали.

— И все же господина мы не оставим, — твердо произнес старший.

— Впрочем, если разобраться, то еще несколько клинков лишними не будут, — буркнул Тэдиус, а Рик махнул рукой.

Он посмотрел на мага, и тот, оглядев свой магический отряд, и кивнул. Воины и лорд вернулись в седла. Маги встали в круг, в центре которого остался Тэдиус. Он присел, что-то вычерчивая на плитах, которыми был вымощен двор у башни Гильдии. После достал из-за пазухи ожерелье и положил в середину пентаграммы. Маленький маг произнес несколько слов нараспев, и остальные мастера дружно воздели руки к небу. Ощущение невидимой силы, свернувшейся в расходящуюся спираль, было настолько явственным, что лошади тревожно заржали и не сбежали лишь потому, что всадники удержали их. Порыв ветра поднял пыль, обозначившей контуры спирали, полыхнула белая вспышка, и на месте пентаграммы за клубился серый туман. Он расползлся, захватывая сначала магов, а после и аниторна с его воинами. Мгновение, и у башни Гильдии уже никого не было. Ловушка захлопнулась...

Туман отступал неохотно, отползал, выпуская из своих липких вязких пут. Хрипло выдохнув, Риктор огляделся. Его воины, протирая глаза, ошалело оглядывались по сторонам.

— Где маги? — спросил Хэль.

— Хотел бы и я это знать, — ответил севшим голосом лорд. Ощущение, что горло забито туманом, было неприятным. Мужчина откашлялся и позвал. — Тэд!

Ответа не последовало. Воины приблизились к Риктору, окружая его. Но аниторн

остановил их жестом.

— Опасности нет, — сказал он. — По крайней мере, пока. Ищем магов.

— А если не найдем?

— Тогда будем выбираться, — сухо произнес Илейни. — Судя по всему, мы в Изумрудной долине, в той ее части, что не занята... туманом. Огненные! Он все это время был здесь!

— Кто, господин? — спросил Хэль.

— Враг, — коротко ответил Риктор. — Он втащил нас сюда через проход, открытый магами. Думаю, их нужно искать возле его логова. Ищем туман.

— Он уполз туда, — указал рукой один из воинов.

— Огненные с нами, — негромко произнес лорд. — Всем быть начеку! Все, что покажется вам подозрительным, разите без жалости. Вперед!

Риктор Илейни первым тронул поводья, устремляясь вслед за туманом, отмечая краем сознания, что столь явное отползание липкой дымки неспроста. Кажется, им сознательно указывали путь, приглашая сунуть голову в силоч, готовый затянуться. Впрочем, вряд ли колдун даст им убраться, раз они узнали, где обосновался последователь Бездны. Рик криво усмехнулся. Он сам принес себя колдуну на блюде, развязав руки. Что ж сдаваться аниторн не собирался. Главное, сейчас было найти магов.

Серая завеса появилась неожиданно. Казалось, впереди чисто, ничего нет, кроме меркнувшего дня, зелени травы и теплого вечернего ветерка. Это было бы даже приятно, если бы не память о том, кто скрывался где-то рядом. Но вот лошади делают еще один шаг, и взор застилает легкая муть. Люди почти дружно протерли глаза, но муть не исчезла, став еще гуще. Риктор резко обернулся, его воины медленно исчезали за наплывающим туманом, будто таяли в серой вязкой гуще.

— Хэль!

— Я здесь, господин, — отозвался старший воин. — Ничего не вижу.

— Я тоже, — пробормотал Илейни. — Перекличка!

— Хэль здесь!

— Ярвор здесь!

— Тройн здесь!

Воины откликались по цепочке, собираясь вместе, и когда они закончили, весь отряд стоял рядом с лордом, сплотившись тесной стеной. С каждым мгновением затея казалась все более безнадежной, даже глупой. Однако они уже находились здесь, и отступить было некуда.

— Всем зажечь светляки, — велел Рик, выпуская свое маленькое магическое светило.

Воины последовали примеру господина, но это мало чем помогло. По крайней мере, теперь можно было следить друг за другом.

— Ни шагу в сторону, держимся вместе, — приказал лорд и тронул поводья.

Он прислушивался, но кроме позвякивания сбруи и хрипловатого дыхания за спиной ничего не слышал. Маги исчезли бесследно, и это было плохо, очень плохо. Сколько маленький отряд телохранителей аниторна двигался вперед, никто не знал. Время словно остановилось, превратившись в такую же трясиину, как туман, сгустившийся настолько, что теперь даже светляки стали не видны. Звуки все более глохли, и если бы ноги Риктора время от времени не касалась нога Хэля, ехавшего почти впритык, то можно было бы подумать, что лорд остался один.

— Может, повернем назад? — нерешительно спросил один из воинов.

— Ты сумеешь найти, откуда мы пришли? Или думаешь, что нас так легко отпустят? — нервно усмехнувшись, спросил второй.

— Здесь жутко, — голос говорившего дрожал, и это тоже было плохо. Люди начинали паниковать.

— Не теряйте головы, — чуть раздраженно потребовал Илейни. — Вы могли сейчас сидеть в замке, я не тащил вас за собой.

— Долг воина, поклявшегося беречь своего господина, быть рядом с ним, хоть под укрытием замковых стен, хоть на краю Бездны, — отозвался Хэль, остальные воины промолчали. Но и верный Хэль не удержался и добавил. — К тому же, если с вами что-то случится, нас настигнет кара. Так уж лучше умереть, сражаясь за своего лорда, чем сдохнуть, корчась в муках, от неисполненного долга.

— Да, — согласился кто-то из семерых воинов, ехавших позади.

— Тс, — вдруг зашипел Рик. — Слышите?

Отряд остановился, и теперь все напрягли слух. Поначалу тишина показалась такой плотно, что невольно появилась мысль о глухоте. А потом до отряда долетел приглушенный крик, затем крик повторился, и туман разрезала яркая вспышка так знакомой всем магии.

— Туда! — выкрикнул Риктор, и всадники прищипорили лошадей.

Где-то впереди снова полыхнуло. Маги вступили в схватку. Теперь всполохи повторялись все чаще, прочерчивая мрак подобно грозovým молниям. Зрелище было столь невероятным, пугающим и завораживающим одновременно, что кто-то из воинов приостановился, тихо охнув. И тут же его восторг сменился отчаянным криком. Илейни обернулся, глядя в серую пелену яростным взглядом. Смутная тень шевельнулась там, где только что находился зазевавшийся воин. Кто-то прятался за вязкими клубами, и этот кто-то пришел за их жизнями.

— Спешиться! — закричал лорд. — В круг!

Воины, скорей, машинально, чем осознанно, подчинились, соскакивая с лошадей. Скакуны, ощутив неожиданную свободу, сорвались с места, исчезая за стеной тумана. Люди попятились, сжимая кольцо и оцетиниваясь клинками. Блекло сверкнул голубым камнем меч Риктора. Кто-то из воинов тихо молился, кто-то хрипло и часто дышал. Спины под доспехами намokли от пота, страшно было всем. И грязно-серая муть только еще больше усиливала чувство отчаяния и ужаса перед неведомой опасностью. Невдалеке продолжали сверкать молнии, становясь более редкими и слабыми. Крики магов уже почти не долетали до аниторна и его людей.

Илейни прижал ладонь к груди, где под одеждой волновалась душа матушки, щедро делясь с Риком теплом, дарующим успокоение. Лорд выровнял вдруг сбившееся дыхание, сжал крепче рукоять меча и велел:

— Усиьте светляки. Отдайте весь запас магии.

Над головами мужчин ослепительно полыхнули светлячки.

— Соединяем!

Комочки белого света сблизились, слились в один большой шар, и лучи слепящего света пронзили туман, вырывая из мрака уродливые лица с пустыми черными глазами.

— Мамочка, — тоненько произнес один из сильнейших воинов.

Их было много. Искореженные тела, лишённые красок жизни. Мертвецы, подвластные воле черного колдуна. Они окружали маленький отряд, глядя сквозь людей равнодушными

взглядами. Мертвая рать покачивалась, словно подвластные ветру ветви дерева, но ветра в тумане не было. Была липкая сырость и смрад гниющих тел, забиравшийся в ноздри, проникавший в горло, стискиваемое рвотными спазмами. Кто-то тихо застонал, закрывая нос и рот ладонью, но ненадежная защита не спасала от зловония. Мертвецов было слишком много.

Молодой лорд, стараясь изо всех сил сохранить ясный разум, рванул ворот камзола, скользнул рукой к поясу и наткнулся на кожаный кисет. Ладонь сжалась на маленьком мешочке, ощущая твердость нескольких шариков — вместилище Божественного Огня, благодати, полученной им в дар от одного из жрецов после Игр. Риктор дернул шнур на кисете, осторожно добыл хрупкую сферу, переливающуюся оранжевыми бликами, словно маленький костерок. Еще одно кощунство, но разве не для защиты ему сделали этот дар?

— Хэль, передай дальше, — велел лорд.

— Огонь! — с благоговением выдохнул воин.

— Живо, — зло отчеканил Рик.

— Но это же...

— Маленькая надежда на спасение, — со все более возрастающей яростью ответил лорд. — Живо!

Хрупкие сферы переходили от одного воина к другому. И словно поняв, что добыча готова ускользнуть, мертвецы оскалились. Холодные руки со скрюченными пальцами протянулись к людям, и смрадная стена качнулась, приближаясь к восьмерым мужчинам.

— Сферы под ноги не бросать, метьтесь в гущу! — выкрикнул Рик. — Огненные с нами! Бросайте!

Прозрачные шарики хрустнули, надломленные пальцами, затянутыми в кожаные перчатки, и полетели за спины первых мертвецов, уже почти подобравшихся к отряду. И тут же вспыхнуло пламя, в одно мгновение охватывая безжизненные тела, цепляя тех, кто покачивался рядом, перебиралось дальше. Смрад усилился, и воины вонзили клинки в мертвечину, исторгая содержимое желудков.

Горящая пададь издала отвратительный визг, оглушая восьмерых мужчин. Кто-то повалился на пожухлую почерневшую траву, и на него накинута мертвые, впиваясь в живую плоть твердыми, как камень, ногтями. Запах свежей крови ударил в нос, смешиваясь со зловонием и разжигая ярость, подобно Божественному Огню.

— Сомкнуть круг!

— Господин, помогите!

Крик воина утонул в реве нежити, захлебнулся собственной кровью. Рик стиснул зубы так сильно, что свело скулы. Теперь помощь стала роскошью. Отвлекись, и мертвецы накинута, разорвут на части, вгрызаясь в живую плоть. Воины уже откинул мечи, схватившись за кинжалы. Клинки вздымались, резали, кромсали холодные тела, но мертвые продолжали напирать, норовя вцепиться в горло. Позади первых рядов нежити полыхал настоящий пожар. Огненные встали на сторону живых, уничтожая мертвых. Огонь не полз к лорду и его людям, чтобы покарать за кощунство, и это был добрый знак.

Озверелое мужское рычание заполнило воздух, сливаясь с воем и визгом нежити. Смрад уже давно не замечали, как не замечали усталости, ведомые одним желанием — выжить. Выпад, меч влетает в мертвое тело, не причиняя ему вреда. Нельзя убить того, кто уже мертв. Но рывок, и острый клинок вспарывает тело до горла. Еще рывок! И мертвец разваливается на две части. Замах, и голова следующего катится по земле. На нее наступает очередной

покойник, спотыкается и заваливается. Поймать. Замах, удар, еще одно тело падает на землю. Пот застилает глаза, утереть и снова в бой. Не отступать. Некуда. Хочешь жить — сражайся, пока рука может поднять меч славного предка, пока кровь кипит в жилах, пока можешь дышать. Рик со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы и снова бросился в бой.

Рядом с господином сражался верный Хэль. Он сражался двумя клинками. Взмах, кинжалы скрещаются под горлом очередного мертвеца. Рывок, и разящие жала разлетаются, а вместе с ними слетает и голова поверженной нежити. Хэль откинул ногой безголовое тело, уже встречая нового. За спиной раздался вскрик, людей стало еще меньше. Сколько? Считать некогда. Защитники вновь сжимают круг, уже почти ощущая спины друг друга. Значит, мало. Совсем мало, и спасения не видно.

Божественный Огонь взревел, поднимаясь стеной, сметая туман. Черное звездное небо, более не было скрыто серой перелой, но этого никто не заметил, как не заметили и темной громады замка, ставшего явным. На стене его стояла одинокая фигура, с бешенством взирающая, как спала защита с таинственного обиталища. Колдун взметнул руки, и с пальцев его сорвались новые серые струи, они взвились в воздух, переплетаясь, разбухая, все более заполняя пространство. Добрался до Огня, и тут же скукожился, опадая рваными клочьями.

Но всего этого не видели двое мужчин, стоявших спиной к спине. Риктор Илейни и Хэль продолжали противостоять напору мертвечины. Даже разрубленные, они продолжали цепляться за свою добычу, и лорд с телохранителем все более увязали в бойне, где не могли победить.

— Мой лорд, я рад был служить вам, — выкрикнул Хэль, отталкивая от себя нежить.

— Для меня честь сражаться рядом с тобой, — прохрипел Риктор.

Обессиленные руки уже с трудом удерживали меч. Каждый новый замах давался с трудом. Промокшая от пота одежда и доспехи мешали, набухнув и став лишней тяжестью. Все чаще мелькала мыслишка, вонзить себе в грудь кинжал, избавляясь от ужасной участи остального отряда, но Рик приберег ее напоследок, когда смерть готова будет сомкнуть челюсти на его горле. Тело ныло от рваных ран, что успели оставить мертвецы, сумевшие добраться до аниторна. И все же он продолжал цепляться за жизнь.

Неожиданно где-то сбоку полыхнуло, и под ноги Риктору упал Тэдиус Родос. В руке он сжимал сухую палку, зажженную от Огня. Маленький маг был изранен, одежда его пропиталась кровью. Он поднял взгляд на лорда и просипел:

— Нашел... вас. Простите, мой лорд. Это я виноват.

— Тэд! — воскликнул Рик, рывком поднимая его и ставя на ноги. — Что с мастерами?

— Мертвы. Все. Недооценил...

— Мы выберемся...

— Нет. — Тэдиус решительно мотнул головой. — Мы не выберемся. Вы выберетесь. — Маг собрался с силами и сплел пальцы. — Мой лорд, Божественный Огонь... Смотрите.

Риктор метнул взгляд туда, куда указывал Родос, и едва не попал в лапы нежити, потому что увидел и замок, и небо, и то, как огонь пожирал туман, срывающийся с рук колдуна, стоявшего на замковой стене.

— Помните, мой лорд! Маги бессильны, только жрецы!

А в следующее мгновение открылся переход, и тщедушный маг, вкладывая последние силы, толкнул в него Рика. Но прежде, чем переход закрылся, черная молния влетела в сворачивающееся пространственное окно, впиваясь в грудь лорда Илейни. Кажется, он

услышал отчаянный крик Тэдиуса, увидевшего произошедшее, и смех, прилетевший эхом. А может Рiku все это показалось, потому что грудь разорвало ослепляющей болью. Он закричал, срывая горло, и повалился на землю. Холод расползлся по телу, сковывая его, пробирался в разум, и далекий шелест принес слова:

— Вот ты и мой, аниторн.

А может, и это было лишь привиделось, как и лицо женщины, появившееся перед затухающим взором. На мгновение мир заполнился синью ее глаз, пристально рассматривавших лорда. А затем Рик окончательно растворился в ледяной черноте...

Глава 9

Холод. Казалось, он проник в каждую пору, вполз изворотливым червем в вены и теперь пробирался все глубже. Замораживая кровь, охватывал ледяной коркой сердце, заключая в прочный панцирь, и оно испуганно замерло, словно боясь, что новый удар заставит тиски сжаться еще сильнее. Лед разрастался, вспарывая острыми иглами мышцы, добрался до костей, превратив их в хрупкий хрусталь. Холод казался, самым дыханием смерти, заставившим костенеть тело, в котором еще недавно бурлила жизнь.

Но страшней всего была чернота, окутавшая разум. Словно тягучая смола, она затягивала, поглощала мысли, память, не оставляя своей добыче даже крошки былой жизни. Исчезли чувства: боль, страх, сомнения, надежды, тоска. Не осталось ничего, кроме холода и черноты. Только слух еще улавливал неясный шепот, словно кто-то пытался дозваться угаснувший разум.

А может, уже и не было ни тела, ни разума? И шепот, что так настойчиво твердил непонятные слова, принадлежал призракам, душам уже давно покинувшим мир, где есть солнце, небо, трава, где ходя люди, и поют птицы, где могучие драконы расправляют крылья, где царствует Жизнь. Может, ослабленный дух плывет в пустоте, пойманный в ловушку черной Силы? Быть может, это и есть Тьма — темница, куда попадают узники, скованные злой волей колдуна?

«Нэми...»

«Ри-ик...»

А потом что-то изменилось. Время, казалось, остановившееся навсегда, вдруг ускорило бег, и это было первым чувством. А потом чернота начала таять, сменяясь серой дымкой. Лед, сковавший тело, треснул, и по жилам потекли ручейки тепла. Оно было приятным... вначале, но вскоре уже не тепло, а жидкий огонь пронизывал сопротивлявшийся холод. Боль взорвала разум, выгнула дугой и исторгла из замершей груди крик. Хотелось защититься, остановить того, кто заставлял огонь сжигать изнутри, превращая внутренности в пепел.

Мужская рука взметнулась вверх, пальцы сжались на горячем горле. Рывок, и Риктор Илейни навис над хрипевшей женщиной, пытавшейся разжать пальцы, сведенные судорогой ярости.

— Остановись, — просипела она. — Я не враг.

Зрение прояснилось, принеся с собой оторопь и изумление. Мужчина рассматривал молодую женщину, чьи волосы могли поспорить своим цветом с огнем. Нет, не с огнем. Ее волосы напоминали цветом красную медь. Сейчас они рассыпались по лежанке, накрытой шкурами, и свет пламени из очага таинственно мерцал на разметающихся длинных прядях.

Риктор перевел зачарованный взгляд на лицо женщины. Синие глаза широко распахнулись, вглядываясь в того, кто смог услышать зов и вернуться.

Взгляд лорда скользнул по тонким дугам черных бровей. Задержался на кончиках длинных ресниц, спустился по прямому аккуратному носу, огладил скулы, а после остановился на приоткрытых влажно поблескивающих губах. Гулко сглотнув, Рик посмотрел на тонкую шею, на нежной коже которой должны были остаться следы его ярости. Мужские пальцы уже не сжимали горло. Лорд осторожно коснулся красных отметин, провел кончиками пальцев до впадинки между ключицами, судорожно вздохнул и снова посмотрел в глаза незнакомки, настороженно наблюдавшей за ним.

Женщина протянула руку, мягко провела ладонью по колючей мужской щеке. Рик прикрыл глаза, поддаваясь незатейливой ласке, и... Хлесткая обжигающая пощечина ослепила расслабившегося мужчину. Незнакомка с силой оттолкнула его, и лорд скатился на дощатый пол маленького домика. Он тут же сел, потирая щеку и продолжая рассматривать незнакомку.

— Кто ты? — хрипло спросил Риктор.

Женщина села, потерла шею и откашлялась. Затем поднялась с узкой лежанки, откинула на спину свои изумительные волосы, и, мазнув по лорду равнодушным взглядом, прошла к очагу, чтобы помешать варево в котелке, подвешенном над огнем.

— Ложись, — велела она, и Илейни подумал, что голос ее похож на острый кинжал. Холодный, чеканный, опасный... В нем не было угрозы, не было обещания смерти. Но что-то в душе отозвалось, словно умелый музыкант провел пальцами по невидимым струнам. — Я обработала твои раны, но тебе еще нужно лежать.

— Кто ты? — снова спросил Рик.

Незнакомка пожала плечами, так ничего и не ответив. Илейни оперся на лежанку, вставая с пола, и поморщился от ноющей боли в теле. Огонь исчез вслед за холодом, стоило ему прийти в себя, и теперь осталась только эта боль и ломота от долгой работы мечом. Риктор забрался на лежанку, продолжая рассматривать женщину. Одета она была в простое темно-серое платье. Белый передник стягивал завязками бесформенную хламиду на тонкой талии, подсказывая, что у незнакомки стройная фигура.

Она обернулась, вопросительно приподняв бровь.

— Ты не хочешь говорить, кто ты? — спросил Рик, не зная, что еще сказать.

— Ты слеп? — ее ответный вопрос поставил в тупик. Лорд отрицательно покачал головой. — Значит, глуп, — продолжала незнакомка. — Только слепец или глупец не сможет понять, что перед ним женщина.

— Хвала Богам, это я увидел сразу, — усмехнулся Рик.

— Тогда зачем спрашивать о том, что ты уже знаешь? — она отвернулась, снова склоняясь над варевом.

— Хорошо, — согласно кивнул Илейни. — Назови мне свое имя, женщина.

— Ты в моем доме. Тебе и называться первому... мужчина.

— А ты нелюбезна, — заметил он, неотрывно следя за игрой огня на красноватых волосах. В ответ она снова неопределенно пожала плечами. — Риктор Илейни — таково мое имя. Лорд-аниторн Побережья...

— У-у-у, сам лорд-аниторн у меня в гостях, — она развернулась и насмешливо посмотрела на мужчину. — Великая честь для меня, мой лорд, принимать вас в своем ветхом жилище.

— Ты на меня злишься, — понял Риктор. — Прости, я не осознавал себя, когда пытался тебя задушить. Благодарю, что спасла меня и приютила...

— Это ненадолго, — женщина отошла к грубому столу, отодвинула стул и села на него, сложив перед собой руки. — Я не люблю гостей, особенно незваных. Как только силы вернуться к тебе, лорд-аниторн, я выпровожу тебя за порог. А теперь ложись, наконец, и поправляйся, чтобы я поскорей избавилась от тебя.

Лорд поджал губы. Обиды не было, незнакомка его забавляла своей нарочитой грубостью. Он видел, в ее глазах не было злости, просто недовольство тем, что ее уединение нарушено. Женщина сама исподволь с интересом рассматривала своего гостя, скользя взглядом по лицу, спускаясь на мощную широкую грудь. Рик тихо хмыкнул, и она спешно отвернулась.

— Я назвал себя, теперь ты назовись, — произнес лорд.

— Ты уйдешь через несколько дней, мое имя тебе...

— Я же аниторн, — с нескрываемой иронией прервал ее Риктор, — я должен знать, кому оказываю честь.

И с удовольствием понаблюдал, как сузились глаза хозяйки дома. Но она быстро расслабилась и усмехнулась, откидываясь на спинку стула.

— Можешь называть меня Фиалкой, лорд-аниторн, этого тебе достаточно.

— Фиалка, — повторил Рик. — Это твое прозвище? Его дали тебе из-за глаз? Кто называл тебя так?

— Ты слишком любопытен для мужчины, — она поднялась со стула и вернулась к очагу. — Ты хотел узнать мое имя, я назвала его тебе.

— Я бы назвал себя любознательным, — возразил лорд, усмехнувшись. — Не расскажешь?

— Не отстанешь? — в ответ спросила хозяйка домика.

Мужчина улыбнулся и мотнул головой, женщина закатила глаза и вышла за дверь. Немного подождав, Рик с тихим стоном вытянулся на лежанке, прикрыл глаза и повторил, смакуя:

— Фиалка... Забавно.

Но вскоре мысли лорда свернули с негостеприимной спасительницы на недавнее прошлое, и он нахмурился, вдруг осознавая, что плохо помнит произошедшее. Смутно помнилось, как Хэль отказался возвращаться в замок, потом был туман и вспышки молний... Риктор порывисто сел на лежанке, тут же скрипнув зубами. Головная боль стала ему наказанием за резкое движение.

Мужчина потер виски, вспоминая, как оказался в домике затворницы, имя которой заменило название цветка.

«Мой лорд, я был рад служить вам».

Это сказал Хэль. Когда он это сказал и почему? Рик снова лег и зажмурился, вспоминая. Вот он с отрядом стоит перед башней Гильдии, ожидая, когда маги откроют переход, идя по ослабшей привязке ожерелья с его создателем. Тэдиус чертит свою пентаграмму, переход открывается... Да, кажется, они сами загнали себя в ловушку. Колдун отделил магов от лорда и его воинов.

Они слышали, как десятка одаренных вступила в схватку с... кем? Колдуном? Или же... Перед внутренним взором появились мертвецы, окружившие отряд. Они вступили в схватку? Да, конечно, выбора не было.

«Спешиться! В круг!»

Потом... Что было потом? Рик приподнялся на локте, его взгляд упал на огонь в очаге. Божественный Огонь! Он раздал сферы воинам, и они бросили их в нежить. Потом была схватка с мертвецами. Илейни вновь мучительно поморщился, вспоминая, сколько воинов выжило. Круг становился все тесней и уже, значит, его люди гибли. Несмотря на то, что Огонь пожирал нежить, мертвецов все равно было слишком много.

Память услужливо напомнила, как Риктор стоял спиной к спине с Хэлем. Их осталось двое... Боги! Он потерял семерых, почти всех, кто отправился за своим господином. И маги...

«Мертвы. Все».

Кто это сказал? Тэд Родос! Он появился, когда уже не осталось надежды. Аниторн беспокойно поерзал на лежанке. Что он еще сказал? Ведь говорил, в этом Рик был уверен. Только что?

«Смотрите...»

Куда? Риктор вновь сел, глядя перед собой невидящим взглядом, и тот час в воспоминании возникла черная громада замка. Туман исчез, морок развеялся, потому что...

«Маги бессильны. Только жрецы».

Огонь уничтожил чары колдуна. Огненные, ему не с магами стоило туда идти, а со жрецами! Выходит, не маги изгнали Виллианов? Нужно еще раз зайти в архив, чтобы все выяснить...

«Хранилище опустело».

А это кто сказал? Мальчишка из архива. Кто-то выкрал рукописи о сражениях с порождениями Тьмы? Кому это могло понадобиться? Конечно, тому, кто опасался, что против него найдется оружие. Но тогда колдун мог разорить все архивы в королевстве? Хотя... какая теперь разница? Оружие найдено, вот только найдется ли теперь колдун? Местонахождение его логова раскрыто, слабость тоже, так разве будет он ожидать, когда за ним придут жрецы Огненных? И где теперь он скроется, вряд ли кто-то сможет предсказать.

— Пожри тебя Виллианы, тварь, — пробурчал Рик. — И меня вместе с тобой за глупость и самонадеянность.

Почему он вообще так спешил? Зачем бросился в пасть зверю, поддержав порыв маленького мага?

«Тобой движет месть!»

Расслед оказался прав, как всегда, и он, Риктор Илейни, последний из славного рода, знал это еще в то мгновение, когда целитель выкрикнул свои слова. Знал, но не остановился, не задумался, уверенный в том, что найдет ответы в архиве, но потратил все время на мысли о Нэми. Тоска и боль утраты ослепили, толкая на необдуманные решения и поступки. И что теперь? Вслед за Нэми отправились десять магов и восемь телохранителей. Остался он один, выброшенный Тэдом Родосом неизвестно где... Стоп! Но один ли он спасся?

«Мы не выберемся. Вы выберетесь».

Так сказал маг перед тем, как открыть переход и втолкнуть в него лорда. А Хэль и сам Родос, что случилось с ними? Шагнули ли они вслед за ним, или остались на той стороне, где бушевал Божественный Огонь, чернела громадина замка врага, и завывали мертвецы? И новым воспоминанием прилетела черная молния, пронзившая грудь лорда-аниторна. Даже сейчас, когда все было позади, озноб в одно мгновение охватил мужское тело, заставив поежиться.

«Ну вот ты и мой, аниторн».

Это был злорадный голос колдуна, сразившего Риктора, когда тот, казалось, уже был спасен отчаянным порывом маленького мага. А потом... Была чернота, был холод, была Тьма.

«Нэми».

«Ри-ик».

Или это игра воображения? Мужчина встал с лежанки и прошелся по дому, лихорадочно соображая, что же это было. Если это не воображение играет с ним злую шутку, то колдун и правда убил его, отправив его душу во Тьму. Но... Но! Как, пожри вас всех Виллианы, он смог вернуться оттуда, откуда нет выхода? Почему сейчас он вновь хозяин своему телу, ходит, дышит, разговаривает, любит Фиялку? Стоп!!!

— Фиялка! — крик вырвался помимо воли.

Она не отозвалась, и Рик огляделся, отыскивая свою одежду. Сейчас на нем было надето лишь исподнее. Хрупкая женщина дотащила его до своего дома, Илейни точно помнил, что налетел плечом на дерево, когда маг толкнул его в переход, уложила, раздела, вернула. Но как?!

— Фиялка!

И снова призыв остался без ответа. Болезненно морщась, Риктор добрал до двери, за которой исчезла неприветливая хозяйка маленького дома. Однако мужчина не успел дотянуться до ручки, когда дверь распахнулась, и на пороге показалась синеглазая женщина. Она пристально посмотрела на лорда, после сурово свела брови и уперла ладони в бока.

— Я тебе что велела?

— Мне нужно знать, — Риктор упрямо посмотрел на нее.

Фиялка ответила таким же взглядом, продолжая хмуриться.

— Мне нужно знать, — повторил Илейни.

— А мне нужно, чтобы ты убрался отсюда, — ответила женщина.

— Верни мою одежду, и я уйду, — сухо произнес лорд. — Но сначала я хочу получить ответы.

— Одежду я постирала. Хочешь, уходи в подштанниках, — Фиялка обошла мужчину и направилась к очагу. — Но если свалишься под каким-нибудь кустом, то я уже тебя не потащу назад.

Рик протяжно вздохнул и снова приблизился к ней. Тут же изящная рука с тонкими длинными пальцами, которая могла принадлежать, скорее, леди, чем простолюдинке, вытянулась в направлении лежанки.

— Пока не уляжешься, разговаривать не буду.

— Ты еще не забыла, с кем разговариваешь? — хмуро напомнил Рик.

Женщина развернулась к нему, насмешливо глядя в глаза.

— С кем? — с деланным удивлением спросила Фиялка. — Мало ли кем ты назвался. Ты себя Огненным Богом объявишь, а мне на тебя молиться? Да и не было аниторна на Побережье.

— Уже несколько дней, как есть, — усмехнулся Илейни. — Я.

— Угу, а я лесная владычица, — деловито кивнула Фиялка и, взяв тряпку, сняла котелок с варевом.

— Не веришь? — прищурился Рик.

Она поставила котелок на стол, сходила за двумя глиняными мисками и черпаком.

После наполнила миски и указала взглядом на стул. Лорд уже послушно направился к стулу, когда опомнился и пристально взглянул на женщину, только сейчас осознав, как ловко ему заговорили зубы. Не хочет отвечать на неудобные для себя вопросы? Риктор покачал головой, решив больше не давать себя морочить, и уселся на указанный стул.

Фиалка положила перед ним кусок свежего хлеба, ложку, и села напротив, прячась за котелком, который так и оставила посреди стола. Илейни с невозмутимым видом переставил стул, свою миску и сел так, чтобы видеть свою спасительницу. Она проследила за действиями гостя, и столь же невозмутимо передвинулась, вновь оказавшись за котелком.

— Как ты меня дотащила? — спросил Рик, решив оставить игру в догонялки.

— Дотащила, — он увидел, как хозяйка дома пожала плечами.

— Я тяжелый.

— Заметила, — усмехнулась она.

Лорд немного помолчал, раздумывая, что спросить в первую очередь, и главное, как спросить, чтобы получить ответ, а не отговорку или очередную насмешку.

— Ешь, — велела Фиалка.

— Может дашь что-нибудь, что я могу накинуть на себя?

— Стесняешься? — ровно спросила женщина, но Рик уловил нотку ехидства.

— Опасаюсь тебя смутить, — ответил он с ответной иронией.

— Я уже нагладелась, — сказала спасительница. — Даже прискучило. Ничего необычного. Мужик, как мужик.

Не удержавшись, Риктор рассмеялся. Несмотря на нелюбезный тон и колкости, Фиалка ему нравилась все больше. И дело было не только в ее красоте, обладавшей необычайной притягательностью. Уже то было приятно, что на него не смотрели с затаенным восторгом и вожделением, не пытались приворожить, соблазнить, залезть к нему в постель, или надеть на него брачные одежды. Отсутствие раболепия, смущения и, напротив, вульгарного выпячивания своих достоинств — все это в Фиалке нравилось Риктору. На удивление рядом с ней он чувствовал себя спокойно и уютно, не раздражаясь ее грубостью и непочтительностью. И все же волновавшие мужчину вопросы никуда не делись.

— Когда ты нашла меня...

— Нашла? — в ее голосе послышалось возмущение. — Да ты вывалился на меня из перехода, еле успела увернуться, когда падал. Так бы придавил и не заметил.

— Я один на тебя выпал? Может, еще кто из перехода вышел?

— Нет, — Фиалка отрицательно покачала головой. — Переход сразу закрылся, я только крик с той стороны услышала. Больше никто не появился.

— Значит, погибли, — прошептал Рик.

Голод, которого он и так толком не чувствовал, исчез окончательно. Лорд встал из-за стола. На Фиалку он больше не глядел, молча вышел за дверь, ища уединения. Маленькая надежда на то, что спасся не он один, исчезла. Небо уже посветлело, предвещая рассвет. Мелькнула мысль, что он обманул Гора, и дракон непременно расстроится. Может даже обидится и будет вредничать. Рик прижался к бревенчатой стене и закрыл глаза, подставляя лицо прохладному ветру. Восемнадцать человек погибли меньше, чем за ночь. До этого была Нэми, до нее дракон Дальгарда, Ноэль, Давейн отравлен ядом камгала. Да и сам Илейни выжил лишь благодаря амулету, Гору и Расследу, теперь вот благодаря Тэду Родосу и Фиалке. Сколько еще жизней на совести поганого колдуна? А сколько он еще возьмет?

— Аниторн, — дверь открылась, и Фиалка позвала его. — Похлебка стынет. Тебе нужно

есть.

— Дай мне пару мгновений, — ответил он, не открывая глаз.

Она протяжно вздохнула и осталась стоять рядом.

— Не отстанешь? — невесело усмехнулся Рик.

— Мой дом — мои правила, — ответила затворница.

Илейни развернулся к ней, приваливаясь плечом к стене дома. Ветер трепал красноватые пряди, бросая в лицо женщине. Неожиданно появилось навязчивое желание протянуть руку и убрать волосы с лица, чтобы не мешали рассматривать свою хозяйку.

— Ты со всеми так неприветлива? — спросил Риктор с нескрываемым любопытством.

— Нет, только с аниторнами, которые пытаются сначала раздавить меня, а потом душат, обидевшись, что я все еще не мокрое место, — она хмыкнула, и отвела в сторону волосы, открыв едва заметную улыбку. Затем открыла дверь и более миролюбиво произнесла: — Идем, ты слаб. Если замерзнешь, свалишься с горячкой. Тебе только кажется, что ты уже здоров. Хочешь быстрее вернуться, лучше слушайся меня.

Лорд кивнул, соглашаясь, что его спасительница знает, что говорит, и вернулся в дом. После сел к столу и потянул носом ароматный запах похлебки. Фиалка убрала со стола котелок и вновь села напротив, уже не прячась.

— Ешь, — негромко сказала женщина.

Рик взялся за ложку, зачерпнул ложкой похлебку и отправил в рот. Варено оказалось вкусным, и желудок живо напомнил, что он пуст. Фиалка спрятала улыбку, но лорд успел ее заметить. Теперь он молчал, продолжая наслаждаться простой пищей под одобрительным взглядом хозяйки дома. Лишь когда миска опустела Риктор поискал глазами салфетку, не нашел и обтер губы ладонью.

— Тяжело без этикета, аниторн? — с ноткой ехидства спросила Фиалка.

— Выживу, — усмехнулся мужчина. — Похлебка была изумительной. Благодарю.

— А теперь в постель...

— Как ты вернула меня из Тьмы? — спросил лорд.

Не ожидавшая этого вопроса женщина, едва заметно вздрогнула и встала из-за стола. Она подошла к очагу, поворошила поленья, затем гремела посудой, что-то переставляла, упорно не поворачиваясь к Риктору лицом.

— Фиалка.

— Что? — буркнула она, теперь расчесывая волосы большим гребнем.

— Как ты вернула меня к жизни?

Риктор подошел к ней сзади, накрыл ладонями плечи, Фиалка вывернулась, но все-таки посмотрела на него. Лицо женщины было спокойным, взгляд открытым. Если что-то и взволновало ее, то хозяйка лесной избушки уже успела с этим справиться. Она пожала плечами.

— Не знаю. Ты ледяной был, так я горячий настой тебе в рот влила. Ну, заговор еще на здоровье сказала. Растерла, теплой шкурой укрыла. А там уж, как вышло. Значит, все верно сделала...

— Врешь, — беззлобно ответил Рик, отрицательно качнув головой.

— Врет знать, а простому люду врать не зачем, — ответила она, глядя честным взглядом, приправленным толикой возмущения и превосходства.

Лорд короткое мгновение изучал Фиалку, понимая, что правдивого ответа от нее не добьется, по крайней мере, сейчас. Затем кивнул, делая вид, что принимает сказанное ею, и

направился к лежанке. Ему нужно было подумать, и бессмысленный спор с лесной затворницей казался пустой тратой времени. Женщина проводила мужчину рассеянным взглядом, после налила в глиняный стакан травяной отвар из кувшина, накрытого дощечкой, и подошла к нему.

— Держи, аниторн, — сказала она, протягивая стакан.

— Что это? — любопытствовал Риктор.

— Яд, разумеется, — округлила глаза Фиалка. — Неужто на тебя нектар тратить буду?

— Чей яд? — деловито спросил Илейни, забирая стакан и приносясь.

Женщина озадаченно посмотрела на лорда, но вскоре усмехнулась и ответила:

— Тростниковой рогры. Слышал про такую тварь?

Рик одобрительно хмыкнул, сделал глоток, чуть поморщившись от легкой горечи. Затем поднял взгляд на Фиалку и широко улыбнулся:

— Ты, как знала, что я люблю. Яд тростниковой рогры чрезвычайно бодрит, особенно, когда кровь начинает идти горлом. Прекрасная отравка, просто замечательная! Напомни, чтобы я выдал тебе за нее сто золотых аргенов.

— Жмот, — дернула плечиком женщина и направилась к двери. — За рогру дают не менее двухсот. Если ты не знаешь, аниторн, то ядовитые железы, вырезанные из этой твари, стоят уже триста золотых аргенов, а яд, очищенный и готовый для использования — все пятьсот. Так что ты жадишка, аниторн, и я жалею, что угостила тебя таким изысканным ядом.

— Я оказал тебе честь своим отравлением, неблагодарная! — крикнул ей вслед Риктор и рассмеялся.

Но уже через пару мгновений смех оборвался, и мужчина устало потер лицо. Для веселья поводов не было, совершенно. Илейни допил травяной отвар и вытянулся на лежанке, закинув руку за голову. Однако усмешка снова скользнула по мужским губам. Он приподнялся на локте, полуобернувшись к двери, но Фиалка не спешила возвращаться. Рик снова лег, уже окончательно расслабляясь. Взгляд лорда вскоре стал рассеянным, и мысли его устремились обратно в Изумрудную долину.

Колдун, должно быть, сразу почувствовал, когда потерял свою добычу, и теперь может смело опасаться, что аниторн вернется на Побережье, сообщив королю много любопытного и опасного для него. Чего теперь ждать? К чему готовиться? Будет ли колдун спешить в своих неизвестных намерениях, или затихнет на время? Что вообще ему нужно от Побережья?! Столько вопросов и ни одного ответа.

Однако стоит признать, черный колдун не дурак. Сколько же времени он таился и готовился? Если бы не глупость Ингер, то о нем бы не узнали до тех пор, пока колдун не объявился явно, угрожая не только Побережью, но и всему королевству. И вновь Риктор задумался над тайной своих земель. Но сколько не вспоминал все, что ему рассказывал отец, ничего значительного не нашел, кроме своих славных предков.

Нужно было возвращаться в Бриллиант, чтобы доложить королю обо всем, что ему известно. Нужно помириться со жрецами, их помощь теперь необходима. Да и Гор будет тревожиться. Дракон не привык подолгу обходиться без своего человека...

— Вот выродец! — вдруг воскликнул Рик, порывисто усаживаясь на лежанке.

Его мысли снова свернули к колдуну. Как не хотелось думать о том, что тот мог распоряжаться телом аниторна по своему усмотрению, но воображение помимо воли рисовало Нэми, чье тело подчинялось черной твари. Стало быть, и он, последний потомок славного рода, мог превратиться в безвольную игрушку для врага. Чтобы натворил колдун,

обладая таким трофеем? Тело аниторна открывало ему немалую власть. И в то время, пока колдун покрывал бы грязью имя последнего лорда Илейни, сам Рик находился бы во власти Тьмы. И ни душа матушки, ни Расслед уже не смогли бы вытащить его.

А после мужчина подумал о своем драконе. Он был уверен, что Гор разгадал бы обман. А если не сразу и подпустил бы к себе нечисть в облике своего драконоправа? И вновь перед внутренним взором появились Дальгард и его издыхающий дракон. Скрипнув зубами, Риктор поднялся на ноги, но голова его закружилась, и лорд тяжело осел на лежанку. Потерев лицо, мужчина посмотрел перед собой и охнул.

Мир перед его глазами всколыхнулся, словно марево в зной день. Зачадил очаг, наполняя дом лесной затворницы сероватой дымкой. Удушливый запах коснулся обоняния Рика, сжав в тиски легкие. Мужчина отчаянно закашлялся, вскочил на ноги, но те, вдруг налившись тяжестью, не сдвинулись с места. Лорд-аниторн, взмахнув руками, полетел на пол. Амулет с душой матушки тут же нагрелся, жалея Риктора в попытке вернуть угасающее сознание.

Илейни мотнул головой, подтянулся на руках и сдвинул свое тело с места. Цепляясь за прорехи между досками, Рик боролся с тошнотой и собственным сознанием, все норовившим оставить его. Медленно, но он продолжал ползти к двери, отчаянно цепляясь за жизнь. Дым все сильнее заполнял дом, разъедаая глаза, превращая дыхание в свистящий хрип, царапавшим горло.

И когда до спасительной двери осталось совсем немного, взревел огонь в очаге, вырываясь из каменного ложа. Яростные языки жадно лизнули полки, висевшие рядом с очагом, тут же пожрав их. Пламя разрасталось на глазах, перекрывая выход. Оно расползлось по стенам, охватывая лорда пылающим кольцом. Уже задыхаясь и теряя сознание, он поднял голову, стер с глаз едкие слезы и с изумлением уставился перед собой, глядя, как из переплетенья огня и дыма выходит женщина. Тоненькая беловолосая фигурка посмотрела на Илейни большими черными глазами, протянула к нему руки и позвала знакомым, ставшим родным за несколько лет голосом:

— Рик, идем со мной.

— Нэми, — просипел мужчина. — Ты...

— Я пришла, чтобы спасти тебя, мой любимый. Идем.

— Ты во Тьме, — прошептал Риктор. — Нэми...

Тело его бессильно распласталось на полу, устав бороться. Но уплывающее сознание успело уловить, как распахнулась дверь. Лорд снова приподнял голову, и увидел, как в дом ворвалась Фиалка. Волосы ее развивались от жара огня, соперничая с ним в красоте и яркости. Руки женщины взметнулись, и кольцо огня разлетелось в стороны, освобождая проход. Призрачная фигура Нэми пошла рябью, лицо ее исказилось злобной гримасой, а после инверна исчезла, смешавшись с черным дымом.

— Чтоб ты сгорел! — в сердцах выкрикнула затворница, то ли Рик, теряющему сознание, то ли тому, кто наслал пожар.

Женщина стремительно приблизилась к мужчине, лежавшему на полу, содрогаясь от надрывного кашля, упала на колени и со всей силы отвесила пощечину, приводя в чувство.

— Шевелись, аниторн, шевелись! — выкрикнула Фиалка. — Я долго не удержу огонь.

— Чем ты меня опоила? — прохрипел Рик, пытаясь подняться на ноги.

— Всего лишь сонное зелье, — зло ответила она, оглядываясь на огонь. — Чтобы не шатался, а спал. Вставай же, аниторн, вставай!!! — в отчаянии закричала женщина, глядя,

как огонь вновь начал захватывать их в ловушку.

— Меч... мой, — Илейни сумел подняться, наваливаясь всей своей тяжестью на хрупкое женское плечо.

— Пожри тебя...

Она не договорила и бросилась к одному из сундуков, стоявших у стены. Откинула крышку и достала оттуда объемный сверток и меч, сверкнувший голубым камнем. Затем вернулась к лорд, бредущему к дверям, подхватила его и потащила прочь из дома. И как только они оказались снаружи, Фиалка отпустила Риктора, вскинула кулак и погрозила в пустоту рассветного неба, прошипев:

— Ненавиж-шу.

Илейни, упавший на колени и вновь зашедшийся в надрывном кашле, повернул голову и посмотрел на женщину покрасневшими глазами. Никаких вопросов он не задавал, не было ни сил, ни желания о чем-то спрашивать затворницу, спасшую его уже второй раз. Краем сознания лорд устыдился, что успел заподозрить Фиалку в том, что это она пыталась его извести.

— Сейчас отпустит, — услышал он, и горячие ладони сжали голову мужчины.

Он закрыл глаза, а когда открыл, исчезла резь, горло перестало саднить, и сила вернулась в тело. Судорожно выдохнув, Риктор мотнул головой и поднялся на ноги. Фиалка удовлетворенно кивнула и указала на брошенный сверток. Там оказалась одежда: штаны, рубаха, даже сапоги. Все это было завернуто в камзол с серебряным шитьем.

— Одевайся. Должно подойти. Твое тряпье сгорело. Только быстрее.

Илейни кивнул. Вскоре он уже стоял одетый, осматривая себя. Одежда ему подошла, даже сапоги. Все было чистым, но явно ношеным. Фиалка жила когда-то с мужчиной, иначе откуда было взяться всему этому добру, которое никак не могло принадлежать женщине? Впрочем, оно могло принадлежать отцу или брату затворницы, но ткань и крой указывали на то, что прежний владелец был, если и не знатен, то далеко и не беден. И уж никак не принадлежал к простому люду, к которому Фиалка старалась себя отнести, несмотря на то, что от нее разило знатным происхождением.

— Что застыл? Уходим, — она дернула лорда за рукав.

Рик сжал в руке меч своего предка и поспешил за женщиной. Она подбежала к деревьям, за которыми начинался лес, оглянулась на догонявшего ее лорда и метнулась за широкий ствол.

— Скорей, — услышал Риктор. — Не думаю, что это конец. Нужно убираться подальше.

Фиалка вновь остановилась и обернулась к мужчине, стукнув его по плечу кулаком:

— И зачем я подобрала тебя? Все насмарку, все!

— Что насмарку? — спросил Илейни, пробираясь следом за сердитой женщиной через плетенку из древесных корней.

— Все, — коротко ответила она. — Жила себе в уединении, видела людей, едва ли раз в год, и вдруг ты.

— Не я открывал переход, не я себя в него заталкивал, — сухо ответил Рик и остановился, прислушиваясь.

— Это Лоэль, — сказала Фиалка, не оборачиваясь. — Мой каяр.

— Огненные, — пробормотал мужчина, оглядываясь с опаской. — Это же кровожадная тварь.

— Сам ты... — она полуобернулась, бросив на лорда хмурый взгляд. — А он моя семья.

— Мой дракон мне тоже, как семья, — улыбнулся Рик, представив себе могучего летуна.

— У тебя есть дракон? — Фиалка остановилась ненадолго, уже более внимательно всматриваясь в Риктора. — Если тебя принял дракон, значит, ты не так уж и плох.

Сказав это, женщина снова устремилась вперед. Илейни поспешил следом.

— Почему я должен быть плох? — не удержался он от вопроса.

— Из-за тебя я лишилась дома, — буркнула Фиалка. Опять остановилась и резко обернулась. — Кстати, откуда ты знаешь язык северных таглаев?

— Кого? — опешил Рик.

— Когда я вбежала в дом, ты на их языке просил помощи, — пояснила женщина, но лорд все еще недоуменно смотрел на нее, и Фиалка, начиная сердиться, продолжила: — Нэми — помоги. На языке северян это слово означает призыв о помощи.

— Помоги? — Риктор окончательно растерялся. — Так звали мою... близкую мне женщину...

— Нэми — не имя, — отмахнулась Фиалка. Илейни открыл рот, чтобы ответить, но женщина вдруг накрыла его рот ладонью и насторожилась.

Риктор, потрясенный словами своей спасительницы, осознал, что, каждый раз обращаясь к наложнице, он просил ее о помощи. А следом пришло и понимание. Инверна хотела быть ему нужной, хотел быть значимой, и, не назвав своего настоящего имени, она слушала призыв о помощи, получая то, что ей было необходимо. Вместо заветного — люблю, она слышала — помоги, и второе заменило первое, потому что Нэми спешила сделать для своего возлюбленного все, что было в ее силах, и даже больше. Он говорил: «Нэми». Она слышала: «Ты нужна мне».

— Боги, — Риктор прерывисто вздохнул и мотнул головой, отгоняя ненужные сейчас мысли. Однако запомнил, что затворница знает даже то, что не знает он. Она слишком много знала для одинокой женщины, жившей в лесу. И умела тоже слишком много, даже то, что было не под силу магам.

— Аниторн, ты уснул стоя? — уже привычная насмешка коснулась его слуха.

— Я с тобой, — ответил лорд, кривовато улыбнувшись.

— Это-то и раздражает, — буркнула Фиалка, возобновляя путь.

— Куда мы идем? — спросил Илейни, пристраиваясь рядом.

— Мы не идем, — она вновь обернулась и схватила лорда за руку. — Мы бежим!

И мужчина с женщиной сорвались на бег. Рик обернулся. Он увидел, как между деревьев мелькнул белая шерсть каяра. Мощный зверюга, ростом с лорда, оскалив огромные клыки, бросился навстречу тому, кто уже спешил по следу беглецов. Но преследователи все еще оставались невидимыми, хотя ответный рык донесся до убегающей пары.

— Огненные, да кто там? — не выдержал лорд.

— Мне плевать, кто там, — ответила Фиалка. — Лишь бы успеть до...бежать. — Она запнулась и встала, как вкопанная глядя на светящиеся глаза, глядевшие на беглецов из-за кустов. В рассветных сумерках зеленоватые огоньки были еще хорошо видны. Женщина запустила пальцы себе в волосы и выругалась столь витиевато, что Рик, уже вытянувший меч из ножен, замер и посмотрел на свою спасительницу, сквернословившую пуще Тодара, а уж он был в этом деле известный мастер. — А вот и рогры, — обреченно выдохнула Фиалка. — Накликали.

Тогда выругался и Рик. Женщина с одобрением взглянула на лорда, даже коротко сжала

его плечо. Худшего развития событий было сложно представить. Тростниковые рогры — не люди и не звери, нечто среднее, не обладающее разумом, но кровожадные и опасные. Они не знали страха, магии поддавались слабо, не обладали даром речи, никогда не охотились в одиночку, потому-то отлов рогра стоил так дорого. Чтобы яд рогра сохранил свои свойства, тварь нельзя было убивать заранее, и добыча ядовитых желез становилась смертельно опасной, цена возрастала. Но и изготовление отравы было сопряжено с опасностью задохнуться в ядовитых испарениях, от которых не спасали никакие ухищрения.

Впрочем, все это мало волновало Риктора Илейни и Фиалку. Они застыли недалеко от кустов, за которыми засели твари, ведомые чужой волей, потому что в лес рогры не забредали никогда. Они жили возле запруд, иногда на берегах озера, за что и получили прозвище — тростниковые, но никогда в лесах. Кто-то перенес сюда ядовитых тварей, и кто это мог сделать, раздумывать не приходилось.

— Как он нашел нас? — негромко спросил Рик.

— По обратному следу, — машинально ответила Фиалка. — Знаешь, как с ними сражаться?

— Смутно, — пожал плечами Илейни. — Подпускать близко нельзя, это знаю. Умирают, как и все...

— В глаз бей, — прервала его женщина. — Снесешь голову, умрешь от ядовитых паров. Не давай себя кусать, царапать, даже просто слюны избегай. И по глазам. Можешь даже не убивать, сами сдохнут, когда взойдет солнце. Они не выносят солнца. Главное, отвязаться от них.

Риктор кивнул и встал перед Фиалкой, закрывая ее собой. Она фыркнула и снова встала рядом.

— Сама справлюсь, — коротко сказала она.

— Самонадеянность губит, — невесело усмехнулся лорд.

— Это ты самонадеян, а я знаю, что делать, — отмахнулась затворница и посмотрела на Риктора. На губах женщины играла шальная улыбка. Она весело подмигнула и спросила: — Готов, аниторн?

— Готов, — усмехнулся Рик.

— Эх, как же я все это ненавижу! — воскликнула Фиалка и вытянула руку.

С ладони ее заструилась светло-серая дымка, чем-то напоминавшая Илейни туман колдуна. Дымка зазмеилась, сворачиваясь в тугой длинный жгут, налилась чернотой. Ладонь затворницы сжалась, и в руке ее оказалась плеть. Женская рука вновь взметнулась, и плеть, коротко свистнув, срезала кусты, обнажив притаившуюся засаду. Скудоумие всегда было слабой чертой рогров.

Твари переглянулись, словно удивляясь, что их, так хитро спрятавшихся, нашли. Но скудоумие же был их силой, потому что в следующее мгновение пять существ, покрытых зеленоватой кожей, бросились вперед, не думая о том, как простая плеть могла срезать крепкий кустарник у самого основания, не обращая внимания на меч, сверкнувший в лучах восходящего солнца. Они даже не думали о своем главном враге, уже раскрасившем небо в розовый и золотой цвета. Единственное, что видели перед собой кровожадные твари — это сытный завтрак из двух блюд.

Рогры разделились. Трое направились к Рику, двое к Фиалке, и она с нескрываемым облегчением выдохнула, радостно сообщив:

— Они хотят убить меня.

— Это добрая новость? — проворчал лорд, оценивая согнутые фигуру, шустро приближавшиеся, опираясь на костяшки крючковатых пальцев передних конечностей.

— Это прекрасная новость, — ответила женщина и перехватила свою плеть, разрывая ее напополам. Теперь она держала в каждой руке по плети, ставшие тоньше, но не утеревшие длины.

Задумываться о странностях своей спасительницы Рик не стал... пока. Ему было уже не до Фиалки и ее загадок. Рогры разошлись. Двое обходили его с боков, третий пер в лоб. Илейни скользнул в сторону, настигая первым того, кто был справа и не ждал нападения. Меч рассек воздух, рогр взвизгнул и упал на колени, закрывая лицо узкими ладонями. Между пальцев побежала темная кровь, капая на зеленую траву. Риктор ударил тварь ногой, и она отлетела в сторону, где и затихла, продолжая повизгивать.

— Первый, — начал отсчет лорд и метнулся между двумя приближающимися рограми, уворачиваясь от растопыренных лап одного, подпрыгнув над подкатившегося под ноги второго.

Вновь сверкнул меч, и амулет на груди мягко сверкнул. Голова второго рогра покатилась по земле, орошая ее кровью и желтоватыми брызгами яда. Зловоние окутало пространство между деревьями, где замер лорд, опасаясь вдохнуть, но амулет не обжигал, он оказался защищен от ядовитых испарений. Рик выдохнул с облегчением, но тут же оглянулся на Фиалку.

— Да ты тоже не без секретов, — усмехнулась женщина, чье лицо закрывала та же дымка, что струилась из ее ладоней.

У ее ног лежали твари, оплетенные почти прозрачными путами. Они дико озирались, визжали, выворачивались, но вырваться не могли. Илейни кивнул и резко обернулся, встречая третьего рогра из тех, кто бросился на него, на острие меча. Сталь зашипела, чуть оплавившись от соприкосновения с телом тростникового чудовища. Рогр взметнул руки, разорвав когтями рукав камзола. Риктор оттолкнул тварь ногой, после стремительно приблизился, нанося рубящий удар, и отскочил, ощущая, как душа матушки прячет его от нового облака ядовитого запаха.

— Третий, — лорд погрузил меч в рыхлую землю до рукояти, после обтер его сорванной травой и убрал в ножны.

— Попортил клинок, — сочувственно покачала головой Фиалка, глядя на оплавленную сталь.

— Я тоже не без секретов, — подмигнул Рик. — Что дальше?

Женщина вытянула голову, глядя на приближающегося каяра. Зверь держал в зубах отгрызенную человеческую конечность. Цвет кожи ясно говорил, что отгрыз ее каяр не у живого человека. Опять мертвецы. Риктор передернул плечами, успев подумать, что у колдуна, похоже, целая рать из нежити.

— Хороший мальчик, — Фиалка отрепала жуткого зверя, чья голова возвышалась над ней. — Похоже, Лоэль уничтожил ту дрянь, что шла за нами. Но не будем терять времени. Кто его знает, что нам еще приготовили. — Она мельком осмотрела руку Рика и сокрушенно покачала головой. — Камзол порвали. От тебя одни убытки, аниторн.

— Возмещу, — отмахнулся он.

— Теперь уж точно, — кивнула Фиалка. — Вперед, нам немного осталось.

Каяр метнулся за деревья, вновь скрываясь из виду. Женщина поманила за собой лорда и поспешила за своим зверем. Вскоре беглецы стояли перед подземным люком, скрытым

дерном и травой. Фиалка, потрепав Лоэля, что-то шепнула ему. Зверь тихо заскулил, но поспешил скрыться. Затворница указала Илейни на подземный ход.

— Лезь, — коротко велела она.

Тот поджал губы, оглянулся, но возражать не стал, первым прыгнув вниз. Фиалка прыгнула следом, угодив в руки поджидавшего ее мужчины. На мгновение он замер, удерживая женщину на весу.

— Ударю, — предупредила Фиалка, но Рик увидел в ее глазах смятение, мелькнувшее так быстро, что лорд даже подумал, что ему показалось.

Илейни поставил ее на ноги. Женщина дернула за веревку, крышка люка опустилась, и они оказались в полной темноте. Но почти сразу она шепнула что-то неразборчивое, и подземный ход расцвел светящимися рунами, значение которых было неизвестно лорд-аниторну. И как только матово поблескивающая вязь побежала по узкому проходу, Фиалка шумно выдохнула. Она уткнулась лбом в мужское плечо и тихо хмыкнула:

— Как же все-таки хорошо, что меня тоже пытались убить. Аниторн, ты себе не представляешь, какое это счастье.

— Странное счастье, — усмехнулся Рик.

— И все-таки счастье. — Она отошла от него, устало вздохнула и кивнула на узкий коридор. — Поспешим. Теперь мы скрыты от чужого взора. В Бездну, я просто дико устала.

И женщина вдруг покачнулась. Она оперлась рукой на стену, тряхнула головой, но через мгновение сползла на пол. Риктор шагнул к ней, поднял на руки и ответил на слабое сопротивление:

— Ты меня носила, дай и я тебя поношу.

— Тебе повезло больше, — слабо усмехнулась Фиалка. — Я легкая.

— Как сказать. Ты тащила самого аниторна Побережья. А это, знаешь ли, честь, — произнес Рик и негромко рассмеялся, глядя, как фыркнула женщина. — Прямо?

Фиалка, обвила его шею руками, утравила голову на плече и кивнула, а через мгновение уже спала, посапывая лорду в шею.

Глава 10

Бриллиант — столица Побережья, самый большой и красивый из прибрежных городов, кипел, словно смола в котле, под которым пылал жаркий огонь. Все еще пьяные от празднеств, бриллиантцы слушали вести, переходившие из уст в уста: лорд-аниторн оскорбил Огненных Богов. Кто-то махал руками, уверяя, что молодой господин ни в жизнь бы такого не сделал, и все это навет завистников. С ними соглашались, тут же поднимая новую кружку пенного скума — веселящего хмельного напитка.

Но были и те, кто хмурился, слушая пока еще сплетни. Люди, еще недавно воспевавшие хвалу возвращению власти аниторна, теперь начинали сомневаться. Уж больно кровав и трагичен оказался путь лорда Илейни, который привел его к венцу власти над Побережьем.

Находились и те, кто шептались, что молодой господин сам устроил такие испытания на Играх, чтобы только они с драконом могли добраться целыми и невредимыми обратно на ристалище. Кто-то намекал на темную магию, решив, что это она свела с ума тех двух драконов, что сцепились еще до начала Игр. И что это она погубила одного из драконоправов, испепелив и не оставив даже тела для погребения. Да и дракона лорда

Дальгарда тоже убила темная магия, не гибнут просто так чешуйчатые звери. А про то, что лорд Давейн все еще метался между жизнью и смертью, говорили, де, аниторн заманил его к себе перед Играми и опоил, чтобы убрать еще одного соперника.

— Лорд Риктор — добрый господин...

— Власть убивает всякое добро...

И тем легче становилось верить в то, что Риктор Илейни пошел против Богов. Никто еще толком не знал, что случилось в замке на утесе, но уже расползлись слухи о проклятьях, которые выкрикивал жрец Огненных, покидая жилище лорда-аниторна. И тем проще было объединить проклятья и Игры. Уже поговаривали, что Илейни открылся жрецу, но тот, вознегодовав, покинул замок, не дав прощения злокозненному лорду. Так стоило ли радоваться тому, что власть над Побережьем досталась душегубу, проклятому Богами? Даже празднества теперь казались ничем иным, как попыткой отвести глаза честному люду, дабы опьяненные они не поняли, кому принадлежат отныне их жизни.

— Уж лучше б король не отдавал нас...

— Ох, что ждет нас, что ждет...

— Беда пришла...

— Нужно идти к жрецам. Пусть скажут, пусть объяснят...

И люди шли к альтерам, где проходили ритуальные песнопения, где свершались жертвоприношения, где жрецы передавали народу слова Огненных Богов. Туда, где пылал Огонь, угасание которого означало лишь одно — миру приходит конец. Служители оберегали его, охраняли от черного холода Бездны. Они были хранителями всего сущего, и кому, как не жрецам, могли верить простолюдины и знать? И если знать еще прислушивалась к голосу короля, то простой народ жадно внимал всему, что говорили им жрецы Огненных. И когда альтеры заполнились людьми, жрецы сказали:

— Аниторн проклят. Боги отвернулись от нечестивца.

И народ ужаснулся, глядя, что Огонь больше не пылает, подобно солнцу. Нет, он не угас, но горячие языки больше не вздымались к высокому потолку, пламя опустилось, и теперь мерно потрескивало, едва поднимаясь до половины высоты стен альтеры. Ропот прокатился по притихшим рядам. Жрецы в молчании взирали на волнения, расходившиеся от них, как круги на воде от брошенного камня. Аниторн не пришел и не покался, он исчез, а значит — виновен.

Все это долетало отголосками в замок на утесе, где и без того царило уныние. Лорд Риктор пропал вместе со своими людьми. Как покинул замок в день похорон своей наложницы, так и не вернулся. Удалось узнать, что он был в архиве, после отправился к башне Гильдии, и с тех пор от него не было вестей. Пропали его телохранители, исчез глава Гильдии и с ним девять сильнейших магов. Только ученик мастера Родоса, находясь в страшном волнении, сказал:

— Их пожрала Бездна!

Но что имел в виду бледный, как сама Смерть, парень, никто не понять не смог, а сам ученик ничего внятно не мог пояснить, что означает исчезновение магов и аниторна вместе с его людьми. Он все бормотал о каком-то враге, с которым мастер должен был покончить еще до ночи, однако сам не знал, что за враг, где он находится, и что сделал. В конце концов, от парня отстали, решив вернуться в замок и ожидать известий.

Расслед встретил Тодара, искавшего следы господина, у ворот замка. Старик стиснул сухенькие ладони и посмотрел на начальника замковой стражи. Тот отрицательно мотнул

головой и проехал мимо на черном жеребце, уныло звякнувшем сбруей. Целитель сокрушенно вздохнул, глядя вслед Тодару.

— Ах, мой мальчик, что же ты не послушал меня, что же не послушал?..

Расслед вошел в ворота и обреченно ссутулился. Никогда еще на душе старого целителя не было так муторно. Зарождающиеся волнения в городе сейчас казались ему малостью в сравнении с тем, что лорд, ставший ему почти сыном, исчез. Старик горевал, тяжело переживая исчезновение Рика. Тревога, не отпускавшая его с того мгновения, как за Илейни закрылась дверь его покоев, переросла в страх, что мальчишка не вернется уже никогда. Расслед блуждал бесшумным призраком по переходам замка уже третий день, пугая челядь. Он не спал, ел через силу и, стоило остановиться у окна, выходящего на драконник, прислушивался к драконьему реву, созвучному тому, что творилось на душе целителя.

Старик приблизился к воротам драконника, за которыми метался Гор. Он и сейчас ревел, ударяясь о высокие створы ворот, которые заперли, как только дракон проявил первые признаки беспокойства. Ворота вздрагивали все сильнее, готовые вот-вот сорваться с петель и повалиться в пыль, разбитые мощным телом Гора. Даже охранная магия, опутывающая драконник, слабо удерживала взбешенного зверя.

— Гор, — позвал целитель. — Мальчик.

На мгновение внутри драконника стало тихо, но вскоре ворота сотряс новый удар. Дракон, евший в последний раз в тот день, когда пропал Риктор Илейни, был по-прежнему силен и опасен. Драконоводы боялись приближаться к Гору, говоря, что у него началось бешенство, но старик-целитель знал точно, что это тревога летуна за своего драконоправа, за друга...

— Гор, — снова заговорил целитель, — успокойся, я выпущу тебя.

Ответом ему стал новый удар в дверь, еще один, а затем все стихло, словно дракон, наконец, осознал, что сказал человек с вкусным запахом. Расслед услышал, как цокнули когти Гора по каменному полу, и понял, что дракон отошел, позволяя целителю выполнить обещание. Старик едва заметно улыбнулся и взметнул руки.

Он был всего лишь целителем, далеким от боевой магии, использованной в охранке, но Рас был сильным целителем, и свой дар готов был использовать для разрушения, уверенный, что все получится.

— Гор, еще отойди, — попросил целитель.

После закрыл глаза и направил выплеск на ворота, сжигая охранные плетения. Тяжелые железные засовы, в одно мгновение изъеденные ржавчиной, осыпались трухой. Заскрипели сгнившие ворота, обрушиваясь на землю и разлетаясь в щепы. Целитель покачнулся и тяжело осел, держась за сердце.

— Тебя не задело, Гор? — свистящим шепотом спросил Расслед.

— Ар-р, — ответил дракон, выходя из драконника с гордо поднятой головой.

Он благодарно ткнул носом целителя, после расправил крылья и взлетел. Рас приложил ладонь к глазам, следя за поднимающимся в небо драконом.

— Найди его, Гор, — прошептал целитель. — Ты сможешь.

— Думаете, найдет? — спросил Тодар, остановившийся рядом.

— Рик — семья дракона, а своих они чувствуют, — кивнул Расслед и добавил. — Если жив наш господин, Гор найдет.

— Ох, хоть бы жив, — вздохнул начальник замковой стражи.

— Будем молиться, — ответил старик и протянул руку. — Помоги-ка мне добраться до

моих покоев, пора настойку выпить, а то не дождусь я мальчика. — Тодар поднял целителя на руки и понес в замок...

Дракон поднялся над замком, но не спешил улетать. Он кружил над Бриллиантом, вглядываясь в людей, заполнивших улицы, жадно втягивал носом запахи, пытаясь уловить один единственный, который желал найти. Но с высоты даже драконье обоняние оказалось бессильно, и Гор опустил ниже. Его тень закрыла солнце, и люди испуганно вскидывали головы, глядя на могучего дракона, летевшего над самыми крышами.

Крики заполнили улицы. Люди не привыкли видеть свободного дракона так близко от своих жилищ. Даже с драконоправом летуны не опускались к крышам, оставаясь высоко в небе, что опасные гиганты казались лишь далекими точками. Но сейчас дракон летел так низко, что можно было рассмотреть и острый костяной гребень на кончике хвоста, и мощные когти, и светло-серое брюхо. Черная тень скользила по стенам домов, по мостовой, по крышам, нигде не задерживаясь. Встретившиеся со взглядом желтых глаз дракона, вздрагивали и спешили скрыться. Люди вскидывали руки, указывая на Гору, кто-то узнавал летуна аниторна, кто-то кричал, что на город напали, только самому дракону не было до них никакого дела.

Он продолжал втягивать носом запахи, все больше злясь, потому что его человека здесь не было. Облетев весь город, дракон снова взлетел в небо. Он поднимался все выше и выше, и когда Бриллиант превратился в маленький муравейник, Гор издал горестный рев. Он ненадолго завис на одном месте, вглядываясь в далекие точки человеческих фигур, затем развернулся и вернулся к замку, цепляясь за отчаянную надежду, что Рик уже там и ждет его, но человек не стоял на стене, не махал рукой, не звал своего верного друга. Только стража и несколько слуг следили за полетом дракона.

И тогда Гором овладела ярость. Новый рев сотряс замок на утесе, и струя белого драконьего пламени улетела в небо. А затем дракон сорвался с места и помчался вперед, вспарывая ветер оскаленной мордой. Он бесился, и бешенство прокатывалось по телу великана обжигающей лавой, вызывая желание растерзать самого себя за доверчивость. Зачем? Зачем он поверил человеку?! Ведь знал, чувствовал, что тот в опасности! Драконье чутье не обманешь, когда дело касается его стаи. А Гор не сберег свою стаю, не сохранил маленького хрупкого друга!

— Ар-р-р, — зарычал дракон и перекувыркнулся через голову, едва удержав равновесие.

Но сейчас Гору хотелось даже хотелось причинить себе вред, наказать за то, что позволил себя уговорить. Если бы он не отступил, если бы не позволил человеку уйти без него... Ведь это было так просто! Переупрямить, сломить сопротивление, настоять. Дракон умел все это делать, но вредничал редко, стараясь не огорчать своего человека. Рик слишком доверял ему, и Гор трепетно берег это доверие. Но это было раньше, когда тревога не изводила душу великана. Почему же он не прислушался к ней в этот раз? Ведь не нравилось ему, что человек уходит без него, что некому будет защитить жизнь, которую так легко сломать...

Новый рев сотряс небеса. Если бы Гор мог говорить, он обозвал бы себя самыми последними словами, ругая за излишнюю покладистость. Каждый дракон знает, что самое ценное — это стая. Даже те, кто рожден в неволе. Это вьелось в кровь, стало потребностью, потому что стая — это семья. Одиночке тяжело, они злы и агрессивны потому, что некому отдать жар своего сердца. Одиночество гложет, разъедает, заставляет рычать и бросаться на тех, кто связывает крылья, кто мешают взмыть небеса и огласить их ревом, созывая

сородичей.

Издrevле драконы жили небольшими стаями-кланами, охраняя границы свои границы. Охотились, берегли своих самок, растили потомство. Драконицу выбирали один раз и на всю жизнь, и если пара погибала, то дракон уже не вел в свое гнездо новую самку, оставаясь верным избраннице даже после смерти. Родственные связи в кланах были столь же оберегаемы, как и пара. Если убивали одного из сородичей, вся стая поднималась на крыло, нещадно истребляя убийц, мстили до тех пор, пока от врага не оставался лишь пепел. Семья — вот настоящее сокровище дракона. И каждый великан готов был умереть за сохранение своей семьи.

А он, Гор, не сумел сберечь. Он позволил уговорить себя, убедить, что все будет хорошо, хоть и знал, что это не так. Прележал весь день, ожидая, когда зажгутся звезды. А когда небо стало черным, притащил упряжь и снова лег, глядя на ворота драконника. Он все ждал, что створы откроются, и войдет человек, который скажет:

— Мальчик, видишь, я вернулся. А ты тревожился, глупый.

Но створы открылись лишь один раз, когда драконоводы принесли еду для дракона. Гор вытянул голову, заглядывая ему за спину, затем поднял взгляд на лицо драконовода. Тот подмигнул летуну и ушел, закрыв ворота. А когда звезды начали меркнуть, и небосвод посветлел, окрасившись розовым, дракон взбунтовался. Он в ярости растерзал упряжь, спалил седло и попону. Пытался сжечь ворота, но охранная магия не позволила доскам даже задымиться. Это привело дракона в неистовство.

Его рев вынудил драконоводов запереть драконник из опасений, что обезумевший дракон вырвется на волю. А он рвался! И чем больше времени проходило, тем яростней. Время от времени кто-то подходил к драконнику, уговаривал, увещевал, угрожал, что лорд Риктор будет сердит, если узнает, что его летун пытался разнести собственное жилище, но только еще больше злили дракона. Он не хотел слушать уговоров, он хотел вырваться и помчаться к своему человеку, потому что ночью...

— Аур-р-р, — завыл, зарычал дракон, вспоминая, как понял, что его человек ушел.

Гор так ясно почувствовал, что Рика больше нет, что на некоторое время превратился в ледяное изваяние. Драконье сердце замерло, пропуская удар. А потом понеслось вскачь, потому что человек вернулся. Дракон не понимал, как понять то, что он чувствовал, но точно знал, что его семья все еще существует, и ему есть, о ком заботиться. А потом пришел страх, потому что Рик снова был в опасности. Гор не знал, как драконы чувствуют сородичей, тем более не мог знать, как человек с человеком остановилась связь, которая возможна только между кровными родичами, но она была, и в ту страшную ночь дракон ощутил ее, как никогда ясно. Благодаря ей, дракон знал, что Рик все еще жив, но оставаться оторванным от него было выше драконьих сил. Особенно после того, как Гор пережил вместе с человеком его смерть и возвращение оттуда, откуда возврата быть не может.

Дракон огляделся, сообразив, что мчится к тому ужасному острову, куда они с Риком летали в день, когда люди кричали им и махали руками. Гор снизил скорость и теперь неспешно летел над морем, прислушиваясь к себе. Первая ярость прошла, очищая разум великана. Дракон хотел уже повернуть назад, но все же решил сначала проверить остров, особо не надеясь на удачу. Он снова набрал скорость и помчался к огромной скале, возвышавшейся над морем.

В этот раз никто не летел за драконом, не бурлило море, поднимая на поверхность чудищ со страшными глазами. Не было холодной мглы, отнимавшей силы и волю. И скала,

казавшаяся когда-то недостижимой, появилась на своем месте безжизненным куском камня, нагретым на солнце. Волны бились у ее подножия, поднимая брызги. Ничего подозрительно, ничего опасного, никого живого...

Гор облетел скалу по кругу, после снизился, и лапы коснулись площадки, куда еще несколько дней назад его сажал Рик. Дракон сложил крылья, задрал голову и издал трубный рев, призывая своего человека. Но надежда не оправдалась, никто не отозвался, никто не спешил к тоскующему летуну. Скала была пуста. Здесь царили лишь запахи нагретого камня и моря. Больше ничего. Дракон уловил тень запаха своего человека, но это был старый след. Со дня Игр дня Рик на скалу не возвращался.

Гор снова расправил крылья, оттолкнулся и взлетел, ловя поток ветра. Однако улетать он не спешил, решив вновь облететь скалу. Дракон планировал так близко к каменной громадине, что порой самый кончик крыла задевал камень. Это было опасно, но удаляться ему не хотелось. Так он смог уловить запах засохшей крови Рика, оставленный в поединке с другим человеком. Жадно втянув слабый след, Гор приблизился к небольшому выступу, уцепился лапами и завис над пропастью, под которой разверзлась морская пучина.

Здесь был другой запах, от которого свело внутренности и захотелось выть. На этих камнях умер дракон. Гор помнил его — большой сизый, зрелый. Он нес на своей спине седого человека, от которого не исходила злость, как от человека, который напал на Рика. Тот ему Гору сразу не понравился. А вот седой и его сизый дракон вызывали желание пристроиться им в хвост и позволить вести себя. Они могли бы стать стаей, наверное, смогли. Теперь этого не узнаешь. Запахом смерти сизого дракона пропитались сами камни, и от этого становилось еще хуже. Гор отшатнулся, едва не полетел с края выступа в море, но сумел удержаться. Ему нельзя погибать, ему нужно спасти свою стаю.

Оттолкнувшись, дракон развернулся в опасной близости от волн, взмахнул крыльями и снова набрал высоту. Гор повернулся в обратную сторону и полетел к далекому берегу. Он никак не мог понять, куда лететь, но решил наведаться в горный замок, ставший родным домом. Потому что там была свобода, и Рик проводил со своим летуном гораздо больше времени. Они могли бродить по горным склонам, могли нестись по небу, обгоняя ветер, а могли просто валяться в высокой траве и разговаривать. Конечно, говорил человек, а дракон слушал, но это и нравилось Гору. Он всегда чувствовал умиротворение, когда Рик разговаривал с ним. Дракон понимал все, до единого слова, только мог ответить фырканьем, а не словами. Но ведь и человек понимал его, словно Гор говорил на его языке. И это тоже нравилось летуну. Они могли понять друг друга и без слов, настолько близки были их души. Дракон чувствовал это. Наверное, потому он и принял человека в свою стаю, как сородича, только очень и очень маленького сородича. Гор протяжно выдохнул и прибавил в скорости.

Но к замку на утесе он не вернулся, чтобы еще раз проверить его, был уверен, что Рика там нет по-прежнему, потому свернул еще не долетев до берега. Теперь дракон летел так высоко, что с земли его можно было принять за птицу. Если бы на спине летуна сидел человек, то Гор ни за что бы не поднялся так высоко. Его чешую не обжигал ледяной ветер, и дышать он мог так же легко, как и на земле, а вот Рик, когда они оба были младше и глупей, едва не погиб, когда захотел взлететь выше птиц, и дракон с радостью понес своего седока в заоблачную высь. Но даже не смог подняться настолько, насколько позволяли драконьи силы, когда человек начал задыхаться, мгновенно промерзнув до костей. Дракон стрелой ринулся к земле, спасая седока. Потом долго тыкал Рика носом, проверяя, что с ним все хорошо, виновато смотрел в глаза, и, как бы человек не настаивал, Гор больше никогда не

поднимал его выше того, что хрупкий седок мог выдержать. Впрочем, Рик просил всего два раза, желая проверить работу магов, которые по его заказу сотворили одеяния, чтобы выдерживать полет дракона на любой высоте. Запах этих одежд раздражал Гора, и дракон воспользовался этим, чтобы человек отстал со своими выдумками. Ему маленький «сородич» нужен был живым и здоровым, а заоблачная высь пусть остается для больших и сильных драконов.

Гор опустился ниже, внимательно вглядываясь вниз. Он не верил, просто надеялся, что Рик вдруг мелькнет между деревьев в лесу, или же будет стоять посреди большого поля, или покажется, переплывая реку. Дракон зорко всматривался в то, что происходило на земле, но ничего, что могло бы его заинтересовать, так и не заметил. Все те же люди-букашки, суетливые, громкие, подчас раздражающие, чужие. Они не были интересны великану, закованному в панцирь из чешуи. И не будь у него его человека, Гор и вовсе бы смотрел на людей с презрением, как многие его сородичи.

Гор так пристально рассматривал землю, что горы, появившиеся под ним, показались дракону неожиданными. Он заложил круг, облетая знакомые места. Вот горное озеро, где его человек любил плавать, не слушая ворчания большой чешуйчатой няньки. Гор всегда придирчиво обнюхивал маленького друга, желая убедиться, что тот не простыл от купания в ледяной воде.

— Гор, да здоров я, здоров! — возмущался Рик, уворачиваясь от дотошного дракона. — Не могу я простудиться, понимаешь?

— Пф-фр, — желчно фыркнул Гор. — Пф.

Озеро сменилось негустым лесом, затем появился луг, их луг. Здесь ребенок Рик снял путы с малыша Гора и протянул ему руку своей дружбы, которую драконенок принял и ни разу не пожалел об этом. И спустя годы они часто гуляли здесь с человеком. И пусть играть в догонялки уже не получалось, но дурачились они много. Рик хохотал, забавляясь проделкам дракона, Гор был счастлив радовать его.

После луга дракон повернул к замку. Внутреннее чутье уже подсказывало Гору, что Рика здесь тоже нет. И все же ему хотелось убедиться в этом самому. Дракон заложил еще один круг над замком, который считал своим гнездом, и по нисходящей спирали начал снижаться.

— Господин вернулся! — раздался крик одного из стражей.

— Наш господин прилетел!

Дракон дрогнул, преисполняясь радостной надежды, но быстро понял, что люди ошиблись, решив, что летун принес лорда в его замок. Это вызвало новый приток злости, теперь на глупых людей, которые кричат прежде, чем увидят своими глазами. Разве же ремень упряжи тянется под драконьим брюхом? Разве же сидит на его спине драконоправ? Неужели невидно, что дракон один?

— Гор один, — растерянно произнес все тот же стражник. — Господина нет.

Дракон опустился на землю и бросил на стражника недобрый взгляд, мечтая укусить глупого человека, но этого он делать не стал. Рик как-то говорил, что люди озлобятся, если дракон будет вести себя вольно, показывая свою злость, и это может навлечь на беду на Гора и его человека. Этого Гору совсем не хотелось. Человек должен был смеяться, тогда дракон знал, что ему хорошо, а в стае всем должно быть хорошо. И кому об этом заботиться, как не самому большому и сильному? И дракон заботился. Заботился и сейчас, потому просто сложил крылья и принялся, не проявляя ни раздражения, ни нетерпения.

Он позволил приблизиться к себе одному из драконоводов, даже подставил шею, давая осторожно погладить себя. Драконовод заглянул в глаза Гора, словно ждал, что великан расскажет, почему прилетел один. Все знали, что лорд Илейни никогда не оставит своего летуна надолго, как и то, что дракон будет ходить за ним по пятам, как верный пес. Оттого-то и странно было видеть Гора, прилетевшего в родной замок в одиночестве. И тут же появилась тревога.

— С господином что-то случилось? — спросил драконовод.

— Ар, — ответил дракон, не особо надеясь, что его поймут.

— Он упал? Потеря сознание, и ты прилетел за подмогой?

— Пф, — Гор тряхнул головой.

— Где он? Покажи, мальчик, — и, не дожидаясь очередного фырканья летуна, мужчина крикнул: — Сюда! Лорду нужна помощь! Гор покажет, где господин.

Дракон вскинул голову и заревел, отпугнув драконовода и спешивших к нему стражников. Глупые, глупые люди! Опять они ничего не поняли!

— На нем нет упряжи, — вдруг сказал все тот же драконовод. — Гор не вез господина.

Гор шумно фыркнул и лизнул драконовода. Тот отшатнулся, ошалело глядя на дракона. Только лорд принимал от летуна подобные ласки, никого и никогда дракон не облизывал... если не считать старого целителя. Но Расслед был уверен, что его Гор пробовал на вкус. Мужчина обтер щеку и отошел за стражников, так же попятившихся. Люди боялись Гора без его человека, это дракон почувствовал так же ясно, как то, что в нем вновь закипает злость, потому что драконовод спросил:

— Гор, ты голодный? Ты хочешь есть?

Теперь и стражники спешно отошли подальше, стараясь держаться ближе к укрытию. Поднявшись на задние лапы, дракон ударил передними по земле и вновь заревел, ругаясь на недогадливых и мнительных людей. После оттолкнулся и взлетел, больше не желая разговаривать с теми, кто не может его понять.

— Гор! — крикнул драконовод. — Ты хотел сказать, что я верно угадал, и господина с тобой не было?

Но дракон уже летел прочь, оставляя за спиной серую громаду замка. Он не хотел смотреть на башни и шпили, не хотел ждать, пока люди догадаются, что он сам рад помочь их господину, но не знает, где его искать. Теперь и правда не знал. И все же внутреннее чутье, свойственное драконам, нашептывало, что Рик не так далеко. Он все еще на этой земле, где стояло их королевство, только в какой его части...

Зло рыкнув, Гор опять приземлился. Он не ел несколько дней, много и быстро летал, и силы дракона таяли. Он пожалел, что не остался в замке и не позволил себя накормить, но возвращаться не хотелось, и великан решил найти себе еду самостоятельно. Гор уселся на склоне, покрытом зеленым ковром сочной травы, и принялся. Ветер принес запах добычи. Где-то неподалеку паслось стадо коров, и голодный дракон не смог удержаться, несмотря на еще один запрет его человека:

— Гор, стада трогать нельзя. Это не понравится пастухам и хозяевам скота.

Но сейчас дракон был очень голоден, а Рика рядом не было, чтобы удержать его от охоты. И Гор опять взлетел, спеша туда, откуда умопомрачительно пахло едой. Он мчался стремительной стрелой, готовый схватить добычу и сразу взвиться с ней к облакам, унося от бдительных пастухов, чтобы полакомиться в уединении и тишине, где никто не будет задавать вопросы, зная, что не может получить на них ответы.

Стадо паслось в низине. Упитанные коровы лениво жевали траву, такие же ленивые пастухи сидели под деревьями, надвинув на глаза шапки, предаваясь приятной дреме под сенью крон. Они не волновались, что стадо разбежится, невидимая преграда не даст им этого сделать. Не боялись пастухи и нападения хищников, все та же преграда не подпустит их к стаду. Несколько крупных собак неспешно прогуливались между коровами, но они были нужны, скорее, для порядка, чтобы предупредить пастухов о приближении чужаков, чем для охраны. Да здравствует магия! Она была людям отличным подспорьем в быту и в работе.

Потому появление в небе огромного черного дракона осталось почти незамеченным. Почти, потому что одна из собак все же подняла голову и залилась испуганным лаем. Коровы шарахнулись в сторону, замычали, тут же залились лаем остальные псы. Пастухи вскочили на ноги, но так и не смогли сдвинуться со своих мест, пригвожденные страхом перед могучем зверем, что сейчас мчался на обезумевшее от страха стадо.

Гор налетел на коров, даже не заметив удара защитного контура, схватил в когти первую попавшуюся корову и снова взмыл вверх. Стадо бросилось прочь. Обезумевшие от страха животные кидались на защитный контур, ревели от боли, но продолжали пробивать заслон, спеша скрыться от хищника, напавшего на них. Пастухи продолжали смотреть вслед исчезающему в небе дракону, все еще не в силах сдвинуться с места. Визг одной из собак привел в чувство одного из пятерых пастухов, и он заорал, выводя из ступора своих товарищей. Люди бросились к стаду, спеша спасти доверенных им коров, забыв на время о свободном драконе-одиночке, объявившемся в горах.

Гор вернулся на то же место, откуда учуял запах коров. Он был слишком голоден, чтобы долго искать укрытие, да и не приходилось ему еще разорять стада, потому об осторожности не думал. Дракон был большим и сильным, а люди маленькими и хрупкими, опасаться великану, казалось, нечего. Потому удобно расположился на выбранном ранее склоне и приступил к ужину, более не тратя времени.

В этот день Гор так больше и не взлетел. После славной охоты и насыщения дракон прикрыл глаза и задремал. Ему нужно было набраться сил, чтобы завтра вновь мчать по небу, вспарывая мордой облака, соревнуясь в скорости с ветром. Ему нужно было найти своего человека, собрать стаю, вернуть свою семью, чтобы вновь беречь ее, заботиться, сохранить. Постепенно сон сковал дракона.

Когда Рик, еще будучи мальчишкой, спрашивал своего летуна, снятся ли драконам сны? Гор не мог ответить, просто смотрел на маленького друга доверчивым взглядом желтых глаз с вертикальными черточками зрачков и сопел. Сны драконам снились, как и людям. Это бывали страшные сны, бывали хорошие, бывали странные, в которых великаны видели своих древних сородичей, свободно обитавших в мире, где теперь царили люди.

Сегодня Гору снилось ристалище, где шумели люди. Они прославляли его человека, и дракон с гордостью смотрел на своего человека. Он знал, что Рику нужна победа, и сделал все, чтобы он ее получил. Дракон любовался другом, наслаждался ощущением умиротворения, потому что теперь они были в безопасности, и все, что могло отнять у него человека, осталось позади. Гор сохранил свою семью, он справился. И Рик справился. Не оставил, не позволил поддаться взгляду морских чудищ, не отдал летуна ни им, ни черной мгле. Они все прошли вместе, смогли победить!

А трибуны кричали, зажигали факелы, гремели железом. Отчего-то теперь в их руках были вилы, и кто-то все повторял:

— Здесь он залег, здесь. Поисковик не обманешь.

Гор приоткрыл глаза. Его окружала ночь. Она затопила землю чернотой и лунным светом, серебрившим горный склон, ласково гладил дракона, заглядывал в глаза, что-то настойчиво шептал...

— Еще немного и увидим прожорливую тварь.

— Тише ты, вдруг он нас услышит? Не хочу я встретить утро в драконьем брюхе.

— У нас полно магии. Опутаем и убьем гада, чтоб больше на коровок наших не зарился.

— Откуда только взялся? Кроме дракона господина тут и не было никого.

— Одичалый, вырвался, наверное из чьего-то драконника. Гор-то мирный, хороший дракон.

— Дракон всегда останется драконом. Это кровожадные твари, которых надо уничтожать, а не холить, как господин свою игрушку. Ишь, развлечение нашел, зверя в нос целовать. Ум, говорит, у него, душа. Тьфу. Откуда в твари душа и ум?

— Тихо вы, еще вспугнете. Он уже совсем близко.

Гор поднял голову. Он вслушивался в человеческий шепот, ловил запахи. Они несли факелы, железо и магию. Противную магию, злую. У Рика она тоже была, но пользовался ею человек только два раза, чтобы спасти своего летуна. Другие драконоправы обижали драконов, используя злую Силу, они заставляли летунов слушаться с ее помощью. Глупцы, любой дракон пойдет за тем, кто хочет стать другом. Даже таким великанам не хочется быть в одиночестве. Они легко доверяли, но если таили обиду, то уже навечно. Драконы не умели прощать и забывать. Единожды предавший становился врагом на всю жизнь. Люди не понимали, продолжая убивать в летунах желание быть нужными, а потом называли кровожадными тварями.

— Он за той грядой.

— Тс-с.

— Не шипи, я и так едва дышу.

— Все равно может услышать. Нужно напасть неожиданно.

— Может, просто приструним?

— Как ты приструнишь чудовище?

— Но господин-то своего сумел.

— Так он господину еще дитем достался. А тут громадина.

— Да заткнитесь вы! Как бабы. Бу-бу-бу и бу-бу-бу, тьфу.

Свет факелов упал на камни, за которыми лежал дракон, окрасив их бледно-оранжевым цветом. Люди подползали к лежищу Гора, прекратив разговоры. Затем над острым каменным гребнем появилась человеческая голова, вскрикнула и исчезла.

— Он там! — заорал светловолосый мужик. — Прямо там лежит и смотрит!

— Не ори, дурак! — ответил второй голос, и в дракона полетел выплеск магии, при помощи которой драконоводы и драконоправы управляли чешуйчатыми гигантами.

Боль ослепила Гора, в одно мгновение разъярив и заставив подскочить на месте. Он заревел, расправил крылья, но следующее жало вонзилось в тело, обжигая новой вспышки боли. Дракон забился, шарахнулся в сторону, продолжая оглушительно реветь.

— Не нравится, тварь, не нравится! — торжествовал третий голос. — Бей его, еще бей! Будет знать, как стада честного люда разорять. Дай ему еще, чтоб кишки через нос выскочили.

Взбешенные Гор все же сумел оттолкнуться от земли и взмыть в небо. Вслед ему неслись новый выплеск. Настиг, скрутив внутренности болью. Дракон вновь заревел. Обида и гнев

сплелись в его душе. Люди повскакивали со своих мест, крича и размахивая мечами и факелами, зажатыми в руках. Их было не меньше десяти, целый отряд под предводительством человека в линялом балахоне непонятного цвета, перетянута на впалом животе грубой веревкой. Деревенский маг, один из слабейших, раз не нашел места получше. Он поднял жезл, наполненный магией для управления драконами, направляя в Гора новый выплеск.

Этот выплеск прошел вскользь, почти не задев дракона, но окончательно взбесив. Гор развернулся и помчался назад к земле, выставив когти, готовый схватить мага. Он хотел наказать людишек за их жадность и глупость. Гор не понимал, как жизнь коровы может стоить жизни дракона.

«Ты не можешь нападать на людей. Они не враги, мальчик. Я не хочу потерять тебя из-за того, что люди сочтут тебя опасным и буду молить короля о твоём уничтожении. Я не переживу этого, Гор...»

И он смог извернуться, вновь уходя в небо, пролетев над самой землей, почти коснувшись брюхом огня выставленных факелов и острия мечей. Не тронул никого, не причинил зла, не напал, не убил. «Не переживу...» Жизнь его человека была дороже сотен тысяч глупых селян, дороже жизни самого короля, которого даже Рик называл господином. Нет-нет, Гор не сделает того, что погубит его семью. Дракон бережет стаю, а не уничтожает ее.

Он уже не видел, как перепуганные люди бросились врассыпную, не слышал, как один из выкрикнул:

— Это же Гор! Это дракон господина! Он сошел с ума, он напал на нас!

— Он убил мага!

Убегавшие обернулись. На земле захлебывался кровью деревенский маг, но не когти дракона убили его. Из груди худощавого мужчины в линялом балахоне торчал меч, кем-то в панике всаженный в тело мага. Люди переглянулись. Один из них, бледный, с дрожащими губами, с изумлением смотрел на свои опустевшие руки. Убийца был найден, но...

— Надо сжечь тело мага, — мрачно сказал один из крестьян. — Скажем, что это дракон плюнул в него огнем.

— Д-да, — заикаясь, поддержал второй.

— Помогите, — прохрипел маг.

Мужчины переглянулись.

— Так будет лучше всего, — согласились остальные. Они выждали немного, но дракон так и не вернулся. А вскоре возле каменной гряды уже пылал костер, пожиривший тело мертвого мага. Никто не призывал сказать правду, теперь все они были заодно...

Когда взошло солнце, Гор достиг огромной долины. Лучи утреннего солнца осветили изумрудную зелень, среди которой пестрыми каплями росли цветы, приоткрывшие свои лепестки, встречая утро. Тонкий аромат наполнял воздух, и дракон опустил вниз, глубже вдыхая чарующий запах. Душа отозвалась вспышкой умиротворения, навеявая новые воспоминания из детства, когда драконенок и ребенок-человек беззаботно резвились на лугу недалеко от замка в горах.

Гор мягко опустился на землю, его лапы тут же утонули в зелени травы. Опустив голову вниз, дракон вдыхал свежий аромат. Он даже почти забылся, желая продлить мгновения покоя, когда обоняния коснулся совсем другой запах. Мерзкий, гнилостный, запах Смерти и Зла. Помимо зловония разложения Гор учуял тот запах, которым пахло существо, вползшее в

его драконник на следующее утро после Игр. Остервенело зарывав, дракон взмыл в воздух. Он поднялся повыше и увидел черноту выжженной земли.

Стремительно приблизившись к гадкому месту, Гор снизился, рассматривая тела людей, тронутые тленом. Он узнал воинов своего человека, сумел различить за зловонием запах своего жилища, которым пропиталась их одежда. Увидел дракон и магов, их тела тоже еще не до конца утратили запах Силы. Изуродованные, изгрызенные мертвецы лежали недалеко друг от друга. Больше ничего на выжженном островке не было, хотя и витал едва уловимый запах нечисти. Однако самым отвратительным был запах Зла. Он заполнял воздух, отравлял холодом страха, тоски и ярости.

Гор взревел, подавшись удушающему зловонию, но вот могучие крылья взмахнули, и дракон помчался ввысь, где был лишь ветер и солнечные лучи. Великан спешил избавиться от невыносимого смрада, от тех чувств, которые он вселял в драконью душу. И когда грудь Гора свободно расправилась, наполненная чистым воздухом, он вновь снизился и еще раз рассмотрел мертвецов. Рика среди них не было, и значит, нужно было продолжать поиски. Но зато теперь дракон знал, с кем сражался его человек, знал, какой запах искать, и он сорвался в полет, ведомый еще одной тонкой ниточкой, которую удержала изуродованная земля. Запах перехода, его Гор знал хорошо. Из долины открывался портал, значит, Рик ушел через него... Но куда?

— Ар-рф, — проворчал дракон.

Найдет. Он точно знал, что теперь найдет своего человека, и их стая вновь будет полной. Осталось найти место, куда вышел Рик. Гор прикрыл глаза, и его ноздри затрепетали, словно у огромного охотничьего пса. Дракон взял призрачный след.

Глава 11

Ветер развеивал длинные черные пряди мужских волос, серые глаза устремили взгляд на потемневшее море. Волны, покрытые россыпью пузырей белой пены, налетали на скалистый берег, разбивались и опадали тысячами брызг, порой долетавших до мужчины, застывшего на самом краю бездны. Его тонкие губы были поджаты в жесткую линию, желваки ходили на скулах, кулаки то сжимались, то разжимались. Мужчина был в ярости.

И ярость его находила отклик в потемневшем небе, покрытом разбухшими черными тучами. Созвучна раскату грома, прокатившемуся над волнующимся морем. Он держался, держался, как мог, но серые струйки Силы время от времени слетали с его пальцев, устремляясь вниз по отвесной стене каменного утеса, достигали волн, и тогда море отзывалось новым яростным ударом о каменный берег.

За спиной черного лорда застыла молодая женщина, красивая настолько, что глаз отвести от нее не было возможности. Только смотреть на красавицу мужчина сейчас не хотел. Ингер со страхом рассматривала прямую напряженную спину, скрытую темными одеждами, смотрела на развивающиеся полы плаща, и они казались леди Илейни крыльями большой хищной птицы. И будь ее воля, она бы бежала от мужчины на край света, лишь бы больше никогда не видеть его, не слышать завораживающего низкого голоса, не видеть ледяного взгляда, не чувствовать его злости и его желания. Если бы она могла...

Ингер тихо всхлипнула. Она ненавидела мужчину, стоявшего перед ней. Ненавидела всей душой, боялась и... желала. И если ненависть и страх были искренними, ничем не

замутненными чувствами, то желание казалось наваждением, от которого не было сил избавиться. Леди Илейни мечтала проснуться от того кошмара, в который превратилась ее жизнь, но кошмар все длился и длился, не заканчиваясь ни на мгновение. И пусть она дышала, мыслила, но женщине казалось, что душа ее блуждает во Тьме, разлившейся вокруг нее.

Тьма проникала в легкие, забивала поры, текла по венам, заменяя кровь. Тьма несла холод и обреченность. Ингер все сильнее увязала в ней, не имея сил вырваться на свободу, потому что ее свободой могла стать лишь смерть колдуна. Но стоило даже представить, что он корчится в предсмертных муках, как тело пронизывало испепеляющей болью, разум взрывался на множество ранищих осколков, и женщина заходилась в надрывном крике. Проклятая руна, вырезанная на ее груди, не позволяла даже мечтать о смерти проклятого выродка Бездны.

И все же самым отвратительным было желание. Оно стало цепью, приковавшим Ингер к колдуну. Мужчины, которых она знала раньше, померкли для нее, став размытым пятном воспоминаний. Женщина сходила с ума, когда Эрхольд не замечал ее. Она готова была сделать все, лишь бы снова почувствовать его в себе. Была готова униженно умолять, чтобы он прикоснулся к ней. Готова была терпеть все, что он с ней делал, находя в забавах своего хозяина болезненные удовольствия, затмившее все, что Ингер любила раньше.

Боги! Она ведь и правда стала его рабыней. Некогда гордая, коварная, корыстная леди Илейни теперь готова была стелиться под ногами мерзкого Виллиана только для того, чтобы он насадил ее на свой член. И от этого ненависть Ингер становилась только сильнее. Она хотела свободы, мечтала о ней, представляя, что Эрхольд отпустил ее. И уже ненужно было власти, богатств, ничего — только свобода. Леди Илейни хотела забыть, стереть из памяти последние дни своей жизни. Порой хотела умереть, чтобы хоть так избавиться от цепи, удерживающей ее рядом с колдуном. Но он сказал, что она еще нужна ему, и пока Эрхольд не посчитает ее долг за предательство исполненным, Ингер не увидит ни новой жизни, ни смерти. словно верный пес она сидела подле колдуна и ждала, что он скажет.

Но Эрхольд молчал, продолжая глядеть в призрачную даль. Его ярость продолжала клочкотать, разжигая желание наказать, уничтожить... Только кого? Ту дрянь, что тряслась за его спиной, глядя пустыми глазами, в которых застыла похоть? Да, было бы неплохо свернуть ее тонкую шею, но она ему еще понадобится.

— Бездна, — выдохнул Эрхольд.

Ингер подползла ближе, с отвращением и желанием заглядывая снизу вверх на черного лорда.

— Уйди, — глухо велел он.

Женщина послушно вернулась на прежнее место, и колдун тут же перестал обращать на нее внимание, зная, что иначе сорвется. Все из-за нее. Тупая тварь осмелилась хитрить с ним, и во что вылилась ее безумная попытка приручить пасынка? Больше нет такого уютного замка, сам Илейни сбежал, но, главное, он увидел, как Божественный Огонь уничтожает его, Эрхольда, силу. Впрочем, нет, и это не было главным. Черного лорда интересовал вовсе не Риктор Илейни, гораздо важнее был тот, кто смог вырвать добычу из когтей Виллиана.

Черный лорд знал только одного человека, способного на подобное... одну женщину. Но! Бездна, он видел ее тело! Видел!!! Да пусть Боги сгорят в своем Огне, но он точно знает, что она умерла, погибла, сметенная его гневом. Ее изломанное тело было безжизненно, как

тот утес, на котором сейчас стоял черный лорд. Эрхольд трогал ее, прислушивался, звал, сжимал в объятиях, умоляя вернуться. Он призывал ее душу, и она откликнулась, пришла, чтобы вновь взбесить его своими насмешками. Эта женщина мертва, и мертва уже более четырех лет, тогда кто же посмел противостоять ему?

Кто посмел забрать его добычу и вернуть в тело, разбудив сознание? Кто?! Кто в этом мире может противостоять ему? У кого хватит силы поспорить с самой Тьмой? Более того, неведомый враг сумел закрыть ему обратный путь в тело аниторна. Он оставил лишь слабый след, который привел Эрхольда к его добыче. Поняв, что Илейни больше не принадлежит ему, колдун хотел уничтожить его, стереть с лица земли того, кто знал, как победить черного лорда. Бездна! И вновь ему помешали, но он так и не увидел, кто.

Мог увидеть, должен был, но блаженная душа инверны подчинялась плохо. Даже во Тьме она продолжает помнить своего любовника, даже там пытается защитить. И все, на что ее хватило — это произнести слова, которые она готова была сказать ему при жизни. Дура! Еще одна дура, которая готова была стелиться под ноги какому-то человечешке. Даже шлюха Ингер не сумела отказаться от мечты завоевать его, пусть и наложив чары. Эрхольд видел все, что таилось на душе у молодой мачехи. С того мгновения, как он привязал к себе леди Илейни, у нее не осталось тайн.

Черный лорд порывисто обернулся к женщине, дрожавшей от пронизывающего ветра и страха. Ингер вскинула на своего хозяина взгляд, протянула к нему руки, и Эрхольд подошел к ней. Присел на корточки, ухватил пальцами за подбородок и вздернул голову кверху, следя за тем, как зрачки заполняют радужку, и зеленые глаза становятся почти черными. Черными, как сама Тьма... Нет, такие глаза были у другой женины, которой больше нет, и о которой он старался не вспоминать, потому что воспоминания приносили слишком много боли... Проклятый Илейни! Вот еще один повод ненавидеть его — аниторн заставил Эрхольда вновь переживать страшные даже для него мгновения, заставил вернуться на четыре года назад, когда он убил... ее.

— Мой господин, — прошелестела Ингер, напоминая о себе.

Черный лорд скривился, хотел оттолкнуть свою игрушку, но заставил себя продолжать смотреть на нее.

— За что ты любила Илейни? — спросил Эрхольд.

— Я не любила его, мой господин, — прошелестела Ингер. — Нет никого, кто сравнился бы с тобой.

— Не лги, — сухо велел черной лорд. — Ты любила его.

— Меня продал ему мой отец...

— Я говорю не о твоём муже, — уже зло отмахнулся мужчина. — Риктор Илейни, за что ты любила его?

Взгляд Ингер стал рассеянным, и она прошептала:

— Рик...

Эрхольд тут же увидел молодого лорда таким, каким его видела женщина. Красивые благородные черты, упрямо поджатые губы, волевой взгляд, в котором сквозила непримиримость. Таким его помнила леди Илейни, познавшая презрение своего пасынка. А потом она думала о теле, и это колдун тоже увидел. Сильный, крепкий, статный. Эрхольд скривился.

— Ты можешь думать о чем-то кроме постельных игр? — раздраженно спросил он.

Ингер моргнула и очнулась. Она с непониманием смотрела на своего хозяина.

— Что ты хочешь, мой господин?

— Почему ты полюбила Риктора? — повторил вопрос Эрхольд, уже не особо рассчитывая на ответ.

Ингер опять промолчала, но слова и не были нужны черному лорду. Он ловил воспоминания, мысли, чувства. Они говорили больше, чем слова, были правдивей, не в силах ничего скрыть. Прозрачные, искренние.

«Смотрите, госпожа, смотрите!»

Эрхольд смотрел глазами Ингер в окно кареты, подъезжавшей к старому замку. Он видел высокие стены, видел открытые ворота и опущенный мост. Увидел он и привлекательного зрелого мужчину, с улыбкой встречавшего невесту. А потом послышался рев дракона, и тень летуна скользнула по земле. И тут же раздался задорный мужской смех.

«Гор, ты лучший!»

«Моя милая леди, простите моего сына за неучтивость. Риктор почти не расстается со своим драконом. Он вскоре присоединиться к нам».

Теперь Эрхольд смотрел, как из драконника выходит Риктор. Глаза его сияли, волосы, взлохмаченные ветром, придавали образу молодого лорда немного хулиганский вид. Открытая мальчишеская улыбка очаровывала. Колдун почувствовал смущение юной Ингер, ощутив, как быстрее забилось ее сердце, когда сын ее жениха приблизился уверенной походкой и склонил голову в приветственном поклоне.

«Рад приветствовать в замке Илейни невесту моего отца».

Глубокий голос, наполненный тем же солнечным светом, что и его глаза, глядящую на будущую мачеху. Весь облик Риктора был, как признание в любви самой жизни. Молодость торжествовала в нем, захватывая в плен в первое же мгновение.

«Рик, приведи себя в порядок».

Голос старшего лорда спокоен, но Эрхольд уловил слабую ревнивую нотку. В глазах Риктора ни тени возмущения. Он не оскорблен замечанием отца при даме, принимая его спокойно. Вновь поклонившись, молодой лорд разворачивается и уходит легкой походкой, кажется, уже позабыв, что в замок прибыли гости. Он что-то весело говорит одному из воинов и тот смеется. Ни капли напыщенности или притворства. Такой, какой есть... настоящий.

— Довольно, — Эрхольд все-таки оттолкнул Ингер, все еще проживающей день своего приезда в замок Илейни.

Женщина откинулась на спину, неловко взмахнув руками. Она испуганно посмотрела на черного лорда, но тот уже поднялся в полный рост и отвернулся, подставляя лицо первым каплям дождя. Ингер вновь села, зябко обнимая себя за плечи. Эрхольду было все равно, что сейчас чувствует его игрушка. Мысли мужчины металась между его прошлым, прошлым Ингер Илейни и настоящим. Нужно было найти новое убежище, нужно узнать, кто помог Риктору избежать Тьмы, нужно разобраться с самим аниторном и довести дело до конца. Это важно, он поклялся и должен исполнить клятву.

Неожиданно черный лорд вскинул лицо к небу и закричал, выплескивая все, что скопилось внутри. Ярость, сомнения, боль. Ингер сжалась за его спиной. Ее пугало все, что делал Эрхольд. Его взгляд, его слова, его сила и этот крик, которому вторил гром, обрушившийся сверху. И словно гнев Огненных, с неба ударила молния, разрывая воздух ослепительным сиянием.

Черный лорд рванул на груди камзол, обнажая грудь.

— Ну же, Боги, остановите меня! Остановите сейчас, или я заберу у вас этот мир! — прокричал он в хмурое злое небо.

Но Боги молчали, не спеша дать ответ на вызов Эрхольда. Только дождь заливал его остервенелыми каплями, падавшими на землю и в море отвесной стеной. И колдун взметнул руки, отпуская свою Силу. Серый туман, сорвавшийся с ладоней, свернулся в спираль, налил чернотой и помчался к волнам, вздымая водяной столб. Эрхольд закрыл глаза, позволяя смерчу налиться мощью, а потом отпустил его. Открыл глаза и смотрел, как смертоносный вихрь уходит все дальше в море, готовый пожрать тех, кто не успел вернуться на берег.

— Я буду новым богом. Я! — снова выкрикнул Эрхольд и расхохотался.

Смех вышел злым и пугающим. Ингер вскрикнула, отползая подальше от мужчины. Он обернулся, посмотрел на леди Илейни и криво усмехнулся:

— Ты боишься меня?

Власть его взгляда тут же захватила женщину в плен. Страх притаился, уступая место вожделению. Она подалась вперед и простерла к лорду ладони, испачканные к намокшей земле:

— Я хочу быть с тобой, — ответ вышел жалким.

— Позже, — отмахнулся он, и в глазах Ингер вспыхнули голод и надежда. — Возвращаемся в замок. Мне нужно кое в чем убедиться.

Эрхольд зашагал прочь с утеса, не оборачиваясь и не ожидая своей спутницы, он и так знал, что уже спешит следом, боясь отстать и потерять своего господина. Как знал, насколько сильно Ингер ненавидит его, и это чувство, пожалуй, было единственным, которое нравилось черному лорду. Оно было искренним, настоящим, всепоглощающим. Но вожделение, вызванное его сущностью, побеждало даже настоящее.

Мужчина все-таки обернулся, проследил взглядом, как Ингер бредет следом, оскальзываясь на земле, мгновенно ставшей от дождя грязной жижей. Ни мольбы подождать, ни вдоха, ни искры негодования, лишь обреченно поникшие плечи и рабская покорность Виллиану, вышагивающему впереди. Эрхольд тут же потерял интерес к своей игрушке и подошел к замку... к тому, что он успел перенести, пока в Изумрудной долине бушевал Огонь, карая его за самонадеянность.

Бездушные личи встретили хозяина пустыми взглядами. Эрхольд брезгливо передернул плечами и прошел мимо, слушая, как торопливо постукивает каблучками, стараясь не отстать от него.

— Иди к себе, — велел черный лорд, не оборачиваясь.

— Мой господин...

— Приведя себя в порядок, ты вся в грязи, — и вновь брезгливая нотка проскользнула в его тоне.

— Мне от нее не отмыться, — услышал Эрхольд тихий шепот, уже отойдя от женщины.

Колдун на мгновение остановился, полуобернулся, но так ничего и не сказал. Ему была безразлична Ингер и ее чувства. Даже если когда-то эта женщина увлекала его красотой и страстью, нравилась скрытым коварством, то сейчас от бывшей увлеченности не осталось и пепла. Красота приелась, коварство оказалось глупостью. Только страсть, но и она уже прискучила. А с тех пор, как незримая цепь приковала леди Илейни к черному лорду, ее желание стало угнетать. Несмотря ни на что, Эрхольд любил настоящие чувства, а потребность Ингер в господина стала карой за проступок. Скучно...

Мужчина спускался все ниже по каменной лестнице. По мере его приближения загорались факелы, озаряя унылые стены отблесками огнями. Огонь... Эрхольд зло махнул рукой, и факелы потухли. Ему не нужен был свет, чтобы видеть. Темнота никогда не была преградой для того, в чьих венах текла кровь Виллианов. Факелы — всего лишь дань условностям. В его родовом замке многое осталось в том виде, в каком находилось еще при жизни родителей. Черный лорд был подвержен приступам сентиментальности, когда дело касалось его жизни.

Лестница привела Эрхольда в огромный каменный зал. Он остановился на некоторое время, скользя рассеянным взглядом по витым колоннам, у подножия которых сидели мистические существа, вытесанные из камня — вактерды, стражи мертвых. Они охраняли покой предков Эрхольда, отводя дурные намерения воров. Они чем-то напоминали Виллианов, но имели козлиные головы и копыта. Трехглазые, четырехрукие, с зачатками крыльев на сутулых спинах. Когда-то маленький Эрхольд боялся их, всегда прячась за спину суровой матери, приводившей его поклониться предкам. Сейчас же смотрел с насмешкой на маленьких уродцев, чья сила заключалась лишь в том, если верить древним легендам, что они могли распознать вора и обратить его в камень.

Втянув носом затхлый запах склепа, колдун заставил себя идти дальше. Он хотел и не хотел подходить к последнему саркофагу, самому свежему, где дерево гроба еще не обратилось в прах. И все же нужно было убедиться, нужно было посмотреть, чтобы понять, кто противостоит ему, кто не хочет отдавать законную добычу. И если тела нет, если... Он задохнулся, прижимая руку к груди. Сумасшедшая надежда на чудо. Но кому, как не ему знать, что все чудеса подвластны чье-то воле? И если он не смог вернуть, значит, не сможет этого сделать никто. Только Боги, но им нет дела до того, что творится у них под носом. Это Эрхольд тоже знал, верил это, неоднократно убедившись в равнодушии Огненных.

Саркофаг, оплетенный каменными ветвями амератта, на крышке которого находилась высеченная из белого мрамора женская фигура, точная копия той, что должна сейчас лежать внутри каменного ложа, погруженная в вечный сон. Пальцы Эрхольда скользнули по холодному мраморному лицу, задержались на губах изваяния, и мужская рука повисла безвольной плетью. Черный лорд никак не мог решиться заглянуть в гроб. Видеть ее мертвой было... убийственно.

— Проклятье, — выдохнул мужчина.

Он мотнул головой, заставляя себя собраться, после задрал голову кверху и зажмурился до мушек перед глазами. Струйки мрака уже сочились с кончиков пальцев, оплетая крышку саркофага, снимая ее и осторожно укладывая на пол. Затем подняли крышку деревянного гроба и истаяли. Эрхольд поджал губы, опустил голову, но еще некоторое время не спешил открывать глаз.

— Надо, — прошептал он сам себе и медленно поднял веки...

Она лежала там. Все такая же прекрасная, все такая же мертвая. Обоняния черного лорда коснулся сладковатый запах разложения, и он нахмурился. Она не должна пахнуть смертью, у нее всегда исходил иной аромат, нежный, будоражащий, аромат самой жизни. Жаль, что его уже не вернуть, но убрать зловоние гниения Эрхольд мог, как и убрать первые следы разложения с ее тела.

— Моя вина, — негромко сказал он, присаживаясь на край саркофага. — Совсем перестал о тебе заботиться.

Судорожно вздохнув, мужчина протянул руку и едва удержался от желания отдернуть

ее, когда почувствовал ледяной холод мертвого тела. Нежно провел тыльной стороной ладони по щеке, скользнул кончиками пальцев по мертвым губам... Затем погладил черные волосы, аккуратно уложенные прямыми прядями на округлые плечи, пропустил их между пальцами и вновь закрыл глаза.

Он мог многое, очень многое, но не мог вернуть полноценной жизни. Та, кто покоилась в каменном саркофаге, нужна была ему такой, какой была до мгновения, когда взбешенный Эрхольд уничтожил самую ценную для него жизнь. Ему не нужен был бездушный лич, не нужна была кукла, подвластная его воле. Черный лорд хотел эту женщину в ее первозданном виде, но... Все, что ему осталось, сейчас лежало перед ним. Только тело, холодное, неподвижное, как мраморное изваяние на крышке саркофага. Даже кожа ее теперь казалась такой же белой.

— Прости меня, — прошептал колдун, склоняясь над телом. — Прости. Я не хотел, я не думал...

«Ты никогда не думаешь, да, Эрх? Разум заменяет Сила, не так ли?»

Так сказала она, когда Эрхольд, снедаемый раскаянием и горем, призвал душу черноволосой женщины.

— Если бы я мог все исправить, если бы мог...

«Я сделала бы все то же самое. Отпусти меня».

И он почти отпустил, перестав спускаться больше года назад. Позволил разложению начать поедать ее тело. Но вот вернулся и понял, что не в силах отдать Смерти последнюю частичку бывлой любви, испепелявшей его сердце.

— Ты была слишком непреклонной, слишком жестокой со мной.

Конечно, он не услышал ответа. Эрхольд положил голову на грудь покойницы и закрыл глаза, отыскивая в такой близости хоть какое-то успокоение. Затем его мысли перенеслись на недавнее прошлое. Если она здесь и все так же мертва, то кто смог противостоять ему? Кто осмелился забрать добычу у Виллиана, кто?! Мужчина вновь сел ровно, глядя на умиротворенное женское лицо.

«Теперь я свободна от тебя, Эрх».

— Ты навсегда осталась со мной.

«Отпусти меня».

— Никогда.

Эрхольд снова склонился, целуя холодные губы. Когда-то она не позволяла ему, сопротивлялась, кусала в ответ, слизывая с губ его кровь и прожигая взглядом черных глаз. Не хотела признать, не желала принимать его любовь. Но он умел настоять, брал то, что считал своим. Взял и сейчас, пусть его поцелуй и остался без ответа.

«Я никогда не буду принадлежать тебе».

— И все же ты со мной, — усмехнулся черный лорд. — Никому не досталась, как я и обещал.

Он бросил последний взгляд на покойницу и поднялся на ноги. Струйки мрака уже змеились, возвращая на место крышку гроба, после саркофага. И как только все вернулось на прежние места, Эрхольду стало легче. Слепая надежда на то, что его сумели обмануть, исчезла, но так было лучше, так не было неизвестности. Неизвестность черный лорд тоже ненавидел, тяготился ею. И все же жаль...

Покинув склеп, Эрхольд поднялся к себе. Он вошел в покои, протяжно вздохнул и упал в кресло, слепо глядя перед собой. На ум лезли события четырехлетней давности, когда он был

над телом женщины, чью жизнь забрал сам, лишив себя надежды на счастье, которое так ясно грезилось ему. После отнес в свой замок, сам подготовил к погребению, сам провел ритуал, только Огонь Эрхольду заменил мрак. Но позволить жрецу отнять и ее душу колдун не мог.

— Душа...

Он вскинул голову и усмехнулся. Сколько Эрхольд не разговаривал с ней? Четыре года достаточный срок для ожидания. Безвременье должно было уgomонить даже такую бунтарку. Улыбнувшись своим мыслям, черный лорд потянулся и тряхнул волосами, окончательно расслабляясь. Будет забавно посмотреть на нее присмирившую. Хотя... Нет, скучно. Взрывной норов и острый язык Эрхольду нравились. Увидеть бесплотный дух, лишенный тех чувств, которые душа еще сохраняет сразу после смерти, будет тяжело. Но... Он соскучился. И сейчас понял это столь отчетливо, что не мог уже думать ни о чем ином.

Неожиданно дверь приоткрылась, и в его покои вошла Ингер. Она помылась, сменила одежду, выбрав самое соблазнительное платье, и теперь смотрела на лорда с затаенной надеждой в глазах. Вся расслабленность в одно мгновение слетела с Эрхольда. Ощувив острый прилив злости, он порывисто встал на ноги и указал на дверь:

— Пошла вон!

— Мой господин, — Ингер упала на колени. Она не могла уйти, очень хотела, но не могла. Черный лорд не притрагивался к ней уже несколько дней, и разгорающаяся похоть гнала ее к нему, вопреки страху, вопреки остальным желаниям. Это была потребность, как с тем амулетом. Но если сила «Ока Виллиана» отпускала, стоило его снять, то влечение, навязанное ей самим Виллианом, невозможно было уничтожить. — Умоляю...

Ингер ползла к Эрхольду, не спуская с него лихорадочно поблескивающих глаз. Женщина не желала отступать, потребность в черном лорде была слишком велика, чтобы продолжать терзать свое тело самой, мечтая о нем.

— Пошла вон, — глухо повторил колдун, готовый уничтожить свою игрушку прямо сейчас.

— Нет, — простонала она, приближаясь. — Не могу.

Эрхольд увидел в ее глазах отвращение к самой к себе, почувствовал жгучую ненависть, направленную на него, ощутил все многообразие чувств, обуревавших Ингер. От мрачной решимости получить желаемое, до слабой надежды, что он отпустит ее, чтобы избавиться от надоевшей игрушки. И неожиданно ему понравилась та борьба, что происходила в женщине, и которую она проигрывала с каждым уходящим мгновением, но продолжая отчаянно цепляться за крохи своего достоинства.

А после пришли воспоминания о том, кто привел черного лорда на одинокий берег, где можно было на время спрятать все, что осталось от родового замка, бороться с силами и подумать, что делать дальше. Гнев вновь заполнил Эрхольда, смешался с искрой интереса, пробужденной сопротивлением Ингер. Черный лорд присел на корточки, наблюдая, когда до него доползет леди Илейни. Она остановилась так близко, что их лица оказались совсем близко.

Эрхольд накрыл ладонью ее щеку, почти нежно погладил большим пальцем, ощущая живое тепло. Тут же на память пришел холод тела другой женщины, и ощущение собственного одиночества накрыло с головой, словно взбесившаяся морская волна. Поджав губы, мужчина некоторое время всматривался в глаза Ингер, отмечая, как все дальше ее попытка сопротивления. Податливая, уже почти безвольная, с мольбой в глазах, леди

Илейни стала Эрхольду неприятна. Интерес, вспыхнувший двумя мгновениями назад, угас. Он убрал руку от ее лица и поднялся на ноги, повторив уже совсем спокойно:

— Уходи.

— Эрхольд...

— Мне сейчас не до тебя, жди.

— Я не могу...

— Вон!

Ингер закусила губу, ее дыхание было тяжелым, слез застилали глаза, и женщина простионала:

— Умоляю!

Но черный лорд уже отошел от нее, скрестил руки на груди и ждал, когда леди Илейни выполнит приказ. Ингер села на пол, закрыла лицо руками, понимая, что ее мольба останется не услышанной. Ее страдания ничего не изменили, колдун остался глух. В последней отчаянной попытке женщина вскочила на ноги и бросилась к Эрхольду, обвила его шею руками, прижимаясь всем телом.

— Возьми меня, Эрхольд, возьми меня, — лихорадочно говорила она, целуя его руки, сложенные на груди. — Делай со мной, что захочешь, только возьми. Не могу больше! Это так изматывает, Эрхольд, у меня больше нет сил ждать.

Она опустилась на колени, потянулась к шнурку, потянула его, стремясь завладеть естеством упрямого любовника. А в следующее мгновение вскрикнула, отброшенная им прочь. Ингер упала на спину, больно ударившись, но сразу же вскочила, сжав кулаки.

— Чтоб ты сдох, чудовище! — закричала она. — Ненавижу тебя! Хочу видеть, как твое сердце насадят на вертел и буду поджаривать на Божественном Огне!

И расплата не заставила себя ждать. Руна, вырезанная на ней когтем Виллиана, сковала грудь льдом, пронизывая острыми иголками холода, расползлась по телу, заломила зубы, отдалась в голове. Но Ингер, ослепленная отчаянием и прорвавшейся наружу ненавистью, продолжала хрипло выкрикивать:

— Будь ты проклят, Виллиан! Ты хотел знать, за что я люблю Риктора Илейни? Зачем? Тебе никогда не сравниться с ним. Никогда! Даже когда его плеть полосовала меня у позорного столба, я не возненавидела его. Даже когда прогнал, продолжала любить. Ты же навсегда останешься никому не нужным и одиноким вырожденком!

Эрхольд стремительно пересек покой, приближаясь к хрипящей от боли женщине. Ухватив Ингер за волосы, черный лорд рывком поставил ее на ноги, сжал щеки двумя пальцами и произнес с холодной насмешкой:

— А кто тебе сказал, что мне нужна чья-то любовь? С чего ты решила, что мне кто-то нужен?

— Хотя бы с того, — сипло ответила она, кривясь от ледяных иголок внутри, — что ты спрашиваешь об этом. Тебя задело, Эрхольд, задело!

Ингер попробовала рассмеяться ему в лицо, но смех вышел мученным, каркающим.

— Ты сам заставил меня желать себя. Привязал Силой Бездны. И правильно сделал, без нее я уже зевала, рядом с тобой. А Рик...

Неожиданный удар по губам остановил женщину. Она вскрикнула, накрыла пальцами рот и ошеломленно посмотрела на кровь. Очнувшись от забытья и испугавшись, что лорд ее сейчас вышвырнет за дверь покоев, Ингер уже хотела взмолиться о прощении, но горящий взгляд Эрхольда остановил ее. Он перехватил руку женщины, жадно втянул запах крови и

потянул ее к своим губам. Неспешно слизал капли красной влаги, вырвав этим стон из уст леди Илейни. После накрыл ее затылок ладонью и рывком притянул к себе, впиваясь в разбитые губы.

Ингер обвисла в руках колдуна безвольной куклой, насыщаясь его страстью с извращенным болезненным удовольствием. Она с лихорадочной поспешностью распахнула полы камзола, провела ладонью по груди и скользнула ниже, ощущая под пальцами возбужденный член, скрытый тканью штанов. Постанывая от нетерпения, женщина развязала шнурок, и в этот раз ее никто не остановил. Ингер сжала пальцами налитой ствол мужского естества, восторженно всхлипнула и заскользила ладонью от шелковистой головки до основания и обратно.

Лорд откинул голову, слизывая с губ кровь леди Илейни. Он прерывисто вздохнул, наслаждаясь умелой лаской Ингер, после опустил взгляд. Зеленые глаза женщины вновь стали почти черными из-за зрачков. Черные волосы растрепались, падая прямыми прядями на правое плечо, и Эрхольду на мгновение показалось... Мужчина судорожно втянул носом воздух, зажмурился, отгоняя наваждение.

— Возьми меня, Эрхольд, — взмолилась Ингер.

Ее голос показался черному лорду кощунством над его воспоминаниями. Вернулся гнев. Мужчина взглянула на любовницу, чувствуя, как уходит возбуждение. Эрхольд развернул Ингер к себе спиной и скривился. Не то, все равно не то.

— Эрхольд...

— Эрх, — потребовал колдун. — Назови меня — Эрх.

— Эрх...

— Скажи: «Убирайся в Бездну, Эрх».

— Зачем? — она обернулась, изумленно глядя на лорда.

— Говори!

Ингер сглотнула, готовясь к возвращению боли, но послушаться не посмела:

— Убирайся в Бездну, Эрх, — повторила она.

— Не так. Скажи так же, как недавно кричала.

Он был недоволен, Ингер чувствовала это, но никак не могла сделать то, чего он просит. Сейчас сама мысль о бунте возмущала женщину. Как можно такое говорить самому желанному мужчине из всех, кто у нее был. Эрхольд тут же отстранился. Леди Илейни, остро ощутив спиной холод, обернулась, испуганно следя за тем, как колдун завязывает шнурок на поясе. Сообразив, что он все-таки выставит ее, не дав желанной близости, женщина вскрикнула:

— Эрх! Убирайся в Бездну!

Лорд замер, вслушиваясь в интонацию, после ухмыльнулся и шагнул ближе. Провел ладонью по спине Ингер, потянул подол платья.

— Ты никогда не будешь обладать моим телом, — сказал он, но Ингер уже поняла, что от нее требуется.

— Ты никогда не будешь обладать моим телом! — боль не вернулась. Ей было позволено говорить господину все то, за что совсем недавно она вытерпела очередное наказание. Голова леди Илейни гордо вскинулась, и она прошипела сквозь зубы. — Если притронешься ко мне, клянусь, я убью тебя.

— Да-а-а, — со стоном выдохнул Эрхольд, резко нажимаю на спину Ингер, вынуждая ее упереться ладонями в спинку кресла. — Продолжай.

— Ненавижу! — от души выкрикнула женщина.

Подол ее платья взлетел вверх, обнажая ягодницы, не скрытые бельем.

— Чтоб ты сдох, Эрх!

Его пальцы прошли по влажным лепесткам женского лона, раздвинул их и скользнул в горячее нутро женского тела. Ингер выгнулась, подаваясь к нему всем телом. Ей было мало. Палец — не то, чего ждала женщина.

— Эрх, катись в Бездну! — выкрикнула она.

— Я отдамся последнему нищему, только не тебе.

— Я отдамся последнему нищему, только не тебе! Ты никогда меня не получишь...

И он вошел в нее, крепко сжав бедра, толкнулся, одним ударом проникая до упора. Заполнил собой жаркое, истекающее влагой лоно, и на мгновение замер, смакуя ощущения.

— Эрхольд, — прохрипела Ингер, первая начиная движение.

— Эрх.

— Катись в Бездну, Эрх! — заорала она, больше не в силах играть в его странные игры. — Возьми меня или сдохни!

Не сдох. Хрипло рассмеявшись, лорд почти покинул изнывающее женское тело и вновь вогнал член до основания. И снова, и снова. Он брал ее резко, жестко, причиняя боль, но Ингер упивалась ею, впитывая в себя острое удовольствие, что дарил ей черный лорд. Еще один резкий болезненный толчок, еще, и женщина закричала, оседая на колени, не в силах удержаться на ногах. Эрхольд опустил следом, перевернул на спину и снова заполнил собой извивающуюся женщину.

Из-под полуприкрытых век он следил за тем, как кривится ее лицо от наслаждения, слушал крики и... представлял другую. Мужчина так ясно увидел ту, к кому когда-то пылал такой же болезненной страстью, как сейчас женщина, извивавшаяся под ним. Только его страсть была настоящей, рожденной не кровью Виллианов. Эрхольд закрыл глаза, нависая над Ингер. Толкнулся в последний раз и застонал, содрогаясь от острого удовольствия, захватившего его. Впился в губы любовницы, остервенело целуя ее, пока волна наслаждения не отпустила, выжав его до капли. После откатился в сторону и накрыл лицо ладонями, желая продлить миг самообмана.

— Эрх, — Ингер приподнялась на локте, с нежностью коснулась плеча и услышала злое:

— Эрхольд. Не смей назвать меня сокращенно, пока я не разрешу тебе. — Он убрал от лица ладони, поднялся на ноги, натянул штаны и велел, не глядя на женщину. — Теперь уходи, мне нужно остаться одному.

— Э...

— Убирайся! — заорал лорд.

Ингер испуганно пискнула, вскочила на ноги и устремилась к дверям. Уже на выходе она обернулась и вздрогнула. Никогда она еще не видела, чтобы Эрхольд страдал, но сейчас его лицо было искажено мукой, и это отозвалось в душе леди Илейни уколom мстительной радости. Она поспешила скрыться, пока колдун не увидел злорадства в ее глазах. Дверь закрылась, и Эрхольд остался один.

Мужчина подошел к каминной полке, оперся на нее ладонями и простонал. Все вернулось. Его наваждение, его страсть, его боль — все вернулось. Эрхольду казалось, что за эти годы он избавился от чувств, лишивших его возможности дышать полной грудью. Он думал, что, наконец, научился жить без нее, но всего одно подозрение, один единственный

случай, когда кому-то удалось переиграть его, и вот он уже целует мертвое тело и загорается от образа потерянной возлюбленной, оживляя в памяти все, что она выкрикивала отвергнутому влюбленному.

Она никогда не понимала и не разделяла его любви, никогда не отвечала на его страсть. Избегала, пряталась, лгала, лишь бы удержать на расстоянии. За что? За то, что готов был положить мир к ее ногам? За то, что любил больше жизни? За то, что мог уничтожить любого, кто посмеет пойти наперекор их счастью? За что?!

Черный лорд махнул рукой, в ярости сметая все, что стояло на каминной полке. После поднял взгляд на зеркало, висевшее над камином, оскалился, глядя на свое отражение, и выкрикнул:

— Явись!

Зеркало безучастно отражало бледное мужское лицо с горящими серыми глазами, жадно вглядывающимися в чистую гладь. Никто не явился, ничей образ не шагнул из призрачной глубины. Тряхнув волосами, Эрхольд подавил все чувства, обуревавшие его. Нельзя показывать слабость даже духу. Он не позволит ей увидеть, что рана все еще кровоточит. Мертвые бывают слишком жадными до живых чувств, стремясь поглотить извне то, что не могут уже ощущать сами. Ей его чувства не были нужны, пока в теле теплилась жизнь, значит, не получит их и мертвой.

Эрхольд вернулся к креслу, развернул его к большому напольному зеркалу, расслабился и ровно произнес:

— Виалин Шагерд, призываю тебя.

Ему не нужны были долгие ритуалы, не нужны заговоренные свечи, не нужны проводники, пентаграммы и прочие атрибуты, используемые другими магами. Эрхольд знал дорогу в мир мертвых, он был связан с их миром, управлял душами, приказывал телам. Смерть была черному лорду верным союзником. Его кровь открыла ему эту дверь еще в детстве. Поэтому Эрхольд лишь выбрал дорогу, по которой должна была прийти, вызванная им душа, постучался и замер в ожидании.

Томительно долгое мгновение зеркальная гладь оставалась чистой, мужчина даже успел нахмуриться и недовольно поджать губ. Но вот зеркало подернулось сероватой дымкой, помутнело, и лорд увидел тень, скользящую в тумане. Тонкий женский силуэт с развивающимися длинными волосами. Эрхольд стиснул подлокотники, умиряя бешеный бег сердца. Он кусал губы, заставляя себя расслабиться и не вглядываться так жадно в потусторонний облик своей возлюбленной, но, как он не старался, дыхание перехватило. И когда из зеркала шагнула полупрозрачная молодая женщина, он простонал:

— Виалин.

Она выглядела совершенно безучастной к тому, кто ее позвал. Замерла рядом с зеркалом, глядя пустым взглядом черных глаз сквозь мужчину. Руки безвольно висели вдоль тела, волосы окутывали тело черным плащом, и Эрхольду захотелось подойти и откинуть их на спину, чтобы любоваться контурами ее тела. Но он остался сидеть на месте, зная, что все рано ничего не выйдет, и дух просто развеется, если его коснуться.

— Ты узнаешь меня? — спросил черный лорд.

— Да, Эрх, — бесцветно отозвалась она и снова замолчала.

— Как ты? — вопрос был глупейшим по своей сути, но Эрхольд никак не мог найти слов, не мог придумать ответа, даже не мог понять, зачем призвал ее.

— Мне спокойно, — все же ответила Виалин.

— Ты... — голос сорвался, и мужчине пришлось откашляться. — Ты простила меня?

— Духи ничего не чувствуют.

— Но помнят.

— Да.

Эрхольду отчаянно хотелось встряхнуть ее, услышать прежние дерзости, хотя б просто увидеть огонек в глазах, но и это было бесполезно.

— Я бы хотел, чтобы ты осталась жива, — наконец, произнес мужчина. — Мне не хватает тебя.

Нет, не то! Он не должен этого говорить. Не должен признаваться. Бездна, он вообще не должен был звать ее! Нужно прогнать, нужно вернуть туда, где она обитала все это время. Пусть уходит. Немедленно!

— Побудь со мной еще немного.

Зачем? Зачем он это сказал?! Отправить восвояси и забыть, навсегда забыть все, что связано с ней. И ее забыть!

— Я не могу уйти, пока ты меня не отпустишь.

— Но ты хочешь уйти...

— Да.

— Почему? Ты все еще злишься.

— Я не злюсь.

— Да-да, у тебя нет чувств, — с едкой насмешкой ответил черный лорд. — У тебя их никогда не было. Ни при жизни, ни сейчас. Бесчувственная дрянь.

— Зачем ты призвал меня? — все то же равнодушие. Ни любопытства, ни обиды, просто вопрос.

— Недавно мне показалось, что ты жива, — устало ответил Эрхольд. — Я подумал, что ты опять солгала мне, разыграв свою смерть.

— Я мертва.

— Вижу, — отмахнулся мужчина. — Ты знаешь, кто еще обладает силой Бездны?

— Нет.

— Но ты можешь почувствовать ее?

— Духи не чувствуют.

— Бездна!

— Отпусти меня.

Эрхольд сузил глаза. Хотя что-то осталось неизменным.

— Я не отпускаю тебя, Виалин.

— У тебя нет такой власти. Отпусти.

— Нет!

Она скользнула к зеркалу. Глаза Виалин были все так же пусты, полное равнодушие ко всему, ни единого всплеска. Просто тень, ничего не осталось от прежней яркой жизни. Безучастная. Обычный потревоженный призрак... Тогда почему черный лорд так ясно почувствовал, что она опять издевается над ним?

— Я запрещаю!

— У тебя нет власти.

Душа Виалин Шагерд теперь смотрела на него из зеркальной глади, с каждым мгновением ускользая все дальше и дальше.

— Вернись!

— У тебя нет власти.

— Виалин!

Эрхольд вскочил со своего места, бросился к зеркалу. Ладони ударились о холодное стекло. Теперь он вновь видел лишь свое отражение, дверь в мир мертвых закрылась. Зеркало прояснилось, и лишь тяжелое дыхание мужчины оставляло мутное облачко на его поверхности.

— Виалин Шагерд, призываю тебя! — Ничего не изменилось. — Виалин Шагерд призываю тебя! Виалин Шагерд, я призываю тебя!!! — И вновь только он и его полубезумный взгляд почерневших от прилива Силы глаз. — Дрянь! Проклятая скользкая дрянь! Призываю тебя!!!

В бешенстве метнулся прочь от зеркала. Взмах руки, и оно взорвалось, осыпая лорда осколками. Кровь потекла по порезанному лицу, закапала на пол с руки, все еще вскинутой для выплеска Силы. Эрхольд огляделся, судорожно вздохнул и глухо произнес:

— Я не отпущу тебя, Виалин.

Глава 12

Отсветы огня из очага плясали на стенах маленькой сторожки. Тени следовали за оранжевыми бликами, подрагивая, лениво переползая с места на место. За окошком царила умиротворяющая чернота ночи, приносящая тихий шелест листьев на деревьях, далекий крик ночной птицы, ворчание каяра, расположившегося где-то за стенами нового жилища Фиалки.

Под чистой тряпицей на столе лежал румяный пирог с ягодами, наполнявший домик приятным ароматом. Чистая посуда стояла на полочках аккуратными стопками. В углу притаился веник, выполнивший на сегодня свою работу. Над ним на потолке висела одинокая паутина, оставленная хозяйкой дома сознательно. И теперь из ее плетеной серединки на обитателей сторожки посматривал деловитый паучок, уставший от дневных паучьих дел.

Сама хозяйка домика разбирала собранные днем травы, связывала в пучки и вешала над огнем, высушивая их. Ее красноватые волосы были заплетены в косу, и она толстой змейкой то и дело норовила переползти со спины женщина на грудь, стоило той наклониться. Фиалка откидывала упрямую косу, продолжая свое занятие и время от времени бросая украдкой взгляды на мужчину, вырезавшего что-то из деревянной чурки над широким ведром, роняя туда срезанную стружку.

Женщина подняла голову и, уже не скрываясь, рассматривала незваного гостя. Лицо его было сосредоточенным, но по губам время от времени скользила легкая улыбка, когда он рассматривал свое творение. После отрицательно качал головой и возобновлял работу. Взгляд Фиалки задержался на мужском профиле, после скользнул на шею, сейчас не скрытую волосами, собранными в хвост. Жилка, едва заметная под смугловатой загорелой кожей, мерно пульсировала, отсчитывая удары сердца. Глаза женщины подернулись мечтательной поволокой, она судорожно вздохнула и поспешила отвести взгляд.

Рик, услышав ее вздох, поднял голову, оборачиваясь в сторону хозяйки сторожки, но Фиалка уже вновь продолжала свое занятие. Лорд Илейни улыбнулся одними уголками губ, рассматривая зарумянившиеся щеки женщины.

— Дыру протрешь, аниторн, — ворчливо произнесла она, не поднимая глаз.

— Заштопаешь, — мужчина отвернулся, пряча улыбку и слушая возмущенное фырканье. — Или заплату поставишь. Могу прислать тебе несколько отрезов прекрасных тканей, нарежешь заплаток, сколько душе угодно.

Он вновь посмотрел на нее, встретился со взглядом синих глаз. Полностью развернувшись к Фиалке, он нарочито медленно прошелся по ней взглядом.

— Эй! — фальшиво возмутилась женщина.

— Что? — Рик недоуменно приподнял брови. — Я оплатил просмотр заплатками.

— Только заплат не видать, — усмехнулась затворница. — Будет ткань, тогда и будешь рассматривать.

— Я в долг, — Илейни смотрел на женщину честным взглядом, едва сдерживая улыбку.

— Не подаю, — высокомерно ответила Фиалка.

— Скряга, — обозвал ее Риктор, отворачиваясь.

Несколько мгновение в домике раздавался шелест трав и чирканье ножа по дереву, но вдруг стены вздрогнули от их дружного смеха, сломавшего последний барьер отчужденности и напряжения, царившего все последние дни. Фиалка уронила руки на стол, склонила на них голову, плечи ее вздрагивали от хохота. Трава, еще не собранная в пучки, разлетелась по сторонам, попадала на пол, но женщина этого не заметила. Она заливисто смеялась, словно освобождаясь от того, что тяготило ее с того мгновения, когда Судьба преподнесла ей неожиданный и весьма весомый дар в лице лорда-аниторна.

Риктор Илейни хохотал вместе с затворницей, привалившись спиной к стене. Тягостные раздумья, не отпускавшие его все это время, отступили, принеся недолгое успокоение. На душе стало немного легче, и нараставшее недовольство и раздражение истаяли. Да и вид смеющейся Фиалки был ему невероятно приятен. До этого она продолжала держаться обособленно, огрызалась и язвила, но мужчина ясно видел, что она за нарочитой грубостью и дерзостью она скрывает свою растерянность. То ли неожиданное появление в ее жизни незваного гостя смущало затворницу, то ли было что-то еще, что тревожило ее и даже пугало. Женщина упорно закрывалась, не желая отвечать на вопрос Риктора, пытавшегося найти ответы на свои вопросы.

Она его не спрашивала ни о чем, но с каждым днем все дольше задерживала на Рике взгляд чистых синих глаз. И румянец, окрасивший женские щеки, лорд Илейни видел уже не в первый раз. Фиалка ворчала, повторяя, что не может дождаться, когда аниторн покинет ее жилище, однако каждый раз, стоило Риксу заговорить о том, что ему пора возвращаться в Бриллиант, женщина становилась хмурой, и отрицательно качая головой.

— Рано еще, — отвечала она и уходила от дальнейшего разговора.

В тот же день, когда они бежали от пожара и рогов, Риктор долго и обстоятельно расспрашивал Фиалку, где они находятся, есть ли рядом город, где он мог бы воспользоваться услугами мага, способного открыть переход. Пытался узнать, как далеко они от людей, но женщина отвечала одно и то же:

— Придет время, и я тебе все расскажу. Даже сама провожу, чтобы убедиться, что ты убрался, и я, наконец, от тебя избавилась.

Большого из нее Рик вытащить не смог. Однако время покинуть жилище затворниц не пришло и на следующий день. Гонимый тревогой, лорд Илейни все-таки не выдержал. Решив отплатить добром своей спасительнице после того, как доберется до Побережья, Риктор покинул сторожку, пока Фиалки не было. Он прошел совсем немного, когда из-за деревьев

вышел каяр. Пригнув голову и оскалившись, зверь пошел на мужчину. Убить любимца лесной затворницы, у аниторна не поднялась рука. Он вытянул из ножен меч, но отступал, не пуская клинок в дело, только защищался. Но каяр не напал. Он прижал Рика к мощному стволу старого дерева и уселся напротив, не позволяя сойти с места. Вскоре появилась Фиалка. Она взяла мужчину за руку и, буркнув:

— Нагулялся? Тогда идем домой, — увела обратно в сторожку.

И Риктору ничего не оставалось кроме, как подчиниться. Каяр зорко следил, чтобы лорд не вздумал своевольничать.

— Я пленник? — возмущенно спросил Илейни.

— Гость, — невозмутимо ответила женщина.

Поняв, что спор ни к чему не приведет, Рик только усмехнулся и махнул рукой. Но прошло уже несколько дней, а он все еще находился в лесной сторожке, находясь под бдительным оком каяра, следовавшим попятам за мужчиной, стоило ему только покинуть жилище Фиалки. Да и сама она придумывала лорду то одно, то другое дело, словно не желая оставлять его в одиночестве. Они вместе расчистили за сторожкой землю, где женщина решила завести новый огород взамен уничтоженного пожаром на месте ее старого дома. Вместе собирали хворост, ходили на охоту, где Фиалка обнаружила умением пользоваться луком.

Они присматривались, привыкали друг к другу, но разговаривали немного. Рик быстро скинул оковы этикета, переняв манеру своей спасительницы разговаривать с легкой насмешкой. Так оказалось даже проще. Лорд перестал следить за тем, чтобы оставаться учтивым. Нет, он не стал груб, но короткое общение проходило в обмене колкостями, ехидными замечаниями и язвительными выпадами. Рик быстро заметил, что Фиалка даже получает некоторое удовольствие от таких пикировок, да и сам он, несмотря на тягостные мысли, в такие мгновения отвлекался. И все же каждый из них оставался замкнут внутри своих мыслей.

А сегодня замкнутость впервые исчезла, уступив место смеху. Поделка неожиданно выскользнула из руки Риктора. Она упала, ударившись о край ведра. Мужчина присел, бережно поднимая то, что вырезал столько времени, подул на нее, очищая от опилок. Фиалка вытерла слезы, выступившие на глазах, и кивнула на руки лорда:

— Что ты там вырезаешь, аниторн? — спросила она.

Он подошел к столу, уселся напротив и поставил на стол фигурку дракона. Женщина протянула руку, взяла поделку и некоторое время рассматривала, после вернула на место и подняла взгляд на мужчину. На его губах блуждала грустная улыбка.

— Это Гор, — сказал он.

— Тоскуешь по дракону? — казалось, Фиалка была удивлена.

— Он моя семья, — ответила Рик, вновь поднимая фигурку и рассматривая. — Даже отец не был мне так близок, как дракон. Мы с ним дружим уже двадцать лет. Умнейшее создание. Заботливый... Ругается только на меня часто, спорит. Нянька в чешуе.

Лорд откинулся на спинку грубо сколоченного стула и невесело усмехнулся. Да, он тосковал по своему дракону. Никогда еще они расставались так надолго. Всегда и везде были вместе. Если подумать, то за двадцать лет они ни дня не провели друг без друга. Даже во время шумных пиров молодой лорд находил время, чтобы зайти и проверить, как себя чувствует его большой друг. Все горести, радости, переживания — все было у них на двоих. И остаться вдруг без привычного «Пф», без возможности зайти утром в драконник,

потрепать летуна по могучей шее и сказать: «С новым днем, мальчик», — было странно и даже пусто.

— Нечасто люди дружат с драконами, — заметила Фиалка. — Их чаще опасаются.

— Я знаю только одного человека, кто дорожил своим летуном, — ответила Риктор. — К сожалению, дракон погиб.

Мужчина поднялся со своего места и вернулся к ведру, продолжая ожесточенно стесывать лишние куски дерева. Воспоминанием было тяжелым, а сейчас, когда он не мог узнать, что с Гором, особенно. Рик поджал губы, уже не особо следя за тем, что делает. Перед глазами стояло распростертое на камнях тело Рага. Илейни мотнул головой, чтобы избавиться от видения, нож соскользнул, и лезвие разрезало кожу на пальце. Лорд охнул от неожиданности. Переложив фигурку дракона в другую руку, пока не испачкал ее, Риктор хотел уже слизать с пальца кровь, но его руку неожиданно перехватила Фиалка. Когда женщина успела подойти, он не заметил, и теперь удивленно смотрел на нее.

Затворница склонилась к ладони Рика, осторожно подув на ранку. Мужчина ощутил легкую прохладу, но вскоре ладонь окоченела, словно он стоял не в натопленной сторожке, а посреди зимней улицы. Неожиданно Фиалка поднесла мужскую руку к своей щеке, прижала, прикрыла глаза, и тепло вновь заструилось по телу, отогревая и возвращая чувствительность.

Тут же Рик почувствовал нежность женской кожи. В это мгновение он ощутил насколько женщина, стоявшая перед ним, ранима и беззащитна. Желание обнять ее, привлечь к себе, было столь сильным, что Риктор не удержался. Аккуратно, чтобы не поранить Фиалку, мужчина обнял ее рукой, в которой были сжаты нож и фигурка дракона. Женщина не сопротивлялась, она прижалась лбом к мужской груди, тихо вздохнула и затихла.

Лорд накрыл затылок освободившейся из плена ее пальцев ладонью, ласково провел по пламенеющим волосам, впервые чувствуя их гладкость и густоту. Фиалка вдруг подняла к нему лицо, и их взгляды встретились. Мучительно долгое мгновение мужчина и женщина смотрели друг на друга, а после она отстранилась. Выпуталась из сильных объятий и сделала шаг назад, затем еще один и развернулась к двери.

— Не ходи за мной, — севшим голосом потребовала Фиалка.

Рик проводил ее взглядом. Ее исчезновение больше напоминало бегство, только от кого она бежит, осталось непонятным. То ли от своей неожиданной слабости, то ли от мужчины, к которому бесконечно возвращался взгляд синих глаз. Илейни подошел к двери, открыл ее, но остался на пороге, прислушиваясь к быстрым удаляющимся шагам беглянки.

Ночной ветер немного охладил разгоряченное лицо. Риктор растерянно провел ладонью по волосам, после взглянул на нее, но не нашел и следа от пореза. Целительство Фиалки совсем не было похоже на привычную Силу Расследа. Впрочем, сейчас Рiku меньше всего хотелось копаться в странностях своей спасительницы. Ему хотелось... вернуть назад ускользнувшее мгновение.

Лорд-аниторн вдруг с изумлением понял, что исчезло давящее чувство потери. Нет, он не забыл о Нэми, но... Что-то поменялось. Грусть, боль от утраты нежный инверны, возмущение несправедливостью ее смерти — все это осталось, но северянка уже не поглощала его, мешая думать о чем-то еще. И от этого Риктор ощутил облегчение. Он знал, что сделает все, чтобы вырвать душу инверны из лап Тьмы, однако месть перестала казаться ему первостепенным делом, уступая место заботам, которыми он должен был тяготиться после того, как король возложил на чело лорда венец аниторна. Мужчина даже удивился,

отчего еще недавно мог думать только о своем горе, забыв об осторожности, о здравомыслии. И если после того, как Фиалка вернула его, Рик понимал глупость их затей, опираясь на произошедшие события, то сейчас изумился тому, насколько была явной тщетность задуманного Тэдиусом изначально. Но в своем ослеплении Илейни даже не заметил этого, прикрываясь маловразумительными доводами и надеждами.

— Наваждение какое-то, — прошептал Рик.

Он все-таки шагнул за порог. Тут же зарычал каяр.

— Куда она пошла? — спросил мужчина.

Зверь фыркнул, показал клыки для острастки, сверкнув красными глазами, после развернулся и неспешной рысцой направился в темноту. Уже дойдя до деревьев, каяр обернулся, увидел, что человек идет следом, и повел дальше. Свет, падавший из окошка из распахнутой двери, освещавший небольшое пространство перед сторожкой, померк, стоило зайти за деревья. Рик обернулся, бросив последний взгляд на опустевший домик, подумав, что стоило взять хотя бы свечу, чтобы подсвечивать себе, но сразу же забыл об этой мысли, спеша за ворчащим зверем. Белая шерсть каяра и его красные глаза, блекло посверкивающие между деревьев, когда он оборачивался, стали маяком для мужчины.

Он осторожно ступал на землю, опасаясь запнуться за древесные корни, торчавшие из земли. Однако вскоре глаза привыкли к темноте, и молодой лорд пошел быстрее и уверенней. Каяр остановился, подождал, пока человек приблизиться, а затем продолжил путь. Зверь почти не принимался, словно шел не по следу своей хозяйки, а был ведом невидимым поводком. Глядя на него, Рик снова подумал о Горе.

Где-то сейчас его дракон? Должно быть, он в ярости и ломает свой драконник. Это был первый раз, когда Илейни не сдержал данного летуну слова. На душе было неприятно из-за того, что солгал лучшему другу. Риктор протяжно вздохнул, представляя, как дракон ждал его в тот роковой вечер. А затем пришла тревога, ест ли чешуйчатый упрямец, не устроил ли голодовки? Позволяет ли приблизиться к себе драконоводам? Дает ли вычистить себя?

Неожиданно Рик улыбнулся, вспоминая, как чистил чешую дракону. Гор всегда любил мыться, сам подставляя бока под жесткую щетку и подергивая лапой, словно громадный пес. Ворчал от удовольствия, когда лорд чистил между костяными пластинами гребня. Для этого у них была щетка на ручке, потоньше, чтобы легко проходила в узкое пространство. А вот для крыльев дракона грубая щетина не подходит. Гор вообще не любил, когда крыльев касалась щетка, и для этой части драконьего тела Риктор использовал мягкую губку. Великан деловито следил за тем, как человек бережно трет его крылья, поднимал их, давая подобраться к внутренней стороне, а потом удовлетворенно вздыхал, принимаясь к свежему запаху специального мыльного раствора. Но стоило его окатить водой, и дракон встряхивался по-собачьи, покрывая брызгами с головы до ног и Рика, под его веселый хохот. Гор...

Ворчание каяра вывело мужчину из задумчивости. Он повернул голову и увидел обширный луг, залитый лунным светом. Поначалу мужчина не заметил женской фигурки, сидевшей посреди ночных цветов, благоухание которых наполнило воздух тонким, чуть терпким ароматом. Но вот поднялась тонкая, почти прозрачная в лунном свете рука, и над ней закружились сверкающие точки, словно звезды сошли с неба, чтобы станцевать для одинокой женщины. Она раскрыла ладонь, и ночной мотылек вспорхнул из цветка, доверчиво усевшись на пальцы Фиалки. Он подполз к запястью и затих, сложив крылышки.

Осторожно, опасаясь нарушить хрупкое очарование мгновения, Рик сделал первый шаг

к своей спасительнице. Завороженный представшей ему картиной, мужчина не сводил взгляда с темных волос, яркость которых скрыл ночной сумрак. Ветер игриво трепал пряди уже распущенных волос, и лорду захотелось так же вольно касаться этой загадочной, сильной, но такой хрупкой и ранимой женщины. Ему захотелось, чтобы Фиалка позволила приласкать ее, как позволяла незримому своевольнику, гладившему невидимыми ладонями ее плечи, целовавшему ее лицо и шею, руки, льнувшему к телу ласковым котом. Но, к сожалению, Рик не был ветром, и его приближение все же спугнуло светлячков. Вспорхнул с ладони мотылек, и Фиалка обернулась.

Ее глаза сейчас казались совсем черными, невольно заставляя вспомнить Нэми. Но вот женская головка повернулась вслед за приближающимся мужчиной, и лунный свет разогнал наваждение, вернув синь глазам Фиалки. Сейчас они не были такими яркими и пронзительными, как при свете солнца, не были похожи и на вечернее небо, когда день клонится к закату, как при свете свеч. Теперь глаза женщины стали темней, словно таинственные озера, чью глубину невозможно достать, сколько не ныряй. Но вот она отвернулась, освобождая мужчину от колдовских пут своего взгляда, и черные ресницы опустились, скрывая под собой блеск бездонной синевы.

Фиалка подтянула колени к груди, оплела их руками и прижалась щекой, склонив голову на бок. Волосы тут же рассыпались плащом, скрыв плечи, устлая кончиками мягкую траву. Рик присел рядом, ожидая, что сейчас услышит колкость или возмущение тем, что он не послушался и все-таки пошел за ней. Но женщина молчала, не спеша прогнать или заговорить. Лорд так же не нарушал тишины, наслаждаясь ароматом луга, ночной тишиной и близостью затворницы, которую знал всего несколько дней, но усел привыкнуть и даже почувствовал неожиданную горечь от того, что вскоре им придется расстаться.

— Рик...

Мужчина повернул голову к Фиалке, с удивлением отмечая, что она впервые назвала его по имени, сменив насмешливое обращение — аниторн.

— Что, Фиалка? — спросил он, все-таки не удержался и убрал с плеча волосы, открывая вид на ее лицо и шею.

— А как ты сам думаешь, аниторн? — с легкой издевкой спросила она. — Что такое Тьма? Или, может, кто такая?..

Рик отметил, что закрываться и отмахиваться от его вопроса Фиалка не стала, как делала это при попытках получить ответы. Уголки мужского рта дрогнули в едва заметной улыбке. Он вытянулся на траве, подперев щеку кулаком.

— Кто такая? — переспросил мужчина. — Она живая? Или Тьма — богиня?

Фиалка вдруг откинула голову и рассмеялась. Ее смех спугнул светлячков, кружившихся над головами мужчины и женщины. Риктор улыбнулся, но не стал больше ничего говорить, ожидая, когда его собеседница успокоится и ответит.

— Ты забавный аниторн, — наконец, сказала она. — Как все люди, ты задаешь вопросы о том, что понятно без слов, ждешь уточнений и пояснений, хотя ответ рядом с тобой, но ты его не видишь.

— Тьма — это ты? — округлил глаза Рик и в этот раз рассмеялся с Фиалкой.

Вновь успокоившись, женщина кивнула:

— Ты прав, Тьма — это я. И ты тоже Тьма, Рик Илейни. И они, — она указала рукой на цветы. Тьма есть во всем и во всех.

— Ты права, зло есть в каждом из нас, — согласился лорд, и Фиалка рассмеялась в

третий раз.

— Аниторн! Тьма не зло, как Свет не может быть добром! Они слишком многогранны, чтобы делиться на столь скудные понятия, — воскликнула она.

— Значит, все-таки Боги?

Женщина промолчала. Она посмотрела на небо, после вздохнула и растянулась рядом с Илейни, подложив руки под голову. Взгляд Фиалки блуждал где-то между далекими звездами. Думала ли о чем-то лесная затворница, или же просто любовалась ночным небом, сказать было невозможно. Да Риктор и не спешил заговорить. Он любовался умиротворенными чертами Фиалки, даже не особо желая сейчас, чтобы она заговорила.

— Свет и Тьма — сама основа мироздания, — женщина прикрыла глаза. — Они создают и разрушают, вдыхают жизнь и отнимают ее. Боги такая же часть мира, как те, кем они управляют. И у Богов бывают слабости, появляются любимчики, — Фиалка открыла глаза и насмешливо взглянула на Рика. — Они играют, испытывают, награждают, карают, отворачиваются и забывают. Свет и Тьма вне игр. Никому не благоволят, ни на кого не злятся. Это изначальные силы, слишком древние, слишком равнодушные. Они неиссякаемы, и мы можем насыщаться их крохами, упиваясь верой в свое могущество. Можем поклоняться или проклинять. Но никто не в силах обуздать Свет и Тьму, никто не сможет их подчинить, даже Боги.

— Но... — начал мужчина и осекся под ироничным взглядом Фиалки.

— Аниторн, что ты сейчас видишь? — спросила она, разводя руками. — Разве же эта красота не увлекает тебя? Разве нужны слова здесь? Закрой глаза и насладись покоем, нам так мало отмерено этого чуда.

Рик лег рядом, не спеша закрыть глаза. Он повернул голову и смотрел на женский профиль, на кончики подрагивающих ресниц, на губы, чуть приоткрытые, и оттого еще больше манящие. На мерно вздымающуюся грудь, скрытую тканью простого платья. Ему подумалось, что этой женщине не нужны богатые одежды, не нужны драгоценности. Мудреные прически, которые сооружают на своих головах знатные дамы, только скуют красоту огненных волос. Фиалка была прекрасна в своей простоте, без ухищрений, в окружении травы и благоухающих цветов.

Он вновь приподнялся на локте, почти нависая над лесной затворницей.

— Что ты делаешь? — спросила она, не открывая глаз.

— Наслаждаюсь красотой, — чуть хрипло ответил Рик.

Глаза Фиалки распахнулись. Она хотела что-то сказать, но слова так и не сорвались с ее языка. Риктор провел тыльной стороной ладони от виска, по щеке, задев уголок губ, до подбородка, едва касаясь, подобно ласковому касанию ветра, которому он так отчаянно завидовал совсем недавно. Женщина тихо вздохнула и снова закрыла глаза. Казалось, она совсем безучастна к происходящему, но Рик услышал, что взволнованное дыхание, заметил, как пальцы сжали в кулаки траву, словно Фиалка цеплялась за этот мир, боясь сделать шаг и упасть в пропасть. И все-таки она не одернула мужчину, продолжая чутко прислушиваться к его ласковым касаниям.

Рик склонился к самому лицу женщины, осторожно поцеловал в уголок рта, прислушался к Фиалке и накрыл ее губы своими губами, лаская ненавязчивым поцелуем. И вновь она не ответила, но новый прерывистый вздох отозвался в мужской груди взволнованным ударом сердца. Он отстранился, рассматривая женщину. Губы ее, увлажнившиеся от поцелуя, мягко поблескивали в свете луны. Взгляд Рика скользнул ниже,

и он увидел, как сплотнула Фиалка. Затем открыла глаза и прошептала так тихо, что мужчина ее едва слышал:

— Поцелуй меня еще раз, аниторн.

— С удовольствием, — севшим голосом ответил Риктор, снова склоняясь к ней.

И все же он не спешил выполнить ее просьбу, получая удовольствия от невинного поцелуя в женскую щеку, после скользнул губами к скуле, спустился к подбородку, наслаждаясь нежностью кожи Фиалки. Улыбнулся, целуя кончик носа, а после снова завладел губами. Рик словно шел по тонкой грани, опасаясь спугнуть, обидеть, вызвать недовольство. Его поцелуй был почти невинен, трепетен, нежен, и губы Фиалки дрогнули, отвечая мужчине. Узкая ладонь легла на затылок. Она стянула ремешок, удерживающий мужские волосы. Каштановые пряди, ощутив свободу, рассыпались мягким шелковистым шатром, закрывая мужчину и женщину от нескромных звезд, от светлячков, от каяра, ворчавшего где-то неподалеку, превращая поцелуй в таинство.

Пальцы Фиалки скользнули в волосы Рика, вторая ладонь легла ему на щеку. Она подалась к мужчине, едва слышно всхлипнув. Лорд чуть приподнялся, заглядывая в синие глаза, подернутые поволокой.

— Согрей меня, Рик, — произнесла она, и в голосе ее звучала почти мольба.

Мужчина улыбнулся, возвращаясь к прерванному поцелую, теперь позволяя себе обнажить проснувшуюся страсть. И все-таки не спешил, желая продлить мгновения нежности, знакомясь с женщиной, которая появилась в его жизни слишком неожиданно и стремительно, чтобы осознать влечение, возникшее в тот момент, когда, очнувшись в ее доме, Риктор зачарованно впервые смотрел в синие глаза. Вдруг это стало таким ясным и, казалось, то, что происходило с ними сейчас, было неизбежным, предначертанным кем-то свыше.

— Почему ты не полюбил свою инверну?

— Почему ты думаешь, что не любил? — вопрос был слишком неожиданным. — Нэми была дорога мне.

— Ты потерял ее, — пожала плечами женщина. — Я видела ее дух во время пожара. Инверны особенные существа, когда пробуждается их магия, даже Тьма не способна поглотить лунную дочь.

Риктор вдруг почувствовал прохладу ночного ветра и зябко повел плечами.

— Что такое Тьма? — вместо ответа спросил лорд. — Ты знаешь о ней больше, чем я.

Фиалка перевернулась, встав на колени, и теперь смотрела на лорда.

Фиалка откликалась на его ласки, не пугаясь и не прерывая. Ее ладони скользили по широким плечам лорда, снова поднимались к голове, путаясь пальцами в волосах. Тело льнуло к мужскому телу, и дыхание срывалось с губ частыми горячими вздохами. Рик ловил его губами, слизывал с губ языком, пил, наслаждаясь ответной страстью, распускаясь в женском теле огненным цветком.

Его губы скользили по шее Фиалки, следуя за голубоватой бьющейся жилкой, тронули ключицы, коник языка тронул ямку между ними. Руки сдвинули платье с плеч, и женщина тихо застонала, вытаскивая рубашку из штанов лорда. Ее ладони нырнули под тонкую ткань, спеша ощутить тепло мужского тела. Женщина порывисто села, вынуждая сесть и лорда, стянула с Рика рубашку, мешавшую ей. После коснулась губами его груди, проложив хаотичный невидимый узор торопливыми мазками поцелуев.

— Нетерпеливая моя, — негромко засмеялся Риктор и вдруг замолчал, осознавая

произнесенное. И снова повторил, смакуя коротенькое слово, отозвавшееся в душе сладкой мелодией: — Моя.

Она ответила хрипловатым стоном, подставляя под губы мужчины свои плечи. Отвела в сторону волосы, давая ему развязать шнуровку и спустить платье до пояса. Закрыла глаза и откинула голову назад, когда ладони лорда накрыли тяжелые округлости высокой налитой груди. Кусала губы, когда пальцы Рика прошлись по вершинкам тугих сосков, затвердевшим от нарастающего желания.

Илейни мягко нажал на женские плечи, вынуждая вновь лечь на траву. Он все еще не хотел спешить, хотел насладиться видом обнаженной Фиалки, ее запахом, вкусом. Вдохнуть полной грудью жар, уже исходивший от гладкой кожи. Желал ощутить ее руками, губами, языком. И потому продолжал изучать ее тело пядь за пядью. Целовал губы, шею, грудь. Играл языком с возбужденным сосками, слушая тихое постанывание женщины, вновь сминавшую пальцами траву.

После отстранился, желая видеть ее всю. Рик приподнял подол платья, снял один башмачок, следом второй. Провел ладонями до бедер, затем подцепил пальцами край одного чулочка, неспешно стягивая его вниз, огладил щиколотку, несильно сжал ступню, вслушиваясь в судорожный вздох. Затем проделал то же самое, снимая чулок со второй ноги.

— Ты хочешь моей смерти, аниторн? — улыбнулась Фиалка.

Он отрицательно покачал головой, улыбнувшись в ответ:

— Я хочу тебя, всю тебя, затворница. А теперь закрой рот и позволь делать то, что я хочу.

— Ты запрещаешь мне говорить? — притворно возмутилась она.

— Я разрешаю тебе стонать, — сказал Рик. — У тебя это отлично получается.

— Ты не услышишь от меня ни звука, — Фиалка сжала губы и закрыла глаза.

— Посмотрим, — хмыкнул лорд, стягивая до конца ее платье вместе с панталончиками.

Теперь она лежала перед ним полностью обнаженная, и Риктор прошелся взглядом от подрагивающих кончиков ресниц, лаская взглядом плотно сжатые губы, шею, взволнованно вздымающуюся грудь, плоский живот, узкую талию, округлые бедра, треугольник рыжеватых волос внизу живота, стройные ноги, сейчас сжатые вместе. Она была прекрасна. Рик восхищенно вздохнул и вернулся к прерванным ласкам, начиная все сначала.

Упрямица все еще сжимала губы, и лорд провел по тонкой линии языком, прикусил подбородок, наказывая за вредность, и рассмеялся, глядя, как распахнулись ее глаза, возмущенно взглянув на мужчину. Но вот он начинает прокладывать дорожку поцелуев вниз, и Фиалка расслабилась, позволяя Рiku делать все, что он захочет, однако по-прежнему молчала, выполняя свое обещание. Это вызвало новую улыбку на губах лорд.

Он добрался до груди Фиалки, взглянул на нее и накрыл губами тугую горошину соска, втянул его в рот, провел языком по вершинке, продолжая следить за прерывистым дыханием женщины. Рик продолжал терзать женскую грудь ласками, не спеша продолжать свое путешествие по телу Фиалки. Он вбирал в рот то один сосок, то другой, прикусывая их, облизывая до тех пор, пока губы женщины не разомкнулись, и она не издала протяжный стон, нарушив воцарившуюся тишину ночи.

И тогда ладонь лорда накрыла живот Фиалки, вздрогнувшей от его прикосновения. Он провел рукой вниз через мягкие волоски на лобке и скользнул пальцами между ног. Женщина всхлипнула, открываясь Рiku. Лорд провел пальцем между нежных створок женского лона, собирая влагу. Коснулся средоточия ее желания, срывая с губ женщины

новый стон.

— Ты восхитительна, — хрипло произнес он, устраиваясь между широко разведенных ног Фиалки и вдыхая свежий пряный аромат ее тела.

Она не стеснялась своей наготы, не противилась откровенным ласкам, с наслаждением принимая их, и благодарила жаркими стонами. Фиалка была опытной в любовных утехах, это не укрылось от Рика и даже обрадовало, потому что позволяло ему не сдерживать себя, делая все, что хочется. И он продолжал ласкать женщину, даря ей радость наслаждения языком и губами, упиваясь ее криками, в которых слышалось его имя, когда жаркая волна захлестнула ее, накрывая с головой, выжигая до пепла. Пальцы Фиалки зарылись в волосы лорда, сжав их в кулак, тело выгнулось, и женщина сорвалась в пучину первого оргазма.

После опала и затихла, хрипло и часто дыша. Рик стер с губ ее влагу и навис сверху, больше не желая оттягивать мгновение, которого он ждал. Возбужденный член натянул ткань штанов, требуя освободить его из тесного плена, причинявшего боль. Ладонка Фиалки, скользнула по бугру, так ясно показывавшему желания мужчины, сжала его через ткань, и улыбнулась, уподобившись сытой кошке, когда Рик застонал, отвечая на ее прикосновение.

Она потянулась, развязывая завязки и спуская мужские штаны. После обхватила пальчиками налитой ствол, провела ласкающим движением от головки до основания, а затем направила в себя, позволяя Рiku толкнуться внутрь своего тела. Ее лоно оказалось узким, и вскрик женщины заставил лорда настороженно остановиться. Она поморщилась, словно это было ее первое проникновение, но надала ладонями на упругие мужские ягодицы, принуждая продолжить начатое. И он заполнил ее собой. Снова замер, наслаждаясь тем, насколько тесно обхватили его член горячие влажные стенки влагалища, а после начал свое плавное скольжение внутри тела Фиалки.

Их губы вновь встретились, и поцелуй, соединивший уста мужчины и женщины был далек от невинных касаний, которыми они обменивались еще недавно. Язык Рика протиснулся в рот Фиалки, и она приняла его, лаская своим языком. Движение мужских бедер стали резче. Он вколачивался в глубину женского тела, продолжая неистово целовать, прикусывая губы. Ловил ее вскрики, впитывая кожей ответный огонь ее желания. Их тела сплетались в лунных лучах, не нарушая гармонии ночного луга.

— Рик! — выкрикнула Фиалка, впинаясь ногтями ему в ягодицы, когда вторая волна удовольствия выгнуло тело в новом ослепительном оргазме.

— Невероятная, — простонал он, содрогаясь всем телом, когда сорвался вслед за ней.

И когда тяжелое дыхание немного выровнялось, поцеловал женщину уже нежно, без напора. Она обняла его, прижалась всем телом, не спеша разорвать объятья. А когда Рик лег рядом, укладывая женскую головку себе на плечо, его взгляд скользнул вниз, и мужчина потрясенно произнес:

— Ты девственница. Но ты однажды обмолвилась, что была замужем!

Она нахмурилась, рассматривая кровавые следы на своих бедрах, затем отмахнулась и вернулась на плечо лорда.

— Ты был слишком неистов, возможно, это последствия твоего напора, — сказала она беспечно. — Пройдет.

— Тебе больно? — с тревогой спросил Риктор.

— Нет, — Фиала накрыла его рот ладонью. — Помолчи, аниторн. Мне слишком хорошо, чтобы разговаривать.

Мужчина накрыл ее руку своей ладонью, поцеловал и опустил себе на грудь. Еще одна странность его Фиалки... Его? И Рик со всей очевидностью понял, что уже не хочет расставаться с ней, не хочет оставлять в лесу. Жизнь с ней была такой естественной, словно они провели под одной крышей не один день.

— Если я попрошу тебя уйти со мной в Бриллиант, что ты ответишь? — спросил он, глядя в небо.

— Я скажу, что не люблю города, — ответила женщина.

— А если я скажу, что неравнодушен к тебе?

Она подняла на него взгляд и усмехнулась:

— Я отвечу, что ты вскоре забудешь обо мне. Вокруг тебя слишком много блистательных женщин, чтобы помнить про лесную затворницу.

— Про тебя не забудешь, — улыбнулся Рик. — Другой такой нет.

Они замолчали. Мужчина подыскивал нужные слова, чтобы уговорить ее. От мыслей о расставании становилось тяжело, и это было удивительно. Ведь вроде и прожили бок о бок всего несколько дней, больше обмениваясь колкими выпадами, чем разговаривая, а казалось, что уже целую вечность рядом. Это было странное и незнакомое чувство, от которого туманился разум. Оно пьянило, кружило голову, горячило кровь, и лорд-аниторн с удивлением понял, что влюбился.

— Что ты можешь мне дать? — неожиданно заговорила Фиалка. — Свое ложе? Быть наложницей я не хочу, а большего предложить ты не в силах, мы оба это знаем. А когда в твоём замке появится какая-нибудь леди, которую ты назовешь женой, я, скорее, вырву тебе сердце, чем отдам другой женщине. Я не смогу делить своего мужчину, довольствуясь ролью любовницы. Нет, аниторн, я останусь в своём лесу и буду вспоминать о тебе. А может и забуду, когда кто-нибудь снова выпадет на меня из перехода.

Ее шутка не развеселила. Напротив, вызвала острое раздражение. Даже представить, что кто-то еще будет жить в маленьком домике, смотреть на его хозяйку и, возможно, кому-то другому она откроет свои объятия, было не просто тяжело, сама мысль оказалась невыносимой. Лорд недовольно заворочался, но ответить ему было нечего.

— Не злись, — голос Фиалки стал мягким. — Ты сам знаешь, что я права.

Она перевернулась на живот, посмотрела на Риктора, а затем коснулась губами его груди.

— Знаю, — глухо ответил он. — Но я хотя бы смогу видаться с тобой?

— В лесу нет оград и замков, он для всех открыт, — улыбнулась женщина. — Если ты решишь вернуться, я не смогу тебе запретить.

— Ты бы хотела, чтобы я вернулся? — лорд немного успокоился, сумев подавить злость и неожиданную горечь.

Она открыла было рот, чтобы ответить, но небеса вдруг сотряс драконий рев. Черная тень заслонила луну...

— Гор! — закричал Рик, вскакивая с места одним гибким движением, как только Фиалка отодвинулась от него. — Это же Гор! Мальчик, ты нашел меня! Фиалка, это Гор.

Она улыбнулась и потянулась за платьем. Натянув штаны, мужчина бросился навстречу дракону, опускавшемуся на землю по нисходящей спирали. Риктор остановился и замер, ожидая, когда его летун встанет лапами на землю.

— Гор, — прошептал мужчина и широко улыбнулся.

Глава 13

Дракон опускался вниз, распластав крылья по воздуху. Грациозный, величавый, счастливый. Он нашел! Нашел своего человека! Сумел собрать стаю. Вот он, его маленький дракон, стоит на земле, вскинув руки, как всегда, радуясь большому другу. Так и не достигнув земли, Гор вновь взмыл ввысь, извернулся, закладывая петлю. Затем еще одну, и еще, радостно слушая отзвуки смеха человека, которые улавливали чуткие драконьи уши.

После выпустил струю ослепительного пламени и помчался к земле, спеша обнюхать Рика, убедиться, что он здоров, что цел и невредим. Дракону хотелось почувствовать, как человек обнимает его шею, как трется щекой о твердую чешую. Хотелось, чтобы все было, как раньше. Гору так отчаянно не хватало их разговоров, полетов, споров. Даже по упряжи, которую когда-то ненавидел великан, он успел соскучиться.

— Гор!

И по голосу человека он тоже соскучился. Драконьи лапы коснулись земли, и Рик сорвался с места, превращаясь в того нетерпеливого мальчишку, который мчался по горному лугу наперегонки с драконенком. Человек подбежал к летуну, обхватил его большую голову ладонями и прижался лбом к бронированному лбу дракона.

— Как же ты отыскал меня, мальчик? — прошептал он, и Гор жалобно завыл.

Он жаловался на то, что Рик оставил его, что не пришел, как обещал. Жаловался на людей, не желавших выпускать взволнованного дракона из драконника, ябедничал на тех, кто пожалел бедному голодному Гору корову. Рассказывал про то, что ему сделали больно, что страдал, что тревожился за маленького человека. Укорял Рика, топал лапой, взмахивал крыльями и бил хвостом по земле, а потом вновь льнул к молодому лорду. И человек просил прощения, уверяя, что не думал пропадать, жалел своего друга, рассказывал, как переживал за него, как волновался. Журил, что не остался в драконнике и подверг себя опасности. Но как же Гор мог сидеть в уютных стенах и лопать сочное мясо, когда его стая распалась?! Дракон сердито заворчал, но вскоре вновь начал подвывать.

— Настродался мальчик, — Рик привычно обнял летуна и потерся щекой о чешую.

Наконец, Гор протяжно вздохнул и облизал лицо человека. После замер, словно прислушивался к чему-то. Осторожно потянул носом, вдыхая новый запах, которым пропитался человек, и который дракон не заметил сразу, слишком взволнованный долгожданной встречей. И чем больше внюхивался Гор, тем сильнее увязал в аромате самки. Великан много раз чувствовал запах женщины от Рика, он волновал, даже будоражил, но...

Вскинув голову, дракон огляделся и заметил женщину, стоявшую неподалеку. Это был ее аромат. Пьянея от новых, еще неизведанных чувств, Гор направился к самке. Он подходил все ближе, начиная различать и знакомый запах своего человека. Только почему-то сейчас этот запах не радовал, не приносил умиротворения. Напротив, запах самца разозлил, заставив издать тихий угрожающий рык. Соперник! Вот, что ощутил дракон.

— Гор! — окликнул его Рик.

Дракон резко обернулся и смерил недобрым взглядом идущего за ним мужчину. Тот улыбался, даже не подозревая, что сейчас происходит с его верным другом.

— Гор, это Фиалка, — сказал Риктор Илейни, приобнимая женщину за талию. — Она спасла меня... Гор.

Дракон тяжело дышал. Глаза вдруг налились кровью, и из груди вырвался оглушительный рев. Он поднялся на задние лапы, взметнув передние над мужчиной и женщиной, застывшими каменными изваяниями.

— Гор! — закричал Рик, задвигая Фиалку себе за спину. — Что с тобой? Успокойся! Она не несет в себе зла!

Зла? Зла?! О, нет, самка не несла в себе зла. Она влекла дракона, завораживала своим запахом, манила. Но человек пытался спрятать ее, он хотел присвоить себе то, что дракон уже считал своим. И Гор заревел снова. Он раскинул крылья, пригнул голову и пошел на самца, посмеявшегося оставить свой запах на чужой паре. Огромные клыки щелкнули перед лицом Рика, а затем из ноздрей взбесившегося гиганта повалил дым. Он готовился атаковать. Уничтожить преграду, отделявшую его от желанной цели.

— Рик, осторожней! — вскрикнула Фиалка, оттаскивая лорда из-под лап дракона. Невдалеке зарычал каяр, бросаясь к своей хозяйке, но она остановила зверя коротким приказом.

— Это же Гор, мой Гор, — потрясенно прошептал мужчина, начиная осознавать, что летун взбунтовался.

Лорд Илейни знал о том, что драконы нападают на своих драконоправов, но был уверен, что такого никогда не произойдет с ними. Они ведь едины!

— Мальчик, это я! — воскликнул Риктор. — Гор, очнись!

Но дракон не хотел приходить в себя. Он хотел убрать с дороги соперника, он хотел добраться до самки.

— Рик, он тебя не слышит, — Фиалка схватила лорда за руку и попыталась оттащить еще дальше, но он стоял, пригвожденный к месту, не веря в то, что его Гор может причинить ему зло. Только не ему!

Драконья пасть открылась, и струя белого огня понеслась в мужчину. Рик зажмурился, но жар, лизнув его кожу, отпрянул. Лорд открыл глаза и тут же снова зажмурился. Перед глазами полыхало драконье пламя, слепя даже через сероватую плывущую дымку, окружавшую Риктора. Он обернулся и увидел, как с пальцев Фиалки срываются сероватые змейки тумана. Скручиваясь в тугие жгуты они ползли к ревущему дракону, опутывали, не давая наброситься на мужчину. Гор метался, пытаясь избавиться от силков, но черная Сила проникала под чешую, причиняя боль, леденила и без того холодную кровь летуна, замораживала, заставляя забыть о ярости. Дракон завыл и упал на землю, скребя по ней лапами, вырывая клоками сочную траву. А потом пламя опало, и он увидел человека.

Вместе с отрезвлением пришло и осознание того, что он едва не сотворил. Гор заскулил, понимая, что готов был уничтожить свою стаю, которую мечтал сохранить. Рик сделал шаг, и дымка, вившаяся вокруг него, опала рваными клочьями тумана. Мужчина судорожно вздохнул, но упрямо поджал губы и направился к летуну.

— Аниторн, — голос Фиалки остановил его. — Не подходи к нему... пока не подходи.

— Ему плохо, — отозвался мужчина. — Он моя семья.

— Не подходи, — повторила женщина. — Кажется, я ему понравилась.

— Что? — Риктор снова обернулся, непонимающе глядя на затворницу.

— Я видела брачные игры свободных драконов, — она немного замялась. — Было очень похоже. Кажется, он увидел в тебе соперника. Ты не подпускал его ко мне, и дракон взбесился.

— Ерунда какая, — раздраженно ответил лорд. — Ты — человек, он — дракон. Какие

брачные игры? Какой соперник? Гор просто злиться, что я пропал...

— И потому хотел сжечь? Да он был счастлив, как щенок, когда увидел тебя.

— Но это невозможно!

Илейни снова повернулся к Гору. Дракон все еще поскуливал. В его глазах застыла вина. Лапы уже не скребли по земле, и теперь взгляд летуна не отрывался от человека, будто умоляя простить его.

— Невозможно, — согласилась Фиалка. — И все же... Не подходи к нему, Рик. Я не так сильна, чтобы удержать его второй раз.

Илейни сел на траву, скрестив ноги. Взгляд его не отрывался от Гора, и в нем не было ни обиды, ни злости, только непонимание и неверие в случившееся. Сложно было осознать нападение того, в ком был уверен, как в себе. И все же... И все же на руке его был ожег, на штанах появилась дыра с черными обожженными краями.

— Наваждение какое-то, — мотнул головой Рик, а после попросил. — Отпусти его.

— Нет, — Фиалка упрямо смотрела на лорда. — Сначала уйди, потом отпущу.

— Отпусти сейчас, — потребовал мужчина.

— Нет.

— Отпусти. Моего. Дракона, — чеканно повторил лорд-аниторн. — Сейчас же.

— Опасно...

— Отпусти! — и уже тише добавил. — Он уже не кинется на меня. Я знаю.

— Рик, неразумно...

— Отпусти его! — заорал Рик.

Фиалка сплунула, и «змеи» поползли к своей хозяйке. Гор неуверенно поднялся на лапы, пошатнулся, но устоял. Он вытянул шею в сторону Риктора, переминаясь с лап на лапу, но не решаясь подойти. И тут же между драконом и его человеком появилась мутноватая преграда из уже знакомой дымки, не позволяя великану приблизиться к лорду.

— Убери, — потребовал Рик, не оборачиваясь.

— Нет, — твердо ответила Фиалка. — Я отпустила его, как ты хотел, теперь черед моих желаний. А я хочу сохранить жизнь, ради которой я сунулась в пасть чудовища, и поверь, это я не о твоём драконе. Успокойся, тогда подпущу.

Гор, осознав, что ему не дадут подойти к человеку, горестно заревел, оттолкнулся от земли и взмыл вверх. Риктор проводил его взглядом, после повернулся к женщине, приблизившейся к нему, взглянул снизу вверх, после поймал ее руку, прижал к своей щеке и спросил:

— Кто ты же ты такая, затворница?

Женщина пожала плечами вместо ответа. Она подняла голову, пытаясь найти взглядом дракона в ночном небе, но не увидела и устало вздохнула.

— Идем домой, аниторн, — сказала Фиалка.

— Я буду ждать Гора, — ответил лорд. — Он переживает.

— Твой дракон уже никуда не денется, — женщина потянула за собой Рика, и он нехотя поднялся на ноги. — Успокойся и вернется.

Немного подумав, мужчина кивнул, соглашаясь. Он поискал в небе черного дракона, протяжно вздохнул и последовал за Фиалкой. Она так и не выпустила его руки, и Илейни не спешил расцепить переплетенные пальцы. Каяр деловито шагал впереди, вглядываясь в темноту, принюхиваясь к запахам, порывивал, всем своим видом показывая, что охраняет хозяйку и ее гостя. Рик смотрел на зверя, болезненно кривясь. На душе было тяжело и

моторно.

Он думал о драконе, сейчас летевшем где-то высоко в ночном небе. Понимал, чувствовал, как ему плохо, и ничем не мог помочь. Радость от встречи сменилось горечью. Все произошедшее было нелепым, глупым, невозможным. Гор хотел убить его? Но это же чушь! Гор не мог! Просто не мог и все. Хотелось найти виноватого и наказать его за то, что смутил разум умного великана, заставил взбунтоваться и напасть. Иначе придется поверить. Но верить не хотелось до крика. Только не они с Гором, только не их дружба, где было невозможно предательство.

Взгляд мужчины упал на затылок Фиалки, и Рик тут же устыдился своих мыслей. Она уже трижды спасла его. Первый раз, когда колдун пытался завладеть его телом и душой, второй раз, когда вытащила из огня и увела к подземному ходу, закончившемуся в подполе сторожки — еще одном жилище затворницы. Сегодня закрыла от пламени дракона. А затем пришла на ум еще одна мысль — вопрос: «Почему не отпускает?». Зачем удерживает в лесу? Тоже защищает?

— Почему ты не даешь мне уйти? — его голос прозвучал надтреснуто.

— Плетение еще слабое, должно закрепиться, — ответила Фиалка, не оборачиваясь, и Рик понял, что она готова говорить о том, о чем молчала до сих пор.

— Что за плетение?

— Защита.

Фиалка остановилась и посмотрела на него. Риктор невольно отпрянул, ее глаза были черными, как ночь, и это не было навеяно темнотой, глаза затворницы, на самом деле, сменили небесно-голубой цвет на непроглядную черноту. Заметив, как дернулся мужчина, Фиалка криво усмехнулась, выпустила его руку из своей ладони и продолжила путь. Мотнув головой, лорд догнал ее, положил руку на талию и рывком притянул к себе. Ее тело было напряжено, и женщина попыталась вывернуться.

— Все еще хочешь обнимать меня? — насмешливо спросила она.

— Почему я не должен хотеть обнимать тебя? — сухо ответил вопросом на вопрос лорд. — Потому что ты не та, кем кажешься? Или потому, что не хочешь открыть о себе правду? Но я и так знаю, что тебе подвластна магия Бездны, как тому, кто убил магов и моих воинов, чей амулет убил Нэми, и кто хотел убить меня. Или может потому, что мой дракон взбесился, когда учуял твой запах? А может потому, что ты спасаешь меня раз за разом? А может потому, что опытная в постельных утехах женщина, бывшая замужем, оказалась девственницей? У тебя столько загадок, затворница, и не все, что я понял о тебе, мне нравится. Но я точно знаю, что в тебе нет зла, иначе я бы не стоял сейчас рядом с тобой. Так почему же я не должен хотеть обнимать тебя?

Фиалка вдруг обмякла в его руках и уткнулась лбом в грудь. Плечи ее дрогнули, и до мужчины донесся тихий всхлип. Рик обнял лицо Фиалки ладонями, вынуждая поднять голову, и заглянул в глаза. На ее щеках едва заметно блеснули влажные дорожки слез. Лорд осторожно стер их большими пальцами и склонился к ее губам. Фиалка судорожно вздохнула, обвила руками его шею. Она отвечала Рiku с таким отчаянием, словно это была их последняя встреча, будто сейчас он развернется и уйдет. Цеплялась, как за соломинку, и Илейни это тоже почувствовал. Он подхватил женщину на руки и понес вслед за каяром, тут же поднявшимся с земли и продолжившим путь.

В сторожке уже царил темнота. Поленья в очаге прогорели, и теперь лишь затухающие угольки еще подмигивали красными глазками, похожими на глаза каяра. Свечи оплавилась,

оставив застывшие озерца воска на глиняных блюдах. Фиалка крепче обняла мужчину, несшего ее, уткнулась носом в шею и тихо вздохнула, пощекотав дыханием кожу лорда. Рик поднял глаза к небу, но Гора еще не было видно.

Войдя в дом, мужчина усадил Фиалку на лежанку, присел перед ней на корточки, уперевшись коленом в пол, и мгновение рассматривал незнакомые глаза, смотревшие на него с настороженным ожиданием. Тьма во взоре затворницы завораживала, притягивала, пугала, но не вызывала отвращения. Аниторн вдруг подумал, что у Нэми тоже были черные глаза, но они казались... другими, да, наверное, так. Обычные глаза черного цвета. А под ресницами Фиалки пряталась сама Бездна, бескрайняя, мрачная, затягивающая, словно в ловушку. Хотелось сделать шаг за призрачную грань, и позволить могущественной Силе утянуть себя, отдав в ее руки не только тело, но и душу.

Женщина опустила веки, а когда они поднялись, на Рика смотрела хорошо знакомая синева. Это успокаивало, но...

— Верни тьму, — попросил мужчина. — Я хочу видеть тебя настоящую.

— Настоящей меня уже нет, — слабо улыбнулась Фиалка, а затем пожаловалась: — Холодно.

Лорд прижал к губам ее ладонь, показавшуюся ему, действительно, ледяной. После укутал в одеяло и отошел к очагу, заново разводя огонь. Первые сухие веточки занялись быстро, а вскоре огонь уже весело потрескивал в очаге, охватив подброшенные поленья. Риктор задержал взгляд на пляске пламени, представляя своего дракона. Где он сейчас? Что творится в его большой умной голове? Куда мчится, вспарывая телом ветер? Терзается? Успокоился? Когда вернется? И вернется ли...

— Вернется, — уверенно произнес вслух мужчина и упрямо поджал губы.

Рик обернулся к лежанке. Фиалка лежала, откинувшись навзничь, широко распахнув глаза. Лорд стремительно пересек небольшое пространство, отделавшего очаг от лежанки, и склонился над женщиной. Новая метаморфоза заставила его снова вздрогнуть. Ни черноты, ни синевы в глазах затворницы не было. Пустые бельма смотрели в потолок незрячим взглядом. Мужчина присел ряд, дотронулся до щеки и схватил за плечи, несильно тряхнув:

— Фиалка, — позвал он. — Ты слышишь меня? Фиалка.

Она не отзывалась. Тело налилось тяжестью, кожа утратила всякие краски, утратив тепло. Женщина была мертва, и в этом не могло быть никакого сомнения.

— Боги, — выдохнул Рик.

Он прижал к себе тело затворницы, уткнулся лицом в шею, все еще не желая верить очевидному. Что могло забрать жизнь, еще мгновение назад бившую ключом? Ни кинжала, ни яда, ни магии. Бережно уложив Фиалку на прежнее место, лорд положил ей голову на грудь, вслушиваясь в биение сердца. Его не было. И все же... И все же только что умерший человек не коченеет мгновенно. На это нужно время.

Аниторн кусал губы, не зная, что делать. Звать, кричать, метаться в поисках ответа не было смысла. Сидеть и ждать? А если упустит возможность помочь? Но чем помочь и как? Подвох был, Рик это чувствовал, но никак не мог понять, в чем. Ничего подобного он не видел ни разу в жизни, даже не слышал о похожих случаях. Верить, что Фиалка могла вот так стремительно уйти из его жизни, едва появившись в ней, тоже не хотелось. Лорд был не готов потерять то, что только что приобрел. Огонек влюбленности не потух, продолжая согревать его душу. И чем дольше он смотрел на безжизненное женское тело, тем больше разрасталась паника.

— Фиалка, — снова позвал он, склоняясь над женщиной.

После лег рядом, прижав к себе холодное тело, и закрыл глаза, пытаясь справиться с нарастающим огнем в груди. А затем он услышал тихий вздох. Прислушался и понял, что кожа на ее руке, которую сжал в ладони лорд, потеплела. Фиалка вздохнула глубже, вздрогнула всем телом и дернулась в сторону. Она села, взметнув руку над грудью Рика, словно хотела одним ударом вырвать у него сердце. Глаза затопила чернота, лицо исказила гримаса ненависти, превратив милые черты в хищную маску.

— Фиалка, — позвал аниторн.

Она моргнула, помотала головой, и чернота исчезла. В синих глазах мелькнуло узнавание, и женщина повалилась на грудь лорду, судорожно всхлипнув. Риктор крепче прижал ее к себе, зарываясь пальцами в взлохмаченные волосы. Он не спешил заговорить, заговорила сама Фиалка. Она выпуталась из мужских объятий и села рядом, глядя на свои руки невидящим взглядом.

— Прости, — прошелестела женщина. — Я не желала тебе зла.

— Что это было? — хрипло спросил лорд.

— Призыв, — ответила она и встала с лежанки. Подошла к очагу и протянула руки к огню. — Я не могу противиться ему, потому что уже несколько лет принадлежу миру мертвых. Это был мой выбор и мое желание. Все, что ты видишь, — Фиалка указала жестом на свое тело, — не принадлежит мне от рождения. Я всего лишь существую в чужом теле.

Лорд поднялся с лежанки следом за женщиной, приблизился к ней и обнял за плечи, прижимая спиной к своей груди. Он смотрел на огонь поверх ее головы, думая нал тем, что слышал.

— Сложно осознать, — наконец, сказал мужчина.

— Да, — она кивнула и повернулась к нему, жадно вглядываясь в глаза. — И что ты теперь ты думаешь обо мне?

— Ты — загадка, ничего не изменилось, — улыбнулся Рик. — Рассказав о себе часть правды, ты почти ничего не сказала. Почему ты умерла? Кто призывает тебя? Что стало с хозяйкой этого тела? И это не все вопросы, которые множатся с каждым мгновением, проведенным рядом с тобой.

Фиалка нахмурилась. Она продолжала пытливо вглядываться в лицо лорда.

— Разве тебе не противно, аниторн? Ты обнимаешь фальшивку, призрак.

— Тело — всего лишь вместилище души, — ответил Рик, отведя с лица затворницы спутанные красноватые пряди. — Да, мне нравится твой облик, но лишь душа делает его живым. Только что это тело лежало передо мной, но Фиалкой оно не было. Тело без жизни, без голоса, без движения. Я не готов был поверить, что моя спасительница исчезла. Более того, я не знаю, смог бы я увлечься этим телом, если бы внутри него жила другая душа.

— Спасибо, — женщина прижалась к груди лорда. — Мне было важно это услышать.

— Расскажешь о себе? — спросил Риктор, приподнимая ее голову за подбородок.

Фиалка отрицательно покачала головой. Она осторожно освободилась из объятий Рика и вернулась к лежанке. Забралась на нее с ногами, закуталась в одеяло и посмотрела на мужчину, следившего за ней.

— Хорошо, — Илейни кивнул, подошел к столу, отодвинул стул и оседлал его, сложив руки на спинке. — Тогда, может, ответишь на вопросы? Ты ведь знатного происхождения, хоть и пытаешься казаться простолюдинкой.

Женщина пожала плечами, оставив вопрос без ответа. Риктор усмехнулся.

— Сколько тебе лет?

— До смерти было двадцать четыре, — все же ответила Фиалка. — В новом теле намного меньше.

— Что случилось с хозяйкой этого тела?

— Умерла незадолго до того, как я заняла ее место. Упала в реку. Вытащили быстро, но было уже поздно, она захлебнулась. Однако тело оказалось вполне пригодным для того, чтобы взять его.

Рик поерзал на стуле, обдумывая следующий вопрос.

— Ты была замужем?

— Была, — кивнула Фиалка. — Он погиб перед тем, как умерла я. Но я узнала об этом лишь после вселения. Мой супруг и подготовил для меня новое жилище, это его последний дар.

На языке вертелся вопрос — ты любила его? Но лорд Илейни отмахнулся от него, как от несущественного, были вопрос и поважней. Сколько Фиалка отмерила ему ответов, Рик не знал, потому решил спрашивать о более важном.

— Сила Бездны, она...

— С рождения, — сказала женщина. — Такое невозможно заполучить, только родиться с этим.

Аниторн изумленно уставился на нее. Этот ответ он был не готов принять. Если допустить, что Фиалка говорит правду, значит... Значит, к ее рождению причастны Виллианы из Бездны, но... Им выход в верхний мир закрыт! А если нет, тогда...

— Ты сейчас думаешь, как Виллианы могут выходить из Бездны в наш мир, — словно подслушав его мысли, усмехнулась женщина. Лорд поднял на нее взгляд и кивнул. Фиалка неопределенно фыркнула. — Хорошо, аниторн, если уж ты такой любопытный, тогда ответь мне на вопрос. Что ты знаешь о Виллианах, о Бездне и нашем мире?

— Виллиан — зло. Бездна — место, куда их заточили, — тут же ответил Рик, следя за ироничным блеском в глазах своей спасительницы.

Фиалка откинула одеяло, слезла с лежанки и подошла к столу. Она хотела усесться на соседний стул, но лорд приподнялся, перехватывая ее. После развернулся на стуле и притянул женщину к себе, усаживая на колени. Фиалка обняла его за шею, устраиваясь удобней, с тихим удовлетворением вздохнула, когда губы лорда коснулись ее виска, а после задала новый вопрос:

— Почему Виллианы — зло?

— Они порабащают души, — всему этому учили с детства. — Уничтожают все живое.

— Ты хорошо учился, да, аниторн? — широко улыбнулась затворница. — Внимательно слушал учителей, был прилежным мальчиком.

— Еще бы, — усмехнулся Риктор. — Иначе отец не позволил бы мне подходить к Гору. Даже у прилежания есть своя цена. Ради дракона я был самым послушным сыном на свете. Так что там с Виллианами? Что ты знаешь о них такого, чего не знаю я?

— Я знаю о них то же самое, что и ты, Рик, — Фиалка пропустила между пальцами прядь мужских волос. — Но я так же знаю, что они не зло. Они просто другие. Существа чуждые нам, как мы чужды им. Виллианы не похожи на нас внешне, они сильнее нас, имеют свои законы и правила. Но, как и мы, они живут, умирают, размножаются, сражаются друг с другом и не только. — Женщина вдруг замолчала, словно ожидая, что лорд сейчас сам закончит за нее то, что осталось недосказанным. Но Риктор молчал, продолжая слушать. —

Ну, услышь меня, аниторн! Существуют два параллельных мира. В одном живем мы, в другом Виллианы. Воинственные, сильные существа, чья магия имеет иное строение. Нет верхнего и нижнего мира, есть параллельные. Бездна — всего лишь название их мира, придуманное перепуганными вторжением людьми. А теперь вспомни, чему тебя учили и перескажи это, но не с точки зрения религии. Подумай, Рик.

Лорд помолчал, прислушиваясь к шуму деревьев за стенами сторожки, после задумчиво провел ладонью по спине Фиалки.

— Ты хочешь сказать, что нашествие Виллианов было всего лишь попыткой захватить наш мир? Как если бы одно королевство пошло на другое? И древние сумели отбросить врага на его земли и...

— Запечатали место прорыва, — кивнула Фиалка.

— Подожди, — мужчина пересадил затворницу на стул, сам встал и заходил от стенки к стенке, заложив руки за спину. — Но души...

— Душа — это живая энергия, — женщина пересела на стол и теперь болтала ногами, следя взглядом за Риктором Илейни. — Для Виллианов она является чем-то вроде лакомства, не в прямом смысле. Ты не можешь не знать, что любой маг будет счастлив, как ребенок, если нападет на место Силы. Собираясь в поход, ты наберешь провианта, маг заполнит накопители, чтобы не остаться с пустым резервом. Люди для Виллианов нечто вроде таких ходячих накопителей. Захватив наш мир, они получали...

— Новую землю и море живой энергии, — усмехнулся Рик. — Все равно что, испытав жажду, нырнуть в источник с питьевой водой.

— Точно, аниторн, — Фиалка щелкнула пальцами.

— Но если проход запечатан...

— Лазейки всегда остаются, — Рик подошел к ней, втиснулся между ног и навис сверху. Женщина откинулась назад, опираясь на руки. — Ты будешь слушать дальше?

— Да, рассказывай, я не пропускаю ни слова, — ответил лорд, скользя губами по женской шее.

Фиалка хмыкнула, чуть откинув голову назад и позволяя анитору продолжить ласку.

— Маги — самые самолюбивые существа на свете, — продолжила она. — И самые щепетильные. Если дар слабый, они считают себя почти ущербными. Всем хочется быть могущественными. И пусть у них уже нет прежней власти, но честолюбие осталось. Некоторые решаются на ритуал призыва. Нехороший ритуал, с человеческой жертвой, чья жизнь должна открыть кратковременный портал между мирами. Порой одной жертвы не хватает, особенно если Виллиан, услышавший призыв слишком силен. Сам маг, открывший врата, расплачивается годами своей жизни, потому что становится вместилищем духа Виллиана. Телесная оболочка не может попасть в наш мир, но вот его дух вполне может пройти по дороге мертвых, которую открывает смерть жертвы, и вселиться в тело призывающего мага. Ненадолго. Кто это знает, тот пытается заполучить Силу не себе, но обеспечить более могущественное потомство. Кто не знает, верит, что станет сильнее сам, но... порой не доживает даже до мгновения, когда захватчик покинет его тело. Потому маг, тот, кто знает, что делает, избавляется от Виллиана, как только он исполнит свое предназначение. Так вот... Рик! — женщина уперлась ладонями в грудь лорду, с возмущением глядя на него. — Мне рассказывать?

— Ага, — кивнул мужчина, преодолевая препятствие и прикусывая мочку уха Фиалки.

— Если тебе неинтересно...

— Не просто интересно, — мужчина вытащил руку из-под подола ее платья, поцеловал в щеку и уселся рядом на стул. — Это важно.

— Тогда слушай и не отвлекай, — строго велела женщина, поправила платье и укоризненно покачала головой. Лорд смотрел на нее честным взором. — Вернемся к ритуалу. О нем известно только среди темных магов. Впрочем, даже среди них знают немногие. Чаще всего упоминание о нем хранится в родовом архиве. Еще меньше тех, кто решится на ритуал, который стоит жизни не только жертве, но и вызывающему. Однако смельчаки и глупцы находятся. Я толком не знаю, как он проводится, и как маг ставит себе защиту, которая исторгнет из тела Виллиана, если он решит задержаться. Дух иномирца подселается в тело мага. После происходит совокупление с женщиной, которая должна родить магу ребенка. Не всегда, но порой Сила мира Виллианов, или, как ты говоришь, магия Бездны, передается детям, если зачатие случилось. По крайней мере, я знаю два таких удачных рождения. — Она вновь со значением посмотрела лорда

— Ты хочешь сказать, что ты...

— Полукровка, аниторн. Получеловек, полувиллиан. Ты все еще находишь меня привлекательной?

Фиалка невесело усмехнулась, но Рик, кажется, даже не обратил внимания. Он снова вскочил со своего места. Мужчина был взволнован. Он прошелся по сторожке и обернулся к затворнице.

— Тогда и тот колдун, который едва не отправил меня во Тьму...

— Тоже, — женщина перевела взгляд на окно. Рассвет уже позолотил верхушки деревьев, они не спали всю ночь.

— И ты знаешь его, — Риктор стремительно приблизился к Фиалке. — Кто он? Ну же. Как его имя?

— Тебе все равно, что я наполовину не человек? — вместо ответа спросила она.

— Ты нечеловечески прекрасна, затворница, — лорд коротко поцеловал ее и снова спросил. — Как зовут ту тварь, что успела погубить столько народа?

— Но я же по твоим меркам чудовище!

— Чудовище превратило милую инверну в настоящую мерзость, напустило на нас мертвецов, вмешалось в Драконье игры, — он смотрел Фиалке в глаза, и она видела, что он не лжет. — Ты только и делаешь, что спасаешь меня. Не убила дракона, когда он впал в ярость. Каяр предан тебе, как пес, а этих... зверей подчинить невозможно. Дорогая моя спасительница, я сужу о людях по их делам. В тебе нет зла. И, насколько я понял из всего, что произошло с мгновения, когда я очнулся в твоём прежнем, у нас один и тот же враг. Я прав? — Фиалка кивнула и отвернулась от лорда. — Скажи мне его имя.

— Эрхольд Дархэйм, — произнесла женщина и тут же добавила. — Только это тебе ничем не поможет. Ты не сможешь отыскать его, он давно исчез, прихватив родовой замок.

Да, и обосновался в Изумрудной долине. Но где его искать теперь? Однако это уже было что-то. Рик знал, кто, осталось выяснить зачем он затеял свои игры. И еще кое-что интересовало лорда-аниторна.

— Почему ты прячешься от него? Эрхольд опасается тебя...

Фиалка вдруг оглушительно расхохоталась. Она прекрасно поняла, что имел в виду лорд. Соперников и тех, кто может стать помехой, принято убирать, но...

— У него были на меня другие виды, — резко успокоившись, ответила женщина. — Я была против. Ему так хотелось детей с «чистой кровью», что мое «нет» его не остановило.

— И ты умерла.

— Да. — Фиалка прыгнула со стола и подошла к ведру, зачерпнув из него воду глиняной кружкой. — Дала убить себя, перенеслась в это тело и оставила дверь в мир мертвых открытой. Эрх должен был быть уверен в том, что меня нет. Несколько лет он не тревожил меня. Только вскоре после смерти. Поклялся забыть. И вот появился ты, и я, как последняя дура, высунула голову из своего убежища. Этот призыв уже второй. Первый был вчера днем. Пока мне удастся его дурить, прикидываясь духом мертвеца, но сколько продлится эта игра, я не знаю. И не отозваться я не могу. Так-то, аниторн. Да, кстати, — она снова усмехнулась. — Ты сказал, что тебя привлекает душа, а не тело. Так вот, четыре года назад у этого тела были волосы пшеничного цвета, светло-голубые глаза. На курносом носу задорные веснушки, они мне даже нравились. — Риктор вопросительно смотрел на затворницу, ожидая продолжения. — Я меняюсь, Рик. Душа сживается с телом, и оно меняется, подстраивается под мой истинный облик. Как видишь, никаких веснушек, даже курносость исчезла. Тонкий прямой нос, как у настоящей меня. Фигура тоже изменилась. Думаю, пройдет еще несколько лет и произойдет полное преображение. Милая дочь сельского старосты окончательно исчезнет, и останусь только я.

— Как твое настоящее имя?

— Не имеет значения, — женщина отставила кружку и подошла к распахнутым дверям. — Мне нравится называться Фиалкой. Это прозвище мне дал один добродушный старик-рыбак, когда перевозил меня на своей лодке через Тойрант. Мне бы не хотелось ничего менять.

Лорд согласно кивнул, не желая спорить. У него осталось еще два вопроса.

— Ты втащила меня из Тьмы, значит, можешь достать оттуда и другую душу? Нэми...

Фиалка обернулась к нему, смерив насмешливым взглядом.

— Где были твои уши, аниторн, когда я тебе говорила про Тьму? Ей не нужны души, существование Изначальной от них не зависит. Души нужны Богам, Виллианам, властителям, но не Тьме. Я всего лишь не позволила ловушке захлопнуться. Я просто отловила твою душу и вернула в тело, только и всего. Душа твоей инверны находится в подчинении Эрхольда. Я не могу туда забраться хотя бы потому, что он создал это узилище для духов. Это его Сила и его власть. Темница разрушится со смертью своего хозяина. Умрет Эрх, инверна обретет свободу и сможет отправиться к своей Матери.

— Я понял, — лорд почувствовал разочарование. Впрочем, Фиалки оно не касалось, только желания помочь Нэми. — Ты знаешь, что нужно Эрхольду?

Женщина смотрела куда-то в небо, потому не ответила сразу. После закрыла дверь и посмотрела на Рика.

— Я не знаю, — Фиалка пожала плечами. — Когда-то он бредил могуществом и властью, но одному противостоять целому миру сложно. Люди смогли изгнать чистокровных Виллианов, обладающих большей силой, чем полукровка. Так что...

Она вдруг замолчала. Лорд и затворница некоторое время смотрели друг на друга, не дыша и не мигая, а затем дружно произнесли:

— Прорыв!

— Он хочет добраться до того места, где был прорыв, — закончил за нее аниторн. — И это место где-то на моем Побережье. Потому он так не хотел, чтобы надзор за этими землями усилился. Потому пытался помешать на Играх. Но что ему даст? Если откроет врата, и Виллианы придут в наш мир, он уже не будет сильнейшим.

— Эрх не дурак, он должен быть уверен в своей затее, значит, нашел лазейку, — ответила женщина. — Но у меня уже нет сил думать об этом. Нужно еще убрать с тебя мой запах, твой дракон возвращается.

Рик стремительно шагнул к дверям, но Фиалка заступила дорогу.

— Сначала уберем запах, иначе дракон может снова впасть в ярость.

— Почему ты думаешь, что он увидел в тебе свою самку? — возмутился лорд.

— Я бы хотела ошибаться, мне такой жених совсем не нужен, — усмехнулась затворница. — Но он вел себя именно так, как ведут себя драконы, когда находят себе пару. Даже близкий сородич становится им врагом. Я не знаю, почему так произошло. Возможно, все дело в моей сущности. Дракон не увидел во мне человека. Они чувствуют силу, а я сильнее многих. Надеюсь, его заблуждение пройдет.

— Надо парню найти драконицу в гоне, чтобы уже не смог вертеть носом. Пусть, наконец, расслабится, — пробормотал Рик, прислушиваясь к шороху огромных крыльев за стенами сторожки.

— Свободные драконы берут только одну самку, свою пару. Будем надеяться, что твой Гор лишен таких предрассудков, — сказала Фиалка, наливая травяной раствор в ведро с водой, стоявшее у очага.

Сам летун, вымотавший себя быстрым полетом на той высоте, где летают лишь драконы, опустился на кусок расчищенной земли за сторожкой, втискивая свое тело. Воровато оглянулся и затаился, опасаясь, что его будут гнать. Гор очень хотел увидеть своего человека, даже больше, чем самку, запах которой чувствовал по-прежнему, но сейчас не так остро, и от того было легче стараться не замечать его. Дракон сунул голову под крыло и затих. И когда дверь сторожки открылась, и послышались торопливые шаги, летун сжался, стараясь стать совсем незаметным.

— Гор, — в голосе человека была тревога.

Дракон приподнял крыло, посмотрел на Рика и осторожно потянул носом. Затем жалобно завыл, и лорд приблизился к нему.

— Иди ко мне, трусишка, — позвал он с улыбкой. — Гор, дурень, я не злюсь.

— Пф, — ответил дракон и закрыл глаза, как только руки его человека привычно обняли могучую шею. — Ар-р.

— Я тоже тебя люблю, парень, — Рик потерся щекой о чешую и затих, слушая равномерное биение драконьева сердца.

Глава 14

— Может, все-таки полетишь со мной?

Рик стоял на пороге сторожки и смотрел, не отрываясь, на Фиалку, деловито переставлявшую с места на место посуду. Занятие было бессмысленное, но женщина продолжала его, упорно не глядя на лорда. Она отрицательно качнула головой и снова собрала миски в аккуратную стопку.

— Здесь безопасней, — ответила Фиалка, переходя к очагу.

— Если он понял, что ты жива...

— Нет, он уверен, что меня больше нет, — она, наконец, обернулась и встретила взглядом с мужчиной. — И ты ко мне не прилетай, не надо. Твой дракон нервничает, ты

расстраиваешься. Не хочу я стоять между вами. Да и...

Она не договорила и вернулась к полкам с посудой, начиная в очередной раз переставлять ее с места на место. Рик отвел взгляд, понимая, что хочет сказать Фиалка, только не желал принимать, хотя выхода, казалось у него нет. Гор, действительно, нервничал, когда видел лесную затворницу. Илейни как-то наблюдал, как дракон, пользуясь тем, что человека нет рядом, подошел к женщине, обнюхал ее и издал утробное ворчание, в котором слышалось удовлетворение. После раскинул крылья, горделиво выпятив грудь, и взревел, показывая ей свою мощь. Дракон заигрывал с самкой, очень маленькой и хрупкой самкой.

Фиалка тогда протяжно вздохнула и протянула руку, рассеянно лаская летуна.

— Глупый, — сказала она, — что же ты так торопишься? Посмотри на меня, я ведь не драконица, какая из меня пара для такого, как ты? Найди себе равную.

Гор вскинулся, поднялся на задние лапы и с силой топнул передними, подняв клуб пыли. Риктор уже готов был выбежать на помощь затворнице, но когда пыль осела, он увидел, что дракон лежит перед ней, уткнувшись носом в щиколотки, и жалобно поскуливает.

— Ты и сам все понимаешь, — ответила ему Фиалка и присела на корточки, поглаживая драконье ухо.

Лорд так и не подошел к ним тогда. Он смотрел в окно и кусал губы, сам толком не понимая, что чувствует. Ему было горько от того, что его летун сделал неверный выбор и теперь страдал, досадно, что ради дракона сам вынужден держаться от затворницы подальше, к которой мужчину тянуло с каждым днем все сильнее. А еще была толика ревности, и от нее никак не удавалось избавиться. Рик всегда воспринимал дракона, как равного, потому и их скрытое соперничество за одну женщину тоже, помимо воли, воспринимал всерьез. Илейни готов был рассмеяться себе в лицо за эту мысль, но смех застревал в горле, когда он видел, как Гор провожает Фиалку тоскливым взглядом. Все это казалось каким-то нелепым кошмаром.

И все же между женщиной и драконом лорд Илейни выбирал старого верного друга, заставляя себя лишний раз не смотреть на свою спасительницу. Это давалось с трудом. Даже не поворачивая головы, аниторн видел ее, ярко представляя, как Фиалка склонилась, помешивая похлебку, как проверяет пучки трав, снимает сухие, заменяя свежими, как шьет, сидя перед обычной лучиной, или читает старую потрепанную книгу. Слышал ее голос, даже когда женщина молчала. И даже ее сущность не отпугивала. Во снах он переносился на ночной луг и снова сжимал в объятьях податливое женское тело. Но наяву поцеловал ее снова лишь однажды, Гор улетел размять крылья.

А когда Фиалка сказала, что ее защита от чар полувиллиана закрепилась, и Рик может возвращаться на Побережье, он ощутил разочарование. Расставаться совсем не хотелось. Мужчине казалось, что те десять дней, которые он провел рядом с затворницей, сжались до одних суток, а этого было так мало... Бездна! И года бы ему показалось мало! Лорд-аниторн, последний потомок славного рода Илейни, полюбил. Полюбил всей душой, возможно, впервые в жизни, и терять это новое, но сильное чувство оказалось больно.

Рик отчаянно искал предлог не расставаться, но так и не смог отыскать ничего, что перевесило бы чашу весов в его сторону. Гору будет тяжело, Фиалке опасно, а ему самому... ему просто хотелось, чтобы эта женщина была рядом.

— Если Гор все-таки выберет драконицу...

— Я буду рада за него, — прервала лорда женщина. Она вздохнула и обернулась к Риктору. — Не ищи предлога вернуться, аниторн. Ты мне не нужен. То, что случилось на лугу... Это все ничего не значит. — Фиалка отвернулась, комкая свой передник. — Моя слабость, твоя потребность — ничего больше. Я жалею, что позволила тебе, это было лишним. Забудь обо всем и улетай с миром.

Илейни неспешно приблизился к ней, сжал хрупкие плечи ладонями и прижал к своей груди.

— Ты сейчас лжешь, Фиалка, — чуть хрипло сказал он. — Я знаю, что лжешь.

Женщина вырвалась из захвата и развернулась, глядя лорду в глаза. В ее взгляде был вызов.

— С чего бы мне тебе лгать, аниторн? Кто ты такой, чтобы я лгала тебе? Короткое мгновение в моей жизни и только. Появился, исчез. Дымка. Предраассветный туман. Я считала дни, ожидая, когда ты уберешься, — она рассмеялась, но смех вышел фальшивым. — Ненавижу гостей, они меня бесят. И ты бесишь.

— Фиалка...

— Уходи! — она повысила голос и указала на дверь. Рик снова сделал шаг к затворнице, но она увернулась, глядя на лорда со злостью. — Да уйдешь ты или нет? Надоел ты мне, понимаешь? Глаза намозолил! Устала я от тебя, аниторн, неужели сам не видишь? Убирайся прочь, Риктор Илейни. Убирайся и не смей возвращаться! Убирайся!!!

Оглушенный злыми словами, Рик в последний раз посмотрел на женщину. Память с жадностью впитывала в себя каждую черточку, упрямый локон, выбившийся из пучка на затылке, расстегнутую пуговицу на воротнике платья, пальцы, стиснутые в кулаки, воинственный блеск почерневших глаз, гордо вздернутый подбородок и венку, бешено пульсировавшую на шее.

— Уходи, — вдруг простонала Фиалка. — Прошу тебя.

Рик взял со стола свой меч, сглотнул и негромко произнес:

— Будь осторожна, Фиалка.

— Прощай, аниторн, — почти шепотом ответила она и отвернулась.

Помедлив еще мгновение, лорд стремительным шагом покинул сторожку. Он уже не видел, как женщина подошла к дверям, наблюдая за тем, как могучий черный дракон взмывает в воздух, делает прощальный круг над маленьким домиком, оглашая лес тоскливым ревом, и мчится прочь, унося на спине своего человека. Фиалка проводила их взглядом, после вернулась в сторожку, посмотрела на злосчастные полки с посудой, и жгуты черной Силы в ярости смели ее, разбивая на мелкие черепки. Женщина тяжело осела на пол и закрыла лицо руками. Плечи ее вздрогнули, и сквозь ладони донеслись судорожные всхлипы:

— Он мне не нужен. Не нужен. Проклятый аниторн. Рик...

Лорд Илейни не смотрел вниз, не хотел смотреть на лес, не хотел прощаться. Он и не прощался, решив найти вход из безвыходной ситуации. После невесело усмехнулся. Кажется, Риктор только тем и занимался, что искал выход: для Гора, у которого проснулся огонь, для Нэми, чтобы освободить ее от привязки к себе и дать возможность счастливой жизни с новым возлюбленным, когда в его замке все-таки появится леди Илейни. И что в результате? Гор сделал неожиданный выбор, и он не принесет дракону ни желанного соединения с самкой, ни потомства, только тоску по избраннице. Нэми сама исчезла из его жизни, погибла от чар полувиллиана.

— Как все перепуталось, — тихо произнес мужчина, и дракон вывернул ухо, прислушиваясь.

Гор, он сам, Фиалка и некий Эрхольд Дархэйм. Четыре дороги сошлись и связались в единый узел. И теперь как не потяни, но одна нить тянет за собой следующую. Найти и уничтожить полувиллиана сейчас казалось важным, как никогда. Впрочем, следовало мыслить, как правитель, забыв о собственных нуждах. Это было правильным, это было единственно верным. Пора перестраивать себя и свой подход к делам. Нельзя было повторять прежних ошибок, в их губительности Рик уже успел убедиться на собственном опыте.

Лорд мотнул головой, изгоняя из мыслей Фиалку. Это оказалось сделать сложно, но мужчина все-таки сумел переключиться на размышления о том, что будет делать, когда вернется. Сначала замок на утесе. Нужно узнать, как обстоят дела на Побережье. Аниторн отсутствовал десять дней, а это много. После визит в столицу и доклад королю. Никаких посредников и писем, только лично. Узнать все о роде Дархэйм. И нужно искать среди темных магов. Как сказала Фиалка, ритуал призыва Виллианов известен только им. Возможно, отыщется хоть какой-нибудь след.

Жаль, амулет остался у бедняги Родоса, возможно, он смог бы еще раз сослужить службу, когда придет время. Но, главное, теперь известно, как противостоять Дархэйму. Нужно заручиться поддержкой жрецов. Маги бессильны против потомка Виллиана. Хотя, как позже говорила Фиалка, и он бессилен против них. Сейчас этот смесок берет нахрапом и наглостью. Маги этого мира не привыкли чувствовать себя простыми смертными, а Дархэйм именно в этом и пытается их убедить. А все дело в том, что Силы двух миров различны по сути и строению. Они не могут вступить во взаимодействие, превращаясь в пустые выплески.

И это верно. Тэдиус пытался остановить своими плетениями нечисть, вселившуюся в тело Нэми, но его попытки оказались безобидней комариных укусов. Однако и Дархэйм убил магов у стен своего замка не черной Силой. Та же рать мертвецов насадала на них, поддерживаемая полувиллианом. Они были поднятой волей черного лорда, и магам пришлось сражаться обычным оружием.

И еще. Нужно было узнать все, что произошло в древности. Возможно, в королевском архиве сохранилось истинное описание тех событий. Из того, чему обучали жрецы, можно было уловить лишь то, что гнев Богов помог людям одолеть Виллианов и скинуть их в Бездну...

— Дурак! — Рик ударил себя по лбу ладонью. — Я ведь знал это с самого начала. Гнев Богов — Божественный Огонь! Мы все это знали...

Впрочем, они же не знали, что идут сражаться с потомком Виллиана. Считали, что неизвестный колдун каким-то образом овладел магией Бездны. Но никто даже не подумал сопоставить религиозное учение и то, с чем они столкнулись. Маги были слишком самоуверенны, Риктор слишком поглощен переживаниями о смерти наложницы. Был на верном пути, был! Но не довел до конца, обложившись книгами о любовных сказаниях, даже не заметив этого. Впустую потратил время.

— Трижды дурак, — обругал себя лорд-аниторн, не желая оправдываться перед самим собой.

Должен был мыслить, как правитель. Расслед призывал его к этому, просил быть благоразумным, но лорд, гонимый жадой мщения, бросился в пекло сам, погубив своих

людей, позволив погибнуть магам, и едва не погиб сам, дав Дархэйму оружие — собственное тело.

— Гор, — дракон полуобернулся. — Мы не летим в замок. Мы летим в столицу. Сначала доклад королю, потом домой, так будет верно.

— Ар-р, — ответил летун, давая понять, что понял человека.

Сейчас он не знал, что правильно, а что нет. Человек был здоров, значит, помощь старика с вкусным запахом ему не нужна. Человек не голоден, значит, не нужно заботиться о том, чтобы у него не иссякли силы. И, главное, человек сидит на спине дракона. Он рядом, под присмотром и защитой. А раз нет повода спорить, дракон чуть накренился, меняя направление.

— И побыстрее, мальчик.

Ладонь лорда прошла по чешуе, рождая отклик в большом сердце Гора. Он взревел, радуясь тому, что можно нестись во всю силу, позволяя ветру изгонять из души тоску, оплетавшую ее черными жгутами, как Сила его самки... их самки с человеком. И это было странно, но лучше было думать о ней, как об их общей самке, представляя, что она небо, где они с Риком могут лететь вместе, или горный луг, по которому тоже можно бегать вместе, или воздух, или вода, или... жизнь. Иначе нельзя, потому что вся сущность дракона восставала против того, что человек мог пахнуть чужой самкой, мог трогать ее, мог быть с ней рядом. Соперника следовало убить, раздавить, сжечь, растерзать, чтобы искоренить само воспоминание о его притязаниях.

Но это же был его человек, ЕГО! Тот, кто стал Гору семьей, кто освободил его, позволил стать другом, братом. Кто готов был отдать свою жизнь за дракона, и дракон готов был умереть ради Рика, но самка, чей запах так манил и влек... Она смутила драконий разум своим ароматом, едва не заставила великана уничтожить свою семью. И все же ни наказать, ни отказаться от нее Гор не смог. Смог только уверить себя в том, что они с человеком едины, и значит, самка тоже у них может быть одна.

Только вот человек был счастливей его. Он мог обладать желанной самкой, Гор — нет. И это вызывало глухое раздражение, даже злость, но это же и мирило дракона с тем, что Рик тоже выбрал маленькую драконицу. А еще летун был благодарен человеку за то, что он больше не пах соками самки, и ярость не охватывала дракона от осознания, что кто-то смог сделать то, что не может он. Чтобы не ждало их дальше, но пока Гор мог управлять собой, и это его радовало. И как бы ни было тяжело оставлять свою избранницу, но дракон надеялся, как и Рик, что его тяга к женщине-не человеку исчезнет.

К столице они подлетали, когда солнце уже клонилось к закату, и золотые шпили древних башен, на которых развивались флаги королевства, тускло мерцали в свете заходящего светила. Гор пролетел над городской стеной, почти задев ее брюхом, и Рик выкрикнул:

— Лорд-аниторн Риктор из рода Илейни на своем драконе.

Встревоженная стража тут же выдохнула, разом успокоившись. А после переглянулись и помчались к магу, служившему в городской страже, чтобы он отправил известие во дворец — аниторн Побережья нашелся! Весть о его исчезновении уже успела облететь королевство. И как люди лорда Илейни не пытались скрыть пропажу, надеясь, что их господ ин успеет вернуться, но удержать шила в мешке не смогли. Аниторн — это вам ни какой-нибудь мелкопоместный дворянчик.

И когда Гор опустился на площадь перед дворцом, лорда Илейни уже ждали. Сам

венценосец вышел ему навстречу. Он дождался, когда дракон ляжет на брюхо, когда его драконоправ ступит на каменные плиты и отойдет от зверя, затем рука короля взметнулась, давая знак, и алый всполох сверкнул над площадью. От рева дракона содрогнулся, казалось, весь город, когда его опутала сеть магии.

— За какой Бездной?! — выкрик аниторна утонул в рыке Гора.

— Взять его, — велел венценосец.

Но лорд увернулся от бросившихся на него воинов, на ходу вытягивая меч. Он спешил к своему дракону. Путь преградили, но удар рукоятью меча, и воин упал, истекая кровью из раны на виске. Звякнула сталь, и Рик скрестил клинок с двумя противниками. Не такого приема ждал Илейни. Он мог бы сдаться в руки людей Ледагарда, чтобы понять происходящее, но пленение своего летуна стерпеть оказалось не по силам. Его не просто закрыли в драконнике, куда Гор мог спокойно отправиться вслед за Риктором, ему причиняли боль, словно он совершил нечто ужасное, и теперь нес наказание.

Гор ревел не переставая. Он смотрел, как нападают на его человека, и бешенство затмевала боль от вьедливых укусов жалящей магии. Дракон встал на дыбы, прорываясь сквозь путы. Боль мутила разум, но взгляд не отрывался от Рика, на которого нападали уже вчетвером, не давая прорваться к летуну. Гор видел, что к его человеку бегут еще воины, понимая, что маленький дракон не устоит. И тогда он сделал то, что Рик запрещал ему, выпустил в небо струю огня, и она, разлетевшись на пылающие капли, вернулась на площадь жгучим дождем. Люди в панике бежали прочь, огласив воздух криками.

— Хватит! — заорал король. — Оставьте их. Уберите сеть от дракона!

Злая магия исчезла, исчезла боль. Гор угрожающе зарычал и шагнул к своему человеку.

— Отойдите от аниторна, — приказал Ледагард.

Воины расступились, и Рик бросился навстречу дракону. Тот присел, давая забраться на себя, но прежде, чем Гор успел взмыть вверх, король выкрикнул:

— Рик! Остановись!

— Мой король, я спешил к вам с важными вестями, но оказался врагом для своего господина, — ответил лорд. — За что вы наказываете моего дракона?

— Он вырезал целое стадо и сжег деревню, — произнес венценосец. — Рик, я не могу оставить такое преступление безнаказанным.

— Гор? — Риктор хохотнул, не в силах осознать того, что ему сказал Ледагард.

— Это серьезно, лорд-аниторн, — без тени улыбки ответил Его Величество. — Ваш дракон должен быть уничтожен.

— Нет. — Чеканно ответил Илейни. — Не позволю.

— Ты понимаешь, что перечишь своему королю? — голос венценосца зазвенел. — Хочешь лишиться Побережья?

— Чтобы спасти своего дракона? Ради него я и на плаху лягу, — ледяным тоном ответил Рик. — Но пока я жив, никто не приблизится к Гору.

— На плаху? — переспросил Ледагард. — Это я могу тебе устроить. Прекрасное окончание пути славного рода. Твои предки будут гордиться тобой, последний Илейни.

Взгляды мужчин встретились. Сердитый взор государя, казалось, мог испепелить на месте. В глазах Риктора полыхало непримиримое упрямство. Он не желал отступать даже под страхом смертной казни. И сколько бы король не взывал к его разуму, последний лорд Илейни остался глух. Он смотрел на своего господина, скрестив руки на груди, поджав губы в жесткую линию, всем своим видом показывая, что не отступится и не отдаст на расправу

своего верного дракона.

— У тебя совести нет! — желчно воскликнул Ледагард. — Гонор есть, наглость есть, даже дракон пока есть, а совести нет. Слезь на землю, когда с тобой разговаривает король! Рик, за какой бездной я таращусь на тебя, задрал голову? Кто господин, в конце концов? Слезь и встань на колени, чтобы выслушать мою гневную отповедь.

— Не слезу, — отозвался со спины Гора лорд-аниторн. — Я вам не доверяю, государь.

— Что?! — взревел Его Величество.

— Гр-ра-ар-р, — тут же подал недовольный голос дракон.

— Еще ты мне будешь указывать? — возмутился король. — Смутьяны! Что лорд, что его дракон. Бунтовщики!

Он бесстрашно обошел летуна и несильно ткнул дракона кулаком в нос. Народ ахнул, Гор с изумлением уставился на человека, смеявшего орать на его человека, а теперь еще шлепнувшего и его самого. Праведное возмущение зародилось в душе великана. И только он собрался показать, что думает о выскочке, когда тот затряс перед его мордой пальцем и спросил:

— За какой Бездной ты напал на стадо? Зачем сжег деревню? Чем тебе помешали безвинные люди?!

— У-у-у, — ответил Гор. — Пф... Пф-ф-ф.

— Да, государь, я совершенно согласен с моим летуном, и так же, как и он, хотел узнать название деревни, которую уничтожил оклеветанный дракон, — снова заговорил Рик, все это время успокаивающе поглаживавший возмущенного Гора. — К тому же, я желал бы узнать, было ли проведено расследование? Кто его провел? А так же удостовериться лично в наличии пепелища и остова стада. Где и когда это произошло? Все имеют право на подтверждение или опровержение своей вины, и драконы не исключения. На бессловесных существ проще всего списать человеческие преступления. Но вместо своего дракон говорить буду я. И я говорю, пока не доказана вина летуна, нареченного Гор-ин-Сианлэй, ни о каком наказании не может быть и речи. Я требую королевского расследования, Ваше Величества. Расследования и суда в случае, если вина дракона будет доказана.

— Я буду судить дракона?! — возопил Ледагард, стремительно приближаясь к драконьему боку, с которого свешивались ноги аниторна. — Дай-ка руку.

Илейни помог венценосцу устроиться рядом и почтительно склонил голову. Король поерзал, устраиваясь удобней между гребнями. После усмехнулся, пошлепал ладонью по чешуе и, наконец, посмотрел на наглеца — лорда. Наглец ответил безмятежным, но, тем не менее, все таким же упрямым взглядом. Воины и придворные, находившиеся на площади, напряженно наблюдали за происходящим. Маги готовились вновь пустить в ход магию, если аниторн решит похитить короля, унеся его на своем драконе. Но великан затих, прислушиваясь к негромкому разговору двух мужчин, устроившихся на его спине, и никуда улетать не собирался.

— Сюда бы подушечку, — неожиданно произнес Ледагард, — дабы королевское седалище пребывало в тепле и уюте. — Илейни развел руками, подушечки у него не имелось. Король скорбно вздохнул и махнул рукой, принимая тяготы правления на холодной драконьей спине со смирением. После снова осмотрел притихшую площадь и повернулся к лорду. — Рик, ты же понимаешь, что я не могу позволить угаснуть столь древнему роду, как твой, на плахе. Но это не дает тебе права вить из меня веревки. Я даже готов оставить за тобой Побережье, если ты образумишься и прекратишь бессмысленную смуту.

Риктор поднял взгляд на небо, проследил за полетом нескольких птиц, промчавшихся над их головами, затем вернул свое внимание венценосцу.

— Государь, вы знаете, я предан вам всей душой, однако же, я дал Гору клятву, что всегда буду защищать его. Разве вы сможете верить клятвоотступнику? Сегодня я предам дракона, завтра моего короля? Нет, честь не имеет разграничений. Клятва на то и клятва, что она должна быть исполнена. Кому, как не моему господину, образцу чести и благородства, знать это?

Ледагард взглянул в честные глаза своего аниторна и потряс пальцем перед его носом, насмешливо растянув:

— Ах, ты ж ли-ис. Нагле-ец, ох, нагле-ец. И как ведь вывернул славно. Рик, ты мерзавец, ты знаешь об этом?

— Если бы не мой король позволил себе так назвать меня, я бы отрезал невеже язык и уши, — усмехнулся лорд.

— В короне есть свои прелести, не так ли, лорд-аниторн? — хмыкнул Ледагард.

— Безусловно, Ваше Величество, — с почтением склонил голову Рик. — Так что там с расследованием?

Государь взглянул в толпу придворных и выкрикнул:

— Лорд Алозий, подойдите-ка к нам, друг любезный! — И пока означенный лорд выбирался из-за спин других лордов и неспешно приближался к дракону на заметно подрагивающих ногах, Ледагард снова заговорил с аниторном. — Ты упомянул о вестях.

— Да, — кивнул Илейни, следя за приближающимся пышнотелым мужчиной. — Они касаются того, кто вмешался в Игры. Я знаю, кто он, и что ему нужно.

— Так говори! — воскликнул король, останавливая придворного жестом.

— Сначала дело Гора, — покачал головой Риктор. — Когда я буду спокоен за своего дракона, тогда...

— Опять условия? — вновь взвился венценосец. — Ты ставишь дракона превыше дел государственной важности? А знаешь ли ты, мой мальчик, что и под твоим задом уже горит Божественный Огонь? Думаешь, только Гор подвергся обвинениям? — Он замолчал, злорадно осклабившись, когда глаза Рика округлились от изумления. — Но об этом мы поговорим после того, как я услышу твои известия.

— Как пожелает мой король, — склонил голову аниторн. — Прикажите лорду Алозию все-таки дойти на Вашего Величества.

Ледагард фыркнул и махнул придворному. Тот, уже успокоившись, возобновил свое шествие. Лорд Алозий остановился в нескольких шагах от дракона, смерившего его подозрительным взглядом.

— Лорд Алозий провел расследование по моему повелению, — сказал король. — Он лично засвидетельствовал пепелище и останки коров, которые при нем же и сожгли, дабы они не отравляли воздух зловонием. Так, мой дорогой лорд?

— Истинно, Ваше Величество, — важно кивнул лорд-дознаватель, опасливо косясь на Гора.

— Название деревни, — потребовал Рик.

— Большая хиль, — ответил лорд Алозий.

— Постойте! Так это же деревня принадлежит мне, — воскликнул Илейни.

— Истинно так, лорд-аниторн, — вновь горделиво склонил голову Алозий. — Люди в вашем горном замке подтвердили, что дракон в тот день прилетал без седока и упряжи.

Таким его видели и пастухи, когда он напал на стадо.

— Как видишь, мой мальчик... — развел руками Ледагард.

Риктор вновь поджал губы, оглядел придворного и прищурился:

— Мой король мудр и справедлив, — заговорил он. — Расследование было проведено, вина подтверждена, но были ли еще свидетели, кто может подтвердить слова лорда-дознателя?

— Что ты хочешь этим сказать? Что мой посланец посмел солгать своему господину? — изумленно изломил брови государь.

Взгляды короля и аниторна устремились на придворного. Тот возмущенно тряхнул головой, но пот вдруг обильно выступил на лице вельможи, и Риктор все-таки спрыгнул на землю. Он обошел вокруг Алозия, нарочито внимательно рассматривая его. Усмехнулся, глядя на новую струйку пота, стекавшую по виску лорда, после склонил голову перед Ледагардом, взиравшего на происходящее со спины дракона.

— Государь, я прилюдно бросаю обвинение во лжи лорду Алозию, — громко отчеканил Илейни. — У меня есть основания для подозрений. Я вызываю лорда на поединок чести. Однако готов обменять его жизнь на жизнь и честное имя своего дракона во веки вечные. И дабы доказать, что обвинение мое справедливо, я готов немедленно удостоверить своими глазами в наличии пепелища на месте Большой хили.

— А если ты его найдешь? — прищурился Ледагард.

— Тогда Боги будут на стороне лорда Алозия, и он может с честью насадить меня на свой меч. Но если же победа окажется на моей стороне, то мена остается в силе. Жизнь лорда за жизнь дракона. — Ответствовал аниторн.

— К-какой поединок? — опешил вельможа, наконец, осознав слова Илейни. — Зачем проверять? Я не посмел бы лгать моему королю! Ваше Величество!

Король, свесивший ноги с одного драконьего бока, некоторое время постукивал носками сапог друг о друга, после почесал подбородок, потер кончик носа, поправил венец на челе и изрек:

— А давай.

— Что? — опешил вельможа.

— Помоги-ка, — Рик подал руку, и Ледагард съехал по гладкой чешуе на землю. — Мое королевское решение! Аниторн Побережья лорд Риктор из рода Илейни бросил обвинение и вызов лорду Дорину из рода Алозиев. Моим высочайшим повелением поединок чести признается законным. Так же мною одобрена просьба лорда-аниторна в проведении собственного расследования по обвинению дракона Гор-ин-Сианлэя в пакостничестве, разорении, убиении и сожжении неповинных крестьян в деревне Большая хиль, что стояла на землях Илейни. К расследованию повелеваю приступить немедленно. Маги, открыт переход. — И добавил уже гораздо тише. — Я тоже пойду. Самому уже не терпится посмотреть на это проклятое пепелище. — После посмотрел на своего аниторна. — Ты хоть понимаешь, что я сейчас сказал? Сам король идет расследовать преступления дракона! Этот мир скоро перевернется, и небо упадет на землю.

— Ваш-ше Ве-ве-личество, — жалобно проблеял вельможа, но его обступила стража, повинувшись жесту короля, и лорда-дознателя утащили в открывающийся переход.

Следом величаво проследовал обвиняемый дракон, на спине которого вновь восседали государь и аниторн. В переход уже успели войти десять королевских воинов, столько же вошли после Гора, бормоча себе под нос слова обережной молитвы, за ними последовали

трое магов, и переход закрылся. На площади осталась свита короля, стража и придворные, на лицах которых смешались: недоумение, любопытство и нетерпение узнать, чем же закончится королевское расследование преступлений дракона — первое королевское расследование преступлений дракона в истории королевства. До этого случая хватало жалобы и показаний лорда-дознателя, но чтобы государь, собственной персоной...

Большая хиль менее всего напоминала пепелище. Во дворах надрывались собаки, почуяв чужаков, галдели дети, еще не успевшие разбежаться по домам, мычали убиенные коровки, которых пастухи уже развели по дворам, где-то красиво пели молодые девки. Аромат лета плыл над процветающей деревней, смешиваясь с последними дымками, вившимися из труб на крышах одинаковых белых домов.

— Это Большая хиль? — с нескрываемым изумлением спросил государь. — Возможно, в расчеты магов закралась ошибка...

— Это Большая хиль, — опроверг сомнения короля лорд Илейни. — За той грядой Малая хиль, выше мой замок.

— А где пепелище? Где разоренное стадо? Где, в конце концов, убиенные крестьяне? Над чем я сейчас должен горестно вздыхать?! — голос Ледагарда повышался с каждой фразой. — Чем я должен осадить наглеца, осмелившегося мне перечить?! Алозий!

Лорд-дознатель счел за благо лишиться чувств, повисая на плечах королевский воинов. Его Величество такой исход не устроил. Лицо его наливалось багрянцем, в глазах полыхали молнии праведного королевского гнева.

— Всех согнать сюда! — заревел он так, что Гор от неожиданности присел на задние лапы. — Немедля! Скотину Алозия отхлестать по щекам нещадно, но чтобы сейчас же он смотрел в мои королевские очи и блеял слова оправдания!

Рик скромно промолчал, решив не лезть под руку взбешенному государю. А Ледагард был взбешен! Мало того, что его посмели обмануть, из-за чего король едва не сцепился со своим аниторном, так еще и смута Илейни оказалась оправданной. Но и этого мало! Его Величество был теперь вынужден признать правоту смутьяна, однако и это было еще половина беды. Ледагард знал, что Риктор никогда не позволит себе ни словом, ни делом напомнить своего государю промах, но! НО!!! Об этом станет известно придворным и соседям. Клеветники и насмешники раздуют досадную мелочь до непомерных размеров, и его, Ледагарда Честного, обвинят в том, что он слаб и слеп. Что власть его слаба, а каждый пройдоха может обвести короля вокруг пальца.

— Самому что ли эту деревню сжечь? — проворчал он себе под нос.

— Не спешите, государь, — ответил, услышавший его Рик. — У нас еще остается поединок чести и жизнь лорда Алозия за жизнь Гора.

Венценосец посмотрел на аниторна, потер кончик носа и просиял:

— Точно! А потом я эту скотину Алозия сам разделаю. У-у, — потряс он пальцем перед лицом Илейни. — Изворотливый разбойник. И когда успел все продумать?

— Когда дело касается тех, кто тебе дорог, долго думать не приходится, — усмехнулся Риктор. — Позвольте мне самому разобраться со своими смердами?

— А давай, — благодушно разрешил король. — Я буду, как и полагается, беспристрастным судьей, отцом, защитником и карателем.

— Королем, — подсказал с усмешкой аниторн.

— Истинно, мой мальчик, истинно, — подмигнул Его Величество.

Гор опустил на брюхо, давая слезть со своей спины обоим мужчинам, после вытянул

шею, укладывая голову на траву и превратился в слух. На морде его красовалось выражение оскорбленной добродетели, покорной судьбе... но обиду свою на людишек летун не забыл, и теперь принюхивался, отыскивая запомнившиеся запахи. И он их нашел, тут же отметив, где остановились его обидчики, испуганно переминавшиеся с ноги на ногу, как и остальные жители деревни.

Воины согнали всех: женщин, мужчин, стариков, детей, даже пара коровьих голов мелькнуло в толпе, и тут же потянуло свежим навозом. Должно быть, коровки узнали дракона. Сам Гор остался к ним равнодушен, он был сыт, его человек стоял рядом, опасности великан не чуял, только взгляд продолжал буравить нескольких мужиков, так же не сводивших с него взгляда округлившихся глаз на бледных лицах.

Королю притащили стул, на который Его Величество уселся с той же горделивой осанкой, с какой обычно восседал на золоченом троне. Венценосец обозрел крестьян и милостиво разрешил:

— Приступайте, лорд-аниторн.

Лорд Илейни склонил голову перед государем и обернулся к крестьянам. Он сделал несколько неторопливых шагов в их сторону, и звонкий бабий голос произнес:

— Господин вернулся. Живой!

— Господин...

— Господин наш...

— Отец родной... Заступник...

Люди опустили на колени, приветствуя своего лорда. Риктор окинул их надменным взглядом и ледяным тоном произнес:

— Слушайте мое повеление. До темноты собрать скарб покинуть деревню. Спустя указанное время, она будет полностью сожжена.

Крестьяне переглянулись, спрашивая друг у друга взглядами, не ослышались ли они, после повалились ничком. Крики, причитания, стоны, плач понеслись над Большой хилью.

— За что, господин?!

— У нас же дети...

— Куда же мы пойдем?

— Как будем жить?

— Где будем жить?

— А скотинка?

Лорд-аниторн сделал к ним еще один шаг и повысил голос, перекрикивая общий гвалт:

— Разве мертвецам стоит беспокоиться о жизни? Какая разница, где вы будете жить, если вы уже все умерли и сгорели в драконьем огне? Большая хиль означена теперь пепелищем. И чтобы не было обмана, деревня должна соответствовать своему состоянию. Вас нет, деревни нет. Да будет так.

— Да как же так? Вот же мы! — вновь закричал тот же пронзительный женский голос. — Ведь живехонькие...

— Умертвия, — категорично заявил Илейни. — Или духи, я еще понял. В любом случае, это работа магов. Пусть они вас упокоят с миром. Ваше Величество?

— Мудрое решение, лорд-аниторн, — важно кивнул венценосец. — Упокойте.

Маги послушно приблизились к Риктору, и воздух взорвался от новых криков.

— Пощади, господин!

- Пожалей неразумных!

— Правду мне, живо! — гаркнул Илейни. — Что случилось на самом деле?

Вперед вылетел один из мужиков, за которыми следил Гор. Дракон тут же поднял голову и глухо зарычал. Мужик повалился на колени, бухнувшись лбом в пыль.

— Виноватые мы, господин! — возопил он. — Воля черная, видать, попутала! Как есть, все скажу!

— Напал Гор на стадо? — зло спросил Рик.

— Напал, как есть напал, — часто закивал крестьянин. — Коровку уволок.

— Одну?

— Одну-одну, отец заступник. Так остальные-то несколько дней не доились, только вот от ужасты отходить начали...

— Почему солгали про стадо? — Илейни навис над кающимся мужиком.

— Так вон тот господин так сказать велел, он и денег взял, всей деревней собирали...

Алозий, уже стоявший на ногах с красными следами ладоней на щеках, вернулся в свой спасительный обморок.

— Почему он так сказал? — Рик ухватил мужика за бороду и вздернул его голову кверху. — Ну?

— Так это... — крестьянин замялся. — Оказия такая вышла...

— Говори!

— Так это... Мы маненечко того... ну и вот, — мужик сник, так и не назвав причины.

За спиной Рика послышались новые хлесткие удары. Лорда-дознателя встряхнули, и тот буркнул:

— Мага они своего убили. Испугались и сожгли, чтоб следы скрыть. На дракона свалили, но драконий огонь скелета не оставит, а я место от костра нашел, дурачье проболтались, где дракона нашли, там же и остов коровий был. Прижал их, испугались, покаялись, золото предложили...

— И сколько же ты взял, скотина? — спросил Ледагард.

— Все забрал, все подчистую, государь, — снова бухнулся лбом в пыль мужик. — Сказал, что после его слов дракона бояться нам нечего, а господин все одно ничего не прознает, потому как сгинул.

— Утроба ненасытная, — послышалось ворчание из толпы.

— Золото взял, а дракон, вон он, глазами сверкает.

— И господин тут... Пусть Боги хранят его.

— Хвала господину!

— Отец-заступник!

— Вернулся заступник наш...

— Цалуйте землю, селяне!

Теперь вся деревня повалилась в пыль, истово вознося хвалу Богам и целуя землю, в благодарность за возвращение лорда. Остались стоять только коровы, которых так никто и не увел. Гор перевел на них взгляд, рыкнул, опять потянуло навозом...

— Хватит! — остановил кающийся народ Илейни. — Повинные в убийстве мага, выйдите вперед.

Люди затихли, мужик, только что лобызавший сапоги лорда, тихонечко отполз к своим товарищам. Крестьяне безмолвствовали, не желая выдавать своих. Риктор нахмурился, рассматривая подобострастные физиономии, чьи уста вдруг оказались сомкнуты немотой.

— Пф, — подал голос Гор и сделал шаг к крестьянам.

Дружный вздох прокатился над поселением, и людское море отхлынуло.

— Ты их видишь, мальчик? — любопытствовал Рик.

— Ар, — ответил дракон и сделал в сторону селян еще один шаг.

И тогда народ пришел в движение. Кто-то вскочил на ноги, устремляясь под защиту родных стен, но маги и королевские воины тут же вернули беглецов на прежнее место.

— Государь! — возопила все та же женщина. — Где ж такое видано, чтобы дракон на человека указывал?

Ледагард пожал плечами:

— А почему нет? Если уж сам король начал свое расследование преступлений, в которых обвиняют дракона, то и дракон может указать на своих клеветников и обидчиков. Суд короля справедлив для всех.

— Так ведь тварь же безумная!

— Гр-ра-ар-р, — возмутился Гор, тут же поворачивая голову в сторону женщины.

— Ой, Божечки, — икнула она и повторила за лордом-дознавателем, упав в обморок.

— Продолжайте, любезный дракон, — милостиво кивнул венценосец, явно наслаждаясь зрелищем.

Гор деловито направился в сторону своих обидчиков, но не успел он еще дойти, как те бросились врассыпную, гомоня и причитая.

— Взять душегубов, — велел Его Величество.

Дракон, презрительно фыркнув, потерся о плечо Риктора Илейни, повернулся к лорду Алозию, хмуро взиравшему на происходящее, и лениво зевнул, раскрыв пасть во всю ширь. Лорд-дознаватель упал в обморок в третий раз. Разглядев красоту драконьих зубов, в обморок повалилась половина деревни и пара особо впечатлительных королевских воинов.

— А я же ему в нос кулаком... Голову ведь мог откусить с короной вместе и не заметил бы... — передернул плечами король. После взял себя в руки перевел взгляд на Рика. — Каково будет ваше решение, лорд-аниторн? Люди ваши и решать вам, что с ними будет.

— Благодарю, Ваше Величество, — поклонился лорд Илейни. Он обернулся к крестьянам, замершим в ожидании оглашения своего наказания. — За хулу, клевету и подкуп повелеваю. Все мужчины, чей возраст достиг зрелости, будут пороты в моем замке. Завтра всем явиться за плетью к смотрителю. С уклонившимися буду разбираться сам. Кто не понял, я в бешенстве! Думаю, верный вывод вы сделаете, чья рука окажется тверже. Женщины, старики и дети от наказания освобождаются. Деревня остается нетронутой, но грамотей сейчас же составит челобитную на имя Его Величества, где покается в злонамеренной клевете, а так же напишет, что деревня цела. Стадо... пожрано драконом, — Гор запыхтел в плечо Рiku, и тот положил ладонь летуну на шею. — Однако ваш господин уже дал вам в дар новое стадо, потому обиды на него и его дракона вы не таите...

— А моя коровка? — несмело спросил единственный претерпевший разорение от нападения на стадо.

— Заберешь у того, кто убил мага, — ответил лорд. — Далее. Над душегубами суд вершить будет суд Его Величества, я отдаю их на милость королевской власти. На этом все, все свободны. Грамотей, челобитную.

Риктор обернулся к королю. Ледагард склонил голову к плечу и прищурился:

— А стадо-то было вырезано...

— Да, — кивнул Илейни. — Но клевета была, деревня на месте, потому — поединок чести, в котором я готов обменять жизнь лорда Алозия на жизнь своего дракона.

— Я принимаю мену! — громогласно провозгласил государь. — Дракон, именуемый Гор-ин-Сианлэй оправдан и помилован! Остальных виновных повелеваю бросить в темницу, их преступления я буду рассматривать завтра.

Обвиненные мужики бросились в ноги королю.

— Не вели казнить, государь! — возопили они. — Случайно это, не по злобе! Испужались мы, побёгли от дракона, а уж как маг на меч налетел, то не ведаем!

— Завтра, дети мои, все завтра, — отмахнулся Ледагард и встал со стула. Он подошел к Илейни, хлопнув того по плечу. — Молодец. И дракона спас, и государя своего дураком не выставил, и воздал по заслугам виновным. Я доволен тобой, мой мальчик. — Венценосец пристально посмотрел на дракона. — А прокати-ка меня до столицы на своем драконе. Заодно и о деле поговорим.

— Как будет угодно моему господину, — поклонился Рик, пряча улыбку. Гор остался с ним, а это было важнее даже королевской милости.

Глава 15

Ночной сумрак скользил по паркетному полу, словно зверь на охоте. Казалось, отвернись, поверь, что в безопасности, и он накинется, поглотит, пожирая тело вместе с костями. И только блеклые квадраты лунного света, испещренные тенями древесных ветвей, виделись островками, где можно было укрыться от суеверного страха перед Тьмой.

Свет одинокой свечи прорезал сумрак, тихие, едва уловимые шаги, приблизились к зеркалу, и его гладь отразила огонек, на мгновение ослепившего мужчину, державшего свечу. Он поморщился, прикрыл глаза ладонью и прислушался к тишине, окружавшей его. Однако кроме него здесь никого не было. Все живые спали, а неживых он не боялся. Мир мертвых был ему почти родным домом.

— Я болен, — прошептал мужчин и отошел от зеркала, задув свечу.

Ему вдруг стало не по себе. Нет, это не было страхом. Все, чего он боялся, уже свершилось, и бояться стало нечего. И терять нечего... только себя. Но именно себя он и терял. День за днем, мгновение за мгновением. И от этого было не по себе. Цель, к которой он шел столько времени, теперь отошла в тень, уступая место безумию, выедавшему изнутри, словно язва.

Сколько раз за последние дни он клялся себе, что больше не будет проводить ночи у зеркала. Но стоило на землю опуститься тьме, и жизни затихнуть, мужчина снова и снова шел к зеркалу, чтобы произнести проклятые четыре слова:

— Виалин Шагерд, призыва тебя.

Она послушно приходила, чтобы своевольно покинуть призвавшего спустя короткое время. Чтобы он не делал, как не пытался остановить, но Виалин ускользала сквозь пальцы. И сколько бы не прошло лет, живая или мертвая, она все равно не желала быть покорной, не слушалась. Это бесило настолько, что он не выдержал...

Мотнув головой, мужчина отвернулся от зеркала, чтобы уйти. Хватит. Хватит изводить себя тщетными надеждами... на что? На что можно надеяться, когда перед тобой бесплотный дух? Уже давно нет Виалин Шагерд, и все, что было связано с ней, растаяло легкой дымкой, оставив в душе лишь горечь утраченной любви и несбывшихся надежд. К чему эта одержимость, возвращавшая его ночь за ночью в прошлое?..

... Солнечный свет заливал лес, пробиваясь даже в чашу, где деревья росли столь плотно, что их ветви переплелись друг с другом. Воздух, немного влажный, пахнувший смолой, хвоей и зверями, щекотал ноздри. Впереди бежали каяры, три грязно-серые твари с красными горящими глазами. Опасные хищники, которых невозможно приручить, но они слушались того, кто шел за ними, не могли не слушаться. Черные клубящиеся жгуты удавками стянули их шеи, причиняя боль, не позволяя убежать или наброситься на того, кто пленил их.

Виалин эти твари слушались безропотно. Они ластились к ней, позволяя зарываться пальцами в длинную включенную шерсть. Повизгивали, словно щенки, когда она призывала их. Ели с ее рук, осторожно принимая куски сырого мяса, боялись задеть огромными острыми клыками, не желали обидеть и причинить боль даже случайно. Оберегали ее, охраняли, любили до самозабвения. И она любила их, она любила всех, кто окружал ее, кроме...

— Дрянь, — выдохнул Эрхольд, опираясь на древесный ствол ладонью. — Неблагодарная дрянь.

Каяры обернулись, окинули его злыми взглядами и глухо заворчали. Тут же затянулись удавки, пробивая шерсть и толстую кожу острыми иглами холода. Твари взвизгнули, замотав головами.

— Ищите, — велел лорд Дархэйм.

Звери уткнулись в землю носами, зафыркали и потянули вперед. Да-а, свою хозяйку они искали с особым тщанием. Если бы не Виалин, то каяры бы не позволили собой управлять. Они скорее бы сдохли от боли, но попытались перегрызть ему глотку, как уже несколько раз пытались сделать, когда не позволяли подойти к своей хозяйке, защищая ее от него. И Эрх уже давно расправился бы с кровожадными тварями, если бы не знал, что Виа ему этого не простит.

Лорд Дархэйм мог искать беглянку один, но она уничтожила свой след, который видел потомок Виллиана, даже обычный пес не смог бы отыскать ее запаха, но не каяры. Этих тварей невозможно было сбить со следа никакими ухищрениями. И теперь они послушно искали ее. Не для Эрхольда, они искали ее для себя, потому что были преданы Виалин.

— Она бросила вас, — зло произнес лорд Дархэйм, следуя за каярами. — Сбежала с ублюдком Шаггердом, предав вас и меня.

Дорберт Шаггерд. Эрхольд считал его своим единственным другом. Они росли рядом, выросли. Дархэйм доверял своему другу настолько, что открыл правду о своей сущности. Надо было свернуть ему шею! Но даже он, Эрхольд Дархэйм, оказался доверчивым слепцом. Уверовал в то, чего не существует — в дружбу.

Это все бредни глупой юности. Сколько подлости люди не замечают за розовой дымкой самообмана, пока жизнь не нанесет свой первый удар. Тогда туман, сотканный из иллюзий, разлетается в клочья, оставляя тебя задыхаться, стоя на коленях. Вера в прежние идеалы рушится, и на ее место приходит опыт. Проклятый жизненный опыт. Порой он дается слишком дорогой ценой. И все-таки, пройдя сквозь огонь предательства и обмана, ты закаляешься, как клинок в горниле кузнеца. Грани заостряются, и уже нестрашно причинить боль тем, кто встает поперек дороги.

Каяры остановились и заворчали. Эрхольд приблизился к ним, пытаясь понять, что взбудоражило зверей. Всего лишь плащ. Дорогой, лиловый дорожный плащ. Но это был ее плащ. Он валялся под кустом, небрежно брошенный своей хозяйкой. Дархэйм отогнал трех

тварей, отчаянно скуливших и рвавшихся к куску забытой ткани. Мужчина поднял плащ, поднес к лицу и вдохнул тонкий аромат, аромат Виалин. Никто так не пах, как она. Запах нежного цветочного мыла смешивался со свежим запахом ее кожи, переплетался с ароматом травяного отвара, которым она мыла волосы.

Виа пахла лесным лугом в летнее утро. Стоя рядом с ней, хотелось забыться, утонуть в неге искрящихся надежд. Рядом с ней верилось в лучшее будущее. Она была прекрасна, как мечта, нежна, как теплый ветерок звездной ночью, упряма, как нагретая солнцем скала, о которую разбиваются в тысячи брызг надежды и устремления, холодна, как сама зима, и неприступна, как древняя твердыня в Драконьих горах, но желанна настолько, что казалось, будто кровь превратилась в огненную лаву.

— И скользкая, как гадюка, — простонал Эрхольд, комкая плащ. — Уничтожу. Обоих уничтожу-у-у.

И ведь знал же, знал, что Шагерд смотрит на Виалин влюбленными глазами. Видел и думал, что тот не осмелится. Даже жалел его в душе. Слепец! Доверчивый слепец, который уверился в том, что все будет так, как хочет он. Эрхольд отшвырнул плащ, и каяры налетели на него, уткнулись носами, заскулили.

— Прочь! — заорал на них лорд Дархэйм. — Прочь, мерзкие твари! Ищите дальше.

Звери нехотя последовали вперед, и вскоре вновь застряли, не желая идти дальше. Теперь каяры нашли одежду Виалин. Все, вплоть до сорочки. Осознание, что она раздевалась на глазах другого мужчины, оказалось подобно ослепляющей молнии, пронзившей грудь. И так живо представилось, что Виалин отдалась поганцу Дорбу прямо здесь. Стонала под его грязным и ласками, металась в агонии наслаждения, как последняя шлюха!

Крик Эрхольда разорвал настороженную тишину лесной чащобы. Ревность, словно кинжал, ворвалась в сердце, продолжая рвать грудь в клочья, будто кто-то проворачивал безжалостный клинок. Дыхание перехватило, и Дархэйм повалился на колени, жадно открывая рот, чтобы сделать болезненный вдох. А когда очнулся, каяры уже подобрались к нему так близко, что от их клыков лорда спасла лишь отточенная реакция.

Эрхольд перекатился по земле, принимая в ладонь холодную рукоять любимого кинжала. Бросок, и первый каяр упал на землю, не издав ни звука. Из пробитого глаза торчала черная рукоять, перевитая золотым змеиным телом. Второй умер, когда черный жгут Силы Эрха сдавил ему горло, прорвав плоть. Дархэйм дернул рукой, и голова твари отлетела в сторону. Третий каяр хрипел и рычал, пытаясь выбраться из пут. Его мужчина убивать пока не собирался.

Отдышавшись, Эрхольд поднялся на ноги. Он некоторое время наблюдал за страданиями зверя, чувствуя странную удовлетворенность от его боли. После ослабил хватку и сунул в нос зверю платье Виалин. Тот почуял запах хозяйки и затих, следя за мужчиной настороженным взглядом.

— Ищи, — коротко велел черный лорд, и каяр послушно уткнулся носом в землю...

Эрхольд так и не нашел ее в тот день. След оборвался, когда красноглазая тварь вышла к реке. Здесь был бессилен даже нюх каяра. Надежда, зародившаяся, когда три зверя взяли след, рассыпалась в прах. Беглецам удалось улизнуть, и это вызывало бурлящую ярость. Еще больше бесило то, что они сбежали ночью. Крались, как два вора, не издав ни звука, не потревожив охраны.

Прежняя злость всколыхнулась в груди черного лорда. Он снова развернулся к зеркалу и

вглядываясь в призрачную глубину. После криво усмехнулся и устремился прочь, так и не призвав дух Виалин. У него появилась иная мысль. Мужские шаги отдались гулким эхом от стен, когда он стремительно пересек галерею и вышел в другое крыло, где находились его покои.

Открыв дверь и прислушавшись, Эрхольд уловил сонное дыхание женщины, сейчас спавшей в его опочивальне. Он хотел сразу пройти в свой кабинет, но передумал и приблизился к приоткрытым дверям, за которыми виднелось большое ложе. На нем разметалась пышногрудая светловолосая красавица. Одна рука ее покоилась там, где недавно лежал ее любовник.

Лорд Дархэйм приблизился к ложу и замер, рассматривая плавные линии женского тела. Поджав губы, мужчина продолжал прислушиваться к ее дыханию. Он вспоминал, видел ли кто-то, что женщина ушла с ним? Нет. Эрхольд покачал головой, отвечая своим мыслям. Нет, слишком приметная особа. Он вскружил ей голову совсем для иных целей, пусть для них и остается. Нужно найти другую душу...

Развернувшись на каблуках, черный лорд покинул опочивальню, но и в кабинет не пошел, снова покинув покои. Дархэйм направился к лестнице, скользнул равнодушным взглядом по страже, клевавшей носом. Криво усмехнувшись, мужчина сбежал вниз, еще крепче смыкая веки случайным свидетелям его ночного путешествия. Он свернул туда, где жили слуги, попутно вспоминая, кто из служанок наиболее подходит для задуманного.

Наконец вспомнил молоденькую девушку со сметливыми глазами, но робкую и покорную. Молодость — это неиссякаемый источник жизненной силы. Дети — слабы, зрелые люди — их жизненная сила уже начинает иссякать, старики и вовсе могут отдать капли, а молодость — это пик, когда пить энергию можно даже стоя рядом.

Удовлетворенно кивнув сам себе, черный лорд дошел до женских комнат. Прикрыв глаза, он отпустил «змею», отправив ее на поиски нужной ему служанки. Девушка обнаружилась почти сразу, она жила за второй дверью от того места, где стоял Эрхольд. Он уже хотел войти туда, когда из-за двери напротив послышалось приглушенное хихиканье, затем возня, и мужской голос произнес:

— Маген, завтра придешь убраться в моем кабинете. Ближе к обеду.

— Слушаюсь, лорд советник, — игриво ответила невидимая женщина.

— И будешь убираться тщательно, я лично прослежу за тобой, — с нескрываемым намеком закончил советник.

— Как прикажет мой господин, — от покорности, прозвучавшей в голосе Маген, так и разило фальшью.

Снова послышался звук возни, затем дверь приоткрылась, и Эрхольд услышал влажный звук поцелуя. Он шагнул в темноту, пропуская мимо себя коренастого лорда. Ну вот и еще один крючок готов впиться в глотку своей жертве. Королевский советник ходит по ночам к служанке при наличии жены, наложницы, одобренной супругой. Порочная связь, позволительная в собственном замке, где никто не увидит, где правят законы хозяина. Впрочем, можно было и здесь, главное, чтобы о связи не стало известно. Лорд Дархэйм уже знал, куда наведается завтра днем.

Дождавшись, когда шаги советника стихнут, Эрхольд вошел в комнатку, где жила служанка, ради которой он оказался на половине прислуги. Девушка свернулась трогательным клубочком на узкой кровати, зарывшись до носа в одеяло. Рядом с кроватью стоял стул, на котором была развешена одежда. Там же стояла оплывшая свеча, погашенная

хозяйкой комнаты.

Эрхольд присел на край кровати, осторожно отодвинул край одеяла и всмотрелся в курносое личико. Веки девушки подрагивали, губы чуть шевелились, словно она вела с кем-то беседу. Милая, теплая, живая... То, что надо. Черный лорд бережно подоткнул под девичье тело одеяло, завернув, словно ребенка. После поднял руки и вновь отпустил Силу. Черная дымка за клубилась набухая и разрастаясь. Девушка вздохнула, потерлась щекой о плечо своего похитителя и открыла глаза, осоловело глядя на мужчину.

Он опустил взгляд, улыбнулся ей и ласково велел:

— Спи, маленькая.

Она послушно закрыла глаза и улыбнулась. Эрхольд шагнул в клубящуюся тьму. Еще шаг, и его окутали запахи родного замка... того, что от него осталось. Личи, унылыми тенями, вышли навстречу хозяину, но Дархэйм отмахнулся от них. Он неспешно дошел до лестницы, которая вела в склеп. Но слышал торопливые шаги за спиной — Ингер.

— Эрхольд! Ты вернулся!

Служанка вздрогнула и открыла глаза, испуганно глядя на мужчину, державшего ее на руках. Девушка дернулась, но одеяло, словно кокон окутавшее ее, и руки лорда не позволили пленнице освободиться.

— Эрхольд, — Ингер остановилась у него за спиной, тяжело и хрипло дыша.

— Убирайся, — шипящим шепотом велел ей Дархэйм.

— Я соскучилась...

Черный жгут взметнулся, словно плеть, влетел в грудь леди Илейни, откинув ее к стене и пригвоздив, подобно бабочке, приколотой к листу бумаги. Женщина обмякла и свесила голову на грудь.

— Спи, — тихо велел Эрхольд девушке, чей рот изломился в немом крике. — Это всего лишь кошмар, и он скоро закончится. Просто страшный сон.

— Где...

— Спи, котенок, — мужчина склонился к ней, нежно касаясь губами лба. — Спи, девочка.

— Мне страшно, — шепнула она, зевнув, но перестав вырываться.

— Это скоро пройдет, — улыбнулся ей черный лорд. — Засыпай.

Служанка еще раз зевнула и послушно сомкнула веки. Эрхольд бросил взгляд на бессознательное тело Ингер и выругался сквозь зубы. Нужно было избавляться от нее. Привязка тяготила Дархэйма. Он чувствовал теперь свою игрушку, знал все ее желания, мысли, переживания. Это мешало, порой выбивая почву из-под ног, когда ее желание накрывало полувиллиана.

— Все потом, — мотнул головой Эрхольд и продолжил путь в склеп.

Вактерды встретили его пристальными взглядами каменных глаз. Черный лорд прошел мимо стражей мертвых, привычно мазнув по ним равнодушным взглядом. Ему вдруг захотелось, чтобы изваяния ожили и остановили его. Именно в это мгновение, пока он шел мимо них. Пусть поймают в ловушку своих чар, пусть не позволят нарушить покой мертвых, пусть не дадут сделать то, что он задумал. Пусть остановят его безумие, потому что сам он уже не в силах.

Но вактерды так и не сдвинулись с места. Эрхольд усмехнулся и поднял глаза к потолку, вновь отыскивая признаки гнева Богов, но Огненные, как всегда, были слепы, немые и безучастны. Им не было дела ни до полувиллиана, ни до маленькой служанки, все так же

мерно посапывавшей у него на руках. Каменный свод не раскрылся, и Огонь не спалил черного лорда. Боги то ли благословляли его, то ли карали, продолжая его муки.

Лорд Дархэйм донес свою ношу до саркофага Виалин, огляделся и все так же осторожно уложил служанку на соседний саркофаг. На его крышке не было изваяний. Оно стояло в изголовье, слепо взирая на место упокоения одного из предков Эрхольда. Подправив под головой девушки одеяло, он плотней завернул ее, сам не понимая, к чему эта забота. После нагнулся к служанке, убрал с лица волосы, провел тыльной стороной ладони по теплой щеке, и девушка снова улыбнулась. Кажется, ей снилось что-то приятное.

— Прости меня, маленькая, — прошептал мужчина. — Мне жаль.

И ему, действительно, было жаль ее. Девчушка Эрхольду нравилась. Нет, не как женщина, но ее наивное личико отчего трогало лорда. Впрочем, ложь, он знал, что ему нравилось в маленькой служанке. Она напоминала ему Виа, когда та еще не стала язвительной дрянью. Когда-то и она была так же открыта, немного стеснительна и доверчива, как девушка, лежавшая на крышке саркофага в склепе чужого рода.

— Ну, хватит, — оборвал сам себя Эрхольд.

Он отвернулся от служанки и позволил своей силе открыть могилу Виалин. После склонился и поправил черные пряди и без того лежавшие безупречно ровно на округлых плечах, затянутых лиловой тканью. Хрипло вздохнув, мужчина встал между саркофагами и закрыл глаза, привычно открывая дверь в мир мертвых. Еще мгновение, и черная Сила рванула на волю, с ураганным воем сворачиваясь в воронку.

Волосы Эрхольда взметнулись, но сам он остался неподвижен, управляя потоками, уже мчавшимися по тропе Смерти. По левую руку прогнулась служанка, из горла ее вырвался хрип. Глаза распахнулись и уставились в потолок незрячим взглядом. Тело вновь вздрогнуло и опало, тут же безжизненно обмякнув. Рука плетью свесилась с крышки саркофага, выпущенная из плена раскинувшегося одеяла. Она так и не проснулась.

Черный лорд вел юную чистую душу, оберегая ее от существ, которых боятся даже мертвые, прятал от взора настоящих стражей мертвого мира, не позволял свернуть с тропы, не давал очнуться и осознать, что произошло. Дух служанки верил, что ее сон продолжается, не понимая, что у нее уже никогда не будет снов.

Эрхольд провел бы другую душу, если бы мог с ней совладать, но... Виалин была слишком сильна даже после смерти. Она не желала возвращаться в свое тело, тем более не пошла бы в чужое, чей дух только что освободил вместилище. Но душа служанки была податливой и покорной. Она позволила увлечь себя, безропотно следуя за своим проводником. Так же послушно она вошла в мертвое тело черноволосой жизни, щедро наливая его жизненной силой, еще бурлившей в ней. И дверь темницы захлопнулась.

Черный лорд шумно вздохнул, вернувшись в свое тело, и открыл глаза. Его работа была еще не окончена. Слишком долго тело Виалин было безжизненным, но он справится, Эрхольд знал это. Он сам еще смутно понимал, зачем оживляет тело, без души Виалин оно останется всего лишь пустышкой, но отчего-то был уверен, что все делает правильно, и толк от вселения непременно будет. Сначала нужно восстановить тело, влить еще жизненной силы, чтобы подделка стала по-настоящему живой. Потом, когда черный лорд сумеет поработить душу Виалин, подчинив себе, родное тело будет уже готово принять свою хозяйку. А пока в его руках появится безупречно-красивая послушная кукла, которую можно будет использовать для своих устремлений.

А следующая мысль заставила Эрхольда рассмеяться. Говорите, Риктор Илейни

благороден и не оставит страждущего в беде? А если это будет красивая молодая женщина? Идеальная ловушка для аниторна! Кажется, он должен отбыть из королевского дворца на заре, чтобы разобраться с бесчинствами на Побережье. Дархэйму понадобится несколько дней, чтобы поставить свой капкан и заманить в него дичь. Отлично.

— Идем, любимая, — почти весело произнес он, поднимая все еще тяжелое тело. — Скоро ты станешь, как живая.

Его хохот отразился от каменных стен, обрушившись на лорда эхом. Жгуты Силы подхватили тело служанки и перенесли ее в гроб. Следом полетело одеяло. После упала крышка гроба, а следом опустилась крышка саркофага. Вскоре Эрхольд уже поднимался по лестнице с драгоценной ношей на руках. Он прошел мимо Ингер, скосив на нее глаза, но тут же отказался от мысли забрать жизненную силу у леди Илейни. Еще не хватало перекинуть привязку на тело Виалин. Если и сломить непокорную возлюбленную, то своей волей, а не наваждением.

Ингер застонала и сползла на каменный пол, как только Дархэйм освободил ее. Она подняла мутный от слез взор и устремила его вслед удаляющемуся мужчине. Женщина увидела длинные черные волосы, свисавшие с откинутой женской головы, кожа которой казалась слишком бледной, чтобы принадлежать живому телу. Стерев слезы, Ингер поднялась с пола и, пошатываясь, побрела следом за черным лордом. Она рассматривала руку, безвольно свисавшую вниз, как и волосы, подрагивающие в такт каждому шагу Эрхольда. Вторая рука неловко торчала над мужским плечом, закинута лордом. Леди Илейни снова подумала, что тело должно непременно принадлежать мертвецу, а через мгновение споткнулась, глядя на шевельнувшиеся пальцы. Ингер тряхнула головой, зажмурилась, а когда открыла глаза, Эрхольд уже скрылся за поворотом.

Не желая упустить своего хозяина, Ингер бросилась следом, так и не рискнув позвать его. Мужчина уже поднимался по лестнице к своим покоям. Тело на его руках вновь казалось неживым. Впрочем, черный лорд часто имел дело с мертвецами и их душами, только вот Ингер помнила, что отнес в склеп он совсем другое женское тело. Любопытство пересилило страх, и она догнала своего господина.

— Кто это, Эрхольд? — почти шепотом спросила леди Илейни, рассматривая ношу лорда.

— Пока только тело, — усмехнулся он. — В будущем... Та, кем должна была стать много лет назад.

— Кем? — Ингер рассматривала красивые черты лица, слишком красивые, чтобы принадлежать живой женщине. — Ее словно вырезал из камня самый лучший скульптор на свете.

Дархэйм скосил глаза на свою игрушку и усмехнулся. Амбиций в гордой леди убавилось стократ. Она больше не походила на заносчивую аристократку. Еще недавно Ингер выпятила бы нижнюю губку и ревниво фыркнула, интересуясь, зачем любовнику это дохлое чучело. Теперь же она просто рассматривала, отдавая должное чужой красоте. Закрытая в замке, униженная, измученная непроходящим желанием, женщина во всей мере окунулась в грязь, из которой уже не могла выбраться. Изуродованная душа, с каждым днем все более походившая на податливую глину.

— Ты... уходишь? — голос Ингер дрогнул. — Я...

— Совсем плохо? — раздраженно спросил ее Эрхольд.

— Мне теперь всегда без тебя плохо, — с горечью ответила леди Илейни.

— Иди к себе, сейчас зайду, — бросил через плечо мужчина, сворачивая к своим покоям.

— Ты ведь не обманешь меня? — голос леди стал похож на жалобный скулеж.

— Нет.

Дверь закрылась перед носом Ингер. Женщина прижалась к ней ухом, но так ничего и не услышала. Подозрение, что Эрхольд исчез, оказалось таким сильным, что леди Илейни уже готова была открыть дверь, но голос разума пересилил, и она поспешила к себе в покои.

— Надо что-то с ней делать, — проворчал черный лорд, услышав удаляющийся перестук каблучков.

Однако совсем убирать свою любовницу он не был готов. Их игры неожиданно пришлись Дархэйму по вкусу. Правда, сейчас у него было слишком мало времени, чтобы забавляться. Эрхольд решил поступить с Ингер иначе. Уложив тело Виалин на кушетку, мужчина стремительно покинул свои покои, направляясь к леди Илейни.

Она ждала его уже обнаженной. Черный лорд невольно отметил, что она похудела и подурнела. Волосы, всегда ухоженные и блестящие, сейчас казались тусклыми, сухими. Под глазами залегли темные тени, щеки ввалились, резче обозначив скулы. Ее тело теперь не выглядело соблазнительным, скорей, изможденным. Привязка высасывала из цветущей молодой женщины жизненные силы, передавая их полувиллиану.

Поджав губы, Эрхольд приблизился к леди Илейни, подставившей губы для поцелуя.

— На кровать, — скомандовал мужчина.

Ингер послушно подошла к своему ложу и легла, приняв соблазнительную позу. Дархэйм усмехнулся, наклоняясь к ней. После провел ладонью по лицу, сверху вниз, закрывая глаза, и шепнул:

— Спи.

— Эрх...

Договорить она так и не успела, уронила голову на кровать и заснула крепким навязанным ей сном. Мужчина накинул на любовницу покрывало и покинул ее покои. Нужно было возвращаться во дворец, пока еще одна его женщина не проснулась и не начала искать своего возлюбленного. Эрхольд так же стремительно вернулся к себе, поднял на руки тело Виалин и выпустил тьму.

Через пару мгновений он уже стоял в кабинете дворцовых покоев. Здесь тоже имелась кушетка. На нее черный лорд и уложил свою ношу. Расправил складки платья, удобно уложил руки и распрямился, окидывая женское тело последним взглядом.

— Бездна, — вдруг гулко сглотнул Эрхольд и покачнулся, до конца осознав, что Виалин, пусть пока и только ее тело, снова с ним.

Сердце вдруг дрогнуло, где-то внутри сладко заныло, и что-то очень похожее на счастье на мгновение окутало душу теплой волной. Покидал свой кабинет мужчина в радостном предвкушении, уже представляя, как Виа откроет глаза, как посмотрит на него и... улыбнется. А она улыбнется, уж в этом-то он уверен. Пока это тело подчиняется его прихотям, упрямица будет улыбаться ему, а не выпускать свой яд.

Эрхольд запечатал дверь кабинета и вошел в опочивальню, тут же бросив взгляд на ложе. Его новая любовница еще спала. Отлично! Все сегодня складывалось, как нельзя лучше. Черный лорд, разделся и зашел в умывальню, чтобы смыть с себя запах склепа. Он снова бросил взгляд в зеркало и чуть скривился, глядя на отразившегося там мужчину. Дархэйм ненавидел менять облик, но так он становился известным гулякой, женолобом,

забиякой и поэтом... умершим лет пять назад.

— Милый, — донесся до него капризный голосок. — Где ты?

Светловолосый мужчина в зеркале небрежным жестом поправил прядь, заправив ее за ухо, кривовато усмехнулся и направился обратно в опочивальню.

— Кошечка моя, ты уже выпустила коготки? — игриво спросил придворный знатный лорд из свиты самого короля.

— Пш-ш, — ответила ему обнаженная красавица.

— Съем, — осклабился лорд и в два прыжка оказался на кровати, нависая над повизгивающей и смеющейся женщиной.

— Куда ты пропал? — обняв за шею любовника, спросила она.

— Даже у меня есть свои потребности, — усмехнулся лорд. — Или в следующий раз я должен оказать тебе честь и пригласить на... э-э мгновения своего облегчения?

— Фу, иногда ты бываешь таким противным, — она сморщила нос, но ноги леди уже обвили мужские бедра. Она подалась к мужчине и шепнула в губы: — Ты, кажется, хотел меня съесть.

— Да, моя сладость, — и лорд накрыл ее губы своими, чувствуя, как член наливается силой. Настроение у Эрхольда было отменным.

Глава 16

Огонь плясал в камине, время от времени выстреливая задорными искорками. В королевских покоях было не холодно, лето нынче выдалось знатное, но Его Величество любил посидеть у камина, глядя на пляшущий огонь. Особенно, когда нужно было подумать, а для раздумий поводов было предостаточно. Известия, которые привез лорд-аниторн Побережья, заставляли государя чувствовать себя неуютно. Угроза, нависшая над его королевством, да что там, над всем миром, была необычной и чрезвычайно пугающей. Виллианы! Бездна забери это рогатое отребье!

Ледагард поежился, и глухонемой слуга бросился к камину, чтобы подбросить еще поленьев в огонь, но король отмахнулся, и смерд снова отошел в тень, чтобы не мешать государю. Его Величество поднялся с удобного кресла, собственноручно налил в кубок вино из кувшина, затем подлил аниторну и прошелся до стола, сжимая в пальцах кубок. Он взглянул на свитки, которые раскопал Риктор Илейни в архиве, принадлежавшем королевскому роду.

Войти туда можно было только с разрешения государя, вынести что-то невозможно вообще, столько охранок было наложено на сам архив, на подходы к нему, на дверь. И печать, которую ставил на ладонь посетителю Ледагард, выжигала вору место, где она стояла, до кости. Помимо магии, архив охраняли воины и дух-хранитель, не имевший отношения к миру мертвых. Тело его было погружено в стазис, душа извлечена и приставлена к охране ценных рукописей. Таково было желание последнего живого архивариуса, при котором украли один из свитков больше трехсот лет назад. С тех пор он стал бестелесным надсмотрщиком, которого невозможно ни подкупить, ни усыпить, ни развезть, ни отправить в мир мертвых.

— И что ты думаешь, Рик?

Лорд Илейни отошел от окна и приблизился к Ледагарду. Он взглянул на свитки.

— Я думаю, что мне стоит вернуться в замок на утесе и начать повторное изучение своего родового древа, от самых корней, — ответил аниторн. — После того, что я прочитал, как-то иначе начинает представляться история моего рода и извечное владение Побережьем.

— Да, если все это правда, то мой прадед сильно сглупил... — в задумчивости произнес Ледагард.

— Скорей всего, он неверно истолковал древнее предназначением моего рода, если я все верно понял, — ответил аниторн.

— И что мы тогда имеем? — король поднял голову и посмотрел на Рика.

Тот несильно подтолкнул пальцем один из свитков, поймал его и раскрыл, негромко зачитав:

— И потемнели небеса, и восстало море, пожирая во чреве своем цветущие земли... — пробежался глазами и снова зачитал. — Небо почернело от их крыл безобразных. Головы рогатые несли они на плечах своих, чая себя победителями... Чудища, что души пили, как нектар, убивая без оружия лишь Силою черной... Имя им — Виллианы, что значит — несущие смерть... А вот и о том, что мне говорили. — Илейни раскрыл другой свиток. — Повелитель Риерской земли, что Силой могучей был одарен и мог вызывать громы с ясного неба и море поднять и обрушить на землю, Валистар Илейнарий, — взгляд лорда остановился на Его Величестве, но тот лишь кивнул и показал жестом продолжить чтение. — Призвал всю Силу свою и обрушил Виллиана, что вел свою рать по землям Риера. Не пошатнулся Виллиан, лишь укрылся крылами, а после смеялся в лицо Валистару, словами браня его гадкими. И смеялась с ним рать его мерзкая. Когда же взвилась Сила черная, устоял Валистар и войско его, в ком дар был от Богов ниспопсленный. И понял тогда Повелитель Риерский, что бессильны они друг против друга, пока Силы свои призывают. И выхватил меч Валистар, приказав изрубить Виллианов.

— Стало быть, Божественный Огонь...

— Он сотворен не магией, — ответил Риктор.

Ледагард допил вино и со стуком опустил кубок на стол.

— Однако, если верить свитку, и Валистар Илейнарий прародитель рода Илейни, значит, твой род был одарен. Отчего же тогда утратил свою Силу? Магию невозможно утратить совсем. И даже, если маг выгорает, его детям дар передается. Всем, без исключения. Даже дети, рожденные при смешенном браке, обладают Силой в полной мере. Как же потомки Валистара смогли потерять свою магию? Судя по тому, что тут написано, — король потряс свитком, забрав его из рук аниторна, — твой предок повелевал стихиями.

— Если он мой предок, — заметил Рик. — Схожесть фамилии по звучанию еще не означает, что мы с ним одной крови. К тому же вы совершенно правы, государь, дар утратить невозможно. Однако в моем роду не было даже слабого мага. Обычные люди, высокородные, но не одаренные. И ведем мы свой род от Риктора Илейни, чье имя я ношу, и чей меч стал реликвией рода. Потому я и хочу скорей вернуться назад на Побережье...

— Рано, — жестко отчеканил король. — Смута еще не подавлена. Пусть видят, что король поддерживает своего аниторна.

— Однако, государь, народ так же видит, что я слаб и сбежал к королю вместо того, чтобы самому разобраться с народными волнениями. — Возразил лорд Илейни. — В следующий раз, а он непременно будет, если люди не почувствуют мою власть, я буду вынужден взять в руки уже не кнут, а карающий меч, и тогда к вам помчатся кляузники.

— Я же отец-заступник, — осклабился Ледагард, но, встретившись со взглядом

аниторна, отмахнулся. — Хорошо, завтра встретишься со Старшим Жрецом, пройдешь очищение карающим Огнем прилюдно и можешь седлать своего Гора. Да и промедление играет против нас. Лучше знать точно, что нам угрожает, и как можно быстрее. Да, возвращайся, разбирайся со смутьянами и изучай историю своего рода. И все-таки... — король прищурился, — если мой прадед знал о Валистаре, то немудрено, что он увидел в твоём прадеде угрозу своей власти.

— Насколько знаю, Риер — это и есть Побережье, — усмехнулся Риктор.

— Но для того, чтобы называться повелителем, нужны большие земли, чем Побережье, — заметил Ледагард.

Аниторн снова посмотрел на свитки. После на государя и ответил:

— Море время от времени выносит утварь, порой украшения. Кто-то считает, что это дар Богов, кто-то, что в шторм попал корабль. Только... «И потемнели небеса, и восстало море, пожирая во чреве своем цветущие земли». У нас не сохранилось древних карт, и прежнего размера Риера мы не знаем. Возможно, часть земель ушла под воду и тогда... — Он снова схватил свиток, открыл его, но тут же отложил, взяв следующий. Быстро пробежал его взглядом и закончил. — Место прорыва может оказаться на той части Риерских земель, которая была сметена морем. Только вот знать бы точно, как далеко простиралось государство Валистара, какая часть и когда ушла под воду. Древние летописцы грешили тем же, чем и нынешние — приукрашивали действительность. Возможно, гибель Риера произошла позже нашествия. Бездна! — Рик нетерпеливо прошелся перед столом. — Мне бы сейчас...

— Нельзя. Сначала очищение, иначе жрецы поедом заедят, — остановил его Ледагард. — К тому же нам может понадобиться их помощь, а мне не хочется, чтобы Божественный Огонь неожиданно пожрал моего аниторна в самый неподходящий момент. У тебя замечательный амулет, но даже душа твоей матушки не в силах сдержать жар божественного гнева. — Король вернулся на прежнее место у камина. — Ты добрался до места, где говорится об изгнании Виллианов?

— Нет, — Рик сел напротив. — Я только начал изучать, и, если вы мне позволите...

— Не могу, мой мальчик, — отрицательно покачал головой Его Величество. — Свитки заговоренные. Их можно читать только в хранилище, или же в моем присутствии. Как только ты вынесешь их из дворца, они начнут источать отраву. Точно не помню, что именно, но быть мору. Нам этого не надо.

— Не надо, — согласился Илейни.

Ледагард обернулся и взглянул на духа-хранителя, зависшего в углу с безучастным взглядом.

— Унеси, — велел он. Свитки и дух тут же исчезли, а король повернулся к аниторну. — Завтра же отправлю кого-нибудь в хранилище, пусть разбирается, а ты займись своим родовым архивом, где бы он ни хранился.

— Я могу получить ваше письменное одобрение моих действий на Побережье? — спросил Рик. — Это тоже станет показателем вашей поддержки, государь. Как и лишит вас ненужных жалоб.

Ледагард потянулся и поднялся на ноги:

— Можешь, — усмехнулся он. — Но учти, своевластия я не потерплю.

— Я преданный слуга своего господина, — склонил голову лорд Илейни. — Интересы королевства превыше честолюбия, Ваше Величество.

— Истинно, лорд-аниторн, — одобрил государь. — Не забывай этого никогда. Вернемся в гостиную Ее Величества, думаю, нас уже потеряли. Кстати, королева приглядела тебе невесту...

— Великая честь для меня, государь, — Риктор снова склонил голову, пряча недовольную гримасу. — Однако же пока есть дела, не решив которые в настоящем, невозможно думать о будущем.

— Я знал, что ты будешь изворачиваться, — хохотнул Ледагард. — Даже не полюбопытствовал, кого тебе прочет моя супруга. — Он суть помолчал, но уже у дверей обернулся к Рикку. — Ты так и не надумал открыть мне имя того, кто сказал тебе столько полезных известий.

Лорд Илейни изобразил на лице недоумение, после пожал плечами:

— Я же, кажется, говорил вам, государь. Один старик-отшельник. Он выходил меня и, опознав напасть, едва не убившую меня, рассказал все то, что я поведал вам.

— Но имя! Рик, имя лорда Дархэйма он откуда узнал?

— Того не ведаю, — снова пожал плечами Рик. — С моей стороны было бы невежливо пытаться того, кто спас мне жизнь.

Ледагард прищурился и смерил лорда насмешливым взглядом, однако настаивать не стал, покинув свои покои, как только дверь перед ним распахнулась. Лорд Илейни последовал за венценосцем, уже подыскивая предлог не задерживаться на вечере у Ее Величества. Ему хотелось уединиться и подумать, но уж никак не вести светские беседы, натянув на лицо маску вежливости. И уж тем более не хотелось аниторну участвовать в чаяниях королевы о его собственной судьбе.

Лорния Сарейская слыла известной свахой. Ее Величество почитала себя прозорливой в вопросе счастья ее поданных, и благодаря ее стараниям одиноких лордов при дворе почти не осталось. Королева была истовой поборницей семьи и морали, ставя в пример собственное супружество, принесшее ей и Его Величеству четверых детей. Верность для Лорнии была неоспоримым достоинством. И если кто-то из сановников и придворных был уличен в измене жене или мужу, ему грозило от публичного наказания до изгнания из дворца и лишения должности. Потому придворные, если и проказничали, то под покровом большой тайны, опасаясь иметь наперсников. Его Величество поддерживал супругу, и искать у него защиты было бессмысленно.

Кроме того, королева обожала искусство, потому на ее ежевечерних собраниях всегда было оживленно и даже интересно, потом что она созывала к себе художников, музыкантов, поэтов. Устраивали словесные поединки, в которые вовлекались все, кто был удостоен высочайшим приглашением. Молчунов Ее Величество не любила и считала своим долгом разговорить каждого, дабы вечер прошел в приятной беседе.

Риктор Илейни предпочел бы высокородному обществу своего дракона, рядом с которым можно было посидеть и подумать в тишине королевского драконника. А еще лучше было бы вывести Гора из огромных ворот и промчаться по ночному небу, позволяя ветру прочистить голову, давая отдохновение уставшему разуму. Или вернуться в свой замок, где его уже ждали.

О возвращении господина в замке на утесе знали с первого дня из вестника, отправленного Риком, когда они с Ледагардом прибыли во дворец после оправдания Гора. Так же он отправил распоряжение смотрителю своего замка в горах о назначенном наказании мужчинам из деревни Большая хиль.

С тех пор прошло пять дней, и отбыть на третий день пребывания в королевском дворце на заре у лорда-аниторна не вышло. Его Величество попросил Рика задержаться, и теперь тот подозревал, что причиной задержки стали устремления Лорнии. Впрочем, изучение королевского архива с лихвой окупило вынужденную задержку. Последние три дня Илейни выбирался оттуда только к вечеру, тут же попадая на очередное собрание в покоях королевы.

Первые же два дня он, с одобрения Ледагарда, собирал сведения о роде Дархэйм. В «Большой книге родов королевства Ноалан» имелись лишь общие сведения: родоначальник, наиболее прославленные предки, количество земли, принадлежавшей роду. Из «Магометрик» так же почти ничего любопытного не удалось почерпнуть. Темные маги средней силы дара. От матерей иногда наследовалась иная Сила, но основной дар — темный. Что означало склонность к некромантии, магии крови, общение с духами.

Устав от перелистывания книг, Рик слетал с Гором на земли Дархэймов. На месте большого замка, упоминавшегося в «Большой книге родов», лорд Илейни обнаружил только выжженное место, да руины нескольких башен и пристроек. Осмотрев их и не найдя ничего примечательного, аниторн отправился к соседям Дархэймов. Но те в один голос уверили, что замок разрушился из-за землетрясения, случившегося лет пять, может шесть назад.

Впрочем, никто ничего не мог рассказать толком. Дархэймов побаивались из-за их темного дара и лишний раз никто без спросу на их земли не лез. Даже когда стало известно, что замка больше нет, и его последний владелец исчез, как и вся его прислуга, никому из соседних лордов и крестьян не взбрело в голову рубить деревья в чужом лесу, охотиться, или самовольно оттяпать себе кусочек вроде бы бесхозных теперь земель. Люди верили, что Дархэймы прокляли каждую пядь земли, и того, кто посмеет покуситься на их добро, ожидает наказание. Возможно, даже превращение в нежить. А это было страшно.

О хозяевах замка так же рассказать могли немного. Кто говорил, что все погибли во время землетрясения, кто уверял, что молодой лорд Дархэйм в это время путешествовал, и его видели после. Лишь в одном сходились соседи, что род темных магов держался особняком, никого к себе никогда не звали, сами приглашения отклоняли, и их можно было увидеть только в Сирше — крупном городе, стоявшем неподалеку от земель Дархэймов, да еще, если они проезжали мимо. А если к ним кто-то и приезжал, то свои, такие же маги из темных. Откуда знают? Так по надменным рожам сразу было видно.

На королевский запрос родственники, дальние и двоюродные, в один голос ответили, что Эрхольда не имели чести видеть уже несколько лет, да и не желали видеть после того, как на свадьбе кузины лорд Дархэйм младший вдруг взъярился на родню, когда разговор зашел о его собственной женитьбе. Обозвал родственников недоумками и покинул замок, где проводилось празднество. От объяснений, что привело Эрхольда в столь возмутительное состояние, маги воздержались. Рик тут же заподозрил наличие какой-то тайны, которая могла подпасть под, так называемые, внутренние дела рода, что и сомкнул уста другим ветвям рода Дархэйм. Возможно, они знали правду о рождении Эрхольда и не желали предавать ритуал вселения огласке. Немного поразмыслив, Риктор решил, что так оно и есть. Такое не расскажешь даже жрецу, идя через очищающий Огонь.

Приходилось надеяться, что полувиллиан проявится сам, выдав себя так или иначе. Терять же время на бесплодные поиски смысла не было, и лорд Илейни, воспользовавшись разрешением Ледагарда, засел в архиве его семьи. О, это было истинное пиршество! Столько ценных, редких, древних рукописей еще не попадало в руки молодого Илейни. Сейчас, окунувшись в сокровища королевского рода, Рик понимал, насколько бедны были городские

архивы. Если и стоило искать нечто по-настоящему ценное, то только в родовых хранилищах. И даже пропажа свитков из архива в Бриллианте уже не казалась аниторну непоправимой трагедией.

Что хранилось там? Рукописи не единожды переписанные писцами при жреческих обителях. Сколько правды о Нашествии было изменено и подправлено в угоду религии Огненных Богов? Это можно было понять, лишь попав в королевский архив. Возможно, Илейни смог бы раздобыть и больше сведений, но искал он не только летописи деяния древних, но и все, что имелось в архиве о драконах и их брачных устоях. И пусть много ему разузнать не удалось, но хватило нескольких описаний, где повторялось одно и то же — избрав самку, дракон остается ей верным до конца. И это казалось трагедией, однако Рик не терял надежды, что соперничать с Гором ему не придется, как и отказываться из-за него от той, кому душа стремилась столь сильно, что порой тяжело было собрать мысли воедино.

Лорд-аниторн хотел забрать Фиалку из ее убежища, как только опасность разоблачения для нее минует. И не просто привести в свой замок... Читая о драконах, Риктор невесело усмехался, находя отзвук прочитанного в собственном сердце, свой выбор он так же уже сделал. И, понимая, что Фиалка не откроет своего имени, придумал другое, по сути своей, шельмовство.

Расслед хоть и прожил при роде Илейни без малого пятьдесят четыре года, но имел происхождение знатное, хоть его род и обеднел давным-давно. И подумалось Рикку, задумчиво постукивавшему свернутым свитком по ладони — а почему бы Расследу не удочерить Фиалку с правом наследования его титула? Тогда никто не сможет обвинить лесную затворницу в низком происхождении. Королю придется одобрить решение аниторна, а его дети, рожденные Фиалкой, будут законными и никто не посмеет оспорить их право на наследство своего отца. И до того эта идея пришлась лорду Илейни по душе, что он едва не забыл обо всех остальных преград. Однако быстро вспомнил и помрачнел. Он выбрал нелегкий путь к собственному счастью, но сдаваться было не в привычках последнего потомка древнего рода... кажется, рода Риерских повелителей.

И вдруг известие, что Ее Величество расставляет для аниторна брачные силки. Вот уж вовсе не ко времени. Риктор посмотрел в затылок Ледагарду и досадливо поморщился. Сражаться с королем было намного проще, чем с его настойчивой супругой, но возможно. Решительно поджав губы, Илейни догнал Его Величество.

— Государь, — аниторн склонил голову, — дозволено ли мне будет явиться позже? Хотелось бы сменить одежду, я весь пропах пылью хранилища...

— К дракону побежишь? — прищурился Ледагард. — Потом в умывальню, потом переодеваться, а там и собрание разойдется. Ты, значит, самый хитрый, а я самый виноватый? Вот уж нет, мой мальчик. Лорния столько намекала мне сегодня, что непременно желает видеть тебя, расставила столько силков и сетей, оплела меня паутиной, вынудив поклясться, что я лично тебя доставлю в ее покои, а ты хочешь бросить меня в пасть бушующего вулкана? Нет и еще раз нет, лорд-аниторн. Под моим венцом осталось не так много волос, чтобы позволить выесть себе плешь раньше, чем придет ее время.

— Мой король...

— Вот именно — король! — со значение произнес Ледагард. — И я велю тебе идти на заклятие... Ах, да, про намерения Ее Величества ты, конечно, ничего не знаешь, подвоха не ожидаешь, и я не предупреждал тебя о готовящейся западне. Ни словом! Выкручивайся сам... а я сделал все, что в моих силах.

Король состроил невинную гримасу, благочестиво вздохнул и подтолкнул Илейни вперед. Рик полуобернулся, с укоризной глядя на государя, но тот «ничего не заметил», и сердце его не дрогнуло. Потому через десяток шагов они уже стояли перед резными дверями покоев Ее Величества.

Створы тут же распахнулись, и на лице коронованного вруна и лицемера расцвела счастливейшая из улыбок, когда ему навстречу устремилась супруга. Однако прежде, чем обнять королеву, Ледагард цепко ухватил аниторна за плечо и снова подтолкнул вперед, не давая ему возможности остаться в тени или улизнуть.

— Мой дорогой лорд Илейни! — воскликнула Ее Величество. — Как же приятно вновь видеть вас на нашем маленьком уютном собрании.

— Быть здесь — честь для меня, государыня, — поклонился ей Рик.

— И что у нас сегодня интересного? — любопытствовал Ледагард, целуя супругу в щеку.

— Состязание поэтов, возлюбленный супруг, — с нескрываемым удовольствием ответила Лорния. — Идемте же, идемте!

Королева вплыла в свою гостиную и окинула умильным взором нескольких лордов и леди, рассевшихся на креслах и диванах. Посреди гостиной стояли четверо мужчин, известных умением слагать рифмы. В руках они держали исписанные стихами листы бумаги. Поза каждого отличалась явным превосходством, и в глазах читалась насмешка, когда они поглядывали на своих противников.

Однако стоило королю войти в дверь, как придворные поспешно поднялись со своих мест, поэты сменили высокомерные позы на почтительный поклон, но Ледагард отмахнулся:

— Полноте, — и благородное собрание вернулось на свои места.

Его Величество, бросив на невозмутимого аниторна ехидный взгляд, удалился к любимому креслу и поманил к себе виночерпия с кувшином вина в руках. Рик окинул взглядом гостиную, заметил мрачноватого Дальгарда и хотел уже подойти к нему, когда Ее Величество подхватила Илейни под руку.

— Ах, лорд-аниторн, — зашебетала она, лучезарно улыбаясь, — а для вас у меня есть поручение на этот вечер. Лорд Ноллиг Аниан привез ко двору свою кузину — леди Сарли Тирнан. Девушка юна и совершенно смущена. Ее кузен сейчас занят состязанием, — королева кивнула на светловолосого лорда, поглядывавшего в их сторону. — Вы должны развлечь леди Тирнан, Риктор.

— Как будет угодно моей королеве, — с вежливым равнодушием поклонился Рик.

Лорния, продолжая сиять улыбкой, подвела его к девушке, сидевшей на небольшом диванчике чуть в удалении от остальных гостей. Место рядом с ней пустовало. Взгляд лорда Илейни скользнул по черным волосам, уложенным в модную прическу. Цвет глаз мужчины рассмотреть не смог, потому что юная леди потупилась, опустив ресницы. Щеки ее заалели, и пальцы правой руки нервно смяли манжет рукава платья на левой руке.

— Дитя мое! — жизнерадостно воскликнула Лорния. — Позвольте представить вам моего самого дорогого гостя! Лорд-аниторн Побережья Риктор из рода Илейни. Сегодня лорд Илейни будет вашим кавалером.

— Для меня честь... — пролепетала девушка охрипшим от волнения голосом. — Ваше Величество... Лорд-анитр... Лорд-аниторн.

— Ах, Сарли, вы так прелестны в своем смятении, — умилилась королева. — Не правда ли, Риктор?

— Леди... э-э, — рассеянно протянул Рик.

— Тирнан, — чуть досадливо напомнила Лорния, продолжая весело улыбаться.

— Прошу простить меня, Ваше Величество, леди Тирнан, — склонил голову лорд Илейни. — Это усталость. Я невероятно вымотан, но исполню ваше поручение, государыня. Для меня честь доставить вам удовольствие, моя королева.

Личико юной Сарли вытянулось, королева перестала улыбаться и едва заметно пихнула локтем в бок мужчину.

— Думаю, мой дорогой лорд, если вы приглядитесь к леди Тирнан, то удовольствие почувствуете сами, развлекая столь очаровательную юную и неискушенную особу.

Последнее Ее Величество выделила особо, подчеркивая основное достоинство леди Тирнан. Рик вновь поклонился государыне, скользнув равнодушным взглядом по юной прелестнице, отмечая, что девушка и правда хороша.

— И что вы думаете, Риктор? — с лукавой улыбкой спросила королева.

— Леди Тирнан чрезвычайно мила, — ответил вежливой улыбкой Лорнии, и леди Сарли стрельнула в аниторна взглядом темных глаз.

— Оставляю вас, дети мои, — счастливо вздохнула Ее Величество. — Пора начинать состязания. Леди Сарли, ваша поддержка кузену будет кстати.

Государыня удалилась, оставив мужчину и девушку наедине. Затем обернулась, наблюдая за тем, как Рик присаживается рядом, удовлетворенно кивнула и воскликнула:

— Благородные лорды, поразите наше воображение своими рифмами.

Она уселась рядом с супругом и взмахнула платком. Тут же с кресла поднялся пятый лорд. Он поклонился высокородному собранию и объявил:

— На состязание вызвались благородные лорды: Энрик Дави, Гартон Толейни, Ноллиг Аниан и Харнис Болдарт — дабы сразиться в умении стихосложения. Благородные лорды прочитают высокородному собранию свои стихи на собственный выбор, обменяются эпиграммами, а так же порадуют нас созданием рифм, дополняя друг друга. Жребий начинать первому выпал лорду Гартону Толейни. За ним последует лорд Ноллиг Аниан, после Энрик Дави и последний в жребии, но не в состязании Харнис Болдарт.

Лорд, избранный распорядителем на это маленькое поэтическое состязание, вновь поклонился и вернулся на свое место. Риктор прикрыл рот рукой, скрывая зевок, после обернулся к юной леди, бросавшей на него взгляды украдкой, выдавил кривоватую улыбку и вновь отвернулся, тут же потеряв всякий интерес к прелестнице. Взгляд Илейни сам собой нашел Дальгарда. Пожилой лорд кивнул Рику, чуть заметно улыбнувшись.

— Лорд-аниторн, — Риктор досадливо вздохнул и обернулся к Сарли, изобразив на лице вежливое внимание.

— Да, леди... э-э-э... простите...

— Сарли, — смущенно улыбнулась девушка.

— Леди Тирнан, — сразу вспомнил Риктор ее фамилию. — Я слушаю вас, леди Тирнан. Девушка подергала уголок своего платочка, снова опустив ресницы, но вскоре решительно подняла головку и посмотрела на аниторна.

— Я вам неприятна, лорд Илейни? — чуть дрогнувшим голосом спросила она.

— Ну что вы, леди Тирнан, — Рик улыбнулся немного мягче. — Я сегодня несколько рассеян, прошу меня простить за невниманье. Все дело в усталости. Возможно, вас мучает жажда?

— Н-нет, — с запинкой ответила Сарли. — Благодарю, лорд Илейни. Но... — брови

девушки сошлись на переносице, отразив усердную работу мысли, и Рик понял, что она ищет повод продолжить беседу. Затем юное чело разгладилось, и леди Тирнан просияла. — Ах, лорд Илейни, я совсем никого здесь не знаю. Расскажите мне хотя бы о тех, кто сейчас состязается в стихосложении.

Риктор посмотрел на четырех мужчин, не вслушиваясь в то, что они читают. Гартон Толейни только что закончил читать свой сонет и сделал шаг назад, окинув горделивым взглядом соперников. После поклонился королевской чете и замер в расслабленной позе. Он был светловолос, как и Ноллиг Аниан, полноватый, с одутловатым лицом, отразившем пристрастие лорда к винопитию. Однако нрава лорд Толейни был добродушного, женщин обожал сверх меры и, несмотря на свой внешний вид, имел у дам успех.

В отличие от рыхловатого Толейни, Ноллиг Аниан имел внешность привлекательную, статную широкоплечую фигуру, но нрав его был вздорен и задирист. Лорд Аниан слыл забиякой, отчего друзей имел мало и часто получал выволочку от Его Величества. Третий стихоплет — Энрик Дави, мало чем отличался от Ноллига Аниана, возможно, потому они и сумели сдружиться. Их даже называли отражением друг друга. Правда, Энрик был более сдержанным и не бросался в драку по любому поводу, предпочитая язвить словесными выпадами.

Подобную привычку имел и последний поэт — лорд Харнис Болдарт. К тому же он появился в свите Его Величества сравнительно недавно. Так же славился он разгульным нравом и широкой душой, вовлекая в свои пирушки всех, кто попадался ему на глаза, будь то известный при дворе лорд или городской пьянчуга, заглянувший выпросить у хозяина кабака, где гулял лорд Болдарт стаканчик дешевого вина.

Ничего этого юной леди Рик рассказывать не собирался. Потому попросту представил ей лордов, минуя сплетни. И, чтобы прекратить тягостную ему беседу, шепнул:

— Говорят, поэты чрезвычайно обидчивы, если не видят внимания к своим рифмам. Не будем их обижать и послушаем, что навяли их душам собственное воображение.

— Вы правы, — леди Тирнан заметно расстроилась. — Я так рассеяна. Действительно, невежливо с моей стороны такое невнимание к благородным лордам.

— Не стоит переживать, леди Тирнан, — улыбнулся ей Илейни. — Женщинам присуще любопытство, мужчины это знают. Но, тс-с, ваш кузен, как раз, начал чтение.

Девушка улыбнулась в ответ и сложила ладони на коленях, превращаясь в само внимание.

Лишь дураки живут в воспоминаньях
Лелеют прошлое, забывши об ином
Проводят дни свои в стенаньях
Что нынче жизнь испорчена во всем

А между тем грядущее случится
И принесет с собою новый день
Оно крылами легкими стучится
Нам в окна, увлекая в свою сень.

И пусть же дураки одни страдают
Цепляясь в день минувший навсегда

А мы хотим увидеть, как сплетают
Мгновения жизни новые года.

— Ах, — Сарли прижала к груди ладони, — Боги были щедры с Ноллигом. Они одарили его тонким чутьем и умением слагать слова в строфы. Порой я так завидую кузену. Душа его так прекрасна, что стихи неизменно находят отклик в моем сердце!

Лорд Аниан, услышав слова кузины, произнесенные слишком восторженно, чтобы они остались тайной, обернулся и одарил ее улыбкой, благодарно склонив голову. После скользнул по Риктору Илейни пристальным взглядом и чуть заметно нахмурился. Рик этого не заметил. Он рассеянно кивал, слушая леди Тирнан, почти полностью уйдя в свои мысли. Взгляд аниторна застыл на кусочке звездного неба, видневшегося в окне, и на губах мелькнула мечтательная улыбка.

Рику вспомнилась такая же звездная ночь над лесным лугом, ласкавшая тишиной и теплым легким ветром. Там тоже была поэзия. Совершенно беззвучная, не облеченная в жесткую форму слов, бессильных передать истинную красоту мгновения. И женщина, сидевшая в траве, над которой кружились светлячки, привлеченные ею — она тоже была частью великолепной ночи, отразившейся в ее глазах, бездонных и непроницаемо-черных. Теперь Риктору казалось, что выразительная синева была лишь слабым отголоском настоящих глаз Фиалки, прятавшихся за пеленой обмана чужого тела. Они чем-то напоминали черный камень в амулете Дархэйма, который притащила в замок на утесе Ингер, только не будили животную похоть. Влекли, заманивали в ловушку, и шагнуть в нее было легко... Раскинуть руки, словно крылья броситься навстречу таинственной глубине. Последняя мысль пробрала до мурашек.

— Моя невероятная, — неожиданно прошептал мужчина и очнулся, встревоженный собственным шепотом.

— Вы что-то сказали, лорд Илейни? — спросила леди Тирнан.

Аниторн резко обернулся, слишком резко, и девушка испуганно отпрянула. Риктор поспешно поднялся на ноги, пробормотав извинения, и отошел к окну, скрывая волнение, охватившее его. Ощущение полета все не отпускало, будоражило, вызывая сладкую судорогу внизу живота. Казалось, еще мгновение, и лорд-аниторн сорвется с места, наплевав на королевский гнев, оседлает своего дракона и помчится в далекий лес, чтобы ворваться с маленькую сторожку, схватить за плечи женщину, занимавшую его помыслы, и крикнуть ей: «Я больше никогда тебя не послушаюсь! Я больше никогда не отпущу тебя, чтобы ты мне не солгала!».

— Лорд Риктор!

Восклицание Ее Величества все-таки отрезвил мужчину, и он обернулся, склонившись в почтительном поклоне, чтобы спрятать лихорадочный блеск в глазах. А когда распрямился, увидел, что на него смотрят все, кто находился в гостиной покоев королевы. Единственный, кто оставался невозмутимым, был Ледагард, да лорд Дальгард, кажется, мало интересовавшийся поэзией, сидел с отсутствующим видом.

Ноллиг Аниан хмурился теперь вполне отчетливо, Энрик Дави следил за Илейни чуть ссуженными глазами, должно быть, недовольным тем, что его прервали столь грубым образом. Болдарт скрестил руки на груди, выражая неодобрение аниторну. Впрочем, неодобрение выражали лица почти всех собравшихся, особенно королева. Юная леди Тирнан покраснела до кончиков ушей, комкала свой платок, то опуская глаза, то поднимая

растерянный взгляд на лорда у окна.

— Вернитесь на свое место, лорд-аниторн, — сухо велела Лорния. — Лорд Дави, продолжайте.

Оба лорда поклонились. Рик вернулся к леди Тирнан. Девушка застыла в напряженной позе, кажется, желая, чтобы странный лорд оставался стоять у окна. Поджатые губки и стиснутые на коленях ладони вдруг привели Риктора в доброе расположение духа, и он даже улыбнулся, почти скрыв насмешку. Предполагаемая невеста больше не желала с ним сходиться ближе. Она так больше и не попыталась заговорить с аниторном, и это его вполне устроило.

— Лорд Дави, — недовольно окликнула поэта королева. — Мы ждем вас.

— Простите, государыня, — Энрик склонил голову. — Я всего лишь ожидаю, не найдется ли еще кто-то, кому станет дурно от моей писанины.

Его взгляд все еще был устремлен на Илейни. Рик развел руками:

— Я уже в себе, лорд Дави, — произнес аниторн, прикрыв иронию. — Думаю, я выдержу, продолжайте и извините за то, что невольно прервал вас.

— Что же так взволновало вас? — едко спросил оскорбленный поэт. — Или милая леди Сарли так напугала вас?

Девушка вздрогнула и сжалась еще больше, словно хотела стать незаметной. Рик укоризненно покачал головой.

— Как вам не совестно, Энрик. Неуверенны в своих стихах, напугали славную девушку, теперь пытаетесь переложить на мои плечи собственные опасения.

— Лорд Илейни... — лицо Дави стало жестче, на скулах заиграли желваки.

— Лорд Дави! — Ее Величество поднялась со своего места, гневно сверкнув взглядом.

— Прошу прощения, государыня, — снова поклонился Энрик.

Лорния перевела хмурый взгляд на аниторна, оценила в конец перепуганную Сарли и неопределенно махнула рукой, позволяя Риктору вернуться к окну. Илейни подарил очаровательную улыбку леди Тирнан, поклонился королеве, после отвесил насмешливый поклон лорду Дави и вернулся к окну, где тут же припал плечом к стене и расслабился, начиная получать от вечера удовольствие.

Неожиданно со своего места поднялся лорд Дальгард, извинился перед собранием и подошел к Рикку, пристраиваясь на подоконнике. Он сделал жест, и к мужчинам поспешил виночерпий, наполнив кубки и подав их благородным лордам. Такая компания Риктора устраивало больше, чем общество прелестной, но навязанной ему особы.

— Ты только что завел себе двух врагов, — негромко произнес Дальгард. — Эти дружки не оставят тебя в покое.

— Нам не впервой сталкиваться, — усмехнулся Рик. — Переживу.

Дальгард кивнул и перевел взгляд на насупившихся поэтов, чья спесь была сбита выходкой аниторна. Илейни бросил еще один взгляд в окно и все-таки уделил внимание состязанию. Энрик Дави уже, кажется, позабыл о досадном происшествии и начал заново читать:

Отвага — разве это много?

Всего лишь малая черта.

К ней лентой не ведет дорога.

Теченьем не несет река.

Она иль есть, иль вовсе нет.
И коль в душе огонь пылает,
Тогда и среди сотни бед
Он путь герою освещает.

Пускай презренный трус храбрится
И мнит за доблесть хвастовство,
Но меч из рук его валится,
Плута вскрывая естество.

— Как верно вы сказали, лорд Дави! — воскликнул один из присутствующих лордов. —
Вы, несомненно, одарены Богами не только умением слагать рифмы, но и прозорливостью!

— Благодарю, — уголки губ Энрика дрогнули, обозначив улыбку, и он с достоинством
поклонился.

После бросил взгляд в сторону аниторну, но Риктор Илейни постучал кончиками
пальцами по раскрытой ладони, обозначив одобрение. Дави кривовато усмехнулся и уступил
место Ханису Болдарту. Тот поклонился собранию и, чуть отставив ногу в сторону, заложил
за спину руку с листами, на которых были написаны стихи. Он прикрыл глаза и негромко
произнес:

Ты — лед, ты — пламень, ты — тоска
Ты — боль, ты — сладостная мука
Ты — грань смертельного клинка
Ты — слабость и безволие духа

Дитя Богов, иль Бездны тварь,
От чар которой нет спасенья,
На твой безжалостный алтарь
Всхожу, моля о снисхожденье.

Я гибну в страсти безответной,
Навечно проклятый глупец.
В погоне за мечтой заветной
Страданий натянул венец.

Ничтожный раб твоих очей,
Забыв о гордости, стенаю.
Безумство прожитых ночей,
Где нет тебя — я проклинаю.

И проклинаю каждый миг,
Разъединивший нас с тобою.
Увы, тоску лишь я постиг.
И нет душе моей покоя.

В гостиной воцарилось недолгое молчанье. Дамы слаженно вздохнули, лорды остались спокойны. Рик вдруг отвернулся к окну, до рези в глазах вглядываясь в черноту ночи, словно хотел разглядеть одинокую фигуру в простом платье, бредущую по далекому лесному лугу. И вновь ему захотелось покинуть благородное собрание, направившись напрямиком в драконник. Аниторн сжал ладонью край подоконника, удерживая себя на месте.

— Однако, лорд Болдарт, — послышался голос королевы, — чрезвычайно откровенно. Э-э... неожиданно, должна признаться.

— И кто же та бестия, что вскружила вам голову, дорогой вы мой лорд Харнис? — полюбопытствовал Его Величество.

— Мечта, государь, всего лишь мечта, — ответил Болдарт.

— Ну да, мечта, — почти шепотом усмехнулся Дальгард. — Он за сестрой Давейна волочится, но девица не по зубам.

Рик усмехнулся и повернулся к лорду, спросив:

— Я слышал, Давейн пришел в себя, но провести его не было времени.

— После его выходки на Играх, я бы и не стал искать времени на этого осла, — фыркнул Дальгард. — Я сам не заходил к нему и никого не посылал справиться о здоровье. Не люблю его. Гнильцы в лорде Давейне многовато. А вот сестрица его хороша, и норова крутого. Ей бы штаны и меч в руки, отличный бы вышел воин. Да, Рик, у меня к тебе имеется разговор, — вдруг сменил тему лорд. — Я слышал, ты ищешь драконицу...

— Благородные лорды, — его прервал голос королевы. Оба мужчины тут же повернулись в ее сторону. — И благородные леди. Напишите имя того поэта, чьи строфы вам пришились по сердцу прежде всего.

Она кивнула слуге, и тот поспешил обойти собрание с листом бумаги и чернильницей с пером на подносе. Риктор Илейни без всяких сомнений отметил лорда Болдарта. Дальгард хмыкнул и выбрал лорда Аниана.

— Эпиграммы! — объявил распорядитель, как только лист с именами поэтов оказался в руках Ее Величества.

Аниторн снова переключил внимание на Дальгарда. Упоминание драконицы заинтересовало его гораздо больше эпиграмм. Драконники рода Дальгард никогда не пустовали. И пусть летунов в них было несравнимо меньше, чем некогда в драконниках, принадлежавших предкам Риктора, но драконов у Дальгардов никогда не уничтожали, звери доживали свой век, окруженные заботой драконоправов.

— Ты что-то сказал о драконице, — напомнил лорд Илейни.

— Да, — пожилой лорд кивнул. — Одна из моих дракониц в гоне. Никого из самцов к себе не подпускает, Рагдар был ей по сердцу, хоть из них и не сложилось пары... — Дальгард перевел взгляд на свои руки, вдруг сжавшиеся в кулаки. Рик понимал, что смерть дракона все еще угнетает лорда.

— Я знаю, кто виноват, — сказал он, сжав плечо Дальгарда. Тот вскинул на Илейни взгляд, полный ожидания, но аниторн покачал головой, показывая, что пока не может сказать. Пожилой лорд кивнул, принимая ответ.

Он расслабился, откинулся назад, уперевшись затылком в холодное стекло, и продолжил:

— Ханнис — сильная драконица, она сможет пережить свой голод без самца, но бедняжка сильно страдает. Ей нужен дракон, а твой Гор — единственный из всех, кого я

знаю, кто может сравниться по силе с моим Рагдаром. Если ты не против, и Гору она придется по душе, то почему бы нам и не свести их? Что скажешь, аниторн?

— Я скажу, что готов навестить твой драконник после встречи со старшим жрецом, — отозвался Илейни.

Дальгард усмехнулся и покачал головой. Он слышал о том, что творилось на Побережье. Для успокоения смердов и прочего темного дурачья пройти через очищающий Огонь было не лишним, и все же...

— Лицемерные скоты, — неожиданно зло произнес пожилой лорд. — Божественный Огонь... Всего лишь подделка.

Рик мгновение смотрел на лорда, затем снова сжал его плечо.

— Мне нужно будет поговорить с тобой, Дальгард. Я хочу услышать пояснение того, что ты сказал, это важно.

— С удовольствием поясню, мой друг, — согласно кивнул тот. — Не позже, на нас опять смотрит королева. Да и рифмоплеты поглядывают недобро, не устроили бы подлянки.

— Аниан и Дави из-за угла не нападают, — отмахнулся аниторн. — Толейни вовсе не склочен, а Болдарту милей кабацкие драки с кулачными боями, чем поединки знати.

— И все же я побуду с тобой, — ответил Дальгард, скользя задумчивым взглядом по поединщикам.

Рик пожал плечами. Вот уж чего он не опасался, так это нападения на себя в королевском дворце. Да и причинить ему вреда не смог бы уже даже Эрхольд Дархэйм, правда, защиту Фиалки проверить не было повода. Полувиллиан затаился, и где его искать, сказать было практически невозможно. Впрочем, верить в свою неуязвимость Риктор не намеревался. Только дураки думают, что будут жить вечно, лорд Илейни дураком не был.

Однако аниторн был рад решению Дальгарда задержаться с ним рядом совсем по иной причине. Слова про Божественный Огонь зацепили, заставляя задуматься о том, что скрывается под ними. С одной стороны было печальное происшествие в склепе в замке на утесе, когда Огонь наказал жреца за обман хозяина замка, что не давало повода усомниться, что Огонь имеет божественное происхождение. Но с другой...

История о вторжении Виллианов в устах жрецов звучала, как повод искать защиты в религии. Но после того, как аниторн услышал слова Фиалки и прочитал несколько рукописей в королевском архиве, события, развернувшиеся на землях его мира, хорошо знакомая история начала представляться совсем в ином свете.

С детства его учили, что Тьма породила Виллианов и выпустила их на земли его мира, чтобы уничтожить его. Но, увидев, как гибнут их дети, Огненные Боги обрушили на головы чудовищ свой гнев. На месте, где Огонь карал Виллианов, земля почернела и разверзлась, низвергая врагов в открывшуюся Бездну. После земля вновь сошлась, и края ее соединились, вновь выпустив на солнечный свет траву и деревья. И с тех пор жрецы — глас Богов на земле, стерегут мир, охраняя его при помощи Божественного Огня. Все знали, что пока в священных чашах пылает Огонь, жизнь будет наполнять землю и воду. Угасание же Божественного Пламени означает конец света.

И вот теперь оказалось, что из всего это правда лишь то, что Виллианы, как бы они не именовались на самом деле, приходили в их мир, чтобы завоевать и поработить его. А все остальное... Религиозное учение ни слова не говорило о Валистаре Илейнарии, как не рассказывала о сражениях с Виллианами. Так же умолчала она о том, что магии двух миров разнятся по своему устройству, потому не могут взаимодействовать, становясь для магов

обоих миров лишь безвредными выплесками, вроде дуновения ветра. Ничего этого жрецы не рассказывали. И вот теперь еще и Дальгард намекнул, что с их Огнем что-то не так.

— Что-то меня утомили наши рифмоплеты, — вдруг произнес лорд-маг.

Рик опустил на него взгляд, и Дальгард подмигнул аниторну. Вышло у него это так по-мальчишески беззаботно, что Илейни ощутил оторопь, рассматривая короткое мгновение смешинки в глазах пожилого мужчины. Но вот смешинки исчезли, глаза закатились, и Дальгард стремительно побледнел, хватаясь за грудь.

— Тибод, — окликнул его Риктор.

— Душно, — прохрипел тот, сползая на пол. — Выведи... воздух...

— Что там? — Лорния уже спешила к ним. — Лорд Дальгард, что с вами? Вам дурно? Целителя!

— Не надо, — прошелестел лорд. — Мне нужен воздух.

Илейни подхватил Дальгарда, помогая встать на ноги, и тот обвис на плече молодого товарища тяжелым кулем. Дыхание со свистом вырывалось из горла, ноги мужчины еле передвигались, но он упорно отказывался от помощи целителя и просил вывести его на воздух. Вздохнув с досадой, Ее Величество отпустила обоих лордов, Ледагард провожал из завистливым взглядом.

— Продолжайте, благородные лорды, — донесся до Рика сухой голос недовольной королевы.

После двери ее покоев закрылись, и аниторн повел Дальгарда на большой балкон. Пожилой лорд еще некоторое время хрипел так, словно каждый вздох его мог стать последним, затем тяжесть его тела стала исчезать с плеча Илейни, и вскоре довольный собой пройдоха выпрямился окончательно. Риктор насмешливо приподнял брови и усмехнулся:

— Тибод, я провозглашаю тебя победителем этого вечера. Твоя поэма «Предсмертные страдания» превзошла все, что мы успели услышать сегодня.

— Я мог бы стать актером, если бы не родился лордом, — с ироничной ухмылкой ответил Дальгард. — Прогуляемся? У тебя есть вопросы, и тебе не терпится их задать, не так ли?

— Боги щедро одарили тебя, — улыбнулся Рик. — И прозорливость была в числе их даров.

— Боги меня не обидели, мою юный друг, — рассмеялся Дальгард, и лорды направились прочь из королевского дворца.

Глава 17

Старое зеркало блекло светилось, ловя гладкой поверхностью лунный свет, щедро лившийся в окно. Эрхольд стоял в дверях с кубком в руках и рассматривал дверь в мир мертвых. На губах его играла кривоватая усмешка предвкушения. Сделав большой глоток, он отшвырнул кубок, и тот с неприятным звоном ударился о стену, упал на пол и покатился, продолжая вносить какофонию в ночную тишину. Поморщившись, Дархэйм отпустил Силу, и черная дымка окутала кубок, с легкостью корежа золото, сминая, превращая в труху.

Мужчина прикрыл глаза, и тело его скрылось в клубящейся черноте, а когда она схлынула, вместо светловолосого лорда-поэта, недавно вернувшегося из покоев королевы,

стоял черный лорд. Губы его поджались в жесткую линию, в глазах не осталось и толики ироничного блеска, присущего фальшивой личине. Лицо Эрхольда исказила гримаса отвращения, и он стремительно пересек кабинет, приближаясь к окну. Распахнул его и глубоко вдохнул ночной воздух.

Дархэйм еще пару раз с силой втянул носом воздух, шумно выдохнув, чем напомнил сам себе пса, усмехнулся и отошел от окна. От чужой личины, казалось, зудела кожа, хотелось разнести дворец в пыль, не оставив о нем даже воспоминания, но приходилось продолжать играть роль человека, чей норов был чужд самому Эрхольду. Все эти ужимки, заигрывания, подобострастные улыбочки шуту-монарху, питавшему странную слабость к своему новому аниторну. Терпеть дураков, окружавших его, подталкивать, подсказывать, внушать, было невыносимо. Дархэйм привык приказывать и карать заслушание, сейчас же он был вынужден использовать только человеческие возможности и интриговать, не используя свою Силу.

Бездна! А ведь ему нужно всего лишь попасть в королевский архив! Ради этого он столько прозябает во дворце, натянув чужую личину. Он опутал паутиной половину двора, шаг за шагом приближаясь к заветной цели: получить доступ в архив, найти необходимое ему в старых свитках и завершить начатое много лет назад. Но приходится сдерживаться, выжидать, чтобы не вызвать подозрений.

А все из-за проклятого Илейни, который никак не мог убраться из дворца. Вот уже три дня прошло с тех пор, как он должен был отправиться на Побережье, развязав Дархэйму руки, но остался во дворце и теперь просиживает там, где должен был находиться сам Эрхольд. Более того, Илейни каким-то непостижимым образом смог выйти на его след. А его проклятый дракон настораживался, стоило пройти невядалеке от него, втягивал носом запах и рычал, словно цепной пес. Его хозяин не понимал тревоги своего летуна, но весь подбирался и начинал озираться, отыскивая причину раздражения дракона. Эрхольду порой казалось, что еще немного, и аниторн поймет, что ему говорит великан, закованный в чешую.

И новая попытка добраться до Риктора Илейни увенчалась полным провалом. Он не смог пробиться! Тело анитора теперь покрывал искусно сплетенный панцирь из родной Дархэйму Силы. Он был невиден обычному глазу, даже не проявился, когда удар настиг спину ненавистного лорда, но Эрхольда ударило отдачей, оглушив на несколько мгновений, и он палился в спину так ничего и не почувствовавшему аниторну. Это было невероятно! Неправильно! Кто-то защитил Илейни, кто-то, в ком была кровь Виллианов.

С того дня подозрения не давали покоя черному лорду. Но поверить в то, что Виалин жива, и аниторн попал напрямик к ней, оказалось еще невероятней, чем осознать, что в этом мире есть еще кто-то, в ком имеется часть сущности Виллианов. И все же... Нутро сводило от не отпускавших подозрений, дыхание обрывалось, как только возникала одна единственная мысль:

— Жива...

Нет! Невозможно! Она не могла водить его столько лет за нос. Не могла притворяться духом, он бы понял. Не мог не понять! Только не он, не Эрхольд Дархэйм, чувствовавший себя в мире мертвых, как у себя дома. К Бездне! Он создал свой собственный потусторонний мир, населив его множеством душ, став их властителем. Повелевал, использовал, пил, насыщаясь жизненной силой, сохранявшейся в бесплотных созданиях. Он стал богом в созданном им мире, и что теперь? Поверить, что девчонка, всегда уступавшая ему в силе,

оказалась умней и хитрей? Осознать, что переиграла там, где Эрхольду не было равных? И все же!

— Жива...

Дархэйм приблизился к креслу, стоявшему перед зеркалом, закинул ногу на ногу и снова недобро улыбнулся. Зеркало отразило необычайно красивого мужчину, поглаживавшего длинными изящными пальцами подлокотники кресла. И все-таки красота его была странной, хищной, непривычной глазу, чужой. Он мог бы иметь большой успех у женщин, если бы Эрхольд пожелал этого. Но ему всегда хватало одной любовницы, с которой мужчина удовлетворял свои потребности, получая необходимую ему разрядку. Порой отпускал на свободу свою темную сторону, и его ласки становились болезненными и пугающими, но по-настоящему страсть его не вспыхнула ни разу. Она принадлежала только одной женщине, но оказалась не нужна ей.

— Виалин, — тонкие губы правильной формы сложились в любимое и ненавистное имя одновременно. Пальцы сжались, и мгновенно заострившиеся ногти вспороли обшивку подлокотников. Эрхольд отмахнулся от ненужных сейчас переживаний. Поза его стала расслабленной, и мужчина произнес свое самое любимое заклинание: — Виалин Шагерд, призываю тебя.

Она не спешила, но Дархэйм знал, что придет. Сегодня он не тревожился, не испытывал волнения. Скорей, предвкушение, и это чувство было приятным. Эрхольд едва заметно улыбнулся, когда увидел, как в зеркальной глубине зародилась дымка — предвестница ее приближения. Он спокойно следил за приближением духа, чувствуя отзвук наслаждения при взгляде на силуэт строптивой кошки, строптивой мертвой кошки, чьи коготки уже не могли ранить так сильно, как раньше... или могли?

— Зачем ты снова тревожишь меня? — как обычно, равнодушно спросила призрачная женщина.

— Я скучал, Виалин, — почти искренне ответил Дархэйм.

Последние дни ему было не до скуки. Днем он собирал жизненную силу человеческих душ, пользуясь временным затишьем в своих устремлениях, ночью возрождал тело покойницы, окончательно подчиняя душу служанки, сломавшейся в первый же день жизни в новом теле.

— И еще... — Эрхольд помолчал, предвкушая главное блюдо сегодняшней ночи. — Мне есть, чем тебя удивить.

— Духу не подвластны чувства, — она смотрела сквозь с него с ледяным равнодушием.

— Да, разумеется, — согласно кивнул мужчина. — Но они подвластны живым. И я почти счастлив, Виалин. Я хочу, чтобы ты поделила со мной мою маленькую радость.

Дух, недавно покинувший зеркальную гладь, вновь приблизился к ней, намереваясь исчезнуть.

— Не спеши, сердце мое, — улыбнулся черный лорд. — Взгляни лучше на то, чем я теперь владею. Милая, — позвал он, и из темноты шагнуло телесное отражение духа.

Черные глаза смотрели почти с тем же равнодушием, не удивляясь тому, что перед ними парит призрак. Узкая изящная ладонь накрыла мужское плечо, Эрхольд прогладил теплую живую кожу кончиками пальцев, после сжал своей ладонью и рывком усадил черноволосую женщину себе на колени.

— Она прекрасна, правда, Виалин? — спросил Эрхольд и рассмеялся, глядя, как маска ярости искажает равнодушные черты призрачной женщины. Глаза ее полыхнули

ненавистью, и Виалин зашипела:

— Ты ополоумел, Эрх? За какой Бездной ты издеваешься над моим телом?!

— Издеваюсь? О, нет, сердце мое, я наслаждаюсь им.

Ладонь лорда накрыла затылок тела Виалин, и он притянул ее к себе, с упоением целуя податливые губы, открывшиеся ему навстречу. А через мгновение до настоящей Виалин донесся тихий женский стон.

— Ублюдок! — прогремел ее голос, наполнившись красками. — Мерзкий выродок, не смей прикасаться к моему телу!

Эрхольд замер. Сердце пропустило удар. Дыхание вдруг оцарапало гортань, словно кто-то провел в глотке когтистой лапой. Мужчина столкнул с колен тело Виалин и вскочил на ноги.

— Ты, — прохрипел он. — Лживая тварь, ты жива. Жива!

Дух дрогнул, отлетел к зеркалу, и Дархэйм бросился следом, словно надеялся ухватить ускользающую тень.

— Ты жива, Виалин! Ты жива! — Ладони с размаха впечатались в холодное зеркало. — Ты провела меня, дрянь! Ты живая! Где ты прячешься? В каком теле живешь? Отвечай!

— У тебя нет надо мной власти, — донесся до него насмешливый голос.

— Я найду тебя, слышишь? Я найду тебя, Виалин! Тебе не скрыться от меня! — Эрхольд прижался лбом к стеклу и закончил тише. — Тебе не избавиться от меня, Виалин. Ты — мое сердце.

— Эрх, — услышал лорд низкий, чуть надломленный женский голос, и обернулся, глядя на желанное некогда тело. — Мне страшно, Эрх. Ты кричишь.

— Молчи! — чеканно приказал Дархэйм и отвернулся, не желая сейчас видеть свое создание. — Молчи, подделка.

* * *

Вой разъяренного каяра взбудоражил затихших к ночи зверей. Белый хищник метался под окнами сторожки, бросаясь на дверь и стены. Он рвался внутрь, скребся лапами в окно, умоляя пустить его. Глаза зверя полыхали в темноте красными огнями, жутковатые зубы обнажались в оскале, шерсть встопорщилась на загривке, предчувствуя беду. Каяр хотел помочь, защитить, но не понимал, от кого. Его хозяйка пребывала в еще большей ярости, уничтожая свое маленькое жилище.

Звук бьющейся утвари, доносился до зверя, изрывшего рыхлую землю мощными когтями. Надрывный крик женщины, в котором смешивались, злость, ненависть, отчаяние и страх, заставил Лоэля зарычать и снова броситься на дверь в желании снести ее своим телом. Но дверь неожиданно распахнулась, едва не сбив самого каяра, и на пороге появилась Фиалка. Зверь поднял к ней морду, жалобно подвывая, но попятился и упал на брюхо. Глаза женщины затопила тьма. Голодная, жалящая, затягивающая в бездонный омут, угрожающая, вселяющая страх тьма.

— Эр-р-рх, — ненавистное имя вырвалось из ее груди глухим рычанием. — Твар-рь.

Каяр подполз к хозяйке, не отводя горящего взгляда от ее лица. Ему нужно было лишь ее указание, всего один жест, и зверь готов был рвать в клочья того, кто вызвал ее гнев. Но затворница прошла мимо верного Лоэля, даже не потрепав его по голове, как всегда делала,

если каяр подходил к ней. Она стремительно приблизилась к деревьям, окружавшим маленькое убежище, и бесшумной тенью исчезла в темноте.

Белый зверь некоторое время смотрел туда, где Фиалка растворилась в темноте, словно слилась с ней, сама став черной дымкой, после нерешительно поднялся на лапы и осторожно побрел следом. Он чутко вслушивался в шорохи никогда не засыпающего леса, принюхивался, тревожно водил узкими острыми ушами, но вскоре не выдержал и сорвался следом, спеша догнать женщину.

Он пробежал между деревьями, снова притаился прислушиваясь, и вышел на границу луга. Хозяйку Лоэль не увидел, на лугу ревел смерч, закручиваясь черной воронкой освобожденной Силы. Он разрастался, набирая обороты, поднимался выше, уже доставая верхушки деревьев, гнувшихся под напором неудержимой мощи. Листва и срывалась с ветвей, увлекаемая в силов смерча, ломались сучья, но их оглушительного треска не было слышно за ревом Силы. Птицы и звери спешили убраться подальше от смертельно опасной воронки. И только белоснежный каяр замер на границе леса и луга, не желая покидать хозяйку. Он улегся на траву и настороженно следил за черной раскручивающейся спиралью.

А в центре воронки стояла хрупкая рыжеволосая женщина с глазами, заполненными тьмой. Она стояла вскинув кверху руки и подняв лицо к небу. Подол платья, покорный ветру, метался из стороны в сторону, задираясь и обнажая стройные, широко расставленные ноги. Лента давно слетела с волос, и теперь они хлестали женщину по спине, плечам, лицу. Но она не замечала, ничего не замечала, все больше погружаясь в воспоминания, и по бледному лицу текли слезы...

— У нас все получится, Ви.

Дорб стоял за ее спиной, ласково поглаживая обнаженные плечи широкими теплыми ладонями. Его дыхание слегка шевелило волосы у виска. Мужчина поцеловал ее, и Виалин закрыла глаза, впитывая легкие касания жестких губ. Руки Дорба сошлись на ее груди, сильнее притискивая к его телу, и подбородок накрыл черноволосую макушку женщины. Они замерли так на какое-то время. Молчали, глядя в окно очередного временного жилища, куда привела их дорога.

Бегать и прятаться надоело. Эрх раз за разом находил беглецов, приближался, и снова исчезали, зная, что придет время, и отголоски его гнева долетят до них. Виалин судорожно вздохнула и развернулась, лицом к своему мужу. Она поймала взгляд светло-зеленых глаз, прикрытых опушкой рыжеватых ресниц. Дорб смотрел на нее, не отрывая взгляда, и в глазах его плескались любовь и нежность. Он не чаял души в своей молодой супруге, и женщина знала это, принимая чувства мужчины с благодарностью и отвечая со всей страстью, на которую была способна.

Шагерд не был красив и на сотую долю, как его друг Эрхольд Дархэйм, но черты его дышали мужественностью, скрытой силой, и Виалин наслаждалась ощущением своей защищенности рядом с Дорбом. Лгнула к нему, тянулась, как цветок за солнцем. Любовалась чуть волнистыми каштановыми прядями, часто играя с ними, наслаждалась, глядя на широкоскулое лицо с тяжелым подбородком. С удовольствием проводила невидимую линию кончиком пальца от широкого лба, между густыми бровями через нос с маленькой горбинкой, обрисовывала жесткие губы и заканчивала линию на подбородке, царапаясь о небольшую щетину, успевшую отрасти за ночь.

Любила ли она того, кто помог ей бежать, став защитником, зная, что расплатой будет смерть? Да, любила. И благословляла каждое мгновение, проведенное с Добрбертом. Они

наверное, могли бы быть счастливы до конца своих дней, если бы... Впрочем, тогда они верили, что будут счастливы долго, и часто представляли, какими будут их дети, сколько их будет...

Надрывное рыдание вырвалось из груди женщины, и смерч взревел еще сильнее, вырывая с корнем одно из ближайших деревьев, ломая пополам второе. Фиалка, закрыла глаза, стискивая зубы до ломоты в челюсти, вспоминая их последнюю ночь. Кажется, никогда еще Виалин не сгорала так, как в те последние мгновения их страсти, отчаянной, болезненной, обреченной...

— Все получится, — повторил Дорб. — Вот увидишь, скоро он от нас отвяжется, и мы вздохнем полной грудью. Уйдем в тихое место, где будем только ты и я.

— В лес, — улыбнулась Виалин. — Хочу в лес.

— Значит, в лес, — он рассмеялся и склонился к приоткрывшимся навстречу женским губам.

Ее ладони скользнули по широкой груди мужчины, чувствуя, как под пальцами ускоряет свой бег преданное любящее сердце. Виалин приподнялась на носочки, прижимаясь к мужу всем телом, ловя его дыхание, ставшее сейчас прерывистым, огладила плечи и запустила пальцы в чуть жестковатые волосы. Она задохнулась, когда кольцо рук Дорба сузилось настолько, что стало тяжело дышать. А через мгновение он приподнял женщину, и она оплела его талию ногами, скрестив их за спиной.

Не разрывая поцелуя, мужчина донес свою молодую жену до неширокой грубой кровати и уложил на спину, нависнув сверху. Виалин снова потянулась к его губам, но Дорб оторвал от своей шеи женские руки, сжал оба запястья одной ладонью и завел их за голову женщины. Вторая ладонь мужчины заскользила по телу Виалин, задев напряженные от возбуждения соски, огладив плоский живот, бедро. Затем накрыли увлажнившиеся губы ее лона, погладили средоточие ее желание, и женщина, застонав, выгнулась ему навстречу.

Губы Дорберта поймали ее стон, заглушив поцелуем. Он целовал ее шею, грудь, оставляя красные отметины. Играл языком с сосками, втягивая их в рот, прикусывал, снова ласкал языком, доводя Виалин до неистовства и не позволяя освободиться от хватки и ответить ему. И когда ее тело выгнулось дугой, подвластное оргазму, обжигающим жаром пронесшимся волной в крови, мужчина вновь поймал изломленный в сладостном крике рот, терзая немного жестким чувственным поцелуем.

Он вошел в нее, не давая выдохнуть от едва схлынувшего удовольствия. Тугой напряженный член заполнил лоно Виалин, заставив ее вновь вскрикнуть и податься навстречу. Дорб почти покинул ее тело, неспешно скользя между влажных стенок, а после рывком вошел вновь, наконец, освободив руки жены. Он нависал над Виалин, продолжая свои двигаться в ней, то наслаждаясь неспешным скольжением, прикрыв глаза и откинув назад голову, то начинал вбиваться в ее тело, жадно следя за тем, как искажалось гримасой страсти красивое лицо женщины. Стонал, ощущая, как ее ногти впиваются в кожу. Снова подводил к черте, за которой начинался упоительный полет к наслаждению, но замирал, так и не дав ей сорваться, вновь возобновляя мягкое скольжение, сводя с ума поцелуями, сменяя почти невесомые касания на жесткие засосы. Облизывал губы Виалин, ловил ее язык. Смеялся, когда все еще голодная женщина прикусывала его губы, подбородок, плечи. Впивалась ногтями в ягодицы, яростно шипела, вынуждая двигаться быстрее и жестче.

И он отвечал на ее желания, сгорая в огне, в котором пылала Виалин. Упивался ее наслаждением, а после сорвался сам, задыхаясь от невыносимой щемящей нежности, когда увидел ее еще затуманенный страстью, но благодарный взгляд...

Фиалка упала на колени, и смерч начал таять, расползаясь по ночному лугу рваными клочья черного тумана. Руки безвольно опустились вниз, плечи поникли, и рыдания перешли в судорожные всхлипы, а вскоре и они затихли. Женщина уперлась ладонями в землю, склонила голову и теперь мерно раскачивалась, продолжая вспоминать то, о чем старалась не думать последние четыре года, с тех пор, как...

Бежать было легко, предвкушение скорого освобождения подстегивало, рождая охотничий азарт, который не должна чувствовать преследуемая дичь. Но охотником в тот день была именно она. Виалин бежала к утесу, нависшему над рекой. Именно там она определила место встречи со своим преследователем. Она позволила Эрху найти их следы с Дорбом, и сейчас почти не скрывалась, выставив для Дархэйма ловушки, которые он с легкостью уничтожал, приближаясь с неотвратимостью самой судьбы.

Скоро... Совсем скоро все закончится, и начнется настоящая жизнь, в которой не будет болезненной страсти Эрхольда Дархэйма, не будет его признаний, не будет попыток подчинить, не будет взгляда, рвущего душу безысходностью. Еще немного, еще... Главное, чтобы поверил. Боги, пусть он поверит! Пусть увидит то, что Виалин хочет показать, а потом...

Потом она перенесется туда, где ее ждет Дорберт. Будет пробуждение, осознание и глаза супруга, в которых она увидит знакомый свет, потянется к нему, чтобы оказаться в заботливых объятьях. Будет поцелуй, их первый поцелуй свободной жизни, жизни без Эрхольда Дархэйма. Первый поцелуй в первый день настоящей свободы.

— Да, — выдохнула Виалин, выбегая на утес и жмурясь от собственных мыслей.

Она не боялась предстоящего. Боялась только, что что-то может пойти не так, и тогда придется все начинать сначала. Но нет! Нет. Даже мысли такой нельзя допускать, потому что все пройдет, как надо. По-иному просто не может быть. Они заслужили право быть счастливыми. Она заслужила жить так, как хочет!

— Кажется, бежать дальше некуда, сердце мое, — услышала она вкрадчивый голос, говоривший с нескрываемой насмешкой.

Виалин порывисто обернулась, взметнув подол легкого платья. Она подняла взгляд на его лицо и вздрогнула от огня, полыхавшего в его взгляде. Женщина увидела в его льдистых глазах голод, предвкушение, обещание расплаты за вероломство. Губы Эрха кривились в ироничной ухмылке.

— И что будешь делать сейчас, любимая?

— Не смей меня так называть, — слова вырвались шипением.

Он сделал в ее сторону один шаг и снова остановился, склонив голову к плечу. Взгляд, словно голодный зверь, метался по лицу Виалин, блуждал по телу, ощупывал, опалял кожу почти ощутимыми касаниями. Женщина сжала кулаки, дыхание стало тяжелым и хриплым. Захотелось прыгнуть с обрыва прямо сейчас, чтобы речная вода смыла с ее тела и души осадок от его взгляда. Но она осталась стоять на месте, стараясь думать о муже, ждавшем ее в условленном месте, где ее находилось ее будущее, их будущее.

Эрхольд снова сдвинулся с места, лениво, тягуче, и это вызвало холодок страха и

сомнений в успехе задуманного. Виалин вдруг подумала, что затея была глупостью, и у нее ничего не получится. Дархэйм сильнее, он более опытен, и он жаждет мести. А еще он хочет заполучить ее, хоть и не имеет на это права. Виалин на мгновение прикрыла глаза, слушая звук бегущей реки, щебет птиц, шелест листьев на деревьях, окружавших утес. Она с наслаждением ощутила касание теплого ветра, подняла голову, и солнечный свет ослепил даже сквозь закрытые веки. Жизнь окружала ее, спокойная, размеренная, такая, о какой всегда мечтала Виалин. И она успокоилась, возвращая себе уверенность и веру в будущее.

А когда открыла глаза, Эрхольд был уже совсем близко. Он, не мигая, смотрел на нее, вновь ощупывая взглядом нежные черты самого идеального лица, какое только могли сотворить Боги... или Бездна. Виалин не успела увернуться, и мужчина сжал ее плечи, до боли стиснув пальцы.

— Ты, — хрипло выдохнул он. — Ты изменила мне.

Губы Виалин тронула кривоватая ухмылочка, в глазах отразилась насмешка, и изящные дуги бровей взметнулись вверх, обозначая изумление:

— Как я могла изменить тебе, Эрх? Ты, верно, потерял последние крупички своего разума?

— Ты вышла замуж, Виа, — в его голосе отразилась мука, терзавшая Дархэйма. — Ты стала женой Шагерда. Я знаю, Ви, я все знаю.

— Леди Виалин Шагерд к вашим услугам, лорд Дархэйм, — ее губы растянула издевательская улыбка, и женщина склонила голову в поклоне.

А когда снова посмотрела на Эрхольда, ощутила неожиданное злорадство, глядя на перекошенное гневом лицо. И даже успела прикрыть глаза, когда ожидаемая пощечина опалила щеку. Теперь Виалин уже не сомневалась, что у нее все получится. Она пошатнулась от удара, но мужчина удержал, вновь сжав ее плечи. Виа осклабилась, с вызовом глядя ему в глаза.

— Ты был прав, Эрх, страсть — это так приятно, — произнесла женщина, не сводя взгляда с глаз Дархэйма. — Хочешь, я расскажу тебе, как прошла моя первая ночь? О, Эрх, это было упоительно. Я кричала от удовольствия, умоляла Дорба не останавливаться. Он был во мне, Эрх, он столько раз был во мне. Это такое упоительное чувство, ощущать в себе любимого...

— Заткнись, дрянь! — заорал он, и Виалин вскрикнула, когда Эрхольд снова ее ударил.

В этот раз он ее уже не удерживал, и женщина упала на землю. Она откинулась назад, ощущая спиной пустоту, но Дархэйм рывком вновь поставил ее на ноги, обхватил лицо ладонями, прислонившись лбом к ее лбу.

— Зачем ты злишь меня, Виа? Зачем заставляешь делать тебе больно? — почти простонал мужчина. — Ты же знаешь, как я ненавижу причинять тебе боль. Зачем ты доводишь меня? Неужели твоя ненависть так велика? Ведь ты же любила меня, вспомни. Вспомни, как нам было хорошо вместе. Мы были вдвоем, только ты и я. Вспомни, как ты обнимала меня, как говорила, что всегда будешь рядом. Вспомни, сердце мое...

Она отпрянула, но Эрхольд удержал. Он хмурился, глядя на маленькую кровь, выступившую на нижней губе Виалин. После склонился и, удерживая ее голову за затылок, слизал солоноватую красную жидкость, прерывисто вздохнул и накрыл ее губы своими губами, целуя с жадностью голодного зверя, причиняя боль и все больше пьянея от привкуса ее крови. После оторвался, тяжело дыша и, кажется, не замечая отвращения Виалин.

— Люблю тебя, — прохрипел он.

— Ты безумен, Эрх! — закричала женщина, остервенело вытирая губы.

— Ты мое безумие, Виа, — все так же хрипло ответил Дархэйм, сжал ее лицо ладонями, покрывая его быстрыми поцелуями. — Я болен тобой, Виалин.

— Но ты не...

— И я не отдам тебя никому, сердце мое, — прервал ее Эрхольд. — Ты только моя, Виалин, и только для меня. Ты это знаешь, всегда знала...

— Нет! — она ударила его наотмашь, затем еще раз и еще.

Дархэйм перехватил запястья женщины, не позволяя бить себя. Она с яростью пнула его, как могла сильно. Но и это не помогло освободиться. И тогда Виалин призвала Силу. Эрхольда снесло с ног, отшвырнув к деревьям. Он тут же вскочил на ноги, склонив голову и глядя на женщину исподлобья. Губы мужчины растянулись в улыбке больше похожей на оскал, и Виалин подумала, что он похож на зверя даже больше, чем любой из ее каяров, оставшихся в родном лесу.

— Сопровивляешься, любимая, — глухо произнес Эрхольд.

— Я верна своему мужчине, — усмехнулась она, настороженно следя за Дархэймом. — Женщина обязана блюсти честь своего мужа. И я не позволю всяким выродам прикасаться к себе безнаказанно.

— Выродам?! — прогремел голос взбешенного мужчины. — Ты меня называешь выродом?

Виалин фальшиво поежилась.

— Ой, как страшно, — фыркнула она. — А кто ты, Эрх? Я хотя бы чувствую себя человеком. А ты? Кто ты, Эрх? Не человек и не Виллиан, так, ублюдок... выродок.

Она издевательски расхохоталась, всхлипывая и выдавливая:

— Бедный-бедный Эрх... Безумный выродок...

Треск его одежды женщина не слышала. Как не увидела, как распахнулись кожистые крылья, и Виллиан взмыл в воздух, окруженный всполохом черной Силы, свернувшейся в жгуты. Эрхольд взметнул руку, и извивающиеся «змеи» помчались к Виалин, ворвались в грудь, оплели, стиснули, и она захлебнулась собственным смехом. Захрипев, женщина упала на колени. Глаза ее распахнулись, и сквозь пелену боли, она увидела парившее над ее головой чудовище.

— Ты, — сипло произнесла она, — смог...

— Да! — теперь рассмеялся Дархэйм, наслаждаясь ее изумлением и болью. — Смог.

Виалин попыталась освободиться, но он был сильнее, намного сильнее.

— Сколько душ ты выпил, Эрх? — спросила она, продолжая сопротивляться.

— Много. — Эрхольд сделал едва заметный жест, и женщина взмыла вверх, вновь поднятая с земли его Силой. Когтистые пальцы сжались на ее талии. — Так кто я, Виалин?

— Убийца и выродок, — выплюнула она в изменившейся лицо Дархэйма. — Ненавижу тебя, Эрх. Ненавижу! Всегда буду ненавидеть и презирать.

Черная ярость затопила его глаза, лишая их белков. В его взгляде не осталось ничего человеческого. Виалин смотрела в глаза Дархэйму и видела бездну, страшную, ледяную, мертвую...

— Ты ужасен, — выдохнула она. — Настоящее чудовище. Мерзкое чудовище...

— Лживая дрянь, — зашипел Виллиан, сжимая руки. Хруст ее костей слился с новым надрывным криком. — Всегда ею была.

— Будь ты проклят, — застонала Виалин, чувствуя, как осколки костей вонзаются в

плоть, в легкие, пробивают сосуды. А Виллиан все сжимал и сжимал руки, не замечая в своей ярости, что убивает ее.

«Еще немного», — с облегчением подумала женщина. — «Еще совсем немного...»

— Я никогда не буду принадлежать тебе, — прохрипела она, захлебываясь кровью, хлынувшей изо рта. — Ненавистный, отвратительный...

Осколок ребра добрался до сердца, вонзился в него, и Виалин умерла. Уже уходя в мир мертвых, она услышала рев Виллиана, осознавшего, что он натворил, и этот рев показался ускользающей душе сладкой музыкой. Дух Виалин скользил знакомой тропой, пробираясь сквозь сумрак потустороннего мира. Плыл между тенями людей и нелюдей, спеша миновать запретную для живых грань. Впрочем, она уже не была живой, не была гостьей, теперь Виалин Шагерд стала законной обитательницей мира мертвых, но...

Она вырвалась из сумрачных пут, пройдя подготовленной ею и Дорбом дорогой, и вернулась в мир живых, где уже стала лишней. Но ее ждали, и это не позволяло душе передумать и покориться притяжению ее нового дома. Виалин скользнула в тело, которое подготовил для нее Дорберт — темный маг, не позволив разложению испортить новоеместилище для своей жены.

Виалин распахнула новые, светло-голубые глаза, пытаясь понять, кто она, где находится. Смерть не отпускает сразу, и ее холод еще сковывал тело утонувшей дочери старосты. Но вот Сила закружилась в остывшей крови, заставляя течь все быстрее, выравнивая удары уснувшего, казалось, навеки сердца. Легкие наполнились воздухом, и Виалин шумно вздохнула. Она села, разглядывая свои новые руки, ощупала незнакомое тело, дотронулась до распущенных волос. После огляделась и нахмурилась, не понимая, чего ей не хватает... кого не хватает.

— Дорб, — голос оказался незнакомым, слишком высоким.

Но Виалин тут же забыла о голосе. Она прыгнула на пол со стола, на котором лежало тело, покачнувшись и уцепилась за край стола, сползая на пол. Ноги еще не держали. Но вскоре появились иголки от восстанавливающего кровотока, и женщина закричала. Онемение проходило слишком медленно, слишком болезненно.

Виалин стиснула зубы и ждала, когда все пройдет. И когда смогла встать на ноги, ее взгляд упал на зеркало, которое стало для нее дверью в мир живых. Из отражения на нее смотрел совсем другой человек. Девушка, возраст которой уступал настоящему возрасту Виалин. Женщина дотронулась до лица, провела пальцами по веснушкам, дотронулась до губ, провела ладонью по тонкой шее, где билась синяя жилка, затем прерывисто вздохнула и снова позвала:

— Дорб.

Он не отозвался. Виалин вышла из охотничьего домика, где ее должен был ждать супруг. Ветер растрепал распущенные волосы, ласково коснулся потеплевших щек и помчался дальше, играя с травой, путаясь в древесных кронах. Все так же щебетали птицы, по-прежнему солнечные лучи устремлялись к земле, согревая ее. Мир дышал благодатью, только...

— Дорберт, — дрогнувшим голосом позвала Виалин, ежась, словно от холода.

Предчувствие. Оно пускало в душу ядовитые споры страха, сковывало ледяным панцирем сердце, убивало тишиной.

— Дорб! — в отчаянии закричала женщина. — Дорб!!!

Никто не отозвался. Ее мужа здесь не было, а это могло означать, что...

— Нет! — вскрикнула Виалин. — Нет-нет, не надо!

Она бросилась назад к охотничьему домику, с замирающим сердцем посмотрела в зеркало и позвала:

— Дорберт Шаггерд, призываю тебя...

У Виалин не было силы и власти, как у Эрхольда Дархэйма, она не отбирала силу жизни у людей, лишь черпала понемногу, но теперь она принадлежала миру мертвых, и это дало ей возможность снова распахнуть закрывшуюся дверь.

— Дорберт Шаггерд, призываю тебя.

Зеркало ответило равнодушным отражением стола, с которого Виалин слезла совсем недавно, стенами, образом женщины, застывшей в напряжении напротив. Виа уже готова была вздохнуть с облегчением, душа не отозвалась, значит, ее нет... И тогда зеркальная поверхность потемнело, замутилась, словно ее обдали горячим паром, и женщина увидела приближающуюся тень.

— Дорб, — застонала она, закрывая лицо ладонями. — Как же так...

Он не мог выйти, потому остановился за зеркальной гранью, глядя на Виалин.

— У тебя получилось, — услышала Виалин шелест бестелесного голоса. — Смогла...

Женщина приблизилась к зеркалу, приложив к нему руки, и дух ее мужа накрыл ее ладони с той стороны. На его губах обозначилась легкая улыбка, но в призрачных глазах плескалась грусть, душа пока еще чувствовала...

— Прости, — снова заговорил дух. — Он почти нашел охотничий домик, я увел, сбил со следа.

— Проклятый Эрх, — снова застонала Виалин, прижимаясь щекой к холодному зеркалу. — Убийца. Зачем мне это тело? Зачем мне жизнь, если тебя не будет рядом.

Плечи дрогнули от беззвучных рыданий.

— Живи, — услышала она и вскинула голову, глядя на Дорба. — Я подарил тебе обновку, хочу, чтобы ты носила ее.

— Хочу к тебе, — мотнула головой Виалин.

— Я не жду тебя, — покачал головой призрак. — Не дай ему выиграть. Живи за нас двоих.

— Дорб... — голос женщины сорвался, и она закончила шепотом: — Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, Ви, — прошелестел он. — Отпусти, мне тяжело.

— У меня не будет другого мужчины, Дорб, — воскликнула Виалин, хватаясь за последние мгновения последней встречи. — Только ты!

— Живи, — ответил призрак, и зеркальная поверхность очистилась, вновь отразив охотничий домик и женщину, больше не сдерживавшую рыдания...

Сила вновь взметнулась, свернувшись в спираль, отразив боль Фиалки, закричавшей в ночное небо. А затем исчез, вернувшись к своей хозяйке. Женщина оборвала воспоминания, поджав губы в жесткую линию. Она ожесточенно мотнула головой, избавляясь от пережитого. Хватит! Эрхольд Дархэйм больше не заставит ее страдать. Хватит.

Фиалка огляделась, только сейчас понимая, что стоит посреди луга, усыпанного поломанными сучьями деревьев. Увидела уничтоженные деревья и растерянно прошептала лесу, ставшего ей домом:

— Прости...

Затем вытянулась на траве, глядя на безразличные звезды. «Невероятная моя», — шепот

другого мужчины прилетел с ночным ветром, навевая воспоминания, совсем свежие. Фиалка зажмурилась, отгоняя непрошенное видение, но перед внутренним взором вновь и вновь вспыхивали, словно вырванные из книги картинки, краткие мгновения ее знакомства с аниторном Побережья. Вот она собирает траву ночневку, названную так из-за времени ее сбора, но вдруг пространство рвется, и до женщины долетает вой нежити, человеческие крики, тянет смрадом разложения. Она резко распрямляется, и в этот момент из перехода на нее выпадает неизвестный молодой мужчина, придавливая всей тяжестью немаленького тела. Ощущение близости черной Силы ослепляет затворницу, и все стихает. Остается только незнакомец, чья душа уже захвачена злой волей.

Зачем она вмешалась? Могла выбраться из-под его тела, развернуться и уйти, чтобы не выдать себя, потому что уже поняла, как была близка к разоблачению. Но не ушла. Даже не смотрела в лицо незнакомца, опутала своей Силой и поспешила к своему дому, утаскивая за собой его неподвижное каменеющее тело. Спешила, боясь опоздать. Ругала себя, но бросить его не смогла.

А вот он очнулся. Веки дрогнули, тяжело разомкнулись, и мужская рука ухватила за спасительницу за горло. Кажется, тогда она рассмотрела его в первый раз. Глаза, отливающие небесной лазурью, прикрывшиеся черной тенью ресниц, когда его взгляд скользнул ей на шею. Незнакомец рассматривал свою спасительницу, а она, затаив дыхание, впитывала в себя осторожное касание его пальцев к красным отметинам на шее, оставленные им самим несколько мгновений назад. Она смотрела на него и едва сдерживала желание провести кончиком пальца между бровей, разгладив маленькую складочку, по прямому носу, обвести по контуру губы и остановиться на ямочке на подбородке. Прядь его волос, скользнувшая юркой змейкой вниз, коснулась щеки Фиалки, и женщина зажмурилась, сгоняя наваждение, заставившее неподвижно лежать, позволяя притрагиваться к себе.

Это разозлило. Она поклялась Дорбу, что в ее жизни больше не будет мужчин, но вот она лежит, боясь вздохнуть, потому что каждое прикосновение рук незнакомца отдается трепетом в сердце. Фиалка не хотела нарушать своей клятвы, и она изо всех сил старалась удержать Риктора Илейни, ворвавшегося в ее жизнь так резко, так неожиданно, на расстоянии, но...

Следующая картинка всплыла в памяти. «Согрей меня, Рик...»

— Рик, — прошептала Фиалка и смяла в ладонях траву, как тогда, когда он ласкал ее, даруя давно забытую радость наслаждения.

В объятьях его сильных, но таких нежных и умелых рук, женщина забыла о прошлом, забыла о клятве, забыла обо всем. На лугу остались только мужчина, помимо желания, заполнивший мысли Фиалки, и она, отдававшаяся ему со всем пылом, накопившемся в одинокой душе. Аниторн сломал стылый лед, сковавший чувства, выпустил на волю огонь, казалось, уже не тлевший несколько лет, разбудил желание жить.

И это оказалось больно, и все же мучительно сладко... Смотреть на него, зная, что уйдет. Любоваться красивыми чертами, дышавшими благородством, следить за руками, желая снова испытать их силу и власть, прислушиваться ночью к мерному дыханию, изнывая от желания дотронуться, разбудить ласками. Слушать его голос, низкий, мягкий, бархатистый. Подглядывать, как он воркует со своим драконом и в тайне завидовать Гору, потому что его аниторн обнимал не сдерживаясь, в то время, как к ней уже не притрагивался, не желая волновать зверя, по нелепому капризу Судьбы выбравшего Фиалку своей самкой.

Риктор Илейни волновал женщину, и она злилась на себя за то, что не может выкинуть его из головы, что ищет взглядом, что слушает его дыхание по ночам, что мечтает о большем... Она ждала, когда аниторн сядет на дракона и вернется в свою жизнь. Ждала и боялась того мгновения, когда он исчезнет из ее жизни. А еще ревновала. К тем леди, одну из которых он однажды введет в свой замок, к погибшей инверне, к тысячам простых женщин, которые могли стать его ночным утешением. За эту ревность Фиалка злилась на себя особенно сильно, потому что...

— Я люблю его. — Эти слова сами собой сорвались с языка, испугав женщину.

Она не позволяла себе даже думать об этом. Гнала малейшее подозрение на свое истинное отношение к анитору Побережья. Твердила свою старую клятву верности погибшему мужу, закрывалась от самой себя. И все же призналась самой себе, что десять дней жизни под одной крышей с мужчиной не прошли даром. Прежняя размеренная жизнь исчезла, став пеплом под разгоравшимся огнем будущего.

Только что несло с собой это будущее? Своего настоящего имени она не назовет, не признается, что благородного происхождения, а простолюдинке нечего делать рядом с лордом. Грелка в его постели? Для Виалин Шагерд этого было слишком мало, для свобододлюбивой Фиалки и вовсе недопустимо. Каменные стены замка сдавят грудь, лишая возможности сделать полный вдох. Значит, забыть. Рик Илейни не для лесной затворницы. Пройдет время, и эти чувства так же исчезнут, как исчезла боль от потери любимого супруга. Но вдруг новая мысль ослепила осознанием.

— Боги! — воскликнула Фиалка, стремительно поднимаясь с земли.

Эрх! Он понял, что она жива, значит, быстро поймет, кто спас анитора. И как только он осознает, что все это время Рик жил рядом с ней, что сделает несчастный безумец? Да к Бездне! Эрх и так собирается уничтожить лорда Илейни. Опять! Дархэйм снова хочет забрать мужчину, который стал дорог ей.

— Нет, — мотнула головой женщина. — Не позволю.

К чему теперь прятаться? Эрхольд все равно будет искать, и теперь уже точно найдет. Он никогда не отказывается от своих желаний и намерений. И время не уничтожило его страсти. Хватит отсиживаться в норе. Пришло время выбираться из добровольного заточения.

— Не отдам, — решительно произнесла Фиалка и направилась в сторону своего разгромленного домика.

Каяр поплелся сзади, понуро опустив голову. Все менялось, и зверь это чувствовал.

Глава 18

Королевский драконник почти пустовал. Ледагард не умел управляться с драконами и предпочитал выезжать на лошади, потому королевская конюшня, в отличие от драконника, была местом оживленным. В стойлах стояли красавцы разных мастей и пород. Его Величество разбирался в лошадях, любил без памяти и искренно восхищался норовистыми скакунами. Зачастую собственноручно ухаживая за своим Ураганом.

Конюхи завидовали драконоводам, получавшим свое жалование и почти весь день проводивших в праздной лени. В драконнике Ледагарда содержалось всего два немолодых дракона, таких же ленивых, как люди, приставленные смотреть за ними. Их кормили,

чистили, выгуливали раз в день, но великаны, сделав круг над городом, сами спешили в свое обиталище, где, сытые и довольные жизнью, заваливались на бок и так проводили свой день.

Гор, по началу, с любопытством рассматривавший сородичей, вскоре перестал обращать на них внимания. К себе он подпускал драконоводов только, когда они несли корыта с едой, все остальное доверял только своему человеку. Впрочем, Рик по-прежнему проверял еду для своего дракона, так что и тут не обходилось без его участия. И вроде бы все вернулось на круги своя, но перемены, еще неясные, уже вмешались в налаженную жизнь летуна и его человека.

Рик стал молчалив. Он все так же заходил в драконник, здороваясь с Гором, и тот отвечал ему фырканьем, подставляя шею под теплую ладонь. Лорд раздобыл любимые щетки дракона, тщательно намывал чешую, чистил крылья, обливал водой, смывая мыльную пену с любимым запахом Гора, но уже не смеялся залиvistо, когда дракон обдавал его тучей брызг, отряхиваясь. Человек навещал летуна при первой своей возможности, но не рассказывал, как проходит его день. Просто усаживался рядом, рассеянно водя пальцами по телу дракона, обрисовывая чешуйки, и молчал, все время о чем-то думая.

А Гор не настаивал. Он вытягивал на каменном полу шею, закрывал глаза и слушал сопение двух драконов, тихое дыхание человека и мечтал о далеком лесе. Тосковал о самке, оставшейся там. Надеялся, что Рик решит вернуться, но тот уходил, с улыбкой обещая, что скоро они вернуться домой. Гор не хотел на Побережье, как не хотел в Горы. Он хотел в лес, где стояла маленькая сторожка, где витал лучший в мире аромат его самки... их с человеком самки, похожей на человека, но с нечеловеческой сутью.

Это было так странно и необычно, когда стая становится не так важна, как одна маленькая самка. Нет, Гор по-прежнему, заботился о Рике, тщательно обнюхивая его, чутко отмечая, здоров ли, не голоден, не слишком ли устал от своих неведомых забот. И все же горячая душа летуна стремилась прочь из душного пыльного города. Он мог бы улететь даже без своего человека, но опасался оставить его одного, пока еще опасался. Но тоска росла, отравляя сердце дракона чернотой одиночества, вдруг ставшего слишком ощутимым, колючим, злым.

И Рик тосковал по их самке, Гор это знал. Он даже подготовил седло, притащив его со стойки с упряжью, которую человеку подарил наглец, посмеявшийся ударить дракона по носу, и от которого почему-то зависела жизнь Гора. Но Рик унес седло, сказав, что у него сейчас нет времени для прогулок, но обещав, что через пару дней они улетят отсюда. Летун даже топнул в сердцах лапами, обиженно сопел и фыркал, ворча на непонятливого человека.

— Не ругайся, — только и сказал на это Рик.

А как было не ругаться, если глупый маленький дракон, не желал понять главного — нужно быть там, где живет твое сердце! Гор знал эту древнюю мудрость и готов был отправиться за своим сердцем в любое мгновение, а Рик предпочитал какие-то важные дела, живя с кровоточащим осколком в груди, и заставляя так жить большого дракона. Гор даже хотел показать, кто в их стае самый сильный и разумный, но передумал, вспомнив, что человек, принятый им, как сородич-дракон, все-таки остается человеком. И летун снова смирился.

Однако Рик знал древнюю мудрость, но в отличие от своего дракона понимал и другое, что у него есть обязанности, от которых нельзя просто так отмахнуться. Как бы он не тосковал по Фиалке, аниторн продолжал заниматься тем, что сейчас было важнее его чувств. Гор не понимал того, что понимал Илейни. Пока жив полувиллиан, ни Фиалка, ни их

привычная жизнь не в безопасности. Никто не мог сказать, что задумал Дархэйм, к чему стремится, что ему нужно от места прорыва. И чтобы это понять, нужно было узнать все, что произошло в древности.

Он собирал крупницы истины, попадавшихся ему на пути, и слова, сказанные ему прошедшей ночью Тибод Дальгард, Риктор отправил в копилочку новых знаний. Правда, Дальгард обещал рассказать больше, когда Илейни приведет к нему своего дракона, опасаясь случайных ушей, но намек об искусственном создании Огня Рик запомнил. Кроме намека Дальгард сделал молодому лорду еще и маленький подарок.

Когда они уже возвращались назад к дворцу, Тибод достал пузырек на грубом шнурке.

— Возьми это с собой, когда отправишься к старшему жрецу, — сказал он. — Сдается мне, что будет какая-то подлость. Если станет совсем жарко, разбей.

— С чего бы старшему жрецу намеренно вредить мне? — засомневался Рик.

— А с чего бы жрецам вообще поднимать против тебя смуту? — насмешливо полюбопытствовал Дальгард. — И не говори, что из-за пустого гроба. Твоя история интересная, но, — лорд приблизил губы к уху аниторна, — душу не забирает огонь, она идет положенным путем в мир мертвых, и проводник ей для этого не нужен.

Илейни ошеломленно посмотрел на Дальгарда.

— Тибод, ты хочешь сказать, что было разыграно представление, и жрец намерено пытался сжечь себя? — приглушенно спросил он. — Но это же означает, что жрец действовал по наущению...

— Я не могу этого знать, — пожал плечами Дальгард. — Я просто говорю тебе то, что знаю точно. А знаю я, что очищающий Огонь ничего не очищает, душу покойника так уж точно. Ее даже нет в теле, когда проводится ритуал.

— Бездна, — чуть хрипло выдохнул Рик. — Сколько же у меня тайных врагов? Кому еще мое назначение стало поперек горла?

Дальгард развел руками. Он хлопнул молодого лорда по плечу, сочувственно сжав его.

— Завтра поговорим обо всем, — сказал Тибод. — А мой подарок прихвати.

— Благодарю, — кивнул Илейни, пряча пузырек с красноватой жидкостью.

На этом они расстались. Дальгард удалился в свой столичный дом, а Рик направился в драконник. Он прошел мимо двух равнодушных драконов, проводивших человека ленивыми взглядами, остановился напротив Гора и невесело улыбнулся, глядя на своего летуна, глядевшего в дыру под потолком, заменявшее окно. Дракон тяжело вздохнул и потянулся мордой к руке лорда, ткнувшись в раскрытую ладонь носом.

— Грустишь, — сказал Рик, легко пробегая пальцами по чешуйкам. Гор снова вздохнул. — Со всем справимся, и станет легче.

— Пф, — ответил дракон и снова посмотрел на ночное небо, черневшее через круглое отверстие.

— А у меня для тебя сюрприз, — аниторн прижался щекой к драконьему боку. — Надеюсь, он придется тебе по душе. Ах, кабы так... Тогда многое бы стало проще.

— Ар, — Гор полуобернулся, рассматривая своего человека.

— Завтра узнаешь, — улыбнулся ему Рик. Он немного помолчал, затем понизил голос, продолжив: — Знаешь, кажется, у нас с тобой работы прибавилось. С тех пор, как я вернул себе наследие предков, у меня прибавилось врагов. Хотя... может это все один враг, нужно разобраться.

Гор обернулся, уже не спуская взгляда с Рика. Он знал значение слова — враг, и слова

человека дракону не понравились. Кто-то угрожает ему? Осознав, что маленький дракон из его стаи снова в опасности, великан почувствовал тревогу и злость. Тоска, только что сжигавшая его, начала утихать, и ее место заняло волнение. Хвост дракона шлепнулся перед Риком, голова легла с другой стороны, и лорд оказался заключен в кольцо.

— Ты волнуешься? — понял Рик.

— Р-рар-р, — проворчал Гор.

— Не стоит, — мужчина снова улыбнулся. — Мы со всем справимся, да, мальчик?

— Ар-рф, — ответил дракон, шлепнув по полу хвостом еще раз.

— Мне нужно идти, глаза слипаются, — Гор поднял голову, и Риктор снова обнял его за шею. — Завтра мы, наконец, вернемся домой. Там у нас тоже много дел. — Лорд уже хотел отойти, но вдруг повернулся, глядя в глаза дракона. — Я знаю, что ты хочешь к ней... я тоже хочу. Но пока нельзя.

— Ар-р, — поднял голову великан.

— Потому что мы можем навлечь на нее неприятности, — ответил ему Рик. — Потерпи. — Мужчина вдруг усмехнулся. — И как нас угораздило выбрать одну и ту же женщину, а, Гор? Разве такое возможно? И как нам ее делить? Ты нервничаешь, если я прикасаюсь к ней, я ревную к тебе. Оба смотрим и облизываемся... Глупость какая-то.

Они вздохнули одновременно и так же дружно посмотрели в отверстие в стене.

— Всеу свое время, мальчик. И с этим мы тоже разберемся, — уверенно заявил Илейни, вновь глядя на Гора.

— Ар, — ответил тот.

Рик еще раз погладил своего летуна и направился прочь, чувствуя, что Гор провожает его взглядом. У ворот мужчина обернулся, махнул рукой и покинул драконник. Уже не останавливаясь, аниторн направился в отведенные ему покои, желая совершить быстрое омовение и лечь спать. Усталость навалилась тяжким грузом, и все мысли сейчас сосредоточились вокруг лохани и ложа, иные желания и размышления отошли в тень.

Лорд взбежал по ступеням, минуя молчаливую стражу. Потер глаза и спрятал за ладонью зевок. Он уже свернул к своим покоям, но вдруг остановился и повернулся к картине, висевшей на стене. Это не был портрет кого-то из славных предков короля Ледагарда, просто картина, неизвестно как затесавшаяся на стены дворца. Ничего эпического, никаких событий из истории королевства. На ней даже не было подписи художника. Просто лесная опушка, чем-то напомнившая Рику место, где стояла сторожка Фиалки.

Откинув со лба прядь волос, мужчина приблизился к картине, мысленно дополнив ее маленьким домиком, рядом с которым лежит огромный белоснежный каяр, в чьих красных глазах застыло подозрение. Одно дурное намерение, и зверь легко перегрызет глотку, защищая свою хозяйку. Воображение Рика тут же дорисовало хрупкую женскую фигурку с волосами цвета красного пламени, и рука сама собой потянулась к полотну.

— Лорду-аниторну интересней дешевая мазня, чем благородные леди? — раздался за спиной насмешливый голос.

Риктор обернулся и удивленно взглянул на Ноллига Аниана, не сразу сообразив, что от него хочет один из придворных поэтов. Аниан был один. Он смотрел на Илейни исподлобья злым взглядом. Рик усмехнулся, покачал головой и направился к своим покоям, не удостоив насмешку ответом. За его спиной тут же послышались шаги. Аниторн скосил глаза на тень, догонявшую его, увидел, как взметнулась рука Аниана, и резко шагнул в сторону. Поэт

пролетел мимо него, следуя за собственным кулаком, но тут же остановился и заступил Рикку дорогу.

— Ноллиг, — устало произнес лорд Илейни, — что тебя оскорбило на этот раз?

— Ты был груб с моей кузиной, — ответил тот, воинственно выпятив грудь.

— Я не был груб с твоей кузиной, — отмахнулся Риктор. — Скажи прямо, что тебя оскорбило. То, что я не пал к ногам юной леди Тирнан и не попросил ее руки, как надеялась Ее Величество? Так хочется породниться с анииторном?

— А не слишком ли ты задрал нос, Риктор Илейни? — Аниан снова смотрел исподлобья. — Или Сарли тебе не слишком знатна? Может, род наш тебе не кажется таким древним, как твой? Или же ты все еще страдаешь по своей беловолосой шлюхе, гревшей твою постель несколько лет?

Рик отступил назад и склонил голову к плечу, разглядывая Аниана. А когда он заговорил, голос его прозвучал вкрадчиво:

— Остановись, Ноллиг, — предупреждая произнес анииторн. — Прямо сейчас остановись.

— Или что? — заносчиво спросил тот.

— Или мне придется выбить из тебя дурь, — закончил Илейни.

— А амулетик свой снимешь? — едко спросил поэт. — Или спрячешься за ним, как последний трус?

Анииторн прищурился, гадая об истинных намерениях Аниана. И вдруг почувствовал закипающую ярость. Мало ему Дархэйма, мало жрецов, мало смуты на Побережье, малс загадок древности и возможного открытия прорыва, открывающему дорогу Виллианам, мало переживаний Гора из-за человеческой женщины, так еще и Ноллиг Аниан вдруг решил кинуть вызов. Илейни шагнул к лорду, буравящему его недобрым взглядом, схватил за грудки и рывком притянул к себе, зашипев в лицо:

— Знал бы ты, Аниан, как вы мне все надоели. Приворотные зелья, интриги, соблазнения, чары, черные амулеты, помощь королевы. Что вы все ко мне прицепились? Моя постель нектаром полита, или я так божественно прекрасен, что вы мне суете ваших сестер, дочерей, кузин? Моя наложница покоя не дает, так ей от меня был нужен только я. И не смей оскорблять память чистейшей женщины грязными наветами. Нэми была благородней многих знатных подстилок, что даже в девичестве выставляют свои прелести наружу, желая привлечь к себе мужское внимание. И запомни, Аниан, как бы не была хороша твоя родственница, но жену я выберу не по наущению Их Величеств, а сердцем, слышишь? Леди Тирнан мое сердце не заставила биться чаще.

— Сарли — прекрасна, как утренняя заря! — выкрикнул Ноллиг, резко вытаскивая кинжал из ножен и нанося удар в бок анииторну.

Тут же амулет на груди Рика полыхнул вспышкой тепла, и Аниана отбросило в сторону. Кинжал вывалился из руки, и лорд метнулся за ним, но Риктор Илейни уже был рядом. Он наступил на руку Аниана и склонился к нему, жестко ухватив за подбородок.

— Глупец, — холодно усмехнулся анииторн. — Ты ведь знал, что у тебя ничего не выйдет.

— Но попытаться стоило, — усмехнулся поэт и мотнул головой в попытке избавиться от хватки Илейни, но рука того оказалась сильнее, чем ожидал придворный лорд.

— В чем дело, Ноллиг, — уже спокойней спросил Рик. — Что так бесит тебя?

— Ты, ты меня бесишь, Рик, — зло отчеканил тот. — Я люблю Сарли, но мне велено

забыть о кухне, потому что королева вдруг решила, что она станет прекрасной леди Илейни. Ее родители ухватились за слова Ее Величества.

— Сарли не станет леди Илейни, — усмехнулся Риктор. — Ни Сарли, ни одна другая девушка, на кого мне укажут. Угомонись.

Аниторн распрямылся и отошел в сторону, освобождая ревнивого лорда. Тот подобрал кинжал, сунул его в ножны и поднялся, растирая руку, отдаленную сапогом Илейни.

— Королева сказала, что не оставит тебя в покое и заставит жениться на той, что выбрала для тебя. Она считает, что ты должен быть благодарен королевской семье за то, что получил наследство предков назад. Сарли войдет в твой замок, а я не могу этого допустить. Или я избавлюсь от тебя, или потеряю любимую женщину. Рик, пожри тебя Виллианы! Я ждал ее, только ее, и что? Вот так запросто отдать кому-то? Нет, Илейни. Или я убью тебя, или ты убьешь меня, третьего не дано, но Сарли Тирнан я тебе не отдам, — голос Аниана зазвенел от ярости, но Рик отмахнулся:

— Успокойся, тебе говорю. Сарли Тирнан милая девушка, но она не нужна мне. Ее Величество может интриговать и давить мне на совесть, но когда придет время, я сам назову имя будущей леди Илейни. И поверь мне, звать ее будут не Сарли. Тебе нужна клятва на крови? Идем.

Аниан поджал губы, продолжая буравить аниторна взглядом. Риктор протяжно вздохнул и, ухватив поэта за плечо, потянул за собой. Тот последовал за ним, сердито сопя, но уже не пытаясь оскорбить или ударить. Илейни остановился перед дверями придворного мага, постучал в дверь и замер в ожидании. Вскоре послышались шаги, и к ним вышел пожилой мужчина. Он окинул недовольным взглядом ночных визитеров, но посторонился, пропуская их внутрь.

— Что вам угодно, благородные лорды? — спросил маг.

— Засвидетельствуйте клятву на крови, — попросил Риктор.

— К вашим услугам, лорд-аниторн, — склонил голову мужчина.

Илейни достал кинжал, полоснул по ладони. Порез набух кровью, закапавшей на пол. Маг покосился на алые пятна, но промолчал. Убрать их было несложно.

— Ну же, Ноллиг, — поторопил Аниана аниторн.

Поэт что-то буркнул себе под нос, снова достал свой кинжал и разрезал ладонь. Мужчины сцепили руки, и Риктор произнес:

— Я, Риктор Илейни, клянусь тебе, Ноллиг Аниан, что леди Сарли Тирнан никогда не войдет в мой дом, как леди Илейни. Ни словом, ни помыслом я не пожелаю ее себе в жены. Принимаешь ли ты мою клятву?

— Я, Ноллиг Аниан, принимаю твою клятву, Риктор Илейни, — ответил второй лорд.

Придворный маг поднял над рукопожатием ладонь, на мгновение полыхнуло мягкое свечение и исчезло, тут же затянув порезы на ладонях двух мужчин.

— Клятва скреплена печатью, — равнодушно произнес маг и зевнул. — Условия клятвы останутся неразглашенными.

— Благодарим, — кивнул Рик. — Теперь доволен?

— Более чем, — кивнул Аниан, заметно повеселев, когда лорды покинули мага. — Осталось убедить тебе в своем нежелании жениться королеву и родителей Сарли.

— Это уже мои заботы, — отмахнулся Илейни. — А теперь будь добр, катись в Бездну, я просто зверски хочу спать.

— Добрых снов, лорд-аниторн, — склонился перед ним Ноллиг.

— Катись в Бездну, душегуб, — повторил Рик беззлобно.

После развернулся и направился в свои покои, в этот раз все-таки добравшись до них без новых приключений. И уснул, как только добрался до кровати, без долгих размышлений и снов. А проснулся резко, ощущая себя отдохнувшим и бодрым. Встал одним плавным движением, не желая разлеживаться и придаваться утренней неге. Сегодня было много важных дел, а после возвращение домой, где дел ждало еще больше. Но главное, сегодня Гор может обрести свою пару, или хотя бы отказаться от своей тяги к человеческой женщине, и тогда Рик сможет вздохнуть свободней, порадовавшись за дракона и за самого себя.

Но это позже, сначала очищающий Огонь. Сам ритуал был жутким по своей сути, и люди старалась не грешить, чтобы потом не каяться. Входить в полыхающий Огонь было страшно, даже зная, что не сгоришь. Но у аниторна не было выбора, и он, отбросив всякие размышления, начал готовиться к ритуалу. Впрочем, в приготовлениях не было ничего особенного, всего лишь соблюдение необходимых условий. Омовение ледяной водой, нельзя было есть, даже поток воды запрещался, дабы грешник познал лишения и прийти к Огню готовым к очищению. Одежда, что для мужчин, что для женщин была одна — грубая холщевая рубаха до щиколоток. Рубаха сгорала, и выходил из Огня человек нагим и босым, каким пришел в этот мир при рождении. Жрецы накидывали на плечи харас — вытканное рунами Огненных полотно, в какое заворачивали младенцев, и объявляли, что Боги простили заблудшее дитя, вновь приняв его под свою опеку. На этом ритуал заканчивался.

К назначенному часу лорд-аниторн покинул королевский дворец и направился к главной обители, где уже пылал Огонь, готовый принять его. Улицы были заполнены народом. Кому же не хочется посмотреть, как кается высокородный лорд? На всем протяжении от дворца до обители, цепью, по обе стороны его дорого, стояли королевские воины, сдерживавшие натиск любопытной толпы. Ледагард хотел сопроводить Рика к обители, показывая народу, что поддерживает лорда Илейни, но тот отказался.

— Смысл ритуала — новое рождение, государь, — сказал Риктор. — Человек приходит в этот мир в одиночестве, и уходит так же. Не будем нарушать свод установленных правил.

— Да, пожалуй, ты прав, — хмыкнул Его Величество. — Не к лицу королю роль повитухи. Я встречу тебя у обители.

Людское море бурлило, время от времени что-то выкрикивая. Но кто и что кричал, Рик не слышал. Он сжимал в кулаке маленький флакончик, который получил от Дальгарда и раздумывал о его словах. Впрочем, раздумывал аниторн не только об этом. Он размышлял о событиях, произошедших со дня его победы на Играх. Сейчас Илейни временно откинул Дархэйма, пытаясь понять, кому и чем может мешать возвращение его рода на Побережье. Как старался не связывать пока это с древними событиями. Хотел разобраться в причине заинтересованности жрецов.

Вывод был неутешительный — в его замке предатель. Кто-то, кому Риктор доверял, потому что все его люди был не единожды проверены. Они служили роду Илейни не один год, знали многие тайны, хранили их, не вынося за ворота замка, даже женщины. А то, что произошло с Нэми, было тайной, недопустимой к разглашению. И если Дальгард прав, то кто-то сказал об этом жрецу, и тот устроил представление с самосожжением.

Следующее, о чем подумал Рик — это слухи. Они поползли слишком стремительно. После долгого ожидания и ликования, в которое погрузилось Побережье, недовольство не должно было появиться, когда аниторн еще не совершил ни одного деяния, кроме как устроил народу богатые многодневные празднества с дармовой едой, выпивкой и

зрелищами. Похороны инверны стали лишь удачным предлогом для обвинения лорда Илейни в темных деяниях. К тому же так и не было объявлено причины негодования Богов, и выходило, что Огненные недовольны победой аниторна... Бездна! Но ведь, если бы не вмешался Дархэйм, никто бы не погиб, или же Рик мог не выиграть. Он и сам мог погибнуть в смертельно-опасных ловушках. Так связан полувиллиан со жрецами, или все удачно совпало, и есть еще один враг?

— Как же меня все это бесит, — проворчал Рик, поднимая взгляд и осматриваясь, словно надеялся найти ответ в толпе зевак.

Взгляд аниторна выцепил хмурое лицо Болдарта. Лорд-поэт, заметив взгляд Илейни, кивнул и снова погрузился в свои мысли. Чуть дальше Риктор заметил Толейни, сидевшего на плечах двух своих приятелей, и декламировавшего, размахивая руками:

Овеян славою и властью,
Он шел с поникшей головой.
Росток, изломанный ненастьем.
Победа грянула бедой.

Из всех лишь он один вернулся,
Чтобы награду получить.
Как в плащ в везенье завернулся,
Но вот пришла пора платить.

Риктор мазнул по рифмоплету гневным взглядом, заметив, как ухмыльнулся один из приятелей Толейни. Данный лорд любил привлекать к себе внимание, вылезая на острие всяческих событий, куда только мог сунуть свой честолюбивый нос. Пусть на день, но слава. И сейчас он своего добился. Кто-то в толпе засмеялся, и Рик крепче сжал склянку Дальгарда в кулаке, гася желание прямо сейчас подойти к Толейни и ударить его. Но сдержался, понимая, что даст только повод для злословия. К Бездне Толейни.

Черты аниторна смягчились, и он добродушно улыбнулся поэту, отчего тот поежился и оборвал свой стих, так и не закончив его. Вскоре он уже исчез в толпе вместе с приятелями, и зеваки, так и не получив желанного представления, замолчали. Больше Рик не смотрел по сторонам и не прислушивался к голосам, вернувшись к своим размышлениям. Но сколько бы он не перебирал в голове своих людей, так и не смог понять, кто смог предать своего господина, от которого видели только добро.

Наконец впереди показались стены обители, у ворот которой стоял старший жрец, молчаливый и неподвижный, словно изваяние. И, словно поддаваясь торжественности момента, разом примолкло людское море. Королевские воины замерли, уподобившись статуям в Зале Славы, и Риктор Илейни шагнул на каменные плиты, испещренные рунами. Он шел, опустив голову, как подобает кающемуся грешнику, отыгрывая свою роль до конца, и упорно давил желание вскинуть подбородок и посмотреть в глаза старшему жрецу. Последний потомок некогда славного и могущественного рода ощущал сейчас отвращение к происходящему. Все внутри него бунтовало и требовало не участия в фарсе, а действия, полезного для общего блага. Но...

Он остановился перед жрецом, все так же не поднимая глаз и кусая губы, заставляя себя изображать покорность и раскаяние. Волосы лорда скрыли его лицо темно-каштановым

покровом, никто не увидел гнева, сверкавшего в глазах аниторна. Терпение, немного терпения, и скоро все закончится. Так уговаривал себя Рик. Всего лишь необходимость. И когда он заговорил, голос был лишен яростных ноток.

— Взываю к милости Огненных Богов, — всего лишь положенные слова.

— Что ждешь ты от милости Покровителей наших? — спросил жрец.

— Очищения от скверны и прощения, — ответил аниторн, наконец успокаиваясь окончательно.

— Велики ли грехи твои?

— То знают лишь Боги, — а вот это уже не было ритуальной фразой. Кающемся полагалось ответить: «Грехи столь велики, что ступаю я с тяжкою ношей». И все-таки ответ Риктора Илейни невозможно было оспорить и отказать ему в очищении. Кто, если не Боги, знает больше о своих детях?

— Боги прощают заблудших, коли вину их можно простить, — голос жреца не дрогнул, но злость Рик уловил и усмехнулся, но усмешку по-прежнему скрывали пряди его собственных волос.

— Взываю к милости Огненных Богов, — повторил лорд, и жрец картинно взмахнул рукой.

Тут же широкие ворота обители открылись. Народ ахнул, глядя на голубоватое очищающее Пламя, ревущее в огромной чаше. Риктор стиснул зубы и направился к Огню, сжав склянку Дальгарда с такой силой, что казалось, она сейчас треснет. Уже перед чашей, Илейни шумно выдохнул, тряхнул волосами, отбрасывая их на спину, мгновение колебался, после закрыл глаза и переступил край чаши, шагнув в Огонь.

Холодные языки пламени лизнули лицо аниторна. Рик открыл глаза, удивленно глядя сквозь голубоватую пляшущую пелену на темные стены обители и застывших вокруг чаши жрецов. Выдохнув с облегчением, мужчина сделал второй шаг. Огонь стал теплей, в голубом пламени появились вкрапления рыжих искр, вытягивавшихся в высоту, превращаясь в яркие росчерки.

Лорд сделал третий шаг из десяти, такова была величина чаши. Огонь ему казался даже ласковым. Лепестки пламени почти нежно гладили кожу и волосы Риктора. Внутри Огня не было слышно его пугающего рева, как вне чаши, только тихое шипение, да запах ткани рубахи, постепенно обрабатывшейся в пепел, осыпавшейся серыми хлопьями с каждым новым шагом.

На пятом шагу Огонь стал горячее, но все еще не обжигал. И все же Рик нахмурился потому что рыжие искры начали краснеть, все больше меняя голубое холодное пламя. Он обернулся и негромко вскрикнул, когда лицо опалило жаром. Еще шаг, и аниторн понял, что находится в ловушке. Огонь стремительно изменялся, наполняясь яростью стихии, словно Огненные разгневались на своего сына, и Илейни уже не сомневался, что именно это сейчас и говорит старший жрец, поясняя изменения пламени.

Жар стал практически нестерпимым, волосы затрепали, готовые вот-вот вспыхнуть, остатки одежды уже не опадали пеплом, ткань начала дымиться. Первые ожоги уже уродовали обнаженную кожу. Аниторн тихо рыкнул. Страх и паники не было, они растворились в тепле матушкиной заботливой души, окутавшем Риктора. Он с силой бросил себе под ноги склянку Дальгарда, и та треснула, выпуская наружу свое содержимое.

Рев пламени вдруг перешел в шипение, и алые языки порыжели и вновь стали синими. Холодные языки, будто извиняясь, лизнули обожженную кожу, и ласково пробежались по

телу, пожрав последние куски ткани, еще державшиеся на плечах. Аниторн сделал несколько последних шагов и вышел из Огня с гордо поднятой головой. Каяться ему было уже не в чем, Боги покарали и простили. Это видела тысяча свидетелей, стоявшая перед воротами обители.

Насмешливо изломив бровь, Рик посмотрел на жреца, державшего в руках харас. Тот смял в пальцах ткань, не зная, что ему делать, но быстро очнулся, и лицо служителя Огненных Богов снова стало невозмутимым. Он накинул харас на плечи Риктора и отошел в сторону. Лорду хотелось расхохотаться в лицо старшему жрецу, мрачно взиравшему на выжившую жертву, но Илейни подавил и этот порыв. Он вышел из ворот обители, и старший жрец провозгласил:

— Огненные Покровители простили лорда-аниторна и вновь приняли его под свою защиту. Риктор Илейни возродился и очищен от скверны.

— Какой неожиданный исход, не так ли, жрец? — едва слышно спросил Рик, не скрывая насмешки.

— Я узнаю, как ты это сделал, лорд, — так же тихо ответил служитель.

— А я узнаю, по чьему наущению, ты хотел меня сжечь заживо, — не остался в долгу аниторн и выкрикнул: — Хвала Огненным Богам! Они милостивы и справедливы!

— Хвала Огненным! — подхватил народ, и лорд Илейни покинул обитель с единственным желанием — вырвать сердце неведомому врагу.

По, так и не затянувшись людьми проходу, прогарцевал белоснежный жеребец государя. Король удерживал в поводу второго коня, черного, как уголь, без единого светлого пятнышка. Черный жеребец был покрыт попоной голубого цвета с золотом — цвета рода Илейни. Остановившись перед аниторном, Его Величество кинул ему поводья второго коня.

Лорд Илейни хмыкнул и указал взглядом на свой наряд. Харас плотно обернул его тело, скрыв наготу, но для поездки на лошади требовалось что-то более надежное. Однако король смотрел не на покров, а на лицо Риктора, покрытое ожогами.

— Мага, — коротко велел он и мазнул взглядом по старшему жрецу, склонившего голову в приветственном поклоне.

Вскоре венценосец и лорд уже входили в открытый переход. Его Величество так и въехал на своем белоснежном Буране, Рик вошел, ведя черного жеребца в поводу. Они вышли у ворот дворца. Стражи склонились, но их любопытные взгляды все-таки прошли по аниторну, отмечая ожоги там, где была обнажена кожа, отметили подпаленные волосы и с изумлением переглянулись.

От Риктора не укрылось удивление воинов, и он скрипнул зубами, уже представляя, как можно вывернуть неудачную попытку сжечь его. Как признать милость Богов, так и обвинить лорда Илейни в том, что он продал душу Виллианам, и их сила помогла усмирить Огонь. Впрочем... Нет, вряд ли жрец рискнет поставить под сомнение власть Божественной Силы. Все знают, что на Огонь невозможно влиять. Так учат сами служители, значит, тут подвоха не будет. Боги наказали и простили. Хорошо.

— Целителя, — услышал Риктор распоряжение короля. Затем Ледагард обернулся к лорду. — Идем в мой кабинет...

— Государь, — возмущение все-таки прорвалась наружу, — позвольте одеться!

Венценосец досадливо поморщился и махнул на Рика рукой, не забыв добавить:

— После жду у себя.

— Как пожелает мой король, — поклонился Илейни и поспешил в отведенные ему

покои, где его ждала чистая одежда и лохань с горячей водой.

Больше всего Рикку хотелось покинуть дворец. Это он сделал бы даже голым, но король желает узнать подробности, и долг лорда-аниторна сказать ее государю. И все же... Мужчина вдруг поймал себя на том, что доверять не хочется даже Ледагарду, всегда относившемуся к нему с симпатией и даже дружеским участием. Когда-то, когда Его Величество был еще Высочеством, они слыли приятелями. Но Рикку на тот момент было двенадцать, Ледагарду — пятнадцать. И юноши прекрасно ладили, когда Октор Илейни привозил сына ко двору. Не сказать, чтобы между молодыми людьми существовала крепкая дружба, но общение друг с другом было им приятно. Потом Его Величество скончался, получив удар копьем прямо в сердце во время турнира, и Ледагард взошел на трон, и отношения между приятелями поменялись, но симпатия и доверие остались. Потому для исполнения тайных поручений король выбирал Риктора Илейни, зная, что может на него положиться. Так думал и Рик, порой позволяя себе маленькие вольности, их государь легко прощал.

Но вот пришло время, когда нужно было помнить, что король остается королем, и не стоит слепо верить в его доброе отношение к себе. Ледагард уже сам признался, что, назначив Риктора аниторном Побережья, давать полной воли он ему не собирался. Готов был уничтожить Гора, не особо разобравшись в его вине. К тому же его предок почти извел род Илейни под корень, и как выяснилось из древних рукописей, основания для страха перед прадедом Рика у него были.

А что, если Ледагард испугался, как его прадед, и решил убрать аниторна руками жрецов? Если его переживания всего лишь игра?

— Бездна, — коротко выругался лорд, полностью погружаясь в горячую воду, как только ушел целитель, вылечивший ожоги.

Подобные размышления могли завести его слишком далеко. Начать видеть врагов в каждом встречном, было так легко. Кому верить? Только себе. В себе он был уверен, но и превращаться в озлобленного и вечно настороженного зверя Рикку так же не хотелось. Он всегда был открыт, чужд притворству и лицемерию. Мог поддержать чужую игру, мог забавляться сам, наблюдая очередную попытку наслать на него чары, но недолго. Предпочитал прямолинейность коварству. И в случае, если требовалось обмануть, отмалчивался, находя предлоги не давать ответа. Оттого-то гнев все сильнее захлестывал мужчину, попавшего в ловушку чужих интриг, смысл которых он не видел.

Хорошо, Эрхольд Дархэйм рвется к месту прорыва Виллианов. Но, судя по тому, что враги еще не наводнили родной мир Рика, он не знает, где это место прорыва, но лорд Илейни ему чем-то мешает, потому что Дархэйм несколько раз пытался его устранить, но вот чем? Хотя... Риктор беспокойно поерзал в лохани, пытаясь поймать ускользающую мысль.

— Валистар Илейнарий, — произнес он вслух и ухватился за имя древнего правителя Риерской земли.

Как-то сами собой все размышления о настоящем сходились на одном человеке, и значит, это имеет смысл. Именно на землю Валистара пришли Виллианы, именно там находится прорыв. Как он смог отбросить врага в его мир, если оказался бессилен против него? Валистар был стихийником и далеко не слабым, но это объясняет только море, появившееся, возможно, на земле Риера, но не объясняет победы над Виллианами, как противоречит тому, что род Илейни идет от Илейнария, потому что потомки оказались

лишены магии. Но! Валистар — Побережье — прорыв — Дархэйм. Единая цепь была слишком очевидной, чтобы не видеть ее.

— Пожри их Виллианы, — проворчал лорд.

Ему отчаянно не хватало знаний о прошлом, чтобы делать выводы в настоящем. Но, похоже, Валистар что-то сделал тогда, что мешает Эрхольду сейчас, и причина тому Рик... или так же нехватка знаний. И все же последний лорд Илейни полувиллиану мешал, это тоже было очевидно. Тогда... Валистар — прорыв — Побережье — Риктор, а потом уже Дархэйм. Но как сюда вписываются жрецы? Чем им помешал аниторн? И не в сговоре ли с ними Ледагард, предок которого так же был заинтересован в исчезновении рода Илейни? Что он хочет узнать? Зачем зовет? Впрочем, особо изворачиваться Рик не собирался. Он всего лишь умолчит о помощи Дальгарда.

Да и Дальгард... Почему так настроен против жрецов, и почему решил вмешаться? Корусть? Добрые намерения? Как оказался на вечере у королевы, когда всем известна нелюбовь лорда ко двору? Специально пришел перед ритуалом очищения, чтобы передать склянку? Да, выходит, что так, не из воздуха же он ее достал, а из кармана. Значит, шел с намерением передать ее.

— У меня голова взорвется! — воскликнул Рик, уже выбравшись из лохани.

Он вернулся в покои, некоторое время бездумно смотрел на одежду, после мотнул головой, отчего мокрые волосы плетью хлестнули его по плечам, и остервенело растер тело полотном. Одевшись и собрав подсушенные волосы в хвост, Илейни прицепил к перевязи меч и направился к королю, пренебрегая правилом — являться к государю безоружным.

Ожидая, у дверей королевского кабинета, аниторна остановила стража, указывая взглядом на меч.

— Сообщите Его Величеству, что я ожидаю его дозволения войти, — отмахнулся Риктор.

— Ваш меч, лорд-аниторн...

— Доложите о нем государю, — сухо ответил Илейни и отвернулся от стражников.

Его взгляд привлекла пара, шествовавшая вдалеке — Ноллиг Аниан и его кузина. Аниан что-то говорил ей, и Сарли Тирнан кивала, слушая его. Вскоре их догнал Дави, под руку с которым шествовала светловолосая придворная дама, и все четверо свернули к лестнице, о чем-то оживленно разговаривая. Рик потерял к ним интерес, как только дамы и их кавалеры скрылись из виду.

— Лорд-аниторн, Его Величество ожидает вас, — бесстрастно оповестил вернувшийся страж. — Меч позволено оставить при вас.

Взгляд воин сверкнул подозрительностью, но окрик Ледагарда:

— Рик, да где ты там?! — заставил стража отвести глаза.

Илейни вошел в королевский кабинет и сразу уселся в глубокое кресло, послушный короткому жесту государя.

— Что там произошло, Бездна тебя забори? — без предисловий начал венценосец.

— Кажется, меня хотели сжечь, государь, — усмехнулся Риктор. — Или же я настолько прогневал Богов, что из очищающего Огонь стал карающим. Но потом все успокоилось, и я вышел из пламени живым.

— Ничего не понимаю, — передернул плечами король. — Что вообще творится в моем королевстве? Отчего столько бед и все на твою голову, мой мальчик?

— Задаюсь тем же вопросом, государь, — кривоватая усмешка скользнула по губам

лорда. — Но подозреваю, что все ответы я найду на Побережье.

— Отчего там? — насторожился Ледагард.

— От того, Ваше Величество, что все эти беды начались с моего назначения на должность королевского аниторна, вам это известно, — пожал плечами Рик.

Король поерзал в своем кресле и хмыкнул:

— Хоть лишай тебя этой должности.

Риктор ответил упрямым взглядом.

— А как мне сохранить тебя?! — воскликнул Ледагард. — Рик, ты последний в своем роду, и моя обязанность не дать твоему роду угаснуть! Если бы у тебя были наследники, но ты дожил до тридцати лет, но так и не озаботился выбором супруги. — Заметив, как напрягся аниторн, венценосец махнул рукой. — Я не собираюсь тебя сейчас сватать. Для этого есть Лорния, и она скрежещет зубами после твоей вчерашней выходки. Малышка Тирнан пришла к ней по душе...

— Мне нет, — холодно ответил Рик. — Государь, есть дела поважней, чем моя женитьба. К тому же наследника она не принесет в считанные дни. Для начала нужно выжить, после думать о женитьбе. А выживать, возможно, придется не только мне. И если уж на то пошло, то лучше вам оставить меня на нынешнем месте, по крайней мере, пока все не закончится.

— Но концом может стать твоя смерть! — сердито воскликнул Ледагард, поднимаясь из-за стола.

— Однако именно я помеха черным намерениям, — возразил лорд. — Как бы с моим устранением не начались более страшные события. Раз я мешаю, стало быть, это имеет значение. Дайте мне во всем разобраться, государь, после решайте, быть мне аниторном, или же нет. Позвольте отбыть на Побережье и заняться делами, полезными королевству.

— Так не терпится сбежать? — прищурился король.

— Я устал от двора, Ваше Величество, — не стал кривить душой аниторн.

— Знаешь, за что я тебя люблю, Рик? — венценосец уселся на край стола. — Я всегда знаю, что ты думаешь. Я ценю твою прямолинейность, а еще твой ум и сметливость. Ты бы мне пригодился больше под боком, но тебя ведь не уговорить. Впрочем, ты прав. Завтра я посажу человека в архив, пока еще приглядываюсь, кто это будет. Будут вести, сообщу. Можешь уматывать на свое драгоценное Побережье и ищи, мальчик мой, ищи. Мы должны устранить угрозу раньше, чем свершится непоправимое. — Он почесал кончик носа. — Толейни давно рвется быть полезным. Может, его посадить за изучение архива? Уж больно он приткий стал в последнее время. Годы идут, а он все скачет кузнечиком. Как думаешь, усмирят этого рифмоплета сидение над древними свитками? Помнится, он имел пристрастие к истории.

— Моему королю видней, — уклончиво ответил аниторн. — При дворе есть более подходящие и серьезные лорды.

— А неплохое бы вышло наказание за его выходку с поганеньким стишком, — усмехнулся Ледагард. — Знаю, про это уже знаю. Подумаю еще. — Король махнул рукой. — Иди, и пусть Огненные хранят тебя.

Риктор поклонился и покинул кабинет, зная, что государь запомнил намек насчет жрецов, и не оставит происшествие в обители без внимания... если, конечно, сам к нему не причастен.

Шальной ветер мчался навстречу, выбивая из глаз слезы. Сорвал с хвоста ослабившийся ремешок, и теперь темно-каштановые пряди, подобно змеям, вились вокруг мужской головы, то бросаясь в лицо, то струясь в потоках ветра.

— Да! — заорал во всю мощь своих легких лорд-аниторн, и дракон ответил ему радостным ревом.

Они вырвались из столицы, наконец-то! Гор мчался вперед, ловя крыльями ветер. Драконья морда таранила небо, вспарывая воздух. Холодные невидимые струи огибали тело, закованное в твердый панцирь чешуи, чтобы вновь сойтись за острым хвостом летуна. Когтистые лапы вытянулись вдоль огромного тела, не мешая стремительному долгожданному полету. Гор мог бы лететь еще быстрее, если бы не опасался уронить своего седока. И пусть человек давно научился летать на драконе без упряжи, а сейчас и вовсе сидел в седле, подаренном ему королем, но не было ремней, как на упряжи, сделанной по заказу Рика, и дракон летел настолько быстро, насколько мог себе позволить, чтобы случайно не потерять своего маленького сородича, хохотавшего на его спине. От его счастливого смеха горячее сердце холодного великана билось еще быстрее, согревая своим теплом человека, радовавшемуся полету так же сильно, как его верный летун.

Вскоре вдалеке показалась точка, мчавшаяся им навстречу. И вот уже можно различить крылья, но это не птичьи. Сильные кожистые крылья распластаны по ветру, позволяя ему нести могучее тело дракона. Рик почувствовал, как напряглось тело Гора, готового отразить нападение, и погладил бок своего летуна.

— Это друг, — сказал он с легкой улыбкой. — Спокойно, мальчик.

Второй драконоправ поднял руку в приветственном жесте, окончательно подтвердив дружеские намерения. Пепельно-серый дракон Тибода Дальгарда облетел Гора, развернулся и догнал, пристраиваясь рядом. Летуны обменялись настороженными взглядами, приняв друг к другу и скаля зубы, демонстрируя силу противнику, но их седоки вели себя спокойно, и драконы расслабились.

— Рад видеть тебя, Рик, — маска скрывала лицо Дальгарда, но молодой лорд знал, что тот сейчас улыбается. — Лицо обветрится.

Илейни сейчас был с открытым лицом, но больше из желания почувствовать хлесткий ветер на коже, чтобы хоть на время избавиться от тяжких раздумий, ощутить краткое освобождение от забот. Потому Риктор легкомысленно отмахнулся:

— Не дама, переживу.

Тибод ответил ему одобрительным смешком и сорвал с головы свою маску, тут же зажмурившись от холодного яростного ветра. После стер со щеки слезу и снова рассмеялся. Рик широко улыбнулся и пригнулся к шее Гора, прячась от нового воздушного порыва. На душе сейчас было легко и беззаботно. Существовали только он, только его дракон и небо, необъятное, прекрасное, в котором нашлось место еще одному крылатому великану и его седоку.

Внизу показались шпили смотровых башен замка Дальгард, куда лорд Тибод переместился через переход еще утром, чтобы подготовиться к приему высокородного гостя. Впрочем, никакой торжественной встречи, щедро одобренной церемониями, лорда-аниторна не ожидало. Дальгард знал, что Риктору Илейни это не придется по нутру, и Рик был уверен

что Тибод избежит ритуальных фраз и поклонов, и был ему за это благодарен.

Первым на снижение пошел дракон хозяина замка, заложив широкий круг. Следом за ним пристроился Гор, опускаясь по сходящейся спирали. Вскоре стали видны стражи, стоявшие на стенах замка. Они приложили ладони к глазам и следили величественный полет двух великанов.

— Красиво-то как, — выдохнул один из стражей.

— Угу, — кивнул второй, соглашаясь с товарищем.

Драконы опустились в широкий замковый двор, заняв большую его часть. Сразу стало тесно, и большой старый замок показался намного меньше. Лорд Дальгард спустился со спины своего летуна, потрепал его по шее и передал поводья подоспевшему драконоводу. Рик привычно соскользнул по боку Гора, пробежался кончиками пальцев по его телу, обрисовывая чешуйки, и прижался лбом.

Сердце вдруг гулко ухнуло, мужчина почувствовал волнение. Как Гор воспримет попытку навязать ему драконицу? Сам аниторн готов был впасть в ярость от сознания того, что ему могут подсовывать невест, диктуя, кого выбрать. Особенно сейчас, когда его сердце уже было несвободно и отсчитывало свои удары для одной единственной женщины. Так что почувствует Гор? Не посчитает ли себя преданным?

— Рик, — Илейни обернулся и рассеянно улыбнулся Дальгарду. — Что-то не так? Ты выглядишь встревоженным.

И все же это на благо Гора. Ему нужно обладание самкой, потомство, а не вечно кружить вокруг человеческой женщины, отгоняя от нее соперников, лишая себя и ее возможности быть счастливыми. Откинув на спину спутанные ветром волосы, Риктор отрицательно покачал головой:

— Все хорошо. Надеюсь, Гор будет доволен.

Дальгард задумчиво потер щеку и указал дорогу к драконнику. Это был второй драконник, где содержали драконицу, чтобы не смущать самцов запахом ее гона. Сейчас ее там не было, но остался ее запах, и лорды хотели посмотреть, как поведет себя черный дракон, ощутив его. Рисковать самкой, если Гор придет в ярость, Тибод не хотел, да и Рик не желал, чтобы его летун оказался виновен в смерти или увечьях драконицы. Ее должны были привести позже и оставить в соседнем стойле, давая драконам присмотреться друг к другу, привыкаться, познакомиться.

Мужчины переглянулись, слаженно выдохнули и вошли в открытые ворота. Гор вальяжно шагнул следом. Аромат драконицы он ощутил почти сразу и беспокойно огляделся, но никого не увидел и немного расслабился. Оба лорда пристально следили за поведением дракона, отмечая, что раздражения не появилось. Это дало надежду на то, что задуманное получится.

— Впервые чувствую себя сводней, — нервно усмехнулся Рик, снимая с Гора упряжь.

— Учись у Ее Величества, она в этом давно истинный мастер, — хохотнул Тибод Дальгард. — Кстати, как тебе юная леди, которую королева тебе вчера навязала?

— Миленькая, — пожал плечами Илейни и вдруг рассмеялся. — Меня вчера хотел зарезать Аниан.

— Бездна, — выругался Дальгард. — Так и знал, что стоит проводить тебя во дворец.

— Брось, Тибод, — улыбнулся Риктор. — Он влюблен в свою кузину. Из-за устремлений королевы, его лишили устремлений собственных. Мы уже с ним уладили разногласия.

— И как же? Ты отказал бедняжке Тирнан перед королевой? — усмехнулся пожилой лорд.

— Я же не самоубийца, — весело ответил аниторн. — Дал клятву на крови, что не женюсь на леди Сарли, Аниан был удовлетворен.

— Неосмотрительно, — покачал головой Дальгард. — Избегай клятв и ритуалов, связанных с кровью. Порой такие игры становятся смертельными. Что ритуал очищения?

— Меня хотели сжечь, — уже не сдерживаясь, расхохотался Рик. — К Бездне, Тибод, меня, едва ли не каждый день, пытаются отправить к Огненным. Скоро я привыкну.

— Нехорошая шутка, — поморщился Дальгард. — Но я нечто подобное подозревал. Рад, что сумел предугадать действия балахонщиков.

— Вот об этом я бы хотел узнать более подробно, — разом стал серьезным аниторн.

— Непременно, — кивнул Тибод, — мне есть, что тебе рассказать. А теперь оставим Гора, кажется, ему тут неплохо.

Рик посмотрел на дракона. Тот озирался по сторонам, время от времени принюхиваясь и тихо ворча, но сердитым он по-прежнему не выглядел. Затем улегся и несильно шлепнул своего человека кончиком хвоста, показывая, что тот может не волноваться за него.

— Ты уверен? — спросил его Рик.

— Пф, — ответил Гор и лизнул ласкающую его руку.

— До скорого, мальчик, — улыбнулся летуну лорд и направился на выход из драконника вслед за хозяином замка.

Уже в воротах он обернулся и в последний раз посмотрел на дракона. Гор теперь сел и снова принюхивался. Уши его поднялись торчком, острый язык на мгновение показался из пасти, словно дракон облизнулся.

— Кажется, ему нравится запах, — хмыкнул Илейни. — Возможно, сегодня мой мальчик станет мужчиной.

— А если он признает в драконице пару? — хитро прищурился Дальгард.

— Отдам за нее все свое золото, — серьезно ответил Рик.

— Брать деньги за любовь? Пф, — фыркнул пожилой лорд, совсем как Гор. — Если пара сложится, так отдам. Разве вправе я мешать в делах, угодных мирозданию? Мы, люди, всего лишь навязываем драконам свою заботу, но если нас однажды не станет, они даже не вспомнят, что рядом с ними жили такие незначительные букашки. Расправят свои могучие крылья и вновь станут свободными. И будут этого только счастливей. Это мы нуждаемся в них, и дураки те, кто думает иначе... Н-да.

Потерев ладони, Тибод Дальгард покачал головой и сделал аниторну приглашительный жест. Риктор легко вздохнул, признавая правоту хозяина замка. Они дошли до новых ворот, и Дальгард улыбнулся.

— А тут моя красавица, — подмигнул он. — Хочешь взглянуть?

— Разумеется! — воскликнул Рик. — Яви невесту.

— Любуйся, — не без пафоса объявил Тибод, и его воины потянули тяжелые створы. Первым во временный драконник вошел хозяин, тут же заворковав. — Ханнис, душа моя, как ты, девочка?

— Ар-р, — донеслось до мужчин гортанное ворчание.

— Голосок просто чудо, — хмыкнул аниторн.

— Отменный голосок — рокот грома, — со значением поднял вверх указательный палец лорд Тибод. — А вот и сама моя принцесса. Великолепна, правда?

— О, да-а, — восхищенно выдохнул Рик, глядя на драконицу.

Размером она была меньше Гора, с костяными наростами на мощном лбу, и казалось, что это и правда корона, венчавшая остроносую голову Ханнис. Такая же пепельно-серая, как и все драконы Дальгарда, в полумраке ее чешуя казалась серебристой. И только тонкая черная полоска струилась по хребту, окрашивая невысокий двойной гребень.

— Красавица, — повторил Илейни и сделал шаг к драконице.

Она настороженно рассматривала незнакомого человека медово-желтыми глазами, втягивая носом его запах. Вдруг приосанилась и вразвалочку подошла к молодому лорду:

— Гр, — почти кокетливо произнесла Ханнис.

— Ты ей понравился, — негромко рассмеялся Дальгард. — Смотри, как заигрывает.

Рик усмехнулся и протянул руку, погладив драконицу по склонившейся голове.

— Не со мной, — ответил он. — На мне запах Гора, и он нравится Ханнис. Да, малышка? — ласково спросил он великанши. — Тебе нравится запах моего парня?

Драконица лизнула руку лорда, расправила крылья и повторила утробно, и даже с явным удовольствием:

— Гр-р.

— Может, сейчас отвести ее к Гору? — не глядя на Дальгарда, спросил Риктор, продолжая ласкать Ханнис. — Ханни, ты великолепна.

— Пф, — она вскинула голову, с интересом рассматривая человека.

— Рано, дадим им освоиться с новыми запахами, — ответил Тибод. — Но ворота я прикажу оставить открытыми. Немного позже челядь раскидает по двору солому, на которой лежала Ханнис. Если Гор захочет, он найдет ее. Драконоводы будут следить за ними. Если что-то произойдет, они нам доложат. А пока уйдем, нам и без драконов есть о чем поговорить.

Рик в последний раз провел ладонью по холодной чешуе драконицы и направился вслед за Дальгардом, полностью полагаясь на его знания о драконах. В конце концов, их род держал и разводил летунов уже много поколений. Мужчины вошли в жилую часть замка и сразу поднялись в кабинет Дальгарда, где уже был накрыт стол, и не было никого из слуг.

Тибод собственноручно разлил вино по кубкам и уселся на свое место, тут же провозгласив:

— За жениха и невесту!

— Ах, кабы так, — невесело усмехнулся Риктор и пригубил из своего кубка.

Дальгард приподнял брови, с некоторым удивлением услышав ответ, но тут же заговорил о том, что его интересовало намного больше:

— Так что там со жрецами?

Илейни покрутил в пальцах кубок и отставил его в сторону.

— Вроде как и ничего необычного, — сказал он. — Но Огонь взбесился, когда я уже был в его сердцевине. Если бы не твой подарок, я вряд ли выбрался бы из ловушки. — Хозяин замка кивнул с пониманием, и Рик тут же подался вперед. Голос его прозвучал неожиданно жестко. — Я жду пояснений, Тибод. Мне нужно понять, почему ты так пренебрежительно отзываешься о жрецах, знал о готовящемся покушении, и что служители имеют против меня. И, главное, почему ты мне помогаешь. Что на Играх, что с этим очищением. Дружеское участие я за ответ не приму.

Дальгард откинулся на спинку своего кресла и заложил руки за голову, внимательно рассматривая аниторна, после усмехнулся.

— Ты ведь ничего не знаешь о прошлом своего рода? — спросил лорд.

— Я знаю то, что мне рассказывал отец и учителя, ничего сверх этого. Правда, недавно, возможно, я кое-что узнал о древних предках, но эти вести требуют исследования и проверки. А что знаешь ты из того, что не знаю я? — Рик вновь взялся за кубок, но тут отставил его, не желая замутить разум винными парами.

Тибод Дальгард поднялся со своего места и подошел к узкому шкафу из темного дерева, стоявшему у дальней стены. После достал кинжал, уколол палец и измазал замок сундука кровью, проговорив:

— Сокрытое откройся.

Через мгновение замок щелкнул, и Дальгард кивнул на открывшуюся дверцу.

— Если в ответах твоя потребность сильнее, чем в яствах, то не будем откладывать, — сказал Тибод, усмехнувшись.

Илейни кивнул и поднялся из-за стола, но, уже дойдя до Дальгарда, опомнился:

— А как же драконы? — спросил он, памятуя о том, что драконоводы доложат о происходящем в драконниках.

— Идем, — негромко рассмеялся Тибод, кивнув Рику за спину.

Тот обернулся и хмыкнул. За столом по-прежнему сидели два лорда, мирно беседуя о летунах.

— Если кто-то придет, я услышу, — успокоил пожилой лорд. — Идем же.

Аниторн с интересом посмотрел на себя со стороны. Его иллюзорный двойник сидел, вальяжно откинувшись в кресле, покручивая в пальцах кубок. Темно-каштановые пряди мягко струились по широким крепким плечам, отсвечивая рыжиной в лучах солнца, щедро лившихся через окно. Длинные пальцы левой руки поглаживали подлокотник, фамильный перстень поблескивал, как только попадал под солнечный луч. На губах фальшивого лорда блуждала улыбка, приоткрывая белые зубы, глаза цвета небесной лазури весело поблескивали, когда двойник Дальгарда пошутил. Мужчины за столом казались настоящими.

— Я красавчик, — хмыкнул Рик, отбросив за спину все еще спутанные пряди, и это единственное, что отличало двух аниторнов.

— Только заметил? — рассмеялся настоящий Дальгард, и оба двойника повернули головы в их сторону, вопросительно изломив брови.

— Тибод, это потрясающе, — восхитился Риктор, наконец, входя в дверцу шкафа.

— Я тоже красавчик, — уже в полный голос расхохотался Тибод. Иллюзорные лорды рассмеялись вместе с ним, но вскоре вернулись к прерванной беседе.

Стены, как и ожидал аниторн, не было, была лестница. Он прошел первым, следом по каменным ступеням застучали каблуки сапог хозяина замка. Он обогнал гостя, зажег магический светлячок и уверенно направился вниз.

— Там архив нашего рода, — пояснил Дальгард, не оборачиваясь.

— Вы его не особо-то и прячете, — усмехнулся аниторн.

— Замок может открыть только кровь истинного Дальгарда, — пожал плечами Тибод. — К тому же стены и лестница выложены не солги-камнем. Думаю, ты знаешь, что это означает. Любые дурные намерения тут же вылезут наружу, здесь невозможно скрыть тайны. И если бы не твой амулет, ты уже начал бы мне открывать свои тайны. Так что защита неплохая, если учесть еще и родового духа-хранителя, который убьет любого, кто покусится на хозяев замка и их достояние.

— Беру свои слова обратно, — ответил Риктор, бережно погладив амулет с матушкиной душой. Некоторые свои тайны ему открывать никому не хотелось.

Мужчины сошли с последней ступеньки, уткнувшись в тупик, и Дальгард произнес в пустоту:

— Рорк, открой.

Из каменной стены высунулась безобразная голова духа. Он подлетел вплотную к аниторну, и в черноте пустых глазниц зажглись блекло-голубые огоньки. Рик невольно отшатнулся, когда ощутил ледяные иголки, прошившие голову.

— Рорк! — рявкнул Тибод.

Дух нехотя отплыл от Илейни. Описав по воздуху круг, Рорк нырнул в стену, и она истаяла, открывая обычное хранилище книг и свитков.

— А если кто-нибудь развеет Рорка? — спросил Риктор.

— Невозможно, — ответил Дальгард, усаживаясь на край стола. — Это родовой дух, он привязан к этому замку. Пока существует хотя бы один камень, Рорк будет охранять его. Присаживайся, — он указал на старое потертое кресло.

Аниторн послушно опустился на указанное место и вопросительно взглянул на пожилого лорда, ожидая его рассказа. Но вместо слов Тибод подал Риктору тетрадь, лежавшую рядом с ним.

— Будет тяжело, — предупредил он. — И все же прочти, потом я буду говорить, если тебе еще понадобятся слова. Это записи моего деда.

Рик кивнул и открыл страницы, заложённые шелковой ленточкой. Белый шар света вспыхнул ярче, и, благодарно кивнув, лорд Илейни углубился в чтение.

«Господин был неосмотрителен. Известная всем черта столь благородного рода, каким без всякого сомнения является род Илейни — прямолинейность. В этот раз она сыграла против нашего господина. Коварный жрец вновь приходил к нему. Сил нет, как хотелось вырвать ему его гнилое сердце, но мой лорд велел не трогать гадину. О чем они разговаривали, мне не ведомо, но после лорд Родриг сокрушался о том, что не сумел слукавить, и что не нужно было ссориться с балахонниками. Однако же сделанного не вернуть, и последствия несдержанности нашего господина оказались губительны.

Воины вошли в замок Илейни под видом королевских посланников. Их было немного, и господин приказал открыть ворота. Мы не знали, что под плащами их скрываются знаки магической гильдии, и ночью они обрушили ворота, опутав стражу на стенах заклинаниями. Замок наводнили убийцы. Они резали всех подряд, не жалея ни стариков, ни женщин, ни детей, если они оказывали сопротивление.

Господин и его старший сын успели вооружиться и броситься на защиту замку, но силы были неравны. Верный господину маг пал одним из первых, и более противиться магам короля было некому. Проклятая братия бросилась к драконникам, где метались в ярости могучие звери, почуявшие запах смерти.

Господин, узрев, что маги входят в драконники, пришел в страшный гнев. Он бросился на спасение драконов, и я, его верный слуга, поспешил следом. Еще не добежав, мы слышали жуткий рев гибнущих драконов. Тьма объяла разум от той боли, что слышал я в трубном гласе прекрасных зверей, о которых мы заботились, отдав им свои сердца. Мой любимец — Яшмах, великолепный, сильный, неукротимый дракон, один из лучших самцов господина, упал к моим ногам, когда я вбежал в драконник. Из ноздрей и пасти его безудержно текла кровь, отнимая жизнь. Яшмах не ревел, он рыдал, глядя мне в глаза. Я упал

на колени рядом с ним, кажется, что-то кричал, сейчас сложно вспомнить. Я до сих пор вижу его глаза, и мне кажется, что верный зверь вопрошал у меня: «За что?».

Этот же вопрос и я задаю себе и по сей день, не понимая, за что были уничтожены отважные драконы, ни раз доказавшие свою преданность людям и спасавшие королевство от многих бед, неся на своих спинах воинов господина, с честью служившего нашему властелину. Так за что же он предал лорда Илейни и уничтожил силу, пугавшую врагов его королевства? Ради чего умер мой Яшмах, изрыгая из разверстой пасти потоки крови и корчась от снедавшей его боли? Ради чего гибли в страшных муках драконы? Ради чего погиб мой добрый господин, которого я не успел спасти? Ответ я искал долго, но так и не смог его постичь до конца.

Но сумел увести несколько драконов из третьего драконника, до которого не успели добраться маги. Умирая, лорд Родриг велел мне увести их и заботиться, как заботился он и его предки о могучих летунах. Сказав свое повеление, он отдал душу Огненным, распростертый на теле своего дракона, чью жизнь так и не сумел отстоять.

Покинув драконник, я прихватил несколько воинов господина, и мы поспешили к драконнику с молодыняком. Юные, еще только встающие на крыло летуны, не были обучены летать под упряжью. Даже наши тела оказались для них тяжелы, но мы сумели поднять их в воздух и устремились к моему родовому замку, подаренному еще прадеду прадедом моего павшего лорда. Здесь мы спрятали пятерых юных драконов серой масти, привезенных господином из Къельских драконников.

После я узнал, что от славного рода остался лишь младший сын господина, десяти лет от роду, да его матушка. Она сказала мне в тайне, что король велел покинуть Побережье. И еще он повелел никогда не разводить более драконов, обещая уничтожить и последний росток древнего рода, коли юный господин вздумает послушаться. Леди Илейни отпустила всех, кто остался верен роду Илейни, взяв с нас клятву никогда не приближаться к ее замку, куда госпожа увезла юного лорда. Само слово «дракон» отныне подлежит в ее землях гонению. Несчастливая женщина, как настоящая драконица, защищает свое чадо от бед и смерти. Да хранят ее Боги...»

Рик прикрыл тетрадь и уставился перед собой в пустоту, все еще видя описанную картину гибели своего рода. Все это он знал и раньше, не знал лишь о приказе не разводить драконов, и понимая теперь, отчего история его рода могла быть искажена и до него дошла в том виде, в каком он ее знал. Тогда что скрывали его предки? Что за тайну хранили, прознав которую жрец погубил род... Король погубил...

— Жрец оговорил мой род? — глухо спросил он у молчавшего Дальгарда.

— Насколько я понимаю, оговор имел место, — кивнул Тибод.

— А ты помогаешь мне...

— Потому что мой род присягал на верность твоему до последнего колена, — улыбнулся пожилой лорд и поднялся со стола, склонив в почтении голову. — Клятва рода, мой лорд.

Илейни отмахнулся, и Дальгард снова присел на край стола.

— Скрытно мы продолжали служить вам, — продолжил Тибод. — Как могли. Словом, тайным делом, следили за врагами, но их у вас почти не осталось. Род Илейни в одночасье ослаб и был изгнан. Вы больше не были опасны, ни жрецам, ни королю. Но вот ты вернулся на Побережье, и в драконник вошел первый дракон за почти сто лет.

— Был еще один дракон, — все так же глухо отозвался Рик.

— Да, — кивнул Дальгард, показывая свою осведомленность. — Его огонь не проснулся, потому его посчитали безопасным.

Риктор вскинул голову и посмотрел на лорда.

— Причем здесь огонь, Тибод?

— Все драконы в драконниках Илейни были огненными, — ответил он Рикку, и тот потрясенно охнул. Дальгард улыбнулся. — Да, мой лорд, они все были огненными, потому их и уничтожили. — Мужчина вдруг нахмурился и ударил ладонью по столу. — Мерзкие балахонники! Ты знаешь, что такое Божественный Огонь, Рик? Ты знаешь, что это такое? Это драконий огонь, добытый при помощи алхимии! Идем!

Риктор, все еще оглушенный последними вестями, послушно поднялся на ноги и последовал за Дальгардом, уже подошедшим к не приметной дверце. Открыв ее ключом, пожилой лорд стремительно пересек порог и указал на три чаши:

— Узнаешь? Голубой огонь — холодный огонь, очищающий. Красный — карающий и белый...

— Благословение, — произнес аниторн, подходя к чашам.

— И их зажег я. Я — бог! — воскликнул Тибод и рассмеялся. — Или же жрец, как тебе будет угодно. А вот сферы с Божественным Огнем, — он стянул ткань с глубокой глиняной миски, где покоились знакомые Рикку шарики с огнем. — Мой отец еще начал изучать алхимию. Мы не особо сильные маги, потому дед не смог противостоять магам-убийцам в замке своего господина. И хвала Богам, если они, конечно, есть, иначе мы бы многого не узнали. Мой отец в то время жил со своей матушкой в этом замке. Он говорил, что дед кричал ночами по возвращении, после гибели лорда Илейни. Бывало, крепко напивался и все порывался поджечь обитель жрецов, как насмешка над их верой. Впрочем, не об этом. — Дальгард сунул руку в холодный голубой огонь. — Так вот. Мой отец начал изучать алхимию, я продолжил его опыты. Результат ты видишь. Нет никакого Божественного Огня, есть подделка под драконий огонь, усовершенствованный, разделенный на несколько видов, измененный цветом, кроме благословения. Он остался полностью сходным с огнем драконов. Они будто хотели убрать соперников...

— Стой! — вскричал Рик, хватаясь за голову. — Помолчи. Я, кажется, начинаю понимать. Огонь, полившийся с неба на Виллианов... Драконы! Их уничтожали драконы, а не Боги, но... Сила Виллианов губительна для летунов, тогда... Бездна! Мне нужно больше знаний!

— О чем ты говоришь? — Дальгард подступил ближе, выжидающе глядя на аниторна.

— Валистар Илейнарий, повелитель Риера. Он сошелся с Врагом, — продолжал говорить сам с собой Илейни. — Но оказался бессилен против Виллианов, как и они против Валистара и его воинов... Значит, драконы поднялись против Виллианов. Поднял Валистар? Бездна! — прорычал лорд, почти выбегая из комнатки, где стояли чаши с Огнем.

— Рик, проклятье, стой! — выкрикнул Тибод, кидаясь следом. — Причем тут Виллианы? Кто такой Валистар Илейнарий... Илейнарий? Он твой предок? Риер... Объясни!

— Побережье — Риер... Мне нужна карта древних земель, — выкрикнул аниторн, устремляясь прочь из хранилища. Но вдруг остановился и обернулся к хозяину замка. — В твоём драконнике серые драконы...

— Да, Рагдар был одним из тех, кого дед спас...

— Он был без огня, — перебил его Риктор. — Твои драконы лишены огня, но в драконниках моего прадеда были огненные драконы. Почему?

Дальгард пожал плечами, впервые задумываясь об этом.

— Возможно, они чувствовали, как гибнут их сородичи, страх, первый полет с седоками... Я не знаю, Рик, — сдался Тибод. — Мы их холим, заботимся, драконоводам запрещено применять драконью магию без причины, и причина должна быть, не меньше, чем угроза жизни. Все так же, как и в драконниках Илейни, но огонь не проснулся... А у твоего Гора огонь есть.

— Есть, — кивнул аниторн. — И появился в положенное время. Еще одна загадка? Что-то загадки множатся с каждым днем. Карта древних земель есть? — без перехода спросил Риктор.

Дальгард помотал головой. Древних карт не сохранилось, как и многого, что могло рассказать о тех временах, когда произошло нашествие Врага. О Риере было известно лишь то, что существовали земли с таким названием, но, то ли рьерцев покарала Боги, то ли произошло еще что-то, но от древнего королевства осталось лишь название, которое еще изредка вспоминали в старых балладах, да можно было найти его в летописях, более поздних, чем времена нашествия. И теперь вдруг и это забвение стало казаться подозрительным, словно кто-то хотел уничтожить все, что было связано с древними землями, их властителями и... драконами.

Даже то, что уничтожались целые стаи свободных драконов начало видеться совсем в ином свете. И тем более начало видеться подозрительным то, что у тех летунов, кто жил в неволе не было огня. И чем больше времени проходило, тем реже просыпался огонь в могучих драконьих утробах. Впрочем, и самих драконов становилось все меньше. Великаны вырождались, плохо размножаясь в неволе.

— Это все начинает обретать смысл, — произнес Рик, останавливаясь посреди лестницы из не солги-камня. — Если и правда в войне с Виллианами победу помогли одержать драконы, и религия Огненных Богов родилась на осколках правды, то жрецы могут бояться разглашения, тогда весь культ рухнет. Но... — он потер подбородок о чем-то мучительно думая. — Сколько столетий прошло, почему от моего рода решили избавиться так недавно? Что напугало того жреца, с которым был так неосторожен мой прадед? — аниторн уселся на ступени, спрятав лицо в ладонях. Дальгард присел на несколько ступеней ниже, покорно ожидая, когда Риктор Илейни решится заговорить, чтобы помочь ему разобраться с тайнами, что так взволновали молодого господина. Наконец, он поднял голову, и устало посмотрел на лорда Тибода. — Покажи печать.

Дальгард послушно расстегнул камзол, развязал тесемки, стягивавшие ворот рубахи, и оттянул ее, обнажая левую сторону груди, где замысловатой вязью скручивались линии печати, закреплявшей клятву рода. Сейчас линии были едва заметны, больше напоминая заживший шрам. Рик протянул руку и коснулся кончиком пальца центра печати, поддаваясь случайному порыву. И тут Тибод судорожно вздохнул и стиснул зубы, мучительно застонав. Линии печати прочертил всполох белого огня, выжигая печать, подобно клейму. А когда сияние исчезло, на коже лорда Дальгарда проступил герб рода Илейни, сложивший хаотичные бледные переплетения в четкий рисунок.

— Мой лорд, вы призвали нас, — все еще хрипло произнес пожилой мужчина, склоняя голову.

— Призвал... — эхом откликнулся аниторн.

— Моя печать вновь наполнена силой, и вскоре каждый мужчина моего рода ощутит ее зов.

— Хорошо, мне сейчас нужны верные люди, — кивнул Риктор, принимая случившееся, как данность. — Приходит время вернуться к истокам и вспомнить, с чего все началось. Не узнав правды прошлого, мы не поймем происходящего в настоящем. Ты летишь со мной, Тибод.

— Да, господин, — Дальгард дождался, пока аниторн выйдет из тайного хода. — Я рад, что мы можем исполнить старую клятву. Временами печать начинает зудеть, но сложно понять, к чему тревога, когда сила, связывающая нас, спит.

Рик обернулся, пристально взглянув на Тибода.

— Ты давно не участвовал в Играх...

— И не участвовал бы и в этот раз, но пришли вести, что вы подниметесь в небо на своем драконе и будете бороться за Побережье. Зуд печати поднял меня тогда среди ночи, и не отпускал до тех пор, пока я не объявил, что приму участие в Играх, — ответил мужчина.

— Ты все время летел рядом со мной. Я думал, что мыслишь так же, как и я, давая другим первым проверить ловушки...

— Я следил, чтобы никто не совершил подлости, навредив вам, мой лорд. Если бы не черный туман, я бы так и остался рядом, прикрывая до тех пор, пока вы не возьмете свою награду. Побережье всегда принадлежало роду Илейни, и пришло время вернуть наследие.

— Несколько непривычно слышать от тебя «вы», — усмехнулся Рик. — Пожалуй, я хочу, чтобы мы разговаривали, как прежде. К тому же не за чем другим знать о переменах. Призыв должен остаться тайной до поры.

— Как угодно моему господину, — склонил голову Дальгард.

Иллюзорные лорды рассеялись, и настоящие вернулись на прежние места. Аниторн в два глотка опустошил свой кубок, отставил его в сторону и взялся за кувшин с вином, вновь наполнив его. Мысли метались в голове, как растревоженные пчелы. Неожиданные ответы вызывали еще больше вопросов. Кто мог ответить на них?

— Как давно твой род связан с моим? — спросил Илейни, вновь опустошив кубок.

— Не знаю, — мотнул головой Тибод. — Прадед и прапрадед уже служили Побережным лордам, у отца печать была еще читаемой. У меня и моих сыновей напоминала шрам. У кузенов так же. Поколения, рожденные после изгнания рода Илейни получили свой отпечаток на теле, но он был не активен... до сегодняшнего дня.

— Интересно, почему старый дракон в нашем драконнике был без огня? — снова потер подбородок Рик.

— Возможно, он был уже стар, когда случилась трагедия в замке на утесе, — немного подумав, ответил Дальгард. — Огонь просто перегорел. С возрастом их пламя теряет мощь и силу, потом вовсе исчезает. Я читал об этом в записях своего рода. Там очень много о драконах, об их разведении, о привычках и порядках в стае. Есть даже история о том, как дракон выбрал своей парой... — лорд сделал паузу и после расхохотался. — Авехендру! Представляешь? Авехендру!!!

Аниторн поперхнулся глотком вина, который как раз успел сделать, отчаянно закашлялся, чувствуя, как на лбу выступила испарина.

— И что было с этой... парой? — осипшим голосом спросил Риктор, впиваясь взглядом в хозяина замка.

Дальгард хмыкнул, не замечая того, что творилось с его лордом. Он так же сделал глоток из кубка и с громким стуком поставил его на стол, воскликнув:

— А что может быть между драконом и авехендрой, если она ростом с человека? Ходил

за ней, оберегал, защищал, потом и вовсе утащил в горы и запер в пещере. Вроде авехендра сбегала, когда он улетал на охоту, но дракон ее неизменно находил и возвращал. А потом тварь попросту сдохла от голода. Ты же знаешь, как и кого жрут авехендры. Дракон убивал ее добычу раньше, чем очередной бедолага успевал пустить слюни на людоедку. В записях говорится, что он даже сбежал из драконника ради нее. Искали, нашли и наблюдали, ожидая, чем все закончится. Разбить пару не решились, понимая, чем грозит разрыв, потому надеялись, что он угомонится после смерти авехендры и сможет вернуться в драконник. В конце концов, после смерти своей избранницы или избранника драконы не умирают, но остаются им верными до конца. А этот обезумел, когда обнаружил мертвую авехендру. Должно быть, невозможность обладать ею, как самкой, сыграло в этой истории немалую роль.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что с ним сделали? — прохрипел аниторн, пытаясь усмирить бешеный стук сердца.

— Пришлось убить, — поморщился Тибод. — Дракон начал охотиться на людей, выжег несколько деревень. Возможно, он считал людей виноватыми в ее смерти, все-таки его возлюбленная все время стремилась к мужчинам. Бедолаге было невдомек, что ей просто нужно жрать. Рик, — Дальгард перевел взгляд на побелевшего лорда. — Что с тобой?

Илейни мотнул головой, рывком поднимаясь из кресла. Он подошел к окну и уперся лбом в холодное стекло.

— Что будет, если сделавший выбор дракон, сойдется с другой самкой? — все так же хрипло спросил Илейни, рванув ворот своего камзола.

Дальгард нахмурился, обдумывая его слова. Но вдруг вскочил с места и стремительно приблизился к господину.

— Гор сделал выбор? Ты уверен? Как это было? Отвечай! — пожилой мужчина рывком развернул к себе аниторна, тут же схватившись за место, где находилась печать и зашипел. После повинно опустил голову. — Простите меня, господин.

— К Бездне прощение, Тибод, — отмахнулся Рик. — Гор выбрал человеческую женщину, мою женщину! По крайней мере, он пытался меня сжечь, учуяв на мне ее запах. Потом умчался прочь, чувствуя вину, а когда вернулся уже не кидался на меня, но на нее смотрел с тоской, искал возможности быть ближе. Я не знаю, можно ли считать это выбором...

— Пожри тебя Виллианы, мой лорд, — зло выругался Дальгард и стремглав бросился прочь из кабинета.

Риктор устремился следом, и уже на лестнице услышал крик хозяина замка:

— Закрывай ворота! Опутать Ханнис защитной магией, не пускайте его к ней! Не пускайте! Солому убрать немедленно! Боги! Я выжгу запах. Бездна!

Аниторн выбежал в замковый двор и увидел Гора, уже выглянувшего из драконника. Он жадно втягивал носом запах драконицы, шедший от соломы. Замутневший взгляд дракона блуждал по двору, отыскивая ту, что привлекла его внимание, порывая и нервно водя по каменным плитам хвостом. Челядь и воины метались по двору, убирая солому и спешно закрывая тяжелые ворота, за которыми была скрыта драконица. Дальгард стояла, простерев ладони над плитами, устилавшими двор, и что-то шептал, понятное ему одному.

Рик поспешил к своему дракону. Он встал перед ним, негромко позвав:

— Гор.

— Ар-р, — ответил летун, все еще водя носом.

Илейни обернулся к хозяину замка, крикнув:

— Но ему нравится запах Ханнис!

— Конечно, — недовольно отозвался тот. — Любому кобелю нравится запах течной суки. Если я и готов их познакомить, то теперь только после окончания гона моей принцессы. — Мужчина открыл глаза и посмотрел на лорда. — Впрочем, Ханнис — наследие моего господина, и если он хочет пустить своего дракона...

— Чем грозит их совокупление? — оборвал Рик Дальгарда.

Тибод опустил руки и подошел ближе, хмуро рассматривая Гора, теперь с шумом фыркавшего и озиравшегося в недоумении. Запах, привлечший его, исчез, и взгляд желтых глаз прояснился. Дракон фыркнул и опустил голову к своему человеку. Риктор погладил великана по лбу и вновь обернулся к Дальгарду.

— Ты не ответил, — напомнил Рик.

— Ничего хорошего не будет, — со вздохом ответил тот, уже спокойней. — Когда он изольется, и желание покинет дракона, наступит прозрение, после гнев. Возможно, безумие. Драконы, в отличие от людей, любят один раз и навсегда, никогда не изменяя своему избраннику. Скорей всего, он разорвал бы Ханнис, как только слез с нее. Возможно, спалил мой замок и его обитателей, включая тебя и меня. Тебя посчитал бы предателем, который заманил его в ловушку. Он сделал выбор, Рик. Дракон может только в одном случае кинуться на того, кому доверяет, и кого считает своим — ревность. И мне даже странно слышать, что Гор не пытался убить тебя после.

— Так может, все-таки временное увлечение? — в глазах Рика появилась надежда. — Решено, когда гон закончится, мы сведем Гора и Ханнис. Если он останется к ней равнодушен, то оставим ее в покое. Мой дракон не единственный, пара ей еще найдется.

— Это разумное решение, — склонил голову Дальгард. — Когда мой господин желает покинуть замок?

— Немедленно, — ответил Илейни. — У меня слишком много вопросов, на которые нужно найти ответы, и ты мне кое в чем поможешь.

Дальгард склонил голову и поспешил начать сборы в дорогу.

Глава 20

Волны с яростью налетали на скалистый берег, взрываясь тысячами пенных брызг, долетали до лица, оставляя на коже холодные капли. Солнечный свет отражался слепящими бликами от бугрящихся волн, заставляя прикрывать глаза. Где-то недалеко пел песню одинокий надтреснутый голос. Невидимый рыбак сильно фальшивил, но старательно выводил слова фривольной песенки.

Эрхольд слизал с губ морские брызги и отвернулся от моря. Взгляд его скользнул по женской фигуре, стоявшей неподалеку. Ветер играл черными прядями, подкидывал их, путал. Женщина вскинула лицо к небу, закрыла глаза, наслаждаясь солнечным теплом и запахом моря. На губах ее блуждала мечтательная улыбка, и Эрхольд подумал, что не видел ничего прекрасней в своей жизни.

Широкими шагами он сократил расстояние до женщины, грубовато обнял ее, рывком притягивая к себе, и накрыл губами улыбку. Женщина дернулась, но тут же узнала того, кто так неожиданно выдернул ее из мечтательного забытья. Тонкие руки сплелись на шее черного лорда, пальцы зарылись ему в волосы, и она подалась к мужчине всем телом,

отвечая на поцелуй.

Ладонь Дархэйма накрыла затылок возрожденной, пальцы сжались, собирая в кулак черные волосы, и женщина откинула голову назад, повинувшись властному жесту Эрхольда. Он некоторое время вглядывался в глубину черных глаз, что-то пытаясь найти в них. Не нашел. Мужчина поджал губы и прижал голову возрожденной к своей груди, снова обнимая ее.

— Иногда ты меня пугаешь, — произнесла она, и лорд поморщился.

Голосовые связки все еще не восстановились, и голос продолжал звучать грубо и надтреснуто.

— Помолчи, — почти ласково велел он.

Виалин... ее тело с чужой душой, послушно замолчала. Кажется, она старалась даже глубоко не вдыхать, чтобы не вызвать его злости. Замерла, стиснув руки на мужской талии, словно боялась выпустить и упасть в Бездну. Прижалась щекой к груди Эрхольда, слушая размеренные удары его сердца, и тихонечко потянула носом, вдыхая приятный запах терпкой ароматной воды, которой он пользовался во дворце, как велели нынешние порядки. Зажмурилась, и улыбка сама собой появилась на женских губах. Она любила его.

Душа безвестной служанки, оказавшись в новом теле, не хотела забывать себя. Ей было страшно... по началу. Но потом она разглядела свое новое вместилище и пришла от него в восторг. Это тело было во много раз красивей ее прежней оболочки. И новое имя ей тоже нравилось. Виалин... Была в нем нежность, звучащая чудесной мелодией, особенно, когда его произносил мужчина, обнимавший ее сейчас.

Мужчина нравился душе даже больше, чем ее новое тело и имя. Она никогда не видела никого красивей, даже не смела мечтать, что благородный лорд будет заботиться о ней, глядя с затаенным обожанием. Следить за каждым движением, касаться с трепетностью и любовью. Их не могли скрыть ни злость, иногда вспыхивавшая в его глазах, ни язвительный горький смех, порой вырывавшийся из его горла, когда Виалин рассматривала в зеркале новый наряд, подаренный Эрхольдом. Она смеялась и хлопала в ладоши, крутясь перед зеркалом, а он стоял, припав к стене плечом, рассматривал ее с жадным интересом, а потом вдруг начинал смеяться, но почему-то Виалин казалось, что смеется он не над ней, а над собой. Женщина спешила к нему, чтобы обнять и успокоить, но Эрхольд удерживал протянутые к нему руки, целовал узкие ладони и уходил, приказывая не покидать покоев.

И она, скованная печалью и тоской, сидела, послушно ожидая его возвращения. Вспоминала черты лица, его настоящего лица, оно ей нравилось намного больше, чем лицо придворного, которого она в прошлой жизни видела много раз. Когда-то ей нравился тот придворный, но теперь, когда Виалин узнала его настоящего, светловолосый образ уже не казался таким притягательным.

Когда Эрха не было рядом, женщина часто представляла, как зарывается пальцами в волосы, как целует лицо, опускаясь на подставленную шею, развязывает тесемки, стягивающие ворот рубахи, обнажает его грудь... А дальше представлять было страшно. Душа принадлежала девственнице, в ее жизни еще никогда не было мужчин, но с тех пор, как появился черноволосый лорд, она все больше хотела узнать, каково это — отдать свое тело мужчине.

Но он целовал ее, часто усаживал к себе на колени, ласкал ладонью спину, играл с черными прядями волос, пропуская их между тонкими длинными пальцами, но не просил большего. И не позволял ей заговаривать об этом. Виалин немного обижалась, но потом видела его взгляд, наполненный тоской и любованием, и обида уходила сама собой, оставляя

после себя привкус щемящей нежности. И тогда хотелось спрятать его ото всех, закрыть собой, оберегать от невзгод и бед, отдать ему все свое тепло, чтобы прогнать холод, так часто сковывавший льдом серые глаза.

— Я люблю тебя, — прошептала Виалин, изо всех сил прижимаясь к мужскому телу.

Эрхольд резко отпрянул, ухватил за подбородок и заглянул в черные глаза, увидев в них отзвук слов, прозвучавших вслух.

— Повтори, — неожиданно севшим голосом потребовал мужчина.

— Я люблю тебя, — послушно повторила она и улыбнулась.

Черный лорд отступил на шаг, продолжая вглядываться в лицо Виалин. Сколько он ждал, когда эти губы произнесут три необходимых ему слова, сколько мечтал услышать их, и вот услышал, только...

— К Бездне, — выдохнул Дархэйм, отворачиваясь от Виалин.

Признание всколыхнуло вспышку раздражения. Это было лишним, совершенно ненужным. Она не должна испытывать чувств, сильных чувств. Холод, голод, жара, усталость, желание спать — больше инстинкты, чем чувства. И уж никак не любовь. Душа оказалась сильнее, чем он думал, это нужно было срочно исправлять. И самое противное, что он сам не дал ей погрузиться в забвение. Не стоило обращаться с телом, как с настоящей Виалин. Не нужно было просиживать с ней ночами, не нужно было баловать, притрагиваться, целовать. Это все было лишним. Нужно исправить, нужно вытравить чувства.

— К Бездне, — повторил Эрхольд.

Ему на плечи легли узкие женские ладони.

— Эрх, — позвала его женщина. — Я расстроила тебя? Мне просто хотелось сказать то, что чувствую...

Он порывисто обернулся к ней, снова ухватил за подбородок и отчеканил ледяным тоном:

— Мне не нужны твои чувства.

— Почему? — она смотрела с удивлением и непониманием. — Ведь ты так добр со мной, так ласков...

— Тебе показалось, глупышка, — усмехнулся мужчина, снова отворачиваясь от нее.

— Нет, Эрх, мне не показалось! — воскликнула Виалин, забежая вперед. Она обхватила ладонями его лицо и жарко заговорила: — Такое не может почудиться. Как говоришь, как смотришь, как целуешь — это все было, я видела, чувствовала. Ты тоже любишь меня...

— Люблю? — его бровь изломилась, и в глазах сверкнула насмешка. — Люблю тебя, мое создание? Ты в это, действительно, веришь?

— Да, — шепнула женщина, стараясь не показать неожиданного страха и обиды от издевки, ясно послышавшейся в его словах.

Больше не говоря ни слова, Эрхольд сжал запястье Виалин железной хваткой и направился к замку, так и оставленному на скалистом берегу после того, как Дархэйм перенес его из Изумрудной долины. Он протащил женщину через ворота, не обращая внимания на ее испуганные вскрики, не глядя на личей, склонивших головы при его приближении.

— Эрх! — кричала ему в спину Виалин. — Эрх, остановись!

Но он не слушал ее мольбы, продолжая свой стремительный бег. Не оглядывался, чтобы не видеть ее лица и не поддаться жалости. Дархэйм даже запретил себе думать о ней, как о

возрожденной Виалин, помня лишь, что за его спиной стонет маленькая глупая служанка, поверившая в то, чего нет. И сейчас он даже был рад, что ее голосовые связки не восстановились до конца, и голос, звучащий за спиной, даже отдаленно не напоминает голос настоящей Виалин.

Открыв дверь своих покоев, Эрхольд втолкнул внутрь запыхавшуюся женщину. После развернулся и заорал:

— Ингер!

Ответа не последовало. Дархэйм поджал губы и прислушался. Он уловил обрывки мыслей, заставивших его нахмуриться. «Он не должен узнать...». Чего он не должен узнать? Его шустрая игрушка вновь куда-то сунула свой нос? Это было даже любопытно. Словно по путеводной нити черный лорд шел по следу леди Илейни, используя их связь. И чем дальше он шел, тем сильнее хмурился. Ингер пролезла в закрытое крыло замка, куда сам Эрхольд не заходил больше восьми или девяти лет.

— За какой Бездной? — прошипел лорд.

Ингер он слышал еще задолго до того, как она выскочила на него. И когда женщина увидела своего любовника, она охнула, развернулась и бросилась прочь. Дархэйм не бежал следом, не пытался догнать, даже Силу свою не выпустил. Он стоял, широко расставив ноги, и следил за узкой женской спиной, исчезающей во мраке неосвещенного коридора. Дал ей отбежать подальше и проникновенно позвал:

— И-инге-ер, сладкая моя.

— Эрхольд, — послышался стон из темноты.

— Иди ко мне.

И она пошла, не в силах сопротивляться незримой цепи, приковавшей ее к полувиллиану. Черный лорд бесстрастно смотрел на искаженное мукой осунувшееся и подурневшее лицо леди Илейни. Ее жизненные силы медленно, но верно уходили, питая ее господина. Некогда чудесные черные волосы спутались, и Эрхольд подумал, что она уже несколько дней не брала в руки гребень. Неопрятное платье висело на исхудавшей фигуре, не скрывая выпирающих ключиц.

Полувиллиан совсем не заботился о своей игрушке, бросив ее одну в замке. Она отдавала ему свои силы, он мог подпитывать ее своей страстью, но с того дня, как возродил тело Виалин, черный лорд ни разу не возвращался в свой замок. Сколько Ингер еще продержится, пока ее душа не покинет ослабевшего тела, перемещаясь в темницу, где томились другие души? Немного, уже немного...

Мужчина усмехнулся, вновь слушая ее мысленные призывы к смерти. Леди мечтала, что смерть освободит ее, ждала, молила, звала, даже не подозревая, что для нее смерть не станет избавлением. Она теперь принадлежала Дархэйму, целиком и полностью. Тело, душа, мысли, жизненная сила. Все это было в его власти. Эрхольд вдруг подумал, а не отпустить ли ее? Разорвать привязку, свернуть шею и забыть о глупышке, посмевавшейся однажды предать его, случайно запустив своим неосмотрительным поступком целую цепь событий, осложнивших ему жизнь, и ставших преградой в намерениях, достижение которых казалось легким и не обременительным.

Подумать только, она всего лишь украла два амулета и отправилась на Побережье, чтобы соблазнить и привязать к себе Риктора Илейни. И вот он уже роет землю, отыскивая те же сведения, что нужны и Эрхольду. На нем стоит защита, которую черный лорд не ожидал обнаружить. Но главное, если бы не глупость и предательство Ингер, он бы так и не

узнал, что Виалин жива. Всего лишь случайные события, звенья цепи, сплетенной самой Судьбой, а началом послужила эта постаревшая за короткое время молодая женщина, уже почти тень...

— Иди ко мне, — повторил Эрхольд, притягивая к себе леди Илейни.

— Я ничего не сделала, — в страхе прошептала она, но мужчина приложил палец к ее губам и легко подхватил на руки. — Что ты хочешь делать?

Она боялась его. Боялась так же сильно, как желала, и как ненавидела. Лорд поймал взгляд потускневших зеленых глаз и ответил:

— Всего лишь поблагодарить.

— Ты смеешься надо мной? — с дрожью в голосе спросила Ингер.

— Если ты будешь со мной честна, тебе будет только приятно, может быть, даже очень приятно, — усмехнулся Дархэйм.

Женщина настороженно затихла, но Эрхольд чувствовал взгляды, которые она бросала на него украдкой, слышал ее учащенное дыхание, знал, что желание уже побеждает все остальные чувства. А вскоре леди Илейни уже не прятала глаз, жадно рассматривая его. Ее голодный взгляд опьянял, помимо воли заставляя стискивать зубы, чтобы сдерживать разгорающееся ответное желание. Привязка усиливалась, стоило им оказаться рядом.

Наконец, Дархэйм не выдержал. Он опустил Ингер на пол, и она невольно попятилась, глядя в его голодные глаза, разом ставшие из серых черными. Все же она чувствовала за собой вину, иначе повисла бы на шее, а не вжималась спиной в стену, словно пыталась просочиться сквозь нее. Он все узнает, но позже. Сейчас проклятая привязка требовала от него совсем другого. Даже было немного жаль, что он не знал о том, что она действует на две стороны. Должно быть, она служит для связки пары, пары, состоящей из равных половин. Тогда желание и тяга приобретают смысл.

— Неважно, — отмахнулся Эрхольд, еще тесней вжимая Ингер в стену.

— Что неважно? — пролепетала она, все еще вглядываясь ему в глаза пытливым взором.

— Для тебя все неважно, — кривовато улыбнулся черный лорд, задирая подол ее платья.

Мужская ладонь накрыли жесткие волоски на лобке, белья женщина так больше и не надевала. Интересно, сколько раз за день она ласкает сама себя? Должно быть, часто. Ее потребность сейчас намного сильнее, чем раньше. Но и эта мысль не задержалась в голове Эрхольда, уступая место дурману страсти. Он смотрел, как Ингер откинула голову, приоткрыла губы, облизав их кончиком языка. «Словно змея», — подумал Дархэйм и поймал ее язык в ловушку своих губ.

Женщина вскинула ногу ему на бедро, открывая влажные складки лона. И когда умелые пальцы любовника огладили средоточие ее желания, вскрикнула, захлебнувшись в волне первого оргазма. Эрхольд оторвался от женских губ, почти любуясь ее искаженным страстью лицом.

— Странно, — вдруг удивленно произнес он, — но я, кажется, даже соскучился по твоим стонам.

— Я готова стонать для тебя вечность, — задыхаясь, ответила она, комкая в пальцах его камзол на плечах.

— О, нет, сладкая, — рассмеялся Дархэйм. — Ты будешь кричать.

И он насадил женщину на закаменевший от желания член. Всего несколько толчков, и мужчина глухо застонал, изливаясь в жаркое нутро своей любовницы.

— Так быстро? — в голосе Ингер прозвучало разочарование, и черный лорд усмехнулся.

— Приведи себя в порядок, я скоро приду, — сказал он.

— Ты опять обманешь! — воскликнула женщина, хватаясь за его рукав.

— Сегодня не обману, — Эрхольд легко оторвал от себя ее пальцы. — Жди, я скоро.

— Поклянись!

Дархэйм обернулся и изумленно вскинул брови. Ингер попятилась под насмешливым взглядом, после развернулась и поспешила в свои покои. Эрхольд дождался, когда женщина исчезнет, и направился в темноту, желая удостовериться в своей догадке. Он неспешно прошел в черноте длинного коридора, ведя рукой по стене. Дотрагивался до ткани старинных гобеленов, висевших тут, сколько он себя помнил. Черный лорд мог по памяти рассказать, что изображено на них.

Сколько раз он, еще будучи ребенком, рассматривал картины из легенд и жизни своих предков... человеческих предков. Содрогался, стоя перед изображением чудовища, пожирающего кричащего мужчину, и отец, его человеческий отец, говорил:

— Помни, мой мальчик, не всех тварей стоит призывать, с некоторыми человек справиться не в силах. Эта картина — наизидание.

Лорда Дархэйма-старшего Эрхольд любил. Даже, когда узнал о своей сути и тайне рождения, все равно любил и надрывно рыдал, когда он умер. Это случилось через шесть лет после рождения мальчика-полукровки. Идамон Дархэйм был привязан к сыну, гордился им, баловал. Говорил, что юный лорд однажды станет величайшим магом и прославит свой род, и мальчик мечтал, чтобы отец им гордился. Даже будучи малышом старался изо всех сил угодить ему, радуясь теплой улыбке лорда Идамона.

После его смерти многое изменилось. Хотя... Леди Дархэйм всегда была строга с сыном, порой Эрху казалось, что она его ненавидит, и особой привязанности между матерью и сыном не было, а после смерти отца и до полного взросления, матушка и вовсе стала сурова. Сколько она таскала сына в склеп, заставляя там простаивать перед саркофагами предков рода Дархэйм, и внушала:

— Ты — человек, Эрхольд. Ты всегда должен помнить, кто ты. Смотри, перед тобой покоятся твои предки. Они были славными магами и воинами, верными своему королю. Служили нашему миру, и ты должен помнить об этом. Ты должен походить на них, сын мой.

Мальчик знал наизусть их имена, знал историю жизни и деяний. Он учил генеалогию, как молитвы. Впрочем, молитвы он тоже знал наизусть, как и ритуалы. Через Огонь мать прогоняла сына, едва ли не каждую седмицу, и он перестал бояться Огня, зная, что холодное пламя не причинит вреда. И только «Благословение» сильно обожгло юношу, когда жрец слишком близко поднес свою чашу. После этого матушка пыталась закрыть сына в подземелье, велела читать молитвы и взывать к предкам, но... Эрхольду надоели ее страхи, и он снес дверь в своем узилище, поднялся наверх и сказал, не повысив голоса:

— Хватит, матушка. Ваше безумие мне надоело. Я тот, кем был рожден, и ваши тщетные попытки сделать меня кем-то иным, только злят.

— «Благословение» обожгло тебя! — воскликнула она.

— Белый огонь обожжет любого. Его никогда не подносят близко, — отмахнулся молодой лорд. — Даже жрецы никогда не касаются белого пламени.

Мать совсем отдалилась. Впрочем, молодому Дархэйму на это было уже плевать. Он давно не питал к женщине тех чувств, которые еще грели его душу в детстве. Когда-то он искал ее любви, мечтал о нежных объятьях, но так и не дождался. А после и вовсе стал равнодушен к женщине, родившей и растившей его. Родственной связи между матерью и

сыном не случилось. Леди Дархэйм не любила сына, сын оставался к ней почтителен, так велели правила, пока... Впрочем, об этом вспоминать было больно.

Эрхольд легко взбежал по лестнице вверх, свернул к некогда жилым покоям и остановился перед дверью со стертой позолотой. Он некоторое время рассматривал следы ног в толстом слое пыли. Здесь не убирались долгие годы, и Ингер оказалась первой, кто подошел к запертой много лет назад двери. Черный лорд прислонился спиной к двери, уперся затылком и прислушался.

Внутри запертых покоев царила тишина, даже шорох не нарушал ее. Поджав губы, мужчина осторожно поскребся, как это могла бы сделать леди Илейни. Тут же раздались шаркающие шаги, приблизившиеся к двери, и пожилой женский голос негромко спросил:

— Он ушел?

— Нет, матушка, — усмехнулся Эрхольд. — Он все еще здесь. Я смотрю, вы еще живы, даже не утратили разума и дара речи.

Она замолчала, но Дархэйм слышал тихое сопение.

— Сын, — после недолгого молчания отозвалась запертая женщина, — ты давно не навещал меня.

— Я считал вас мертвой, — ответил он. — Мы ведь с вами договорились, дорогая моя, что мы друг для друга не существуем. Вас не было, к кому мне было приходиться?

— Но ты все равно позаботился обо мне, — ответила она, и мужчина услышал шорох. Похоже, она тоже прижалась к двери со своей стороны. — Еда исправно появляется на моем столе все эти годы, горшок выносятся, даже новая одежда и книги...

— Забыть, что именно ваше чрево породило меня, я не могу, — усмехнулся Эрхольд. — Впрочем, я это сделал еще тогда, но давно забыл о вашем существовании, были иные заботы.

— Чем ты был занят, сын? — напряженно спросила леди Дархэйм.

— Исполняю ваши мечты, матушка, пытаюсь уничтожить этот мир, — он невесело рассмеялся. — Вы горды мной, леди Дархэйм? Вы ведь именно этого всегда от меня ждали? Надеюсь, не разочаровал. Теперь позвольте откланяться, мне пора совершить очередное черное дело.

Эрхольд уже сделал несколько шагов, когда его мать застучала в дверь кулаками, выкрикнув:

— Эрх, подожди! Прошу тебя, сын!

Он развернулся, склонил на бок голову, с любопытством прислушиваясь к ее крикам, но вернулся.

— У вас есть еще нужды, матушка? — бесстрастно спросил мужчина.

— Отпусти меня, сын... прошу тебя, — впервые в ее голосе он слышал мольбу. Не проклятия, не угрозы, ни оскорбления.

Черный лорд снова привалился спиной к дверям, скрестил руки на груди и усмехнулся:

— Помнится, когда я в последний раз повернулся к вам спиной, вы вонзили в нее нож. Вы утратили мое доверие, леди Дархэйм.

— Но ты желал недопустимого, Эрх! Я всего лишь...

— Хотели убить меня, матушка, — отчеканил Эрхольд. — Травили, резали, поджигали. Не вижу повода к вашему освобождению. Вы осуждены мной и наказаны заточением. И благодарите ваших лживых Богов, что все еще живы.

— Но это не жизнь! — выкрикнула леди Дархэйм.

Он уже не слушал. Развернувшись, мужчина направился прочь, оставляя свою мать в

одиночестве. Она быстро поняла, что он уходит, и мольба сменилась ненавистью. Женщина с силой ударила в дверь.

— Эрх, вернись! Тебе приказывает твоя мать!

— Моя мать умерла, — ответил Эрхольд негромко и больше не прислушивался, зная, что она вновь осыпает его проклятиями.

Годы не умолили материнской ненависти. Впрочем, возможно, все-таки ее рассудок был поврежден долгим одиночеством, но вникать в состояние душевного здоровья леди Дархэйм черный лорд не стал, оно ему было неинтересно.

— Чтоб ты сдох, выродок! — орала она, тут же визгливо требуя: — Открой немедленно эту проклятую дверь! Не смей уходить! Эрх, мерзкое отродье! — и вновь умоляла: — Прости меня, сын, прости! Я так давно не слышала человеческого голоса. Твои мертвецы меня пугают! Прощу, сын, выпусти меня, я больше не причиню тебя зла! Эрхольд! Ублюдок! Тварь из Бездны! Будь ты проклят! Сын, прошу...

Дархэйм свернул на лестницу. Он покачнулся, схватившись рукой за грязную стену, и издевательски захохотал, все-таки утратив равнодушие:

— Я тоже люблю вас, матушка! — выкрикнул мужчина. — Всей душой, дорогая моя.

Но уже через мгновение вернул себе самообладание и поспешил покинуть закрытую часть замка, решив узнать, как туда пробралась Ингер. Эрхольд отлично помнил, как в порыве ярости запечатал туда вход, и открыть его мог только он, но никак не леди Илейни, не имевшая даже толики магии, хотя бы этого мира. Но так хотя бы было бы подозрение, что две Силы все-таки могут вступить во взаимодействие, и в этом была бы даже польза, но Ингер Илейни оставалась пустышкой с канувшими в Бездну амбициями, и больше ничего.

На обратном пути он вновь остановился перед гобеленом с чудовищем. «Не всех тварей стоит призывать, с некоторыми человек справиться не в силах...». Картина-назидание. А он все-таки вызвал. Именно это чудище. Некоторое время юный Эрхольд смотрел, как извиваются щупальца растара, с отвращением, смешанным с восхищением перед мощью потустороннего стража, следил за приближением твари. После протянул ладонь, словно хотел поздороваться с порождением мира мертвых, и черные жгуты обвились щупальца чудовища, разрывая его на части. Все оказалось до отвращения простым и скучным. Дархэйм усмехнулся, схватил гобелен за пыльный край и сорвал его со стены, наступил на него, устремляясь дальше, тут же забыв и про гобелен, и про уничтоженного когда-то растара, и про наказ лорда Дархэйма-старшего.

Черный лорд промчался по переходам замка, подобно хищному зверю. Он уже свернул к покоям своей игрушки, когда услышал за спиной шорох и стремительно обернулся. Там стояла Виалин. Улыбка на ее губах угасла, и женщина дернулась в сторону. Эрхольд усмехнулся и направился к ней.

— Ты что-то хотела? — спросил он.

— Твои глаза, Эрх, — прошептала Виалин. — Они черные...

— Да, Ви, ты права, они черные, — кивнул мужчина. — Что-то не так?

— Это пугает...

— Правда? — он насмешливо изломил бровь.

Виалин сжала кулаки, словно заставляя себя не бояться, и вскоре она уже снова улыбнулась.

— Это все равно ты, Эрх, — ответила она.

— И как ты думаешь, кто я?

Его ирония совсем не нравилась женщине, но она все равно старалась ему доверять, потому что это был все тот же добрый и красивый мужчина, который обнимал ее так, будто она была его единственной ценностью. И помнила нежный шепот, и его поцелуи она тоже помнила. Просто его кто-то расстроил, и она должна успокоить, только и всего, а потом будет, как прежде. Обязательно!

Он сделал к ней неспешный шаг, мягко взял за подбородок, провел по нижней губе подушечкой большого пальца, насмешливо заглядывая в бледнеющее личико. Эрхольд с интересом рассматривал свое отражение в глазах Виалин, отчетливо ощущая все более возрастающий страх. Она не понимала, что с ним, не видела причин для перемен, не подозревала, что своей настойчивостью еще больше распаляет и без того злого лорда.

— Так кто же я, малышка? — повторил Дархэйм свой вопрос, тесня Виалин к стене.

— Ты самый лучший на всем белом свете, — наивно ответила она и вздрогнула, когда спина коснулась неровного холодного камня стены. — Эрх, зачем ты пугаешь меня?

— Разве я тебя пугаю? — усмехнулся лорд. — Разве ты не любишь меня?

— Люблю, — прошелестела она.

— Тогда почему боишься? Любимых принимают всякими. Такими, — глаза его вновь стали серыми, и Виалин облегченно вздохнула, уже готовая протянуть к мужчине руки. Но глаза его вновь затопила чернота, не оставив не единого белого проблеска, клыки удлинились, оцарапав губу. Женщина заворожено следила за каплей крови, побежавшей по подбородку. — Такими.

Голос Эрхольда стал ниже и проникновенней, но отчего-то Виалин почувствовала настоящий страх. Она сжалась, отдернув руки, а мужчина сделал шаг назад и осклабился, обнажив заострившиеся зубы в жутком оскале, закончив:

— И даже такими.

Черная Сила взметнулась вокруг него, закружила извивающимися змеями, опутывая тело лорда, почти полностью скрывая его от женщины, но в этой клубящейся хищной тьме, она увидела очертания тела, показавшиеся Виалин столь пугающими, что она закричала, закрывая глаза руками.

— Ты все еще знаешь, кто я? — прогрехотал голос чудовища из Бездны. — Ты все еще любишь меня?! Отвечай!

И он снова шагнул к возрожденной. Она не выдержала. В панике оттолкнула от себя Эрхольда, почти вернувшего себе прежний облик, развернулась и бросилась прочь, спеша скрыться за тяжелыми дверями его покоев, забиться в самую узкую щель, спрятаться. И его злой смех только подстегивал девушку, не позволяя остановиться или обернуться. Дархэйм замолчал, слушая, как невдалеке грохнула дверь, как скрипнуло по полу тяжелое кресло, загораживая вход в покои, и усмехнулся. Если бы он захотел, ни двери, ни кресло, ни даже вся утварь в его комнатах не задержали бы черного лорда. Но ему не было сейчас дела до дрожащего мышонка, спрятавшегося в его покоях. Так было даже лучше, она не должна любить, только не та душа, что заключена в желанном теле.

После откинул черную прядь со лба на плечо и толкнул дверь в покои Ингер. Она отпрянула назад, как только черный лорд вошел.

— Подслушивать нехорошо, сладкая, — усмехнулся он и поманил к себе женщину, сейчас живо напомнимшую зверька, готового сорваться с места при первых же признаках опасности.

Она тоже боялась его, но боялась гораздо сильнее, чем та глупышка, поддерживавшая

жизнь в теле Виалин до возвращения его хозяйки. И пусть Эрхольд знал, что его возлюбленная жива, но видеть ее он хотел именно в этом теле. А может, он только оправдывал свое желание обмануть себя подделкой, лишь бы продлить мгновения, пока Виалин покорна и податлива, потому что вожаденную добычу он готов был принять в любом обличье. Лишь бы можно было прикоснуться, убедиться, что она не бесплотный дух.

Дархэйм мотнул головой, отгоняя мысли о Виалин и ее возрожденном теле. Взгляд вновь почерневших глаз устремился к Ингер, и лорд поманил ее к себе. Мгновение поколебавшись, она все-таки шагнула в его сторону, гулко сглотнув. Эрхольд рассмотрел струйку пота скользнувшую по виску, теперь открытому тщательно причесанными и собранными на затылке волосами. Усмехнувшись, мужчина подошел к удобному глубокому креслу и опустился в него, расстегивая камзол до конца. После потянул шнурок на штанах, ослабляя пояс, и рассмеялся, глядя в голодные глаза леди Илейни.

— Я хочу расслабиться, — сказал он и откинул голову на спинку кресла, следя из-под полуприкрытых век за приближением женщины.

Ингер сделала еще один шаг и застыла, не сводя взгляда с паха любовника. Голод перерос в стойкую потребность прикоснуться, ощутить под ладонями его твердый член, опуститься на него... Мотнув головой, женщина отогнал желание немедленно оседлать Эрхольда, зная, что он уйдет, если она нарушит его приказ, пусть и высказанный, как пожелание. И она не посмела послушаться.

Приблизившись к креслу, Ингер опустилась между разведенных в стороны мужских ног, оттянула ослабленный край ткани, и тихо застонала, когда черный лорд приподнял бедра, словно подаваясь ей навстречу, и все же сейчас только позволяя приспустить штаны.

— Эрхольд, — хриплый шепот сорвался с уст женщины, когда ей в руку скользнул уже напряженный от возбуждения член.

Короткое мгновение она любовалась его величиной и силой, после осторожно коснулась кончиком пальца головки, размазывая пряную каплю его желания, уже увлажнившую мужскую плоть. Эрхольд глубоко вздохнул и окончательно смежил веки, чутко прислушиваясь к ощущениям, которые дарил ему ладонь Ингер, заскользившая по стволу вверх-вниз.

Вторая ее ладонь скользнула вверх по мускулистому мужскому животу, и лорд почувствовал горячее дыхание на своей коже. Ингер почти прижалась к его животу щекой, жадно втягивая запах сильного мужского тела. Эрх снова подался бедрами навстречу женской руке, продолжавшей ласкать его член. Ему было мало этого. Сейчас мужчина хотел ощутить, как влажный рот сомкнется на его плоти, как умелый язык слижет с головки тягучую смазку, скользнет по контуру головки...

Но Ингер продолжала ласкать налитой ствол ладонью, целуя плоский живот. Черный лорд открыл глаза, глядя на нее сверху вниз. Женщина почувствовала его взгляд и подняла голову.

— Продолжай, — велел Эрхольд, опустил ладонь ей на затылок и направил голову вниз.

Головка ткнулась в женские губы, и Ингер невольно облизалась, задев мужскую плоть. Снова вскинула глаза на лорда, удобней устраиваясь между его ног, и провела языком по всей длине члена, глядя ему в глаза. Эрхольд хрипло вздохнул, откидывая голову назад. Призрачная краткая власть над полувиллианом неожиданно опьянила Ингер.

— Эрх, — позвала она.

— Что? — чуть раздраженно спросил Дархэйм, не открывая глаз.

— Я хочу, чтобы ты смотрел на меня, — дыхание женщины вдруг прервалась, и она судорожно вздохнула, хватая ртом воздух.

Эрхольд изломил насмешливо брови, но глаза открыл и теперь глядел на любовницу сверху вниз ленивым взглядом зверя, играющего со своей добычей. И все же... Он послушался. Это привело Ингер в восторг. Она вновь облизала его член, продолжая следить за ним немигающим взглядом. После потянула ленту на груди, все еще стягивавшую полупрозрачную сорочку, распахивая ее. Приподнялась, подаваясь вперед, и лорд прерывисто вздохнул, следя за тем, как женщина ласкает себя его членом. Направляя рукой ствол, она провела шелковистой, поблескивающей от ее ласк языком, головкой по груди, обрисовывая ее контур, потерлась об него напряженными сосками, откинула голову назад, закусив губу, и протяжно застонала.

Эрхольд, следивший за Ингер, на мгновение прикрыл глаза, с шумом втянув воздух, но тут же снова поднял веки и продолжил наблюдать за играми возбужденной женщины. Она снова облизала головку мужского естества, приоткрыла рот, и Дархэйм толкнулся бедрами вперед, заполняя собой рот Ингер. Она дернулась, впиваясь ногтями в мужские бедра. Его ладонь легла ей на затылок, не позволяя увернуться или отодвинуться, и Эрхольд толкнулся еще несколько раз, с легкой насмешкой слушая, как начинает давиться женщина.

— Дальше сама, — усмехнулся он, закинул руки наверх, снова откинулся на спинку кресла, и на этот раз закрыл глаза, отдаваясь во власть леди Илейни.

Она судорожно вздохнула, стирая с глаз выступившие слезы. Подняла на любовника взгляд, но он уже не смотрел на нее, ее время закончилось, и теперь вновь властвовал только он. Впрочем, сейчас это меньше всего волновало женщину. Ей хотелось доставить ему удовольствие, и Ингер продолжала ласкать мужскую плоть языком и губами. То неспешно скользя по стволу, вслушиваясь в его участившееся дыхание, то ее движения становились быстрее, резче, и тогда ладонь лорда снова накрывала женский затылок, пальцы сжимали волосы, не позволяя леди спешить. И когда он мучительно застонал, подаваясь к ней бедрами, Ингер приготовилась принять горячую струю мужского семени, но Эрхольд резко отодвинул ее от себя.

— Не так быстро, сладкая, — переведя дыхание, усмехнулся он.

Протянул руку, сжимая запястье Ингер, и рывком поднял ее с пола, усаживая к себе на колени. Женщина накрыла мужскую грудь ладонью, потянулась к его губам, но Эрхольд перехватил ее за подбородок, отводя голову леди Илейни в сторону. Убрал черные пряди, тронутые сединой, обнажив нежную кожу шеи, и сам склонился к ней, прокладывая дорожку почти невесомых поцелуев вверх, коснулся языком мочки уха и ощутимо прикусил ее зубами, слушая короткий вскрик Ингер.

После отпустил и снова лизнул, сжал губами, посасывая. Дыхание женщины было тяжелым, она хотела большего. Ждала, мечтала, ерзала на коленях, терлась о напряженный ствол, но Дархэйм не спешил исполнить ее желание, продолжая мучительную пытку, еще больше разжигая ее страсть.

— Пожалуйста, — прошептала Ингер. — Позволь мне...

— Разумеется, — ответил лорд, скользя губами по ее подбородку. — Я позволю тебе.

— Сейчас...

— Чуть позже.

Мужчина сжал в кулак волосы на затылке Ингер, прижимая к своим губам. Его язык раздвинул губы женщины, протиснулся ей в рот, и она ответила, глухо застонав. Рука леди

Илейни скользнула вниз, пытаясь сжать в ладони член Эрхольда, но он перехватил ее, сжал запястье, поднимая руку вверх, и перевернул Ингер к себе спиной.

— Эрхольд, — заскулила она, выворачиваясь и с мольбой глядя на него.

Он лишь рассмеялся, удерживая ее ладонью за шею, и снова поцеловал, жадно, жестко, прикусывая губы. После закинул обе ее руки вверх, и леди вцепилась пальцами в обивку кресла. Дархэйм накрыл ладонями вздернувшуюся кверху грудь Ингер. Огладил ее и скользнул пальцами к темнеющим под тонкой тканью соскам. Женщина откинула назад голову, обжигая щеку Эрхольда горячим дыханием. Он несильно сжал затвердевшие соски через ткань, перекатывая их между пальцами, поглаживал вершинки и слушал хрипловатые стоны Ингер, выгибающейся навстречу его ласкам.

И когда она уже извивалась на его коленях, Эрхольд неспешно пустил ладонь на женское бедро. Он потянул ткань тонкой сорочки кверху, обнажая длинные ноги Ингер пядь за пядью. Собрал длинный подол наверху мягкими складками, приподнял его еще выше, с довольным урчанием, словно кот, глядя на стройные ноги, свесившиеся по обе стороны от его ног, на треугольничик коротких черных завитушек на лобке. Провел ладонью по бедру снаружи, пробежался кончиками пальцев по ноге и опустил ладонь на внутреннюю сторону бедра, неспешно вырисовывая на ней невидимые узоры. Поглаживал, несильно сжимал, приближаясь к средоточию желания Ингер.

— Эрхольд, милый, прошу тебя, — простонала она, отпуская кресло и впиваясь пальцами обеих рук в мужское запястье, придвигая его руку к своему лону.

Он вновь перехватил ее руки, сжал оба запястья одной ладонью, не позволяя освободиться, и второй продолжил поглаживать внутреннюю сторону бедра, не спеша дотронуться до истекающего влагой лона.

— Э-э-эрх, — протяжно вскрикнула Ингер. — Умоляю тебя...

— Скоро, сладкая, — хриплым шепотом ответил он. — Очень скоро.

— Когда?!

— Все зависит от твоих ответов, — он лизнул уголок ее рта, поцеловал в щеку и, наконец, его пальцы подобрались совсем близко к раскрывшимся нежным створкам.

— Что ты хочешь знать? — задыхаясь, спросила Ингер.

Эрхольд остановился у пульсирующего бугорка, тугого от прилившей к нему крови, и чувствительного настолько, что стоило мужчине задеть его вершинку кончиком пальца, как вскрик Ингер разорвал тишину покоев.

— Как ты сломала печать на двери, ведущей в другое крыло? — низким, обволакивающим голосом спросил Эрхольд.

— Я не... — его палец кружил вокруг чувствительного бугорка, и женщина не смогла ответить, задохнувшись от ощущения приближающегося оргазма. — Эрх!

Он вновь поглаживал внутреннюю поверхность бедра, так и не дав леди сорваться в пропасть, на краю которой она уже стояла.

— Как? — снова спросил он, целуя Ингер в уголок рта.

— Пожалуйста...

— Ответь мне, сладкая.

И вновь его ладонь приблизилась к ее естеству. Пальцы почти коснулись влажных губ ее лона, спустились немного ниже, и женщина снова громко застонала, разводя ноги еще шире, когда в горячее, изнывающее нутро скользнул палец Эрхольда. Следом присоседился второй, и мужчина неспешно задвигал ими, то погружая в сочную мякоть женского тела, то почти

вытаскивая их наружу.

— Как ты прошла, Ингер? — хрипло спросил лорд, прикусывая мочку ее уха.

— Открыла... дверь, — задыхаясь, прохрипела она, подаваясь навстречу мужским пальцам. — Было... тоскливо... хотела пос... а-ах, — она выгнулась дугой, уже сама насаживая себя на пальцы, но Эрхольд убрал руку, и леди Илейни разразилась грязной бранью, готовая вцепиться своему мучителю в глотку.

Дархэйм рассмеялся, слушая обещания скорой смерти, смешанные с проклятиями. Затем вновь накрыл ладонью ее лоно, его палец вновь кружил по тугому бугорку ее желания, и Ингер захлебнулась собственными проклятиями, надрывно закричав, когда долгожданный оргазм взорвал все ее существо, заставляя извиваться в сильных объятьях лорда, отпустившего ее руки и теперь прижимавшего к себе, не давая соскользнуть с колен.

— Еще? — спросил Дархэйм, когда женщина замерла, переводя дыхание.

— Да-а, — застонала она, и ее руки вновь оказались в захвате.

— Правила те же, — хмыкнул Эрхольд. — Расскажи, как вошла в закрытое крыло?

Он опять ласкал ее, прикусывая кожу на шее. Ингер некоторое время молчала, но вскоре снова застонала, отдаваясь во власть умелых мужских пальцев. И когда стоны женщины превратились в крики, Дархэйм снова остановился.

— Я просто вошла, клянусь, — заскулила Ингер, дернувшись в его руках. — Я клянусь, Эрхольд, дверь сама открылась, как только я толкнула ее.

Она не лгала, мужчина это чувствовал. Женщина снова завозилась, заерзала, тревожно глядя на нахмурившееся чело любовника.

— Эрх...

— Да, сладкая, — его пальцы вернулись к прерванному занятию. Ингер расслабилась и закрыла глаза. — Ты знаешь, кто закрыт там?

— Женщина, — ответила леди Илейни. — Я не успела ничего спросить, появился ты... ох, Э-эрх, — и снова правда, наградой за которую стала новая вспышка обжигающего огня, промчавшегося по телу женщины. Она выгнулась, закричала, опять забилась в мужских руках.

— Ты больше никогда туда не пойдешь, — приказал Эрхольд.

Ингер немного отдышалась и вывернулась, глядя на любовника.

— Кто она? — спросила леди и сама испугалась, что он сейчас встанет и уйдет. Слишком быстро, для нее быстро. Ингер еще не была готова расстаться с черным лордом. Голод оказался слишком силен, и она все еще нуждалась в его члене. Мечтала ощутить, как он входит в нее, как заполняет влажное нутро, как вдальбливается, сильно и яростно, заставляя забыть обо всем и обо всех, кто был когда-то важен для нее в этом мире.

— Ты уже готова задавать вопросы? — насмешливо спросил Дархэйм.

Ингер горячо мотнула головой и прижалась к нему спиной, снова заерзав на коленях. Черный лорд поднялся с кресла, ставя женщину на пол. Ее ноги подкосились, но она сама вцепилась в руку Эрхольда, боясь отпустить.

— Разве ты совсем не хочешь меня? — с отчаянием спросила Ингер, опасаясь, что сейчас он отдернет руку и уйдет, а она опять останется одна пылать в огне неуголенной до конца страсти.

— Да безумия хочу, — ответил Дархэйм.

Подхватил ее, и женщина взлетела вверх по его телу, оплетая талию ногами. А через мгновение горячая мужская плоть ткнулась в нее, вырывая из груди хриплый вскрик, когда

Ингер скользнула по стволу вниз, насаживаясь на него до упора. Эрхольд сделал несколько шагов и остановился у стола, усаживая на него свою ношу. Он нажал на плечо женщины, и она откинулась назад, подтянула ноги, поставив их на край стола, и замерла, полностью открытая своему любовнику.

Мужчина провел ладонью по плоскому животу Ингер, обжигая прикосновением даже через ткань сорочки. Склонился над ней, вглядываясь в лицо, а после взял за руки и потянул на себя, снова усаживая. Он распахнул сорочку, окончательно распустив ленту, и накрыл губами возбужденную грудь, играя с соском. Прикусывал его, втягивал в рот, посасывал, доводя Ингер до неистовства, и отпускал его, захватывая в плен своих губ вторую грудь. Почему сегодня он был с ней почти нежен, Дархэйм и сам вряд ли мог сказать.

Слишком много всего скопилось в его беспокойной душе. Возвращение Виалин в его жизнь, встреча с матерью, спустя годы, возрожденное тело, влюбившееся в своего создателя, Риктор Илейни, неожиданно продвинувшийся слишком далеко в своих изысканиях, и ускользавший между пальцев раз за разом. Разочарование, надежда, тоска, устремления... И только Ингер оставалась все той же. Она ждала его, пусть и была вынуждена это делать, и все же эта женщина оказалась неожиданно важна для него сейчас. Дархэйм платил ей за иллюзию своей необходимости в ее жизни не только страстью, но и толикой горьковатой нежности, вновь и вновь сводя Ингер с ума своими ласками и наслаждаясь тем, как она отвечает ему. Слушал ее стоны, получал удовольствие от вскриков, следил за тем, как извивается ее тело, подвластное только ему.

Но он все так же не спешил начать свое скольжение в ней. Ему нравилось ловить ее голодные взгляды, нравилось чувствовать, как ногти Ингер впиваются в руки, в плечи, как она ерзает, пытаясь сама насаживаться на его член. Это заводило, это взрывало мозг, требуя вдолбиться в ее тело, взять сильно, жестко. Так, чтобы стол грохотал под его резкими толчками, и женщина орала, срывая горло, но Эрхольд все еще медлил, продляя тягучее удовольствие, расплзавшееся по телу. Кажется, в это мгновение он почти любил свою игрушку.

- Ну же! Эрх, почему ты медлишь?! — изнемогая, воскликнула Ингер. — Клянусь, я больше никогда не войду на заброшенную половину, и не буду разговаривать с той женщиной. Я буду очень послушной, Эрх. Я больше никогда не буду перечить тебе, не буду жаловаться. Только сделай это наконец! Чтоб ты сдох, скотина! Пожа-а-алуйста...

— Ты дала обещания, и я их услышал, — едва заметно улыбнулся Дархэйм.

Плевать ему сейчас было и на то, как она пролезла туда, куда никто, кроме него не мог пройти, и на то, что она могла услышать от его матери. На все плевать! У него было иное желание, иная потребность, и оттягивать дальше стало невозможно. Эрхольд сжал бедра Ингер пальцами и толкнулся, пока еще не сильно, просто наслаждаясь ее телом.

— Да! — закричала женщина, то ли подтверждаю свою клятву, то ли радуясь, что он больше не терзает ее тело ласками.

Его толчки становились сильней, резче, вбивая член в тесную влажную глубину женского тела. Эрхольд закинул кверху голову, стиснул зубы, глухо постанывая от ослепляющего наслаждения. Толчок, еще толчок. Глубже, резче, стремясь к самому центру ее существа. Он уже почти рычал, раз за разом врываясь в открытое ему женское тело, готовый сорваться в водоворот сокрушительного оргазма.

— Эрх! — надтреснутый голос ворвался в маленький пылающий мир, внося какофонию. — Ты здесь?

Виалин все-таки закончила начатую фразу и сейчас стояла, растерянно глядя на то, как ее лорд ожесточенно вдальбливается в другую женщину. Он только повернул голову, смерив возрожденную яростным взглядом, но не остановился. Не отошел от любовницы, даже не пытался сказать какую-нибудь глупость, убеждая, что она все не так поняла. Нет, мужчина не сводил с нее чернеющего злого взгляда, кривя губы в издевательской улыбке.

— Ты что-то хотела, малышка? — прохрипел он, снова откидывая голову и выдыхая. — Бездна!

Но это был всего лишь вскрик наслаждения. И женщина, лежавшая на столе, кажется даже не замечала нежданной гости, продолжая извиваться и выкрикивать имя лорда.

— Как ты мог, Эрхольд? — сдавленно прошептала Виалин, пятясь назад. — Как ты можешь продолжать... Прекрати! — закричала она, тяжело приваливаясь к стене.

Дархэйм рассмеялся и вытянул руку в ее сторону, поманив.

— Ты решила присоединиться к нам?

Он опять смотрел на нее, почти весело улыбнувшись. Виалин закрыла лицо руками, и до Эрхольда донеслись ее рыдания.

— Я ненавижу тебя, ненавижу, — приглушенно провыла она и, покачиваясь, направилась к дверям. — Ненавижу!

Дверь захлопнулась, и черный лорд усмехнулся:

— Так-то лучше.

Он закрыл глаза и сделал еще несколько сильных толчков. Оргазм скрутил внутренности, разнесся по телу обжигающей лавой, едва не сбив с ног. Эрхольд зарычал и повалился на Ингер. Уткнулся лбом ей в грудь и замер, хрипло и тяжело дыша. Женщина обняла его и затихла, наконец, чувствуя насыщение. И когда он поднялся на ноги и поправил одежду, она осталась сидеть на краю стола.

— Кажется, ты разбил ей сердце, — сказала Ингер, облизывая пересохшие губы.

— Это сердце ошиблось, выбирая, кого любить, — равнодушно ответил Дархэйм, откидывая на спину волосы.

— И все же оно полюбило тебя, — сказала леди Илейни. В ее голосе послышалось сочувствие.

Эрхольд приподнял брови, с удивлением глядя на свою любовницу. После подошел к ней, взял лицо в ладони и коротко коснулся губ.

— Тебе ее жаль, — уверенно произнес он, Ингер промолчала. — Вот ты за ней и присмотришь. Я оставляю девочку здесь, мне она сейчас бесполезна, но ее тело должно остаться в целости, проследи за этим, и я не заставлю тебя долго голодать.

Не дожидаясь ответа, мужчина направился к дверям. Ему пора было возвращаться в королевский дворец. Леди Илейни некоторое время смотрела ему вслед и вдруг негромко произнесла:

— Эта девочка любит тебя, я могла тебя полюбить, если бы ты не обращался со мной, как с вещью, Садди была предана тебе, как шавка, она любила тебя и перерзала глотку даже мне, если бы ты только пожелал. Неужели тебе совсем не хочется быть любимым, Эрх? Почему ты так жесток с теми, кому можешь быть дорог?

Он обернулся, пожал плечами.

— Разве ты обращаешь внимание на цветы, растущие у дороги? Проходишь мимо, может даже, сорвешь, понюхаешь и выбросишь. Они просто не нужны, так-то, сладкая.

— А кто тебе нужен, Эрхольд?! — крикнула в закрывающуюся дверь Ингер.

Дархэйм усмехнулся, так и не дав ответа, и дверь закрылась.

— Просто мы ему не нужны, — повторила леди Илейни и неожиданно рассмеялась, выдавив. — Он всего лишь срывает нас и топчет... гадкий мальчишка.

И снова издевательски расхохоталась. Над собой.

Глава 21

Мелкий дождик тихонько плакал с неба, глухо постукивал по наплечникам воинов, неспешно ехавших на лошадях за своим господином. Серая унылая хмарь затянула небо, и солнце не показывалось с самого утра. Море волновалось, налетая на крутой берег, выстреливало пенными брызгами и снова откатывалось, чтобы через мгновение возобновить натиск.

— Шторм что ли будет? — задумчиво произнес один из воинов, почесав заросший подбородок.

— Не, — второй задрал голову и сморщился от мороси, бившей в лицо, — не будет.

— Может и не будет, — согласился первый.

Второй снова поднял голову и посмотрел в небо, где черной тенью скользил дракон, раскинув крылья, и поежился.

— Если бы то был не Гор, я бы уже штаны сменил, — усмехнулся воин. — Где это видано, чтобы драконоправ по земле на коне разъезжал, а его дракон над головой один кружился.

— Ты разве не слышал, как они спорили? — хмыкнул еще один воин. — Гор господина одного не отпускает, ходит за ним, как верная жена, да следит, чтоб сытый, обогретый и здоровый был. Ежели б моя Радана хоть вполовину была такой, как этот дракон, я бы к Ласке не похаживал. А то ж орет, дурная баба, все язвит, жалит, как гадюка. Скоро последние волосы выклюет.

— Ага, точно, спорили, — негромко хохотнул первый воин. — Господин ему: «Не ворчи на меня. Вернись скоро». А дракон фыркает, да порывается, и бочком-бочком из драконника.

— А потом-то чего выкинул, — уже в голос рассмеялся третий. — Крылья раскинул в воротах и не выпускает нашего лорда. Мол, не пущу одного без догляда. И с места не сошел, пока господин кулаком упряму не погрозил и рукой на него не махнул.

— Бойся, видать, что опять хозяин сгинет, — вздохнул второй воин. — Верный он. Людям только учиться.

— Это точно, — закивали другие мужчины, соглашаясь со своим товарищем.

Воины дружно подняли головы, рассматривая кружившегося над ними дракона.

— И не устал он по кругу-то летать? — снова заговорил первый.

— У него силища такая, что тебе на три жизни хватит, — хмыкнул третий.

— Зато спокойно, — подал голос четвертый воин, ехавший за ними. — Он сверху следит, чтобы господину ничего не грозило. Даже мурашки по телу, как представляю, что он за нами наблюдает. Вдруг подумает, что мы лорду Риктору зла желаем?

— Глазом не успеешь моргнуть, как на драконьи потроха изнутри любоваться будешь, — снова захохотал третий.

— Гор — воспитанный юноша, — не оборачиваясь, произнес аниторн, и воины

притихли, осознав, что он слышал весь их разговор. — Жрать не будет, башку откусит только. Мелочи, беспокоиться не о чем.

После все-таки обернулся и осклабился, глядя на побелевшие лица своих людей. Однако через мгновение не выдержал и рассмеялся. Мужчины неуверенно заулыбались и снова покосились на дракона. Рик покачал головой и отвернулся от воинов. На губах его все еще играла улыбка. Гор теперь, действительно, не отпускал от себя человека, то устраивая бунт в закрытом драконнике, то заискивающе заглядывая в глаза и ластясь, как огромный пес. А сегодня, вот, встал перед воротами, не выпуская лорда с отрядом. Но, главное, у него нашлись союзники.

Дальгард и Расслед в оба уха уговаривали Илейни не выезжать без дракона. Впрочем, Рас мало чем отличался от Гора. Первые два дня из пяти, что Рик находился на Побережье, целитель ходил по пятам за «мальчиком», щупал пульс, накладывал на грудь руки, проверяя, нет ли хвори, просматривал ауру, таскал всяческие отвары и на ночь велел укутаться в два одеяла. Зачем, объяснить не смог, но кружил вокруг заботливой наседкой до тех пор, пока Рик вежливо, но непреклонно, не выставил старика из своей опочивальне, соврав, что собирается призвать одну из служанок.

— Лучшей грелки мне не найти, Рас, — с добродушной усмешкой сказал целителю молодой господин, подталкивая того к дверям. — Уноси свою жаровню, я и без нее хорошо пропотею.

— Ох, мой мальчик, — сокрушенно вздохнул старик. — Это все от переживаний. Уж больно ты напугал меня.

— Прости, верный друг, — Риктор прижал к себе целителя. — Так вышло. Больше я столь беспечен не буду.

— Оболтус, — Расслед несильно ткнул раскрытой ладонью в лоб лорда. Ему такая вольность была позволена. — Мальчишка. — Встрепав аниторну волосы, целитель ушел, а Рик, завалился поверх обоих одеял, тут же провалившись в крепкий сон.

Заботы навалились на лорда Илейни, стоило ему опуститься во дворе своего замка на утесе. Бриллиант разделился на три части. Первая бурлила, обвиняя аниторна во всех грехах, порой придумывая такую нелепицу, что даже те, кто прислушивался к смутьянам, в недоумении качали головой и сторонились клеветников и горлопанов. А с одним таким и вовсе расправились, когда мужик, перебрав пенного хмеля, призывал на главной площади:

— Хватайте девок! Лучше мы их сами покроем, чем проклятый аниторн на поганом алтаре изведет, когда ритуалы свои вершить будет. Защитим от смерти лютой бесчестием!

И ведь нашлись те, кто откликнулся и бросился на «спасение» будущих «жертв поганых ритуалов». Набралось таких всего пятеро, но отбить городской страже удалось только одного, остальных растерзала разъяренная бесчинствами толпа. Впрочем, последний «спаситель» прожил недолго. Его тут же и удавили под бдительным оком народа. И хвала Богам, что девки, которых успели схватить «благодетели», отделались только рваным платьем, ссадинами, да обломанными о рожи насильников ногтями. Большого те сотворить не успели.

Вторая часть Бриллианта хмурилась, отмахиваясь от сплетен и наговоров, справедливо полагая, что сначала нужно пожить, приглядеться, а там уж и судить. К тому же король, вон, не отвернулся от своего аниторна. Да и зла от последнего лорда Илейни еще никто не видел. А что до страшных историй, которые ходят вокруг его имени, так тут еще разобраться надо, что правда, что вымысел. Такие горожане обычно махали руками на сплетников, отгоняя их.

Либо же слушали, кивали и шли по своим делам, стараясь выкинуть из головы только что услышанные сказки.

Третья часть жителей столичного Побережного города, она была самой маленькой. Эти люди предпочитали вообще ни во что не вступать. Они наблюдали издали, порой поддакивали, как противникам, так и защитникам аниторна, но своих суждений не выносили, не спорили, и держали, что думают при себе. Меньше говоришь, дольше живешь... и спокойней. И они продолжали жить и работать, ни во что не вступая.

Жрецы с тех пор, как аниторн прошел прилюдное очищение, примолкли. Огонь в обителях выше не поднялся, но и не затухал. Да и речи свои служители пока прекратили. Казалось, что они затаились, выжидая чего-то. К аниторну явились, как только услышали, что он вернулся в замок. Тот их принял, был вежлив и покладист. Одарил обители подношениями. Лорд Илейни даже прилюдно просил прощения у погоревшего жреца, только вот... Отчего-то казалось, что и его миролюбие напускное. Однако жрецы и королевский аниторн вполне себе ладили вот уже пять дней. И не сведущему человеку могло показаться, что жизнь на Побережье постепенно начала налаживаться.

Она и правда начала налаживаться. Лорд-аниторн сразу же отстранил королевских посланников от управления, показав им грамоту Его Величества. Выслушал их доклад о том, как выявляли зачинщиков смуты, кого арестовали, сколько человек томиться в застенках. Недобро усмехнулся, глядя на исписанные листы бумаги, и пожелал посланникам счастливого пути. Чтобы здесь не делали благородные лорды, но работой их Риктор Илейни остался недоволен.

В застенках сидели площадные горлопаны, причем, как противники власти аниторна, так и сторонники. Знати в списках смутьянов почти не было, а если и встречалось дворянское имя, так то оказывались лорды из разорившихся родов, у кого не нашлось денег на откуп. В своем донесении Ледагарду Риктор Илейни изложил все, что думает о работе его дознавателей, не скупясь на нелицеприятные выражения, потому что пребывал в немалом гневе, прогнав с глаз долой лорда-дознавателя, пытавшегося подкупить самого аниторна.

После того, как назначенные королем люди отбыли, Рик взял за дело своими силами. А пока он выслушивал доклады своих людей, озаботившихся обзавестись собственными шпионами, чьи донесения исправно складывались на стол господина, Тибод Дальгард выполнял другое поручение своего лорда — выявлял предателя. Он встал во главе замковой стражи, потеснив Тодара, и знакомился с замком и его обитателями.

Не привлекая внимания, Дальгард ежедневно беседовал с воинами, слугами, помощниками, драконоводами, конюхами, не обходя вниманием даже золотаря. Беседовал с ними, сохраняя на лице доброжелательную улыбку. Он задавал вопрос, почти ни о чем, заботился о том, как служить в замке лорда, нет ли нужд, жалоб. Поглаживал скулу указательным пальцем, на котором поблескивал отполированным камнем перстень. Неброский, даже дешевый для убеленного сединами лорда, только вряд ли кто-то догадывался, что это кусочек не солги-камня, действие которого усиливалось, благодаря работе артефактора, оправившего камень в непростую оправу. А лорд-маг поддерживал иллюзию простого перстня, не вызывавшего и доли подозрений у тех, с кем он разговаривал Дальгард.

Но не только поиском предателя занимался лорд Тибод. Обходя замок, он искал скрытые тайники, где могли храниться старые летописи. Те, о которых знал Риктор Илейни, они вдвоем просмотрели еще в первую ночь по прилету, но не нашли ничего важного, что

могло бы дать хоть какие-то пояснения о давних временах, или хотя бы о месте их нахождения. Это удручало обоих лордов, но, тем не менее, надежда не оставляла их, и Дальгард продолжал свои поиски.

На утро третьего дня после возвращения аниторна на Побережье, Дальгард явился к Илейни. Рик сидел за столом, где исходил паром бодрящий травяной настой, рассеянно жевал свежую булочку, смазанную медом, и просматривал донесения шпионов. Лорд Тибод упал в кресло напротив, подхватив одну из булочек, щедро полил ее медом и откусил разом две трети.

— Вам есть, что мне сообщить? — сухо спросил лорд-аниторн, не отрываясь от своего чтения.

Неожиданно осознав всю фривольность своего поведения, Дальгард вскочил, уронил остатки булочки на ковер, устилавший пол в гостиной господина, наклонился, чтобы поднять, неловко вдохнул и отчаянно закашлялся. Илейни, сохраняя на лице маску хладнокровия, поднялся со своего места и заботливо постучал по спине поперхнувшегося лорда.

— Воровство — грех, Тибод, — назидательно произнес Рик, когда тот, наконец, откашлялся и теперь сиял красным ликом и слезами на глазах. — И плакать нечего, сам виноват. Не воруй булочки у аниторна Его Величества, Боги тебя накажут. Еще и ковер мне испачкал, разоритель. Плохой Тибод, плохой.

Дальгард, наконец, понял, что Риктор все это время развлекался, и криво усмехнулся, вновь усаживаясь в кресло.

— Я верну тебе сто булочек, — пообещал он и потянулся за кружкой с отваром, но, услышав скептический смешок, все-таки спросил. — Мой лорд, могу ли я отпить из сего сосуда, дабы увериться, что жизни моего господина ничего не угрожает?

— Несомненно, лорд Дальгард, несомненно, — важно кивнул Рик. — Кто же откажется от такой заботы? Можешь проверять до самого доньшка, это твоя кружка, я ждал тебя.

— А как же служение господину? — фальшиво расстроился Тибод. — Первая кружка, стало быть, так и осталась не опробованной?

— Отчего же? — Илейни вернулся к донесениям. — Я ее распробовал, отвар неплох, спать уже не хочется. Так что ты принес мне?

Дальгард сделал глоток из своей кружки, еще раз кашлянул и уже вольготней устроился за столом, вновь взяв булочку и смазав ее медом. Риктор отложил бумаги и пристально взглянул на пожилого лорда, сейчас напомнившего ему вредного мстительного мальчишку. Посмотрев с сожалением на булочку, мужчина отложил ее в сторону и ответил аниторну открытым честным взглядом.

— Что мой лорд знает о тех, кто на него работает? — спросил Тибод.

— Что это те, кто работает на меня. Проверены не один раз...

— Да-да, — закивал Дальгард. — Но помнит ли мой лорд о нуждах своих людей? Возможно, кто-то обращался к нему за помощью, но господин оказался занят иными заботами и забыл о данном обещании? Быть может, мой лорд сам вспомнит, кто ждал милости господина и не дождался ее?

Лорд Илейни закинул руки за голову, продолжая смотреть на Дальгарда, вернувшегося к своему завтраку. Рик кусал губы, пытаясь понять, о чем говорит ему лорд-маг. На ум не приходило ни чужих просьб, ни его обещаний. Чаще всего челядь даже не тревожила господина, сразу направляя к Нэми, и она уже от его имени отвечала им. И только если

считала дело серьезным, то обращалась к лорду. Если же кто-то подходил к самому господину, он передавал повеление все той же Нэми, и она исполняла его. Потому-то люди зачастую и шли сразу к наложнице, зная, что все равно разбираться с их нуждами будет она.

— Этот кто-то обращался ко мне, или к Нэми? — не выдержал аниторн. — Дальгард, хватит набивать свою утробу, ответь, кто оказался обижен и пошел на предательство?!

Неодобрительно покачав головой, Тибод все-таки сунул в рот последний кусок сладкой булки. После допил отвар, ополоснул руки и обтер их куском холстины, приготовленной для этой цели.

— Я тебя выпорю, — пообещал Рик.

— Вот так и служи при господине, — укоризненно вздохнул Дальгард. — А я ведь тебя еще на коленях держал...

— Тибод! — рявкнул Илейни, и тот стал серьезным.

— Она обращалась к тебе, Рик, — ответил маг и усмехнулся, глядя, как брови аниторна взлетели вверх при упоминании женщины. — Да, это одна из служанок. Ты готовился к Играм и был занят драконом больше, чем людьми. Это было, как раз, за день до Игр. Ее сын попал в историю. Он так же работает у тебя, драконовод. Так вот, юноша с товарищами перебрали накануне пенного хмеля и сцепились с городской стражей. Эта женщина прибежала к тебе за помощью, просила вытащить сына из темницы, ему грозила виселица за то, что ударил стража ножом. Ты пообещал разобраться, но на следующий день тебе было не до дурака-драконовода и его мамыши.

— Да, — невесело усмехнулся Рик, — что-то такое припоминаю, но смутно. Я, действительно, был занят только Играм, потом лежал, отходя от яда камгала, после празднество, Ингер со своим амулетом, смерть Нэми. А дальше я и вовсе был не в себе... Значит, Алита нашла помощь у жрецов?

— Они ее нашли со своей помощью, — ответил Дальгард. — Наутро после Игр, пока ты убивался по наложнице, она сама пошла к острогу, там ее и перехватил острожный жрец. Пообещал помощь, если она будет рассказывать обо всем, что происходит в замке господина. К вечеру ее сын был в объятьях матери, а жрецы знали все, что случилось в этих стенах. И о смерти твоей наложницы так же.

— И когда я призвал жреца для обряда, они знали, что гроб будет пуст... Шуты! — ладонь Рика сжалась в кулак и со стуком опустилась на столешницу, отчего зазвенела посуда, а Тибод с уважением посмотрел на господина, оценив его силу. — Ряженные твари.

— А я это сразу и подозревал, — кивнул Дальгард. — Женщину я пока не тронул, чтобы не спугнуть.

— Она запомнила, что отвечала тебе? — спросил Илейни, снова берясь за донесения.

— Нет, я же использую не солги-камень, — пожал плечами Тибод. — Он особенно хорош тем, что кающийся не помнит о том, что говорит, если воспоминания не запечатать. Очень удобно, когда хочешь узнать больше, не повязав предателя и злодея знаниями о вскрытии его намерений. Все, что помнят слуги, это то, как здоровались со мной, знакомились, отвечали на вопросы о здоровье, прочие мелочи. Я использовал слова — ключи, которые активировали камень, и так же заканчивал разговор. Для твоей челяди, мой лорд, я милый и приветливый.

Риктор усмехнулся, рассеянно постучав свернутыми листами бумаги по коленке.

— Хорошо, — кивнул он. — Из замка ей все равно сейчас не выбраться и сообщить жрецам нечего. То, что я занят умирением смуты, знают все на Побережье.

Дальгард поджал губы. Он слегка помрачнел и побарабанил пальцами по столу.

— Что тревожит тебя? — спросил Илейни.

— Эта Алита... Рик, мне кажется, они повязали ее. — Аниторн ответил вопросительным взглядом. — Это не клятва, я бы увидел ее след на ауре, как и любой другой маг, особенно целитель. Нет, тут другое, и лучше посмотреть на нее Расследу. С первого взгляда незаметно, но женщина нездорова, и, боюсь, нездоровье ее вызвано каким-то снадобьями. Если она предала тебя только из-за сына, то могла раскаяться и рассказать тебе или кому-то другому, но до сих пор молчит. И тогда я вижу только вывода: она лживая дрянь, для которой месть и предательство обычное дело, либо ее повязали и вынудили доносить дальше, потому что в обитель она ходила до последнего времени ежевечерне, рассказывая все, что происходит в замке, и какие поступают от тебя распоряжения. Но вот уже три дня она закрыта здесь. Скорей всего, из-за этого я и заметил следы ее хвори.

— Я понял, — помрачнел Рик. — Думаешь, отравили? — Дальгард снова пожал плечами, но все-таки кивнул. Аниторн поднялся из-за стола, зло отшвырнув бумаги. — Я бы отдал несколько лет своей жизни, чтобы узнать точно, что произошло во времена моего прадеда.

— Узнаем, — уверенно кивнул Тибод. — Все узнаем.

Риктор обернулся к нему.

— Тайники?

Дальгард отрицательно покачал головой.

— Хорошо, скажи Расу, чтобы осмотрел Алиту, потом скажете, что с ней, — лорд Илейни отошел к окну.

Тибод поднялся на ноги, сообразив, что Рик хочет остаться наедине с собой. Дальгард склонил голову, несмотря на то, что аниторн не смотрел на него, и покинул его покои. Илейни услышал, как закрылась дверь за его помощником, и подышал на стекло. После нарисовал в затуманившемся стекле цветок, некоторое время смотрел, как рисунок тает вместе с паром с мутным пятном, стер то, что осталось, и прижался лбом к прохладному стеклу, ненадолго перенесясь в далекий лес, где стояла маленькая сторожка, и жила красноволосая женщина с невероятными глазами и странным именем...

— Фиалка, — негромко произнес мужчина. — Как ты там, цветочек?

Он скучал, скучал так сильно, что порой мысли о лесной затворнице начинали преобладать над множеством забот, захвативших аниторна. Тогда он заставлял себя забыть о тоске, заставлял себя не думать о лесном луге, о днях, проведенных с Фиалкой под одной крышей. Все потом. Сейчас он сделал лишь то, что позволяли обстоятельства — поговорил с Расследом и заручился согласием старика, понявшего, что в этот раз его лорд настроен более, чем серьезно. После того, как старик едва не потерял названного сына, он готов был во многом идти у него на поводу. Так что просьба признать Фиалку своей дочерью с наследуемым титулом, не показалась целителю взбалмошной. Риктор Илейни был уже давно не юнец и знал, чего хочет от жизни. Если он хочет иметь детей не от высокородной леди, а от удочеренной обедневшим лордом простолюдинки, значит, так тому и быть. На этом разговоры о будущей леди Илейни закончились, и аниторн вернулся к насущным делам.

В тот же день Дальгард сообщил неутешительные вести. Служанку Алиту действительно, отравили. Каждый вечер она ходила в обитель, где ей давали противоядие в обмен на новые доносы. Но за три дня, прошедших тогда со дня возвращения господина и возведения защитного полога, бедная женщина оказалась в ловушке. Она тихо угасала,

считая это своим наказанием за предательство. Расслед тут же занялся Алитой, а Дальгард, коли уж пришлось вскрыть предательство, занялся новой клятвой верности господину, теперь связывая людей смертью за предательство, каким бы благом они не считали свое деяние.

К счастью, Алита оказалась единственной, кто попал в зависимость от жрецов. Обхаживали они всех, до кого могли дотянуться, но подобраться близко больше ни к кому не смогли. Возможно, причиной тому стало то, что люди лорда Илейни нечасто покидали замок, особенно после исчезновения господина и начала смуты. Одной заботой у лорда-аниторна стало меньше, и он поблагодарил за это Богов... каким бы они на самом деле ни были. Хоть огненными, хоть ледяными, хоть деревянными. Сейчас его вера сильно поколебалась, но это как раз была меньшая из бед.

И все же все основное время Рик тратил на попытки восстановить мир в своих владениях. Он занялся исправлением ошибок, совершенных дознавателями, освободив заключенных. Первыми вышли из застенков простые торговцы, пьяницы, несколько циркачей, прихваченных, видно, для вида большего рвения королевских служак. Хотя, скорей всего, просто от безалаберности городских властей.

Пьяниц выпороли для вложения ума и исцеления от недуга пагубного возлияния, прочим выдали по три золотых, дабы сгладить потрясение от безвинного заточения, циркачам подарили новую лошадь и повозку. Освобожденные вознесли хвалу Богам, королю и лорду-аниторну, после чего поспешили вернуться к своим семьям.

Далее настала очередь заточенной знати и воинов, принадлежавших лордам. Воинов было немного, но значились они в бумагах королевских посланников, как «сила враждебная и злокозненная», а их господа «смутьяны, ведущие войска против короля и лорда-аниторна». Допрашивал лордов сам Риктор Илейни, верные ему люди разговаривали с воинами. И этих «бунтовщиков» выпустили на волю, выплатив по десять золотых, воинам дали серебра. Несколько лордов попросились на службу к аниторну, Рик не отказал.

Злые на королевских дознавателей и городские власти, устраивавшие в Бриллианте свои порядки, пока хозяина земель не было на Побережье, благородные лорды были искренне благодарны аниторну, не отмахнувшись от них из-за захудалости рода, не сделавшего из обедневших дворян цель для своей злости и мести. Им даже льстило, что он сам вел беседу, именно беседу, потому что именно так выглядел допрос. Аниторн не угрожал, не кричал, не пугал орудиями пытки. Даже палача и его подручных не присутствовало при допросе. Только телохранители лорда и то, больше для порядка, чем ради безопасности.

В голосе аниторна звучало участие, на лице было написано явное недовольство первыми допросами и действиями дознавателей. Душа заключенных сама рвалась открыться навстречу благородному человеку. А спрятанная на внутренней стороне стола аниторна плита из не солги-камня еще больше помогала раскрыться обиженным дворянам. Благодаря Дальгарду, у Риктора Илейни теперь было много ухищрений, и не только из полезного камушка. И стол в камеру для допросов был доставлен специально для этого случая.

Когда рассмотрение дел тех, кто был уличен в смуте и подстрекательствах к мятежу было окончено, в остроге остались лишь воры, душегубы, контрабандисты и один шпион из Леодии, но он вскоре отправился в столицу королевства для суда Его Величества. После опустения острога сторонников у аниторна прибавилось, злые языки попритихли. И можно было постепенно налаживать жизнь на Побережье, затыкая горлопанам глотки благими деяниями, но...

Но один из освобожденных лордов поведал аниторну крайне интересные известия. Недовольства, переросшие в беспорядки, но немного притихли после известий о прилюдном покаянии лорда-аниторна и почти смолкли с его возвращением в Бриллиант и учеными Илейни разбирательствами. Однако зараза успела благополучно просочиться за пределы Бриллианта и его окрестностей. Впрочем, особо ярые возмущения шли в самой столице Побережья, дальше, в основном, ползли только слухи и перешептывания, извращенные уже настолько, что поверить им было крайне сложно. И все же нашлись те, кто был готов воспользоваться плодами кратковременной смуты. Об этом и рассказал благородный лорд Арналь Дагор, отныне состоявший в гвардии аниторна.

Донесения шпионов подтвердили слова Дагора. Высокородный лорд Тэлли, пользуясь поддержкой рода Давейн, плел паутину заговора вокруг Риктора Илейни. И если Давейны считали аниторна виновным в том, что произошло с Гальтором, то Тэлли имел вполне честолюбивые помыслы. Род его считался не менее древним, чем род Илейни, остававшимся достаточно влиятельным и по сей день. И благородный лорд уверился, что имеет на кресло аниторна намного больше прав, чем последний потомок изгнанного рода.

Заговор еще не успел окрепнуть, интриги только начали плестись, и особых бед самоуверенный лорд натворить не успел, но медлить было нельзя. И закончив с делами в Бриллианте, Риктор отправился навестить паучка в его гнезде. Отряд был невелик, но дракон паривший в небе и бдительно следивший за тем, что происходит вокруг его человека, наводил страха больше, чем если бы за аниторном тянулась вся его гвардия. Должно быть, почувствовав, что Рик отправляется в логово врага, Гор был сегодня особенно настойчив, не желая отпустить лорда без своей охраны.

— Мы въехали на земли рода Тэлли, — оповестил аниторна один из воинов.

— Да, неплохие земли у лорда Тэлли, — усмехнулся лорд Илейни.

Воины переглянулись. Они не совсем понимали, чего желает добиться господин своим визитом. Стоило бы раздавить гадину в ее гнезде, не дав поднять голову, а для этого следовало ехать не в гости, а встать под стенами замка, взяв его в осаду. Полуобернувшись, Рик бросил насмешливый взгляд на свой отряд, зная, о чем они думают. Но именно делать из Тэлли мученика и давать пищу для новых выдумок, он, как раз и не хотел. Сейчас, когда кое-кто только и ждал оплошности аниторна, засев в своих обителях, «очищенный и раскаявшийся» грешник не хотел давать им повод к новым воплям и угасанию Огня. Рик собирался действовать... мирно.

О лорде Аримаре Тэлли у него имелось немало сведений, от достойных доверия, до пустых слухов. Арналь Дагор оказался очень ценным источником, и лорд-аниторн не оставил усердие мелкого дворянина без внимания и награды. К тому же и сведения были любопытны. Помимо этого Риктор провел свое маленькое расследование и узнал, что податей Тэлли не выплачивал уже очень давно, отделяясь от сборщиков мелкими подачками, и те приписывали к сборам налоги, которых не было, добирая не хватающую сумму с торговцев и купцов, придумывая им новые подати. Кстати заметить, сборщики уже отправились напрямик в столицу, так же на королевский суд, заодно с леодийским шпионом. Ледагард принял их с распростертыми объятьями, прямо у открытого магами перехода.

Был еще один грех на лорде Тэлли, скрытый королевскими чиновниками — захват соседских земель, самовольный и наглый. Да-да, земли Дагор перекочевали под крылышко Тэлли. Лорд Арналь вел тяжбу с высокородным хапугой около года, а когда у Побережья

появился аниторн, направился напрямик к нему, но... оказался в остроге по обвинению в участии в смуте.

Имелись и более мелкие прегрешения, как, например, опозоренная девица из деревни, принадлежавшей лорду, два бастарда, пара наложниц из служанок, любовница — вдова соседнего лорда, а при нелюбви Ее Величества к неверным супругам, да позор в лице двух внебрачных детей... Впрочем, можно было добавить к этому и другие мелочи, но Рик у вполне хватило и уже имеющихся сведений. Впрочем, аниторн учился быстро и, несмотря на свою нелюбовь к интригам, все-таки взял показания у пойманного шпиона, в которых тот написал под диктовку о том, что помогал ему сам лорд Тэлли, вводя в домах многих именитых чиновников Бриллианта. Так что высокородный лорд оказался еще и предателем, сам того не подозревая. Но эту бумагу Илейни собирался использовать в крайнем случае, ему было достаточно и настоящих грехов. И это был вопрос, кто еще муха в расставленной паутине.

Рик поднял голову, посмотрел на Гора и расплылся в широкой ухмылке. Дракон продолжал кружить над отрядом, и с дозорной башни замка лорда Тэлли его увидели первым. Илейни даже пожалел, что едет на лошади. Его появление могло бы быть... запоминающимся. Однако шумихи должно было хватить и без этого.

— Дракон! — заорали с башни.

— Лорд-аниторн! — закричали со стен, узнав стяг цветов Илейни.

Поднявшийся переполох был замечен даже приближающемуся отряду. И вскоре на стену поднялся сам хозяин замка. Он взглянул на небо, потом посмотрел вниз и заносчиво спросил:

— Что желаешь, Риктор, сын Октора, последний потомок изгнанного рода?

Последний потомок не обиделся. Рик задрал голову и приветливо махнул рукой:

— И тебе милости Огненных, Аримар, сын Тарама, бесславный потомок славного рода. Открывай ворота, накрывай столы, зови музыкантов, гость к тебе важный пожаловал.

— Ты мне не гость, — фыркнул лорд.

— Я нет, а мальчишка у меня по гостям ходить любит. Так я с ним. Присмотрю, мало ли что, молодой еще совсем, — осклабился Илейни.

После свистнул, и Гор начал спускаться вниз.

— Ты зачем пожаловал? — насупился Тэлли.

— Дракона выгуливаю, — ответил Рик. — Бриллиант ему надоел, решил по окрестностям полетать. Замок твой увидел, говорит, хочу туда. Ну как ему откажешь?

Гор опустился на землю и деловито переступил с лапы на лапу, складывая крылья. Он повернул голову к своему человеку, и тот сокрушенно вздохнул:

— А нас не пускают, мальчик. Представляешь? — Затем снова задрал голову и поинтересовался: — Откроете ворота?

— Ты с драконом, — мотнул головой Аримар. — Нечего в моем замке этой твари делать. Я за своих людей опасаюсь.

— И ведь прав шельма, — хмыкнул Риктор.

Если хозяин замка подозревал, что к нему явились с недобрыми намерениями, он имел право отказать и не открывать ворот. Только королю невозможно было отказать, но Риктор Илейни королем не был, а потому...

— Миром не вышло, — вздохнул аниторн, и добавил громче: — Мальчик, этот благородный и храбрый муж нам не доверяет, он думает, что ты не умеешь вести себя за

столом. Покажи, какой ты воспитанный. Попроси разрешения войти.

— Пф, — насмешливо ответил Гор, сообразивший, что хочет от него человек. Нечто подобное они однажды уже проделывали, еще в горах.

Вальяжной походкой вразвалочку, повиливая упитанным хвостом, дракон направился к воротам. Со стен за ним пристально наблюдали, заметно тревожась.

— Что ты задумал, Илейни?! — выкрикнул Тэлли.

— Да ничего я не задумал, что ты такой подозрительный? — пожал плечами Рик. — Заговоры какие-то мерещатся. Или по себе других судишь? Зря. У меня дракон честный, что думает, то и творит.

— Ты натравил его на мой замок! — заорал лорд Тэлли.

Аниторн обернулся к своим людям.

— Разве я натравливал Гора? — спросил он.

— Нет, господин, — с каменным выражением на лице ответил один из воинов. — Разве же так натравливают? Вот если бы сказали, спали этот замок, к Бездне, Гор, тогда, да, натравили.

— Точно-точно, — закивали еще двое воинов. — Гор хороший, это все знают. Он без разрешения даже из драконника не выйдет.

Илейни снова повернулся к замку, крикнув:

— Вот видишь, Аримар, это все твои домыслы. Драконов не надо бояться. Гор отлично воспитан, и он тебе это показывает.

Великан остановился перед воротами, вытянул голову, заглядывая на стену, и фыркнул, обдав одного из воинов, следящего за летуном через смотровое окошко, струйкой дыма. Тот побелел и отшатнулся, завалив второго стража, стоявшего рядом. Гор поскребся лапой в ворота, оставив на них глубокие борозды от когтей. Тэлли остался нем. И плевать, что онемел высокородный лорд от страха, когда обнаружил, что смотрит в драконий желтый глаз, вежливый летун поскребся повторно. Затем отошел немного назад, склонил голову и... ударил лбом, закованным в броню, в ворота. Отошел чуть дальше и снова ударил. Ворота жалобно скрипнули, но устояли.

Дракон выпрямился, снова поскребся лапой, но вновь остался не услышанным. На крепостной стене и на земле все затаили дыхание. Жители замка смотрели с ужасом, отряд аниторна с нескрываемым интересом. Такое зрелище увидишь не каждый день! Чтоб дракон, да просился его впустить...

Гор снова склонил голову и ударил в ворота лбом.

— Аримар, ты совершенный невежа, — покачал головой Илейни. — Ты смотри, как мальчик надрывается. Бездушный, невоспитанный, черствый мужлан, вот кто ты.

— Ар-р, — согласился дракон и ударил снова.

В этот раз ворота покачнулись. Однако открывать их, по-прежнему, никто не спешил. Обитателям замка было не до вежливости. Серdito фыркнув, Гор отошел еще дальше, разбежался и бросился на ворота боком, ударив мощным телом в высокие тяжелые створы. Снова отошел...

— Стой! Хватит! — отмер Тэлли. — Я буду жаловаться королю!

— Его Величество заранее одобрил все мои действия, — ответил Рик, пряча зевоту в ладони. — Но можешь попробовать, лорд, не платящий налогов.

Аримар поперхнулся, но, к чести его, стоит заметить, пришел в себя достаточно быстро, благоразумно приказав:

— Откройте ворота лорду-аниторну.

Воины поспешили поднять брус, удерживающий ворота, но в это мгновение Гор снова сорвался с места и... влетел в замковый двор, снеся одну створу и покосив вторую. Илейни развел руками:

— Гор еще молод, горяч и нетерпелив. Согласись, Тэлли, ты долго испытывал его терпение, а парень просто просил его впустить. Заметь, ты сам виноват. Грубость и непочтительность еще никому не были на пользу.

И, сказав это, лорд-аниторн величественно въехал в покореженные ворота, словно победитель в захваченный замок. Его люди уверились, гвардия была бы лишней. Дракон в одиночку взял замок Тэлли намного быстрее. Воины, гордо задрав носы, последовали за своим господином и его драконом, пытавшимся уместить свое тело в замковом дворе. Челядь и стражи лорда Тэлли оказались столь же невежливы, как и их хозяин, потому спешно разбежались, не желая знакомиться с дружелюбным Гором, «улыбавшимся» им во всю свою зубастую пасть.

— Что за манеры? — возмущенно передернул плечами Риктор Илейни. — Мы к ним со всей душой, а они к нам задом.

— Пф, — согласился дракон, махнул хвостом и сбил с ног детину, спешившего скрыться следом за своими товарищами.

Детина завалился, громыхнув доспехами, и тоненько простонал:

— Уби-и-или...

Илейни спешил, окинул детину скептическим взглядом.

— Если тебя убили, то почему тогда ты так быстро бегаешь? — полубопытствовал он у свежее убиенного.

— Мой лорд, но парень лежит, — выразил сомнения один из воинов аниторна.

— Гор, проверь, — попросил Рик и удовлетворенно хмыкнул, глядя в спину улепетывающего детины, ожившего раньше, чем великан повернул к нему голову. — Ну, вот, бежит.

— Наш господин может предвидеть грядущее, — восхитился все тот же воин. — Хвала господину!

— Хвала! — подхватили луженые глотки его товарищей.

— Гр-ра-ахр-р, — не остался в стороне дракон, издав оглушительный рев.

— Будет вам, — заскромничал аниторн. — Еще сглазите. Завистники где-то рядом притаились, может даже, за тем углом.

Риктор указал на угол, из-за которого выглядывал хозяин замка.

— Илейни! — воскликнул лорд Тэлли, белый, как снег, но воинственно сжимающий кулаки. Аримар попытался грозно сверкать глазами на незваного гостя, но взгляд его бегающих глазок, то и дело, возвращался к дракону. — Что за представление? К чему? Зачем было громить мои ворота?

— Слово короля для тебя пустой звук, власть аниторна не признаешь, гостям не рад, — пожал плечами Рик, но вдруг перестал забавляться. Лицо его стало жестким, утратив всякое добродушие. — У меня до тебя дело, Аримар.

— У меня нет никаких... — начал хозяин замка, но аниторн прервал его жестом.

— У меня есть, — сухо ответил он. — И лучше тебе забыть о спеси. Список твоих прегрешений слишком велик, чтобы продолжать стоять из себя напыщенного дурака.

Теперь Аримар побагровел, но все-таки нервно кивнул и вышел из-за угла. Он

проследовал ко входу в жилую часть замка, небрежным жестом предложив следовать за собой.

— Гор, будь хорошим мальчиком, — велел Илейни и последовал за хозяином замка.

От отряда отделились двое воинов, тут же поспешившие за господином. Дракон недовольно фыркнул, отпускать человека ему не хотелось, но пойти за ним Гор не мог по известным причинам. Великан удрученно засопел, но вскоре фыркнул и придвинулся ближе к той части замка, куда скрылся Рик. Он замер, прислушиваясь, а вскоре, издав радостный рев, сунув нос в одно из окон, откуда донеслось возмущенное:

— Илейни, Бездна тебя задери! Он вынес окно в моем кабинете!

— Мальчик любопытен, — последовал ответ. — Гор, тебе же неудобно, вылезай.

— Ар, — завредничал летун, но нос все-таки из кабинета убрал, и теперь в оконном проеме виднелся его глаз, подозрительный взгляд которого не сходил с Тэлли.

Из-за воцарившегося полумрака пришлось зажечь свечи. Слуги боязливо косились на драконий глаз. Аримар нервно дернул подбородком и упал в свое кресло, стараясь не замечать пристальный взгляд Гор, но вскоре не выдержал и воскликнул:

— Он так и будет на меня пялиться?!

— Ты ему не нравишься, — спокойно ответил Рик, располагаясь в свободном кресле. — Сам виноват, не стоило быть дураком. Впрочем, это, похоже, твоя истинная личина.

Тэлли подскочил на месте, уперся ладонями в столешницу и навис над столом, вскрикнув:

— По какому праву, ты являешься в мой дом, крушишь его и оскорбляешь хозяина?!

— По праву твоего господина! — прогрохотал в ответ аниторн, вдруг оказываясь напротив Аримара.

— Мой господин — король Ледагард, — буркнул Тэлли уже тише, но остался стоять.

— А может и король тебе не указ? — вкрадчиво полюбопытствовал Рик. — Ты смеешь оспаривать его решения, считаешь, что лучше знаешь, кого и куда ему назначать. Нарушаешь законы, не платишь подати, обворовываешь его подданных, захватываешь земли, — с каждым новым словом аниторна лорда Аримар все более подавался назад и, наконец, упал обратно в кресло.

Рик обошел стол и навис над ним.

— Это все ложь, — Тэлли попытался снова вскочить, но ладонь Илейни придавила его к месту. — Ты клеветешь. Любой скажет...

Аниторн добродушно рассмеялся и уселся на край стола, не сводя взгляда с мужчины, ерзавшего рядом в кресле. Риктор неспешно достал из-за пазухи свернутые листы дорогой серой казенной бумаги, лукаво взглянул на Тэлли и зачитал: «Лорд Аримар Тэлли дал мне кошель с двадцатью золотыми и велел убираться, сказав, что нехватку податей я могу собрать с владельцев увеселительных домов...». Отложил этот лист, зачитал следующий, затем еще один, и еще. Перебрав все показания, которые получил в Бриллианте, Илейни удобней уселся на столе и продолжил, невозмутимо поглядывая на притихшего лорда Тэлли:

— И это еще не все, Аримар. Например, неизвестный тебе лорд Эрвей в дружеской беседе рассказал мне, что похаживаешь ты к одной благородной леди, изменяя своей супруге, чему он был свидетелем. А ты ведь знаешь, насколько наша королева не любит супружеской неверности. Или, например, лорд Балдур...

Аримар слушал, не поднимая глаз, то бледнея настолько, что Илейни опасался, что лорда хватит удар, то вдруг багровея, и тогда казалось, что хозяин замка вот-вот изойдет

паром. Он несколько раз порывался что-то сказать, но крепился, однако все же не вытерпел и закричал:

— Ах, мерзавцы! Какие же мерзавцы! Такова их благодарность за то, что я привечал их? Помогал, прикрывал... — лорд осекся, но скривился и заглянул в глаза аниторну. — А знаете ли вы, лорд-аниторн, что ваш драгоценный лорд Эрвей растаскивает городскую казну Бриллианта?

— Не может быть, — «ужаснулся» Риктор. — Лорд Эрвей — честнейший человек...

— Честнейший? Тогда слушай...

И Аримар Тэлли начал обличать тех, кто был вовлечен в зарождающийся заговор. Рик слушал, «не верил», пытался возразить, отчего Аримар впадал в еще более яростное красноречие, и Илейни оставалось только подкидывать ему новые, известные из донесений шпионов, фамилии. Ни один допрос с пристрастием не дал бы такого обилия необходимых сведений, как наглое вранье аниторна, на ходу выдумывавшего сплетни, якобы рассказанные ему приятелями Тэлли. Если бы разгневанный предательством сообщников лорд хорошенько подумал, он бы понял, что у Риктора не было времени на посещение даже одного из названных лордов, не то что на беседы со всеми, кого сейчас обличал незадачливый заговорщик. И когда он выдохся, Илейни потер руки и спрыгнул со стола.

— Вот и славненько, — сказал он. — Собирайтесь, лорд Тэлли.

— К-куда? — опешил Аримар.

— На встречу с государем, конечно же, — пожал плечами лорд-аниторн. — Расскажите ему все, что рассказали мне.

— Ни за что, — фыркнул Тэлли.

— Стало быть, вы считаете, дорогой мой лорд, что я не достоин вашего внимания? — прогремел издевательский голос того, кого в замке не могло быть.

— В-в-ваше Величество, — выдохнул уже опальный лорд.

Рик почесал кончик носа, и Аримар заметил на его пальце перстень с простеньким белым камнем.

— Передающий кристалл, — просипел Тэлли, закрывая лицо ладонями. — Илейни...

— К аниторну, на чьих землях располагаются ваши владения, лорд Тэлли, допустимо обращение — господин, мой лорд, либо лорд-аниторн, — холодно отчеканил Риктор. — Неуважение к ставленнику короля так же является виной, имеющей свое наказание. — Он бросил взгляд и усмехнулся. — Да, забыл сказать, вы обвиняетесь в государственной измене и зачине смуты, направленной против власти законного государя. Остальные обвинения вам уже известны, дальнейшую вашу судьбу определит суд Его Величества... как и судьбу ваших сообщников, которых вы с таким красноречием обличили. И, возможно, это смягчит вашу участь. Впрочем, на все воля нашего господина. И еще. Все, что вы задолжали по налогам, будет изъято из ваших сокровищниц и отправится в королевскую казну. Земли, незаконно отобранные у рода Дагор, будут возвращены владельцу. Так же ему будут переданы ваши Радужные луга и Дикий лес, дабы возместить издержки на тяжбу и душевные терзания оскорбленного благородного лорда. Ну и последнее. Остальные ваши земли изымаются в пользу Побережного аниторната.

— Вы закончили, лорд-аниторн? — осведомился король.

— Да, государь, — ответил Рик.

— Тогда мой маг открывает переход, за остальными заговорщиками уже отправились мои маршалы. Скоро в моих застенках соберется милое общество ядовитых гадин, какая

прелесть.

Пока Ледагард говорил, открылся переход, и Телли тихо застонал, глядя на серые камни подземелья и Его Величество, сидевшего за столом в допросной камере. Рик развел руками и согнулся в шутовском поклоне, предлагая лорду проследовать в открытый портал. Аримар мрачно взглянул на аниторна, прошипел себе под нос какую-то гадость о роде Илейни, после встал, тряхнул волосами и направился к переходу. Он поравнялся с Риком и вдруг выхватил кинжал, висевший на поясе, резко развернулся, метя в сердце...

Кинжал отлетел, отброшенный амулетом аниторна, взревел за окном Гор, и часть стены, где располагалось окно, обрушилась под натиском великана, рвущегося на помощь своему человеку. Рик от души приложил в челюсть лорда Тэлли и отправил его в портал издевательским пинком под зад, тут же схлопнувшийся за спиной заговорщика. И...

— Гор! За что?! — возмутился Илейни, потирая лоб, куда получил камнем, прилетевшим после развала стены драконом.

— Аруф, — растерянно ответил великан и попятился, прячась за остатками стены.

— Я понимаю, что не нарочно, — фыркнул лорд. — Но больно, между прочим.

— Пф... — донеслось снаружи.

— Сам ты неженка и плакса, — так же фыркнул Рик, негодующе глядя на пролом в стене. — Обзывается еще.

— Господин, как вы его понимаете? — недоуменно спросил один из воинов аниторна, стоявший у двери, куда вбежал, когда в кабинете загрохотало.

— Понимаю, — пожал плечами Риктор и направился на выход. — Убираемся, пока Гор не доломал несчастный замок.

Собрав домочадцев арестованного заговорщика, объявил об участии отца и мужа, дав на сборы целую седмицу. Во владении леди Тэлли остался городской дом в Бриллианте ее мужа, и земли, перешедшие лорду в приданное к его супруге.

— Вам нужна помощь, леди Тэлли? — спросил Илейни.

— Благодарю, лорд-аниторн, — вздохнула женщина. — Мы справимся. Можно ли забрать родовой архив моего супруга? Детям нужно знать все о роде своего отца. Там много рукописей. Аримар говорил, что есть летописи, относящиеся еще к временам, когда Виллианы вышли из Бездны, карты... — она всхлипнула и тяжело опустилась на стул. — Тоже... древние...

Риктор, уже собравшийся сказать — да, порывисто обернулся к плачущей леди Тэлли.

— А проводите-ка меня в родовой архив, дорогая моя, — сказал он.

— Вы его заберете? — женщина вскинула голову.

— Возможно, некоторые рукописи, но все, что касается рода Тэлли, останется вам, можете быть уверены.

— Хорошо, — леди поднялась на ноги, промокнула слезы и направилась к дверям. — Следуйте за мной, лорд-аниторн.

Из замка Рик улетал на горе, закинув на спину сумку, куда была со всей осторожностью сложены несколько свитков и карта столь древняя, что Илейни побоялся на нее дышать. Слабенький маг из его отряда, наложил на нее заклинание стазиса, и только после этого карта была убрана. Настроение у аниторна было более, чем приподнятое. Его отряд отправился в Бриллиант прежним путем, ведя в поводу коня господина.

Приземлившись в замке на утесе, Риктор собирался сразу же отыскать Дальгарда, чтобы показать ему свою находку, но, стоило господину спуститься со спины дракона, как ему

доложили о прибытии гостей, которых встретил лорд Тибод и увел в большую залу, как только поговорил с ними. Аниторн нахмурился, гадая о том, кто мог к нему явиться, и направился в большую залу. И как только двери перед ним распахнулись, Риктор увидел десятерых знатных лордов и пятерых мужчин в одеждах простолюдинов.

— Чем обязан? — осведомился аниторн.

— Мы услышали ваш призыв, господин, — ответил седовласый незнакомый лорд, и все пятнадцать мужчин опустились на одно колено перед Риктором Илейни.

Дальгард тихо хмыкнул и подошел к Рику.

— Это главы десяти родов, принесших когда-то клятву верности вашим предкам, — тихо пояснил он. — Пятеро простолюдинов — потомки драконоводов, служивших в драконниках вашей семьи. — Всех призвала печать. Она, оказывается, единая для всех, кто когда-то служил роду Илейни. — И добавил совсем тихо. — Впервые сталкиваюсь с такой магией.

— Очень интересно, — пробормотал аниторн. — Поднимайтесь, пол в зале холодный.

Он прошел к креслу аниторна, устроился на нем и указал на скамьи, стоявшие у стен.

— Думаю, стоит начать со знакомства.

Глава 22

Ночь опустилась на замок Илейни незаметно, словно черный подошел к столу, мягко ступая лапами, и запрыгнул, привлекая внимание хозяина. Для Риктора Илейни таким котом стал целитель Расслед, заглянувший к нему в кабинет, чтобы укоризненно почмокать губами, качая головой.

— Ночь уже, — произнес Рас.

— Ночь? — Рик удивленно посмотрел в окно. — Действительно, ночь.

— Моему господину нужен отдых, — сказал целитель, но аниторн отмахнулся:

— У меня вся жизнь на сон, сейчас есть более важные дела.

— Рик...

— Рас, — старик опустил глаза под упрямым взглядом молодого лорда.

Расслед посмотрел на Дальгарда, ища поддержки, но в этот раз Тибод остался безразличен к взгляду старого целителя. Риктор подошел к Расследу, обнял за плечи и развернул к двери.

— Это важно, Рас, — сказал он. — Отдохни, я еще успею.

— Будь по-твоему, — вздохнул целитель и покинул кабинет господина.

Илейни потер лицо, спрятал зевок и вернулся к столу, над которым зависли магические светлячки, освещая пространство мягким белым свечением. Дальгард только недавно закончил колдовать над картой, делая возможным рассмотреть ее, как следует. Все это время Рик просидел над свитками, отыскивая в них хоть что-нибудь полезное.

— Рик, — негромко позвал Дальгард, еще больше усиливая накал светлячков и опуская их ниже. — Смотри.

В голосе лорда слышалось придыхание, неподдельный восторг, и Илейни поспешил склониться над картой, отложив в сторону свиток, который снова взял в руки. Карта была совершенно не похожа на нынешнюю, и поначалу показалось, что в ней нет прока, но короткое слово — Риер, тут же приковал взгляд. Риктор охнул и поспешил к сундуку, чтобы

достать современную карту. Он раскатал ее на полу и посмотрел на Дальгарда.

— Создай иллюзорную копию, только линии, и наложи поверх старой карты, — велел он. — Так будет проще... наверное.

— Неплохая мысль, — согласился Тибод, принимаясь за дело.

Илейни почти не дышал, следя за тем, как белесая искра повторила очертания земли и берега, шустро обежав всю карту, после отразилась всполохом, и за раскрытой ладонью мага потянулись обрисованные контуры. Проплыв по воздуху, они послушно накрыли старую карту, словно рваный покров, и замерли, как только Дальгард добился полного совпадения с древней картой.

— Боги, — выдохнул Рик, — Риер — это и есть море, почти вся земля скрыта водой.

— И заканчивается как раз там, где проходит граница нынешнего Побережья, — кивнул Тибод. — И нашего королевства не было и в зачатке, даже княжества с таким названием не было.

— Зато были Драконьи земли, и они граничили с Риером, — отметил Илейни. — И если откуда и прилетели на выручку драконы, то отсюда. Но остается неясным, как они выжили, и выжили ли после столкновения с Виллианами. Их магии не подвластны только маги нашего мира. Бездна.

— А еще море, почему Валистар затопил свои земли... — начал Дальгард, но Рик вдруг прервал его вскриком.

— Камгалы! Тибод, если моря не было, значит, камгалов пересилил сюда тоже Валистар! — воскликнул он. — Зачем? А я скажу зачем! Это стражи, Тибод! Слышишь? — молодой лорд рассмеялся. — Они охраняют место прорыва. Бездна... — Он вдруг замер. Глаза небесной лазури округлились, и Риктор выдохнул. — Камгалы не были призваны Дархэймом, Тибод. Они поднялись, почуяв его силу. Пожри меня... Ты понимаешь? Они охраняют проход между мирами, и поднялись на запах черной Силы. — А в следующее мгновение Илейни покачнулся и вцепился в рукав Дальгарда, прошептав: — Ты понимаешь, что это означает?

— Что? — глухо спросил маг.

— Ты разве не видишь? Тибод! Ну же! — палец аниторна уперся в изображение горной гряды на старой карте. — Не узнаешь? Совсем? Тибод, ну же, думай!

Дальгард потер подбородок, взлохматил волосы и охнул:

— Драконьи игры... Скала с пещерой. Пещера! Неужто там?

— Там, пожри тебя Виллианы, — снова рассмеялся Риктор. — Оно все время было под носом, но мы так привыкли к тому, что это место всего лишь один из этапов в Играх, что все время упускали то, что невозможно было не заметить. — Тряхнув волосами, аниторн взволнованно заговорил. — Все сходится. Камгалы поднялись возле скалы, ни раньше, ни позже. Именно там нас поджидал тот черный туман. Он притянул древних тварей, которые чуть не сожрали нас вместе с драконами. Сама пещера. Зачем делать хранилище так глубоко? Ларец с наградой можно было оставить и на поверхности. И сами Игры... Кто их придумал? Когда появились? Уж не дань ли это прошлому? Не указатель пути для людей и драконов?

— Или же напротив, попытка скрыть, — возразил Дальгард. — Ничто не спрятано так хорошо, как то, что лежит под носом. Ты это сам только что сказал.

— Возможно, — кивнул Илейни, сверкнув лихорадочно блестящими глазами. — Завтра же слетаю туда еще раз.

Он прошелся по кабинету, после вернулся к карте и снова посмотрел на место предполагаемого прорыва Виллианов.

— Что у нас получается из тех обрывков, что мы знаем? — Рик сжал потер подбородок. — Много столетий назад жители другого мира сумели прорваться в наш мир. Они вышли на землях Риера, где их встретил Валистар Илейнарий — риерский правитель и сильнейший маг-стихийник. Битва с иномирцами ничего не дала, и тогда противники взялись за мечи... Исход битвы не ясен. Потом полился огонь с неба, и это были драконы, поднявшиеся в небо против Виллианов. Драконы уязвимы, маги нет... Здесь опять непонятно. Хорошо. Виллианов загнали обратно, Валистар запечатал ход и покрыл свои земли морем, населив его камгалами. Так он защитил место прорыва. И если бы иномирцы решили вернуться, их ждали бы море и древние ядовитые твари. На большую землю не переправиться. Камгалы почуют запах черной Силы и поднимутся на поверхность, пожирая врагов нашего мира.

— В легендах говорится, что у Виллиан были крылья, — заметил Дальгард.

— А у камгалов взгляд, который не выдерживают даже драконы и сами летят в пасть. Но если бы им все-таки удалось добраться до берега, то...

— Их ждал род Илейни со своими драконниками, где жили огнедышащие драконы. Рик, — Тибод поднял потрясенный взгляд на аниторна. — Вы тоже стражи. И если вы, все-таки потомки Илейнария, то он сам себя лишил венца власти, чтобы остаться хранителем, всего лишь хранителем. Потому ваш род никогда не трогали. Чтобы не случилось в мире, Илейни всегда хранили Побережье. И всегда в их драконниках жили драконы, о которых заботились, едва ли не лучше, чем о людях. Я знаю, я сам так забочусь о своих... твоих драконах. И еще знаешь что?

— Что? — хрипло спросил Рик.

— Все, кто принес клятву, на ком стоит печать... Мы все маги, Рик. Маги-драконоправы. Даже пятеро драконоводов, они тоже маги. Бездна... Маги, Рик! Выходит, что все, кто был связан с драконами и твоим родом, были одарены магически. Тогда почему они позволили уничтожить драконов?! Ведь могли сопротивляться! Могли отстоять...

— На замок так же напали маги, — глухо ответил Илейни. — Маги и жрецы. Наверное, их было больше, раз замок пал.

Мужчины замолчали, пытаясь представить, как могло случиться так, что маги, смотревшие за драконами, не смогли остановить убийц. Еще осталась загадка, что прадед Риктора мог сказать жрецу, если из неосторожных слов вспыхнул пожар, пожравший почти весь род. Зачем было убивать драконов? Если догадки лордов верны, то именно они охраняли Побережье от возможного повторного вторжения. А после и вовсе уничтожили память, и теперь приходилось собирать по крупицам утерянные знания. Однако этот вопрос был не единственным.

— Я не понимаю! — вдруг воскликнул Рик. — Если Илейни идут от рода Риерских властителей, а они были магами, то куда девалась магия?! Пусть перегорел Валистар, когда создавал защиту от вторжения, но в его детях Сила должна была остаться! Были ли у него дети? Сколько? Как Илейнарии стали Илейни? Почему мы не одарены Силой предка? Я ведь должен быть стихийником, не так ли?

Дальгард почесал в затылке. Затем хмыкнул и взглянул на аниторна шальным взглядом.

— А если... — начал он, но тут же отмахнулся. — Да, ну-у... Это и вовсе ерунда.

— Говори, — велел Илейни жадно глядя на мага.

— Ну-у-у, — неуверенно протянул Тибод. — Если магия никуда не делась? Если она просто спит в вашей крови... Или... Огонь — это ведь одна из стихий, и драконы в драконниках вашего рода всегда были огненными. И твой Гор с огнем. Он развивается, как должно свободному дракону, как развивались все ваши драконы. Это все ерунда, конечно, я не понимаю, как это все может быть связано, но... это единственное объяснение, почему у ваших летунов всегда был огонь. Илейни как-то связаны с драконами, и ты со своим Гором отличный пример. Вы... вы, как стая, что ли. Гор — единственный дракон, кто не просто верен своему драконоправу. Я в жизни не видел, чтобы летун так трясся над человеком. Да и ты сам. Ты же понимаешь его, словно дракон говорит на человеческом языке.

— Мы просто близки, — пожал плечами Рик. — Гор всегда был моим другом, он был моей семьей.

— Вот именно! — воскликнул Дальгард. — Семья! Вы стая, Рик. Дракон ведет себя с тобой так, словно ты его сородич, словно ты... тоже дракон, только маленький. Очень маленький дракон, о котором он заботится, как более сильный в вашей стае. Я всю жизнь наблюдаю за ними, и нечто похожее видел. И будь ты сильнее и крепче, в сравнении с драконом, он бы не заискивал, он бы навязал свою волю иначе, но, скорее всего, опасается причинить вред, потому просто закрывает дорогу, требует лететь на себе...

— Да, Гор с некоторых пор ведет себя, как нянька, — усмехнулся Илейни. — Гонит к Расу, если чувствует, что я болен. Бросился на поиски, когда я пропал. Он тогда тоже не хотел меня отпускать...

— Вот! — воскликнул Тибод. — Вот, о чем я и говорю! Вы чувствуете друг друга, словно между вами есть незримая связь! Вы, как дополнение друг друга. Ты направишь, он защитит. Твой разум, его сила...

— И женщина одна на двоих, — невесело усмехнулся Риктор и вдруг вскинул голову, глядя на Тибода. — Как ты думаешь, в этом может быть дело? Полюбил я, выбрал Гор...

Мужчины переглянулись и дружно отмахнулись:

— Ерунда.

— Но если и так, — все же отозвался Дальгард, — то мы хотя бы знаем, от чего отталкиваться. К тому же мы еще не сводили его с моей принцессой, когда у нее закончится гон. Вдруг...

— Почему бы и нет, — пожал плечами Рик и подавил новый зевок. — Идем-ка спать, а то мы так неизвестно до чего договоримся. Утром разум светлей.

— Ты прав, мой лорд, — улыбнулся Тибод, гася светлячки. — Только нужно все это спрятать.

— Разумеется, — усмехнулся Илейни, сворачивая карту и свитки.

Лорды разошлись по своим покоям, но еще долго не могли заснуть, обдумывая все, что открылось им в этот вечер. Рик ворочался с боку на бок, вспоминая предположение Дальгарда. Огонь-стихия, все драконы в драконниках Илейни были огненными. А что если и правда его предки как-то влияли на драконов? Ведь Гор — единственный, в ком огонь проснулся в свое время. Так может...

Аниторн поднялся с постели и прошелся по опочивальне, сдерживая порыв отправиться к Дальгарду и приказать вернуть серых драконов в драконники в его замке. Хотелось проверить, а вдруг! Вдруг проснется огонь, вдруг все они окажутся огненными после того, как вернуться в замок Илейни. Хотя... Сейчас один из серых был здесь. Тот, на ком прилетел Дальгард. Но огня нет.

Не выдержав, Риктор схватил парчовый халат, накинул на себя, затянул пояс и покинул покои. Стража, услышав шаги господина, вытянулась, усердно моргая, чтобы согнать дремоту, но лорд стремительно прошел мимо, не удостоив их взглядом. Он спустился вниз, вышел во двор и ненадолго остановился, чтобы охладить разгоряченное лицо. Затем растерянно посмотрел в сторону драконника, но тут же рассердился на себя за это мгновение слабости и продолжил путь.

Гор поднял голову, когда уловил приближение своего человека. Он фыркнул и сел, ожидая, когда тот войдет. Но стоило Рiku пересечь ворота драконника, как великан уловил его волнение, это вызвало беспокойство. Гор заворчал и поднялся на лапы, готовый выведать, что тревожит его маленького дракона, но тот так и не дошел до своего любимца, свернув к серому дракону, безучастно взиравшему на лорда.

— Здравствуй, — сказал ему Рик и подошел ближе.

— Ар-р, — предостерег Гор, приближаясь к стойлу серого.

Чужак поднял голову, с удивлением взирая на человека, застывшего перед ним.

— Ты ведь не боишься меня? — спросил человек, и дракон удивился.

Такой маленький, а спрашивает о страхе. Разве не человеку положено бояться великана? Это они всегда трясутся и бегут, стоит дракону появиться в небе. Кричат, хлещут злой магией. И пусть хозяин серого ругал драконоводов за то, что те используют свое единственное оружие против могучих летунов, но они всегда держат под рукой накопители с нехорошей Силой, иногда делая больно, чтобы заставить слушаться. Хозяин этого не знает, он не понимает драконов, когда они жалуются на своих обидчиков.

— Гр-р, — снова забеспокоился Гор.

— Не волнуйся, — ответил человек. — Я не обижу его, и он не тронет меня. Но ты можешь остаться рядом, если волнуешься.

— Пф.

— Конечно, разве мое слово указ для тебя, большой дракон, — ядовито ответил лорд.

— Пф-ф.

— Чванливая дылда.

— Ар-р. Пф.

— Ты заботишься обо мне, я знаю, — хмыкнул человек и потрепал по шее своего дракона.

— Ау-урф.

— Гор! — возмутился Рик. — Дай мне поговорить с Аскердом.

— Пф... пф.

Гор отвернулся и бухнулся на мощный зад, подняв облако пыли. Если бы дракон мог, он бы, наверное, скрести на груди передние лапы, показывая, что он сделал все, что мог, и теперь глупый маленький дракон может вытворять все, что ему угодно. Великан задрал нос, но глаз все-таки скосил, продолжая следить за тем, что происходит за его спиной. Рик усмехнулся, заметив, что за ним подсматривают, но вскоре полностью переключился на серого дракона, привставшего на передние лапы и внимательно следившего за тем, как разговаривают черный дракон и лорд.

Черный волновался за человека, и это тоже было удивительно. Нет, они, по-своему, любили хозяина, но он приходил, разговаривал с ними, гладил и уходил, а им не приходило в голову навязывать себя. Да и не нужно это было никому из серых драконов. Он ведь хозяин, а хозяин — он не семья. Он тот, кто кормит, выгуливает, следит, чтобы были здоровы. А

драконы платят за заботу тем, что слушаются и позволяют забираться себе на спину и управлять ими в небе. У них неплохой хозяин, злой магией почти никогда не пользовался, научив своих летунов понимать его знаки.

— Ты удивлен, мальчик, — странный человек подошел совсем близко и протянул руку.

Аскерд замер, не зная, как себя вести. Нарычать? Так угрозы он не чувствовал. И потом, если проявить агрессию, человек может ударить гадкой Силой. Дракон решил дать себя потрогать. Нужно просто потерпеть, а потом хозяин черного дракона уйдет. Аскерд превратился в изваяние, напряженно следя за тем, что делает мужчина.

— Красавец, — проворковал человек, обрисовывая кончиками пальцев чешую.

— Пф, — донеслось со стороны черного дракона, и серый скосил на него глаз.

— Ты еще и ревнивец, — рассмеялся мужчина.

— Пф.

— Да-да, я заметил. Тебе все равно.

— Гр-р.

А после Аскерд и вовсе растерялся, потому что человек сделал то, чего еще никто не делал. Он обнял. За шею, прижавшись к мощному драконьему телу. Серый хотел отпрянуть, но вдруг ощутил, что от человека идет тепло, приятное, доброе... родное. Он несмело потянул носом и ощутил запах. Человек хорошо пах. И вроде пах, как все люди, но... Было еще что-то. Этот запах чем-то напоминал запах черного дракона, и еще немного Рагдара, когда он еще был с ними, и все серые признавали его за старшего, потому что... Сила! Человек пах Силой! И если бы он был одного с Аскердом роста, дракон согнул бы перед ним шею, но это был всего лишь человек, и его запах заставлял... не сопротивляться. Впрочем, это тоже было не совсем так. Просто не хотелось сопротивляться. Хотелось и дальше чувствовать тепло, шедшее от мужчины.

— У-у-у, — удивленно произнес Аскерд.

— Что такое, мальчик? — спросил человек, отступая и заглядывая дракону в глаза.

— Пф, — фыркнул Гор.

— Ар-рф, — серый дракон беспокойно переступил передними лапами и поднялся с пола.

Он сделал шаг и уперся грудью в человека, желая вернуть утерянное тепло. Рик легко рассмеялся и снова раскинул руки, обнимая Аскерда. Тепло вернулось. Оно проникало под чешую, просачивалось сквозь кожу, несло в крови, согревая драконье тело. Казалось, добралось до самого сердца и обратилось жаром.

Серый оскалился, зарычал, попытался отойти, но черный дракон вдруг угрожающе заревел, не сводя взгляда с Аскерда, и дракон снова замер. Но теперь тепло перестало быть ласковым, оно жгло, делало больно, словно что-то менялось внутри самого существа великана. Аскерд закинул голову и завыл. Крылья его развернулись, словно дракон собирался взлететь, чтобы спастись от пламени, пожиравшего изнутри. Но Гор обрушился на серого собрата, не давая ему дергаться. Черный опасался, что Аскерд навредит его человеку и вынудил его терпеть дальше.

Неожиданно боль исчезла, пропал жар, и только приятное тепло продолжало еще мягко струиться в крови серого дракона. Но вскоре исчезло и оно. Человек отошел, ошалело глядя на свои руки.

— Отпусти, Гор, — хрипло велел он.

Черный дракон нехотя слез со своего собрата и отошел. Аскерд зафыркал, встряхнулся,

гневно глядя на человека, но тот все так же смотрел на свои руки, словно видел их впервые.

— Я... — Рик запнулся. — Гор, я, кажется, что-то сделал. Когда обнял его... Я хотел, чтобы Аскерд получил свой огонь. Я так сильно этого хотел. — Аниторн обернулся к своему дракону. — Гор, я не знаю, что это было, но что-то было. Я чувствовал. Чувствовал и знал, что не должен отпускать рук. Мне было... жарко. Аскерд нагрелся, он был горячим. Бездна! — После посмотрел на серого дракона. — Ты что-нибудь чувствуешь, парень?

— Пф, — Аскерд встряхнулся и улегся, обиженно отвернувшись от человека и его дракона, не сводивших с него глаз. — Ар-р. Пф.

— Не ругайся, — миролюбиво произнес мужчина и присел рядом с серым драконом.

Аскерд поерзал, но ладонь человека ласково прошла по шее, пальцы обрисовали контур острого двойного гребня, и дракон решил не дергаться. Ему нравилось. Он даже немного поворчал, жалуясь на то, что ему было больно. А он, между прочим, доверился человеку, поверил его теплу.

— Прости, если сделал тебе больно, — ответил человек. — Я не хотел.

— У-уф, — вздохнул Аскерд, развернулся и прижался головой к берду мужчины.

— Пф, — фыркнул черный дракон.

Лапы его разъехались, и Гор упал на брюхо, опустив голову со второго бока Рика, жалобно заворчав. Лорд рассмеялся.

— Притвора и ревнивец, — сказал он, поглаживая великана между ушами. — Все с тобой хорошо, просто делиться не хочешь. — Гор тяжело вздохнул, но вредничать перестал.

Из драконника Рик ушел уже засветло, полный решимости поговорить с Ледагардом о возвращении драконов в драконники Илейни. Он вернулся в опочивальню, но так и не лег спать. Помаявшись, аниторн направился к Дальгарду. Ему нужно было с кем-то поделиться, и Тибод лучше всех подходил на роль слушателя. В конце концов, как он может спать, когда его лорд не спит?! При этой мысли Риктор почувствовал себя Гором и рассмеялся.

В покои мага он входил с каменным выражением на лице. Прокрался бесшумным воришкой к опочивальне, заглянул в приоткрытую дверь и хмыкнул, заметив лишнюю пару ног, торчавшую из-под одеяла немолодого, но, как оказалось, еще полного сил лорда.

— Кх-кх, — покашлял вежливый хозяин не менее вежливого дракона. — Тибод.

— Что? — сонно спросил Дальгард, зарываясь лицом в подушку.

— Ты мне нужен, — подавив смех, произнес из-за дверей Рик.

— Тибод всем нужен, — ворчливо отозвался маг. — А Тибоду нужен сон.

— Господин! — вдруг взвизгнула служанка, с головой прячась под одеяло.

Дальгард вскочил с постели одним движением, глядя на дверь шальным взглядом.

— Где господин? — спросил он.

— За дверью он, — подсказал Илейни.

— Бездна, — выдохнул Дальгард, хватаясь за одежду. — Что-то случилось?

— Если ты не поторопишься, то случится, — пообещал Рик. — Меня разорвет на части от нетерпения.

— Бегу, — буркнул Тибод, недоумевая о причине нетерпения лорда.

— В штанах не запутайся, — хмыкнул аниторн и отошел от дверей опочивальни, чтобы не подслушивать перешептывания мага и служанки.

Дальгард появился с невозмутимым выражением лица, полностью собранный, даже успевший ополоснуть лицо. Он посмотрел на лорда в ночном халате и хмыкнул, сообразив, что никого убивать они не пойдут, и вообще никуда не пойдут, и Рiku нужен, действительно,

просто разговор... Разговор в предрассветный час. Тибод предусмотрительно установил полог тишины.

— Что встревожило тебя? — спросил маг, глядя на Илейни, нетерпеливо притоптывающего ногой.

— Кажется, я что-то сделал с Аскердом, — сказал Рик.

— Что? — Дальгард вскочил на ноги, едва успев присесть на кушетку.

— Это было так странно... — аниторн уселся на ту же кушетку и потянул мага за рукав, усаживая рядом.

Дальгард остался настороженным, но вскоре беспокойство сменилось недоумением, после задумчивостью, а затем на лице мага и вовсе появилась недоверчивая улыбка.

— Ты... пробудил огонь? Думаешь, получилось? — почти шепотом спросил он.

— Откуда мне знать? — ворчливо ответил Риктор. — Аскерд пока отдыхает, нужно проследить за ним. Когда я уходил, он уже не выглядел таким настороженным. Но если это было то самое, то твое предположение может оказаться верным, и Илейни как-то влияют на пробуждение огня. И тогда нужно снова заполнить драконники, нужно восстановить утерянное наследие. Я хочу поговорить с королем. Он просыпается рано, и я свяжусь с ним.

— Но одобрит ли государь твое решение? — в голосе Дальгарда сквозило сомнение.

— У меня есть вопросы, на которые я хочу услышать ответы, — сказал аниторн, поднимаясь на ноги. — И если все так, как я думаю, тогда драконы заполнят загоны в драконниках моего замка. — Илейни поднялся на ноги и хлопнул мага по плечу. — Все, иди отдыхай.

— И как мне теперь уснуть? — усмехнулся сидящий лорд.

— У тебя помимо сна найдется интересное занятие, — хохотнул Рик и направился двери.

— Это занятие более подходит молодым, — подмигнул Тибод.

Риктор улыбнулся, отрицательно покачал головой и покинул покои мага. Он вернулся к себе, умылся и надел чистые одежды, готовый дожидаться рассвета и позвать короля. Мысли вернулись к словам Дальгарда, и перед внутренним взором аниторна встала красноволосая женщина с черными, как сама Тьма, глазами. Однажды она переступит ворота его замка, и тогда Риктор Илейни вспомнит, что у него есть еще и тело, а пока нужды плоти мало заботили мужчину. Забот хватало и без этого. Теперь особенно.

А когда небо порозовело, и солнце поманило землю первым лучами, молодой лорд все-таки задремал. Ему снились драконники, где стояли драконы, величественные, прекрасные, сильные. В их груди теплился огонь, рожденный силой рода Хранителей не Побережья, но всего подлунного мира, защищающие свой дом и жизнь, наполняющую его от вторжения черной Силы иномирцев, способных поглощать жизненную силу человеческих душ.

Спал он недолго и проснулся, тревожно озираясь. Предчувствие беды было столь сильным, что даже воздух, казалось, загустел. Но что могло вызвать тревогу? Илейни поднялся на ноги, огляделся, после вышел из покоев и прошелся по замку. Выглянул в окно, долго смотрел на драконник. После не выдержал и решил зайти к драконам. Но там оказалось тихо. Гор спал, сунув голову под крыло, а рядом с Аскердом клевал носом Дальгард, похоже, так и не вернувшийся в постель. Сам серый дракон лежал, прижавшись брюхом к холодному каменному полу драконника, вытянувшись в полный рост, шумно посапывал и время от времени скреб лапой по полу. Тогда Тибод скидывал голову и начинал гладить Аскерда.

Рик подошел к ним, присел рядом и погладил серого дракона. Тот протяжно вздохнул и опять заскреб лапами, жалобно подвывая.

— Ему плохо, — сказал Дальгард.

— Почти так вел себя Гор, — ответил Илейни и улыбнулся, — когда просыпался его огонь. Три дня он корчился и злился, а потом из ноздрей повалил дым. Но у Гора огонь проснулся в срок. Сколько Аскерду?

— Шестьдесят, — не глядя на лорда ответил маг.

— Еще совсем молодой. — Рик хлопнул Дальгарда по плечу и поднялся на ноги. — Все будет хорошо, он справится.

— Откуда ты знаешь? — в голосе Тибода проскользнуло раздражение.

— Знаю, — пожал плечами Илейни. — Я тогда много изучал пробуждение огня у драконов. Ты ведь и сам многое знаешь об огне драконов.

— Только в общих чертах, — вздохнул Дальгард. — Видеть пробуждение огня мне еще не доводилось. А если он нездоров? Если это что-то другое?

— Нужно наблюдать, — ответил Риктор. — Но Гор спокоен, приближение беды он чувствует.

Слово — смерть аниторн избежал, он не верил и не хотел даже допускать мысли, что дракону был причинен вред. Гор когда-то так же лежал на брюхе, ища прохлады. Так же скреб лапами по полу и рычал на всех, кто приближался к нему. Подойти удавалось только Рiku, ему дракон доверял и жаловался, пока молодой лорд так же просиживал с ним рядом. И так же, как Дальгард, боялся, что случилось непоправимое, даже подозревал отравление.

— Приказать принести тебе чего-нибудь? — спросил Илейни.

— Нет, ничего не хочу, — отрицательно покачал головой Тибод. — Просто посижу с ним.

— Хорошо, — Риктор кивнул и покинул драконник, бросив на посапывающего Гора еще один взгляд.

Он вернулся в замок, поднялся в свои покои и посмотрел в окно. Государь должен был уже встать. И все же аниторн не торопился, продолжая прислушиваться к себе, но неясное предчувствие, посетившее его во время предутреннего сна, исчезло. Пожав плечами, Илейни в кабинет, и установил на стол подарок короля — кристалл, способный отразить в гранях того, у кого есть второй кристалл. Рик пробежался пальцами по кристаллу, и он ответил мягким голубоватым сиянием.

— Рик? Так рано? Что-то случилось? — лицо Ледагарда появилось в гранях, словно блик света в голубоватой дымке, клубившейся внутри кристалла.

Но вот дымка врывалась за грани, охватила весь кристалл и поднялась выше. Теперь король стал виден лучше. Он сидел за столом, немного раздраженно взирая на своего аниторна.

— Доброго утра, Ваше Величество, — поздоровался Рик.

— Надеюсь, это важно, — буркнул Ледагард. — Я еще не завтракал.

— Государь, возможно, вас порадует, что и ваш преданный слуга не посмел набить утробу раньше вас, — сообщил Илейни, преданно глядя на изображение короля.

Тот фыркнул и протянул:

— Нагле-ец. Что у тебя?

— Государь, — Риктор подался вперед, — для начала я хотел бы спросить, почему вы вернули меня на Побережье?

— То есть ты вторгся в мое утро, чтобы спросить, почему я был милостив с тобой? — изломил брови Ледагард.

— Довольно игр, Ваше Величество, — неожиданно сухо произнес аниторн. — Что знаете вы, и чего не знаю я?

— Хм...

Король изобразил возмущение, даже поиграл бровями, но Рик остался равнодушен к его пантомиме, и Ледагард перестал изображать простака. Он откинулся на спинку своего кресла и скрестил на груди руки, окидывая аниторна оценивающим взглядом. Это тоже не произвело на Илейни особого впечатления, лорд так и не отвел глаз.

— Хорошо, — первым заговорил аниторн. — Государь, давайте я расскажу, что узнал совсем недавно. Возможно, вам это известно, возможно, я буду первым, кто поведает вам о том, что произошло в древности. Судя по тому, что вы молчите об итоге изысканий Толейни в вашем архиве, делиться со мной вестями вы не собирались. Итак, я начну.

— Начинай, — усмехнулся Ледагард.

— Много столетий назад грань между мирами была разорвана, и в наш мир вторгся враг, черпающий свое могущество в жизненной силе человеческих душ. — Рик внимательно следил за венценосцем, и гримасу недовольства, на мгновение исказившее лицо государя, успел заметить, удовлетворенно хмыкнув. — Мы с вами это уже знаем, государь. Правитель Валистар Илейнарий первым встретил иномирцев, ибо вышли они на его землях, и Риер пал под их натиском. Однако помощь пришла откуда не ждали. Драконы. Они поднялись в небо и поливали врага своим огнем, — Ледагард снова поморщился. — После того, как Виллианов загнали обратно в их мир, Валистар затопил свои земли, отрезав быстрый путь врага при повторном прорыве. Далее он посадил стражей — камгалов. — Ледагард приподнял брови, и Рик понял, что этого он не знал. — На суше же остались другие стражи — драконы, которых правитель, добровольно сложивший с себя венец власти, холил и лелеял. Сменилось и имя рода, сократившись с царственного — Илейнарии до краткой формы — Илейни... возможно, не сразу, со временем. Род Илейни остался на Побережье новых земель, охраняя место прорыва и покой всего мира. И так продолжалось до времени правления вашего прадеда, государь. Но мой прадед умудрился поссориться со жрецами, и они выступили против моего рода. В чем нас обвинили, Ваше Величество?

— Ты уверился, что Валистар...

— Глупо отрицать очевидное, государь, — едва заметно улыбнулся аниторн. — Созвучие фамилий, место, древность, драконы, всегда огненные драконы, государь. А после изгнание, приказ забыть о драконах, уничтожение памяти рода, как и самого рода. Так в чем был виновен мой прадед?

— В заносчивости, — отчеканил Ледагард. — И в глупости. Еще в неводержанности на язык. Он умудрился разругаться со старшим жрецом Брилланта. Наговорил ему дерзостей. И когда тот начал грозить гневом Богов, твой прадед высмеял его и назвал шарлатаном, сказав, что истинный Божественный Огонь несут его драконы. Жрец пригрозил жалобой королю, но лорд Прямолинейность пригрозил в ответ обрушить культ, напомнив, кто на самом деле спас людей от Виллианов. Ты сам понимаешь, чем чреваты такие шутки. Жрец отправился к королю, привел свидетелей, которые подтвердили, что Илейни готовит заговор, хочет захватить трон. Мой прадед был гневлив. Он вспылал, вызвал к себе твоего прадеда. Тот рассказал, как обстояло дело. Рик, ты достаточно умен, чтобы понять, что служители ближе к трону, чем те, кто охраняет покой от угрозы, давно ставшей легендой. Повторится

вторжение, или нет, никому неизвестно, а Огонь может угаснуть уже завтра, и виноватым мог оказаться король. Смута, свержение... Мой прадед выбрал жрецов. Он потребовал у Илейни покаяться, признаться во лжи, но... Лорд Упрямая голова был слишком уверен в непоколебимости своего положения. Он верил, что король не тронет его. Король тронул, уничтожив угрозу культу и своей власти. Всем сообщили о заговоре, и изгнание выставили карой.

— Однако ваш прадед оставил жизнь моему деду, — произнес Ритор. — А ваш отец позволил нам завести дракона. Сомневаюсь, что мой отец, зная об угрозе уничтожения, действовал самовольно.

— Ты не совсем прав, — усмехнулся Ледагард. — Мой отец намекнул, что дракон — хороший подарок для маленького лорда. Конечно, Октор удостоверился, что Его Величество не шутит, и одобрение было им получено.

— А вы, государь, позволили мне и моему дракону вернуться, — закончил Илейни. — И это привело жрецов в ярость.

— Они были недовольны, — уклончиво ответил король, но его кривая ухмылка показала степень недовольства жрецов. — Но я надеялся, что твое прилюдное покаяние примирит их с моим решением. Однако тебя попытались сжечь. Это было досадно. Мне пришлось вызывать старшего жреца и врать ему, что твое назначение временное, и я всего лишь хочу тебя использовать, чтобы показать жителям Побережья, что им не нужен аниторн, им нужен король.

— То, что вы говорили мне еще после Игр, — усмехнулся Рик.

— Именно, мой мальчик, — кивнул венценосец. — Я и старался подольше задержать тебя во дворце, чтобы они немного утомонились. И собирался держать поводок натянутым, так же, чтобы жрецы считали тебя марионеткой. Ты для них — угроза, они угроза для меня, и теперь я извиваюсь, как змей, изворачиваясь между тем, чтобы помочь тебе разобраться с прошлым твоего рода, и не рассориться с ним. По большому счету, ты мне, как аниторн не нужен, и ты это понимаешь. Но...

— Но... — Рик жадно подался вперед.

Король хохотнул, глядя на жадное любопытство, сверкнувшее в глазах Илейни.

— Наследие есть не только у тебя, мой мальчик. Есть завет моего предка — короля Тирнарда Мудреца. Оно сродни священной огненной книге, но только для моего рода. Мы знакомимся с ним, как только переступаем порог отрочества. И в этом завете есть требование, именно требование, Рик — хранить и оберегать род Илейни, будто кровь свою, ибо мир наш покоится на плечах их. Не учинять сему роду разорения и пагубы, не изгонять с земель их, ибо земли те принадлежат роду Илейни испокон веков, в них сила их и надобность. Почитать право их на дружбу со зверям, огнем дышащими.

Ледагард замолчал, насмешливо глядя на аниторна. Риктор откинулся на спинку кресла, задумчиво барабанил пальцами по столу.

— Ты все узнал, что хотел? — спросил венценосец.

— Так вы все знали с самого начала, — невесело усмехнулся Рик.

— Не все. Например, я не знал о вторжении. В моих архивах говорится, что твари все-таки из Бездны, но в древних свитках упоминаются драконы, поливавшие врага огнем, только говорится там, что их послали Боги. Но то, что жрецы управляют Божественным Огнем, мне известно, потому я, как и мой прадед, знаю, что служители способны повернуть шутку и погасить огонь в чашах, обвинив меня в ереси, и объявив гнев Богов. И если бы не

этот проклятый полувиллиан, я бы был осторожней. Теперь все?

Аниторн широко улыбнулся и объявил:

— Государь, я хочу заполнить драконники драконами.

— Исключено, — теперь Ледагард был возмущен искренне. — Ты только что услышал...

— Я дам вам Божественный Огонь, Ваше Величество, — улыбка стала запредельно счастливой, и королю показалось, что он может разглядеть каждый зуб во рту аниторна. — Клянусь, государь. Какой хотите: очищающий, благословляющий, карающий. У меня есть умелец, который так же открыл секрет Божественного Огня. И если угодно, я разыграю такую шутку, что шутки жрецов покажутся бормотанием блаженного. Только скажите, и мы обернем гнев Богов против них. У вас завет, у меня предназначение, где-то рядом бродит Дархэйм, а мы боимся выступить против жрецов, готовых уничтожить мир только ради сохранения своей власти.

— Рик, уничтожать культ нельзя! Людям нужна вера. И если мы отнимем ее, чем заменить?

— Зачем уничтожать? Приструнить! Не вы ли посланник Богов на земле, государь? Не вы ли их прямой потомок? Жрецы лишь посредники...

— Ах, ты... — Ледагард погрозил аниторну пальцем и хохотнул: — Лис! Пройдоха! Значит, умелец? — он задумался, покусывая кончик ногтя на большом пальце. — Ах, как завлекательно... Как любопытно. Хорошо! — король хлопнул ладонью по столу. — Дозволяю заполнить драконники. Но будь готов привести своего умельца.

— Непременно, государь, — поклонился Рик. — И еще...

— Еще что-то?!

— Я готов принести вам клятву верности, родовую клятву, чтобы вы не усомнились в моей преданности...

— Решил защититься клятвой? Молоде-ец, это верно. Нам, королям, потомки бывших правителей могут показаться подозрительными. Завтра поговорим, Ее Величество проснулась. Если она увидит, что я говорю с тобой...

— Понял, — спешно кивнул Илейни. — Благословения Богов, Ваше Величество.

— И тебе, коварный лорд, — хмыкнул Ледагард, и кристалл погас.

Рик еще некоторое время смотрел в пустоту, но вскоре закинул руки за голову и потянулся, удовлетворенно хмыкнув. После поднялся на ноги и покинул кабинет, дел на сегодня у него было еще много, и аниторн решил не терять времени даром.

— Где мои гости? — спросил он у ожидавшего за дверями покоев слуги.

— В трапезной, господин, — ответил светловолосый немолодой мужчина, почтительно склонив голову.

— Все?

— Все, господин.

— Хорошо, я там же позавтракаю.

Аниторн вошел в трапезную, и негромкий гул голосов сразу смолк. Десять лордов и пятеро драконоводов, ютившихся с краю длинного стола, не смея сидеть рядом с господами, поднялись, приветствуя своего лорда поклоном. Риктор махнул рукой, и мужчины вернулись на свои места.

За вчерашний день они не так много разговаривали, хозяина замка занимали свитки и карта. Потому, выслушав имена пятнадцати мужчин, он позаботился об их обустройстве и

закрылся с Дальгардом в кабинете, не покинув его до ночи. И сейчас долг хозяина дома и господин требовал больше узнать о тех, кто прибыл служить ему.

— Как почивали, благородные лорды, любезные мужи? — спросил он сразу у всех.

— Замок Илейни уютен, перины мягкие, — ответили ему с улыбкой.

— Я рад, — ответил улыбкой аниторн.

— Господин, — один из простолюдинов поднял руку, привлекая внимание. Рик перевел на него взор, и мужчина немного смутился. — Мое имя...

— Томлах, я помню, — кивнул лорд Илейни.

Драконовод снова смущенно улыбнулся.

— Благодарю, господин. — Однако быстро справился со смущением. — В замке пробуждается огонь, я чувствую.

— Мы все чувствуем, — вставил второй драконовод. — Это наш дар.

— Да, дар, — согласно кивнул Томлах. — Мы можем облегчить страдания бедному дракону.

— Мы как целители для драконов, — вмешался третий. — Помогаем в трудных родах, умирняем боли. Раны на драконах заживают быстро, тут им лекарь не нужен, а вот тяжелые мы можем подлатать. И огонь чуем, когда он начинает пробуждаться.

— Мой дед рассказывал, что он так юным драконам в вашем замке помогал, — важно закончил пятый.

Рик потер щеку, произнеся вполголоса:

— Так вот зачем были нужны драконоводы — маги. А я-то все гадал... — Затем откинул в сторону размышления. — Да, один дракон. Рядом с ним лорд Дальгард, скажите, кто вы и что можете, он не будет мешать.

— Да, господин, — поклонились все пятеро и направились прочь из трапезной.

До аниторна донесся облегченный вздох, простолюдинам было тяжело находиться рядом со знатными лордами. Уже почти выйдя за дверь, один из драконоводов вернулся.

— Людей мы лечить не можем, — решил уточнить он. — А драконов запросто. Еще живность какую, если надо, но больше по драконам.

— Учту, — серьезно ответил Илейни, скрыв улыбку, чтобы не смутить и без того растерянного мужчину. — Можешь присоединиться к товарищам.

— Спасибо, господин, — снова поклонился тот и окончательно покинул трапезную.

Аниторн оглядел оставшихся лордов. Они прервали трапезу и теперь ждали, что им скажет Илейни.

— Благородные лорды, вы драконоправы, насколько я понимаю? — спросил Риктор после непродолжительного молчания.

Мужчины переглянулись, но шестеро из десяти подняли руки, подтверждая слова аниторна.

— Мои предки умели править драконами, — чуть растягивая слова, что выдало в дворянине уроженца юга, произнес лорд Амелти. — Но мой отец и я уже не владели их искусством. Иметь дракона — дорогое удовольствие, а наш род быстро обеднел после того, как были вынуждены оставить своего господина.

— Почти та же история, — подал голос лорд Давас.

— Я развожу драконов, но править не умею, — произнес еще один лорд.

— Хорошо, — кивнул Рик. — Это не беда. Овладеть наукой управления драконом не так уж и долго. Тогда только вы, — он посмотрел по очереди на шестерых мужчин,

поднимавших руки. — Сегодня нужно будет переправить драконов из драконника Дальгарда в мои драконники. После начнем покупать молодых драконов. Не старше сорока лет, им так будет легче...

— Лучше брать детенышей, — заметил один из лордов.

— Нет, долго, нам нужны драконы, готовые поднять в воздух седока, — мотнул головой Рик. — Сейчас завтракайте, после займемся делами, их у нас немало.

— Да, господин, — дружно склонили головы лорды.

Аниторн не задержался рядом с ними, почувствовав, что им неловко пока рядом с ним настолько же, насколько неловко простым драконоводам в обществе дворян. Не желая смущать тех, кто отныне будет жить в его замке и возрождать дело рода Илейни, Рик направился в драконник, чтобы узнать, как там обстоят дела.

Еще на подходе он услышал рев Гора и сорвался на бег, влетев в открытые ворота, готовый к смертоубийству, но... Илейни остановился, недоуменно наблюдая за тем, как по драконнику мечется один из драконоводов, а за ним по пятам топает Гор, возмущенно фыркая и порывая. Рядом с Аскердом, повернувшимся на бок и сладко посапывающим, хохотал Дальгард, утирая слезы, остальные драконоводы жались к стенке, и увидев лорда, бросились к нему.

— Господин, этот дракон не в себе!

— Что случилось? — спросил Рик, поворачиваясь к Дальгарду, сотрясающемуся в беззвучном хохоте. — Что вывело из себя моего дракона?

— Ар-ру-ур-р, — кинулся к нему Гор, раскинув крылья, чем живо напомнил лорду огромную черную курицу. Дракон издавал горловые звуки, похожие на кудахтанье, и это делало сходство еще более полным.

— Гор, я ничего не понимаю, успокойся! — воскликнул Риктор, уже едва удерживаясь от смеха. — Да что здесь произошло?!

— А-а-а, — простонал Дальгард, но на большее его не хватило, и лорд снова рассмеялся.

— Я хотел помочь! — крикнул из дальнего угла загнанный драконовод.

— Гр-р-р-р, — проревел Гор, и мужчина забился за стойку с упряжью.

— Господин, — заговорил один из драконоводов. — Олгерт увидел, что ваш дракон уже созрел, а... э-э... драконицы у него еще не было, ну и... как бы это сказать.

— Он чересчур напряжен, — вставил еще один драконовод.

— Я хотел помочь, — донеслось из-за стойки.

— Гр-р-а-ау, — взвыл дракон.

— Как помочь? — опешил Рик.

— По... подо... подоить, — наконец, выговорил Дальгард, схватился за живот и опять затрясся от хохота. — Безд... ой, ма...а-а-а...

— Подоить? — лицо Риктора Илейни перекосило от попытки понять, что ему пытается сказать Дальгард. — То есть прямо за...э-э... достоинство?

— У-у-у, — провыл Дальгард, заваливаясь на бок.

Драконоводы переглянулись, округлили глаза и возмущенно выдохнули:

— Нет!

— Но наложение рук требуется, — внес ясность добродетель из-за стойки с упряжью. — А он взбесился! А я только хотел помочь.

— Пф! Пф-пф! Пфр-р!!! — снова хлопал крыльями Гор.

— Всем тихо! — гаркнул Рик.

Драконоводы преданно посмотрели на господина, Гор затих, но сопел громко и протестуя, даже Дальгард ненадолго перестал сотрясаться от смеха, только Аскерд счастливо всхрипнул и перевернулся на другой бок.

— Аскерду лучше, как я вижу, — отметил аниторн и указал драконоводам на ворота. — Вы пока свободны. Как понадобитесь, вас позовут. Ты тоже свободен.

Несчастный драконовод выбрался из-за стойки, однако Гор посчитал, что еще не закончил с доброхотом, и тот снова нырнул за стойку.

— Гор, — окрикнул его Рик и укоризненно покачал головой. — Он же не со зла.

— Пф.

— Нет, я с тобой согласен. Чужими руками, да за такое место, я бы тоже хотел прибить, все-таки не дама, но отпустить надо.

— Ур-р.

Дракон отвернулся, и драконовод снова рискнул покинуть укрытие. Он прокрался на цыпочках к воротам, но когда проходи мимо оскорбленного дракона, тот развернулся и клацнул зубами. Мужчина взвизгнул, как-то по-женски, подпрыгнул и вылетел из драконника. Дальгард снова захохотал. Рик подавил смешок и погладил Гора, продолжавшего сопеть и фыркать.

— Тибод, король одобрил возвращение драконов, — произнес Илейни, и маг замолчал, неверяще глядя на аниторна. — Ты готов вернуть серых в драконники моего замка?

— Я могу себе оставить кого-нибудь? — спросил Дальгард.

— У нас с сейчас восемь драконоправов, включая нас с тобой, — ответил Рик. — Отбери четырех помоложе, чтобы могли лучше перенести пробуждение огня. У остальных есть свои драконы... на первое время. Обучим четырех лордов, будет двенадцать огненных драконов с седоками. Сила! — аниторн улыбнулся, задорно, по-мальчишески.

— Спасибо, — искренне ответил Дальгард. — Я привык к ним, и когда придет время возвращаться, опустевший драконник окажется тяжким зрелищем. У меня две самки, Ханнис пока останется, но вторую я тоже приведу. Молодняк должен быть свой.

— Я так и хотел, — Илейни раскинул руки и глубоко вдохнул. — Отловим мерзавца Дархэйма, и жизнь наладится.

— Будем молиться за это, — улыбнулся в ответ Дальгард.

— Господин.

Риктор порывисто обернулся. В воротах стоял один из воинов.

— За воротами знатный лорд, говорит, у него до вас дело.

— Назвался? — аниторн стряхнул дымку грез и направился на выход из драконника.

— Нет, господин, сказал лишь, что вы его знаете, и что у него есть до вас дело.

— Хм...

Риктор обернулся к Дальгарду, пожал плечами и последовал к замковым воротам. Тибод догнал его и пристроился рядом.

— Так спокойней, — сказал он.

Лорды подошли к воротам, Илейни выглянул в смотровое окошко и присвистнул:

— Лорд придворный поэт! И что же увело вас так далеко от королевского дворца? Откройте ворота, — велел он стражам...

Конские копыта выбивали неспешную дробь по каменным плитам, устилавшим дорогу. Ночная мгла скрыла коня и всадника, и лишь цокот копыт выдавал, что дорога не пустует. Всадник кутался в добротный плащ, потуже стянув его на широких плечах, не позволяя ветру пробираться под ткань, холодя человеческое тело свежим дыханием. Осенние ночи утратили тепло, заморозки покрывали пожухлую листву, и стук лошадиных копыт отдавался в ночи особенно четко.

Всадник ненадолго прикрыл глаза, отдаваясь дремоте, уже не в первой раз пытавшейся смежить веки. Мужчина боролся со сном, но сейчас решил сдаться, усталость давала себя знать. И вскоре голова его склонилась на грудь, дыхание выровнялось, и всадник заснул некрепким сном, когда реальность и грезы смешиваются, навевая бредовые видения, наполняют слух призрачными звуками. Поводья ослабили, и конь перешел на спокойный шаг, опасности он не чуял. И оглушительный свист стал неожиданностью для обоих.

Конь вскинул голову, прядая ушами, чутко прислушиваясь к ночи. Всадник открыл глаза, выпрямился в седле и всмотрелся в ночную черноту, но безлунная ночь скрыла тех, кто нарушил покой одинокого путника. На тонких губах мужчины мелькнула кривая ухмылка, и он снова опустил голову на грудь, словно его покой не был нарушен неожиданным свистом. Конь, послушный воле хозяина сдвинулся с места и зашагал, безучастно глядя перед собой пустым взглядом.

Шорох за деревьями раздался совсем близко, и мужчина выпустил из рук поводья, сжав рукояти кинжалов, скользнувшие в ладони. Он приготовился к нападению, но раздался короткий свист, и что-то тяжелое ударило его в грудь, лишив воздуха. Всадник вылетел из седла и покатился по земле, ошеломленно распахнув глаза. Бревно, сбившее его с коня, отлетело назад, ударившись о ствол дерева, и жалобно скрипнуло цепями, на которых было подвешено.

Мужчина замер, жадно хватая ртом воздух. Он сел, потряс головой, приходя в себя, но так и не успел подняться на ноги, когда по мощенной дороге раздался топот каблуков, бегущих в его сторону людей. Всадник обернулся на звук, вскинул руку, но удар по голове лишил его сознания, и последнее, что почувствовал мужчина — это руки, подхватившие, ставшее безвольным тело...

В себя он пришел вскоре, и первое, что ощутил — сильную головную боль. Вторым стали веревки, стянувшие тело, а третьим — ярость. Его оглушили и связали обычные разбойники. Его! Поймали! Жалкие дорожные воришки!!! Мужчина пошевелился, и веревки тут же сильнее врезались в кожу запястий. А следом за этим в бок ударили тяжелым сапогом, и путник снова задохнулся и тихо застонал от боли.

— Пес-с-с, — прошипел он, но новый удар, теперь кулака, обрушился на лицо, и всадник ожесточенно сплюнул кровь. — Ты знаешь, с кем связался?

— Мне плевать, — хохотнул разбойник, присевший перед пленником. — Скоро придет Дрим, он разберется с тобой. И лучше тебе, лорд не злить его, и тогда сможешь отправиться домой, когда мы получим выкуп. За тебя ведь есть, кому заплатить?

Всадник уперся взглядом в заросшее щетиной лицо разбойника. Его взгляд сверкнул бешенством, но мужчина вдруг успокоился и усмехнулся.

— Об этом я скажу Дриму, — ответил он.

— Конечно, скажешь, — снова хохотнул разбойник. — У Дрима даже немой начинает разговаривать.

— Даже мертвый! — воскликнул невидимый пленнику другой разбойник, и всадник осклабился.

— Чего скалишься? — первый снова замахнулся, но путник не отвел глаз, глядя на мужчину с насмешкой. Разбойник вдруг передернул плечами и отошел. — Да ну его, блаженный какой-то, а глаза, как лед стылый, бр-р.

— Дрим растопит, — мерзенько засмеялся третий голос. Был он хриплым и низким, но всадник понял, что это женщина. — Угольки в глазницы запихает, не только лед оттает.

Пленник даже проникся любопытством, уже желая посмотреть на загадочного Дрима. Он попытался сесть, и кое-как ему это удалось. Никто больше не бил мужчину, не смеялся над ним, даже про Дрима не заговаривали. Всадник огляделся, обнаруживая себя в небольшой лачуге, неопрятной, как и те трое, что сейчас находились перед ним. Разбойники были заняты своими делами, и на пленника совсем перестали обращать внимания.

Тот, кто бил мужчину, был высок ростом и плечист. Скорей, парень, чем взрослый мужчина, но из-за щетины и всклокоченных волос он выглядел старше. Второй разбойник был ниже ростом, жилистый и, в отличие от первого молодчика, причесан, и даже борода его была подстрижена, но выпущенная из штанов и распахнутая на груди рубашка портила все впечатление. Третьей, как верно заметил всадник, была женщина. Молодость ее уже шла к закату, лицо хранило следы пристрастия женщины к пенному хмелю, как и следы блуда, коему разбойница придавалась долгие годы своей жизни.

Почувствовав взгляд пленника, она обернулась и смерила его оценивающим взглядом. После повернулась к парню и велела:

— За дровами сходи, уже мало осталось. Дрим не любит, когда холодно. — Молодой разбойник что-то проворчал, но послушно вышел за двери. Женщина посмотрела на второго. — Сверни-ка голову курочке, сварю куриную похлебку Дриму.

— На этого глаз положила? — усмехнулся разбойник, кивнув на пленника. — Но по тебе дичь.

— Курицу принеси, говорю, — голос разбойницы резанул по ушам, но всадник не поморщился, с интересом наблюдая за происходящим.

Разбойник бросил взгляд на связанного мужчину, хмыкнул и последовал за своим товарищем. Женщина протянула руку к столу, рядом с которым остановилась, взяла нож и направилась к всаднику, повиливая бедрами. Пленник прищурился, оценивая разбойницу. Должно быть, когда-то давно, в другой своей жизни, она была миленькой, может, даже красивой, но сейчас перед ним была вульгарная потасканная баба, от бывшей красоте которой напоминали разве что изящные дуги бровей.

Женщина остановилась перед мужчиной, глядя на него сверху вниз. На губах ее появилась кривоватая ухмылка, и разбойница опустилась на колени. Острие ножа уперлось пленнику в грудь.

— Ты красив, — сказала она.

Всадник насмешливо изломил бровь, ничего не ответив женщине.

— И, наверное, горячий, — нож скользнул ниже, теперь упираясь в пах пленнику. — Я люблю красивых и горячих жеребцов.

Мужчина остался равнодушен, и к ее словам, и к ножу, спустившемуся еще немного ниже. Он продолжал смотреть в лицо женщине. Она придвинулась ближе, вторгаясь между мужских ног. Ладонь разбойницы легла на щеку пленника, и он не стал сдерживать гримасу безразличия. Глаза женщины сверкнули злостью, и острие ножа тут же переместилось к

шее всадника. Разбойница схватила мужчину за лицо, не давая отодвинуться и накрыла его губы своими, а через мгновение...

Она замычала, дернулась, но не сумела освободиться. Мычание перешло в визг, и по ее подбородку хлынула кровь. Нож вывалился из ослабевших пальцев, громко ударившись об пол. Пленник согнул ногу и откинул от себя стонущую женщину и сплюнул кусок ее языка. После облизал губы, сплюнул, вновь брезгливо поморщившись.

— Тварь, — коротко произнес он, передернув плечами.

Она все еще лежала на полу, поскуливая, когда дверь открылась, и в дом вошел невысокий худой старик. Он остановился на пороге, разглядывая пленника, затем перевел взгляд на разбойницу и сплюнул.

— Доигралась, — отметил главарь ватаги, подходя ближе и рассматривая брошенный нож, ошметок языка, кровь. После перевел взгляд на женщину и пнул ее, рывкнув: — Скройся!

— Ы-ым, — завывала разбойница. — Ы-ым.

Дрим — понял пленник, с интересом рассматривая жесткие черты лица незнакомца. Он любил быть жестоким, это мужчина тоже понял, еще больше преисполняясь интересом. Всадник проследил за тем, как Дрим поднял нож, после склонился над разбойницей, ухватил ее за волосы, задирая голову, и перерезал горло, то ли из желания прекратить ее мучения, то ли избавляясь от калеки. Затем снова повернулся к пленнику.

— Кто таков? — спросил главарь. — То, что из лордов, вижу. Имя. И не вздумай юлить, я язык-то быстро развяжу.

— А я откушу, — ухмыльнулся всадник.

— Имя!

— Лорд Эрхольд Дархэйм, — не стал упрямиться пленник, и в глазах его мелькнула издевка.

Дрим удовлетворенно кивнул и отошел, но вскоре вернулся, держа в руках грубо сколоченный стул. Сдвинул ногой тело разбойницы и, поставив на освободившееся место стул спинкой вперед, оседлал его. Мутноватые светло-карие глаза, не лишённые, пронизательности, впились в лицо Дархэйму, тот спокойно выдержал взгляд главаря ватаги, даже вопросительно приподнял бровь.

— Хочешь знать — богат ли я? — полюбопытствовал полувиллиан.

— И так вижу, что не бедствуешь, — усмехнулся Дрим и добавил: — Ты мне не нравишься. Мое чутье редко ошибается, а оно говорит мне, что с тобой не стоит связываться. Я своего издалека узнаю. Зверь ты, как я зверь.

— Ошибаешься, старик, — усмехнулся Эрхольд, — я намного страшнее.

— Да, не стоит с тобой связываться, — все еще задумчиво сказал разбойник.

Он посмотрел на нож, снова валявшийся на полу, Дархэйм проследил за его взглядом.

— Решил убить?

— Да, так будет лучше всего, — ответил Дрим. — Не нравишься ты мне, сильно не нравишься.

Главарь ватаги поднялся со стула, наклонился, чтобы поднять нож, и вскрикнул, когда по полу к нему метнулась черная тень. Она змеей оплела запястье и вздернула руку кверху, вонзаясь ледяным холодом сквозь кожу. Дрим зашипел и вскинул глаза на пленника, тут же содрогнувшись от его издевательской ухмылки.

— Ты прав, старик, — заговорил Дархэйм, — убить меня было бы лучше для всех, но

беда в том, что я умирать не собираюсь. А вот тебе пора пришла. Прощай, Дрим, — на мгновение замолчал, но все-таки закончил: — Будет больно.

К Дриму скользнула вторая «змея», захватив вторую руку, и главарь взмыл вверх, раскинув руки в стороны, подвластный черной Силе. Старик со ужасом смотрел, как истлевают на пленнике веревки, и он поднимается на ноги. Эрхольд покрутил запястьями, разминая их, подмигнул Дриму и сам раскинул руки, будто собираясь обнять разбойника. И тут же натянулись жгуты, обвивавшие руки главаря, и он закричал...

Дверь распахнулась, впуская в дом неизвестного Дархэйму разбойника. Он застыл у порога, пригвожденный к месту ужасом. Стоял и слушал, как трещат кости Дрима, как рвется плоть, и не мог сдвинуться с места, чтобы помочь своему главарю. Следом появился молодой разбойник.

— Дрим! — вскрикнул он и бросился на черного лорда, вздымая над головой топор, с которым вбежал в дом.

Но не успел сделать и несколько шагов, как к нему метнулся еще один жгут черной Силы, обвил шею, и парень захрипел, оседая на пол. Дархэйм смотрел разбойнику в глаза, кривя губы в усмешке. Парень перетянул вперед топор, перехватил острием к себе и просипел:

— Не надо... — но топор уже неся к его голове...

— Боги! — закричал тот разбойник, что вбежал первым.

Он развернулся и бросился к дверям. Но проем заполнили клубы черного тумана, и из него, навстречу мужчине, вышел пленник, только что стоявший возле останков разорванного Дрима.

— Не так быстро, дружок, — холодно улыбнулся Дархэйм, хватая разбойника за горло и притягивая к себе. — Пожалуй, твоё тело ещё послужит мне.

— Не убивайте меня, господин, — прохрипел разбойник, хватаясь за слова лорда. — Я сделаю, все скажете. Я много чего умею.

— Разумеется, ты сделаешь все, что я скажу, — рассмеялся Эрхольд, и от его веселого смеха по спине мужчины пополз холодок.

Он смотрел, как лицо пленника становится ближе...

— Что вы собираетесь делать, господин? — сипло спросил разбойник.

— Отведать, какова на вкус душонка душегуба, — ответил лорд и приоткрыл губы, будто собиравшись поцеловать свою жертву.

— Боги, — выдохнул разбойник. — Кто вы?

— Твой новый бог.

Мужчина вздрогнул, ощутив волну ледяного холода, сковавшего тело. Он еще успел увидеть, как серые глаза его убийцы затапливает тьма, скрывая даже белки, а после мир потух... Эрхольд выдохнул, облизал губы и произнес чуть брезгливо:

— Так себе душонка, мерзенькая.

А затем клубящийся мрак окутал тело разбойника, облепил, словно вторая кожа, а после просочился сквозь поры внутрь, заполняя собой полумертвое существо. Оно вытянулось перед Эрхольдом, глядя перед собой пустым взглядом.

— Сколько тут еще человек... живых? — спросил лорд.

— Один, — ответило существо.

— Приведи, — велел Дархэйм.

Его новый слуга склонил голову и прошел мимо хозяина. Черный лорд покачал головой

и прикрыл глаза, тут же неестественно ровная спина полупокройника немного ссутулилась, походка стала более естественной, и прежде, чем дверь закрылась, Эрхольд услышал:

— Эй, Тарвер, где ты там? Дрим зовет!

Когда Дархэйм покидал берлогу разбойников, его сопровождали два почти умертвия. Почти... Тела мужчин еще жили. Эрхольд оглянулся на своих созданий, брезгливо скривился, оценив их внешний вид, и почувствовал нарастающее раздражение. Зачем он тащит их за собой? Зачем вообще решил ехать на лошади? Чтобы избавиться от раздражения... Мужчина рассмеялся. Избавился!

Всего лишь хотел привести мысли в порядок за то время, пока будет ехать верхом. Успокоиться, в конце концов!

— Дура, — выругался он сквозь зубы. — Просто набитая дура.

Эрхольд чеканил шаги по лесной тропе, сейчас видной только ему. Позади, как привязанные, топали разбойники, безучастные к недовольству хозяина, глядевшие его глазами, но все равно они время от времени спотыкались, натыкались на деревья, падали. Затем поднимались и продолжали тащиться за черным лордом, все более выходящим из себя. Дархэйм злился, и злился, вспоминая свою последнюю любовницу в королевском дворце. Леди Дания Рахел.

Лорд передернул плечами. Пустышка, похотливая глупая пустышка, способная только раздвигать ноги в любое время и в любое время. Он связался с ней лишь по одной причине — Дания уже около года была любовницей ненаследного принца, кузена Ледагарда, слизняка и недоумка, готового есть с рук родовой шляхи. И, казалось, все так просто. Эрхольд обрабатывает леди Рахел, она принца Ридана, и Дархэйм получает доступ в королевский архив.

Он мог сделать все быстрее и проще, если бы не проклятый хранитель, чувствовавший любую магию. Любую! Включая и черную Силу Эрхольда Дархэйма. Ни живой, ни мертвый, он не принадлежал ни одному из миров, и подобраться к бесплотному архивариусу было невозможно даже потомку Виллиана. Если бы лорд знал, где находится тело архивариуса, он бы мог снять стазис и убить его, и тогда дух стал бы подвластен ему, но местонахождение тела было известно только королю. А завладеть сознанием или телом венценосца было пустой затеей. Хранитель почувствовал бы чужака. Дверь в хранилище осталось бы закрытой. Более того, Дархэйм выдал бы то, что находится во дворце, а это было лишним. Выхода у лорда не осталось. Только глупышка Дания.

Леди Рахел, несмотря на отсутствие такой малости, как разум, оказалась осторожна сверх меры. Ей хватило сообразительности понять, что ее новый возлюбленный может стать крахом уютного положения при дворе, лишив влиятельного любовника. Сколько Дархэйм кружил вокруг нее? Сколько очаровывал, сколько дарил подарков, сколько давал клятв и обещаний. Бездна! Да он обещал жениться на ней! И если бы Дания не пришла в ужас от возможности оглашения помолвки, то мог бы пойти и к королеве, чтобы через нее попросить руки «возлюбленной». Но леди Рахел испугалась, что принц Ридан тут же даст ей отставку, приревновав к более молодому и привлекательному «жениху».

Поняв, что любовница никогда не решится подойти к ненаследному высочеству с просьбой о допуске Дархэйма в королевский архив, черный лорд стал с ней нарочито груб, язвителен. Ухаживал на глазах Дании за другими придворными дамами, закрыл ей дверь в свою опочивальню. В общем-то, Эрхольд стал самим собой. Это возымело действие. Да еще какое! Леди Рахел возомнила, что все дело в помолвке и... упала в ноги королеве! И ладно

бы она просила одобрить их союз, но...

— Дура! — уже громче воскликнул Дархэйм.

Дания покаялась в тайной связи с ним и плакалась, что благородный лорд наигрался и теперь воротит нос, а она, бедняжка, чувствует себя растоптанной и потому... просит заставить вышеозначенного лорда жениться на ней. Дура!!! Это был скандал. О-о-о, это был не просто скандал! Какой бы глупой не была леди Рахел, но она все выставила так, что Дархэйм выглядел не тайным любовником, а совратителем девственницы! Девственницы, Бездна! Одна из первых придворных шлюх, счастливо избегавшая замужества, но не пропускавшая мимо штанов, чей обладатель был хоть сколько-нибудь привлекателен, оказалась девственницей!

— Твар-рь, — пророкотал Дархэйм и добавил противным высоким голосом, передернув плечами. — Девственница. Тьфу.

Он даже предвидеть не мог подобного исхода. Королева, эта клуша, возмнившая себя совестью королевства и главной поборницей морали, вызвала к себе Эрхольда и отчитала, как мальчишку, не стесняясь в выражениях. Да и Бездна с ней, лорд особо не вслушивался в слова венценосной курицы. Стоило ей провозгласить придворного лорда-поэта «мерзким развратителем невинных дев», как Дархэйм выпал в ступор, и выбрался из него только тогда, когда Ее Величество облагодетельствовала его звонкой пощечиной.

Но не слова о девичьей чести ошеломили черного лорда. Вовсе нет. Он не ожидал подобного коварства от глупой леди Рахел. Эрхольд ожидал предсказуемый итог своей игры. Дания, явно страдавшая из-за его охлаждения к ней, должна была исполнить волю любовника, желая угодить ему. Однако вот такого исхода Дархэйм никак не ожидал. Он кипел от бешенства и желания придушить Данию, впрочем, не только Данию. После высочайшей пощечины, полувиллиан едва сдержался, чтобы не порвать королеву на части.

Сама леди Рахел сидела на низкой скамеечке и горько плакала, но, скорее, от страха и осознания того, что натворила. Во-первых, Ее Величество приказала Дархэйму убираться от двора прочь и не являться до тех пор, пока участь грязного совратителя не будет решена. Дания лишилась возможного жениха и любовника, то есть Эрхольда. Потому что, во-вторых, королева, утешая «бедняжку», сказала, что никогда не свяжет милую девушку с распутником, ибо это не принесет ей счастья. И объявила о помолвке леди Рахел и лорда Ноара — немолодого королевского маршала. Лорд Ноар, не желал жениться после смерти своей любимой жены, но он так и не успел когда-то обзавестись наследниками, и это сильно огорчало Ее Величество. Услышав о том, кого ему сосватала королева, Ноар впал в крайнюю степень раздражения, объявив, что на шлюхе принца Ридана он, конечно, может жениться, но жениться на распахнутых воротах для всего двора, он не намерен.

Маршал пожалел о неосторожных словах, но было уже поздно, и Дания лишилась и своего покровителя, пусть и ненаследного, но все-таки принца. Скандал разгорелся с новой силой. Имя, произнесенное вслух лордом Ноаром, было слишком значимым, чтобы Ее Величество не начала расследование, в результате которого вскрылось много неприглядного из жизни двора. Принца отчитал венценосный кузен, королева отказалась разговаривать с Риданом, а его собственная супруга закатила истерику.

Выходка Дании обернулась против нее самой, и леди Дурная башка была выпровожена не только из дворца, но и из столицы, лишившись разом всего, что у нее было. Лорд Ноар ушел в отставку по доброй воле, опасаясь мести принца Ридана, сам Его Высочество всеми силами возвращал себе милость венценосной четы. Все это Дархэйм узнал из вестника от

своего приятеля. При мысли о нем, Эрхольд фыркнул. Пожалуй, этот впечатлительный и драчливый молодой лорд стал единственным, с кем ему удалось подружиться с тех пор, как Шагерд предал его. Впрочем, дружба для Дархэйма давно стала пустым звуком, и придворный дружок стал всего лишь одним из атрибутов, которые должен иметь человек, чтобы не казаться подозрительным и не привлекать к себе внимание. И стоило прочесть вестник, как черный лорд забыл о временном друге, продолжив свой путь на Побережье.

Он не спешил, намеренно отправившись верхом. Нужно было вернуть себе самообладание, последнее время подводившее Дархэйма. Женщины! Кто бы мог подумать, что больше всего неурядиц у него будет из-за женщин?! Ингер, изнывающая от желания, которое он постоянно чувствовал, даже находясь далеко от нее. Неожиданно напомнившая о себе мать. Впрочем, с ней было проще всего, она сидела под замком. Виалин. Ее следов найти не удавалось, и оставалось только скрипеть зубами от злости, сгорая в огне ярости и тоски. Тело Виалин с чужой душой, вздумавшее влюбиться, а теперь проливавшее слезы, обвиняя его в жестокости. И, наконец, Дания Рахел. Эта... леди вывела Эрхольда из себя настолько, насколько не удавалось даже Виалин. При воспоминании об этой интрижке лорда охватывало бешенство! Как? Как он умудрился проглядеть столь извращенную глупость?!

Дархэйм оглянулся на две тени, следовавшие за ним, и усмехнулся. Разбойники попались под руку, как нельзя кстати. Досадно, конечно, что так глупо попался, но это лишний раз доказывает, что не стоит быть тем, кого в нем столько времени мечтала увидеть мать — человеком. Позволил себе немного расслабиться, и пожалуйста, оказался пленен. Всего лишь примитивное бревно и дубинкой по голове, пока не очухался. И не будь у него Силы, сейчас бы Дрим вовсю забавлялся, пытая его, или же та отвратительная жаба лезла грязными руками, желая получить тело благородного лорда.

Эрхольд хохотнул. Надо же, его пытались изнасиловать. Бездна! Мужчина оперся рукой на дерево, заходясь в хохоте. Такого с ним еще не случалось никогда. Его тени застыли на месте, храня на лицах равнодушие. Смех снял напряжение, и Дархэйм немного успокоился. Раздражение, уже угасавшее к моменту встречи с разбойниками, и вновь всколыхнувшееся после освобождения, теперь окончательно улеглось, и мысли вернулись к насущному.

Лишенный возможности попасть в королевский архив, Эрхольд направлялся в единственное место, где мог найти ответ на свой вопрос — замок Илейни. Для свершения задуманного ему не хватало малости — имени того, кто запер врата в мир Виллианов. Несколько лет черный лорд искал, где они находятся. Он собрал рукописи, которые смог найти в больших архивах, но быстро понял, что правду о том, что свершилось много столетий назад, спрятали за ложными чудесами, облекли в форму, угодную культу. Искать истину стоило в родовых архивах.

И это украло время, потому что пришлось теперь искать тех, чей род был наиболее древним, но и тут его ожидало разочарование. Пустышки лопались одна за другой, не давая необходимый сведений. Древнейшие из родов хранили все, что угодно, но не упоминание о самом значимом событии в жизни их мира. Встречались любопытные рукописи, но они не имели касательства к тому, что искал Дархэйм, и черный лорд досадливо отбрасывал их.

Такая, казалось бы малость, но без нее он был, словно хозяин перед своим домом, потерявший ключ от двери. И даже в окна не влезть, потому что они наглухо закрыты стальными ставнями. Эрхольд знал о том, что произошло в древности на самом деле еще с тех пор, как стал юношей. Искал врата, долгие годы искал, и нашел! Понял то, чего не

видели другие. Глупцы тешились состязанием на драконах, спускаясь год за годом, больше ста лет к тому месту, откуда когда-то появились те, кого они опасались много веков, и кого превратили в истинно Зло. Они даже не подозревали, что стоит лишь разорвать ткань мироздания, и потоки черной Силы сметут их.

Люди столько лет спускались в пещеру, чтобы добыть награду, но даже не понимали, что подходят к краю ужасающей Бездны. Ирония происходящего рассмешила Эрхольда, когда он осознал ее. Но еще больше его позабавила человеческая глупость. Мир людей сам отказался от своей памяти, в угоду власти иллюзорных Огненных Богов. Они придумали себе ложную защиту, полностью уничтожив даже воспоминание о том, что случилось на самом деле, и сейчас оказались столь же беззащитны, как тогда, когда даже не подозревали о возможности вторжения.

Истинные прародители Божественной Силы уничтожались долгие века, а те, кто остался, были лишены своего огня в результате человеческой жестокости и трусости перед огнедышащими драконами. А единственные, кто еще оберегал летунов — род Илейни — были изгнаны с Побережья.

— Илейни, — задумчиво прошептал Дархэйм, вскидывая глаза к ночному небу.

Род древний, но не настолько, чтобы можно было заподозрить его причастность к древним событиям. Знали ли они, что таит в себе скала, куда они из года в год отправляли игроков? Скорей всего нет, иначе бы скрыли вход в пещеру. Хроники гласили, что первый Илейни — Риктор, имя которого носил последний потомок, проявил чудеса доблести во время нападения с моря одного из соседних королевств, и за это ему был пожалован титул лорда и Побережье, как и звание хранителя, перешедшее по роду, спустя двести лет сменившееся на аниторн — наместник. В летописях Эрхольд нашел и упоминание родовой реликвии. Меч с голубым камнем. Вроде бы это камень поглощал магию, выплескиваемую на его владельца, а после превращался в некое подобие сказочной волшебной палочки, давая возможность Илейни, державшему его в руках, пользоваться чужой Силой. Один из первых накопителей, если говорить проще. Сейчас таких было немало. Впрочем, древний артефакт остается артефактом и вполне возможно, что это не единственный секрет меча.

Все это Дархэйм узнал давно и был разочарован, тот, кто запечатал врата, жил намного раньше и являться предком рода Илейни никак не мог. О том, кто жил в замке на утесе до аниторнов Побережья, вообще не осталось никаких сведений. Хотя... О самом замке так же сведений было мало, потому узнать был он построен раньше, или же его заложили лорды Илейни, не представлялось возможным. И все же... И все же Эрхольд был уверен, если где-то и искать затерянные рукописи, то только там, потому что замок на утесе оставался самой древней постройкой, поэтому Дархэйм справедливо полагал, что заложен он был все-таки до воцарения там Илейни.

И было еще кое-что, отчего черный лорд верил, что аниторнам что-то все же было ведомо — драконы. Недаром они так носились с этими чешуйчатыми тварями, оберегая их до тех пор, пока не были изгнаны. Правда, говорилось, что драконы были стражами границ королевства, оберегая его со стороны моря. Да и в другой войне рать Илейни, примчавшаяся на поле брани на своих драконах, помогла одержать быструю победу, благодаря которой были присоединены Талийские земли. И чем иным, кроме как глупостью, было назвать уничтожение столь мощной силы и изгнание рода, верно служившего королю несколько столетий?

Дархэйм бывал в замке на утесе, являлся туда несколько раз под разными личинами, но

скрытых тайников, где мог быть спрятан архив, не нашел. Он бывал и в горном замке Илейни, но после изгнания у рода почти не осталось рукописей. То ли все было уничтожено, то ли спрятано. В горах, где прозябал славный род почти сто лет, было пусто. Эрхольд собирался вернуться и основательно перевернуть замок на Побережье, когда узнал, что король дает возможность Риктору Илейни вернуть утраченное величие его предков. Это было совершенно лишним. Потому-то черный лорд и вмешался в Игры, желая помешать будущему аниторну одержать победу. Впрочем, не только это.

Если быть честным с самим собой, Эрхольд, если уж и не испугался, то встревожился, предположив, что возвращение хранителей Побережья не пустая прихоть Ледагарда. Что, если это как-то связано с вратами? Рисковать и допускать Илейни обратно на Побережье не хотелось. Впрочем, он все равно получил свой венец, несмотря на поднятых авехендр и черный туман, сковывавший чувства, рождавший ощущения обреченности. А вот камгалы стали неожиданностью, неприятной неожиданностью. Стоя на скале, он чувствовал их взгляды. И желание броситься к ним в пасть было столь сильным, что пришлось убраться, не доведя дело до конца. Откуда взялись эти забытые твари? Дархэйм не смог понять. Он их не чувствовал до тех пор, пока они не появились на поверхности, и Эрхольд бежал прочь, борясь с искушением спуститься ниже... к самой воде. В какой-то момент он испытал страх, какого не чувствовал ни разу в жизни, потому что сам... САМ готов был шагнуть в уродливую пасть чудовищу. После, обдумывая произошедшее, черный лорд так и не нашел ответа, что же могло привлечь камгалов во время Игр. Он бывал на скале много раз, но твари ни разу не поднимались из глубины, и значит, не он притянул их. Впрочем, тогда он почти не пользовался своей Силой...

— Неужели все-таки... — Дархэйм беспокойно оглянулся, но позади него шли все те же покорные полутрупы, безучастные ко всему, кроме воли хозяина.

А что если и правда, камгалы почувствовали огромный выплеск его Силы? Проклятый дракон Илейни тоже начинал нервничать, если Эрхольд оказывался недалеко. Достаточно вспомнить, как он хотел подойти к Риктору в один из первых дней его пребывания во дворце, после того, как аниторн куда-то исчезал на целый день. Эрхольд тогда всего лишь приблизился, но огромная тварь зарычала, шумно втягивая носом воздух. После дракон повернул голову в сторону Дархэйма, и тот поспешил скрыться, потому что Гор заревел, не сводя взгляда с полувиллиана. Но прежде, чем Илейни обернулся, черный лорд уже скрылся за спинами стражников.

Да, дракон мог навлечь ненужные неприятности, от него стоило избавиться. А еще нужно было взломать защиту...

— Великая Бездна, — потрясенно прошептал Дархэйм, останавливаясь. — Слепец. Я просто жалкий слепец...

Как он не сложил воедино то, что должно был понять, как только понял, что Виалин жива?! Кто, кроме него мог обладать силой Виллианов, кто мог вытащить его из ловушки, кто мог наложить защиту? Эрхольд искал неведомого помощника Риктора Илейни, а им была Виалин! Больше никому, а значит...

— Илейни знает, где она скрывается, — мрачно произнес вслух лорд, и сам не понял, что почувствовал, осознав это.

Гнев, радость, ревность — все разом. Гнев за то, что она помогала аниторну, за то, что аниторн знал то, чего не знал Эрхольд. Радость, что скоро найдет беглянку. Найдет и вернет. И ревность. Илейни смотрел на нее, прикасался, пусть даже невинно, но ему Виалин

позволила то, что не позволила Дархэйму — узнать о своем существовании. А потом пришла ярость, казалось, способная выжечь до тла.

Виалин так сильно ненавидела его, что могла выдать. Предала? Осмелилась ли показать свою Силу? Открылась ли спасенному ей аниторну? Илейни не дурак, совсем не дурак. Несмотря на кажущуюся прямолинейность, черту дураков и честных малых, Риктор умел видеть скрытое, мог сопоставлять, складывать, делать выводы. Он не мог не понять, после того, как познакомился с Силой Эрхольда, что та, кто вытащила его, обладает той же Силой, а значит...

Значит, мог искать ответы на вопросы, и Виалин могла их дать. Могла. Но тогда Илейни может знать слишком много. Бездна! Если бы она не вмешалась, то Риктор был бы в полной власти Дархэйма, как и его замок. Впрочем, оно и к лучшему. Теперь Эрхольд мог получить ответ на один из главных вопросов, где искать Виалин. И снова Бездна! Подумать только, и все началось с выходки Ингер. И снова женщина, и снова беды.

— Проклятье! Удавлю дрянь.

Если бы не ее неумная жажда власти, эта змея так и сидела бы под камнем, довольствуясь тем, что дает ей любовник. Но ей было мало, всегда и всего было мало. Нищенка благородного происхождения получила в мужа высокородного лорда, потомка, пусть и изгнанного, но далеко не бедного рода. Еще не старик, полный сил, но юной жене захотелось заполучить еще и сына своего мужа. Довела до того, что сама себя привела на дорогу к оракулу. Сумела убить мужа, но и сына не заполучила, оказавшись выкинутой за ворота замка.

Родитель не принял назад, зато принял один из его друзей. Благодетель, пользовавшийся молодое женское тело, затем другой, третий. Временные любовники, исполнявшие капризы леди Илейни, но каждый раз ей хотелось чего-то большего, и она переходила от одного к другому, хотя могла выйти замуж за кого-нибудь из тех, кто был свободен от уз брака. Могла жить припеваючи, рожать наследников мужу и ни в чем не нуждаться. Но они были для нее не слишком знатны, не особо богаты, не красивы, или стары, чтобы называться мужьями. В результате попала к нему. Молод, красив, богат, но как жена она была Эрхольду не нужна, а леди Ингер не хотела быть просто любовницей.

Дархэйм сам обмолвился о том, что ее пасынок может вернуться на Побережье. Но кто же знал, что Ингер броситься добывать себе мужа, о каком всегда мечтала? Молодой, привлекательный, богатый, аниторн — все сошлось в одном человек, да еще в каком человеке! Крепость, устоявшая против чар юной соблазнительницы, несбыточная мечта, первая и, возможно, единственная любовь. Конечно, Ингер не смогла устоять перед искушением.

— Какой-то гадючий клубок, — усмехнулся Дархэйм.

Чем, как не причудой Судьбы можно было объяснить, что все они оказались вовлечены в водоворот одной истории, став звеньями цепи, где одно звено тянет за собой другое? Кто направил окно перехода того маленького нелепого мага, умершего вместе с последним выплеском силы, именно к Виалин? Как расценить? Как указание верного пути для него, Эрхольда Дархэйма, или же покровительство Риктору Илейни? Быть может, не так уж и неправы жрецы, уверяющие, что Огненные Боги следят за людьми? А может, это вмешалось само Мироздание, чтобы помешать одному и помочь другому?

Усмехнувшись, Дархэйм потрянул головой, и ночная тьма за клубилась туманом. Эрхольд шагнул в вязкую холодную густоту, его тени последовали за ним. Тянуть дольше не имело

смысла. Завтра он явится в замок на утесе и узнает все, что ему нужно.

Глава 24

К замку на утесе он подошел, когда солнце еще не поднялось к зениту. Двое теней, переодетые и побритые, послушно следовали за хозяином. В их глазах таилось любопытство — чувство, внушенное Дархэймом. Разбойники сейчас совсем не походили на те безучастные полутрупы, являя собой полноценные копии живых людей. На их щеках играл румянец, губы одного кривились в усмешке, когда он смотрел, как товарищ вытирает со лба испарину и морщится от ярких солнечных лучей.

— Ну и жарища, — сказал один из разбойников.

— Искупаться охота, — ответил второй.

Эрхольд усмехнулся, куклы работали отлично. Он подошел к воротам, и один из теней обогнал хозяина, замолотив в ворота.

— Кто? — сурово спросил стражник, выглянувший в смотровое окошко.

— Любезный, — светловолосый лорд, смотревший на стражника, заправил за ухо прядь, — доложите лорду-аниторну, что к нему пожаловал его знакомый. У меня до него есть дело.

— Назовитесь, — не особо приветливо потребовал воин.

— Любезный, меня ваш господин знает, доложи, — заупрямился Эрхольд, больше забавляясь, чем из нежелания называть имя, принадлежавшее личине.

Стражник снова пристально взгляделся в лицо нежданного гостя, после с пристрастием оглядел скучающие лица прислуги чужого лорда и закрыл окошко. Дархэйм глубоко вдохнул воздух, пропитанный запахом моря, и задрал голову, шурясь от солнца, бывшего по глазам. Он никуда не спешил, цель была достигнута, и дальше все зависело только от самого Эрхольда. В себе черный лорд не сомневался.

Через некоторое время смотровое окошко открылось, и на Дархэйма взглянул сам Риктор Илейни. Глаза его округлились, и аниторн насмешливо протянул:

— Лорд придворный поэт! И что же увело вас так далеко от королевского дворца? Откройте ворота.

Эрхольд ответил суховато-вежливой улыбкой, продолжая придерживаться нрава своей нынешней личины.

— Милости Огненных, лорд Илейни, — произнес он входя в ворота.

Рядом с Риктором стоял Дальгард. Вот уж кого черный лорд не ожидал увидеть. Честно говоря, он недолюбливал Тибода Дальгарда.

— Лорд Дальгард, — холодно приветствовал Эрхольд пожилого лорда.

— Лорд Дави, — Тибод склонил голову в ответном поклоне, но цепкий взгляд серо-зеленых глаз уже полз по лицу придворного поэта.

— Что привело тебя на Побережье, Энрик? — спросил Илейни.

— Скажем так, меня попросили удалиться из дворца, — усмехнулся Эрхольд. — Но мне не хотелось бы говорить об этом, стоя у ворот, когда челядь слушает нас, распахнув уши.

— Неожиданно, — чуть приподняв брови, заметил Риктор. — Любопытно услышать твою печальную историю.

— Скорей, поучительную, — криво улыбнулся Дархэйм.

— Следуй за мной, — аниторн повернулся к нему и сделал жест следовать за собой.

Эрхольд взглянул вслед Риктору Илейни и подумал, что сейчас было бы удобно всадить ему в спину нож, или перерезать глотку. Но это была лишь мысль, тут же исчезнувшая, черный лорд помнил об амулете, который не позволит причинить зла королевскому аниторну. К тому же Дальгард, словно телохранитель, не сдвинулся с места, пока «Энрик Дави» не последовал за хозяином замка.

— Пусть моих людей накормят, — попросил Дархэйм.

— Разумеется, — ответил Рик, не оборачиваясь.

Вскоре они сидели перед не разожженным камином, потягивая легкое вино, не кружившее голову, и Эрхольд рассказывал свою историю, не покрывив душой ни в одном слове. Он умолчал лишь о причинах своей связи с Данией Рахел, все остальное переиначивать или скрывать смысла не было. Мало того, что Илейни и Дальгард легко могли узнать правду, так это было и не нужным. Правда оказалась, как нельзя кстати, оправдывая появление придворного на Побережье.

— Теперь следую в свое имение, — со вздохом закончил Дархэйм, допивая вино.

— Однако, — усмехнулся Дальгард. — Зачем ты вообще связался с Данией? Мало того, что мог навлечь на себя ревность принца, так еще и сама, так называемая, леди весьма отталкивающая особа. Мне хватило краткой беседы с ней, чтобы перестать замечать ее миленькую мордашку.

— Меньше всего я хотел с ней беседовать, — хохотнул «поэт».

— Да лучше бы побеседовал, — хмыкнул Рик и собственноручно разлил вино по опустевшим кубкам. — Почему ты без лошади или экипажа? Переходами пользовался?

— И ими тоже, — с готовностью кивнул Эрхольд. — Экипаж остался между переходами Сайва и Дагорта. Полетела ось. Какая-то нелепица. Мне уже думается, что Боги ополчились на меня.

Аниторн сочувственно вздохнул.

— Тебе нужна помощь? — спросил он.

— Нет, — Дархэйм улыбнулся. — С экипажем осталось двое моих людей. Как только карету починят, они догонят меня здесь. Просиживать на грязном постоялом дворе в ожидании, когда будет готов мой экипаж, не хотелось. Прошу меня простить за самоуверенность, но я выбрал замок аниторна для ожидания. Если мне будет позволено, я задержусь у тебя, Рик, на день-другой. В Бриллианте я знаком только с самим аниторном, — он снова широко улыбнулся. — Впрочем, если я отягощу кого-нибудь своим присутствием, то готов перебраться и на гостевой двор.

Черный лорд заметил, как переглянулись Илейни и Дальгард.

— Уверяю, мне много не надо, только кров над головой, пока не объявятся мои слуги, — поспешил заверить Эрхольд. — Обещаю не путаться под ногами и не совать нос, куда не просят.

И снова открытая обезоруживающая улыбка. Уголки губ лорда Илейни дрогнули, обозначая ответную улыбку, вежливую, лишенную доброжелательности улыбку. Это Дархэйм отметил сразу. Конечно, они, хоть и виделись при дворе редко, но в приятельском общении никогда не состояли.

— Хорошо, Энрик, — ответил Риктор. — Ты можешь подождать своих слуг у меня в замке. Я сейчас распоряжусь, и тебе приготовят покои.

— Благодарю! — с явным облегчением воскликнул «поэт». — Признаться, не терплю все эти ночлежки. Ужасно лежать на кровати, на которой до тебя успели побывать сотни

постояльцев, даже если при мне меняют белье.

Дальгард насмешливо хмыкнул.

— Странно слышать подобное заявление от любовника Дании Рахел, — заметил он.

— Лорд Тибод! — возмущился Дархэйм, но тут же махнул рукой. — Всем позволительны ошибки. Моя мне стоила места при дворе и доверия Их Величеств. Не стоит и дальше казнить меня.

Дальгард отсалютовал «поэту» кубком, Риктор Илейни промолчал. Он кивнул собеседникам и позвал слугу, отдав приказание готовить покои для лорда Дави. Мужчины продолжали разговор. Эрхольд рассказывал о том, что произошло при дворе после отбытия аниторна, занимая время, пока будут готовы покои, и он сможет уединиться, приступив к тому, зачем прибыл на Побережье. Расспросы о Виалин стоило отложить. К этой теме нужно было подбираться осторожно, чтобы не вызвать подозрений. Впрочем, карету можно было ждать до-о-олго, так что время втерется в доверие у него будет.

— Господин.

Мужчины прервали беседу и повернулись к дверям. На пороге стоял уже знакомый стражник.

— Господин, там вас просят, — воин замялся. — Женщина какая-то, простолюдинка. Говорит... э-э, что вы ей задолжали пять отрезков ткани. Говорит, — тут мужчина смутился, — что дыры, которые вы на ней, кхм, протерли, залатать нечем.

Рик задохнулся, слушая стражника. Он вдруг вскочил с места, и на щеках его заиграл лихорадочный румянец.

— Что ты сказал? — разом севшим голосом спросил аниторн.

— Гнать взащей? — воин невольно попятился.

— Не смей! — рявкнул Илейни, срываясь с места. Уже у дверей он обернулся, посмотрев на Дальгарда. — Тибод, развлеки лорда Дави, я буду занят.

Дархэйм хмыкнул, заподозрив в простолюдинке любовницу аниторна. Он махнул рукой и понимающе улыбнулся. Дальгард проводил взглядом хозяина замка, после поднял кубок и провозгласил:

— За милость Огненных!

— За милость Богов, — с готовностью откликнулся «поэт».

Но долго продолжать пустую болтовню не пришлось, потому что появился слуга и доложил, что покои для лорда Дави готовы. Эрхольд кивнул Тибоду Дальгарду и последовал за мужчиной в одежде цветов рода Илейни. Они приблизились к лестнице, и слуга склонил голову, пропуская господина, рядом с которым шла женщина с волосами удивительно насыщенного цвета красной меди.

Риктор мазнул взглядом по незваному гостю и своему слуге, но тут же вновь переключил внимание на женщину, поддерживая ее за локоть, будто вел не какую-то простолюдинку, а благородную леди. Дархэйм повернул голову вслед удаляющейся паре, отмечая стройность женщины. Она вдруг обернулась, встретив взгляд светловолосого мужчины. У незнакомки оказались удивительные синие глаза, и короткий прямой взгляд неожиданно заставил сердце черного лорда замереть, а после взволнованно забиться.

Он на мгновение прикрыл глаза, невольно сжав плечо слуги, а когда снова посмотрел вслед аниторну и его госте, их уже не было видно. Дархэйм мотнул головой, отгоняя наваждение. Просто какая-то нищенка, что могло быть в ней такого, что так встревожило его? Нелепица да и только. Эрхольд тряхнул волосами и подтолкнул слугу.

— Веди, любезный.

Тот склонил голову, и мужчины продолжили путь. Черный лорд отметил, что ведут его в самую удаленную часть жилой части замка. Похоже, Илейни есть что скрывать. Это он тоже узнает, главное, что удалось остаться, остальное дело времени. Дархэйм обернулся назад, сам не зная, что хочет увидеть.

— Да что такое? — проворчал он недовольно и, чтобы отвлечься, спросил: — Где моя прислуга?

— Ждут вас в ваших покоях, лорд Дави, — ответил слуга.

— Хорошо.

Беспокойство не отпускало. Волнение все больше охватывало лорда, и ощущение, что он упускает что-то важное, вызывало раздражение. Дархэйм отпустил слугу Илейни и закрыл дверь отведенных ему покоев. Его создания застыли недалеко от входа, подобно двум изваяниям, которые занесли в покои и оставили здесь до появления хозяина, который решит, что делать дальше со своим приобретением.

Скользнув по ним взглядом, Эрхольд отметил несколько пятен от еды на новой одежде. Разум помнил, как тело принимает пищу, но навыка оказалось мало, и бывшие разбойники обляпались, как малые дети. Поморщившись, лорд отвернулся от мужчин, тут же забыв о том, что они рядом. Он подошел к окну и посмотрел на море, шумевшее у подножия утеса. Вид был неплох, но он мало интересовал Дархэйма.

Мужчина вновь вспомнил простолюдинку, отыскивая хоть что-то, что могло его взволновать, однако ничего в ней знакомого не было. И все же тревога не отпускала. Неужели...

«Если он узнает...»

Отголосок чужих мыслей долетел до лорда неожиданно, отвлекая от собственных размышлений.

— Бездна. Это не мое волнение, — вдруг понял Эрхольд.

Что-то происходило в его замке, и это пугало Ингер. Пугало настолько, что ее ужас передался ему. И мысль была ее. Что опять сотворила эта дрянь, что могло разозлить черного лорда? Он прислушался, но в голове леди Илейни творился настоящий кавардак. Не удалось уловить ни одной связной мысли, и ее единственным чувством, который доходил до Эрхольда, был — животный ужас. И паника продолжала нарастать.

— Да что там происходит?! — воскликнул Дархэйм, чувствуя нарастающую ярость.

Он уже готовился перейти в свой замок, но вовремя опомнился и посмотрел на две бездушные тени. Они отмерли и разошлись, начав бессмысленное перекладывание вещей с места на место, создавая видимость оживленной деятельности. Эрхольд не собирался задерживаться надолго, и этого созданной видимости жизни должно было хватить для любого, кто заглянет в его покои.

Лорд отпустил свою Силу и шагнул во тьму, тут же схлопнувшуюся за его спиной. Дархэйм шагнул на каменный пол, и первый шаг понесся гулким эхом по узкому коридору. Он тут же направился туда, где металась обезумевшая от страха Ингер. Теперь он чувствовал намного отчетливей, и смог немного разобраться в хаосе ее мыслей.

«Я не хотела. Не поверит. Что будет? Боги...»

Богов леди поминала чаще всего. Эрхольд скинул надоевший облик Энрика Дави, разом почувствовав себя лучше. Лорд не любил чужого: ни вещей, ни кроватей, ни любовниц, ни личины. Эрхольд Дархэйм был собственником, не желавший чужого и не отдававший своего.

Дальгард был прав, если бы не необходимость, черный лорд никогда не подпустил бы к себе близко Данию Рахел. Предаваться с ней страсти удавалось, благодаря внушению, что берет ее не он, а Энрик Дави. Его руки обнимали шлюху, его губы целовали ее, и его член вонзался в лоно, принимавшее многих до него. Когда было нужно для дела, Эрхольд умел себя уговорить.

«Я не виновата, я не хотела».

Ингер пряталась в малой трапезной, и это удивило Дархэйма. За ненадобностью он закрыл почти все двери в огромном замке. Закрыл, разом запечатав своей Силой. Но Ингер вновь сумела войти туда, куда хода не было. И если после того, как она забралась в старую жилую часть, где томила в заточении леди Дархэйм, Эрхольд решил, что мог снять печать, возможно, собираясь навестить какие-нибудь из покоев, и не навесить обратно. Можно было покопаться в произошедшем более тщательно, но у него были иные заботы, не давшие сосредоточиться на мелочах.

Однако история повторилась, и это уже нельзя было не замечать. Как Ингер, Бездна ее заberi, открывает двери, запертые не ключом? Эрхольд остановился перед малой трапезной, кусая губы. Проклятая баба... Уже давно нужно было свернуть ей шею, пользы от Ингер уже не было. Если иногда Дархэйм использовал ее врожденное очарование в своих целях, то теперь леди Илейни была привязана только к нему, и другие мужчины не интересовали ее. Даже ради любовного удовольствия, она не сможет взглянуть на кого-то кроме своего хозяина.

Эрхольд уже несколько раз собирался избавиться от Ингер и... не мог. Проклятая связь не давала. И хуже всего, что со временем его начало тянуть к этой растоптанной и униженной женщине. Он приходил с твердым намерением уничтожить надоевшую игрушку, смотрел на нее и... вновь задира подол, стремясь насладиться ее лоном, а после уходил удовлетворенный, забывая, что так и не свернул леди шею. Но, похоже, пора пришла.

Черный лорд толкнул дверь и вошел в малую трапезную.

— Сладкая моя, — ласково позвал Эрхольд. — Я тебя слышу.

— Боги, — простонала она из темного угла.

Дархэйм повернул голову на звук женского голоса. Ингер сидела на корточках, накрыв голову руками, мерно раскачиваясь из стороны в сторону.

— Что тебя напугало? — спросил мужчина, чувствуя вернувшуюся тревогу.

— Боги...

— Ингер.

— Нет, не надо, — залепетала она. — Боги... Боги...

Эрхольд нахмурился и приблизился к женщине.

— Ингер, за какой Бездной, ты тут прячешься? — раздраженно спросил Дархэйм. — Что произошло? Отвечай!

Последнее слово прозвучало хлестко, и леди сжалась.

— Ингер! — выкрикнул мужчина, схватив ее за локоть и рывком поставив на ноги. — Что ты натворила?! — и вдруг застыл, потрясенный догадкой. — Виалин? Что-то с ее телом? Отвечай, дрянь!

Он наотмашь ударил женщину по лицу. Она вскрикнула, схватилась за щеку и подняла полубезумный взгляд на Эрхольда. Тут же тонкие пальцы вцепились в его руку, сжавшись с такой силой, что ногти впились в кожу лорда, раня ее. Но Дархэйм не заметил ни боли. Он потряхнул Ингер, повторив:

— Отвечай!

— Я не хотела, — жарко заговорила она. — Эрх, клянусь всем, что было для меня свято, я не хотела! Я не знаю, как это вышло, клянусь!

— Что? Что случилось?! — заорал Дархэйм, встряхнув леди Илейни с такой силой, что зубы ее клацнули.

— Я... я просто нажала на ручку, просто нажала, а она... она открылась...

— Что открылось? — раздраженно спросил лорд.

— Дверь, дверь открылась, — часто закивала Ингер. — Я не хотела ее открывать, просто нажала на ручку, и она открылась, а она вышла...

— Бездна! — выругался мужчина. — Какая дверь? Кто вышел? Куда?

— Та женщина, — леди Илейни удивленно распахнула глаза и вдруг понизила голос. — Эрх, ты держал взаперти свою мать. Это же ужас...

Эрхольд мотнул головой, вынуждая Ингер замолчать. Он пытался осознать, что ему втолковывала любовница, и все никак до конца не мог постичь ее слова. Просто нажала на ручку... Просто нажала, и дверь открылась...

— Как ты открыла дверь сюда? — хрипло спросил Дархэйм, начиная понимать.

— Толкнула дверь, и она...

— Открылась, — закончил за нее лорд.

Еще одна грань привязки, иным не объяснить. Он слышал чувства и мысли Ингер, поглощал ее жизненную силу и считал, что женщине достался лишь голод желания, а выходит, привязка стала для нее сродни отмычке. Она могла пройти в любую дверь, и его печати не были ей преградой. Нет, черную Силу Ингер не могла получить, но смогла с ней управиться. Желая проверить догадку, Дархэйм отпустил свою Силу, и черный жгут обвился вокруг шеи леди Илейни, но... не причинил ей вреда. Женщина даже прикрыла глаза, словно почувствовала ласку. Неожиданный результат того, что он считал наказанием, изумил мужчину. Его Сила признала Ингер Илейни своей, не сразу, но признала!

— Проклятье, — сквозь зубы выругался Эрхольд. — За какой Бездной.

А следом осознал и то, кого выпустила его любовница. Мать! Мать сейчас бродит по замку! Что она может натворить? Что еще готова сделать эта женщина, чтобы испортить жизнь собственному сыну?

— Виалин, — прошептал Дархэйм, чувствуя, как по спине ползет холодок. — Где Виалин?

Ингер испуганно сжалась, втянула голову в плечи и снова забормотала:

— Я не виновата, я не виновата...

— Говори! — вскрикнул Эрхольд и осекся, расслышав в собственном голосе панику.

— Я говорила... Она спрашивала меня, я рассказывала...

— Ты часто ходила туда?

— Мне было скучно, Эрх. Твоя девка дикая. Она только ноет и причитает. А потом начинает кидаться на меня... А женщина была мила со мной. Мы разговаривали. Она спрашивала, я отвечала. А потом случайно нажала на ручку, а дверь открылась...

— Что сделала моя мать?! — вновь заорал Дархэйм.

— Она сказала, что знает, что надо делать. Она сказала, чтобы я не боялась, и она опять уйдет в свои комнаты.

— Она видела Виалин?

— Да, — закивала Ингер. — Она увидела ее. Взяла за руку и увела. Твоя девка кричала

что без тебя никуда не пойдет, а леди...

— Что леди? — шипящим шепотом спросил Эрхольд.

— Утащила ее. Она сказала, что так будет хорошо, что будет правильно, и что она поможет. Я пошла за ними и увидела...

Ингер вцепилась в волосы пальцами и замолчала, уставившись в пустоту.

— Да говори же, тварь! — зарычал лорд, отвечивая женщине новую пощечину.

Она вздрогнула.

— Я не виновата, Эрх, — скривилась леди Илейни. Слезы побежали по щекам, и речь стала окончательно бессмысленной. — Я говорила... она... а потом...

— Где они? Хотя бы это скажи, — Дархэйм тряс Ингер так, словно хотел, чтобы слова сами посыпались из нее.

— Там, там, — палец женщины указал вниз.

Эрхольд потер лоб, соображая, а затем понял. Склеп! Старая гадина утащила тело Виалин в склеп! Мужчина оттолкнул Ингер и стремительно направился к дверям.

— Душила, — услышал он, когда уже выходил из трапезной. — Душила, душила, душила... А девка кричала...

— Бездна, — простонал Дархэйм и бросился к склепу.

Эхо собственных шагов оглушало, сердце сорвалось с ровного ритма. Эрхольд сжал кулаки, и ногти впились ладони, но он вновь не заметил боли. Бессильная ярость душила, и лорд выплескивал ее на личей, попадавших ему на пути, уничтожая безмолвных теней. Лестница в склеп показалась ему бесконечной, и мужчина взвыл от обуревающих его чувств. Опять старая ведьма мешалась у него под ногами, убивая надежду. Опять она лезла, наплевав на желания своего сына.

— Ненавижу-у-у, — протянул черный лорд, мчась сквозь тьму.

Спасти тело! Бездна с ней, с душой, найдет другую. Можно использовать Ингер, хоть какой-то прок от очередной дуры. Только бы успеть... Зловоние горелой плоти достигло обоняния, когда Эрхольд уже почти спустился в склеп. Мужчина застонал, прекрасно понимая, что это означает. Эта тварь, его мать, сжигает тело Виалин.

— Не страшно, восстановлю, — попытался успокоить себя Дархэйм, пробегая мимо каменных стражей покоя мертвых. — Все можно исправить... Убью! В этот раз точно убью. Сука!

Огонь уже затухал, его последние отблески угасли, когда лорд остановился над тем, что осталось от тела Виалин. Осталось? Если черное пятно под ногами можно было назвать — осталось, то тогда, да, он стоял над тем, что осталось. Эрхольд бессильно опустился на холодный каменный пол и закрыл лицо ладонями, пытаясь взять себя в руки.

Божественный Огонь. Леди Дархэйм всегда хранила сферы с этой дрянью. Он думал что забрал у нее весь запас после того, как мать хотела сжечь своего сына, оказывается, она сумела что-то припрятать. Гадина, Бездна, какая же она гадина.

— Тварь! — заорал Дархэйм в темноту склепа. — Я уничтожу тебя, мать!!!

Ответа не последовало. Эрхольд вскочил на ноги и огляделся. Склеп был пуст, если не считать его самого. И кроме собственного учащенного дыхания иных звуков мужчина не слышал.

— Прячешься, змея? — усмехнулся лорд и двинулся вдоль саркофагов.

Нет тела Виалин, плевать. Главное, есть сама Виалин. Пусть иной облик, пусть даже уродлива или калека. Тело можно подобрать любое. Оболочка ерунда, главное, то, что

скрыто за оболочкой, начинка. Душа Виалин все еще в мире живых, и значит, он не потерял ее.

— Думаешь, ты что-то изменила? — крикнул Эрхольд. — Ты ничего не изменила! Она жива, слышишь? Она жива, и я скоро найду ее. Ты не сможешь помешать мне! Она всегда была для меня, и я возьму свое! Слышишь меня, мать? Ты ничего не изменила и никого не спасла! Ты всего лишь сожгла тело с душой никчемной служанки и не больше! Слышишь меня? Отзовись, тварь! Я все равно найду и раздавлю тебя! Он тебе не поможет, никто тебе не поможет! Мать!

Лорд остановился, прислушиваясь. Едва уловимый шорох раздался из самой отдаленной и старой части склепа. Криво усмехнувшись, Дархэйм направился туда. И с каждым новым шагом менялся его облик. Эрхольд откинул камзол, теперь жавший плечи, легко сорвал рубашку, и прислушался к шороху за спиной, когда появились и расправились крылья. Он раскрыл их и рассмеялся. Его мать всегда боялась, что он превратится в Виллиана, боялась черной силы, боялась чудовища, скрытого в ее собственном сыне.

— Ты видишь это, матушка? — спросил мужчина почти весело. — Не правда ли я хорош?

Ответа снова не последовало. Эрхольд остановился перед статуей первого Дархэйма. Она стояла в нише, но за спиной статуи имелась потайная дверь, механизм которой сломался еще пару столетий назад, и открыть ее можно было настолько, что мог пролезть лишь ребенок. Он когда-то тут проходил, потому точно помнил. Про проход, и как его открыть, маленькому Эрху сказал его человеческий отец. Лорд Дархэйм-старший говорил, что давно починить механизм, но его сыну это было ненужно, и он наплевал на старый потайной ход, как и его предки, использовавшие переход. Мать тоже знала, но никогда не подходила к нему, иначе не сунула бы голову в ловушку.

Она стояла за статуей, кажется, не дыша и боясь пошевелиться. Дверь была приоткрыта, но женщина в него не пролезла. Еще бы! Эрхольд с трудом прошел, когда ему было семь лет, леди Дархэйм и вовсе не смогла протиснуться.

— Милости Огненных, матушка, — издевательски произнес мужчина.

Женщина вжалась спиной в приоткрытую каменную дверь. Леди Дархэйм была слабым магом, и в темноте не видела, потому угадывала лишь контура тела своего сына. Но и этого ей хватило, чтобы кровь отхлынула от лица.

— Чудовище, — прошептала она и все-таки выбралась из-за статуи. Прятаться больше смысла не было.

— Всего лишь сын своего отца, — усмехнулся Эрхольд. — Нравлюсь? Ты ведь всегда хотела меня видеть именно таким, не правда ли? Ты столько раз напоминала мне о моей истинной сути, что я не мог не услышать.

Женщина остановилась за саркофагом, стараясь лучше разглядеть сына.

— Будешь убивать меня? Убивай. Только знай, я ни о чем не жалею. Ни о том, что сделала тогда, ни о том, что освободила бедную девочку сегодня.

Эрхольд склонил рогатую голову к плечу, рассматривая мать. Она была бледна, но старалась не показывать страха. Леди Дархэйм, на удивление, почти не изменилась за эти годы, только черты лица утратили прежнюю властность. Их сменила угрюмая замкнутость. Однако в глазах все еще светился разум, не утраченный за столько лет полного одиночества. Ингер почти потеряла его, а вот леди Дархэйм нет. Она поджала губы и ждала своей участи.

Лорду до безумия хотелось вырвать матери сердце, прямо сейчас. Сжать его в кулаке,

слушая отвратительный хлюпающий звук. Хотелось видеть, как угаснет свет в ее глазах. Но Эрхольд уже успел подавить первую ярость, и теперь размышлял, что делать с леди Дархэйм.

— Почему ты медлишь? — спросила она, и голос женщины предательски дрогнул.

— Решаю, как продлить твои мучения, мать, — равнодушно ответил Эрхольд.

— Что ты сделал с той женщиной, которую держишь в этом замке?

— Вырвал ей глаза, чтобы больше не шлялась по замку, — он снова издевался, но леди Дархэйм не поняла.

Она застонала и закрыла лицо ладонями.

— Что за тварь породило мое чрево? — расслышал лорд и заскрежетал зубами от ярости.

— Ты никогда не видела во мне сына, — произнес он.

— Я всегда была против затеи мужа, — женщина медленно двинулась от одного саркофага к другому, ведя ладонью по каменным крышкам. Эрхольд последовал за ней, идя с другой стороны захоронений. — Я просила его одуматься, но он не слышал меня, верил, что сила Бездны вознесет славу его рода. Зная, что я не хочу связи с чудовищем, он не сказал мне о том, когда собирается провести ритуал. Но я сразу поняла. Тот, кто пришел ко мне в его теле, был другим. Он вел себя иначе, говорил иначе. Я отказалась от связи, хотела сбежать, но он поймал меня, когда я уже бежала по лестнице. Догнал и взял там же, не заботясь о том, что нас видят слуги, не слушая моих криков. Виллиан в теле моего супруга насиловал меня до рассвета, пока не истекло его время. Я потом несколько дней не могла встать с постели. Он растерзал мое тело, растоптал душу...

— Да неужели? — Эрхольд зло расхохотался. — Вам так не понравилось, матушка? Наверное, поэтому, когда обезумевший от страсти к человеческой женщине, он вернулся, вы принимали его несколько месяцев? Эта мразь убила моего отца! Моего человеческого отца! Тахрад рассказал мне правду о моем рождении, учил, как пользоваться силой. Знаете, что он сделал сразу же, когда открыл мне глаза? Он открыл передо мной дверь в мир мертвых, чтобы я мог там с ним встречаться. И пока вы ненавидели меня в этом мире, он обучал меня в мире потустороннем. Догадаетесь почему? Ну же, матушка! Вы ведь приняли его, когда он явился к вам снова по проторенной дорожке, самовольно захватив тело отца. Вы тоже знали, кто он, но приняли его! Хотелось повторить блуд на лестнице?

— Замолчи! — закричала леди Дархэйм, стискивая пальцами собственное горло.

— Отчего же я должен молчать? — язвительно спросил лорд. — Вы так непоследовательны, матушка. Любили моего человеческого отца, Тахрад вас изнасиловал, но вы приняли его второй раз, зная, что это убивает вашего мужа.

Женщина вскинула голову и хрипло рассмеялась.

— Любила? О, да, мой мальчик! Я любила его... пока он не позволил Виллиану издеваться надо мной. И сколько он после не молил меня о прощении, я возненавидела и его, и порождение связи, унизившей меня. И ты прав, я знала, что Тахрад вернулся. Только во второй раз он не бросался на меня, не рвал одежды, не вытворял со мной мерзкие вещи. Он заглаживал свою вину почти все то время, что смог удержаться в теле лорда Дархэйма...

Эрхольд издевательски захохотал.

— Ох, уж это женское сердце! Одного возненавидела, второго простила и приняла. Чудовище приняла, мать! Кого ты столько лет изгоняла из меня? Того, кто был мил твоему сердцу? Тогда любуйся на своего возлюбленного! Вот он, во всей красе. Его облик, его норы, все его! В человеческом обличье я похож на тебя. В боевой форме — Виллиан. Плоть

от плоти, кровь от крови, плод совокупления человеческого мужчины, человеческой женщины и Виллиана. Тогда где же ваша любовь, матушка?! Согрейте меня в своих объятьях, — он снова рассмеялся и сделал шаг к матери.

— Тебе нужна моя любовь? — ледяным тоном спросила леди Дархэйм. — Хочешь согреться? Тогда подойди ближе, сын, мне плохо видно в темноте... Боги!

— Всего лишь я, дорогая моя, — иронично ответил Эрхольд, заламывая женщине руку и вырывая сферу с Божественным Огнем. — Я в темноте вижу очень хорошо, матушка.

Сфера полетела через саркофаг и Огонь полыхнул, освещая соседние саркофаги, искаженное страхом лицо леди Дархэйм и Эрхольда, так и не сменившего обличье.

— Да ты у меня шалунья, мать, — оскалился Виллиан в жуткой ухмылке. — Все старые привычке не забудешь?

Она стояла, повернув назад голову и прикрыв рот рукой, не имея сил оторвать взгляд от крылатой фигуры, стоявшей за спиной.

— Он выглядит так же, — доверительно сообщил Эрхольд, и когтистые пальцы сжались на плечах матери. — Нравится, родная?

— Чудовище...

— Вы повторяетесь, — поморщился лорд. — Это становится скучно.

— Что ты собираешься делать? — прошептала женщина, судорожно сглотнув.

— Полетаем? — он подмигнул, распахивая крылья. — Вам понравится полет, особенно с небес на землю.

И взмыл к высокому потолку. Леди Дархэйм закричала, отчаянно цепляясь за руки сына. Эрхольд завис под потолком, ослабил и произнес короткое:

— Бух.

Затем резко развел руки в стороны, вырываясь из материнского захвата, и женщина с визгом полетела вниз, но не успела долететь до пола, когда вокруг нее закружилась черная воронка, взметнув выбившиеся из пучка на затылке волосы. А когда воронка распалась клубами тумана, леди Дархэйм уже не было. Эрхольд опустил крылья и усмехнулся. Давно подземелье родового замка не видели узников. Теперь у них появилась гостья.

Меняя обличье, лорд шагнул в клубившийся туман и вышел возле малой трапезной. Он больше не хотел неожиданностей.

— Сладкая, — позвал мужчина.

Ингер сидела в своем углу, снова сжавшись в комок, беззвучно шевеля губами. Связных мыслей больше не было. Кажется, страх окончательно пожрал ее разум. Эрхольд остановился над леди Илейни, некоторое время рассматривал, а после мягко поставил на ноги. Женщина вздрогнула, но в глазах ее мелькнуло узнавание, и она снова сжалась.

— Я не виновата...

— Я не буду тебя ругать, — произнес Дархэйм. — Не бойся.

Подняв любовницу на руки, лорд направился в ее покои. Там бережно уложил на кровать, присел рядом и заглянул в глаза.

— Эрх, — Ингер потянулась к мужчине.

Он поймал ее руки, поцеловал одну ладонь, затем вторую, после склонился ниже, убирая с лица волосы. Затем коснулся губ, целуя без напора, нежно, почти трепетно.

— Я отпускаю тебя, Ингер, — прошептал он, водя тыльной стороной ладони по щеке женщины. — Совсем отпускаю, даже душу отпускаю. Ты свободна.

После погладил по волосам, накрыл ладонью подбородок и добавил:

— Прощай.

Хрустнули кости позвоночника, и душа Ингер Илейни вырвалась из тела, освобожденная от воли своего любовника. Эрхольд прикрыл глаза, следя за тем, как она исчезает за призрачными воротами мира мертвых, после поднялся на ноги и покинул покои любовницы, чувствуя пустоту и даже горечь. То, что связывало их, медленно таяло, освобождая и лорда.

В замок на утесе Эрхольд Дархэйм вернулся уже далеко за полдень. Судя по тому, что его создания продолжали бестолковые перестановки мелких предметов, покои никто не навещал. Лорд подошел к дорожному сундуку, прихваченному с собой, чтобы его слова при появлении в замке не вызвали подозрения, Эрхольд достал чистую одежду, лежавшую в нем, переделся, затем поправил волосы и выбрался в коридор.

Нужно было отвлечься от всего, что произошло в замке. И если не удастся с кем-нибудь поговорить, то можно было поискать скрытые тайники. Лишь бы не оставаться наедине с собой. Иначе это грозило возвращением в замок, и тогда вряд ли леди Дархэйм повезет снова. При мысли о матери лорд выходил из себя. Но ее жизнь была ему нужна, пока нужна... Пригладив светлые волосы, мужчина пошел на звук голосов, доносившихся до него.

Голоса были мужские и женский. Гостья аниторна, понял лорд и усмехнулся. Он прошел еще немного и понял, что голоса приближаются. Слов Эрхольд не различал, мешали собственные мысли. Мужчина остановился, ожидая, когда Илейни, его гостья и Дальгард приблизятся к нему, как вдруг... Испарина выступила на лбу, руки задрожали, и Дархэйму пришлось опереться на стену, потому что... Ее походка! ЕЕ!!! Он узнал бы ее из тысячи! Сейчас, когда аниторн не закрывал женщину собой на половину, и Эрхольд имел возможность хорошо рассмотреть ее, он увидел то, что не заметил при первой встрече. Черты лица! Не столь совершенные, как раньше, но все-таки узнаваемые. Ее лицо, ее походка, даже жест, каким поправляла волосы. И манера держать перед собой сцепленные ладони, даже при ходьбе...

Эрхольд судорожно вздохнул. Воздух царапнул глотку, сердце билось, как безумное, ноги ослабли на мгновение, и Дархэйм оперся рукой о стену. Женщина повернула к нему лицо, взгляды встретились, и она вдруг остановилась. Синие глаза расширились...

— Виалин, — выдохнул Эрхольд.

Она расправила плечи и шагнула вперед, раскинув руки. Но не ему она открыла объятия. Виалин остановила двух мужчин, следовавших с ней, загрозила собой и вскинула подбородок, окинув черного лорда до боли знакомым издевательским взглядом. После ее губы искривила насмешка, и женщина произнесла:

— Так вот, где ты притаился братец.

Глава 25

Кажется, прошла целая вечность прежде, чем Риктор Илейни достиг ворот после сообщения стража о странной женщине. В это мгновение аниторн отчаянно жалел, что за его спиной нет крыльев, ну или хотя бы настоящего дара, как у Дальгарда, чтобы оказаться во дворе своего замка за одно краткое мгновение. Мужчина даже не заметил, что уже не просто идет быстро, а бежит, не чужая под ногами ступеней, не видя удивленных лиц своих воинов, челяди, двух лордов, прибывших вчера.

Он спешил, ощущая одновременно радость и растерянность. Фиалка... Нежный цветок лесной цветок. Что привело ее к нему, когда еще так недавно разъяренная женщина выкрикивала свои оскорбления, отчаянно лгала, что он ей не нужен, не понимая, что ее слова наполнены болезненной фальшью, выдавая затворницу с головой. Не подозревая, что глаза ее в эти мгновения были наполнены горечью разлуки. Так что же сейчас привело ее в замок Илейни, если Фиалка старалась изгнать аниторна из своей жизни?

Что заставило выйти из облюбованного ею леса? И тогда Рик ощутил тревогу. Еще не дойдя ворот, он коротко приказал:

— Открыть!

Солнечные лучи упали на волосы женщины, и они показались Риктору живым пламенем. Он прижал руку к груди, желая унять бешеный бег сердца, но лишь гулко сглотнул и замер, не имея сил сдвинуться с места. Давно не юноша, он чувствовал себя влюбленным мальчишкой, испытав трепет, пока следил за женщиной, плывущей по каменным плитам. Ветер играл ее волосами, продолжая порождать иллюзию живого пламени, окружившего женскую головку.

Она подняла на Рика невероятные голубые глаза, и губы тронула смущенная улыбка. Щеки Фиалки окрасились легким румянцем, и она остановилась, так и не дойдя до аниторна. Женщина сцепила перед собой ладони, опустила голову, но продолжала бросать взгляды украдкой на мужчину, не сводившего с нее восхищенного взора. Сколько они так стояли друг напротив друга, не произнося ни слова? Кажется, даже время остановило свой бег, боясь спугнуть молодого лорда и лесную затворницу в эти краткие мгновения встречи.

Риктор Илейни первый заставил себя сделать разделявший их шаг. Он остановился перед Фиалкой, взял в ладони ее лицо, вынуждая поднять голову, и заглянул в глаза. Женщина не спрятала ответный взгляд под ресницами. Через мгновение она тихо вздохнула и попыталась заговорить:

— Рик...

Мужчина коснулся пальцем ее губ и покачал головой, продолжая любоваться нежными чертами женского лица. Фиалка улыбнулась и поймала губами кончик пальца лорда, когда он собрался убрать его, несильно сжала зубами. Риктор хмыкнул:

— Ты пришла, чтобы съесть меня?

— Сначала долг, аниторн, — ответила женщина, выпустив из полена мужской палец. — Я бедная затворница, а дыр ты протер немало, пока пялился на одинокую женщину, не имея ни стыда, ни совести. Нужно расплатиться.

— Мелочная, злопамятная скареда, — обозвал ее Рик, укоризненно покачав головой.

— Рачительная хозяйка, — наставительно ответила Фиалка.

— Рачительная людоедка, — поправил ее Илейни.

— У хорошей хозяйки ничего не пропадет, — согласно кивнула она. — Все в дело.

— Что ж, тогда стоит рассчитаться? — мужчина с улыбкой смотрел на свою гостью, кажется, совершенно забыв, что стоят они посреди замкового двора, и на них сейчас смотрят все, кто оказался рядом.

— За тем и пришла, — неожиданно шепотом ответила женщина.

— Тогда идем скорей, — почему-то тоже прошептал аниторн, и Фиалка кивнула, продолжая стоять и смотреть на него.

И снова первым отмер лорд Илейни. Он предложил гостье руку, и она приняла ее, накрыв своей ладонью отточенным движением, лишний раз подтвердив, что является такой

же простолюдинкой, как ее каяр милым песиком. Мужчина и женщина прошли мимо стражей, провожавших пару изумленными взглядами, мимо прачки, вдруг выронившей из рук корзину с чистым бельем, мимо двух слуг, прервавших разговор на полуслове. Но никого из них мужчина и женщина, кажется, так и не увидели, поглощенные друг другом.

— Никак влюбился, — прошептала прачка. — И опять простушка. Не видать нам маленьких аниторнов, ох, не видать.

— Да ты смотри, как идет, — отозвался, стоявший недалеко от нее воин. — Так только леди ходят, это уж точно.

— А хоть бы так, — вздохнула прачка, сжав оберег с капелькой Огня. — Пора уж господину женой да детишками обзавестись. — Затем повернулась к воину. — А красавица все ж таки.

— Ага, — кивнул мужчина.

Рик вел Фиалку по лестнице, бережно поддерживая под локоть. Он почти не заметил своего гостя, проходя мимо него, но Дави, кажется, не оскорбился. Впрочем, был на лестнице Энрик, или нет, аниторна заботило мало. Лорд Илейни и его гостя направились в его кабинет. Риктор подвел женщину к удобному креслу, намереваясь помочь ей сесть, но вдруг ухватил ее за талию и усадил на стол.

Ладони аниторна снова обхватили лицо Фиалки, и он поймал ее губы, тихо застонав, когда она охнула и ответила на поцелуй с неожиданной жадностью. Женские руки спорхнули на плечи Рика, скользнули к шее, волосам, стянули ремешок, стягивающий хвост, и она вздохнула с удовлетворением, зарываясь в распавшиеся пряди.

— Рик, — прошептала Фиалка, когда поцелуй распался. — Прости...

— И ты прости, — улыбнулся аниторн.

— За что? — удивилась женщина и получила в ответ лукавую улыбку.

— За то, что не поверил ни единому твоему слову, — сказал Риктор. — Ты жуткая врушка, Фиалка. Нет, ты плохая врушка, потому что совсем не умеешь лгать.

— А врун хороший, — проворчала затворница. — Очень убедительно поверил.

— Не поверил, а не стал спорить, — назидательно ответил лорд. — Чувствуешь разницу, женщина?

Она помотала головой и притянула мужчину к себе, прижимаясь щекой к его плечу.

— Тебя чувствую, а разницу нет, — негромко произнесла Фиалка.

— Ну и в Бездну эту разницу, я приятней, — легко отмахнулся лорд-аниторн. Он гладил женщину по волосам, скользил ладонью по спине, наслаждаясь ее близостью, ее запахом, ее теплом. — Я скучал по тебе, затворница.

Нужно было спросить, что заставило ее отправиться в путь, но отчего-то не хватало духу заговорить об этом, словно вопрос мог убить волшебство, заполнившее собой стены древней твердыни. Тревога, охватившая аниторна, никуда не делась, но Фиалка не спешила говорить о чем-то, что подтвердило бы подозрения Рика, и он тоже молчал.

— Ты заноза, аниторн, — ответила женщина, откинув голову назад и скользя взглядом по мужскому лицу. — Настоящий репей. Пристал, не оторвать.

— Я хваткий, — хмыкнул Риктор.

Она усмехнулась и вдруг застыла, не сводя взгляда с глаз аниторна.

— Где она? — спросила Фиалка, неожиданно охрипшим голосом. — Рик, где мое защитное плетение? Твое тело чисто.

Мужчина нахмурился, пытаясь понять, о чем она говорит. Потом вспомнил очищающий

Огонь.

— Наверное, выжгло Божественным Огнем, — наконец произнес он.

— Божественный Огонь? — тонкие брови женщины взлетели вверх. — За какой Бездной ты полез в Огонь, аниторн.

Лорд рассказал ей о том, что привело его в обитель к чаше с очищающим Огнем, и Фиалка отрицательно покачала головой:

— Очищающий Огонь холодный, он не смог бы повредить плетение.

Аниторн не хотел рассказывать о том, как едва не сгорел из-за вероломства жрецов, но затворница желала узнать причину, и он все-таки договорил свою историю, стараясь смягчить краски. Однако и этого хватило, чтобы лицо женщины вдруг побледнело, и она притянула к себе Рика, с силой сжимая его ладонь.

— Кто тот кудесник, что помог тебе? Кто помешал жрецам свершить задуманное? И почему они ополчились на тебя? — теперь выражение ее лица стало жестким, даже хищным.

— Долгая история, — ответил аниторн. — А с Дальгардом я могу тебя познакомить, он находится здесь и все знает о тебе и о моих...

— О твоих? — Фиалка впилась взглядом в лицо Рика, ненадолго забывая свою тревогу. — О чем, Рик?

— О моих намерениях, в отношении тебя, — улыбнулся мужчина.

— И какие же у тебя намерения в отношении меня, аниторн? — неожиданно сварливо спросила женщина. — Любовницей не стану.

— Не хочу любовницу, — усмехнулся лорд. — Хватит с меня наложниц. Жену хочу. И разговор этот должен был происходить не так и не сейчас. Ты ждешь разъяснений?

Она кивнула. Фиалка выпустила руку Риктора и сжала пальцами край стола, вновь став колючей и недружелюбной. Этот настороженный взгляд был хорошо знаком мужчине, и он легко рассмеялся.

— Как любопытно узнать, что за картина сложилась в твоей прелестной головке, раз ты стала похожа на своего каяра, — он втиснулся между колен затворницы, обнял ее одной рукой, прижимая к себе. Пальцами второй заскользил по скуле Фиалки, погладил шею и мягко сжал подбородок, как только она попыталась отстраниться. — У меня есть целитель — лорд Расслед Верд. Он из древнего, но обедневшего рода, и от былой славы осталось лишь имя. К тому же он совершенно одинок, не имеет наследников. Рас давно служит нашей семье, меня любит как сына. И он всегда мечтал о дочери. Так вот, — Рик широко улыбнулся. — Я нашел ему дочь. Более того, он уже дал свое отеческое согласие на мой брак с леди Верд. Я хочу жену, Рас хочет дочь, а ты так удачно подходишь под наши желания, что тебе уже деваться некуда. Тем более, что согласие твоего нового отца я уже получил.

— Какое невероятное коварство, — протянула женщина, заметно расслабляясь. — А я, как последняя простофиля, сижу в своем лесу и не знаю, что и отец мне сыскался, и муж. Меня только спросить забыли?

— Простофиль спрашивать бес толку. — Отмахнулся Рик и рассмеялся, когда Фиалка ущипнула его. — Ты сама себя так назвала. — Затем поймал ее руки и заглянул в глаза. — Ты ведь не откажешься, цветочек?

— А если откажусь? — прищурилась она.

— Отказ мне я еще пойму, но ты не сможешь огорчить старика, — ответил Илейни без тени улыбки.

— А он уже дал тебе согласие, — заметила затворница, и Риктор скромно промолчал,

лукаво сверкнув глазами. Фиалка улыбнулась, но улыбка сразу померкла, и она вздохнула. — Ты прав, сейчас не время для этого разговора. Рик, он знает, что я жива.

Шутить расхотелось в одно мгновение.

— Ты поэтому решила покинуть свое убежище? Он его нашел? — спросил мужчина больше не заигрывая. Затворница отрицательно покачала головой.

— Нет. Он не нашел, где я скрываюсь, — ответила она. — Эрх мог бы долго искать меня, я хорошо спряталась. Однако он быстро поймет, кто помешал ему забрать твою душу. Рик, я не знаю, зачем ты ему был нужен изначально, и нужен ли вообще, но после того, как Эрх сложит все воедино, он придет за ответом к тебе, аниторн. Я не позволю ему второй раз уничтожить того, кого я... — Женщина запнулась, но вскинула на Рика почерневшие глаза и закончила, — полюбила.

Риктор не спешил заключать Фиалку в объятия после ее признания, не ликовал и не закружил в вихре ответных признаний. Они оба знали, что их связывает нечто большее, чем случайное знакомство и козни Эрхольда Дархэйма. И о своих чувствах аниторн сказал, когда обозначил намерение жениться. Фиалка приняла их, Рик это тоже понял, не услышав ни отрицания, ни негодования, ни даже просьбы не спешить. Мужчина лишь снова погладил затворницу по щеке и едва заметно улыбнулся.

— Он придет, Рик, — повторил Фиалка, поймав руку аниторна и сжав ее. — Эрх все еще не успокоился, он все еще болен мной, я видела это. Четыре года прошло, как я позволила ему убить себя и перешла в чужое тело, а он все еще помнит. Бездна! — она зло сверкнула глазами. — Как же я устала от его больной страсти! И моя защита... Ты вновь уязвим, Рик. Я должна восстановить плетение. Он, конечно, распутает его, но не сразу...

— Успокойся, — Илейни остановил женщину и присел рядом, обняв ее за плечи. — Он не всемогущ. Виллианы тоже уязвимы. Драконий огонь, Божественный Огонь, человеческие маги. Когда враг известен, с ним бороться становится проще. Я многое узнал. Благодаря тебе, я понял, где искать ответы. Остались еще тайны, но и их я раскрою, осталось недолго. Ты хотела увидеть Дальгарда? — Рик неожиданно сменил направление беседы.

Фиалка кивнула и слабо улыбнулась. Лорд хотел отвлечь ее, и женщина согласилась с ним. Сейчас она сделала все, что смогла — предупредила о том, что враг не отстанет, и теперь ждать его появления недолго.

— Рик, я опутаю твой замок своей охранкой, — сказала она, когда аниторн уже отошел от стола. — Обычная магия не почувствует его приближения, моя Сила отзовется. Я сделаю это даже если ты против.

— Я не против, — пожал плечами Илейни и хотел открыть дверь, но женщина его остановила.

— Мне нужно будет черпать силу человеческих душ. Я не заберу жизнь, но твои люди могут быть ослаблены. По дороге я собирала Силу, потому явилась только сейчас, но я все еще слабей Эрха. Чтобы сравняться с ним, мне нужны человеческие души, но я не могу убивать, никогда не могла... Я беру лишь каплю из того моря, что вычерпывает до дна Дархэйм.

Илейни вернулся к ней, уперся ладонями в поверхность стола, вынуждая Фиалку откинуться назад. Он склонился над ней, вдохнул знакомый запах летнего луга и прикрыл глаза, борясь с желанием задрать подол платья затворницы. Она затихла, только хрипловатый вздох прорвался сквозь приоткрытые губы.

— Я похож на младенца, затворница? — спросил мужчина, коснувшись губами женской

грудю, скрытой тканью платья. — Отвечай.

— Нет, — Фиалка закусил губу и откинула назад голову, когда аниторн поднялся выше, и его дыхание коснулось обнаженной шеи.

— Я беспомощный юнец?

— Нет, — выдохнула она, чувствуя, как мужские губы скользят по ее коже.

— Быть может, я немогущий старец?

— Не-ет, — простонала женщина, когда Рик несильно прикусил мочку ее уха.

Он выпрямился, рывком снова усаживая Фиалку, с силой втиснул ее в свое тело. Она обхватила бедра мужчины ногами, сразу ощутив, как напряжен его член под одеждой.

— Ты — мужчина, аниторн, — с придыханием произнесла она. — Полный сил и мужества.

— Запомни это, затворница, и не смей оскорблять меня намеком на мою беспомощность и уязвимость, — ответил лорд.

Он коротко поцеловал ее и освободился от объятий. Больше не говоря ни слова, аниторн покинул кабинет. Фиалка хмыкнула, слезая со стола. Она перебралась в кресло, расправила платье и приготовилась к встрече с человеком, спасшим жизнь аниторну.

— Не смей оскорблять... — женщина фыркнула и не сдержала улыбки. — Заносчив и самоуверен, как все мужчины.

Рик остановился за дверью, прижался спиной к холодной стене и судорожно выдохнул, смиряя разбушевавшуюся плоть. Не сейчас, нельзя. Вскоре придется спуститься в драконник, и Гор учует запах приглянувшейся самки. Илейни скрипнул зубами, но быстро расслабился, усмехнувшись нелепой ситуации. Лорд не спешил обнаружить присутствие Фиалки в замке. Так было лучше для самого дракона.

Как поведет себя Гор, когда узнает, что затворница пришла к ним? Там, в лесу, они были втроем, и дракон едва не спалил своего человека, увидев в нем соперника. Сейчас Фиалку окружало множество самцов, и не только люди. Риктор помнил рассказ Дальгарда о драконе, избравшим своей парой авехендру. Он уничтожал каждого мужчину, к которому она приближалась. Не захочет ли Гор испепелить всех мужчин, находившихся в замке? А Аскерд? Сейчас они находились в одном драконнике, и если Гор посчитает и его соперником? Аниторн и сам читал, что драконы, сделавшие выбор, ревнивы сверх меры. И становятся агрессивны, пока самка не принадлежит им. Оберегают, отгоняют от нее всех, включая и женские особи, охраняют, как сокровище. Рисковать лорд не мог ни Фиалкой, которую могла постигнуть участь авехендры, если Гор посчитает, что безопасней будет унести ее и спрятать. Ни Гором, который мог окончательно лишиться покоя и разума, ни кем бы то ни было, кто сейчас находился в замке.

— Бездна, — выругался мужчина сквозь зубы и отлепился от стены.

Лучше вообще не приближаться к Фиалке, пока все не разрешится. Рик прислушался к себе и уловил отголосок злости на своего дракона. Ему это не понравилось, человек и дракон никогда раньше не злились друг на друга, как бы не ругались и не спорили. Мелкие перепалки, больше шутливые, чем всерьез. А теперь аниторну приходилось удерживать в узде свои желания не столько из уважения к женщине, которую он видел своей супругой, сколько из-за странной прихоти дракона, увидевшей в ней свою самку. И как жить в будущем рядом со своим самым преданным и другом и любимой женщиной, Рик пока представлял слабо. Мужчина тряхнул волосами, откидывая их на спину, и привычно подумал, что сейчас есть более важные заботы, чем женитьба. Не время думать о будущем,

когда прошлое еще скрыто в тумане, а настоящее под угрозой.

Кровь угомонилась, перестав будить лишнее сейчас желание, и аниторн поманил к себе слугу, велел найти лорда Дальгарда и направить его в кабинет господина. После вернулся назад, стараясь не видеть, как манит взгляд почерневших глаз, не замечать, как волнуют губы, приоткрывшиеся в чуть насмешливой улыбке. Он не хотел думать о том, как тонкие пальцы, покоившиеся на подлокотниках, могут сжиматься, царапая мужское тело, когда их хозяйка, объята страстью. И того, как мерно вздымается грудь от дыхания, Рик тоже старался не замечать, потому что это будило воспоминания, вновь зажигающие кровь.

— Дальгард сейчас придет, — глухо произнес аниторн и отошел к окну.

— Ты чем-то расстроен, — заметила Фиалка.

— Ерунда, — отмахнулся лорд и обернулся.

Женщина стояла за его спиной, и Рик тут же отвел глаза. Она задумчиво постучала пальчиком по своему подбородку.

— Ты быстро ушел, но отсутствовал недолго и от дверей кабинета не отходил далеко. Твой голос я слышала, до этого молчал. Значит, стоял и думал. То, что тебя расстроило, произошло здесь. Мои слова об Эрхе ты выслушал спокойно и вряд ли бы показал, что тебя тяготят вести. Если бы встревожили, то я увидела бы это сразу. Тогда дело не в нем, а... во мне? Определенно, во мне. Ты стараешься на меня не глядеть. Твое желание я почувствовала, однако ты тут же поспешил уйти...

— Затворница, мы же не дикари, чтобы кидаться друг на друга при встрече, — попытался отшутиться Илейни.

Она нахмурилась, продолжая обдумывать перемену в настроении лорда, наконец, поняла и невесело усмехнулась:

— Гор.

— Да, — кивнул аниторн. — Я совсем забылся, увидев тебя.

— Он все еще не забыл меня? — спросила Фиалка, отходя от лорда.

Он придержал ее за плечи и отрицательно покачал головой. Затем привлек к себе ненадолго, легко коснулся губами волос и повел назад к креслу. Женщина послушно села, не сводя взгляда с Риктора. Мужчина вернулся на стол и устало вздохнул. Бессонная ночь начинала напоминать о себе, и сейчас это даже было к лучшему.

— Он тоскует, цветочек, — аниторн вздохнул. — Проситься к тебе, но пока держится. Я хотел свести его с драконице Дальгарда, и Гору понравился запах ее желания, но мы так и не решились его подпустить. Если мой дракон все-таки сделал свой выбор, то все могло закончиться плохо. Сейчас ждем, когда гон закончится, тогда снова попробуем их познакомить. Я надеюсь, что мой парень обратит внимание на серую принцессу, тогда все станет намного проще. Но пока он тоскует по тебе, и я опасаясь, как бы не случилось беды, когда он увидит тебя здесь.

— Тогда в драконник не ходи пока, он учует мой запах даже легкий, — отозвалась Фиалка.

— Да, я так и хочу сделать. — Он кивнул и усмехнулся. — Масла перекроют твой запах, и мой дракон не узнает, что наша с ним женщина в замке.

Затворница вдруг откинула назад голову и рассмеялась.

— Должно быть со мной что-то не так, коли меня любят такие разнообразные... мужчины. Наследник крови Виллианов, темный маг, дракон и даже... аниторн Побережья.

— Прикажу-ка я приготовить побольше душистых масел, — задумчиво произнес лорд

Илейни.

— Зачем? — она весело сверкнула глазами.

— Кое-кто меня только что оскорбил, а оскорблений я спускать не привык, — ответил Рик. — Бойся, затворница. Даже... аниторны Побережья бывают жутко злопамятны.

Фиалка вдруг откинулась на спинку кресла, завела за голову руки, отчего ее грудь приподнялась, бесстыже развела ноги в стороны и спросила голосом, больше подходившем мурчащей от удовольствия кошке, чем человеку:

— И что же ты сделаешь, аниторн? Я под охраной дракона.

Лорд закусил губу, скользнул взглядом по телу своей гостьи и махнул рукой:

— Бездна с ней, с водой, буду мыться в бочке с одним душистым маслом.

Он встал со стола и приблизился к Фиалке под ее веселый смех, но в дверь постучались, и аниторн усмехнулся:

— Тебя спасли. Войдите.

Тут же дверь открылась, и в кабинет вошел Дальгард. Он склонил голову в приветственном поклоне. Затем с нескрываемым интересом воззрился на женщину, сидевшую в кресле. На ее красивом точеном лице был написан ответный интерес, и не было и доли смущения. Расслабленная поза, черты лица оставались спокойны. Так же в женщине отсутствовали наглость или вызов. Она была естественна и невозмутима.

— Милости Огненных, — произнес Дальгард и посмотрел на Рика.

Тот кивнул в ответ и поманил ближе к себе. В лице аниторна маг не заметил того волнения, которое отразилось, когда доложили о гостье. Лорд Илейни сидел на краешке стола, опираясь ладонями о столешницу.

— Тибод, позволь представить тебе Фиалку. Моя спасительница и избранница, — заговорил Риктор. — Фиалка, позволь познакомить тебя — лорд Тибод Дальгард, мой помощник и телохранитель. Но прежде всего — друг.

— Леди Фиалка, — Дальгард склонил голову перед женщиной. — Позвольте принести вам благодарность за спасение нашего аниторна. Его смерть стала бы настоящей трагедией.

— За его спасение стоит, прежде всего, сказать спасибо тому магу, что так удачно выкинул на меня вашего аниторна, — улыбнулась затворница, протягивая руку лорду, и тот мягко пожал ее. — Хочу и я поблагодарить вас, лорд Тибод, за то, что не позволили сгореть Рiku в Огне, подмененном жрецами.

— Вас послушать, так я малое дитя, — возмутился сам аниторн. — Все меня спасают.

— За непоседливыми мальчишками нужен глаз да глаз, — невозмутимо ответила Фиалка, но в глазах ее вновь светилось веселье.

— Наш господин — наше сокровище, — хмыкнул Дальгард. — Мы бережем его пуще собственной жизни.

— Пф, — фыркнул Рик.

— Даже у Гора фыркание стащил, — все-таки рассмеялась затворница.

— Вы не правы, очаровательная госпожа, господин и его дракон слишком срослись, чтобы сказать, кто у кого и что крадет, — скрыть улыбку у мага не вышло.

— Я с вами не разговариваю, — проворчал Рик. — Мы с Гором отличные парни, и хватит нас склонять, мы можем в кого-нибудь особо язвительного и огнем плюнуть.

— Судя по всему, в меня, — хохотнул Дальгард и приложил руку к груди. — Простите меня, господин, ибо года и красота леди Фиалки лишили меня последнего разума.

Аниторн согласно кивнул после краткого раздумья:

— Дряхл и безумен. Сейчас прикажу принести тебе склянку с ядом.

— У моего лорда есть яд? — изумился маг.

— Свой сцедил, — усмехнулся Риктор.

Фиалка переводил взгляд с одного мужчины на другого. Лорды относились друг к другу с явной симпатией, и Дальгарду позволялась вольность в беседе с аниторном. Затворнице это понравилось. Напыщенных себялюбцев она недолюбливала.

— Однако как вы вкусно о яде говорите, — произнесла она. — Даже слюнки текут.

— Подожди, — остановил ее Рик, — сейчас принесут склянку, туда добавишь. Твой яд особо едкий, Тибоду понравится. Корчиться будет долго.

Женщина возмущенно округлила глаза:

— Лорд-аниторн, вы называете меня гадюкой?

— Гадюкой с самым лучшим ядом, на себе испробовал, — честно ответил лорд-аниторн. — Но раз ты поделишься отменной отравой с этим одряхлевшим безумцем, то нам стоит восполнить твои запасы. Сейчас прикажу накрыть стол. Дальгард, ты с нами, есть о чем поговорить.

Как только за Риком закрылась дверь, маг и Фиалка снова обменялись взглядами. С лица мужчины исчезла всякая веселость.

— Он в опасности? — спросил Дальгард.

— В большой, — ответила затворница. — Мое защитное плетение уничтожено Огнем. И пока я не восстановлю его и не подготовлюсь к встрече с Дархэймом, нельзя никого пускать в замок. Эрх — потомок Виллианов, они способны принимать личину того, кого выпили.

— Бездна, — выдохнул Тибод. — В замке как раз появился незванный гость — придворный поэт — лорд Энрик Дави. Мы оба знаем его еще по королевскому дворцу, и странностей в поведении вроде бы нет. Он такой, каким мы его знали.

Фиалка поднялась на ноги. Она сложила перед собой руки и взволнованно прошла по кабинету.

— Я хочу посмотреть на него, только так, чтобы он меня не видел.

— Я смогу это устроить, — кивнул Дальгард. — Рику нужно сказать.

В это мгновение дверь снова открылась, вернулся лорд Илейни. На лицах мага и затворницы вновь играли улыбки. Аниторн остановился и потер подбородок:

— Отчего мне кажется, что я смотрю на двух злоумышленников?

— Говорят, что люди склонны судить по себе, — отозвалась Фиалка.

— Или же дело в том, что в дряхлости случился оговор, и подслеповат мой господин? — подхватил Дальгард.

— Тоже яд сцеживал? — усмехнулся Риктор. — Тогда сцеди еще, у тебя его еще много, змей. — После подал руку затворнице. — Стол накрывают, идемте.

— Рик, — позвала его Фиалка, — мне нужно сказать...

— Сейчас все скажешь, и мы тебе многое поведаем, — пообещал аниторн с улыбкой и вывел женщину из кабинета.

Женщина подняла взгляд на Рика, и он увидел, что глаза ее стали опять синими. Затворница чуть сжала руку лорда, и он накрыл ее пальцы второй ладонью. Дальгард поравнялся с господином и его гостьей, встав с другой стороны аниторна. Илейни повернул голову в сторону мага и заметил, как по лицу его скользнула тень тревоги.

— Что гнетет тебя, Тибод? — спросил Риктор, отмечая, как фальшивая улыбка скрывает

то, что открылось ему мгновение назад.

— Все хорошо, мой лорд, — ответил Дальгард.

— Не совсем хорошо, — тут же отозвалась Фиалка. — Лорд Тибод сказал, что в твоём замке гостит кто-то из придворных.

— Энрик Дави, — кивнул Илейни. — Что тебя встревожило в его появлении, кроме того, что он не ко времени явился?

— Я бы хотела посмотреть на него, — ответила затворница.

— Кажется, мы проходили мимо него, когда поднялись сюда, — вспомнил аниторн.

Фиалка нахмурилась, вспоминая светловолосого лорда, чей пристальный взгляд заставил ее обернуться.

— Мне нужно посмотреть на него еще раз, я толком не разглядела, — произнесла она.

— А вот и он сам, — негромко сказал Дальгард. — Стоит впереди, белый, как снег.

Затворница отвернулась от аниторна, устремила взгляд вперед и вдруг застыла на месте. Рик обернулся, с тревогой глядя на то, как бледнеет Фиалка. После посмотрел на лорда Дави, державшегося за стену и нахмурился, начиная понимать, что могло взволновать женщину. Кто, кроме одного-единственного человека, мог напугать затворницу настолько, что она более всего сейчас походила на призрака?

— Виалин, — донесся до Илейни шелест, сорвавшийся с уст его незваного гостя.

Фиалка шагнула вперед, раскинула руки, закрывая собой своих спутников, и ответ ее потряс даже больше, чем осознание того, что перед ним стоит не лорд Энрик Дави... или не совсем Энрик Дави:

— Так вот где ты притаился... братец.

— Виалин, — уже громче повторил поэт, и вдруг контуры его тела оплыли, подобно свечному воску, и Энрик Дави исчез, являя незнакомого черноволосого мужчину. Он выпрямился и сделал первый шаг в сторону двух мужчин и загородившей их женщины. — Нашел...

— Братец, — негромко произнес Риктор, отодвигая руку Фиалки.

Тут же вперед метнулся Тибод Дальгард, вытаскивая кинжал, висевший на поясе.

— Единоутробный, — эхом отозвалась затворница. — Мое настоящее имя Виалин Дархэйм. Нас породили одни отец и мать.

— Виалин! — выкрикнул Дархэйм, срываясь с места.

— Рик, прочь! — одновременно с ним закричал Дальгард.

— Нашел. Нашел! — как заведенный повторял полувиллиан, стремительно приближаясь.

Виалин-Фиалка уперлась в грудь аниторна руками, отталкивая его в глубь коридора.

— Уйди, Рик, уйди, ты сейчас беззащитен, — взмолилась она.

— Виалин!

Новый крик Эрхольда донесся до мужчины и женщины, и сумрак окружил Тибода, закрывшего собой дорогу к аниторну и его госте. И из клубящейся тьмы раздался смех Дальгард:

— Я — маг! — выкрикнул он, и отбросил Дархэйма прочь.

Рик схватил Фиалку за руку и бросился дальше по коридору, утягивая ее за собой. Однако она вырвала руку из захвата и остановилась, призывая свою Силу.

— Беги, — чеканно велела она Илейни. — Меня он больше не убьет. Я задержу.

— Бездна, — коротко выругался Рик, сейчас ненавидя себя за отсутствие активного

дара, который мог защитить его от черной Силы. — Бездна!

Но все же снова сорвался на бег, примчался на вторую лестницу и закричал во всю мощь своих легких:

— Нападение! Маги ко мне, остальным в укрытие! Носа не высовывать, воинам, не обладающим даром — тоже! Только маги! Драконник закрыть! Мечи из ножен! Живо!!!

— Господин, — к нему поспешил один из стражей.

— Ты не маг, в укрытие, — коротко велел аниторн.

— Но...

— Душу сохранить хочешь? — зло спросил лорд, воин кивнул. — Тогда прячься! Только маги!!! Мечи из ножен! — повторил Рик и метнулся назад.

Тьма затопила коридор. Она становилась плотней и гуще, затем начала распадаться, и Рик увидел, как из одной из черной кляксы появились щупальца. Извиваясь, они вытягивались в стороны. Первая, вторая, третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая, восьмая... Щупальца уперлись в пол, становясь лапами, и над полом поднял тело огромный паук. Следом за ним поднялся еще один паук, после еще и еще...

— Не смотри ему в глаза! — услышал Рик истошный крик Фиалки и хотел броситься на помощь, но амулет вдруг накалился так, что аниторн стиснул зубы и зашипел от боли. Матушка не пускала, не позволяла сделать и шага.

Лорд все же попробовал сдвинуться с места, но вскрикнул от новой вспышки обжигающей боли и прохрипел:

— Матушка, пустите...

— Господин!

К нему уже подбегал один из лордов-магов, прибывших вчера. В руке его был сжат обнаженный меч.

— Помоги, — все еще хрипло произнес Илейни, указывая вперед. — Магию не применяй, не возьмет. И его Сила тебя не возьмет, только оружие. Убить, живой не нужен. К женщине не подпускать, ее защитить.

— Да, мой лорд, — кивнул маг и пошел навстречу копошащейся тьме, принявшей облик пауков.

Следом уже бежали остальные лорды, несколько человек из стражи, обладавшие слабым даром. Появились новые драконоводы, они сжимали в руках дубинки. С другой стороны донеслись крики, кажется, кто-то пришел на помощь Дальгарду и Фиалке. Амулет больше не обжигал, но стоило двинуться туда, где маги пытались разогнать «пауков», как тело охватывала боль, матушка продолжала хранить своего сына, и Рику оставалось стоять и смотреть.

«Паукам» удары мечей не приносили вреда, и они переползали на стены, на потолок, оставаясь невредимыми.

— Вперед! — заорал аниторн. — Убьете их хозяина, твари исчезнут!

Маги переглянулись и исчезли в черной шевелящейся массе. Пауки замерли на своих местах, покачиваясь на лапах, словно ожидая приказа, что делать дальше. И как только голос Илейни умолк, поползли в его сторону.

— Боги, — выдохнул Риктор, и амулет вновь обжег его, вынуждая отступать.

— Рик! — услышал он голос Фиалки. — Беги, Рик!

— Чтоб ты сдох, Эрхольд Дархэйм, — выругался аниторн и бросился прочь.

Снова выбежал на лестницу и увидел, что его воины стоят с обнаженными мечами, не

решаясь идти дальше, но и не спеша спрятаться.

— Пошли вон, дурачье! — закричал на них господин. — В укрытие!

— Боги, — протянул Тодар, глядя на тварей, выползающих вслед за лордом.

— Все прочь! — снова гаркнул Рик. — Вы не устоите! Бездна! Пошли вон!!!

Но воины все еще стояли, помня о своей клятве верности господину, и Илейни не сдержался. Он отнял у стоявшего столбом воина меч и поднял его:

— Зарублю того, кто останется стоять! Прочь!

— Госп...

Клинок коротко свистнул, и заговоривший воин гулко сглотнул, обнаружив меч, прижатым к своей шее.

— Клянусь Богами, убью, — пообещал лорд. — Не хочешь жить, так хоть умрешь от моей руки, а не от Силы Бездны.

— Сила Бездны, — сдавленно охнул Тодар.

— Прочь!!! — снова гаркнул аниторн, и воины, наконец, осознали, что им грозит.

Пауки успели подобраться совсем близко, и пока Рик ждал, когда его люди покинут лестницу, спины коснулся холод. Амулет снова жег его, но господин не мог спрятаться раньше, чем позаботиться о своих людях. Он медленно обернулся и судорожно вздохнул, глядя на черную тварь, нависшую сверху. Паук резко ударил лапой, и лорд увернулся, даже не успев сообразить, что делает.

Илейни ударил мечом по лапе «паука», но клинок прошел сквозь нее, как сквозь пелену тумана, и паучья конечность опять была целой. Аниторн попятился назад, едва не оступившись на ступенях, но успел ухватиться за перила и устоял.

— Хорошо, теперь бегу, — согласился мужчина с матушкой, развернулся и бросился вниз по лестнице.

Уже почти спустившись вниз, он услышал, как режут драконы. Голос Гора был наполнен яростью. Он бился в закрытые ворота драконника, но не мог выбить их. Иного пути теперь не было. Дархэйм все еще был жив, раз его твари продолжали ползти следом. Воины не помогут, маги наверху, Фиалка... Рик обернулся, но тут же снова побежал, трое «пуков» уже почти настигли его.

Выбежав в замковый двор, аниторн снова обернулся, но «пауки» не отставали. Где-то раздался женский крик, и Илейни развернулся, готовый броситься назад, однако увидел, как прачка, бросив свою корзину, исчезает за дверями прачечной.

— Гор, от ворот! — крикнул лорд, приближаясь к драконнику.

Грохот и рев стихли. Аниторн отбросил ненужный меч и схватился за замок. Почувствовав хозяина замка, он послушно открылся, и ворота приоткрылись. Черный дракон вырвался наружу первым, едва не затоптав человека, успевшего отскочить в сторону. Взревев, Гор выпустил струю пламени по тьме, заполнявшей двор. Следом за ним вышел Аскерд.

— Давай, мальчик, если сможешь, — подбодрил его Рик.

Но Аскерд был еще не готов. Из его пасти вырвался дым, но пламя еще не пробудилось до конца, и человек встал перед ним, закрывая дальше путь.

— Назад! Аскерд, назад!

Серый дракон замер, вслушиваясь в неожиданную для людей силу, наполнившую голос Риктора Илейни. Аскерд втянул носом раздражающий запах, но отступил. Рик закрыл ворота и взбежал по хвосту своего дракона, уселся на спине и потрепал его.

— Взлетаем, мальчик, — велел он. — Чтобы не достали.

Дракон взмахнул крыльями, отрываясь от земли. Он завис над копошащейся тьмой, выпустил новую струю огня, и Рик произнес:

— Не трать силы, Гор. Огонь берет живую плоть, а это Сила, ему не подвластная. Ах, если бы тут был Дархэйм, а у меня магия, чтобы прикрыть тебя...

И тут он ударил себя по лбу, осознав, зачем нужны были маги в драконниках Илейни. Ну, конечно же! Щиты! Маги закрывали летунов во время боя! И раз появился такой обычай, значит, не просто так. Опять Валистар? Аниторн выругался на себя, злясь, что продолжает складывать мозаику даже сейчас.

— Гор, поднимайся выше, — сказал он. — Так быстро устанешь.

Дракон послушно поднялся. Лорд смотрел, как тьма, потеря форму паучьих тел из-за огня Гора, теперь расползается по двору, подбирается к драконнику. Аниторн зарычал от охватившегося его бешенства, и черный великан вывернул голову, удивленно глядя на человека.

— К обратной стороне драконника, Гор.

Дракон послушно облетел драконник и опустился на каменную площадку у вторых ворот. Риктор спрыгнул на землю и поспешил к запертому входу. Замок тут же отозвался, откинув дужку. Илейни распахнул створу и тут же увидел, как черные клубы заполняют драконник, подбираясь к серому дракону.

— Аскерд! Сюда!

Летун заревел и поспешил к человеку. Лорд вернулся к Гору, быстро взобравшись ему на спину. Черный дракон тут же взлетел, а следом поднялся в небо серый. Он пристроился в хвост Гору, послушно следуя за ним, как за вожакom. Рик вел их выше, ко второму драконнику, где была плоская крыша, и летуны опустились на нее, продолжая наблюдать за тем, как тьма расползается по замковому двору. Илейни слез с Гора и подошел к краю крыши.

— Ах, кабы узнать, что там творится, — с досадой произнес мужчина.

— Рик! — аниторн поднял голову и увидел Расследа, выглянувшего из окна своих покоев. — Что происходит?

— Дархэйм в замке, — мрачно ответил лорд.

Тьма вдруг собралась в единый ком и помчалась к драконнику, на крыше которого стоял Риктор Илейни. Дичь себя обнаружила.

— Чтоб тебя Огненные спалили к Бездне, — взвыл мужчина, уже готовый вновь забраться на Гора.

— Рик! Рик!!! — донесся до него надрывный женский крик.

Аниторн обернулся, и тут же заревел Гор, бросаясь к краю крыши. Фиалка стояла посреди замкового двора. Она воздела руки вверх, закрыла глаза, и тьма колыхнулась обратно. Нехотя, тяжело, не желая подчиняться, она ползла к одинокой женской фигуре, чьи волосы полыхали, подобно огню. Вскоре она оказалась полностью скрыта за пеленой черного тумана. Он собрался вокруг Фиалки, закружился, превращаясь в огромную воронку, живо напоминавшую смерч, поднялся выше... Женщина раскинула руки, и смерч умчался в море. Замок очистился.

Затворница повернула голову к драконнику, махнула рукой, крикнув:

— Прогнали!

Риктор сделал шаг к краю крыши, но Гор вдруг обернулся и предостерегающе зарычал.

Из ноздрей его повалил сизый дым...

— Парень, ты опять? — настороженно спросил человек. — Гор, мы это уже...

Дракон заревел, не давая ему закончить. После махнул хвостом, сбивая с ног, и, распахнув крылья, сорвался вниз, спеша к женщине, уже бежавшей к драконнику. Он опустился перед ней на землю и жалобно завыл. Фиалка попыталась обойти великана, но он закрыл ей дорогу, после подтолкнул носом, вынуждая отступить. Больше делиться своей самкой дракон не желал. Он теснил Фиалку к своему драконнику. Женщина подняла голову, глядя на Рика, стоявшего на краю крыши.

— Я не причиню ему боли! — крикнула она. — Думай, как добывать меня.

— Ар-р-р, — заворчал Гор и толкнул самку в драконник.

После вошел сам и угрожающе зарычал, словно предупреждая, что проход закрыт.

— Прилетели, — мрачно произнес аниторн и зло сплюнул.

Глава 26

Глава 26

— Тварь! Тварь! Тва-а-арь!!!

Черный вихрь бушевал под сводами старого замка. Крыло со старыми жилыми покоем превратилось в руины. Мебель, двери, все превратилось в труху, Гобелены и занавеси валялись в пыли изодранным тряпьем, ковры утратили последнее величие. Перекрытия обратились грудой камней. Трещины ползли по стенам и потолку, грозя обвалом этой части замка. Но Эрхольду было на все наплевать. Он готов был весь замок сравнять с землей, погребая под многовековыми камнями единственную узницу. Черному лорду было больно.

Кажется, так больно ему не было даже тогда, когда он нес тело Виалин в семейный склеп, чтобы положить ее рядом с их предками. Он страдал, оплакивая смерть своей единственной сестры и единственной возлюбленной, винил себя за несдержанность, казнил, но все это было ничто по сравнению с тем, что сейчас творилось в его душе. Теперь же ему казалось, что он пылает в огне, не сгорая, не становясь пеплом. Не проходившая, бесконечная боль — вот, что он ощущал. Жестокая, извращенная, рвущая сердце и душу в клочья, без права на забвение. Его любовь стала ему палачом, и вырваться из безжалостных рук не было ни единой возможности. Дархэйму казалось, что раскаленные клещи раз за разом вырывают из его тела куски плоти, но прихоть неведомого мучителя не дает ему ни умереть, ни потерять сознание. Лорд хотел хотя бы лишиться рассудка, чтобы ощутить отдохновение, но разум оставался чист, то и дело возвращая его к событиям в замке Илейни.

Она предала его! Не просто сбежала и выбрала другого, лишь бы не видеть в нем мужчину, с которым ее связало не только родство, но и сама Судьба. Не-ет, Виалин встала против него! Она выдала все, все! Рассказала то, чем когда-то делился с ней брат, лишив того главного преимущества, которое у него было — страха! Пока он был неведомым обладателем Силы Бездны, пока маги думали, что бессильны против него, Дархэйм был почти темным божеством. Теперь же его уязвимость известна, и страх исчез. Невозможно бояться того, кого можно просто зарезать! Невозможно бояться единственного обладателя Силы Бездны, когда против него есть оружие и та, кто откроет к нему все двери.

— Бездна! — рычал Эрхольд, сметая взмахом руки завалы из-под ног. — Проклятая дрянь! Виалин! Сука! Раздавлю, собственными руками раздавлю! Снова...

Мужчина расхохотался, зло и издевательски. Столько лет он грезил ею, столько лет представлял, как бы все сложилось, не будь они детьми одной матери и одних и тех же отцов. Сколько рвал себе душу, ненавидя их родство, а она оказалась всего лишь мерзкой гадиной, предавшей того, кто любил ее, кто боготворил, не мог надыхаться ею... Дархэйм стремительно направился прочь, пока собственный замок не похоронил его под своими руинами.

И пока сбегал по лестнице вниз, в который уже раз вспомнил, как встрепенулся Илейни, услышав доклад стража. Протер дыры...

— Бездна!!! — заорал Эрхольд, запуская новый черный смерч.

Каменные перила разлетелись острыми кусками, но промчались мимо лорда, не задев его. Она была с аниторном! Была, пожри их все твари Бездны! Она отдавалась ему, как последняя шлюха. Позволила притронуться к себе, позволила обладать собой. Вновь позволила другому мужчине то, что никогда не позволяла ему! Сука! Грязная похотливая сука!!! Как она смотрела на Илейни! Ее взгляд, Бездна! Она должна была так смотреть на него, на Эрхольда Дархэйма! Но Виалин готова была выцарапать ему глаза, только не подпустить к себе. Не желала слушать его, никогда не слушала. Выродок — вот, как она называла его, а когда-то...

Мужчина выбежал из замка и остановился, глядя безумным взглядом перед собой. Небо опять хмурилось, будто чувствовало гнев, кипевший внутри черного лорда. Он замедлил свой бег и уже неспешно подошел к самому краю скалистого обрыва. Эрхольду вдруг захотелось ощутив буйство стихии, оказаться в самой ее середине.

— Ну же, — прошептал он. — Ну же, давай. Давай!

Его крик вспугнул птиц, опустившихся на землю. Дархэйм повернул голову в их сторону, проследил за полетом и сорвал окровавленную рубаху. Раны, полученные в замке аниторна, уже не кровоточили. Виллианы исцелялись быстро. Лорд усмехнулся, вспомнив глаза одного из воинов Илейни, когда Эрхольд вдруг исчез в пелене своей Силы и появился за его спиной, насаживая на меч, добытый у растяпы-мага, прибежавшего на подмогу Дальгарду.

— Надеюсь, он сдох, — зло прошипел Дархэйм.

Если бы не Виалин, старый дурак уже принадлежал бы ему, несмотря на свою защиту-магию. Да, Силы двух миров не вступали во взаимодействие, оставаясь простым выбросом в воздух, не причинявшим вреда противникам, но даже душу мага можно поработить. В хранилище душ черного лорда имелись и такие.

Едва начав успокаиваться, Эрхольд снова зарычал от бессильной ярости. Он вспомнил, с каким бешенством она отбивалась от него. Пальцы лорда скользнули по груди, нащупали шрам, и Дархэйм застонал. Именно Виалин оказалась ближе всех к его смерти, именно она всадила кинжал ему в грудь, но промахнулась совсем чуть-чуть. Пока он, как последний балван, смотрел на нее, зачарованный затягивающий глубиной почерневших глаз, эта тварь вонзила ему в грудь кинжал. Отвлекла, заманила, заставила забыться и нанесла удар. Впрочем, она бы не промахнулась, если бы один из магов, собравшихся вокруг него, не поскользнулся на крови мертвого стражника и не толкнул черного лорда, когда падал. Но и этого удара хватило, чтобы Эрхольд принял поражение в этой битве, спеша зализать рану, которая могла бы стать смертельной, не будь он наполнен силой чужих жизней, выпитой им.

— Смерть за смерть, сестрица? — криво усмехнулся мужчина. — Только у меня нет припасенного тела, чтобы подло сбежать в него, как крыса!

Лорд откинул голову и закрыл глаза. Грудь его часто вздымалась от тяжелого дыхания, кулаки сжались, но быстро расслабились, и руки повисли вдоль тела. За спиной раскрылись черные кожистые крылья, распахнулись, и Эрхольд оттолкнулся от земли, взмывая в небо. Ветер все усиливался, и Виллиан бросился навстречу воздушному потоку, преодолевая его сопротивление. После позволил подхватить себя и понесся вместе с ветром, стараясь сейчас ни о чем не думать.

Не выходило. Перед глазами стояло лицо Виалин, той, какой она стала сейчас. Пламень волос, ярко-синие глаза, сменившие свой цвет, как только она бросилась на помощь Дальгарду. В это мгновение черты ее стали резче, грубей, словно вытесанные из камня, и Эрхольду даже показалось, что, еще мгновение, и она примет боевую форму Виллианов. Но нет, на этом изменения закончились. Чтобы получить крылья, нужно больше Силы, а Ви никогда не могла взять все, довольствуясь крохами, подобранными у тех, кто испытывал сильное волнение, страх, радость. Она никого не могла убивать... кроме него, своего брата, посмеявшегося увидеть в младшей сестре больше, чем кровную родню.

Эрхольд расслабился, и ветер поймал его в ловушку, закружив и сбив с ровного полета. Виллиан выровнялся и направился к берегу. Ноги мягко коснулись земли, и крылья окутали плечи, подобно плащу. Менять облик Эрхольд не спешил. Он остался на краю обрыва, глядя на беснующиеся волны. Буря набирала силу. Лорд раскинул руки, подставляя свое тело под порыв ветра. Волосы хлестнули по обнаженным плечам, бросились в лицо, и Эрхольд закричал:

— Давай!

Раскат гром прокатился ревом Богов над Виллианом, молния ударила недалеко от него, а следом хлынул дождь, в одно мгновение залив, вскинутое к небу лицо.

— Да, так хорошо, — удовлетворенно произнес Дархэйм и на некоторое время замер, наслаждаясь разгулявшейся стихией.

Виалин тоже любила дождь. Только она больше любила дождь теплый, когда светит солнце, и можно бегать по лужам босиком, не опасаясь недовольства строгой матушки. Виалин... Эрхольд улыбнулся, вспомнив, как впервые увидел ее — маленький сморщенный комочек плоти со смешным носиком-кнопкой. Кажется, тогда они с матушкой едва ли не впервые улыбнулись друг другу, когда семилетний Эрх стоял возле колыбели и во все глаза смотрел на забавное чудо, сопевшее в кружевных пеленах.

«Это твоя сестрица, сын».

«Виалин...»

«Виалин? Ты дал ей имя? Что ж, пусть будет Виалин. Крошка Ви».

«Крошка Ви...»

Он дал ей это имя, вспомнив сказку, которую ему рассказывал папа. Сказка про крошечный народ, королеву которого звали Виалин. Матушка потрепала сына по волосам, даже поцеловала в макушку и выпроводила из своих покоев, сказав, что сестрице нужно спать. С того дня Виалин заняла в его жизни почти главенствующее место. Он всегда любил сестру, с первого дня ее рождения. Разумеется, как сестру. Тогда маленький Эрх еще не подозревал, что любовь может быть иной. Злой, испепеляющей, изматывающей, но желанной и всепоглощающей.

Виалин росла рядом с ним, бегала хвостиком, смешно коверкая его имя. Они вместе прятались от учителя Эрхольда. Поднимались на самый верх, где хранилась рухлядь. Там, на чердаке, среди больших пыльных сундуков, Эрх и Виа дурачились, играя, кажется, во все на

свете. То маленький лорд вел корабль к Золотому острову, и его сестрица, напялив на голову старый берет с истлевшим пером, кричала:

— Остлов, мой лолд! Золотой остлов будет нашим!

Берет сползал ей на один глаз, и мордашка девчонки становилась до невозможности забавной. Малышка закусывала губу, усердно сопела, размахивая палкой вместо меча. Однажды она задела брата, сильно махнув и разбив ему бровь. Виалин разрыдалась так горько, что Эрхольд забыл о крови, стекавшей по щеке, и долго уговаривал сестрицу, что ему совсем, ну совсем-совсем не больно.

— У тебя не руки, а каша, Ви, — смеялся маленький лорд, — ты даже комара не убьешь, не то что меня.

— Комола убью, — не согласилась девочка, шмыгнув носом, и снова зарыдала: — Плости-и-и!

Эрхольд усадил сестру себе на колени, она крепко стиснула его шею и спрятала на мальчишеском плече личико. Ви судорожно всхлипывала, успокаиваясь, и тельце ее вздрагивало от каждого нового всхлипа, а Эрх гладил ее по чудесным черным волосам и улыбался от щемящей нежности, затопившей душу. Ее невозможно было не любить, невозможно не умиляться. Крохотная, доверчивая, любящая всем своим маленьким сердечком.

Сколько раз она заступалась за брата? Ругалась с матушкой, топала ногами и кричала, что непременно сбежит из дома, если леди Дархэйм будет сердиться на «Эйха». Даже крохой Виалин всегда выбирала его. Ее любили все, потакали, баловали. Матушка была с дочерью ласковой всегда. Она дарила ей то, чем не спешила делиться со старшим ребенком — материнскую любовь. Виалин это злило. Девочка, нежная, как цветы, росшие вокруг замка, становилась колючей и хмурой, когда видела несправедливость. А то, что матушка слишком строга с сыном, ее дочь считала несправедливостью. И если брата отчитывали, девчонка неизменно стояла рядом с ним, крепко держа за руку. И наказание делила с ним поровну. Если же ее отдирали от Эрха, то Виалин замыкалась в себе, не желая ни с кем разговаривать, отказывалась есть и покидать свои покои, пока не слышала недовольного голоса матушки:

— Ви, ты можешь поиграть с братом.

В это мгновение все менялось. Девочка висла на шее матери, покрывая ее лицо поцелуями, и неслась к комнатам Эрха, крича, что голодна, как дракон. Наученные опытом, следом бежала челядь с подносами с едой. Их расставляли перед братом и сестрой, и Виа начинала трещать, долго не умолкая, как соскучилась, как переживала за братца, как ждала, когда матушка позволит им снова свидеться. А юный лорд слушал ее и улыбался, радуясь просто тому, что сестра снова рядом. Он тоже скучал без нее. Даже Дорб Шагерд — соседский мальчишка, тогда появившийся в жизни Эрха, не доставлял ему столько радости, сколько младшая сестрица.

— Я никогда не предам тебя, братец, — говорила она, став старше.

И он верил. Знал, что не лжет, что это не пустые слова. Виалин была верной спутницей лорда Дархэйма, его наперсницей, хранительницей тайн, единственной, кому он поверял ВСЁ. Первым открыл ей дверь в мир мертвых, первым объяснил, как пользоваться Силой, когда она проснулась в сестре. Ви, увидев потусторонний мир и узнав, откуда можно черпать Силу, разревелась, обозвав себя чудовищем. Эрхольд тогда долго просидел с ней на их любимой лесной поляне, объясняя, что сущность не изменить, и от дара отказаться

невозможно.

Виалин успокоилась, узнав, что Виллианы восполняют свой резерв в мире мертвых, собирая жизненную силу недавно умерших душ. Когда душа покидает тело, она еще полна жизни, и теряет ее постепенно. Однако от слов брата:

— Ви, милая, нам с тобой повезло! Нам не нужно кормиться от духов, мы можем черпать Силу среди живых. И чем больше возьмешь, тем сильнее будешь.

— Эрх! — воскликнула Виалин. — Но ведь это означает — убить!

— Не обязательно, — чуть растягивая слова, ответил молодой лорд. Сообразив, что его нежная впечатлительная сестрица не готова принять подобных откровений, он продолжил более осторожно: — Ты можешь черпать жизненную силу, не выпивая человека досуха. Просто собрать то, что само выплескивается наружу, когда люди испытывают сильные чувства: радость, горе, счастье. Влюбленные особо приятны... на вкус, они переполнены чувствами, и их жизненная сила бурлит, подобно кипящей воде. Чем человек моложе, тем насыщенней живительные соки, которые мы можем собрать.

— И губить человека не обязательно? — с надеждой спросила Виалин, широко распахнув глаза.

— Не обязательно, — рассмеялся Эрхольд, довольный тем, что сестра снова улыбнулась.

О том, что человеческая жизнь делает их почти всесильными, молодой лорд промолчал. Виалин бы это напугало, и она непременно не отстала от брата, пока он не дал бы ей клятвенного обещания никогда не забирать все под чистую. Но главное, он бы сдержал клятву, потому что не хотел лгать ей. Однако тогда опрометчивые слова лишили бы Дархэйма могущества, а Эрхольд уже тогда ценил то, что получил благодаря родству с Виллианом. Тем более, узнав о том, кто он, и где находится источник его магии, юный лорд ощутил себя единственным гостем за пиршественным столом, уставленным всевозможными яствами.

Да, в отличие от своего отца из другого мира, детям Дархэймов действительно повезло. Они жили посреди источника и могли бы стать сильнейшими даже среди Виллианов, если бы решили попасть в их мир. Но Ви о подобном думать не желала, наслаждаясь существованием в их родном мире, а Эрхольд понимал, что станет там одним из многих. Более того, он был полукровкой, а нечистую кровь никто не любит. Нет, его тоже устраивал мир людей, но...

Но тут их с Виалин Сила делала молодых Дархэймов изгоями. Силу Бездны боялись даже темные маги, сами не брезговавшие кровавыми ритуалами и некромантией. Родня лорда Дархэйма-старшего не знала о том, что он призвал тварь из Бездны. Это осталось семейной тайной. И после, когда умер супруг, леди Дархэйм продолжала хранить их секрет, говоря, что у Эрха темный дар, но слабый, как и у нее. Род ее покойного мужа остался известиями доволен. Слабый маг не мог соперничать за звание главы рода. К их ветви относились со снисходительной доброжелательностью, и это устраивало, что Эрха, что его мать, а после и сестру.

Благодаря обману леди Дархэйм, в их замок нечасто приезжали гости. Следить за будущим соперником нужды не было, за отсутствием соперника, заискивать, тоже. Как не было нужды устранять, если бы Эрхольд обещал стать могущественным магом. Но молодой лорд не блистал талантами в темной магии, не рвался к власти, да и из своей глуши не спешил выбираться. Дархэймов приглашали на семейные празднества, принимали их редкие

приглашения. А если вдовствующая леди со своими отпрысками не появлялась или отказывалась от приглашения, никто не обижался.

Когда Эрхольд достиг брачного возраста, приглашения от тех ветвей, где имелись дочери, участились. Но молодой лорд легко отказывался от них, а если и посещал дальних и не очень родственников, то особо не церемонился и быстро разрушал матримониальные устремления. Он не видел супруги среди тех, кого ему прочили. Однако внешность лорда Дархэйма была столь привлекательна, что сила дара, как и богатство их ветви для многих любящих родителей, чьи дочери теряли головы при взгляде на холодную красоту Эрхольда, преградой не были. Приглашений становилось все больше, гости стали наезжать все чаще, а к родственникам добавились соседи. Все же знатность Дархэймов не оставляла сомнений. Закончилась история с попыткой женить Эрхольда громким скандалом.

Соседей лорд Дархэйм отвалил быстро. С родственниками вышло грубо и зло. На новые письма, Эрхольд отвечал прямо, что юная леди его не прельщает, ни своими прелестями, ни посулами богатого приданного, ни прочими достоинствами. И если «дорогие сородичи» думают, что их ветвь Дархэймов нищенствует, то он готов купить земли того, кто ему еще хоть раз заикнется о деньгах, а хозяев земли возьмет к себе в услужение. Кое-кто из оскорбленных лордов явился с требованием извинений. Больше их никто не видел. Сам Эрхольд отвечал, что отправил пропавших восвояси, и куда они исчезли не ведает. Попытки добиться правды ничего не дали, и от молодого лорда отстали.

Почему он так упорно отказывался жениться на тех девушках, что ему так щедро предлагали? По двум причинам. Во-первых, черная Сила. Невозможно скрывать то, чем живешь, до самой смерти. Если, конечно, тот, кто узнает о даре Бездны, не умрет раньше. Жениться, чтобы, в конце концов, убить свою супругу, Эрхольд желанием не горел. Впрочем, можно было дотянуть до рождения наследника, а после избавиться от угрозы, но в таком случае Дархэйм не мог поручиться, что его сын или дочь унаследует его дар. Да и как проявится черная Сила после очередного смешения кровей, тоже предсказать было невозможно. Нет, если и жениться, то на той, кто способен родить ребенка с даром равной силой, или же превосходящим его собственный.

И вот тут появлялось — во-вторых. Уже придя к известному выводу о качествах своей супруги, молодой лорд Дархэйм спросил у матери, бывали ли еще случаи, когда призыв Виллиана имел положительные последствия.

— Никогда не интересовалась подобным сумасбродством, — отмахнулась матушка. — Ищи в записях отца.

Эрхольд принял ответ леди Дархэйм и засел в архиве своего рода, где хранились дневники его человеческого отца. Покойный лорд Дархэйм многие годы занимался тем, что разыскивал упоминание об удачных случаях призыва, искал подтверждение того, что Виллианы способны увеличить силу родового дара. Однако все, что он сумел узнать, было неутешительным. Мало того, что на призыв решались единицы, так еще и последствия ритуалы бывали крайне печальны. Отцу Эрха удалось узнать, что в трех случаях из двенадцати более известных, носитель иномирца умер еще до того, как Виллиан покинул его тело, выпив жизненную силу мага. В двух случаях женщина не смогла выносить дитя, оно убило собственную мать, еще находясь в утробе, еще в трех случаях зачатия не произошло вовсе, и Виллиан просто позабавился с человеческой женщиной, а в последних четырех попытках дети родились, унаследовав дар матери, если таковой у нее имелся. Один из четырех родился вовсе без дара, так как его матерью была не одаренная.

Темный маг оказался в тупике. Умирать он не хотел, еще меньше хотел, чтобы умерла его супруга. Позволить Виллиану позабавиться с леди Дархэйм оказалось так же не допустимо. Если лорд Дархэйм и готов был позволить твари из Бездны обладать своей женой, то лишь с учетом рождения наследника. Если ребенок будет обладать слабым темным даром, тоже неплохо, хотя и досадно. Силу Бездны отец Эрха не рассматривал вовсе, ей не было места в мире людей. Обдумав все, темный маг засел за древние свитки, опыты своих современников, стараясь усовершенствовать тайный ритуал. Он работал над ним ни один год, не спеша обзаводиться женой. И лишь когда появилась надежда, лорд Дархэйм выбрал в супруги троюродную кузину. Это было необходимо. Родственная кровь стала одним из главных составляющих его формулы. Якорь — который должен был не только удержат его в мире живых, но и дать временное могущество, чтобы Виллиан не занял главенствующее место в его теле, но остался только спутником, усиливающим семья темного мага.

Эрхольд долго разбирал формулу отца, искал, где же тот допустил ошибку, раз Тахрад подавил человеческую душу, и отцу хватило силы только на то, чтобы изгнать его из своего тела, когда соитие было окончено, не дав задержаться ни одного лишнего мгновения. Но единственное, что увидел молодой лорд — это изначальную безрассудность отца и полное отсутствие знание о том, с кем он собирался связаться. Покойный лорд Дархэйм был не самым сильным магом, но он прекрасно уживался со своим даром, и мог бы дожить до глубокой старости, если бы позволил своим детям родиться такими же, как он, не затеяв опасных экспериментов. Впрочем, это бы немало облегчило жизнь им с Виалин.

Но свершилось, и на свет появились не потомки лорда Дархэйма с более сильным даром, а дети Тахрада — пришельца из иного мира. И выходило, что они были единственными, кто родился, выжил и сумел овладеть своим даром. Изгой, враги мира, в котором появились на свет. Это ли стало толчком тому, что брат увидел в сестре женщину, способную выносить и родить ему детей? Пожалуй, нет. Скорей, эти соображения закрепили уверенность в том, кем Эрхольд хотел видеть Виалин. Впрочем, они могли стать и оправданием, за которым он спрятался, перестав бороться со своей тягой к Ви.

Да, он боролся с собой. Осознание того, что однажды, глядя на сестру, он испытал почти непреодолимое желание поцеловать ее не в щеку, как обычно, а в губы, стало подобно гибели целого мироздания, его мироздания. Уютный мир, в котором так спокойно жилось много лет, вдруг рухнул, увлекая Эрхольда за собой в Бездну. Он смотрел на пятнадцатилетнюю Виалин и думал о том, каковы ее губы на вкус. И эта мысль перепугала молодого лорда, вынудив впервые покинуть замок надолго. Тогда же всколыхнулась его необузданная ярость.

Дархэйм понимал противоестественность собственных помыслов, отчаянно злился на себя, выпустив на волю скопленную Силу. Его первый «смерч» оказался мал и слаб, продержавшись совсем недолго и полностью опустошив Эрха. Однако и тут дар Тахрада имел выгодное отличие от магии человеческого мира. Если маги, выплеснув Силу до капли, оказывались на грани не только магического истощения, но ослабевали и телесно, то Виллианы, растратив запас Силы, оставались на ногах, не теряя сознания, не требуя присутствия целителя. И восполнить резерв для Дархэйма было проще простого. Его накопители жили с ним бок о бок, разговаривали, улыбались. Достаточно было просто подойти...

Тогда он впервые выпил человека до суха. Несмотря на то, что Эрхольд знал, сколько могущества дает поглощенная человеческая душа, он еще ни разу до того мгновения не

убивал. А в тот день, пылая от злости на самого себя, и выплеснув в воздух Силу, Дархэйм убил крестьянина, оказавшегося не в том месте и не в то время. Черный лорд выпил его без сожалений, не задумываясь, что сказала бы Виалин. Он просто не смог остановиться, пока в его руках не оказался труп. Опьянение бурлившей Силой было велико, и, слабо соображая, то он делает, Эрхольд вошел в деревню, принадлежавшую соседям. Наутро три двора опустели. В домах остались мертвецы, и только собаки страшно выли в своих будках. Такого могущества Дархэйм еще не ощущал никогда. За то время, что он не появлялся в замке, Эрх успел оставить за собой след, смердевший смертью.

За то время, пока он бегал от самого себя, родился нынешний Эрхольд. От прежней ранимости не осталось и следа. Вкус к могуществу толкал к открытиям новых граней своего дара. Черный лорд стал тверже, стал упрямей, въедливей, жестче и циничней. Смерть уничтожает мягкость и трепетность, еще теплившиеся в душе молодого человека. Познав ее вкус, сложно остаться тем юношей, который любил лежать в душистой траве, следя за полетом бабочек. Эрхольду стало на многое плевать. Но когда вернулся в замок, Виалин накинулась на него. Ее кулачки били брата по груди, по плечам. Разъяренная девушка кричала, обвиняя его брата в том, что он ушел и бросил ее. Она еще никогда так долго не оставалась без него. Вопреки ожидаемому недовольству, Эрхольд рассмеялся и прижал к себе сестру.

— Глупая, разве я могу бросить тебя? Ты же моя, — прошептал он, уткнувшись ей в волосы.

Ви затихла, только всхлипывала на его груди, жалуясь на тоску по своему брату. Пожалуй, ему даже стало стыдно за то, что отсутствовал дольше, чем намеревался... больше ни за что. Только встревожился, осознав, что Виалин может догадаться, кто стал причиной загадочных смертей в их округе. Не догадалась. Это было бы слишком большим потрясением для нее и крахом веры в своего обожаемого братца. Единственная, кто отнесся к его возвращению настороженно — это матушка. Она смотрела на сына с подозрением, но спросить о том, где он был и что делал, не решилась. К тому времени Эрхольд уже отбил у матери желание к надзору.

С тех пор он стал чаще исчезать из замка, не забывая предупредить Виалин. Выслушивал ее ворчание, получал свое благословение и поцелуй в щеку, и сбегал от искушения. В своих странствиях Эрхольд пытался забыть о Виа. Искал утешение в объятьях разных женщин: от гордых леди, до крестьянок — но получал лишь кратковременное удовлетворение, храня в душе нежный образ черноглазой девушки, по жестокому капризу Судьбы являвшейся его родной сестрой. Впрочем, не только противоестественная тяга к родной сестре гнала молодого лорда в дорогу. Он начал собирать сведения о том, что произошло на самом деле во время вторжения Виллианов.

Его второй отец — пришелец из другого мира — Тахрад был вне себя от счастья, когда Эрх сказал, что готов ему помочь войти в его мир. О, да, Тахрад был счастлив.

— Рогатый шут, — усмехнулся Дархэйм, смахивая с лица дождевую воду. Он развернулся и, наконец, направился к замку, продолжая вспоминать.

Тахрад объявился, когда Эрху было шесть лет. Он сумел прорваться в тело старшего лорда Дархэйма, не готового к вторжению. Дождлся, когда человеческий отец будет наиболее уязвим, и занял его тело. В этот раз Виллиан пришел не ради одной ночи, он пришел не обладать, а завоевывать человеческую женщину, которую не смог забыть. Чем его тронула мать, Эрхольд не смог понять. Но Тахрад провел рядом с ними несколько месяцев.

Сначала кружил вокруг леди Дархэйм, очаровывал, завоевывал, добивался ее доверия, кажется, даже просил прощения. И снова взошел с ней ложе, когда женщина сама позволила ему прикоснуться к ней. Плодом их новой связи стало рождение Виалин, которую леди Дархэйм воспитывала в любви, отчего-то не переживая, что в ней может проснуться чудовище. Эрх даже завидовал Ви, однако любил гораздо больше, и ее ответная любовь с лихвой искупала холодность матери.

К тому же в то время в его жизнь вошел Тахрад, оставшийся единственным из отцов. Когда Виллиан покинул тело темного мага, тот был похож на древнего старика. Впрочем, он и стал таким. Пришелец пил его бережно, чтобы растянуть время своего пребывания в чужом мире, и ушел, когда человек не мог больше выдерживать его. Лорд Дархэйм одряхлел на глазах, а на следующее утро умер. Но оплакивал его только маленький мальчик. Эрх рыдал навзрыд, еще не точно не зная, но в душе понимая, кто забрал у него на тот момент единственного любящего родителя.

Еще будучи в теле темного мага, Виллиан открыл сыну, кто он, рассказав, как прийти на зов отца, когда он услышит его. И Эрх пришел. Когда проснулась его Сила, он сумел открыть дверь в мир мертвых, следуя за зовом, и нашел Тахрада. Увидел его в обличье беловолосого мужчины со стальными глазами. Оказалось, что Виллианы похожи на людей, только умеют принимать жуткое обличье, его Тахрад назвал боевой формой.

— Не знаю, сможешь ли ты когда-нибудь получить крылья, Эрхольд, — однажды сказал ему отец. — Но если хочешь взлететь, тебе придется забирать чужие жизни, чтобы хватило Силы для смены формы. Пока трансформация тебе не доступна.

«Трансформация» — Эрхольд потом долго смаковал это новое слово из чужого мира. В мире людей так не говорили. Дархэйм многое узнал от своего второго отца. И о том, как Виллианам удалось разорвать ткань миров в погоне за живыми источниками Силы, и о том, что место прорыва никуда не делось. И даже то, что у «врат» есть хранители, с обеих сторон. Виллианы так же охраняли их со своей стороны, как кто-то из человеческих родов охранял в мире людей. Тахрад знал не так много, и не мог точно объяснить, почему его сородичи не допускают возможности повторного прорыва туда, где на воле гуляет «пища». Он даже не знал, где находятся врата, но искал их. И просил сына тоже искать со своей стороны, чтобы помочь своему отцу соединиться с его семьей. Именно так Виллиан называл вдову Дархэйм и ее детей. Тахрад был одержим идеей прорваться в мир людей все то, время, сколько Эрхольд знал его. И он даже обещал отцу помощь, но...

Лорд Дархэйм быстро понял, что нужен отцу только, как ключ запертым вратам. Это было самым великим разочарованием юного Эрхольда. Обнаружить, что тому, кто дал тебе жизнь, ты нужен только как способ прорваться к вожаденной женщине, было горько. Тахрад учил сына, но больше тому, что ему могло понадобиться для поиска и открытия врат. Много спрашивал о матери, но мало интересовался сыном. Понукал, подталкивал, пытался угрожать. И это стало точкой, после которой Эрхольд перестал доверять отцу. А окончательно поняв, что причиной смерти темного мага стал Виллиан, черный лорд его возненавидел.

Юноша какое-то время не входил в мир мертвых, не откликался на зов Тахрада, решив вычеркнуть его из их жизни раз и навсегда. Но однажды все-таки пришел. Только теперь он брал и то, что считал нужным. Теперь Виллиан рассказывал о своем мире, рассказывал о Силе, о трансформации. Сын быстро научился водить отца за нос. Он обнадеживал, врал, что ищет вход во врата в мире людей, а взамен получал необходимые ему сведения.

И все же он начал искать. В те дни, когда Эрхольд обнаружил, что любит сестру намного сильнее, чем следовало бы брату, он решил, что все дело в том, что у него нет выбора. И тогда Дархэйм подумал, что в мире Виллианов он смог бы найти себе настоящую пару. Просто поменяться с отцом местами. Пусть он забирает мать, а взамен даст ему целый мир. О Виалин молодой лорд старался тогда не думать, он бежал от нее и своей страсти. И, наверное, найди врата тогда и истинного потомка первого хранителя, Эрхольд так бы и сделал, но до того, как он появился на скале, куда прилетали драконоправы на летунах во время Игр еще было далеко. И лорд Дархэйм изменил свои намерения.

Все изменилось, когда Виалин исполнилось семнадцать, и род Дархэймов решил, что девушке пора выходить замуж. Единственный мужчина в своей ветви — Эрхольд Дархэйм в это время находился вне собственных земель, и, вернувшись, узнал, что родственники решили устроить состязание за руку Виалин. Подобное практиковалось, и турниры порой устраивали, если несколько мужчин претендовали на руку одной женщины. Спорный вопрос решался силой, и девица имела возможность оценить будущего мужа не на праздных словах, а увидев, на что он способен.

Виалин была растеряна, леди Дархэйм молчала, но было заметно, что матушка тревожится, не зная, как относится к предстоящему турниру. С одной стороны Ви достигла брачного возраста и замужество было предсказуемым, но с другой — юная леди Дархэйм оставалась носителем черной Силы, и будущий супруг мог однажды понять, что темная магия вовсе не обладает родовым даром, а то, что ей подвластно — преступно. Впрочем, была и другая, менее весомая, причина. Расставаться с Виалин никому не хотелось. «Наше солнышко» — вот кем стала девушка для родных и челяди.

Добродушная, открытая, приветливая, она редко злилась, еще реже перечила. Виалин в этом не было надобности, ее желания исполнять было легко, получая в награду светлую улыбку. Даже мрачноватый и суровый, с некоторых пор, молодой господин оттаивал рядом с ней, начинал больше улыбаться, не пугая прислугу пронзительным взглядом. Единственное, чего не могли понять обитатели замка — это любовь юной леди к диким и кровожадным тварям.

С недавних пор возле замка поселились щенки каяра, чья мать погибла, оставив трех серых несмышленишек. Виалин нашла их в овраге, еще слепых, ползающих вокруг мертвой матери. Каяры были голодны и их гибель была вопросом времени. Девушка подобрала щенков и принесла в замок. Здесь выхаживала, словно родная мать, не позволяя избавиться от опасных хищников. А когда щенки окрепли и поднялись на лапы, она вынесла их за пределы замка, объявив неприкосновенными.

Соорудив зверям логово, Виалин продолжала ухаживать за ними, и твари прониклись к ней такой любовью, что стали верными спутниками и телохранителями, не подпуская к юной леди даже тех, кто знал ее. Каяры скалились, рычали, но стоило Ви топнуть ногой и сказать:

— Довольно! — как серые хищники отступали, но продолжали буравить враждебным взглядом красных, как тлеющие угли, глаз любого, кого Виалин подпускала к себе.

Впрочем, жителей замка Дархэймов каяры не трогали, и даже охраняли стены замка по ночам, кружа тремя страшными тенями во тьме. Стражи даже прониклись к зверям уважением, иногда разговаривая с ними со стен, но подойти близко так никто и не решился. И единственного, кого опасались каяры, был молодой лорд Дархэйм. На него они продолжали порывивать, несмотря на недовольство своей хозяйки.

А когда Эрхольд узнал о турнире, спрятались даже каяры. Он перепугал всех своим необузданным бешенством. Дорберт Шагерд, прибывший вместе с другом, тихо сидел на излюбленном кресле, опасаясь напомнить о совете присутствия. Леди Дархэйм скрылась в своих покоях, сказавшись больной. Кажется, дверь она подперла чем-то тяжелым. Челядь вовсе попряталась, впервые ощутив опасность, исходившую от молодого лорда в полной мере. И только Виалин бросилась брату на шею, когда черная Сила вырвалась наружу и закружилась яростным вихрем, сметая все, что попадалось на ее пути.

— Эрх, хватит! — кричала Ви, пытаясь пробиться сквозь пелену его слепой ярости. — Ты погубишь всех нас! Прекрати!

И когда он опустил взгляд на сестру, девушка отшатнулась, испуганная тьмой, заполнившей серые глаза Эрхольда. Она пятилась до тех пор, пока не споткнулась и не полетела на руки Дорбу. Увидев, как чужие мужские ладони сомкнулись на талии Виалин, поддерживая ее, молодой Дархэйм вдруг успокоился. Черный вихрь распался туманом, закрутился в жгуты, и они метнулись к креслу, на котором застыл приятель Эрха. Бережно оплеля девушку, «змеи» сняли ее с колен темного лорда. Дархэйм одарил друга тяжелым взглядом и подошел к сестре.

— Ты хочешь замуж? — спокойно спросил Эрхольд.

— Нет! — воскликнул Виалин. — Я не хочу замуж... так. Я должна любить своего будущего супруга, а не достаться наградой победителю турнира.

— Не достанешься, — удовлетворенно кивнул ее брат.

Шагерд поерзал в кресле и кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Эрх, но по закону королевства, отказать победителю ты уже не сможешь, — напомнил он. — Если хочешь... я мог бы сразиться за Ви. И если выиграю, то...

— Если выиграешь, — с нажимом повторил Дархэйм. — Мы не можем полагаться на случайность. Я сам приму участие в турнире.

— Но ты ее родной брат! — Дорб с изумлением смотрел на друга.

— Плевать, — отмахнулся Эрхольд. — В таких турнирах принимают участие все желающие. Я мужчина ее рода, и я должен был дать согласие на подобный турнир. Меня не стали ждать, и я приму участие в состязании. Пора нашим родственникам понять, что и наша ветвь не пустое место.

— А брату нельзя жениться на родной сестре, — захлопала в ладоши Ви. — И если ты победишь, то меня уже никто не будет принуждать к замужеству!

— Точно, — процедил сквозь зубы Дархэйм. — Ты права, милая.

Виалин с радостным визгом бросилась к брату, повисла на его шее и с чувством расцеловала лицо, воскликнув:

— Как же сильно я люблю тебя, братец!

— И я тебя, Ви, — ответил он, добавив едва слышно: — одну тебя.

Это был скандал. Еще один скандал в роду Дархэймов, и снова в его центре стоял Эрхольд. Турнир начался привычно, оглашены были имена поединщиков и награда победителю. Состязание с копьем, поединок на мечах, все, как обычно. Ничего нового и удивительного. Черный лорд лениво следил за происходящим на арене, где сражались шесть кузенов. Ви сидела рядом с братом, время от времени стискивая пальцами запястье его руки, покоившейся на подлокотнике кресла. Эрхольд отвечал едва заметной улыбкой и подносил палец к губам, призывая сестру к спокойствию.

— Терпение, душа моя, — говорил он ей, и Виалин ненадолго успокаивалась.

Но как только ристалище покидал один из бившихся на турнире лордов, как она снова начинала волноваться и смотрела на брата, а он все также оставался невозмутим, ожидая своего часа. Эрхольд знал, сестра ждала, что он выйдет на ристалище вместе со всеми, чтобы сразиться за нее, но Дархэйм остался в ложе главы рода, где поставили на них с Виалин кресла. Сидел и выжидал, словно зверь в засаде. Ему не нужны были все, только победитель. Эрх не был трусом, но не был и дураком. Коли уж Боги подарили человеку разум, то им стоило пользоваться, и молодой лорд делал это с успехом. Ему не нужны были все, он не рвался в драку. Дархэйм ждал одного-единственного.

И когда на арене остался единственный победитель, чье имя готовился прокричать герольд, Эрхольд поднялся на ноги, дав знак герольду молчать. Он поманил к себе глашатая и шепнул ему на ухо. Герольд охнул, но выкрикнул:

— Лорд Эрхольд Дархэйм желает сразиться с лордом Шемасом Дархэймом! — после перевел взгляд на Эрха, и тот кивнул. Герольд закончил: — Во славу леди Виалин Дархэйм!

Хмурое личико Ви порозовело. Она широко улыбнулась и поспешила к резным перилам ложи. Глава рода подошел следом, вопросительно глядя на Эрхольда, но он, прихватив меч из рук оруженосца, легко сбежал по деревянным ступеням вниз. Обвел взглядом тех, кто сидел на трибуне, усмехнулся и вытащил меч из ножен, указав его острием на троюродного кузена Шемаса. После склонился в шутовском поклоне и отбросил в сторону ножны.

— Эрхольд, покинь арену, — потребовал глава рода. — Жених для юной леди определен. Он славно прошел все испытания и заслужил сердце Виалин.

— Мое сердце принадлежит моему господину и брату, — ответила Ви. — Только он вправе распоряжаться им.

— Я в своем праве, — ответил Эрхольд, подмигнув сестре, пославшей ему воздушный поцелуй. — Моего согласия на брак Виалин вы не получали, и на этот турнир тоже.

— Твоя матушка...

— Хвала Огненным, я уже вышел из того возраста, когда решения за меня принимала матушка, — с насмешкой ответил молодой лорд. — Я — глава нашей ветви рода Дархэйм, и только у меня должны были спрашивать согласие. Но раз об этом забыли, когда известили вдовствующую леди Дархэйм о намерениях в отношении моей сестры, нарушив всякие законы, то и я нарушаю их. Шемас сразиться со мной, и если сможет вырвать победу, то Виалин будет принадлежать ему. Но если победа будет моей, никто больше не сунется к нам, потому что право на юную леди получу я.

— Но ты родной брат Виалин, — изумился Шемас.

— Обе леди Дархэйм — мои женщины, и только я распоряжаюсь их жизнью, их судьбой и их честью, — отчеканил Эрхольд. — И лучше тебе добыть свой меч из ножен, Шем, иначе моя победа станет не столь славной.

— Убьешь безоружного? — приподнял брови кузен.

— Я же тот, чьего мнения не спрашивают, — осклабился черный лорд, — стало быть, мне простителен и бесславный удар мечом, если он принесет мне победу. Хочешь мою сестру, подними меч, или признай поражение.

Звякнула сталь вытаскиваемого клинка, и Эрхольд удовлетворенно кивнул. Глава рода что-то проворчал себе под нос о своеволии наглого мальчишки и вернулся на свое место. Виалин осталась стоять, вцепившись в перила до побелевших костяшек. Она смотрела на брата, вскрикивая от каждого пропущенного удара. Молчаливая и хмурившаяся весь турнир, сейчас девушка была сердцем на арене, рядом с единственным и горячо любимым братом. И

он это знал, чувствовал. Сердце Эрхольда пело от того, что они вновь едины против Шемаса, против всего рода, против всего света, желавшего их разлучить.

Ради нее он готов был умереть, не задумываясь и ни о чем не сожалея. Однако ради нее же должен был жить, выиграть схватку и отправить восвояси всех тех, кто угрожал их мирному сосуществованию. Эрхольд должен был защитить сестру от посягательств тех, кому она не была предназначена, потому что... потому что она принадлежала ему. Только ему и никому другому! Их соединила сама Бездна, когда позволила появиться на свет.

И Эрхольд дрался за право забрать себе женщину, чья жизнь была крепко переплетена с его жизнью. Он не отбивался от жениха, он бился с соперником. Не ограждал сестру от желаний Шемаса, Эрхольд забирал ее себе. И за свою любовь он готов был вгрызаться зубами живую плоть, рвать голыми руками, рыча, как зверь. Но в руках его был меч, и Дархэйм показал все свое искусство, все, на что способен. Он играл с кузеном, как кошка с мышью, позволяя нанести себе несколько ран, и наслаждался вскриками Виалин, упивался ее тревогой и волнением. А когда в глазах Шемаса зажглось торжество победы, Эрхольд перестал играть.

Он наступал, теснил кузена, наблюдая, как ликование покидает глаза Шемаса. Желанная добыча ускользала из его рук. Кузен не желал мириться, он огрызался, но сил уже не хватало, он успел пройти несколько схваток. Это Эрхольд тоже просчитал и теперь с легкостью довил добычу, вымотанную предыдущими поединками и его игрой в поддавки. И когда Шемас оказался прижат к трибуне главы рода, он произнес, задыхаясь:

— Эрх, я признаю твою победу и буду просить ее руки у тебя.

— Сестра моя, — в горячке воскликнул Дархэйм.

— Ты ее брат! — ответил Шемас.

Острые меча Эрхольда ткнулось ему в грудь, и кузен опустил меч, повторив:

— Сдаюсь.

Меч вошел в его грудь с такой силой, что темный маг, даже мертвый, продолжал стоять, припиленный к доскам трибуны с ложей. Крики стихли, и над ристалищем разлилась вязкая тишина, нарушаемая хриплым дыханием молодого лорда Дархэйм. Он шумно выдохнул и отступил на шаг от кузена, поднял голову и задохнулся, когда увидел белое лицо Виалин, на котором сейчас выделялись огромные черные глаза. Только восхищения и благодарности в них не было. Ужас заполнил глаза сестры, и посеревшие губы прошептали одно короткое слово-вопрос:

— Зачем?

На подобных состязаниях никогда не дрались до смерти. Проигравший покидал арену на своих ногах. Он мог получить раны, мог получить даже увечья, если схватка становилась жаркой, и поединщики забывались, но никто не доводил драку до смерти.

— Эрхольд! — гневный голос главы рода прокатился над ристалищем. — Как ты посмел...

- Отныне наша ветвь покидает родовое древо, — хрипло ответил Эрхольд. — Мы больше не подвластны совету рода. Только я буду решать, как нам жить.

— Ты не смеешь! — прогремел глава, но взбунтовавшийся лорд уже стремительно поднимался по ступеням ложи.

Он взял сестру за руку, стиснув тонкое запястье, перед ними за клубилась черная Сила, и сын Виллана втянул в свой переход Виалин, уводя ее в замок. Эрхольд больше никогда не позволял иным Дархэймам пересекать границы своих земель, и не появлялся на их землях

сам. А еще чуть погодя ему и вовсе стало плевать род, совет, ждавшего в мире мертвых Тахрада и на весь мир, потому что... Потому что его привычная жизнь начала рушиться.

Леди Дархэйм, увидев своих детей, крайне изумилась, она не ждала их раньше следующего вечера, на турнир брат с сестрой отправились на лошадях. Матушка изумленно взирала на брата и сестру, чьи лица в своей мрачной непроницаемости могли поспорить с ликами статуй в склепе.

— Вы вернулись с половины дороги? — спросила она.

— Эрх открыл переход, — тускло ответила Виалин. — Турнир завершился.

Старшая леди Дархэйм переводила встревоженный взгляд с сына на дочь.

— Ты не мог проиграть, — наконец, произнесла матушка. — Эрх, ты же сильный!

— Рад, что вы верили в меня, — усмехнулся Эрхольд. — Я не проиграл. Ви остается с нами.

— Но ты открыл переход, и они увидели...

— Матушка, кто в нашем мире может в точности сказать, что такое черная Сила Виллианов? — отмахнулся лорд Дархэйм. — Я всего лишь увел сестру с ристалища, больше ничего. Вряд ли кто-то кроме главы и его челяди видел, каков мой портал.

— Их взгляды были прикованы к Шемасу, — голос Виалин прозвучал надтреснуто. — Нашим сородичам было не до нас с братом.

— А что случилось с Шемасом? — взгляд серых глаз старшей леди Дархэйм обратился вновь на сына.

Эрхольд криво усмехнулся:

— Он случайно... умер.

— Ты не должен был! — вдруг вскрикнула Виалин.

— У меня не было выхода, Ви, — Эрх хотел подойти к сестре, но она увернулась от протянутых рук. — Он не желал сдаваться.

Глаза Виалин сверкнули яростью, и она стремительно покинула гостиную, куда недавно вошла вместе с братом.

— Ви!

Однако девушка не пожелала слушать, она бежала прочь, и Эрхольд бросился следом, оставив матушку в одиночестве. Что думала она, лорду было безразлично, но сестра... Он догнал Виалин, когда девушка уже добежала до своих покоев.

— Ви, стой! — воскликнул Эрх. — Остановись!

— Я хочу побыть одна, — отозвалась она и скрылась за дверями.

Эрхольд услышал, как повернулся в замке ключ, поджал губы и снова призвал Силу. Лорд вошел в клубившуюся тьму, а вышел в покоях сестры. Виалин стояла у окна, обняв себя за плечи. Услышав его шаги, девушка порывисто обернулась, и Дархэйм увидел слезы, катившиеся по щекам.

— Я просила дать мне побыть одной, — Виалин опять отвернулась.

Голос ее был сухим и тусклым. Эрхольд остановился за спиной сестры и некоторое время не решался притронуться к ней. Наконец, обнял за плечи и притянул к себе.

— Виа...

— Не трогай меня! — ее крик оглушил Дархэйма, неожиданно причинив боль.

Девушка вывернулась и отбежала в сторону.

— Виалин, милая...

— Ты не должен был его убивать, Эрх, не должен! — она снова кричала и это не

нравилось ее брату.

Эрхольд болезненно поморщился, не понимая, почему в ее голосе столько злости. Да, он убил, но ведь и Шемас мог убить его! Тогда почему Виалин трясет от едва сдерживаемой ярости? Отчего она не подпускает его к себе? Дархэйм впервые не мог понять, почему сестра выбрала не его?

— Это так ужасно, — девушка всхлипнула и закрыла лицо ладонями. — Совсем недавно он ходил, разговаривал, дышал. Не прошло и одного хора, как он улыбался, надеялся, мечтал...

— Да, мечтал заполучить тебя, — не сдержал издевки Эрхольд. — А ты мечтала избавиться от всех женихов разом. Ты избавлена от них, к чему эти слезы?

— Он был живой, Эрх! — снова закричала Виалин. — Неужели ты не понимаешь? Живой! Шемас был живой, а ты убил его!

Крик захлебнулся в рыданиях, и лорд поспешил к сестре, заключая ее в объятия. В этот раз Виалин не отпрянула. Она спрятала лицо на его груди, плечи ее вздрагивали, и до Эрхольда донеслись приглушенные слова, перемежавшиеся с всхлипами:

— Зачем ты убил его? Эрх, зачем ты убил его?

— Он не оставил мне выбора, — снова солгал Дархэйм.

Виалин замерла, тело ее напряглось, и девушка попыталась вырваться из рук брата. Он не отпустил, изо всей силы прижав сестру к себе. И тогда она ударила его, хлестко, наотмашь. Пощечина оказалась столь неожиданной, что молодой лорд на мгновение ослабил хватку. Виа вырвалась, снова отбегая от него.

— Ты лжешь, Эрхольд Дархэйм, ты мерзко лжешь, — хрипло произнесла она, глядя на него так, будто сама не верила в то, что говорит это. — Я всё слышала, брат, всё! Шем признал твою победу, он отказался от продолжения поединка. Но ты убил его. Ты убил его, Эрх! Зачем ты лжешь мне? Зачем?!

— Виалин...

Он вновь пытался ее обнять, но сестра уворачивалась, подобно змее, не позволяя прикасаться к себе. И в это мгновение между ними ломалось нечто ценное, что держалось годами — доверие. Он лгал ей, она знала это и наказывала своей яростью. Никогда еще она не злилась на брата вот так, до визгливого крика, до бешеного сопротивления, никогда не смела ударить его по лицу, а в этот день Виалин трижды обожгла щеку брата оскорбительной пощечиной, как только он дотрагивался до нее.

— Убирайся! Убирайся, чудовище! — завизжала Виалин, когда Эрхольд все-таки сумел поймать ее.

Слова, брошенные в запале обиды и злости, ударили сильнее, чем ладонь. Эрхольд вздрогнул и выпустил сестру из объятий. Он попятился, не сводя с Виалин ошеломленного взгляда. Девушка стояла, повернувшись к брату спиной, но когда он повернул ключ в замке, Виалин обернулась и испуганно позвала:

— Братец...

Дархэйм стремительно покинул ее покои, уже не слушая сестру, не останавливаясь, чтобы выдохнуть. Промчался мимо матушки, едва успевшей отпрыгнуть с дороги своего сына, выбежал из замка, и Сила окутала молодого лорда, унося прочь от замка. Он уже не слышал крика Виалин, молившей о прощении, не видел ее новых слез раскаяния в злых словах. Чудовищем Эрхольда называла матушка, когда таскала его в склеп и в обитель. Виалин знала, как брату больно это слышать, но сама назвала его этим гадким словом...

Переход вывел Эрхольда к замку Шагерда. Дорб встретил друга удивленным взором, но, заметив, как тот бледен, как желваки ходят на скулах, спрашивать ни о чем не стал. Только кивнул, стоило Дархэйму кратко произнести:

— Напьемся.

Эрхольд заговорил, когда с трудом мог держаться на ногах. Таким своего приятеля Шагерд еще не видел. К тому моменту он уже знал об истинной сути Дархэйма, но принял, рассудив, что достаточно знает Эрха, чтобы не бояться его Силы. Эрхольд был благодарен другу. Он опасался, что Добр посчитает его чудовищем, как и мать. Однако Шагерд, хоть и был оглушен словами Дархэйма, все же принял его руку и ответил крепким рукопожатием, став хранителем тайны чужого рода.

И вот Эрхольд сидел перед ним пьяный, как золотарь-забудыга, и рассказывал о турнире. Язык его не заплетался, хоть хмель и захватил разум молодого лорда. Дорб слушал и хмурился, также как и Виалин не понимая поступка своего друга, но не сказал ни слова, чтобы укорить его. А когда Эрх замолчал, Шагерд сжал плечо Дархэйма ладонью:

— Она не со зла, — сказал темный маг. — Ви — добрая душа, она была в запале. Ты убил на ее глазах...

— И еще тысячу раз убью! — воскликнул Эрхольд. — Каждого, кто посмеет возжелать ее!

— Но, дружище, Виалин уже достигла того возраста, когда девицы покидают отчий дом и выходят замуж. Однажды она встретит того, кого сможет полюбить...

— Нет! — яростный крик Дархэйма ошеломил Дорба. — Она моя! Я слишком сильно люблю ее, чтобы отдать какому-то ублюдку.

Темный маг мотнул головой, решив, что с пьяну ослышался.

— Конечно, любишь, она ведь твоя сестра, — сказал он. — Но...

Дархэйм ухватил приятеля одной руной за грудки и притянул к себе.

— Ты не понял, Дорб, — усмехнулся черный лорд. — Я люблю Виалин.

После отпустил, и Дорберт яростно потер лицо, пытаясь отогнать хмель. Он взглянул в лицо друга, но тот не рассмеялся, не хлопнул по плечу и не спешил обозвать его доверчивым дураком.

— Эрх... — потрясенно выдохнул Шагерд. — Она твоя сестра!

— Она такая же, как я. Нас двое во всем мире, и значит, наша судьба быть вместе, — Дархэйм поднялся на ноги, пошатнулся и ухватился за край стола, сбив пустой кубок. — Я убью каждого, кто посмеет встать между нами. Даже тебя, Дорб. Но ты ведь не вздумаешь сделать такой глупости... дружище?

В голосе черного лорда прозвучала издевка. Он пьяно хохотнул и посмотрел на приятеля совершенно трезвыми глазами.

— И что ты ответишь мне, Дорберт Шагерд?

— Я не сделаю такой глупости, — ровно ответил темный маг. — Если Ви примет то, что ты хочешь получить от нее.

— Она любит меня так же сильно, как я ее, — уверенно произнес Эрхольд. — Виалин примет меня.

Шагерд поджал губы и промолчал, глядя на друга новым изучающим взглядом. Но этого Дархэйм тоже не увидел, он уже исчезал в ледяной черноте своей Силы, чтобы выйти в своем замке перед дверями покоев Виалин. Он некоторое время стоял, опершись о стену, но решил и открыл дверь. Дошел до опочивальни и снова остановился, рассматривая в

приоткрытую дверь кусок кровати, на которой спала его сестра.

Должно быть, ей снилось что-то нехорошее, или Виалин долго не могла заснуть и крутилась, потому что одеяло сползло на пол, и Эрхольд увидел тонкие лодыжки сестры. Прерывисто вздохнув, лорд осторожно отворил дверь и вошел в опочивальню. Она перевернулась на спину, тонкая сорочка задралась еще выше, обнажив еще по-девичьи острые коленки. Виалин закинула руку за голову, и теперь полупрозрачная ткань обтягивала груди. Эрхольд стоял возле кровати, с жадностью рассматривая спящую девушку. Задержал взгляд на приоткрытых губах, сглотнул и опустил взгляд ниже, теперь задержавшись на темнеющих сквозь ткань сосках.

— Бездна, — хрипло выдохнул он и зажал себе рот ладонью, испугавшись, что Виалин проснется.

Лорд опустил взгляд еще ниже и рассмотрел треугольник черных волос внизу живота. Осознание того, что на девушке нет ничего, кроме тонкой сорочки, вырвало из груди молодого мужчины мучительный стон. Бездна, как же он хотел ее, хотел всю без остатка... И все, о чем Эрхольд мог думать в то мгновение — это вкус ее тела. Ему до безумия хотелось впиться в приоткрытые губы, проникнуть языком внутрь, ощутив горячую влажность ее язычка. Хотелось огладить ладонями контуры тела, целовать его, ласкать языком, слушая частое тяжелое дыхание Виалин, хотелось добиться стонов и подарить первое в ее жизни наслаждение. Но больше всего хотелось ощутить, насколько туго ее девственное лоно...

Мотнув головой, Эрхольд отшатнулся от ложа и попятился назад, спеша покинуть опочивальню, пока Виалин не проснулась. Даже отравленный хмелем мозг понимал, что, поддавшись своим желаниям, он все испортит. Дархэйм хотел подготовить ее, внушить, что его доводы верны, чтобы сестра приняла их и не отвергла брата. Но покинуть опочивальню лорд не успел. Пятясь, он задел стул, и тот упал, оглушительно громыкнув.

Виалин вздрогнула, открыла глаза и испуганно воскликнула:

— Кто здесь?

— Всего лишь я, — ответил Эрхольд. — Спи, я не хотел тебя будить. Уже уйду.

— Эрх, постой! — она вскочила с кровати и бросилась к нему.

Глупая, она даже не понимала, что свет луны предательски падает на спину, открывая брату силуэт ее тела. Лорд отшатнулся от протянутых к нему рук, но так и не смог отвести от нее взгляда. Виалин откинула на спину черную прядь, скрывавшую правую грудь, Эрхольд гулко сглотнул.

— Эрх, прости, — жалобно произнесла сестра, — я бываю такой дурой. Эрх, я не хотела тебя обидеть. Пожалуйста... Почему ты не даешь мне подойти? Я обидела тебя. — Она оставила попытки обнять брата и окончательно сникла. — Я так сильно оскорбила тебя...

Судорожно вздохнув, Эрхольд подошел сам и обнял девушку. Ладони коснулись спины, скрытой лишь тонкой тканью, и внизу живота запульсировало от прилившей крови. Дархэйм зажмурился, стараясь не думать, что она прижимается к нему почти обнаженная.

— Прости меня, братец, — всхлипнула Виалин.

— Разве я могу на тебя сердиться? — собственный голос показался лорду глухим и безжизненным. — Ложись спать.

— Останься со мной, — попросила сестра, вскидывая голову и доверчиво глядя на него.

Эрхольд отвернулся, потому что его взгляд не желал смотреть в глаза девушки, он не отрывался от губ Виалин.

— Эрх, останься, — повторила она. — Помнишь, ты разрешал мне спать с тобой, когда

я боялась грозы?

— Ты была маленькой, — Дархэйму пришлось откашляться, чтобы избавиться от хрипотцы. — Сейчас ты уже взрослая...

— Ну и что? — Виалин пожала плечами. — Братом и сестрой мы от этого быть не перестали.

— Матушке не понравится...

— Ты уйдешь через свой переход, никто не увидит. Ну, Эрх, останься, — девушка капризно надула губки. — Я даже не буду болтать. Помнишь, как ты ругал меня за то, что я не даю тебе спать и грозился прогнать к себе. А мне просто было страшно, и я не хотела бояться одна. — Она вцепилась ему в руку и заискивающе протянула: — Пожа-алуйста, братец.

— Хорошо, — сдался лорд, надеясь, что она быстро уснет, и тогда он вернется к себе, не совершив непоправимого.

Виалин радостно пискнула и вернулась в постель, натянув на себя одеяло. Эрхольд машинально поправил его, как делал это, когда Ви была совсем малышкой, поцеловал ее в щеку и уже собрался уйти, но девушка поймала брата за руку, укоризненно глядя на него.

— Ты обещал, — напомнила она.

— Что же ты творишь, глупая? — невесело усмехнулся Дархэйм, обошел широкое ложе и прилег с края поверх одеяла.

Виалин тут же перебралась к нему ближе, легла на плечо, уткнулась носом в шею и удовлетворенно вздохнула. Уже засыпая, она проворчала:

— Ты пьян, и я это увидела. Но поругаю тебя завтра. Я тебя люблю, братец.

— И я люблю тебя, Ви.

Она щекотно сопела Эрхольду в шею. Ладонь покоилась на его груди, и мужчина никак не мог перестать думать о ее горячем дыхании, и об узкой ладони, которую поглаживал кончиками пальцев, о плече, выглядывавшем из-под одеяла, о волосах, разметавшихся по подушке, о ноге, тепло которой он ощущал через толщу одеяла. Эта ночь стала пыткой. Близость Виалин изводила, доводя почти до исступления, и только надежда на то, что все выйдет так, как он хочет, не давала Эрхольду сорваться... быстро.

Не выдержал, когда рука спящей Ви скользнула по его телу и остановилась близко от возбужденного естества, натянувшего ткань штанов. Эрхольд осторожно переложил спящую сестру на подушку и поднялся, чтобы откинуть в сторону одеяло. «Только взгляну еще раз, пока она спит», — успокоил себя лорд, присел рядом и замер, рассматривая Виалин.

— Совершенна, — прошептал Дархэйм.

Он склонился к самому лицу сестры, слушая ее мерное дыхание, закрыл глаза и почти коснулся губ своими губами, но заставил себя снова отодвинуться. Эрхольд твердил себе, что нужно укрыть Виалин, встать с кровати и уйти, не оглядываясь и не задерживаясь, что он должен бежать прочь, но ноги отказывались повиноваться, и лорд остался сидеть рядом. Он уперся локтями в колени, склонил голову на руки и сжал пальцы, собрав в кулаки волосы.

— Бездна, — простонал мужчина. — Бездна. Бездна.

Девушка что-то пробормотала во сне, хмыкнула и перевернулась на бок. Эрхольд замер, боясь, что разбудил ее, но Виалин все также крепко спала, и он расслабился. Обернулся, глядя на спину, огладил взглядом округлые ягодицы и не сдержался, осторожно провел ладонью по бедру сестры. Она осталась безучастна, и Дархэйм возблагодарил Богов за то, что сон юности крепок. Кусая губы, лорд снова развернул девушку на спину и навис сверху

на вытянутых руках. Разум кричал, что нужно прекратить, нужно остановиться прямо сейчас и уйти. Но Эрхольд продолжал нависать над спящей сестрой, сражаясь со своими желаниями.

Наконец, отмер и осторожно убрал с лица черные пряди, снова сел рядом и потянулся к лямкам ночной сорочки. Бережно, опасаясь потревожить сон Виалин, Дархэйм опустил их и сдвинул ткань сорочки с груди.

— Безумие, — выдохнул Эрхольд, зажмурился до цветных кругов перед глазами, после открыл глаза и резко встал с кровати.

Но снова обернулся. Нужно было поправить сорочку, накрыть сестру одеялом, а после уйти. Да, именно так. Лорд опустил колено на кровать, нагнулся, и взгляд его снова уперся в грудь Виалин. Медленно, едва дыша, он склонился над ней, облизал разом пересохшие губы и... поцеловал. Сердце на мгновение остановилось, и дыхание сорвалось с губ хрипом. Ничего не произошло. Боги не спешили карать брата, посмеявшегося желать сестру, Бездна не распахнула свои врата, и совесть не язвила его за постыдный поступок.

Эрхольд опять навис над Виалин. Теперь он смотрел на нее более смело, словно она уже принадлежала ему. Все так же осторожно коснулся губ легким поцелуем, после опустил к груди, провел языком по соску и застонал едва слышно от острого возбуждения. «Остановись!» — кричал ему разум, но Эрхольд остался глух к его голосу. Уже не было сил сражаться с собой. Не было желания уходить от возжеленного тела. И единственная мысль, сумевшая пробиться сквозь пелену возбуждения, была: «Она возненавидит меня, если узнает, что я делаю». Это слегка отрезвило, и Эрхольд опустил рядом с девушкой.

Рука его легла на напряженный член, нужно всего лишь избавиться от желания, пока оно не испепелило рассудок, и тогда станет легче. Эрхольд издевательски усмехнулся и потянул завязки, ослабляя штаны. После сжал член ладонью и закрыл глаза. Последний раз он удовлетворял сам себя в ранней юности, под рукой всегда были служанки, после и благородные любовницы, но сейчас искать кого-то не было ни сил, ни желания.

Виалин зашевелилась, и Дархэйм резко обернулся. Нет, не проснулась, только повернулась к нему лицом. Эрхольд дал ей снова погрузиться в глубокий и сон и вернул на спину. Свободной ладонью он накрыл плоский живот девушки, ласково погладил, поднялся выше и осторожно сжал грудь. Ощущение теплой плоти в ладони было столь восхитительным, что Эрхольд снова прикрыл глаза и заурчал от удовольствия.

После коснулся соска, нежно провел кончиком пальца по самой вершинке и закусил до боли губу, когда Виалин вдруг тихо вздохнула и приоткрыла губы. Дыхание ее стало тяжелей, и лорд не выдержал. Склонился к груди и втянул сосок в рот, ласкал его языком, посасывал, с жадностью слушая дыхание Виалин. Она заворочалась, и Дархэйм остановился, отпрянув в сторону. Глаза девушки открылись, она посмотрела на брата мутным взглядом, и он прошептал:

— Спи. Спи, любимая.

Ви послушно сомкнула веки, вздохнула и перевернулась на живот, подтянув ногу вверх. Девушка обняла подушку и затихла. Эрхольд снова облизал губы, опустил взгляд на свою руку, все еще сжимавшую член. Успеется, подумал он, оставляя свою плоть в покое. То, что скрывалось под подолом сорочки, влекло его намного сильнее. Подцепив ткань, Дархэйм поднял широкий подол на спину Виалин и задохнулся, глядя на створки ее лона. Нежные лепестки, увлажнившиеся от его ласк, манили прикоснуться к ним, дотронуться до чувствительного бугорка, чтобы услышать новый стон. Бездна! Он хотел слизать следы ее

возбуждения, ощутить вкус и ласкать до тех пор, пока она не будет кричать от наслаждения.

Мотнув головой, Эрхольд протянул руку, чтобы опустить подол, но вместо этого дотронулся до женского естества. Да, она была влажной, и это он заставил девушку почувствовать возбуждение. Пусть она еще не осознала этого, но тело откликнулось. Тело откликнулось на его ласки! Только Бездне известно, почему Эрхольд увидел в этом добрый знак. Но ликование быстро отступило, схлынуло, словно волна, унеся с собой остатки разума. Вожделение выжгло память о том, что нужно быть осторожней, постепенно приучая к себе Виалин. Сейчас ему хотелось лишь видеть, как она хочет его, как принимает его страсть.

Лорд ласково огладил ягодицы девушки, опустил большой палец ей между ног и закружил по влажному бугорку, жадно подавшись вперед и слушая, как снова участилось ее дыхание. Глухой стон стал ему наградой. Эрхольд вновь сжал свой член и заскользил по нему вверх-вниз, желая присоединиться к ее наслаждению. Стон повторился, и мужчина не сдержал собственного стога.

Он так увлекся, что не заметил, как Виалин оторвала голову от подушки и изумленно уставилась на брата. Вдруг осознав, где он трогает ее.

— Что ты делаешь?! — вскрикнула она, садясь на кровати и разворачиваясь к брату. — Эрх, ради всех Богов! Что ты творишь?

Она смотрела на его руку, которой лорд сжимал член. Глаза Ви округлились, в них отразился испуг. Девушка попыталась вскочить с ложа, но Эрхольд уронил ее на спину, задрал подол и силой развел ноги в стороны, укладываясь сверху.

— Нет! — закричала Виалин, изо всех сил вырываясь из-под тяжелого мужского тела.

— Я не трону, — прохрипел он. — Не поручу...

Затем прижался членом к ее естеству, обильно увлажнившемуся, благодаря его стараниям, и задвигался быстро и резко.

— Убирайся! — завизжала сестра, но Эрхольд впился ей в губы, наконец, целуя настоящим поцелуем, полным звериной страсти, полыхавшей в нем.

Она ударила Эрха, и Дархэйм перехватил руки Виалин, заводя их наверх. Он упивался ее телом, целовал лицо, шею, снова терзал губы. А когда Ви укусила его, вкус собственной крови оказался подобен взрыву, и Эрхольд с остервенелым рычанием излился на девушку. В ушах шумело, дыхание выравнивалось медленно. Дархэйм откатился в сторону и откинул голову, все еще приходя в себя. Виалин лежала рядом, тихо подвывая. Сорочка все так же была задрана, волоски на треугольники внизу живота слиплись от семени Эрхольда. Оно было и на животе, вздрагивающем от рыданий. Ви кусала губы, комкала в кулаках простынь и упорно не желала смотреть на брата.

— Ви, — позвал Эрхольд, приподнимаясь на локте.

— Убирайся, — выплюнула она сквозь зубы и, наконец, встала с постели. Пошатываясь, добрела до умывальни и закрылась там.

До Эрхольда донеслись рыдания сестры, и осознание произошедшего накатило со всей своей неотвратимостью. Он смотрел туда, где только что лежала Виалин, и чувствовал, как мурашки змеятся по позвоночнику, поднимаясь все выше, как горло сдавил спазм, и вдохнуть полной грудью все не получалось. Тело все еще помнило ощущение горячей кожи сестры, помнило ее яростное сопротивление. Дархэйм мотнул головой, но понимая мерзости его поступка никак не желало обрушиться на голову во всей своей беспощадной ярости, смешиваясь со сладким привкусом почти сбывшейся мечты.

Неожиданно Эрхольд понял, что ему не стыдно. Больно, что напугал, горько, что сопротивлялась, но она была в его руках, и ее телу нравилось то, что он делал. Возбуждение, вроде покинувшее его, вернулось, но в этот раз Дархэйм сумел подавить его, слушая рыдания сестры. Он поправил одежду и подошел к дверям купальни, опустил на пол и уперся затылком о стену. Нужно объяснить, нужно все объяснить, и может Виалин сумеет понять. Быть может...

— Убирайся, — выкрикнула она, словно почувствовала, что Эрхольд все еще не ушел.

— Ви, сердце мое...

— Убирайся, Эрх, — с яростью прошипела девушка, и она поняла, что сестра стоит прямо за дверью. — Я никому не расскажу, что ты сделал, но ты не смей приближаться ко мне.

— Виалин...

— Убирайся! — завизжала она, со всей силы ударив кулаком по дверям. — Убирайся прочь, Эрх! Как ты посмел? Ты хотел...

— Я люблю тебя, Ви, — простонал Эрхольд, переворачиваясь и прижимаясь щекой к дверям. — Я с ума схожу, Ви. Не могу без тебя, слышишь меня? Ви...

Она промолчала, и мужчине вдруг стало страшно, по-настоящему страшно, что потерял ее.

— Ви, малышка, — позвал лорд, — отзовись. Виалин. Виалин!

— Уходи, — ее голос звучал глухо.

— Дай мне объяснить, — взмолился, Эрхольд. — Ты сама поймешь...

— Лучше бы я вышла замуж, — не слушая, сказала она. — Лучше бы я вышла замуж и не узнала, что всю жизнь верила мерзавцу без стыда и совести.

Дархэйм закрыл глаза, слушая ее. Возбуждение, страх, желание достучаться исчезли, сменившись новым взрывом ярости. Он поднялся на ноги, отчеканив:

— Ты моя, Виалин. Только моя. Хочешь замуж, завтра же отведу тебя в обитель, в любую, где нас не откажут соединить. Кроме меня, другого мужчины у тебя не будет. Запомни это прямо сейчас, и тогда больше никто не умрет. Твой мужчина — я!

Он ушел, уже не слушая, что она ответит и ответит ли вообще. Но с той ночи исчезла милая сестрица, любившая своего брата даже сильнее матери, исчезло доверие. Холодок превратился в ледяную стену, ссоры в постоянную войну. Сестра стала колючей, язвительной. Она издевалась над ним с той же страстью, с какой раньше любила. Гнала от себя, начала учиться пользоваться своей Силой, чтобы защищаться. И сколько бы Эрхольд не кидался на этот бастион, становилось только хуже. Его доводов Виалин не слушала, признания в любви высмеивала, к страданиям оставалась холодна.

Сестра даже завела себе друга — одного из соседних лордов. Мальчишка тайком бегал к ней... недолго. После того, как Эрхольд узнал, он проследил за Виалин. Стоял и смотрел, как она позволяет себя целовать глупому щенку, как отвечала ему. Слушала его признания, скромно улыбаясь, словно не она незадолго до этого высмеивала обезумевшего от любви брата. Виалин нравился тот юный лорд, и Дархэйм это понял, как только увидел их вместе. И когда сестра скрылась за воротами замка, Эрхольд расправился с незадачливым влюбленным, вырвал ему сердце и швырнул под ноги Виалин.

— Он обещал тебе свое сердце, держи, — холодно усмехнулся черный лорд, глядя на побледневшую девушку.

— Ты... — Виалин несколько мгновений хватала ртом воздух, а после выплюнула ему в

лиц: — Выродок!

— Я тебя предупреждал, — ответил Эрхольд и оставил ее наедине с отвратительным куском плоти, еще недавно принадлежавшим ее воздыхателю.

А потом все поняла и матушка. Леди Дархэйм ни раз изумлялась тому, что ее дети, всегда жившие душа в душу, вдруг перестали понимать друг друга. Эрхольд тогда подумал, что ее хватит удар. Она поселилась в комнатах Виалин, не давая сыну заходить к дочери. Следила за ним, выжидала, а когда Дархэйм в который раз пытался навязать сестре свои ласки, бросилась на него. Дура, две дуры не желали понять того, что он говорил им. Твердили о родстве, не видя, что Бездна породила мужчину и женщину вовсе не для родственных чувств. Она послала в мир людей своих созданий, разнополых — не это ли знак того, что он, Эрхольд, все понял верно?

Эта гадюка, его мать, пыталась убить собственного сына, крича, что не позволит ему обесчестить сестру. Обесчестить? Да он хотел жениться на ней! Хотел, чтобы Виалин родила ему детей, хотел жить с ней в любви и согласии, но старшая леди Дархэйм все испортила. Это она помогла сбежать Виа. Эрхольд даже не понял, когда под его носом образовался заговор: его друг, его мать и его сестра. Эти трое сделали все, чтобы украсть у него мечту о счастье. Проклятый Дорб Шагерд, обещавший не вставать на пути, присвоил себе женщину, о которой грезил Эрхольд. Увел под покровом ночи, а мать всеми силами прикрывала их, водила за нос. А когда ее сын бросился в погоню за беглецами, пыталась вонзить ему в спину нож. Тогда-то он и заточил леди Дархэйм в ее комнатах. Так сколько же точно она была в заточении? Десять лет. Да, десять. Виа сбежала после того, как ей исполнилось восемнадцать.

Целых шесть лет они с Шагердом водили его за нос, постоянно бегая с места на место. Шесть лет безумной тоски, ярости и испепеляющей страсти, которая принадлежала одной-единственной женщине. И пока он сходил с ума без нее, Виалин посмела стать женой Дорба. После их побега Эрхольд много думал о том, когда друг его предал на самом деле, возжелав чужую женщину, и понял, что в день злосчастного турнира темный маг уже был влюблен в нее. Если бы Дархэйм согласился, и он выиграл состязание, отказался бы он от Виалин? Или попытался завоевать ее и воспользоваться правом победителя? Впрочем, это было уже неважно. Шагерд нарушил обещание и перешел Эрхольду дорогу, и тот с лихвой отплатил за предательство. И когда убивал ублюдка, черный лорд получил ни с чем несравнимое удовольствие. Он не отвел взгляда от Дорберта, пока в его глазах не угасла жизнь. Стоял и с жадностью следил за муками предателя, насыщаясь его страданиями.

Эрхольд наказал и того, кого считал другом, и женщину, называвшуюся его матерью. Жаль, что ее пришлось оставить в живых, Тахрад связал себя с ней, и теперь Эрхольд до конца понимал, что такое привязка Виллиана. Только он не поглощал жизненные силы своей возлюбленной, но чувствовал все, что происходило с ней. Его ярость позабавила Дархэйма, когда Тахрад пытался накинуться на него в мире мертвых. Еще один балван, возомнивший, что имеет власть над Эрхольдом. И когда Виллиан готов был нанести удар, сын рассмеялся ему в лицо:

— Давай, отец, сделай это, и твоя возлюбленная сдохнет от голода в своих покоях. Хотя... ей все равно не жить. Вернусь я или нет, ее жизнь прервется.

— Нет! — Тахрад отступил.

— К чему отчаяние? — усмехнулся Эрхольд. — Вы скоро встретитесь, ты должен быть счастлив.

— Это не то, к чему я стремлюсь, — мрачно ответил Виллиан. — Что ты хочешь?

— А что ты можешь мне дать? — изломил брови Дархэйм. — Силу? Я наполнен ею. Свой мир? Мне нечего там делать. Всему, чему мог, ты меня обучил. Еще больше я постиг сам. Ты бесполезен, отец. Впускать тебя в свой мир я тоже не вижу смысла. Довольно с меня поисков, мне надоело подвергать себя опасности ради того, кому я безразличен.

— Ты мой сын, ты не можешь быть мне безразличен, — Тахрад снова подошел ближе.

— Но ты ни разу не просил меня быть осторожней, только понукал. Тебе безразлично, что станет со мной, если люди узнают, чья Сила во мне. А если я погибну, ты возьмешься за Виалин? Запомни, к ней я не позволю тебе приблизиться. Ви неприкосновенна! Не вздумай ее втягивать в поиски врат.

Тахрад не ответил, только сверлил исподлобья сына тяжелым взглядом. Они были одной крови и понимали, что оба используют все, чтобы добиться своего. Эрхольд ждал заманчивого посула от отца, Тахрад, если понадобится, использует и дочь. Наверное, это была еще одна причина, по которой Эрх продолжал ему помогать даже тогда, когда перестал бороться с собой и своей любовью. Два паука, оплетавшие друг друга паутиной, каждый хотел добиться своей цели, и оба они зависели друг от друга, зная слабые места — их женщины. И пусть отец не подозревал, что чувства сына далеки от братских, но то, что сестру он любит до самозабвения, увидел быстро.

Это стало замкнутым кругом, из которого не было возможности выбраться. Тахрад знал, что призови он дочь, и мать распрощается с жизнью. Как Эрхольд понимал, что, навреди он матери, отец отомстит ему через сестру. Виллиан не жил со своими детьми, они были для него лишь плодом его чресл. И единственная, кто его интересовала — была леди Дархэйм. И детям было плевать на иномирного отца. Когда-то Эрхольд сумел внушить Виа нелюбовь к отцу — Виллиану, обвинив его в смерти человеческого отца. И Тахраду не позволил приближаться к сестре, когда она войдет в мир мертвых. Виллиан не возражал.

— Я дам тебе могущество, — наконец, сказал Тахрад. — Ключ ко всем мирам. Их много, сын. Также много, как звезд на небе. Есть миры, где можешь стать богом, Эрхольд.

— Почему же ты не стал богом? — не скрывая издевки, спросил Дархэйм.

— Потому что я отозвался на призыв мага и встретил женщину, затмившую желание властвовать, — усмехнулся Виллиан. — Это не все, сын. Есть мир, где существует источник, дарующий бесконечно-долгую жизнь. Его охраняют, но твоя Сила позволит тебе прорваться к нему. Вместе с ключом я дам тебе свои записи, которые сделал, когда изучал другие миры. Я подарю тебе вселенную, Эрхольд, в обмен на жизнь твоей матери и возможность соединиться с ней.

— Что мне делать в мирах, по которым гуляют такие, как ты? — прищурился черный лорд. — И зачем тебе я, если у тебя есть ключ?

Тахрад рассмеялся и покачал головой.

— Все дело в том, сын, что ваш мир запечатан, и открыть его может только хранитель врат или его кровь. Я до сих пор не знаю, почему мои сородичи добровольно отказались от мира, который наполнен источниками Силы, но врата охраняют и с моей стороны.

— Первый вопрос, — напомнил Эрхольд.

— Этот ключ я выкрал из сокровищницы Владыки, чтобы попасть в ваш мир еще после того, когда ты родился, — усмехнулся Тахрад. — Древний артефакт был объявлен злом и скрыт в сокровищнице. Его опутали мощнейшими заклинаниями, приставили охрану из псов Тьмы, но...

— Ты сумел всех обмануть, — не удержался Эрхольд от насмешки.

— Зачем? — Виллиан хмыкнул. — Псы пропустили меня, почуяв кровь хозяина, заклинания поддались без труда. Но я не знал одной мелочи, оказавшейся роковой для меня — перстень связан с Владыкой. Мне не пришлось скрываться в тех самых мирах, которые я изучил на досуге. Меня объявили вором и предателем, пришлось бежать.

— Подожди! — воскликнул Дархэйм. — Что значит — кровь хозяина? Если псы охраняют сокровищницу Владыки...

— То его сын является носителем той же крови, — усмехнулся Тахрад. — Теперь ты понимаешь, на что я пошел ради того, чтобы быть с твоей матерью? Мой отец приговорил меня к смерти, и я до сих пор скрываюсь в чужих мирах, появляясь в своем, как вор, чтобы найти врата и подобраться к ним.

— Ты наследный принц?

— Нет, — Тахрад снова рассмеялся. — Младший из пяти сыновей Владыки. Воин и не больше. Но кровь отца открыла мне дорогу к ключу. И я принесу его тебе.

Эрхольд поджал губы, решая, можно ли верить Виллиану. Тот понял сомнения черного лорда.

— Завтра я принесу тебе записи, за ночь мне столько не написать, — произнес отец. — Иного доказательства у меня нет. Там же зарисован ключ и подробно описан.

— Только я не знаю твоего языка, отец, — усмехнулся Дархэйм. — Мир мертвых позволяет нам понимать друг друга, но вне его, я не пойму не слова, ни из сказанного, ни из написанного тобой.

Теперь Эрхольд знал и язык Виллианов и сумел прочесть записки отца. Подробно изучил рисунок перстня и его описание. Платой этому стала жизнь матери, и Эрх был вынужден сохранять ее до тех пор, пока Тахрад не войдет в его мир и не передаст ему артефакт-ключ. И все, что отделяло черного лорда от вожака даров — это кровь хранителя врат. А узнать, являются ли Илейни прямыми потомками первого хранителя, он так еще и не сумел.

Эрхольд поднялся на стену своего замка. Ливень перешел в морось, больше раздражая, чем радуя буйством стихии. Ветер стал меньше, но лорд уже успокоился, и буря ему была не нужна. Он посмотрел на светлеющее небо и недобро усмехнулся. Решение было принято. Если Виалин выбрала его врага, он снова покажет ей, что ждет ее возлюбленных. А после... После получит то, чего ждет столько лет. Только не будет счастливой жизни, о которой он столько грезил. Дархэйм заберет ее прочь из мира людей. И там, где он решит остановиться, Виалин родит ему наследника, а после отправится туда, где должна находиться уже четыре года — в мир мертвых. И пусть души ее любовников делят между собой шлюху.

— Бриллиант падет к моим ногам, — произнес Эрхольд, — и я получу замок Илейни вместе с городом. Завтра главный город Побережья назовут городом Мертвецов.

Глава 27

— Мой лорд, драконы прибыли.

Риктор Илейни отбросил в сторону меч и потянулся за куском полотна, чтобы обтереть пот.

— Свободен, — бросил он воину, стоявшему с ним в паре.

Тот поклонился, подобрал меч господина и удалился из зала для поединков.

Драконовод замер, ожидая, пока лорд наденет рубашку и направится к драконнику, куда недавно завели драконов, которых привел Раймус Дальгард — сын лорда Тибода. Мужчина старался не лезть под руку господину, видя, что он все еще зол. Он следил взглядом за тем, как аниторн отшвырнул полотно, затем резкими движениями натянул рубаху, заправил ее в штаны и подхватил камзол.

— Идем, — отрывисто бросил он, и драконовод послушно последовал за ним.

Рик вышел во двор, бросил мрачный взгляд на драконник, где засел Гор, стерегущий Фиалку, выругался сквозь зубы и направился ко второму драконнику. На душе аниторна бушевала буря. В одно мгновение он лишился и верного друга, которому верил, как самому себе, и любимой женщины, ставшей заложницей страсти дракона. Гор начинал буйствовать, стоило его человеку приблизиться к драконнику и заговорить с летуном. Ревел, фыркал, топал лапами, гнал прочь, не желая слушать увещаний Рика. Фиалка хранила молчание, только раз отозвавшись, чтобы успокоить лорда, взбешенного упрямством дракона.

— Со мной все хорошо. — Немного помолчала и крикнула: — Аниторн, я хочу есть! И пить. Гор — славный парень, но с его поилки пить не буду.

Однако передать узнице дракона еду и питье не удалось. Рику он не позволил даже подойти близко к драконнику, а слуг подпустил к воротам, но внутрь войти не дал. Фиалку не выпустил, а сам перетащить ей принесенные яства не смог, перекусив корзину пополам, как только взялся за нее. Затворница осталась голодной, Гор, кажется, был горд собой, а Рик пребывал в ярости. И если раньше аниторн успокаивался, летая на своем драконе, то теперь летун бунтовал и всеми силами показывал, что своего не отдаст. И по странному стечению обстоятельств на драконье «свое» претендовал и человек, заменивший великану семью.

— Одумается, — несмело подал голос драконовод. — Гор умный.

— И наглый, — желчно ответил Рик. — Я его берег, старался не причинить боли, а он отмахнулся от меня, как от какой-то мошки.

— Так не человек, все ж зверь...

— Поумней многих людей будет... Себялюбец чешуйчатый. Нахал и грубиян, — голос аниторна сочился ядом. — Громила без стыда и совести. Предатель

— Гор вас не предаст, господин, — спрятал улыбку драконовод. Людей лорда Илейни всегда умиляло то, как Риктор говорил о своем летуне, словно и не дракон то вовсе, а человек равный самому лорду. — Только вот глянулась ему чем-то гостя ваша.

— Представь себе, мне она тоже глянулась, — едко ответил лорд.

Драконовод вздохнул и покачал головой, философски заметив:

— Когда промеж мужиками встает баба, жди беды. Не дело это дружбу крепкую рушить.

— Не твоего ума дело, — аниторн бросил на мужчину сердитый взгляд.

— Простите, господин, — драконовод склонил голову и больше не лез к лорду со своими замечаниями.

Перед вторым драконником стоял Раймус Дальгард. Заметив лорда Илейни, он склонил голову, приложив ладонь к груди:

— Мой лорд, счастлив служить вам, — произнес мужчина.

Риктор кивнул в ответ, на ответную любезность он сейчас был мало способен. Потому потрепал старшего сына своего друга по плечу и указал на замок:

— Ваш отец сейчас у целителя. Если хотите увидеться с ним, вас проводят.

— Благодарю, лорд-аниторн, — ответил Раймус, вновь почтительно склонившись. —

Если я не нужен вам при знакомстве с драконами...

— Думаю, мы сможем подружиться, — усмехнулся Илейни и вошел в драконник, не дожидаясь ответа второго лорда Дальгарда.

Шесть серых драконов с черной полосой, тянувшуюся вдоль хребта, тревожно оглядывались, принимались, изучая место, куда их привели. Маги-драконоводы уже деловито сновали между летунами, осматривая их. Драконоводы, служившие не первый год роду Илейни, снимали с драконов упряжь, настороженно следя за великанами. И когда в драконник вошел аниторн, драконы и люди одновременно обернулись в его сторону. Рик махнул рукой на дружное приветствие лордов-драконоправов, еще стоявших здесь и обсуждавших тех летунов, чьими седоками стали во время полета, драконоводов и даже драконам, дружно потянувших носами запах чужака. Аскерд, уже переселенный в этот драконник после наглого захвата прежнего Гором, приблизился к Ритору и склонил голову. Аниторн машинально погладил его, привычно обрисовал кончиками пальцев чешую и улыбнулся, услышав довольное ворчание серого дракона.

— Мой лорд, — Илейни обернулся и встретился с взглядом Раймуса. — Позвольте представить вам драконов. — И на недоумевающий взгляд господина пояснил с улыбкой: — Отец нас учил, что прежде всяких чувств мы обязаны помнить о долге.

— Хорошо, — кивнул Рик. — Тогда представьте нас друг другу.

Второй лорд Дальгард подошел к ближайшему дракону:

— Алармис — младший сын Рагдара, недавно перешагнул порог зрелости, крепок и вынослив.

— Алармис, — повторил аниторн и протянул руку к дракону. Тот опустил голову, принимаясь к ладони чужака, затем склонил голову на бок, словно раздумывая о чем-то, и вдруг лизнул. Лорд хмыкнул. — Нравится?

— Ар-р, — проворчал Алармис и задрал нос.

— Ал — вредина, — рассмеялся Раймус. — Он себе на уме, упрям и себялюбив.

— Знаю я одного себялюбца, — проворчал Рик. — С ним даже Ал не сравнится. Засел в соседнем драконнике, пыжится от важности.

Алармис, вроде бы не слушавший людей, пренебрежительно фыркнул и отвернулся.

— Воитель, — представил следующего дракона второй лорд Дальгард. — Детенышем драки среди молодняка устраивал, думали, самым воинственным будет. А он вырос и стал добрейшим из драконов. Хотели переименовать в Подлизу, но он оскорбился и два дня отказывался от пищи. Оставили Воителем.

— И он прав, — поддержал дракона аниторн. — Кто же могучего дракона Подлизой называет? Это не имя, это ругательство какое-то. Иди ко мне, мальчик.

Воитель, издав жалобное «у-у-у», подставил человеку голову и, пока Рик трепал его за ухо, продолжал ворчать и жаловаться, найдя поддержку в лице чужака. Затем лизнул в одну щеку, в другую, подумал немного и облизал ладонь. После этого прислонил голову к плечу лорда и удовлетворенно вздохнул.

— Действительно, добрейший из драконов, — рассмеялся Риктор, вытирая лицо рукавом.

Освободившись от дружелюбного дракона, мужчины перешли к следующему.

— Хардар, — Раймус тепло посмотрел на дракона, и Илейни отметил, что этот летун ходит в любимчиках у второго лорда. — Крепок, вынослив, чрезвычайно умен и находчив. Не думаю, что покривлю душой, если назову его лучшим...

— Пф, — послышалось откуда-то сбоку.

— Одним из лучших, — тут же поправился Раймус и обернулся к дракону, нависшему над ним. — Хагард — брат Хардара. Родились вместе, но Хагард появился на свет вторым. Постоянно соперничает с братом, однако превращается в заботливую наседку, если брат нездоров. Изведет всех, но больше всего себя и после свалится с недомоганием из-за перенапряжения. Впрочем, Хардар в своей заботе о брате почти ничем не отличается от близнеца, разве что рассудительней и спокойней.

Лорд Илейни усмехнулся, переводя с одного брата на другого, и первым подошел к Хагарду. После протянул вторую руку к Хардару, и оба дракона ткнулись носами в раскрытые ладони чужака, принюхиваясь к нему. Первым потерял о руку аниторна Хардар и тут же его примеру последовал близнец.

— Они великолепны, — прошептал Рик, зачарованно глядя на двух драконов, казавшихся отражением друг друга. Летуны издали урчание и выпрямились, разглядывая странного человека, от которого исходила непонятная, но притягательная сила.

— Мой лорд, вы заклинатель драконов, — произнес Раймус, но в его голосе проскользнула ревнивая нотка. Его любимец доверился чужаку. — Впервые вижу, чтобы летуны позволили приблизиться к себе человеку, которого видят впервые. Еще ни один из них не отверг вашего прикосновения.

— Заклинатель драконов? — аниторн обернулся и посмотрел на второго лорда Дальгарда. — Может и так. Я не до конца понимаю своей связи с этим прекрасными великанами.

Он повернулся к последнему дракону и изумленно вскинул брови:

— Ханнис? Уже?

— Вы попали на последние дни ее гона, мой лорд, — ответил Раймус. — Она уже два дня как вернулась в общий драконник. Самцы отнеслись к ней спокойно, и мы оставили ее со всеми. Мы хотели привести другого самца, но у него желудочное недомогание, пришлось пока оставить. По возрасту Ханнис осталась наиболее подходящей из всех. Я подумал, что самки все равно должны последовать в ваш драконник, потому взял ее. Вторая самка старше.

— Малышка, — Риктор протянул к драконице руку, и она доверчиво прижалась к раскрытой ладони. — Здравствуй, красавица.

— Ур-р, — ответила Ханнис. — Ф-фр-р.

— Узнала, — негромко рассмеялся аниторн. — Ты хорошо перенесла полет?

— Ханни — сильная драконица, — подал голос ее драконоправ. — Милости Огненных, мой лорд.

— Шефри! — Рик обнял за плечи еще одного из сыновей Дальгарда. — Рад видеть тебя.

— И я рад видеть вас, мой лорд, — Шефри лукаво сверкнул глазами. — Вы теперь птица высокого полета.

— А ты все та же язва и плут, — рассмеялся Илейни.

— Не могу разочаровать своего господина, — ответил младший лорд Дальгард и от души обнял аниторна. — Как отец?

— Рас сейчас с ним, — Риктор помрачнел. — Ему досталось в схватке, но, хвала Богам, жив.

— Как в нашем мире мог появиться потомок Виллианов? — Шефри передернул плечами.

— Обо всем после, сейчас навестите отца и передохните, — произнес аниторн,

подталкивая к воротам драконника обоих братьев. — Мне есть о чем поговорить с драконами.

От первого драконника вдруг раздался рев Гора, и Рик выругался. Он первым вышел на улицу.

— Что происходит? — крикнул он одному из стражей.

— Гор опять не донес корзину, — ответил тот. — Уже пятую. Он их перегрызает, а нам подойти не дает.

— Чтоб его... — сердито произнес аниторн, но вдруг просиял и обернулся.

Взгляд мужчины остановился на Ханнис.

— А попробую-ка я прогуляться с принцессой мимо моего мерзавца. Поглядим, что он скажет. Может, Боги вернут ему разум, и Гор заинтересуется дамой, более подходящей ему?

— Что-то с твоим драконом? — Шефри стоял рядом, прислушиваясь к голосу черного дракона.

— Он забрал себе мою женщину, морит ее голодом и ругается на меня, как последний пьянчужка, — возмущенно ответил Риктор.

— Э-э-э... — недоуменно протянул младший из Дальгардов.

— Дурень выбрал себе в пару человеческую женщину, — отмахнулся Илейни и желчно добавил: — Мою женщину. Теперь держит ее в драконнике и стережет, как цепной пес. Вон, пятую корзину с едой не может до нее донести, но челядь дальше ворот не пускает. Меня и вовсе...

— Беда, — искренне отозвался Раймус, подошедший к ним. — Не выпустит. Пока самка полностью не принадлежит дракону, для него даже стоя становится врагами, ревнивцы жуткие.

— А принадлежать ему Фиалка не может по известным причинам, — кивнул Рик.

— Фиалка? — удивился Шефри. — Наложница?

— Невеста, — ответил Илейни и поманил к себе драконицу. — Принцесса, составите мне пару на прогулке?

— Ур, — ответила Ханнис и направилась к аниторну.

— Невест с именем Фиалка не бывает, — хмыкнул младший Дальгард.

— Это у вас не бывает, а у меня есть, — сварливо отозвался Риктор и направился к первому драконнику. Ханнис величаво потопала за мужчиной.

Братья Дальгард переглянулись и поспешили следом. Все-таки дракон-ревнивец мог оказаться опасным, как для их господина, так и для драконицы.

— Он дальше драконника не пойдет, — немного успокоил их аниторн. — Надеюсь, и огнем плевать не будет.

Стража застыла, напряженно следя за приближением господина, челядь повылезала в окна. Лорды-драконоправы и маги-драконоводы покинули второй драконник и теперь следовали за аниторном, драконицей и братьями Дальгард, готовые прийти на помощь при первой же опасности. Все они помнили, как Гор бросался на лорда Илейни вскоре после того, как захватил Фиалку и затолкал ее в драконник. И пусть черный дракон только угрожающе скалился и топал, показывая, что не подпустит человека близко, но кто мог поручиться, что великан не приведет свои угрозы в исполнение?

Рик обернулся назад, оглядел свое сопровождение, сделал еще несколько шагов и в сердцах воскликнул:

— Бездна вас всех задери! Это мой дракон! Он моя семья, а не кровожадное чудовище!

Разойдитесь.

Его свита осталась глуха и нема, продолжая следовать за господином. Аниторн зло сплюнул и проворчал:

— Даже не знаю, что лучше — быть никому ненужным лордом, или аниторном и хранителем Побережья, когда шагу спокойно ступить не дают без охраны.

— Наш господин — наше сокровище, — бесстрастно повторил слова отца Раймус, и его брат радостно осклабился, горячо кивнув.

— Я в бешенстве, — объявил Рик.

— Мы знаем, господин, — хмыкнул Шефри.

— Тебя убью первым, — аниторн нацелил на младшего Дальгарда палец и немного расслабился.

— Все для счастья моего лорда, — поклонился тот, продолжая сверкать плутоватым взором.

— Ханнис, съешь мерзавца, — велел Рик, и драконица издала изумленное:

— У-у.

— Ладно, не ешь, — смилостивился Илейни. — От мерзавца может быть несварение.

Шефри рассмеялся, но быстро умолк, потому что они приблизились к первому драконнику. Риктор независимо вздернул подбородок и царственной походкой проследовал мимо открытых ворот, впрочем, сохраняя расстояние. В драконнике послышалось пыхтение, и Гор высунул голову, зорко следя человеком. Илейни даже не повернул голову в сторону дракона. Взгляд летуна остановился на драконице. Он потянул носом, что-то проворчал и скрылся в драконнике, успокоенный тем, что перед ним самка.

Лорд заскрежетал зубами, остановился и, стрельнув взглядом по открытым воротам, громко произнес:

— Ханни, красавица.

Гор снова высунул голову и теперь следил за тем, как человек гладит драконицу.

— Славная, — ворковал с ней аниторн. — Принцесса. Умная девочка, хорошая. Сильная, выносливая. Ты лучше всех, да, малышка?

— Ур-р, — ответила довольная Ханнис.

— Пф, — фыркнул Гор и скрылся в драконнике, но тут же снова выглянул.

— Моя девочка, — Рик уже не обращал внимания на своего дракона.

Теперь лорд ласкал драконицу искренне, уже не в первый раз восхищенно рассматривая ее. Ханнис склонила голову к Рику и довольно урчала, подставляя то шею, то уши под его пальцы.

— Ласковая принцесса, — улыбнулся ей мужчина. — Хорошая. Замечательная.

— Пф. Пф. Пф-ф-ф, — зафыркал Гор, мотнул головой и, кажется, хотел уйти, но остался и продолжил следить за своим человеком и драконицей. — Ар-р-рф. Пф.

— Ты меня не подведешь, да, девочка? — спросил ее Риктор, покосившись на морду своего дракона.

— У-у-у, — ответила она.

— Пф-ф-ф.

— Не обманешь доверия, да, Ханнис?

— Ур.

— Ты станешь моим летуном, малышка?

— Аур-рф.

— Пф! Фр-р.

— Идем, красавица, идем.

Рик развернулся и прошел мимо Гора, чей хвост молотил по каменному полу драконника. Он ворчал, порывивал и был явно недоволен, но свое убежище так и не покинул. Только из-за его спины послышался насмешливый голос Фиалки:

— Аниторн, ты никак нашел себе новую зазнобу? Учти, за измену буду карать.

— Меня защитит Ханни, — ответил мужчина. — Мы будем с ней жить по соседству. Заскучаете, заходите в гости с Гором. Будем дружить драконниками.

— Как мило, — хмыкнул Шефри.

— А ты к нам не ходи, у тебя драконицы нет, — ответил ему Риктор.

— Конечно, нет, — проворчал младший Дальгард. — Ты ее только что увел у меня из-под носа.

— У нас с Гором это семейное, мы любим чужих женщин, — ядовито произнес аниторн и обернулся на первый драконник.

Черный дракон не сводил с лорда пристального взгляда, и из ноздрей его валил сизый дым.

— Бездна, Рик! Да он же ревнует! — воскликнул Шефри. — Тебя ревнует!

— Он сам сделал свой выбор, — сухо ответил Илейни и отвернулся.

За его спиной фыркнул Гор и скрылся в драконнике. Рик поднял взгляд на Ханнис, затем снова взглянул на драконник, превратившийся в неприступную крепость, и раздраженно передернул плечами.

— Однако принцесса нашему красавцу не пришлась по вкусу... досадно. — Он нервно потер руки и вдруг сорвался: — К Бездне! Да как же до него достучаться?! Она там полдня уже сидит, ни еды, ни воды.

— Порталом? — предложил Раймус. — Не пробовали через переход отправить?

— Некому было пробовать, — хмуро ответил Илейни. — Из магов в замке находились только целитель, ваш отец и двое раненых лордов, прибывших вчера. Рас порталы не может открывать, Тибод и раненые маги пока не в силах заниматься переносом корзины с едой.

— Но вот мы здесь, — хлопнул аниторна по плечу Шефри. — Пробуем?

— Естественно, — кивнул Рик. — Заводите Ханнис в драконник, я распоряжусь, чтобы принесли новую корзину.

Аниторн еще раз провел ладонью по шее драконицы и позвал прислугу. Вскоре почти весь замок собрался посмотреть, чем закончится очередная попытка накормить пленницу. Господин, оба лорда Дальгарда и все здоровые маги собрались вокруг корзины, решая куда лучше переправить корзину, чтобы она не оказалась где-нибудь на голове дракона, или под его ногами, а попала, если и не в руке Фиалке, то хотя бы в безопасное место, чтобы она могла взять ее.

— Точеный перенос — ненадежно, — подал голос Раймус. — Нужно открыть полноценный портал, чтобы посмотреть, что делается в драконнике. Возможно, леди нуждается еще в чем-нибудь.

— Гор знаком с порталами. — Возразил лорд Илейни. — Может решить, что мы хотим забрать Фиалку, тогда взбунтуется.

— Но ведь это выход! — воскликнул один из лордов-драконоправов. — Откроем переход, девушка выйдет через него...

— И дракон устроит бойню, — усмехнулся Шефри.

— Фиалка может покинуть драконник, когда угодно, — покачал головой Рик. — Но сидит там, не желая ярить Гора.

— Да, — задумчиво протянул один из драконоправов, — Сила этой женщине потрясает. Но она отлична от той черной дряни, которой наполнен Виллиан. Холодная, мертвая... бр-р.

Мужчина передернул плечами, а Риктор невесело усмехнулся:

— Дархэйм наполнен чужими смертями, Фиалка использует лишь избыток человеческих чувств. Она не убийца, в отличие от... брата. Возможно, в этом разница их Сил. Драконы взбесились, ощутив ту черную дрянь, что гналась за мной. Фиалка же привлекла Гора, и злости рядом с ней он не ощущает. Но вернемся к насущному. Она все еще в драконнике и по-прежнему голодна, а на жажду жаловалась несколько хоров назад.

Маги встрепнулись и вернулись к спору.

— Если неудачно переправим корзину, то Гор будет готов к тому, что может открыться портал, — заговорил Раймус. — Лучше сразу. Поглядим, поставим корзину и уберемся.

— Но портал не безопасно, дракон его тоже увидит, — не согласился Шефри. — А что думает наш господин?

Все взгляды обратились к Рику. Он поджал губы и потер подбородок. Посмотреть, как себя чувствует Фиалка, ему хотелось.

— Нужно отвлечь Гора, — наконец сказал аниторн. — Пока он будет торчать в воротах, передадим корзину и посмотрим, как она там. В конце концов, точечных переносов может быть несколько, и мы можем воспользоваться ими, если мой дракон помешает.

Магам возразить стало нечего. Драконовод, пытавшийся помочь Гору расслабиться, вызвался идти к драконнику.

— Господин, дракон меня запомнил, так что точно отвлечется, — сказал он.

— Только близко не подходи, — улыбнулся Риктор, понимая, что имеет в виду драконовод. — Ты мне живым нужен. Накормим Фиалку, и я вернусь к драконам. Если все получится, у вас будет разом шесть пробуждающихся огненных драконов... семь.

— Аскерду намного лучше. Думаю, ночью он уже изрыгнет свое первое пламя, — ответил мужчина, наскоро помолился и поспешил к первому драконнику.

Риктор проследил за ним и вздохнул, подумав, что помощь магов-драконоводов бесценна. Гору пришлось страдать несколько дней, Аскерд с их помощью пережил пробуждение всего за день. Но уже через мгновение мысли его снова вернулись к Фиалке. Лорд дождался, когда его дракон высунет голову из драконника, злобно шипя и фыркая на драконовода, и коротко велел:

— Открывай.

Переход блекло вспыхнул, и пространственное окно открылось. Фиалка, сидевшая на седле, снятом со стойки с упряжью, подняла голову и только хотела подняться на ноги, как по замку разнесся взбешенный рев дракона, и Гор, несмотря на свой размер, споро развернулся и бросился к portalу. Один из магов успел просунуть корзину, и жар драконьего пламени затопил пространство. Переход закрылся раньше, чем пламя долетело портала, но уже было понятно, что очередная корзина так и не дошла до узницы.

— Чтоб тебя разорвало! — в ярости заорал аниторн. — Гор! Ты чудовище! Дай же ее накормить!

Ответом ему стал рев не менее злого дракона. Илейни сжал кулаки и решительно направился к драконнику. Маги поспешили преградить ему путь.

— Обездвижим, — пообещал ему Шефри.

— Убью, — в ответ пообещал Рик.

— Это потом, но сначала обездвжим, — заупрямился младший Дальгард. — Сейчас следующую корзину отправим без портала, к чему лезть в пасть к злому дракону?

— Отправляйте, — мрачно ответил аниторн и шумно выдохнул.

Прислуга, сообразившая, что от них ждут, уже тащила очередную корзину с едой. Замок снова замер в ожидании, чем закончится седьмая попытка накормить узницу Гора. Через несколько мгновений корзина исчезла, а из драконника долетел возмущенный крик Фиалки:

— Гор! Зачем ты ее растоптал? Ты меня голодом уморить хочешь?!

— Он ее растоптал! — крикнул драконовод.

— Слышали, — ответили помрачневшие маги.

— Хорошо, хоть услышали раньше, чем он крикнул, — усмехнулся Шефри. — Хоть бы говорил дурень, что дракон растоптал. А то она...

— Ты хоть не раздражай! — воскликнул Рик и заложил руки за голову, издав громкое: — У-уф-ф. Давайте еще раз, вдруг образумится.

Однако отправить восьмую корзину не успели. От ворот бежал страж. Он остановился недалеко от лорда, округлив глаза, и потыкал пальцем в сторону ворот.

— Что? — раздраженно спросил Илейни.

— Господин, там это... Тварь.

— Что? — не понял Риктор.

— Это... тварь белая в замок просится. Рычит, угрожает, клыки показывает, — ответил страж, и аниторн взвыл:

— Да что же за день такой?! То Виллиан, то тварь, то собственный дракон с ума сходит. Веди!

Страж поспешил впереди стремительно шагающего лорда. Риктор поднялся на стену, взглянул вниз, и глаза его округлились, став похожими на глаза стражи.

— Пристрелить? — спросил из воинов, поднимая арбалет.

— Не смей! — гаркнул лорд и улыбнулся. — Это Лоэль. За хозяйкой пришел. Откройте ворота.

— Господин, это каяр, — несмело возразил бегавший за хозяином стражник.

— А я думал — девица, — издевательски усмехнулся аниторн. — Откройте.

Он сбежал вниз и встал перед воротами. Стражники прикрыли собой господина. Рик тихо зарычал, свирепея, и от души пнул коленом под зад одного из стражников, второй отошел в сторону сам.

— Он меня знает, болваны! — рявкнул лорд и мотнул головой, успокаиваясь. — Откройте ворота, это мой знакомый каяр. Бездна! Уф.

Воины потянули одну из створ в сторону, стараясь остаться за ней, и Лоэль вошел в замковый двор. Он ощерился и огляделся, приняхиваясь. Рик шагнул к зверю.

— Лоэль, — позвал он.

Каяр повернул голову к аниторну, и Риктор внутренне поежился под взглядом красных глаз.

— Идем, — поманил зверя лорд. — Ты явился весьма кстати.

Лоэль постоял мгновение и двинулся за хозяином замка.

— Корзину, — велел Илейни. — Лоэль, надеюсь, ты меня понимаешь. Нужно отнести твоей хозяйке корзину с едой. Ее охраняет Гор, но тебя должен пропустить. Ты каяр Фиалки, и твердолобый дракон тебя знает. Вся надежда только на тебя. Понимаешь?

Лоэль склонил голову на бок, и Рiku вдруг подумалось, что она почти вровень с его головой. И пасть хищника вполне вместит человеческую голову. Однако отбросил ненужные опасения и протянул корзину каяру.

— Отнеси Фиалке.

Зверь открыл пасть, осторожно взял в зубы ручку корзину, тихо рыкнул и сделал шаг от аниторна.

— Туда, — указал рукой на ворота драконника лорд. — Она там. Неси.

Лоэль неспешно направился к драконнику, но, так и не дойдя, поставил корзину на землю, задрал голову и завыл. Тут же из драконника донесся голос Фиалки:

— Лоэль? Лоэль, это ты?

Каяр ответил новым воем. Из ворот показалась голова Гора. Он устремил взгляд на белого зверя, приняхался и... подвинулся, позволяя Лоэлю пройти. Тот снова поднял корзину и прошествовал в драконник. Дракон обвел двор взглядом и исчез вслед за каяром. Рiku показалось, что замок вздрогнул от дружного:

— Получилось!

— Получилось, — проворчал лорд. — А добыть-то ее как оттуда и не разъярить Гора?

На этот вопрос ответа у него не было. Протяжно вздохнув, аниторн направился ко второму драконнику. Он прошел мимо узилища Фиалки, задержавшись на мгновение, чтобы прислушаться к происходящему. Женщина разговаривала с Лоэлем, он поскуливал в ответ, Гор ворчал, но злости Рик не уловил и немного успокоился. Каяра было бы жаль, но, похоже, он сделал правильный вывод, дракон белого зверя не воспринимал, как соперника.

Аниторн постарался временно избавиться от мыслей о Горе и Фиалке. Дархэйм обязательно вернется, и если он знает о том, где находится место прорыва, то нашествие может начаться в любое мгновение. Риктор снова остановился, теперь перед воротами второго драконника. Зачем вообще Дархэйм появился в его замке? Почему прятался под личиной придворного поэта? И как давно прятался? Судя по тому, как свободно он беседовал с ними с Дальгардом, полувиллиан находился во дворце...

— Бездна, — выругался аниторн. — Нужно поговорить с Ледагардом. Как только закончу здесь, сразу вызову его.

Кивнув сам себе, Рик вошел в драконник. Следом за ним вошли маги, они остановились на пороге, и аниторн почувствовал раздражение.

— Все свободны, кроме драконоводов, — сказал он, не оборачиваясь.

— Мой лорд... — начал Раймус.

— Оставьте меня, — отчеканил Риктор. — Вы мне мешаете.

Лорды склонили головы и покинули драконник, не произнеся ни слова. Остались только драконоводы. Они замерли, пристально следя за драконами, но великаны спокойно встретили последнего Илейни. Ханнис и Воитель сразу потянулись к нему, остальные смотрели на человека, сумевшего привлечь их непонятной, но притягательной силой, шедшей от него. Рик отметил, что близнецы держатся рядом, вредина улегся и делает вид, что ему все безразлично, но уши его вывернуты, и дракон чутко прислушивается к происходящему. Аскерд снова спал, свернувшись в дальнем углу драконника.

Воитель лизнул мужчину в щеку и что-то завохтал, заворчал, но Ханни оттеснила самца в сторону и склонила голову к человеку.

— Малышка, — улыбнулся ей Рик и раскинул руки, прижавшись к телу самки.

Она довольно урчала, хвост драконицы шуршал по каменным плитам, и Воитель за ее

спиной начал подвывать, требуя объятий. Аниторн нахмурился, понимая, что ничего не происходит. Он стоит обнимает драконицу, но нет того, что пробудило огонь в Аскерде.

— Что за ерунда? — пробормотал мужчина, отступая от Ханнис и потирая подбородок.

— Что случилось, господин? — спросил один из драконоводов.

— Ничего не случилось, но почему? — скорее, сам себе ответил лорд.

Риктор поднял взгляд на Ханнис. Драконица смотрела на него с доверчивым интересом. Она перешагнула с лапы на лапу и снова склонила голову. Аниторн погладил ее и отвернулся, пытаясь найти ответ на свои вопросы. Мужчина прошелся по драконнику, остановился перед спящим Аскердом. Как же вышло с ним? Рик запустил пальцы в волосы и сжал кулаки. Усталость была невероятной. Бессонная ночь с кратким забвением под утро, пробуждение огня у Аскерда, Виллиан, появление Фиалки, устремления Гора и попытки накормить его узницы. Убитые воины, раненые маги, прилет новых драконов. Этого было слишком много для одного дня. Он был вымотан и обессилен. Голова наполнилась множеством разных мыслей, напоминая улей с растревоженными пчелами.

Аскерд фыркнул и вытянулся в полный рост. Риктор присел на корточки и осторожно погладил его. И вдруг понял, что ночью он ни о чем и ни о ком не думал, полностью отдав себя дракону. Восхищался им, любовался, был открыт для великана. Его душа сама стремилась навстречу с душой серого летуна.

— Нужно забыть обо всем, — прошептал Илейни. — Сейчас забыть обо всем и обо всех. Только я драконы.

Он обернулся и сразу уперся взглядом в грудь Воителя, все это время, сопевшего над ним, но в своей задумчивости Рик не замечал дракона. Аниторн поднял голову и улыбнулся добродушному ласковому великану. Тот вывалил из пасти, став похожим на огромного пса, покрытого чешуей. Хвост дракона шуршал по полу, дергаясь из стороны в сторону. Мужчина рассмеялся и протянул к Воителю руки. Дракон тут же облизал их и замер, как только человек шагнул к нему. Теплые ладони легли на чешую, и великан зажмурился от удовольствия, ему было приятно.

Рик слушал удары драконьего сердца, закрыв глаза. Мысли вдруг исчезли и остались только он, дракон и размеренный удары. Пустота вокруг заполнилась глухим «бух...бух...бух», и лорд выдохнул, полностью растворяясь в драконьем существе, щедро делясь с ним жаром своим жаром. Под ладонями стало горячо, Воитель вздрогнул, дернулся, но Рик прижался к нему щекой и шепнул:

— Я с тобой.

И они, действительно, были вместе: человек и дракон — парящие в бездонной черноте мироздания, прочерченной прожилками огня, вспыхивающими все ярче, обжигающими, ослепляющими, испепеляющим. Воитель заревел, и лорд словно увидел лаву, бегущую по кровотоку летуна, воспламеняющую кровь. Вот она добралась до сердца, обхватила его, проникла внутрь и... все закончилось. Жар спал, оставив после себя мягкое тепло, но и оно скоро исчезло, оставив ощущение покалывания в кончиках пальцев. Покачнувшись, аниторн тяжело опустился на пол. Он поднял голову на дракона. Воитель, оглушенный своими чувствами бухнулся напротив на задние лапы и издал протяжное и изумленное:

— У-у-уф-ф.

— Кажется, у нас получилось, мальчик, — устало улыбнулся Рик. — Дальше тобой займутся эти парни. Прости за то, что тебе будет больно из-за меня, но тебе помогут. Верь мне.

Серый дракон склонил голову на бок, слушая человека. Затем потянулся к нему, приблизив морду к его лицу. Лорд обнял ее ладонями и звонко поцеловал в нос. Воитель облизал лицо человека, завалился на бок и плутовато посмотрел на нового друга.

— Мы потом обязательно поиграем, парень, — рассмеялся Рик. — Обещаю.

Дракон потерялся о протянутую ладонь и проводил мужчину взглядом. Теперь Риктор подошел к Ханнис.

— Прости, принцесса, но так нужно, — сказал он с извиняющейся улыбкой. — Это будет быстро и немного неприятно, но у тебя будет пламя, как у древних сородичей. Доверишься мне?

Ханни сама сделала разделявший их шаг, шумно вздохнула и замерла, позволяя человеку сделать то, чего он хочет. Она ни разу не шелохнулась, и, лишь когда жар полоснул болью, завывла, распахнула крылья, но не отошла, вытерпев пробуждение древней драконьей Силы. После опустилась на брюхо и проводила человека понимающим взглядом. Аниторн обернулся, улыбаясь драконице с необычайной нежностью.

— Настоящая мудрая принцесса, — произнес он, и Ханнис склонила голову на бок, став похожей на кокетливую женщину.

Из двух близнецов Илейни выбрал сначала самого суетливого и впечатлительного — Хагарда. Дракон попятился от странного человека, но за его спиной появился брат и не позволил уклониться от объятий Рика. Аниторн поднял голову и встретился со взглядом умных глаз старшего близнеца. Свой огонь Хардар получил после брата, спокойно выдержав боль и обжигающий жар, затем склонил голову перед человеком, то ли благодаря, то ли выражая почтение, и отступил, давая ему пройти к последнему из новоприбывших драконов. Рик обернулся и увидел, как Хардар трется головой о шею брата, что-то ворча на подвывающего близнеца. Успокаивает, понял лорд.

— Алармис, — Риктор насмешливо изломил бровь, — обнимемся.

— Фур-р, — ответил дракон и отвернул морду.

— Боишься? — поддел его человек.

— Пф.

— Врешь. Ты боишься.

— Пф-ф.

— Ну и сиди без огня. Я тоже гордый и вредный. Уговаривать не буду.

Из глубины драконника зафыркала Ханнис, заворчал Воитель, только братья не обращали ни на кого внимания, занятые друг другом. Алармис заворчал и повернулся к человеку спиной. Рик хмыкнул и громко произнес:

— Я ухожу. До встречи настоящие огненные драконы. Алармис, счастливо оставаться.

Он сделал несколько шагов к воротам и едва не упал, когда в спину его толкнули. Риктор обернулся и хохотнул, глядя на Алармиса, стоявшего позади. Дракон уселся на задние лапы, отвернул морду и «не замечал» человека, глядевшего на него. Покачивая головой, лорд подошел к великану, обвел пальцами чешуйки и прижался всем телом, обнимая и нашептывая. Уши дракона встали торчком, он слушал шепот и негромко ворчал, отвечая. А когда обжигающая лава прокатилась по драконьему существу, тихонько завыв, закинув назад голову.

— Я с тобой, я всегда буду рядом, — продолжал шептать Рик, успокаивая и жалея летуна. — Прости меня за эту боль, я страдаю вместе с тобой, парень.

— У-ур-рф, — заревел тот.

Илейни отошел в сторону и посмотрел в глаза дракону. Алармис оскалил зубы, резко наклонил голову, приблизив ее к лицу человека, но вдруг лизнул и с сознанием собственного величия вернулся на свое место. Риктор проводил его взглядом и шумно выдохнул, мазнув драконоводам:

— Они ваши... Облегчите...

Покачиваясь, покинул драконник и уже за его пределами потерял сознание. Следующее, что увидел аниторн, открыв глаза, было недовольное лицо Расследа. Целитель качал головой и поджимал губы. Молча погрозив Риктору пальцем, старик отошел от него, ворча что-то о глупой молодежи, которая не слушает старших и ночи проводит на ногах, вместо того, чтобы спать.

Лорд сел, устало потирая лицо. У него было ощущение, что его выдернули из глубокого сна, но дел оставалось еще много, и разлеживаться было недопустимо. Но едва ноги аниторна коснулись пола, как целитель налетел на него с неожиданной для его возраста прытью. Он толкнул Рика на подушку и навис сверху:

— Лежи, мальчишка! Даже не вздумай вставать до завтрашнего утра.

— Рас, ты озверел? — искренне удивился лорд.

— Лежи, говорю, — насутился старик.

— Да что такое?! — возмутился Риктор, порываясь встать.

— Он еще спрашивает, что случилось! — всплеснул руками Расслед. — Ты потерял сознание, вот, что случилось. Прямо у драконника. Переполошил всех. Тодар принес тебя в покои. Как так можно? Никакой заботы о своем здоровье! Одни драконы на уме и женщины.

— Рас, Гор, между прочим, твою дочь удерживает в драконнике. И если помнишь, ты отдал мне ее руку, так что я забочусь и о тебе, неблагодарный старик, чтобы ты еще внуков смог покачать на своих коленях, — наставительно произнес аниторн и улыбнулся.

— Только я своей дочери еще в глаза не видел, — проворчал целитель. — И не о Горе я сейчас говорю. О новых драконах.

— Рас, объясни толком, отчего столько желчи? Что со мной случилось такого ужасного, что ты рычишь на меня? — возмутился лорд.

Расслед присел на край ложа и вздохнул, глядя себе под ноги.

— Нелепица какая-то, — сказал целитель. — На лицо все признаки магического истощения, но у тебя магии, как не было, так и нет. А драконоводы говорят, что ты выложился на новых драконах. Рик, что происходит? Я не могу найти твой источник, да в Бездну! У тебя вовсе нет источника! И как ты можешь быть магом, не обладая даром? Источника нет, а магическое истощение есть. Как так? И какого рода магия? Я ничего не вижу, и это чрезвычайно раздражает. — Расслед поднялся на ноги и рубанул рукой по воздуху. — Но вставать тебе до утра нельзя! Сейчас принесу свой настой. Поешь, выпьешь его и спать.

Рик проследил взглядом за стариком. Расслед переживал, он всегда переживал за молодого лорда.

— Рас, — позвал он. — Присядь, добрый друг. Возможно, вместе мы разберемся, что со мной происходит.

— И говорить бы теперь сейчас поменьше, — проворчал старик, но вернулся и сел рядом, приготовившись слушать.

— Ты помнишь, мы говорили с Дальгардом о вторжении Виллианов и о властелине Риера? Валистар Илейнарий, помнишь? — целитель кивнул. Он был участником многих

разговоров и созвучие фамилий отметил, как и все, кто слышал их. — Сомнений нет, Валистар мой предок, и род Илейни начинается не от Риктора Отважного. Он намного древней и... — лорд усмехнулся, — знатней.

— Но Валистар был...

— Магом, Рас, — улыбнулся Рик. — Властитель Валистар был магом-стихийником, возможно, сильнейшим из всех, о ком мы слышали. Он сумел затопить свои земли, населил новое море камгалами, поставив их на страже, приручил драконов и отказался от права, данного ему рождением, став хранителем Побережья — того, что осталось от некогда огромного королевства. Что он сделал со своей магией, мы не ведаем, что она перестала быть явной, но сегодня ночью я выяснил, что мне подвластен огонь драконов. Я могу пробуждать его ото сна, понимаешь? — глаза аниторна загорелись мальчишеским азартом. — Но ведь Валистар владел не одной стихией, если сумел затопить Риер, и это значит, что мне откликнется море. Я прав, Рас? Ну, скажи же, что я прав! Рас! Я не знаю, как это получилось...

— Но источника нет! — воскликнул целитель. — Без источника неоткуда черпать Силу! Что вступает во взаимодействие, если нет отправной точки выплеска? Рик, невозможно брать Силу из ниоткуда.

— Значит, моя магия иного рода, — лорд порывисто сел и вцепился взглядом в блеклые глаза старого целителя. — Что можно было сделать с магией, чтобы она приходила извне? Рас! Ты сухой, упертый, не верящий в чудеса старик! Ну как ты можешь говорить, что такого не бывает, когда оно есть? А если Валистар изначально обладал другой Силой? Что если это древняя магия?!

— Магия неизменна, — наставительно произнес Расслед. — Она либо есть, либо нет вовсе, но вот так, как у тебя — такого не бывает. Ты остался обычным человеком, не имеющим дара, однако сумел пропустить потоки, давшие толчок к пробуждению огня у драконов. И я даже склонен в это верить... — Риктор фыркнул и мотнул возмущенно головой. — Да-да, я не ставлю под сомнения то, что ты смог ты это сделать. И это даже объясняет магическое истощение. Многие начинающие маги, еще не знающие своих возможностей, зачастую выплескивают свою Силу, вычерпывая источник почти до суха, и только такие вот обмороки спасают их от возможности полного выгорания. Но нужен источник! А тебя его нет.

— Рас, ты меня раздражаешь, — проворчал Риктор и упал обратно на подушки. — Значит, мне он не нужен. Но, — аниторн опять сел, — согласись, что и вода может отозваться на мой призыв. Как это делается, Рас? Расскажи! А воздух? Валистар должен был как-то сделать так, чтобы почувствовать появление незваных гостей. Камгалы поднимутся со дна, почуяв чуждую миру Силу. Но они остаются в воде, а Враг может направиться не в сторону Побережья. Чтобы догнать и уничтожить, в драконниках бывшего властителя появились драконы, огненные драконы, Рас. Ими правили маги, способные прикрыть уязвимых летунов от черной Силы. Но как он должен был узнать о появлении? Почувствовать? Не-ет, друг мой упрямый, Валистар все продумал, я уверен. Он окружил место прорыва чем-то большим, чем море и камгалы. И я узнаю это!

— Мальчишка, — целитель несильно шлепнул лорда-аниторна по лбу и покачал головой. — Подумай хоть раз о себе. Послушайся меня и проспай до утра. Пусть отдохнут твои тело и разум. И пусть у тебя нет источника, но истощение имеется. Дай себе отдых, мой мальчик. Он тебе необходим.

Лорд бросил на старика взгляд исподлобья.

— Мне нужно поговорить с королем. Фиалка в драконнике, у нее нет даже лежанки, чтобы выспаться. Нет воды, чтобы привести себя в порядок. И еду удалось передать только с каяром. Мне нужно узнать, как раненые, проверить...

— Я тебя сейчас сам придушу, и это будет милосердием! — воскликнул Расслед. — Ты глупец, который не желает слушать мудрых советов. С ранеными все хорошо. В отличие от тебя они сейчас спят, и завтра будут здоровы и полны сил. А ты...

— Обещаю, что сегодня больше ни в ком огня не пробужу, бегать и ругаться не буду. Все, что касается охраны, моих воинов и прислуги я поручу выполнить Тодару. Только поговорю с Ледагардом и позабочусь о Фиалке. И тебе бы не мешало хоть немного тревожиться о ней, — с укоризной заметил лорд.

— А я и тревожусь, — Расслед поднялся на ноги. — Бедная девочка сидит в драконнике, ворота настезь, сквозняк. Уже почти ночь, и с моря тянет прохладой. Гор ведет себя отвратительно. Но между неизвестной будущей дочерью и тобой я выберу тебя!

— А я ее, — Рик решительно поднялся с ложа. — В этой женщине я вижу будущее своего рода. И не вздумай отговаривать меня, или мы поругаемся. Лучше помоги продержаться, пока не закончу своих дел, а после выпью твою настойку и просплю до самого утра. Клянусь!

Целитель махнул рукой на своего подопечного и сунул ему пузырек с бодрящим зельем.

— Держи, как знал. Неугомонный.

— Рас, ты лучше всех! — воскликнул аниторн, выпил зелье и поспешил к дверям, но уже взявшись за ручку, смущенно потупился и вернулся за штанами. — Пожалуй, оставлю свою гордость тайной для обитателей замка.

— Да уж, сделай милость, — зафыркал старик, смеясь в ладошку.

— Не понимаю, зачем меня нужно было раздевать настолько, — недовольно проворчал лорд, оделся и бросил взгляд Расследа.

— Я должен был все осмотреть, — важно сообщил старик, и Рик усмехнулся:

— Нам с Гором везет на любопытных целителей. И что вас все на непотребства тянет.

И, не отвечая на изумленный взгляд Расы, покинул свои покои. Первым делом аниторн спустился во двор. Стражи склонили головы при появлении господина, но укор во взглядах лорд заметил и едва не заскрежетал зубами. Нянюшек собрался полный замок. Однако мужчина взял себя в руки, памятуя об обещании данном целителю, и указал взглядом на драконник:

— Что там?

— Все спокойной. Гор затих, как только все разошлись. Каяр не выходил, леди молчит.

Аниторн кивнул, принимая ответ, и ушел в замок. Но вскоре вернулся с целой процессией слуг, несших с собой объемные свертки, котелок с зачарованной водой, как в лохани в умывальни, один тащил саму лохань. Еще одну корзину с едой и бутылками с питьевой водой. Несли свертки с подушками, одеялами, тонкой периной, скрученной и перетянутой бечевкой. А последний тащил спешно скрепленный настил, к которому была привязана веревка, чтобы каяр мог утянуть за собой, все добро, которое погрузят на доски. Когда все было собрано, и Рик приставил ко рту руки, чтобы позвать Лоэля, появился Расслед, бросил взгляд на лорда и остановил его:

— Хватит издеваться над девочкой. Пусть поспит в замке, а не в драконнике.

— И как мы ее оттуда вытащим? — скептически спросил Илейни.

— Сама выйдет, — ответил целитель. — Сейчас я усыплю дракона. До рассвета точно не проснется. Есть у меня одно средство, должно получиться.

— Не отравится? — с тревогой спросил Риктор.

Расслед одарил его возмущенным взглядом и отправился к драконоводам, готовившим мясо драконам. Аниторн потер руки, но челяди пока велел ничего не уносить. С Гором он уже ни в чем не был уверен. А пока Рас поливал своим зельем пищу для черного дракона, Илейни направился ко второму драконнику, чтобы узнать, как себя чувствуют остальные летуны.

Второй драконник дышал умиротворенностью, отозвавшейся в душе мужчины неожиданным всплеском нежности, и лицо его осветилось улыбкой. Великаны спали, мирно посапывая и что-то ворча во сне. Два мага-драконовода дремали на длинной скамейке, принесенной ими, подложив под головы свернутые плащи. Только Аскерд поднял голову и взглянул на человека. Рик направился к нему, осторожно переступая через вытянутые хвосты, лапы, распластанные крылья. Увидев близнецов, положивших головы на тела друг друга, лорд едва сдержал тихий смешок. Ханнис спрятала голову под крыло, Воитель дергал во сне лапами, словно бежал куда-то. Рик нагнулся над ним и вслушался в частое дыхание.

— Тш-ш, — произнес мужчина, и дракон затих, шумно вздохнув.

Алармис отвернулся от всех, даже во сне сохраняя независимый вид. Аниторн покачал головой, хмыкнул и остановился перед Аскердом, севшим на задние лапы при приближении человека.

— Как ты, дружище? — шепотом спросил Рик.

— У-у-у, — ответил дракон, прижимаясь головой к плечу лорда. — Рар-р.

— Скоро ты выдохнешь свой первый огонь.

Аскерд прикрыл глаза, и аниторн погладил его, обрисовав пальцами драконье ухо.

— Мне нужно идти, но я тебя еще навещу, — пообещал ему Риктор.

Дракон улегся, не споря. Он был спокойней и покладистей Гора. Протяжно вздохнув, мужчина покинул драконник и направился к Расу, ожидавшего его. Целитель довольно потер руки, давая понять, что он свое дело сделал. Илейни посмотрел на ворота первого драконника. Гор высунул голову, обнюхал поднесенный поддон с мясом и скрылся. Расслед и Рик переглянулись, но дракон вернулся и принялся за еду. Мужчины облегченно вздохнули. Вскоре великан скрылся в драконнике.

— И когда? — спросил Рик.

— Не знаю, — пожал плечами целитель, чем заслужил возмущенный взгляд лорда. — Будем ждать.

Уже окончательно стемнело, когда в воротах драконниках появилась сама Фиалка. Рядом с ней вышагивал верный Лоэль, поглядывавший по сторонам. Но никто не спешил обидеть его хозяйку, и каяр успокоился. Рик направился женщине навстречу, напряженно следя за воротами драконника.

— Он спит, — сказала она. — Опоили?

— Вынудил мерзавец, — проворчал аниторн, обнимая Фиалку за плечи.

— Бедняжка. Он так боролся со сном, но проиграл, — женщина отстранилась и с явным удовольствием потянулась. — Как же хорошо на свободе. Я чуть не взвыла от скуки. Долго проспит дракон?

— Должен до утра, — отозвался целитель, с интересом рассматривая Фиалку.

Рик взял ее за руку и подвел к Расследу. Старик покосился на каяра, но тот уселся на

каменные плиты и, кажется, перестал обращать на людей внимание.

— Рас, позволь представить тебе твою будущую дочь — Виалин, но мне больше нравится имя, под которым я узнал ее — Фиалка, — затем улыбнулся своей спутнице. — Цветочек, позволь познакомить тебя с твоим отцом — лорд Расслед Верд. Дорогие родственники, обнимитесь.

Фиалка посмотрела на лорда Илейни, усмехнулась и протянула руку целителю.

— Доброй ночи, лорд Верд, — сказала она. — Зовите меня Фиалкой, это имя я тоже люблю больше. Старое наполнено неприятными воспоминаниями.

— Мне жаль, что такое милое дитя успело нажать неприятных воспоминаний, — ответил Рас. — Лорд-аниторн так нетерпелив. Он уже именует нас родственниками, но я все еще не знаю, согласны ли вы стать мне дочерью? Что до меня, то я был бы счастлив иметь такую прелестную дочь. Мое старое слабое сердце радуется от сознания того, что ему будет кого любить на закате жизни.

Глаза целителя блеснули лукавством, и затворница рассмеялась.

— У Раса очень слабое сердце, — сокрушенно вздохнул аниторн. — Ему можно только радоваться и совсем нельзя огорчаться.

— Мужчины полны коварства, — она укоризненно покачала головой. — И вас совсем не пугает мое происхождение, лорд Верд?

— Зовите меня Расследом, милое дитя, — Рас заключил руку Фиалка в свои ладони. — В этой жизни я боюсь только за этого высокородного оболтуса и безумно рад, что он встретил женщину, которая, наконец, пришлась ему по душе. Если вы не откажетесь, я, действительно, с радостью назову вас своей дочери. Мне нечего передать вам по наследству, кроме своих знаний целителя, но я буду счастлив дать вам свое имя. Оно не имеет пятен, и я буду горд, если вы примете его. Леди Виалин Верд — звучит неплохо, как вы считаете?

— Замечательно звучит, — скромно потупившись, ответила Фиалка. — Я буду счастлива принять ваше имя, лорд Расслед, и с не меньшей гордостью буду носить его.

Мужчины одновременно выдохнули, и затворница только поняла, что ее ответа ждали, затаив дыхание. Рик встрепенулся:

— Время идет, — сказал он, обнимая женщину за талию. — Твои покои уже готовы, лохань полна горячей воды. Надеюсь, ты не оскорбишься, получив пока платье с плеча одной из служанок? Портной снимет мерки...

— Не оскорблюсь, — остановила его Фиалка. — Свою смену одежды я использовала еще в пути.

— Тогда идем...

Но теперь лорда прервал целитель. Он вежливо кашлянул и пристально посмотрел на руку господина.

— Что? — не понял Рик.

— Мой лорд забывается, — ответил Расслед. — Благородную леди не пристало лапать, как простолюдинку. Когда господин женится, он сможет трогать свою супругу, как ему угодно, но сейчас настоятельно прошу убрать руки от тела моей дочери. Ведите леди Верд, как полагается, или же отойдите вовсе.

— Она еще не твоя дочь! — возмутился аниторн.

— Признание леди Виалин своей дочерью я напишу быстро, вы подпишите еще быстрее и поставите под ним свою печать, — возразил целитель. — Это всего лишь бумажная волокита. Фиалка является моей дочерью с того мгновения, как озвучил вопрос и получил

ответ. Прочь руки, мой лорд.

— То Гор, то строгий папаша, — желчно отозвался лорд Илейни. — Как вы меня все бесите! — после церемонно поклонился Фиалке, хранившей на лице невозмутимое выражение. Но смешинки в синих глазах выдавали, что затворницу забавляет происходящее. — Моя дорогая леди...

— Кхм!

— Что, Рас? Бездна! Леди Верд, позвольте сопроводить вас до предназначенных вам покоев.

— Благодарю, лорд-аниторн, — не менее церемонно ответила женщина, отточенным движением сжав двумя пальцами подол платья и величаво склоняясь в ответном поклоне. Расслед удовлетворенно вздохнул.

Они вошли в замок, поднялись до покоев, предназначавшихся госте лорда Илейни, и только Риктор открыл дверь перед Фиалкой, как целитель снова кашлянул. И даже злобный взгляд аниторна не поколебал каменного спокойствия престарелого мага.

— Рас, не написать ли тебе пока необходимые бумаги? — ядовито спросил Рик.

Расслед величавым жестом достал из рукава свиток и протянул господину:

— Не хватает лишь имени девочки и вашей подписи, мой лорд, — невозмутимо сообщил он.

— И когда успел? — усмехнулся Риктор.

— Времени у меня было предостаточно, господин, — склонил голову целитель. — Оставим мою дочь на попечение прислуги, а сами удалимся в ваш кабинет, и вы, наконец, воссоедините нас с моей дочерью.

— Юркий змей, — обличительно произнес Илейни, нацелив на Расследа палец. — И знай, Рас, ты вонзил мне в спину нож.

— Я целитель, мой лорд. Сам вонзил, сам залатаю, — скромно ответил маг.

Рик зафыркал не хуже Гора, выхватил у старика свиток, одарив его тяжелым взглядом, и стремительно удалился под негромкий смех Фиалки. Зло рыкнув на стража, задремавшего на своем посту, сердитый хозяин замка влетел в свой кабинет, упал в кресло и вдруг рассмеялся, качая головой:

— Ну, Рас, ну, змей, — проговорил он, смахивая набежавшие от смеха слезы.

— Всего лишь отец, — произнес целитель, появившийся в дверях кабинета аниторна. — Рик, иначе не могу, правила приличия не позволяют благородной леди слишком тесного общения даже с ее женихом. Подпиши и ступай спать. Ты и так уже задержался. Как твой целитель...

— Ты мой мучитель, Рас! — воскликнул лорд. — Даже Гор больше меня пробыл рядом с Фиалкой.

— У вас вся жизнь впереди, — Расслед остался непоколебим.

Риктор испепелил целителя взглядом, развернул свиток и быстро прочитал написанное целителем. Дойдя до слов: «Признаю девицу...», — аниторн едва сдержал ухмылку, вспоминая лесной луг и стонущую от страсти женщину в высокой душистой траве. Заметил ли Расслед мечтательное выражение на лице своего лорда, появившееся после этих воспоминаний, для Рика осталось тайно. Целитель стоял все такой же спокойный и невозмутимый.

Взяв перо, не требующее чернил, аниторн вписал имя «девицы» и поставил внизу витиеватую подпись. После достал оттиск со своим гербом, поставил печать и протянул

Расследу свиток обратно.

— Примите мои искренние поздравления с обретением дочери, лорд Верд, — с улыбкой произнес он.

— Благодарю, господин, — склонил голову целитель. — Теперь мне осталось лишь ввести ее в обитель и вручить вам. Надеюсь, вы не заставите старика долго ждать внуков. Мое время безгранично, сердце слабое, ну, вы знаете.

— Внуками я готов заняться хоть сейчас, — рассмеялся Рик и умолк под строгим взглядом Расследа.

— Мы говорим о моей дочери, мой лорд, прошу помнить об этом, — напомнил маг. — Имей терпение, Рик. Эта женщина уже твоя, я видел ее взгляд. Но сначала обряд.

— Сначала Гор, — недовольно отозвался аниторн. — Впрочем, если ты и ему выскажешь все, что думаешь о правилах приличия...

— Тут я бессилён, — живо ответил целитель, поклонился и напомнил: — Не задерживайся, тебе нужен отдых. Доброй ночи, мой мальчик.

Целитель ушел, а Рик откинулся на спинку кресла, заложив руки за голову. Часть дела была сделана, Фиалка больше не являлась безродной затворнице, как и не имела ничего общего с родом Дархэйм. Аниторн сделал верный вывод, что родовое имя затворнице неприятно, и новое она примерился с явным удовольствием. Виалин Верд...

— Нет, — улыбнулся Рик. — Фиалка. Мой лесной цветок.

Вздыхнув, мужчина отключился от приятных мыслей и потянулся за передающим кристаллом. Ледагард, конечно, уже спал, но вести были слишком важными, чтобы и дальше молчать о них. Из-за Гора и его выходки аниторн не выполнил своего долга сразу, теперь придется расплачиваться за промедление, наблюдая разгневанное лицо короля. Но это было лишь каплей в море неприятностей, обрушившихся на Побережье.

— Сдурел? — это было первым, что произнес Его Величество, сверкая сердитым взглядом. — Если твои известия окажутся не настолько важными, чтобы не ждать утра, то я тебя казню. Клянусь Богами, Рик, казню и буду жить спокойно... и спать по ночам тоже.

— В моем замке был Виллиан, — без предисловий ответил аниторн, и венценосец захлебнулся очередным язвительным выпадом.

— Как? — только и спросил он.

— Под чужой личиной, государь, — ответил Рик. — И судя по всем, в вашем дворце он обитал уже давно. Энрик Дави. Думаю, истинный лорд мертв, возможно, уже давно.

— Дави? Этот поэтишка? — Ледагарда привстал в своем кресле, и его лицо сразу увеличилось. — Он же был вхож в покои королевы! Он же... Стой! — король упал обратно в кресло и яростно потер лицо. — Лорд Дави пытался прорваться в королевский родовой архив через дуру Рахел! Она успела сказать об этом перед тем, как я вышвырнул ее прочь из столицы. Вскрылись ее отношения с моим кузеном, такой скандал, Боги. Королева прибавила мне седых волос, но не об этом, — отмахнулся

— Значит, не солгал, — усмехнулся Рик. — Наслышан от самого... оборотня. Стало быть, он не обладает каким-то необходимыми ему сведениями. А зачем явился ко мне? Хотел найти то, что не нашел у вас? Разведать, что происходит в замке?

— Где он сейчас? — перебил государь.

— Изгнали, — ответил Илейни. — Погибло двое моих воинов, трое лордов ранены, не уже идут на поправку. Хвала Богам, никто из неодаренных ему не попался. Больше всех пострадал Тибод Дальгард, но и его удалось спасти. Да, еще. — Риктор скрестил на груди

руки. — В моих драконниках сейчас восемь драконов. Один огнедышащий...

— Гор, — кивнул король, и Рик поморщился.

— Второй вот-вот сможет выдохнуть свое первое пламя, и шестеро погружены в сон, их нутро готовится к рождению огня.

— Как?! — выдохнул Ледагард. — Откуда?

— Моя родовая Сила, — усмехнулся аниторн. — Оказывается, род Илейни может пробуждать драконье пламя. Думаю, это связано с Валистаром, нужно разбираться. У меня нет всех сведений... пока нет. — Он расслабился и скрыл зевок. — Думаю, Дархэйм вскоре вернется. У меня есть огненные драконы, есть маги-драконоправы, они прибыли на днях по зову родовой клятвы.

— Ого, — округлил глаза Ледагард. — У твоего рода имелись слуги, связанные клятвой рода?

Риктор кивнул и добавил:

— Но вы же помните, государь, что мой род принесет вам клятву, и все мои слуги станут вашими. — Король усмехнулся и погрозил пальцем. Аниторн ответил улыбкой. — И еще...

— Еще что-то?! — округлил глаза Его Величество.

— Да, государь, — широко улыбнулся Рик. — Но это более приятное известие. Спешу вас обрадовать, Ваше Величество. У меня появилась невеста, и я намерен пройти с ней обряд так скоро, как позволят обстоятельства. Леди Виалин Верд. Она из небогатого, но весьма древнего и славного рода...

— Верд? — Ледагард пожевал губами, что-то вспоминая, и воскликнул: — Верд! Твой целитель Верд, не так ли? Но он был бездетен, насколько я помню. Почтенный одинокий старец.

— Уже не одинокий, — снова улыбнулся Илейни. — Недавно он брел дочь. Весьма привлекательная особа. Я был сражен в самое сердце. Расслед ответил согласием на мои устремления, и я немедленно сообщаю о том, что род Илейни не прервется. Если Боги будут милостивы, то не пройдет и года, как я смогу порадовать вас сообщением о рождении своего наследника.

— Я даже отсюда чувствую запах твоего коварства, — рассмеялся король. — Да будет так. — Он немного помолчал. — Утром дознаватели проведут расследование, с кем и о чем беседовал лже-Дави. Придется вернуть шлюху Рахел, с ней и со своим дружкой Анианом Дави проводил больше всего времени. Возможно, Виллиан проговорился о своих устремлениях. Свяжусь с тобой, как только станет что-то известно. Да... тебе прислать магов-воинов?

— Думаю, будут не лишними, — согласно кивнул аниторн. — Утром соберу магов Побережья, подготовлю их, пусть держат мечи под рукой. В моем замке с Дархэймом сражались более десяти магов, но он все равно улизнул, убив двоих и ранив троих.

— Опасная тварь, — вздохнул Ледагард. — Будь осторожен, мой мальчик, и зови, если будут новости.

— Непременно, государь, — склонил голову аниторн. — Доброй ночи.

Кристалл погас, и лорд Илейни прикрыл глаза. Усталость снова накатывала тяжелыми волнами. Рас прав, нужно хорошенько отдохнуть... жаль, что в одиночестве. Но своего целителя Риктор уважал и любил, расстраивать его не хотелось. В конце концов, он прав, и впереди вся жизнь. Прежде нужно закончить с главной опасностью, а после уже

наслаждаться близостью любимой женщины.

Аниторн поднялся на ноги, потянулся до хруста в суставах, широко зевнул, пользуясь тем, что рядом никого нет, и направился в свои покои. Проходя мимо покоев Фиалки, Рик задержал шаг, прислушался, но за дверями было тихо, и мужчина проследовал дальше, мысленно пожелав леди Верд добрых и приятных снов. Он представил себе умиротворенные черты спящей Фиалки, какими видел их в лесном домике, улыбнулся и вошел к себе.

Совершив вечернее омовение, Рик наскоро вытерся, лег в постель и мгновенно провалился в глубокий крепкий сон. И когда приоткрылась дверь опочивальни, он уже не слышал, как не слышал крадущихся шагов, приблизившихся к ложу. И когда рядом вытянулось женское тело, аниторн не почувствовал. Черные, бездонные глаза с интересом смотрели на спящего мужчину, на губах играла полуулыбка. Она подперла голову ладонью, продолжая любоваться спокойными чертами мужского лица, и тихо произнесла:

— Ри-ик.

Он не отозвался, только глубоко вздохнул. Фиалка положила ладонь на широкую грудь лорда, приоткрытую легким одеялом, и с кончиков ее пальцев поползли светло серые «змейки», добрались до лица Риктора Илейни, заскользили по нему, лаская, словно легкое дыхание игривого ветерка. Забрались в волосы, и они шевельнулись, поддаваясь все тому же легкому ветру, упали на лицо, защекодав. Аниторн сморщил во сне нос. Фиалка прикрыла рот ладонью, пытаясь сдержать смех. «Змейки» метнулись за ладонью и исчезли, призванные своей хозяйкой.

Женщина придвинулась ближе, склонила голову на бок, глядя на длинные ресницы лорда. После склонилась и легко коснулась губами одного века, затем второго, поцеловала кончик прямого носа, а затем накрыла приоткрытые губы Рика своими губами. Ладонь ее нырнула под одеяло, прошлась вдоль обнаженного мускулистого тела, добралась до мужского естества, и тонкие пальчики игриво прошли по всей длине оживающего члена. Лорд судорожно вздохнул и открыл глаза. Затуманенный сном взор остановился на женском лице, и веки снова сомкнулись. Фиалка фыркнула, убрала руку от отвердевшего ствола, но мужская ладонь сомкнулась на тонком запястье и потянула обратно.

— Продолжай, — хрипло велел аниторн. — Буди меня так всегда, мне нравится.

— Всегда так, станет скучно, — хмыкнула затворница, снова приближая свое лицо к лицу Рика.

— Ты умная, придумашь что-нибудь новое, — ответил Рик, улыбнувшись, и вскрикнул, возмущенно распахнув глаза, когда вместо ожидаемой ласки, бедро обожгло болью от щипка. — Это было неумно, — сухо произнес лорд.

Порывистым движением он перевернул Фиалку, наваливаясь сверху и вдавливая ее тело в мягкую перину обширного ложа. Она уперлась ладонями в грудь аниторна, но мужчина одним движением перехватил их, заводя наверх.

— Твой строгий отец будет недоволен, — заметил Рик, целуя женщину в уголок рта.

— Но ведь ты же меня не выдашь, правда? — спросила Фиалка, прищуриваясь.

— Еще как выдам, — ответил лорд. — Ты напала на меня с намерением обесчестить. Теперь ты обязана предстать со мной перед чашей с Благословением.

— Правда? — женщина закусила губу, сдерживая смех. — Тогда почему — напала я, а сверху ты?

— И правда, это ведь ты меня хочешь обесчестить, — аниторн перекатился на спину, увлекая за собой Фиалку и освобождая ее руки от хватки. — Забери мою честь, затворница.

— Похоже, честь — это единственное, что у тебя есть, аниторн, — усмехнулась Фиалка, складывая руки на его груди и опуская сверху подбородок. — Потому что совести у тебя точно нет ни капли.

— Какое странное слово ты произнесла, — Рик почесал пальцем висок, делая вид, что задумался. — Смутно знакомое, кажется, когда кто-то произносил его при мне, но смысла уже не вспомню. И хватит болтать, потому что так не бесчестят.

— А как бесчестят? — с интересом спросила женщина.

— Ты совсем неопытна в таких делах? — полюбопытствовал лорд.

— Помилуйте, благородный лорд, откуда взяться опыту? — искренне изумилась Фиалка. — Я дважды девственница. И так как первой моей девственности вы не знали, то можете считать, что были единственным, кто сорвал мой цветок. По всему выходит, что телесную усладу я познала всего раз в своей жизни, и это вы обесчестили меня. А у меня опыта нет. Совсем нет.

— Опять все на мне, — сокрушенно вздохнул Рик. — Даже собственной чести сам себя лишать буду.

Он вновь перевернулся нависая над Фиалкой. Одеяло все еще оставалось преградой, разъединяющей их тела, и мужчина рывком откинул его в сторону. Он мгновение рассматривал женщину, застывшую под ним, а затем склонился к губам, целуя коротко и легко, еще раз и неожиданно зло прошипел:

— В Бездну всех, — и впился в ее губы, вторгаясь языком в податливый женский рот.

Фиалка задохнулась, с жаром отвечая на поцелуй. Ладони ее накрыли затылок Рика. Пальцы зарылись в темно-каштановые пряди, спутывая их. Стройные ноги обвили узкую мужскую талию, и аниторн глухо застонал, вжимаясь бедрами в увлажнившуюся женскую плоть. После чуть отодвинулся, задирая подол сорочки затворницы, провел головкой члена между нежных складок лона и с протяжным стоном вошел в Фиалку, заполняя тесное влагалище.

— Рик, — ахнула она и прогнулась, подаваясь навстречу.

Он задвигался, вторгаясь снова и снова мощными резкими толчками, продолжая терзать рот женщины жадным поцелуем. Она забилась под лордом, выгнулась, и мужчина впился губами в бешено пульсирующую жилку на шее. Фиалка вцепилась ногтями ему в плечи, срываясь в полет первого ослепляющего оргазма. И как только она затихла, расслабляясь, аниторн покинул ее тело.

Возбуждение кружило Рику голову, и его главным желанием было снова оказаться в ней и вбиваться до тех пор, пока оргазм не спалит кровь к Бездне, испепеляя нутро наслаждением, и горячее семя не выплеснется наружу, орошая женское лоно. Но это было не единственным его желанием, он успел накопить их немало. И лорд не спешил заканчивать то, чего ждал столько времени.

Отстранившись от Фиалки, он улыбнулся, ощупал женское тело хищным голодным взглядом. Скрытое тканью сорочки, оно пьянило сильнее самого крепкого вина. Тугие горошины сосков легко угадывались под тонким покровом, маня прикоснуться к ним языком, втянуть в рот, лаская, чуть сжимая губами. Он почти явственно ощутил, как ласкает высокую полную грудь Фиалки, и задохнулся от желания немедленно сдернуть ткань, начавшую раздражать взор.

Хрипло вздохнув, Рик продолжил рассматривать женщину, лежавшую рядом. Взгляд опустился ниже, скользнув по плоскому животу, и остановился на темном треугольнике

коротких волос внизу живота, открытый задранном подолом. Закусив губу, аниторн посмотрел на ноги Фиалки, вся еще расставленные в стороны, сглотнул и вернулся к лицу.

Женщина, не отрывавшая от него взгляда все это время, облизала припухшие от поцелуев губы и судорожно вздохнула. Черные глаза влажно поблескивали в темноте, затягивая в бездонную пропасть, и лорд без страха сорвался в нее, теряя голову от желания.

Рик поднялся на колени, протянул руки, сплетая пальцы с пальцами Фиалками, и притянул ее к себе, вынуждая встать на колени напротив. Они так и замерли, не расцепив рук. Женщина закинула голову, вглядываясь в глаза, нависшего над ней мужчины.

— Рик, — хрипловато выдохнула она, и он вдруг обхватил ее лицо ладонями, склоняясь еще ниже.

Фиалка почувствовала горячее прерывистое дыхание на своих губах, потянулась к лорду, и он прошептал:

— Ты сводишь меня с ума.

— Ри-ик, — полустон-полувсхлип.

— Люблю тебя, затворница, — хмелея от ее близости, произнес мужчина и снова поймал губы в ловушку тягучего, словно мед, поцелуя.

Он пил ее дыхание, ловил губами легкие стоны, сжимая в кулаке огненные пряди, оттягивая голову Фиалки назад. И она вновь хмелела рядом с ним, разом забывая обо всем, что знала раньше, забывая иные ласки, полностью открываясь Риктору Илейни. Пальцы Фиалки сжались на сильных плечах лорда, заскользили вверх, нырнули под рассыпавшиеся пряди его волос, вновь зарываясь в их густоту.

Рик оторвался от женских губ, вгляделся затуманенным желанием взором в ее лицо и, простонав покрыв его быстрыми поцелуями, спустился на шею, проведя языком влажную дорожку до мочки уха Фиалки, сжал его губами, вслушиваясь в тяжелое дыхание затворницы. Проложил дорожку влажных горячих поцелуев вниз, лизнул впадинку между ключицами и распрямился, снова отстраняясь. Одним движением спустил с покатых плеч сорочку. Ткань заскользила по женскому телу, открывая его взору налитую грудь с возбужденными сосками. Фиалка окончательно выпутала руки из сорочки, и она осталась висеть на бедрах. Рик накрыл ладонями грудь затворницы, провел по вершинам сосков, и она откинула голову, приоткрыв губы и судорожно вздохнув.

— Бездна, — глухо произнес лорд, и толкнул Фиалку назад на кровать.

Затем навис сверху на вытянутых руках, любясь страстью, искажившей красивые черты женщины.

— Я тебя съем, — искренне сказал Рик.

— Как с Гором утром объясняться будешь? — негромко рассмеялась она.

— Лучше молчи, — предупреждающе произнес аниторн.

Фиалка накрыла рот ладонью, но лорд тут же отвел ее руку в сторону и погрозил пальцем.

— Я молчу, как ты сказал, — с улыбкой сказала затворница.

— Но стонать и кричать можешь, — разрешил аниторн.

— Если будет повод, — она закусила губу, глядя в потемневшие глаза Рика.

— Повод будет, — хрипло ответил Рик. — Обещаю.

Он склонился к Фиалке, прикусил нежную кожу на шее, и она вскрикнула от неожиданности. Лорд сверкнул насмешливым взором и тут же зализал место укуса. Он рисовал губами незримый рисунок на женском теле, спускаясь к груди. Обвел языком ареолу

соска и втянул его в рот. Стон Фиалки огласил опочивальню, она прогнулась и зарылась пальцами в волосы Рика, не давая ему прерваться. Он сжал тугую темную горошину губами, посасывая ее и вслушиваясь в стоны женщины. Его ладонь накрыла вторую грудь. Мужчина играл со вторым соском, перекачивал его в пальцах, нежно касался вершинки, и Фиалка задохнулась, извиваясь от настойчивых ласк.

Лорд убрал руку от груди, сменив пальцы на свой рот, и его ладонь поползла по телу затворницы, скользнула по животу и замерла на лобке. Женщина вздрогнула и развела в стороны ноги. Рик приподнял голову, с улыбкой глядя на то, как Фиалка кусает губы, ожидая прикосновения к чувствительному месту. Она открыла глаза, встретила взглядом с лордом, и он коснулся влажного бугорка. Провел по нему кончиком пальца, едва касаясь. Фиалка откинула голову и громко застонала.

Мужски пальцы прошли по мокрым лепесткам ее лона, и один из них погрузился в сочную жаркую мякоть женского тела, вырывая из горла затворницы очередной стон. Насладившись видом страсти на лице Фиалки, Рик снова завладел соском, лаская его языком, и пальцы его вернулись к тугому чувствительному комочку в основании складок лона. Закружили по нему, задевая чувствительную вершинку, и женщина закричала. Она выгнулась всем телом, сжала в кулаках волосы лорда и понеслась на волне нового оргазма.

Отдышавшись, Фиалка распахнула глаза и села, глядя шальным взглядом на мужчину.

— Я готова тебя обесчестить, — срывающимся голосом произнесла она и опрокинула аниторна на спину.

Затем перекинула ногу через его бедро и опустилась на подрагивающий член, не выпуская его внутрь своего тела. Уперлась ладонями в груди Рика и заскользила по всей длине закаменевшего от желания члена. Закрыла глаза и откинула голову назад, хрипло и тяжело дыша.

— Это не бесчестие, это издевательство, — прохрипел лорд, жадно рассматривая женщину.

Она облизала губы и посмотрела на него.

— У меня нет опыта, аниторн, ты же помнишь.

— Я подскажу, — он перевел дыхание и указал на свой член: — Он должен быть внутри, а не снаружи. — И почти зарычал: — немедленно! Или чести тебя опять лишу я.

— Третьей у меня уже нет, — хмыкнула Фиалка, приподнимаясь.

Рик направил член в ее лоно, и женщина опустилась на него с прерывистым вздохом.

— Да-а, — протяжно простонал лорд, сжимая ладонями узкую талию затворницы.

Она задвигалась на нем, насаживая себя на возбужденную мужскую плоть снова и снова, то ускоряясь, то двигаясь медленней, подвластная рукам Рика.

— Бездна, — простонал он, резче насаживая на себя Фиалку.

Рывком сел, обвивая ее тело руками, и впился в подрагивающую от резких толчков грудь. Женщина откинула назад голову, вскрикивая, продолжая свою сумасшедшую скачку на члене лорда. Он блуждал губами по ее шее, оставляя на ней влажные дорожки своих поцелуев, притянул голову Фиалке к себе и впился в губы. Их языки сплелись, дыхание смешалось, и когда женщина протяжно закричала, мужчина громко застонал, содрогаясь от бешеного оргазма, пронесшегося по телу огненной лавой. Фиалка уронила голову на плечо Рика и, задыхаясь, прошептала:

— Люблю тебя, аниторн, люблю...

Руки лорда тесней сжались вокруг женского тела, и мужчина опустился на спину,

увлекая за собой затворницу. Перевернулся, теперь нависая сверху, и коснулся ее губ, уже без испепеляющей страсти, с невероятной нежностью, словно дыхание самой жизни, исцеляющей, дарующей силы и веру в лучшее. Фиалка зажмурилась и прошептала:

— Счастье. Таким может быть только счастье.

— Что? — все еще хрипловато спросил Рик.

— Ты похож на счастье, аниторн, — ответила она, не открывая глаз. — Такой же светлый и чистый. Может ли дочь двух темных магов и Виллиана мечтать о таком, как ты?

— Не может, — мужчина вытянулся рядом, подложив под голову руку. — Ей не нужно мечтать о том, что принадлежит ей без остатка.

Женщина открыла глаза, повернулась на бок, коснулась его щеки тыльной стороной ладони, провела до губ, и аниторн поцеловал ее.

— Мой мужчина, — произнесла она, словно смакую эти два слова, и повторила уже твердо и уверенно. — Мой.

— Моя, — эхом отозвался Рик, притягивая к себе Фиалку.

Они затихли, глядя друг на друга. Говорить уже было не о чем, да и не хотелось нарушать воцарившуюся тишину в ночном замке. Им было хорошо рядом, без слов, без громких фраз и признаний, без клятв, без уверений. Все это было лишним, потому что уже существовало, и сломить взаимное притяжение двух душ было не под силу никому, даже Богам, если бы они решились вмешаться.

— Как же долго я ждал тебя, — негромко произнес Рик, не сводя взгляда с черных глаз Фиалки.

— Как же долго я шла к тебе, — ответила она и придвинулась ближе, легко касаясь мужских губ.

Ночь давно перевалила на вторую половину, и час расставания близился, но не хотелось размыкать переплетенных пальцев, не хотелось думать, что Фиалке придется вернуться в драконник, как только встанет солнце, а Рику готовиться к возвращению Дархэйма, продолжать разбираться с прошлым своей семьи, отыскивая ответы на множество вопросов. И главным из них был его дракон.

— Гор учует мой запах, — сказал лорд.

— Я взяла у лорда Расследа... у отца, — называть так еще вчера незнакомого человека было непривычно и неловко, и все же Фиалка решилась употребить это слово, привыкая к нему. — Я взяла у отца то, что полностью отобьет твой запах, Гор останется спокойным и никому не навредит.

— Мне его не хватает, — произнес аниторн и невесело усмехнулся. — Даже в кошмарном сне мне не могло привидеться, что моим соперником станет Гор.

— Понимаю, — ответила затворница. — Когда предает тот, кому веришь всей душой — это больно. — Она поджала губы и отвернулась, но тут же вновь посмотрела на мужчину. — Но он не хотел предавать твоего доверия. Гор сам страдает от того, что не может подпустить тебя. Он боится потерять то, что ему не принадлежит, но чего он хочет всей душой. Мне жаль, что между вами встала именно я.

Риктор прижал к себе женщину и покачал головой.

— Твоей вины в этом нет. Мы найдем решение, обязательно найдем...

Стук в двери покоев прервал аниторна, и он приподнялся на локте, прислушиваясь. Стук повторился. Рик накинул халат и направился к дверям, недовольно крикнув:

— Что нужно?

— Господин, — лорд узнал голос одного из магов-драконоводов. — Аскерд.

Аниторн распахнул дверь и увидел бледное лицо драконовода с лихорадочно горящими глазами. Тут же на щеках его вспыхнул яркий румянец, и мужчина выдохнул:

— Огонь! Господин, Аскерд готов выдохнуть свое первое пламя.

— Ты уверен? — спросил Илейни и запустил пальцы себе в волосы, почувствовав вдруг сильнейшее волнение.

Драконовод часто закивал.

— Он беспокойный стал, по драконнику мечется, просится выпустить его. Остальных тревожит...

— Бегу! — выкрикнул Риктор, скрываясь в своих покоях.

Он бросился к приготовленной одежде, спешно одеваясь, но замер, поднимая голову и глядя на Фиалку, сидевшую на постели, виновато улыбнулся и кивнул на дверь:

— Там Аскерд. Огонь появился, нужно...

— Я слышала, — женщина улыбнулась и поднялась с ложа, гибко потянувшись. Она огляделась, отыскивая свою сорочку. — Я хочу с тобой, можно?

— Жду тебя, — широко улыбнулся Рик, возобновляя сборы.

— Я быстро, — кивнула затворница, натянула сорочку и бросилась к своим покоям.

Закончив одеваться, аниторн собрал волосы в хвост, после улыбнулся и вышел из своих покоев. Его стража сладко спала, сидя на полу, не проснувшись даже от разговора с драконоводом. Риктор потер подбородок и усмехнулся, сообразив, кто заставил его верных воинов уснуть столь крепко, чтобы не мешать одной юркой леди проникнуть в покои спящего господина и не слушать того, что будет происходить за дверями его опочивальни. Впрочем, услышать стражники не могли, с давних пор опочивальня лорда была скрыта за пологом тишины. Усмехнувшись, лорд Илейни покачал головой и дошел до дверей покоев Фиалки.

Вскоре она открыла дверь и выскользнула к нему. Рик успел увидеть служанку, приставленную к ней, также сладко спавшую, как и стража у дверей господина. Новоявленная леди Верд взглянула на мужчину невинным взором и сама взяла его за руку.

— Идем?

Он кивнул, но прежде всего дошел до гардеробной и взял плащ, подбитый мехом.

— Зачем? — удивилась женщина.

— Не хочу сопливой невесты, — хмыкнул аниторн. — Ты будешь чихать, твой нос распухнет и станет красным. Бр-р. Ужас, а не невеста.

И тут же охнул от нового щипка. Рик рассмеялся, обнял женщину за талию, не забыв воровато оглянуться, поцеловал ее и потянул за собой. Держась за руки, они сбежали вниз по ступеням мимо воинов, вытянувшихся при виде господина. Но господину было сейчас не до них, и стражи проводили пару любопытными взглядами. После кто-то хмыкнул, и мужчины снова замерли на своих постах.

Еще не дойдя до второго драконника, Рик и Фиалка слышали драконий рев. Аниторн выпустил руку затворницу, коротко взглянул на нее, и женщина остановилась, понятиливо кивнув. Лорд поспешил вперед, распахнул ворота, и Аскерд бросился к нему, оттолкнув недовольно ворчащего Алармиса.

— Наденьте упряжь, — приказал лорд драконоводам. После протянул руку к взволнованному дракону и погладил его. — Сейчас полетаем, мальчик.

— Урф, — выдохнул Аскерд.

Из его ноздрей вырвались струйки сизого дыма.

— Трудно держаться? — участливо спросил Рик. — Сейчас ты выпустишь его. Потерпи еще немного.

Дракон переступил с ноги на ногу и потянулся головой за спину аниторну.

— Какой красавец, — услышал мужчина голос Фиалки, наполненный восхищением.

Аскерд ткнулся в руку подошедшей ближе женщины, доверчиво потерся о ладонь и выпрямился, как только почувствовал, что на него надевают упряжь. Рик отошел к затворнице и обнял ее за плечи, глядя на драконоводов.

— Гора я всегда снаряжаю сам, — сказал он, и Фиалка услышала тоску в голосе лорда. — С детства сам его чищу, выгуливаю. И когда он впервые почувствовал силу в крыльях, не позволил драконоводам мешать его первому полету.

— Он твой друг, — улыбнулась женщина.

— Он моя семья, цветочек, — ответил мужчина и бросил взгляд на первый драконник и вздохнул: — Дуралей в чешуе.

Фиалка обняла Рика за талию и прижалась головой к его плечу. Он крепче прижал к себе женщину, поцеловал в макушку и снова посмотрел на Аскерда. Дракон уже был готов к полету. Он степенно вышел из драконника и опустился на брюхо, давая драконоправу забраться в седло. Риктор помог затворнице, следом уселся сам, прижал к Фиалку к себе и негромко произнес:

— Вперед, парень.

Аскерд неуверенно обернулся, ожидая привычных команд или легкий укол злой магии, но человек рассмеялся и воскликнул:

— Лети!

И дракон оттолкнулся от земли и взмыл в небо. Он заложил круг над замком на утесе, чутко прислушиваясь к человеку, и быстро понял его новое желание. Аскерд развернулся к морю и помчался прочь от берега. Рик тесней запахнул плащ на Фиалке, сжал кольцо рук вокруг ее тела и вслушался в учащенное дыхание женщины.

— Ри-ик, — восторженно протянула она, — это бесподобно. Невероятно!

Он громко рассмеялся и крикнул:

— Аскерд, выпусти пламя! Освети эту ночь своим могуществом!

Дракон полуобернулся, глядя на человека, и вдруг заревел, резко уходя выше, задрал голову, и из раскрытой пасти вырвался столб ослепительного белого огня. Лорд раскинул руки и захохотал, ловя встречный ветер. Ремешок сорвался с волос и исчез, унесенный воздушным потоком. Фиалка обернулась, испуганно цепляясь за камзол Илейни.

— Страшно? — спросил он.

— С тобой нет, — улыбнулась женщина.

Риктор снова обнял ее, и затворница заметно успокоилась.

— Куда мы летим? — спросила она.

— К месту прорыва, — сказал аниторн. — Я все равно хотел его осмотреть поподробней. Почему бы не сейчас? Но если...

— Летим, — прервала его Фиалка. — Мне тоже любопытно.

Они замолчали, глядя вниз. Море было спокойным, и в лунном свете была видна рябь на его поверхности. Черная вода казалась такой же бездонной, как глаза затворницы. Мощные крылья дракона, шумно испарывали воздух, унося двух людей все дальше в море, и им казалось, что во всем мире больше нет ничего, кроме серого летуна, бескрайнего моря,

таинственного неба, наполненного россыпью звезд и них. Фиалка откинула голову назад, упираясь затылком в плечо лорда. Он прижался щекой к ее волосам и удовлетворенно вздохнул.

— Представляешь, — вдруг сказал Рик, чтобы нарушить молчание, — а у меня тоже есть магия. Только она не похожа на обычную магию. Рас говорит, что у меня нет источника, и я остаюсь обычным не одаренным. Но огонь в драконах пробудила именно моя родовая Сила. В драконниках Илейни всегда были огненные драконы, и теперь я понимаю почему. Только все равно не понимаю, как это происходит и с чем связано. А еще Рас сказал, что у меня магическое истощение. Вроде бы мне должно быть плохо, а я чувствую себя прекрасно. Вроде бы маги, которые истощают свой резерв, перегорают... — Фиалка рассмеялась, и лорд насупился. — Что?

— Как может выгореть то, чего нет? — спросила затворница, выворачивая голову и глядя на аниторна.

— Поясни, — Рик внимательно смотрел на женщину.

Фиалка заерзала, пытаясь развернуться к нему. Он помог ей, и теперь затворница сидела лицом к лорду. Она накрыла его плечи ладонями, устраиваясь удобней.

— Рик, ты сам сказал — источника нет. Если у тебя его нет, то что будет выгорать? Нет источника, значит, нет резерва, а раз нет резерва, то и истощить нечего. — Он продолжал смотреть на женщину, ожидая пояснений. Фиалка улыбнулась. — У меня тоже нет источника. У Виллианов его вообще нет в том смысле, в котором его понимают все маги. В этом есть положительные и отрицательные стороны. Маг концентрирует Силу внутри себя, и когда выплескивает ее, ему нужно время на восстановление. Но когда подходит срок, он снова полон. Тело Виллиана сродни накопителю. Они берут Силу извне, потом выплескивают, набирают снова. Маг может исчерпать резерв, переутомиться и выгореть, но сейчас стали пользоваться накопителями, однако от выгорания никто не застрахован, и это отрицательная сторона. Но маги способны к восстановлению собственной Силы, и он вновь будет полон ею — это положительная сторона. Виллианы не выгорают, остаются на ногах, если исчерпали себя, не чувствуя недомогания. Однако если под рукой не будет того, откуда можно черпать Силу, Виллиан станет безопасней котенка. Даже его боевая форма зависит от наличия Силы. Они ведь похожи на нас, Рик, и смена личины происходит, когда им угрожает опасность.

— Значит, моя магия приходит извне? — аниторн потер подбородок. — Мой предок сумел избавиться от внутреннего источника, изменив сам принцип поглощения и управления своей Силой? На подобию Виллианов... Он ведь и был тем, кто дал им отпор. Властелин Риерской земли — Валистар Илейнарий. Он был магом-стихийником. Умение пробуждать огонь в драконах, море под нашими ногами, это все его рук дело. И все это ради охраны нашего мира от вторжения.

— Даже не представляю, как он смог избавиться от источника, — Фиалка задумчиво посмотрела на лорда. — Когда мой брат еще не сошел с ума, он много и подробно изучал человеческую магию. Надеялся, что сможет изменить нашу Силу. Она немного близка темной магии, и Эрх мечтал, что мы перестанем отличаться от других и сможем жить не опасаясь уничтожения. У него ничего не вышло...

— Но он пытался полностью изменить собственный дар, а Валистар только изменил способ получения магии. Он был стихийником, и хотя бы огонь остался нам подвластен. Возможно, и остальные стихии, — возразил мужчина. — Я не понимаю, как все это должно

происходить, знания рода были уничтожены сто лет назад. Об этом я тоже тебе расскажу. Одно знаю точно, Илейни ведут свой род от первого хранителя этого мира — Валистара Илейнария, властителя, отказавшегося от трона. И предназначение рода не изменилось, мы по-прежнему остаемся хранителями.

Аскерд заворчал, и аниторн замолчал, глядя вперед.

— А вот и остров. Лети туда, мальчик.

Скала возвышалась черной громадой, похожий на голову исполина в разрубленном шлеме. Рик подумал, что при свете дня он никогда этого не замечал. Аниторн вел дракона вокруг острова, указывая, где можно приземлиться.

— Когда-то здесь была горная гряда, — рассказывал он Фиалке, пока Аскерд опускался на каменную площадку. — Она и сейчас есть, только скрыта водой. Этот пик единственное, что осталось возвышаться над морем. Есть еще несколько пиков, но они дальше отсюда. Все, что скрыто морем когда-то было Риером, государством Валистара.

Лорд погладил дракона по шее, стараясь не думать о том, что здесь, точно так же он гладил Гора во время Игр. Мысли о черном драконе приносили боль сожаления и тоску об утраченном друге. Рик снял с пояса накопитель магии, и над их головами завис белый светящийся шар, мягко освещая пространство. Мужчина и женщина направились к пещере. Лорд продолжал рассказывать все, что ему удалось узнать за это время. О жрецах, чей страх правды о том, что произошло в древности на самом деле, почти погубил весь род Илейни и полностью уничтожил огнедышащих драконов.

— Знаешь, — Рик помог затворнице спуститься с уступа, — чем больше я обо все этом размышляю, тем меньше верю в то, что писалось и говорилось столько времени о драконах. И начинаю думать, что жрецы имеют касательство к тому, что количество драконов с каждым годом все больше уменьшается. Свободных летунов почти не осталось. В неволе драконы размножаются мало, и в том, что мы все еще имеем счастье видеть живых драконов, заслуга их долгой жизни. Убил бы, — вдруг остановившись, искренне произнес аниторн. — Разумнейшие создания, со своим норовом, с укладом жизни. Прекрасные, сильные, но доведенные людьми, становятся безумными убийцами и разорителями. Они прекрасно понимают человеческую речь и не могут ответить лишь по одной причине — Боги обделили их даром слова. Но когда с ними долго общаешься, можно научиться различать ответы по звукам. Ты знаешь, что драконы прекрасно общаются жестами? Каждое движение их тела — это жест, имеющий смысл. Да к Бездне, у этих великанов невероятно выразительные глаза. Они умеют смотреть лукаво, обижено, с негодованием, вопросительно, удивленно. Нужно просто быть внимательным и открытым для этих знаний, и драконы щедро делятся им...

— Ты от них без ума. — С улыбкой заметила Фиалка.

Рик хмыкнул и кивнул:

— Да. А знаешь, от кого я еще без ума?

— От кого?

Затворница сделала шаг на следующий уступ, но лорд ее дернул на себя, крепко прижимая к своему телу:

— От тебя, цветочек, — сказал он и ненадолго приник к ее губам.

— Мне никогда не сравниться с драконами, — рассмеялась женщина, как только лорд выпустил ее из объятий.

— Нет, не сравниться, — сказал Рик. И как только Фиалка обернулась, пристально глядя на него. — Ты же не дракон, чтобы соревноваться с ними. Ты моя любимая, и тебе уже

нет равных, — мужчина улыбнулся, поддел пальцем кончик носа затворницы и подтолкнул ее вперед. — Идем.

Вскоре перед ними появился черный провал пещеры, похожий на изломленный в крике рот. Светлячок вплыл темноту, выхватывая первую ступень длинной узкой лестницы.

— Осторожней, ступени скользкие, — сказал аниторн.

Фиалка молча кивнула. Ей было не по себе в жутковатой темноте, затопившей пещеру. Женщине крепче сжала руку лорда, почувствовала ответное пожатие и немного успокоилась. Его близость вселяла в затворницу уверенность, но тишина, нарушаемая только звуком их шагов, тревожила, и Фиалке захотелось нарушить ее.

— Когда мы с Дорбом прятались в Северных землях, — заговорила она, — нам как-то довелось попасть в разрушенный замок. Местные говорили, что он проклят, и Дорб решил побывать там. Я увязалась следом, не хотела надолго оставаться одна. Мы так же спускались по скользким ступеням в подземелье. Только там они были покрыты коркой льда. Я поскользнулась, и Дорб не успел меня поймать. Я катилась до самого низа, как по горке. Сердце колотилось, как сумасшедшее, но мне было весело. Правда, хохотала, как сумасшедшая, когда доехала до самого низа. Правда, потом сидеть было больно, зад стал черным, такой был синяк. А следом за мной докатился Дорб, он решил, что так догонит меня быстрее. Так валялись у лестницы и хохотали. Правда, подниматься было уже не так весело...

— Дорб — твой первый муж? — спросил Рик.

— Да, Дорберт Шагерд, — кивнула затворница. — Темный маг. Он помог мне бежать от брата. Мы шесть лет с ним скрывались от Эрха, но он, как пес, всегда выходил на след. Тогда мы решили дать мне умереть от рук брата. И все удалось, только Дорба уже не было...

Они снова замолчали. Рик постарался скрыть неожиданную вспышку ревности. Он преувеличенно весело улыбнулся и указал рукой вперед:

— Прокатимся?

— Благодарю, но нет, — усмехнулась Фиалка.

Лорд вздохнул и развел руками:

— Нет так нет, ты сама отказалась. Теперь будет нечего вспомнить.

— Глупый, — женщина снова сжала мужскую ладонь.

— Расскажи мне о нем, — попросил Рик. — О своем первом муже. Вы любили друг друга, потому убежали?

Она вздохнула и отрицательно покачала головой.

— Он спасал меня от обезумевшего брата. Эрх к тому времени совсем не давал мне прохода. То повторял, что мы созданы друг для друга, то навязывал свои поцелуи, а то и вовсе пытался взять силой. Дорб тогда мне совсем не нравился. Он другом моего брата, и не больше. Не уверена, что согласилась бы выйти за него, если все сложилось иначе. Просто не знала его так, как узнала годы, проведенные вместе. А тогда мне нравился юноша из соседнего поместья. Эрх убил его и принес мне сердце юного лорда. После этого я боялась вообще смотреть хоть на кого-то. А Дорб любил меня и ждал того дня, когда сможет попросить у брата моей руки, но однажды Эрх открылся ему в своей большой страсти. Потом вообще запретил посещать наш замок во время своего отсутствия, и даже когда был дома, старого друга встречал неохотно. Когда стало совсем невыносимо, матушка нашла возможность и попросила Дорберта увести меня из замка. После пришла ко мне и сказала: «Собирайся». Ночью она вывела меня по потайному ходу и передала в руки Дорба. Мне не

хотелось оставлять матушку наедине с братом, но она была неумолима, сказав, что происходящее во многом ее вина... Мы ушли, она осталась, что с ней случилось, мне неизвестно. Но в ту ночь я бежала с другом, а не с женихом. Мы поженились спустя полгода. Сначала Дорб представлял меня своей женой, после предложил стать ею на самом деле, обещал и впредь не трогать, пока я не буду сама готова принять его. Я согласилась, но наша первая ночь состоялась еще через два месяца. Дорб был благороден, он держал свое слово, ни разу не намекнув на право мужа. Не знаю, почему я продолжала тянуть, он мне уже нравился к тому времени. Подкупил силой, выдержкой, сдержанностью и разумом. А после я увидел, как мужественны его черты, как крепко тело... Да, наверное, я окончательно в него влюбилась почти спустя год после нашего побега. Дорб был заботливым и любящим мужем. Рядом с ним я чувствовала себя защищенной... А ты, аниторн? — она неожиданно прервала свой рассказ. — Кого любил ты?

— Тебя, — Рик улыбнулся и заслужил укоризненный взгляд. — Нет, правда. Не скажу, что я не влюблялся, да и женщин у меня было немало. И простых наложниц, и благородных леди, но так, чтоб дыхание перехватывало при одной мысли о женщине, такое впервые. К Нэми я испытывал нежность. Мне хотелось заботиться о ней. Она стала первой женщиной, задержавшейся рядом со мной на несколько лет и получившей статус признанной наложницы, почти женой. Потерять ее было больно. Но полюбить ее настолько, чтобы не желать с ней расставаться до конца жизни, нет, такого я не чувствовал. Я никогда не просил Раса или кого-то другого удочерить инверну, чтобы смог ввести ее в обитель. Искал, как разрушить ее привязанность ко мне. Готов был заботиться хоть до смерти, но всегда помнил, что однажды мне придется жениться на другой женщине.

— Ты чувствовал себя виноватым? — негромко спросила Фиалка.

— Да, — лорд кивнул. — И боялся навредить ей разрывом. Однажды, когда я сказал, что между нами ничего быть не может, Нэми хотела броситься со стены моего замка. Не знаю, сделала бы она это на самом деле, проверять не стал. С того дня она вошла в мою жизнь, и я, признаться, не особо жалел о своем решении. Мне было с ней... уютно.

— А со мной? — Рик обернулся и посмотрел на затворницу. — Ты ведь знаешь меня больше злюкой.

— Обожаю злюк, — рассмеялся аниторн. — Люблю ядовитых гадюк, жалящих ядом иронии, особенно, когда под их холодной кожей скрывается горячее сердце.

— Да ну тебя, — фыркнула затворница и все-таки поскользнулась, но упасть не успела, пойманная в сильные объятия.

— Не отпущу, — шепнул Риктор, касаясь ее виска губами. — Никогда.

Она прерывисто вздохнула и на мгновение прижалась щекой к его плечу.

— Спасибо, — ответила Фиалка.

Лорд приподнял ее голову за подбородок, приник к губам, и женщина ответила, оплетая шею Рика руками. После снова взялись за руки спустились вниз. Падать Фиалке оставалось совсем немного. И когда они шагнули в каменный зал, аниторн выпустил еще несколько светлячков, и стали видны руны на стенах, только в этот раз они не сияли, встречая того, кто сумел спуститься за наградой в Драконьих играх.

Затворница огляделась, выпустила руку и подошла к одной из стен, читая надписи. Рик их видел много раз, потому занялся тем, что искал хоть что-то похожее на ворота, но стены были монолитны, и даже легких очертаний в виде трещин не было видно. Илейни подошел к возвышению, рассматривая гладкий продолговатый камень. Ничего подозрительного, просто

постамент...

— Рик! — вскрик Фиалки заставил мужчину резко обернуться, вытащив прихваченный кинжал. Но она стояла перед стеной и скребла по ней ногтем. — Рик, там что-то есть. Под рунами, еще надписи, но руны мешают их прочесть.

Аниторн подошел к ней, подтянул всех светлячков и взгляделся. Но теперь он увидел то, чего никогда не замечал, привыкнув к яркой вязи рун. Другие письма были почти незаметны под ними, особенно, если не всматриваться.

— Я не могу убрать руны, — признался Риктор. — Ты можешь?

— Здесь магия, — покачала головой затворница. — Я ничего не могу сделать. Интересно, что там написано? Похоже надпись очень старая...

Мужчина и женщина переглянулись.

— А если, — одновременно произнесли они и осеклись.

— Что ты хотела сказать?

— А ты?

— Я хотел сказать, что надпись могли сознательно скрыть под рунами, — ответил Рик.

— И тогда это важно, — кивнула Фиалка.

— И если это касается времен прорыва...

— Мне нужна твоя кровь, — воскликнула затворница, загораясь. — Капельку.

Аниторн снова достал кинжал и уколол палец, затем вопросительно посмотрел на женщину.

— Приложи к стене, — потребовала она. — Возможно, получится, хотя это только предположение и... Ох.

Рик не стал ждать окончания того, что скажет Фиалка, и прижал окровавленный палец к тому месту, где виднелся скрытый символ. Короткое мгновение ничего не происходило, но вот руны ослепительно полыхнули и исчезли уступая место скрытой надписи. Но открылось не все, это стало понятно сразу. Аниторн надавил на парез, тихо зашипел и подошел к другой стене, и вскоре вместо знакомых рун появились незнакомые угловатые символы.

— Ничего не понимаю, — с досадой произнес Риктор и хотел слизать кровь, но Фиалка перехватила его руку и отпустила Силу. Знакомый холодок на мгновение сковал руку, а когда отступил ранки не осталось. — Я не знаю этого языка.

— Я знаю, — ответила женщина. — Этими символами пишут темные маги. Дорб говорил, что это шифр, но, похоже, это всего лишь древний язык. Впрочем, забытый и ставший шифром темных. Матушка обучала Эрха, он учил меня. Когда-то кроме брата я иных учителей не признавала, — она криво усмехнулась и огляделась. — Подожди, найду начало. Да, кажется, здесь...

Фиалка затихла, только шевелила губами, складывая непонятные знаки в слова, медленно передвигаясь вдоль левой от входа стены. Аниторн шел рядом, нетерпеливо поглядывая на женщину.

— Рик, ты громко сопишь, это отвлекает, — произнесла затворница и покосилась на мужчину.

— Женщина, у тебя совсем нет совести? — возмутился лорд.

— Откуда у меня совесть, аниторн? Ты забрал ее вместе с моей честью, — возмутилась в ответ Фиалка.

— Если сейчас же не скажешь, что тут написано, я заколочу тебя навечно в драконнике с Гором, — пообещал Рик.

— Он мне хотя бы не угрожает, — фыркнула затворница.

— И есть не дает, и не ублажает, — парировал аниторн.

— Тиран! — обозвала Фиалка и вернулась к началу записей.

— Ага, я такой, — жизнерадостно осклабился мужчина. — И если перестанешь изводить меня, то я научу тебя бесчестить, как следует.

— Пф.

— И хватит повторять за моим драконом. Читай.

Он прижался к спине Фиалки и замолчал, ожидая, когда она начнет. Женщина вздохнула, прикрыла на мгновение глаза, наслаждаясь теплом и близостью Риктора Илейни.

— Шел сто десятый год с того дня, как исчезла с небосвода алая звезда Алхары — всевидящее око нашей Покровительницы. В первый день седьмого месяца открылись врата из иного мира, и на землю процветающего Риера хлынула орда чудищ невиданных. Одаренные крыльями и рогами, они пугали мерзким обликом всех, кто видел их. Люди прозвали их Виллианами, но истинное имя их — даархары. Так называли они себя сами. Об их пришествии говорили древние провидцы, но предсказание эвоев было столь давним, что люди забыли о нем. И лишь когда застонала земля Риерская, теряя обитателей своих не единицами, но деревнями и городами целыми, вспомнили мы об исчезнувшем народе — Видящих эвоях и их посланиях.

Поднял я рать свою и вышел навстречу даархарам. Их встретили мы на десятый день седьмого месяца. Призвал я силу свою и обрушил на их предводителя, но остался он невредим, прикрывшись от грозových молний своею Силою. Ударили маги по вражьему войску, но и общая Сила, сплетенная в единый кулак, не потревожила даархаров. А когда в нас помчались их черные вихри, упали замертво воины, что не одарены были Покровительницей. Лишь те устояли, кто находился за спинами магов. Из одаренных же сыновей Риерской земли все остались не тронуты. И понял я тогда, что магия наша не оружие, но защита. Обнажил меч и повел за собой свою рать на врага.

Даархары взмыли в воздух и нападали на нас с земли и с неба. Те, что сверху зависли, поливали нас стрелами, те же, что остались на земле рубились нещадно, не жалея ни своих, ни наших жизней. Чтобы сберечь остатки рати своей, велел я им отступить. С позором и болью спешили мы под укрытие гор Риерейских, где жили драконы. Великая стая их обитала в горах издревле. Даархары бросились за нами в погоню, желая добить. А когда подошли к Риерейским горам, взмыли в воздух могучие стражи земли и неба, растревоженные смрадом тлена, что шел от Силы врага.

Взмыли тогда в небо даархары, бросаясь на драконов и убивая драконов. Мы смотрели с земли не в силах помочь прекрасным великанам. Смешались огонь и черная Сила, и вскоре мы уже не могли видеть, что творится над нашими головами. Только видели, как падали с неба горящие даархары и сраженные драконы. А когда черный дым рассеялся, не стало могучей стаи. И войско даархаров уменьшилось вдвое. Мы вновь бросились в бой, но сеча вышла короткой, враг бежал от нас по небу. Однако понял я, что вернутся они и ударят с новой силою. И тогда поспешил я к Драконьим землям, где жили другие стаи.

Шел я к ним без оружия, раздетым по пояс, чтобы видели они, что скрывать мне от нечего, и злобы в душе моей не таится. Драконы позволили мне подойти к ним. И шагнул мне навстречу вожак их, склонил свою голову, внимая тому, что готов я поведать. Я рассказал дракону о черном дыхании даархаров, что жизнь людей забирает одним своим смрадным касанием. Рассказал и о битве нашей, и как пришлось на родной земле прятаться.

После поведал о смелых драконах из Риерейских гор, что бросились на врага без страха, и как гибли они от вражьей Силы. Вожак слушал меня, и видел я, как дым идет из его ноздрей. Древний пришел в ярость и издал гневный рев, призывая стаю.

И тогда попросил я их позволить нам лететь с ними, чтобы Силой своей закрыть о даархаров. Вожак был в гневе, никогда еще люди не смели просить о подобной дерзости, почитая стаи священными. Отправил дракон трех своих сородичей туда, где скрылись крылатые, вернулся один весь израненный. Он умер, как только лапы великана коснулись земли. И тогда услышал меня вожак и позволил сесть на спину его.

Вместе со стаей прилетел я туда, где оставил людей своих. Забрались они на спины драконов, и полетели мы к стану врага. А когда приблизились, то поняли, что пришла подмога, и войско вновь стало несметным. Даархары дошли до границ Риера, когда мы напали на них.

Черной тучей взмыли они с земли и выпустили Силу свою, смерть несущую. Отпустили и мы свою Силу, закрывая ею драконов. Древние выдохнули огонь, мы скинули луки с плеч своих, наложили стрелы на звонкую тетиву, и бой закипел с новой силою. Яростно дрались даархары, злобно выли драконы, мы срывали глотки, в бешенстве зверином встречая даархаров. Стрелы сыпались градом, мечи стали красными. Не в силах сразить драконов, бросались чудища на всадников. Лезли на спины драконов, пытались рубить их. Страшнее драки мои глаза не видели никогда более. На место павших даархаров вставали новые. Казалось нам, что лезут они из-под земли, из самой Бездны.

А когда сил уже не осталось, потемнело вдруг небо, содрогнулся мир, и поползли трещины, раскалывая горы и землю. Огненная кровь земли вырвалась наружу, сжигая тех, кто остался внизу. Зависли в небе драконы, рев их был наполнен тревогой. Замерли и даархары, словно слушая что-то. С неба забили молнии, но не было дождя. Небесные стрелы разили всех без разбора. А потом закричал предводитель даархаров, и бросилась вся рать прочь. Они летели к Риерейским горам, к самому высокому пику. Драконы полетели следом, но не нападали они. Только следили, как враг уходит из нашего мира. [книголюб.нет](#)

Древние опустились на скалы. Мы слезли с их холодных спин, глядя на молнии, бьющие с сухого неба, на огненную кровь земли, на то, как умирала наша земля, и души наши кричали от ужаса, предвидя скорую гибель мира, как предсказали эвои. Я сел на каменный выступ. Думы мои были печальными. Во дворце осталась жена моя и дети мои, я должен был вернуться к ним и встретить нашу смерть, глядя на тех, кто был мною любим больше жизни.

Вдруг увидел я черные крылья предводителя даархаров. Опустился он на выступ, сложил крылья. С удивлением смотрел я на то, как исчезают рога и крылья. И вот уже стоял передо мной существо, на человека похожее ликом и телом. Волосы его были длинною по пояс и сплетены в косу. Одежды на даархаре не было вовсе. Он смотрел на меня без смущения, и увидел я, что глаза его черные, и есть в них разум.

Заговорил он со мной, но не понял я ни слова, и тогда даархар протянул ко мне руку и коснулся лба. Увидел я земли незнакомые, по которым тоже текла огненная кровь земли, и били молнии с неба, и понял, что их мир гибнет тоже. Равновесие мироздания было нарушено. Многое узнал я от даархара в тот день. Пришли они в мир наш, чтобы собрать жизненную силу душ человеческих и завоевать новые земли. Забирая жизни, получают они Силу Смерти. Такова суть их. И тогда понял я, что тревожит древних запах смерти, которым Сила даархаров пропитана, вызывая их ярость. Драконы — хранители жизни, так называла

их красноокая Покровительница Алхара, оттого бережем мы их и относимся с почтением. И они берегут жизни всего сущего, бросаясь на врагов, что несут в себе зло.

Еще показал мне даархар, что закроет врата с той стороны и будет хранить их пуще жизни. И я поклялся стать хранителем, чтобы сберечь мир от гибели. Признал даархар, что они ошиблись, просил прощения, а после ушел, оставив мне знания о другом мире, скрытом тканью, что соткали великие Свет и Тьма, разделив нас мудро. Нельзя пускать волков к стаду, иначе изведут они всех под корень. А за последние куски друг другу начнут глотки рвать, сами передохнув.

Спустился я вместе с даархаром в пещеру. Обменялись мы взглядами, и ушел враг, даровавший смерть земле моей, а мне знания новые. Встал я тогда перед дырой в скале, что плавилась, будто жар от огня, взял нож и пролил кровь свою, зная, что также точно сейчас и враг мой режет свое запястье. Призвал я Силу свою, воззвал к земле и воздуху. Закружилась она, кровью моей пропитавшись, и камни встали на место, стену сдвигая. Полыхнуло багровым всполохом, и исчез разлом между мирами. И как только закрылись врата, так затихли молнии, и землю качать перестало. Затянулись раны, остыла кровь земли.

А когда поднялся я наверх, ждали меня драконы, склонив головы, Силу мою признавая. Понял я, что будут они хранить наш мир со мною вместе. Люди мои, что выжили в последней страшной сече, принесли мне клятву на крови своей, что будут служить потомки их потомкам моим до последнего колена, как хранителю врат и защитнику мира нашего.

Подошел я к вожаку драконьей стаи, и выдохнул он огонь свой, и снова призвал я Силу свою, принимая драконье пламя, как дар, связавший род мой с родом драконов. Склонил я голову, благодаря его, и понял, что в реве древнего таилось. Обещал он прийти по первому зову моему и подставить спину мне и людям моим по доброй воле. И подтверждая клятву свою, позволили они вновь сесть на них и облетели земли мои.

Увидел я, что нет больше Риера, а что осталось, то гнев Изначальных разрушил. Люди, что выжили после нападения даархаров и не пали от молний и разломов в земле, повинувшись воле моей, ушли к дворцу моему, чтобы там дожидаться дальнейшей участи. И как только увидел я, что земли Риера безлюдны, хотел призвать дождь великий. Но на исходе была Сила моя, ибо никому не под силу сотворить море там, где всегда была суша. И вспомнил я учение даархара о Силе их.

Нет у даархаров источника, как у магов, а копят в себе они Силу свою, не зная ее границ. Думал я, с мудрейшим советом беседовал. Ответили они мне, что уничтожить источник в себе можно, лишь выгорев полностью. Но с выгоранием уйдет и магия, оставив меня пустым, словно сухой сосуд. Долго решал я, как сберечь Силу мне необходимую. Читал рукописи мудрейших умов древности, но не нашел ответа.

И пошел я тогда на земли Драконьи, ища в новых друзьях успокоения от печалей своих, отдохновения от дум тяжелых. Встретили меня приветливо, позволили остаться в стае столько, сколько сочту я нужным. Шли дни, пролетали ночи. Древние взмывали в небо, возвращались с добычей, делясь ею со мной. И я приносил им с охоты пищу. Жизнь в стае увлекла меня, и я пожалел, что не имею крыльев, чтобы взлететь вместе с ними. Вожак тогда подставил мне спину. Он мчал меня, споря в скорости с ветром. Кровь во мне бушевала, радуясь полету, и чувствовал я, что вожак радуется со мной. И тогда подумалось мне о том, как образовалась связь моя с древними. Она была отдана и принята по доброй воле и осталась во мне. Ни источник магический принял драконий огонь, ибо чужд ему огонь животный, но кровь моя пропиталась пламенем древних, сохранив его, как звено связующее

и неразрывное. Источник помог мне принять эту силу, перестроил ее в то, что я смог принять. Так ведь и вода, и воздух, и земля легко даются в руки, не противясь, а значит, могу я связать себя с ними напрямую, принимая и отдавая полученную Силу. Тогда источник, преобразующий природные Силы в магию, мне будет не нужен.

От мыслей этих охватили меня страх и волнение. Дракон почуял их и обернулся, взревев с тревогою. Успокоил я его и попросил вернуть меня во дворец. Древний исполнил просьбу мою и вернул к дворцу, где ждали меня с тревогой и нетерпением. Поблагодарив дракона, я отпустил его, но остался он. И я понял, что стал я для него частью стаи, и тревога гложет сердце исполина за одного из своих драконов. Душа моя наполнилась гордостью и благодарностью. Поведал я ему, что сделать намереваюсь. Улетел дракон, но вернулся на следующий день, чтобы провести меня.

Увидев его, устыдился я страха своего, что пожирал меня остаток прошедшего дня и всю ночь. Лишиться магии, все равно что стать бессильным младенцем. Как калека, что жив, но жизни не рад. Посмотрев на древнего, я поклонился ему и встал на колени, накрыв землю ладонями. Долго сидел я так, пока земля не отозвалась мне, и тогда призвал я Силу свою. Дрогнула земля, и второе звено замкнулось. Тогда распрямился я и воздел руки, взывая к воздуху. И тут долго ждал я, пока не закружил вокруг меня вихрь, разметав тех, кто стоял рядом, лишь древний ревел, почуяв знакомую силу. Замкнул я и эту стихию, соединив со своею Силой. После шагнул к фонтану, что бил в мраморной чаше. Взметнулась вода, вся, что была в чаше, хлынула на меня, отзываясь на мой призыв. Замкнул я четвертое звено. Лишь обычный огонь остался мне не подвластен, сменившись драконьим.

Посмотрел я на древнего, он ответил мне одобряющим взглядом. Вознеся молитву Покровительнице, я щедро выплеснул магию, что еще была во мне, и не остановился даже тогда, когда ноги мои ослабели, и силы телесные потекли вместе с магическими. Мир померк перед глазами, а когда очнулся, целитель глаза отвел и сказал, что нет во мне больше магии, дар исчез.

Встал я с ложа, куда отнесли меня бесчувственным, и увидел вожака стаи драконов. Он все еще ждал. И тогда я вышел к нему. Внутри меня была пустота и горечь, но памятуя о вере в меня древнего и его тревоге, снова присел и накрыл землю ладонями, умоляя ее отозваться. И земля задрожала, да так, что зазвенели стекла в окнах дворца. И воздел я руки к небу, закружили вокруг ладоней вихри и умчались ввысь, отпущенные мною. И поднялась вода из мраморной чаши на зов мой. А когда подошел к древнему и прижал к нему ладони, желая обнять, стало горячо мне, и дракон дрогнул, отступая. Попросил у него я прощения. Он ответил мне взглядом мудрым, а после улетел в свои земли, чтобы явиться, когда я призову его и его сородичей.

И тогда отправился я на разоренные земли свои, поднялся на самый высокий пик в Риерейских горах, что скрывал в недрах своих врата, и воздел руки, призывая воздушные вихри. Сила сама вливалась в меня и выходила, подобно выплеску магии. Собрались тучи над головой, и хлынул дождь, что лил много дней и ночей. Вздулись реки и озера, затапливая Риер. Обратился я к земле, и обрушилась она, оставляя дворец и земли на них выше нового моря. А когда пришла пора, позвал я драконов, и прилетели они, забрали меня и отнесли на земли, что остались от цветущей Риерской земли.

Когда скорбь улеглась, я вновь обратился к стихиям, призывая в море мое существ древних, как и драконы, хранителей водных глубин. Камгалы приплыли на зов и остались, чтобы стать моими стражами у врат. Взгляд их чарует любого, кто осмелится взглянуть в

глаза водяных многоруких. Но коли не остановят даархаров камгалы, ежели в мир наш решат вернуться, то откликнется море и воздух, и зов их услышу я и потомки мои. Дрогнет земля под ногами крылатых, и дрожь долетит до меня, куда бы не шли они, откуда бы не вылезли. И тогда призову я драконов, и сядут на спины их маги, кто клятвы мне дали с родами своими, и помчимся мы за врагом, дабы откинуть их восвояси, и мир сохранить от гибели.

И это завет мой детям моим, их детям, и внукам навечно. Сохраните врата в мир иной не открытыми, ибо несут даархары на крыльях своих смерть неминуемую всему существу. Нет ключа у тех врат, лишь кровь моя отомкнуть их поможет, оттого берегите друг друга столь жаростно, как мать охраняет дитя новорожденное. О дружбе драконьей помните, о том, как добры они с теми, кто друг им. Не предайте доверия древних, заботьтесь о них, как о себе самих. Откликнутся на зов ваши стихии, что всегда служили мне, послужат они и вам, ибо кровь ваша с ними связана навечно по их согласию.

Писано в сто тридцатый год после угасания красной звезды Алхары хранителем врат Валистаром из славного рода Илейнариев.

Фиалка замолчала. Она обернулась к Рику, но тот смотрел поверх ее головы. Лорд был где-то далеко, все еще проживая давние события. Женщина тронула его за рукав, привлекая внимание. Аниторн вздрогнул.

— Вот и то, что я искал, — произнес он севшим голосом. — Вот он главный родовой архив. Всегда под носом был, как и врата. На виду, но невидимо. Никаких духов-хранителей, никаких ухищрений, кроме драконьих игр и рун, восхваляющих Огненных Богов и драконов. Должно быть, руны появились, когда были придуманы Игры. С какой целью, теперь уже вряд ли узнаем, иных сведений не осталось. Тайное скрыли очевидным, и ведь сколь времени срабатывало.

Рик усмехнулся и посмотрел на Фиалку.

— Значит, просто позвать стихию? Огонь я хотел отдать, и он перешел к драконам... Я верно мыслю?

— Похоже на то, — улыбнулась женщина. — Надо как-то скрыть завет Валистара.

— Он уже исчезает, — ответил лорд и указал рукой на начало надписей. — Я заметил, пока ты читала.

Фиалка повернула голову, рассматривая, как блекнут письмена древности, и поверх них проступают руны. Половина надписи уже была скрыта, и чтобы снова открыть ее, Рику пришлось бы снова использовать свою кровь.

— Идем, — аниторн взял женщину за руку и потянул к лестнице. — Здесь нам делать уже нечего. Теперь я знаю все. Остались, конечно, белые пятна. Но примерно догадаться можно. Илейнарии существовали до Риктора, но жили тихо, не привлекая к себе внимания. Потом была война, в которой отличился первый Илейни, от него начали вести хроники, и прежняя форма имени рода сменилась. Хотя она могла смениться и раньше. Дворец заменил замок на утесе. Драконов начали истреблять, и теперь я уверен, что это совпало со становлением веры в Огненных Богов и подменой правды на вымысел. К тому же драконы имели прямое отношение к прежней веры в некую Покровительницу Алхару, представляя собой нечто вроде идолов язычества. Драконьи земли разорили, и на их месте выросло наше королевство. Илейни скрыли в своих драконниках летунов, охраняя их. Должно быть, люди были впечатлены тем, что мои предки летают на драконах, и великанов начали подчинять. Создали «драконью» магию. Жрецы и маги, а после и не одаренные, почти уничтожили древних, как их называет Валистар, забыв о прежнем поклонении и почтении к ним, считая

летунов неразумными тварями. Загнали в драконники, лишили огня и свободы, стаи, избранной пары, в конце концов. Заставили размножаться, как псов, по запаху течки. Конечно, драконы обозлились и стали опасны. Мошки вздумали, что могут управлять великанами, знавшими землю еще до появления человечества.

Фиалка слушала, не перебивая. Она тоже была под впечатлением от послания Валистара, и согласно кивала, пока лорд излагал свои мысли. Они поднялись на поверхность, и вздохнули полной грудью свежий морской воздух. Небо уже начало светлеть, рассвет был не за горами. Рик прищурился, глядя куда-то вдаль, после поднял руки и некоторое время так стоял. Затем выдохнул и досадливо хмыкнул:

— Никакого вихря.

— Позови воду, — пожал плечами затворница. — Ее много под нами.

Аниторн кивнул, устремил взгляд на море, снова замер, а после мотнул головой:

— Не отзывается. Или я что-то не так делаю.

— Еще получится, — улыбнулась Фиалка, прижимаясь к его спине и обнимая за талию.

Мужчина развернулся, ласково посмотрел в черные глаза и склонился к ее губам.

— Будем надеяться, — сказал он, когда их уста разомкнулись. — Пора возвращаться.

— Пора, — кивнула затворница, и они направились к Аскерду, ожидавшему их возвращения.

Эрхольд Дархэйм шагнул из клубившейся тьмы и резко обернулся на звук драконьих крыльев. Он увидел, как удаляется от скалы серый дракон с двумя седоками на своей спине. Черный лорд скрипнул зубами, узнав их. Ревность всколыхнула угасшую было кровь. Ярость затопила сознание, заставляя забыть обо всем, что думал раньше. Тьма закружилась вокруг него, меняя очертания тела, и вскоре у входа в пещеру стоял Виллиан, готовый распахнуть крылья и броситься следом за добычей. Но вдруг застыл прикованный к месту.

Эрхольд опустил взгляд на море и увидел волну, мчавшуюся к скале. Дархэйм взлетел, но ветер, словно взбесившийся пес, бросился на него, закружил, отбросив обратно на скалы. Лорд мотнул головой, поднимаясь на ноги и отступил к пещере. Волна уже достигла скалы, налетела на нее огромным валом и встала стеной перед Виллианом, закрывая от его взора дракона, уносившегося на своей спине мужчину и женщину.

Он попятился, поскользнулся и полетел вниз по ступеням. Черная Сила вырвалась наружу, закружила вокруг тела хозяина, и он провалился в вязкую ледяную глубину, выпав уже в каменном зале. Эрхольд сел, помотал головой. Дыхание восстановилось, и на ноги поднялся уже человек.

Дархэйм огляделся. Все как обычно, руны, восхвалявшие Богов. Все это он уже видел. Затем взгляд его зацепился за нечто новое, чего он раньше не видел. Белесые символы на стене таяли на глазах, прячась под вязь рун. Эрхольд стремительно пересек залу и остановился, читая:

— И это завет мой детям моим, их детям, и внукам навечно. Сохраните врата в мир иной не открытыми, ибо несут даархары на крыльях своих смерть неминуемую всему сущему. Нет ключа у тех врат, лишь кровь моя отомкнуть их поможет, оттого берегите друг друга столь яростно, как мать охраняет дитя новорожденное. О дружбе драконьей помните, о том, как добры они с теми, кто друг им. Не предайте доверия древних, заботьтесь о них, как о себе самих. Откликнутся на зов ваш стихии, что всегда служили мне, послужат они и вам, ибо кровь ваша с ними связана навечно по их согласию. Писано в сто тридцатый год после угасания красной звезды Алхары хранителем врат Валистаром из славного рода

Илейнариев. — Дархэйм прикрыл глаза, а когда открыл, осталась лишь подпись, но и она исчезла через мгновение. Вновь на стенах были лишь знакомые руны. — Илейнарий... Завет... Ну вот и нашелся ключ.

Эрхольд рассмеялся и поспешил вверх. Вода уже схлынула, и ветер улегся, не бросаясь на Дархэйма. Он посмотрел в ту сторону, куда улетел дракон. Если догнать, то он получит разом потомка первого хранителя и сестру... Неожиданно страх сжал горло, лишая воздуха. Мужчина осторожно опустил взгляд вниз и вздрогнул. Поверхность моря была пустынна, но тот, то манил его спуститься к самой воде, прятался в глубине. Эрхольд шагнул назад, раскинул руки и вцепился пальцами в неровную каменную стену. Он зажмурился, но даже так он чувствовал того, кто смотрел на него через толщу воды, затягивая в смертоносные сети. Едва дыша, Дархэйм выпустил тьму и упал в нее, спеша исчезнуть с проклятого острова.

Уже стоя на стене своего замка, черный лорд произнес, обращаясь к морю, плескавшемуся неподалеку:

— Ничего не меняется. Сегодня я заполучу Илейни и Виалин, ты не сможешь мне помешать.

Глава 28

Глава 28

Когда Аскерд опустился недалеко от своего драконника, замок уже просыпался. Позевывая во двор выходила челядь. Кухари спешили на кухню, горничные забирали у полусонной прачки чистую одежду знатных лордов, дворники начинали чистить двор от сора, появившегося за вчерашний день. Стражи устало терли глаза, ожидая смены. Но стоило дракону приземлиться и лечь на брюхо, давая седокам спуститься, как все, кто оказался во дворе, склонились в почтительном поклоне, бросая исподлобья любопытные взгляды на господина и его гостью.

Аниторн кивнул своим людям и повел Аскерда в драконник. Фиалка поспешила к замку, ее ждала лохань с травами, свежая одежда и возвращение в драконник Гора. Пока черный дракон спал, но стражи доложили, что он начал шевелиться. Драконоводы встретили лорда, забрали у него дракона, и Риктор поспешил следом за затворницей. Он нагнал ее уже возле покоев.

— Стой, дух леса, — сказал мужчина, ухватив женщину за локоть.

— Время, аниторн, — напомнила Фиалка.

— Последний поцелуй, — потребовал Рик.

— Он был уже раз десять, не меньше, — усмехнулась затворница.

— Нужен одиннадцатый, без него счет не полон, — заупрямился лорд.

— Десять — число круглое, как шар, — возразила женщина.

— Одиннадцать круглее.

— Вымогатель.

— И тиран, ты сама это сказала.

— Но доказательств не требовала.

— И не надо, сам все дам, — хмыкнул Рик, притягивая к себе женщину. — Одиннадцатый — последний.

Фиалка рассмеялась и накрыла ладонями плечи аниторна. Мужчина склонился к ее

губам, наслаждаясь их податливостью и нежностью. На мгновение притиснул затворницу к своему телу так сильно, что у Фиалки перехватило дыхание, и отпустил. Но тут же поймал ее лицо ладонями и покрыл быстрыми поцелуями.

— Теперь всё, — удовлетворенно произнес Рик, отступая на шаг назад. — А теперь скорей прячься от меня и буди Лоэля, иначе я вломлюсь следом и буду бесчестить тебя, пока Гор не войдет в опочивальню и не спалит меня к Бездне.

Мужчина посмотрел, как затворница взялась за ручку двери, развернулся на каблуках и стремительно пошел прочь.

— Рик!

Он обернулся и посмотрел на Фиалку, так и не двинувшуюся с места.

— Я вспомнила уроки арифметики, — сказала она, опуская взор. — Двенадцать — вот идеально круглое число. Одиннадцать не дает совершенного круга.

— Как хорошо, что ты училась прилежней меня, — серьезно ответил лорд. — Я был настоящим лентяем. Нужно исправить оплошность.

Женщина кивнула и вдруг сорвалась со своего места, бросаясь навстречу аниторну. Он поймал ее, сжал в объятьях, приподнимая над полом и отвечая на поцелуй. И когда их уста вновь разомкнулись, Фиалка заглянула в глаза Рика, прошептав:

— Мой мужчина.

— Моя женщина, — ответил ей лорд, опустил на пол и добавил. — Люблю.

— И я тебя, всей душой, — произнесла Фиалка, скользя пальцами по всей длине сильной мужской руки, зацепилась за его кончики пальцев, чуть задержала и выпустила, отступая на шаг. — Пора.

— Пора, — кивнул Риктор. — Я буду искать выход.

— Я буду ждать, — кивнула она, отвернулась и побежала к дверям покоев. Времени у них не осталось.

Лорд Илейни проследил, как закрывается за затворницей дверь, и направился к своим покоям. Стражи уже проснулись и изумленно смотрели на господина, вроде бы не покидавшего покоев, но почему-то сейчас входившего в них. Рик усмехнулся, покачал головой и велел:

— Позови мне кого-нибудь.

Вскоре вошел слуга. Он степенно поклонился и доложил, что повеление господина выполнено и в драконнике установили кровать, лохань, стол со стулом и удобное кресло для госпожи.

— Книги? Фрукты? Питье?

— Леди будет довольна, — улыбнулся слуга.

— Гор?

— Даже не шевельнулся, когда мы вошли.

— Отлично, — кивнул Рик, потеряв руки. — Лорды, мои гости, уже встали?

— Лорд Дальгард старший уже проснулся.

— Замечательно. Позови его.

Аниторн вновь покинул свои покои, велел страже передать лорду Тибоду, где его искать. И когда в коридоре появились Фиалка с каяром, подошел и маг. Выглядел он бодрым и здоровым. При виде женщины, Дальгард расплылся в лучезарной улыбке и низко поклонился, Лоэль принялся к чужаку с подозрением, но уселся у ног хозяйки, храня молчание.

— Моя прекрасная леди, как же я рад видеть вас. Мой лорд, — опомнился Тибод, услышав насмешливое хмыканье Рика. — Вы спасли мне жизнь, и моя благодарность...

— Пустое, — отмахнулась Фиалка. — Рада видеть вас в добром здравии.

— Клянусь, что отплачу вам...

— Сохраните жизнь лорда Илейни, большего мне не надо, — улыбнулась женщина и посмотрела на аниторна. — Почему ты не отдыхаешь?

— Хочу проводить тебя, — ответил Риктор и обратился к Дальгарду: — Открой переход в драконник.

— Что у вас произошло, пока спал под чарами твоего проходимца целителя? — заинтересовался маг. — Сыновья почти ничего мне не рассказали. Коварный Рас быстро прогнал их прочь, велел до утра меня не беспокоить.

— Осторожней, лорд Тибод, вы говорите о моем отце, — покачала головой затворница.

— Уже? Неужели я проспал все на свете? Я... — он лукаво сверкнул глазами, — уже имею честь беседовать с моей госпожой?

— К сожалению, нет, — скривился Рик.

— Переход, — напомнила женщина.

— Всё, что угодно, моя... — маг покосился на аниторна и исправился: — Леди Верд, всегда рад услужить вам.

Тут же перед ними открылось окно перехода. Люди увидели дракона, нервно дернувшего хвостом по полу драконника. Гор пошевелился, и, бросив еще один взгляд на Рика, Фиалка вошла в драконник, увидела то, что соорудили за ночь слуги, и улыбнулась, склонив голову. Дракон вновь зашевелился, приподнимая голову, переход свернулся.

— И снова гадать, как она там, — проворчал аниторн. — Идем завтракать. Есть хочу, как все мои семь драконов и один чешуйчатый мерзавец.

— Да что случилось-то?! — воскликнул Дальгард, устремляя следом за господином. — Рик! Небо уже упало на землю?

— Почти, — кивнул тот и дождался мага. Дальше мужчины шли уже рядом.

Пока шли в трапезную и ждали, когда слуги накроют на сто, Илейни рассказал магу о выходе Гора, затем о первом пламени Аскерда. Остальное аниторн приберег для всех верных ему лордов. Дальгард откинулся на спинку стула и скрестил на груди руки.

— Однако как верно мы не подпустили его к Ханнис. Бедная девочка, какая судьба...

— Да, — кивнул Рик. — Сидит в драконнике...

— Хорошо, что сидит, а могла бы погибнуть, как только Гор слез с нее, — мрачно произнес Тибод и повторил: — Какая судьба! Познать удовольствие и погибнуть, разорванной драконом.

Лицо аниторна перекосилось:

— Ты думаешь, он настолько обезумел, что полезет к Фиалке за... этим?

— Кто полезет? — не понял маг. — Ты про этого негодяя? Непременно полезет.

— Тибод! — воскликнул Рик, вскакивая с места. — Ты что несешь?

— Что? — удивился Дальгард. — Он увидел ее и придет снова, нужно быть готовыми...

Лорд Илейни потер подбородок, глядя округлившимися глазами на мага.

— Тибод, — проникновенно позвал он Дальгарда. — Тебе Дархэйм мозг не высосал часом?

— Мой мозг при мне, — успокоил аниторна маг. — Отчего сомнения?

— Ты сказал, что Гор полезет к Фиалке с целью продолжения рода. Ты считаешь, что

мой дракон вовсе безумен и не видит, что перед ним маленькая человеческая женщина?

— Я?! — изумился Дальгард. — Я ничего такого не говорил... — Тибод осекся, почесал в затылке и осторожно спросил: — Мой лорд не спит уже два дня?

— Я в своем уме, — проворчал Риктор, возвращаясь на свое место. — А вот ты несешь чушь. Ты сказал, что Фиалка погибнет под драконом...

— Я говорил о Ханнис! — воскликнул Тибод. — У бедной девочки могла быть ужасная судьба, если бы мы позволили Гору войти к ней. И хорошо, что ты успел сказать, пока не случилось непоправимого. — И протяжно вздохнул, закончив: — Однако как же жаль...

— Что Гор не вошел к Ханнис? — переспросил аниторн.

— Причем здесь Ханнис и Гор! Я говорю, как жаль, что я не видел первого пламени Аскерда.

Дальгард фыркнул, Рик побарабанил пальцами по столу, и мужчины замолчали, опасаясь запутаться еще больше. Однако Илейни сказал еще не все, что хотел. Он покосился на мага, решая насколько он в разуме после встречи с Виллианом, пришел к выводу, что выглядит Дальгард неплохо, и все-таки заговорил снова:

— Тибод, мне нужно разобраться с Силой Валистара. — Маг с готовностью кивнул.

Аниторн рассказал ему ту часть послания Валистара, которая касалась изменения Силы бывшего властителя и уничтожения источника. Дальгард слушал, чуть приподняв брови, и когда Риктор закончил, воскликнул:

— Ого! Он закольцевал магию на чистой силе стихии! Никогда не думал, что такое возможное. Впрочем, стихийники, как и целители имеют дар отличный от остальных. Как интересно... То есть ты можешь управлять силами природы? Это... это мощь, мой лорд, истинная мощь!

— Да, только как управлять, я не имею не малейшего представления. К тому же, лишив себя источника, концентрирующего магические потоки, Валистар лишил себя и защиты. Я подвержен Силе даархаров, как любой не одаренный. И поставить щит дракону не смогу, — Рик досадливо поморщился. — Даже не знаю, благо ли то, что совершил мой предок, или же больше вред.

— Глупец! — возмутился маг и тут же покривился, потирая место, где стояла печать. — Приношу извинения, мой лорд, я не желал оскорбить вас, — исправился Дальгард, но тут же продолжил: — Рик, клянусь Богами, твой предок приобрел больше, чем потерял. Щит ерунда, возьми любой накопи... тель... Рик! Меч первого Риктора Илейни! Он ведь собирает и скапливает магию, уж не для того ли, чтобы восполнить утраченное, он был создан? Уж не он ли оружие для защиты себя и летуна?

— Меч позволил Дархэйму всадить в меня свою черную дрянь, — возразил аниторн и задумался. — Но меч пролежал долго в сокровищнице, я пользовался обычным оружием. Да и пользоваться особо не приходилось. Думаешь, накопитель пуст и его просто нужно заполнить, чтобы он смог закрыть меня от Силы потомка даархара? — маг кивнул. — А как мне своим даром пользоваться? Я пробовал призвать воздух и воду, но пока смог только передать драконам огонь.

— Твой дар спал несколько поколений, — пожал плечами Тибод. — Первым проснулся драконий огонь, возможно, следом отзовутся и другие силы. Нужно пробовать. Если Валистар написал — просто призвать, значит, нет особого секрета. Рик, это же чистая Сила, не преобразование потоков в выплеск, которому учатся маги. Ты берешь и отдаешь. Пока рядом есть носитель Силы, ты не будешь пуст.

— Отними у Виллиана источник, откуда он черпает Силу, и он станет безобидней младенца, — вспомнил аниторн слова Фиалки. — Но воздух и земля всегда под рукой, значит, мой род практически не бывал бессилён.

— Однако великим человеком был Валистар. Отважиться на уничтожение своего источника, рискуя превратиться в калеку... Не знаю, сумел бы я так же. Впрочем, у меня и Сила иная.

В это мгновение открылись двери, и в трапезную вошли трое из магов-драконоправов. Аниторн приветливо кивнул им. Лорд склонили головы, после приблизились к столу, рассаживаясь на приготовленные им места. Вскоре подошли остальные. Рик переводил задумчивый взгляд с одного на другого, после поднял кубок с легким вином и провозгласил:

— Поднимите ваши кубки, друзья. Выпьем за воссоединение потомков тех, кто сумел устоять в войне с Виллианами! — лорды послушно последовали призыву, но в глазах их читалось удивление. Илейни пригубил вино и улыбнулся. — Сейчас я поведаю вам настоящую историю вторжения иномирцев, коих мы привыкли именовать Виллианами, или же даархаров, как они сами себя называют. Пришло время вспомнить, как мой предок — властитель Риерский Валистар и его верные воины-маги, ваши предки, противостояли рати крылатых захватчиков, вступив в союз с драконами. Забудьте все, что вы знали ранее, и услышьте правду. Я расскажу вам о тех, кто пришел из иного мира, об их Силе, а так же о том, почему они ушли, и что нам осталось в наследство.

Аниторна слушали внимательно, не перебивая и не спрашивая. Лорды запоминали то, что было важно для них, кивали, принимая на веру. И никто не усмехнулся, не отмахнулся и не бросил скептическое: «Чепуха!». Печать, связавшая воинов хранителя была лучшим доказательством того, что господин не солгал ни словом. Все уже знали, что он вернул драконам огонь, все видели, как летуны позволяют аниторну приближаться к себе, проявляя доверие, и как он говорит с ними. Илейни ценили великанов не за их мощь, не выбирали по виду и силе, они были душой преданы драконам, относясь с почтением к каждому. Это так же знали лорды из записей своих предков, служивших в замке на утесе. И любовь рода Илейни к драконам передалась и их людям, перешла к потомкам. Каждый из мужчин в трапезной зале признавали ум летунов, видели сколь разнится их норы, и это тоже было доказательством правды. Никто из них не считал драконов неразумными тварями, и каждый чувствовал жгучий гнев, если видели, как летунам причиняют зло. Давно уже не существовало древней веры в Покровительницу Алхару, о ней забыли, как, возможно, однажды забудут об Огненных Богах, но ее завет на почитание могучих летунов вьелся в кровь потомкам воинов Валистара.

Мужчины вновь подняли кубки, как только аниторн замолчал, и дружно выпили за воссоединение хранителя и его рати. Теперь смысл выражения, которое им вдальбивали в головы с детства, «наш господин — наше сокровище», стал ясен каждому, кто сидел за столом. И вопросы, которые появились у лордов, касались Силы даархаров. Риктор отвечал на те, на какие знал ответы, на некоторые пожимал плечами, добавляя краткое:

— Узнаем.

Неожиданно дверь в трапезную распахнулась, и на пороге появился взволнованный страж:

— Господин, начальник городской стражи. Говорит, дурные вести.

— Вот и начался еще один славный день, — усмехнулся Рик, кивнул лордам и последовал за стражем.

Начальник городской стражи, худощавый мужчина, был бледен. Он вскочил при появлении аниторна, хотел упасть на одно колено, но лорд Илейни остановил его, сразу перейдя к делу:

— Рассказывайте.

— Мой лорд, — начальник городской стражи откашлялся и выпалил на одном дыхании: — Мой лорд, три деревни недалеко от Бриллианта опустели за одну ночь. Не осталось ни стариков, ни детей, ни женщин, ни даже скотины. Словно пожрали их Виллианы... Один из жителей, что ночевал в городе, вернулся домой, а деревня пустая, ни одной души. Еще об одной деревне соседи их доложили, а из третьей маг прибежал, он один остался.

— В остальных деревнях магов не было?

— Не было.

— Бездна! — Рик, едва присевший в кресло, вскочил и коротко велел. — Прислать ко мне магов. Пусть идут порталами, время дорого.

— Вы понимаете, что происходит, господин? — спросил мужчина.

— Думаю то, что вы и сказали, — лорд недобро усмехнулся, — их пожрали Виллианы... Один Виллиан. Закрывать городские ворота, обо всем подозрительном и странном докладывать немедленно. — Он посмотрел на опешившего начальника городской стражи и рявкнул. — Живо выполнять!

Мужчина вздрогнул и поспешил к дверям. Аниторн проследил за ним взглядом и добавил:

— И жрецы пусть подойдут. Эта работенка как раз для них.

Рик поднялся на ноги и подошел к окну. Отсюда был виден драконник Гора. Сейчас лорд даже порадовался неожиданной тяги своего дракона к человеческой женщине. Он будет оберегать Фиалку, и если Дархэйм появится, то прорваться к затворнице ему будет сложно. Да, дракон более надежная охрана, чем человек. И все-таки уязвимый, но магов Гор сейчас не подпустит, значит, закрыть его некому. Хотя... Фиалка может противодействовать брату, она прикроет дракона. Эти двое составляют неплохую пару. Мужчина криво усмехнулся и покачал головой, но тут же помрачнел, понимая, что все не так радужно, и Дархэйм может навредить Гору и забрать Фиалку. «Уверял, что мы созданы друг для друга, навязывал поцелую, пытался взять силой...»

— Мерзость, — передернул плечами аниторн.

Нет, подпускать Дархэйма к сестре нельзя. Решив оставить рядом с драконником одного-двух магов, Илейни немного успокоился, и мысли его сосредоточились на известиях, принесенных начальником городской стражи. Три деревни... Сколько там было жителей? Рядом со столичным городом Побережья стояли большие деревни. Перед глазами вдруг встали мертвецы, нападавшие на отряд аниторна и десяток магов, а после появилось осознание, насколько возросла сила полувиллиана.

— Бездна, — сипло произнес лорд и метнулся прочь из кабинета.

Однако на пороге его поймал один из драконоводов.

— Господин, еще пятеро готовы изрыгнуть первое пламя, — воскликнул он. — Алармис еще готовится.

— Всех вывести на прогулку, пусть выпустят пламя и назад, но упряжь не снимать. Драконоправы сейчас подойдут, — драконовод поклонился и поспешил назад, а аниторн вернулся в трапезный зал.

Его ждали. На лицах лордах застыл вопрос, но задать его никто не решился. Рик

опустился на свое место, одним глотком допил вино из кубка и гулко ударил им об стол, ставя на место.

— Дархэйм начал действовать, — наконец сказал Илейни. — За ночь поглотил три деревни недалеко от Бриллианта. Сейчас придут маги и жрецы. Будьте готовы к нашествию.

— Нежить? — спросил один из лордов.

— И да, и нет, — Риктор снова вспомнил тех, с кем ему уже довелось сражаться. — Жизнь в телах сохраняется, но человеческая душа подменена черной Силой. К магии не восприимчивы. Страха нет, разума тем более. Рвут на части. Огонь и сталь — вот единственное оружие против них. Если успеем, соберем горожан в обителях, там Огонь, он сдержит натиск. Впрочем, боюсь, что времени у нас нет. Да, — он обвел собравшихся лордов взглядом. — Пятеро драконов готовы выдохнуть пламя, нужно вывести их. Как освободятся от огня, возвращайтесь. Похоже, пришло время вспомнить, как сражались наши предки.

— Кто еще готовится? — спросил старший Дальгард.

— Алармис, он был последним. Шесть драконоправов в драконник, упряжь на летунов уже надевают. Возможно, Ал уже тоже готов. Итого, у нас семь драконов с огнем, но один из них занят иными делами. Гора исключаем. Если Алармис созреет, то семь драконов, если еще нет, то шесть. Даархар у нас один, и он силен, очень силен.

— Господин, — в дверях трапезной стоял страж. — Маги прибыли.

— Жрецы?

— Двое, но морды каменные, будто одолжение делают.

— Плевать, лишь бы была польза, — отмахнулся аниторн. — Свободны.

Раймус Дальгард и пятеро лордов-драконоправов поспешили в драконник. Шеффри и его отец пристроились за спиной господина, когда он направился к дверям. Остальные поспешили следом, исполняя роль телохранителей и сопровождения. Риктор стремительно спустился по лестнице и остановился во дворе, где стояли мастера и жрицы. Маги почтительно поклонились, служители Огненных лишь слегка склонили головы, неприязненно глядя на аниторна. Илейни остался равнодушен к их неприязненному взгляду.

Аниторн несколько мгновений молчал, собираясь с мыслями. Обрушить на головы собравшихся людей известия о появлении того, существование кого казалось легендой, было непросто. Но времени на подготовку не было, и Риктор сказал прямо:

— Сегодня ночью опустели три деревни. Жители исчезли, включая скотину и домашних животных. Чтобы не было загадок, я назову виновника. Лорд Эрхольд Дархэйм... потомок Виллиана.

Люди слушали, но неверие на их лице легко угадывалось. Однако аниторн и его люди оставались серьезны и сосредоточены, и недоверие поколебалось. То, что говорил лорд Илейни, плохо укладывалось в головах, слишком сказочными казались события, произошедшие в древности. Боги стали данностью, Виллианы — тенями из страшной легенды. Поверить в то, что Зло ходит где-то рядом, было сложно, и все-таки...

— Маги должны прикрыть городскую стражу, — говорил аниторн. — Один маг на десятку. Только щит, остальные ухищрения оставьте для обычной нечисти. Жрецы должны обеспечить воинов сферами с Огнем, горожан собрать в обителях, двери закрыть, огородить Огнем. Я и мои люди прикрою с неба. Есть те, кто не владеет мечом?

— Есть, — отозвался ученик мага.

— Вперед не лезть, — Рик оглядел поднятые руки. — Помните, Сила даархара вас не

возьмет, но его рать доберется. Если не уверены в себе, спрячьтесь, во время боя будет не до вас. Всё ясно?

Нестройный хор голосов ответил согласием, и порталы вспыхнули, выпуская из замка магов. Двое жрецов остались стоять. Аниторн повернулся к ним:

— У вас остались вопросы?

— Мы не знаем, зачем лорд придумал всю эту ересь, — заговорил один из служителей. — Единственное зло, которое есть на Побережье — это сам лорд.

— Рик, пусть их выпьет Дархэйм, — зло усмехнулся Тибод Дальгард. — Толку от них никакого.

— Ты еретик, аниторн, — выкрикнул второй, указывая пальцем на Илейни. — Ты порождение Виллианов, ты! Нам все о тебе известно. И о запрете на содержание драконов тоже известно! Ты пожалеешь...

— Убью, — глухо пообещал Тибод. — Прямо сейчас.

Жрецы попятились, Дальгард недвусмысленно положил ладонь на рукоять кинжала. Риктор Илейни остался невозмутим.

— Идите, — мирно сказал он. — Но когда вас будет пить даархар, ни я, ни мои люди вам на помощь не придем. Боги с вами, они защитят своих верных сынов. Ступайте.

Жрецы сверкнули гневными взорами и покинули замок. Лорды переглянулись, но не произнесли ни слова.

— Шефри, — позвал Рик, — ступай к городской страже. Готовь людей к обороне. Лорд Амелти, лорд Давас, ступайте с младшим лордом Дальгардом. Тибод, твои сферы...

— Готовы, — кивнул старший Дальгард.

— Передай сыну.

Тибод исчез в портале, но вскоре вернулся с ларцом.

— Мало, — с сожалением сказал он.

— Лучше, чем ничего. Нам Огонь дал продержаться. К сожалению, не спас.

— Что делать нам, господин? — спросили оставшиеся лорды.

— Ждать, — ответил Илейни и развернулся на каблуках, устремляясь к драконникам. — Возможно, нападение произойдет только на замок. Хорошо, если бы так. Но, боюсь, Дархэйм слишком зол, чтобы удовлетвориться одним моим замком. Кстати, его слуг нашли?

— Нет, господин, — подал голос Тодар, шедший с лордами за аниторном. — Ищем.

О слугах Энрика Дави вспомнили ни сразу, а когда бросились искать их, они исчезли. И никто не брался точно сказать, где двое мужчин, сопровождавших самозванного лорда.

— Ищите, — отчеканил Рик. — Если они не люди, то в замке находятся опасные твари.

Илейни остановился, наблюдая, как возвращаются пятеро драконов, поджал губы и направился к замку. Нужно было доложить королю. Когда он уже скрылся за дверями, Алармиса вывели из драконника, и он взмыл в небо, чтобы освободиться от первого клуба пламени. Как и в старые добрые времена драконы Илейни стали огненными.

Разговор с Ледагардом вышел коротким. Его Величество выслушал доклад аниторна, мрачней с каждым словом. После кивнул и произнес:

— Отправляю к тебе своих магов.

— Жду, — коротко ответил Риктор, и кристалл погас. Лорд еще мгновение смотрел перед собой невидящим взглядом, затем ударил кулаком по столу. — Бездна! Пожри тебя Бездна, выродок.

Он поднялся из-за стола и покинул кабинет, снова вышел во двор и услышал рев

тревожного рога, молчавшие уже не менее ста пятидесяти лет. Тогда в последний раз к берегам королевства приближались чужие военные корабли. С тех пор рог молчал.

— Началось, — выдохнул один из стражей.

— Да, — кивнул аниторн и обернулся к драконоправам. — Вылетаем.

Он посмотрел на драконник Гора и решительно направился к нему.

— Рик! — крикнул Дальгард, спеша следом.

— Мой лорд! — воскликнул один из лордов, но Илейни отмахнулся.

Гор метнулся навстречу. Из ноздрей его повалил дым, но человек отмахнулся.

— Довольно, приятель, — сказал он, глядя в глаза своему дракону. — Слушай меня внимательно. Ты должен унести ее. В лес. Враг близко, и если он доберется до Фиалки, мы потеряем ее. Ты сейчас позволишь оседлать себя, она сядет тебе на спину, и вы улетите отсюда прочь. Слышишь? Гор, все серьезно.

Дракон продолжал смотреть на человека, глухо порывая, но вдруг склонил голову и отошел. Рик обернулся к драконоводам.

— Он разрешает надеть на него упряжь.

Драконоводы несмело направились в драконник.

— Я никуда не полечу, — Фиалка появилась на пороге драконника.

— Полетишь, — холодно ответил аниторн. — Не время для споров. Там ты скрывалась несколько лет, он не знает о твоём лесе. Когда все закончится, я дам знать. Но сейчас ты уберешься прочь. Гор понесет тебя быстрее ветра.

— Рик...

— Хватит! — гаркнул лорд. — Он один, нас много. Но я не хочу постоянно оглядываться и думать, что ты в опасности. Улетай, мне так будет спокойней.

— Я могу помочь, — негромко произнесла Фиалка и с мольбой посмотрела на мужчину.

— Прикрой Гора, если Дархэйм объявится. Вдвоем вы сможете его победить, — он остался неумолим. — Но здесь ты более уязвима. Мы не нашли его тварей, они скрываются где-то в замке. Он близко, и если прорвется... Я хочу знать, что ты в безопасности.

— Хорошо, — ровно ответила женщина, перестав сопротивляться. — Мы улетим, если так тебе будет спокойней.

Заревел Гор, он был готов к вылету. Фиалка бросила еще один взгляд на Риктора.

— Будь осторожен, — сказала она и исчезла в драконнике.

Через несколько мгновений черный дракон взмыл над замком. В седле его сидела Фиалка, смотревшая на уменьшившиеся фигурки людей, но она безошибочно нашла одного-единственного мужчину, все еще провожавшего Гора взглядом. Поперек дракона лежал подвывающий каяр, но на его страдания женщина почти не обращала внимания, машинально поглаживая испуганного полетом зверя.

Рик дождался, пока дракон не превратится в далекую точку, удостоверился, что никто не летит за ним следом, взял меч-артефакт у одного из воинов, посланного за ним, пристегнул к поясу и побежал к оседланным драконам. Ханнис шагнула навстречу человеку и сама легла на живот, давая ему забраться себе на спину.

— Полетаем, принцесса, — улыбнулся ей лорд, забираясь на спину.

— Рик, твой меч пуст, — Тибод встал перед драконицей. — Его нужно наполнить силой.

— Она тебе самому пригодится, — ответил аниторн, но Дальгард протянул руку. —

Время, — почти зарычал Илейни, но вытащил меч из ножен и протянул магу.

Тот держал его несколько мгновений, вливая свою силу, затем передал сыну. Меч обошел по кругу всех лордов-магов и вернулся к хозяину.

— Уф, — выдохнул один из драконоправов. — Настоящая прорва.

— По драконам! — нетерпеливо выкрикнул аниторн. — Город ждет нас. Остальным оборонять замок. Маги прикрывают простых воинов. Вперед!

Ханнис взлетела первой, следом за ней поднялся Аскерд, неся на своей спине старшего Дальгарда, Воитель, близнецы взлетели слажено, Алармис пристроился в хвост, им управлял Раймус Дальгард. Семеро потомков воинов, сражавшихся с даархарами, спешили навстречу с потомком легендарного врага и его неживой ратью.

Рог ревел, не переставая, оповещая людей о надвигающейся беде. Горожане тревожно оглядывались, спрашивая друг друга, что случилось. По улицам и переулкам мчались на лошадях глашатаи, выкрикивая:

— Нападение! Всем укрыться! Нападение! Закрывайте двери и окна! Очистить улицы. Нападение!

Спешно застучали ставни на окнах лавок. Торговцы на ранке спешно собирали товары, бродячие циркачи и актеры спешили к открытым воротам обители, надеясь спрятаться там. Паника нарастала, и больше оттого, что никто не имел понятия, кто напал на город и чего ждать. Кричали женщины, разыскивающие по улицам своих детей, откуда-то слышался плач ребенка, сбитого с ног бегущими людьми. Мужчины выбегали из домов, прихватив оружие, но стража, если видела их, тут же гнала обратно. Истошно гавкали собаки, бросаясь на бегущих людей, и взвизгивали, отброшенные ударом деревянного башмака.

У ворот обителей стояли жрецы, выкрикивая:

— Успокойтесь! Опасности нет! Это злодей аниторн пугает вас! Боги с вами, люди! Успокойтесь и открывайте ваши лавки! Огонь горит ровно, опасности нет!

— Заткнись, — удар Шефри Дальгарда сбил с ног одного из крикунов в балахоне.

Но люди уже слышали. Они переглядывались, не зная, что им делать. Стража и глашатаи гнали по домам, жрецы успокаивали. Кто-то заглянул в обитель, Огонь в чашах горел так же, как и вчера, не указывая на надвигающуюся беду.

— Тьфу, — зло сплюнул толстяк в жилете. — Чтоб ему, злыдню, бездетным помереть. Чтоб его род под корень вымер. Идем назад. — Мужчина подтолкнул в спину парнишку-помощника.

— А если стражи не врут? — засомневался тот.

— Огонь видал? Все спокойно, — толстяк отвесил пареньку затрепину, и они направились обратно к уже закрытой лавке.

Следом за ними направились еще несколько человек, ругая лорда Илейни. Своей дурью сбил торговлю. Теперь придется ждать, пока легковверные дураки успокоятся и выберутся на улицу.

— Куда бежите? — кричали они встречным. — Огонь горит, ничего не будет. Это все происки аниторна, чтоб ему неладно было. Жрецы говорят, что нападения нет.

Кто-то поверил. С облегчением выдохнул и развернулся в обратную сторону, крича остальным, что угрозы нет. Улицы замерли, не зная, что делать и кому верить. Но рог продолжал реветь, навевая тревогу. Стража, разгонявшая людей, вдруг прислушалась к чему-то, слышное только им. Воины развернулись и бросились в сторону городских стен.

— Да что там?! — вскричал толстяк, бледнея.

— Мастер, — приглушенно произнес его помощник и указал рукой на черный туман, появившийся невдалеке от них.

Туман рос, вязко клубясь, заполнял собой пространство между домами. Люди остановились, зачарованно глядя на происходящее. И когда черная дымка разделила улицу на две части, в город хлынули оскаленные мертвецы. Люди, собаки, кошки, ползли младенцы, курицы неслись, раскинув крылья, протопала корова. И это было бы даже забавно, если бы глаза прищельцев не были одинаково черны. Они остановились, рассматривая застывших людей.

— Спаси нас Огненные! — завизжала какая-то женщина, и мертвая рать бросилась на живых.

— Дядя, ты же говорил, что ничего не будет! — выкрикнул паренек.

— Это все анит...

Договорить толстяк не успел, упав с перегрызенным горлом. Пес, бросившийся на него, поднял голову, и взгляд его остановился на пареньке. Тот попятился, но уперся спиной в стену дома. Юноша зажмурился, сжал кулаки, втянул голову в плечи и...

— Беги отсюда, дурень! — закричал неизвестный лорд, отталкивая его и снося мечом голову подступившему псу. — Это Сила Бездны, парень. Нужно слушать предупреждение.

— Но Огонь...

— Пошел прочь!

В руке лорда что-то хрустнуло, и в нежить полетела раздавленная сфера с огнем. Парень гулко сглотнул, успев увидеть, как лорд сцепился с полуголым мужиком, вытянувшим к лорду руки со скрюченными пальцами. Затем развернулся и бросился наутек, больше не задерживаясь.

Вой мертвечины смешался с криками гибнущих людей. То там, то здесь слышались хрипы умирающих, мерзко чавкала плоть, раздираемая когтями и клыками умертвий. Словно склизкий червяк, прополз мертвый старик. Тело его было разрублено надвое, и холодная плоть с торчащим остовом позвоночника волочилась по земле. Старик дополз до худощавого жреца, не успевшего спрятаться в обитель, и поднял кверху бескровное лицо. Жрец удерживал за руки умертвие, бывшее еще недавно женщиной. Старик оскалил рот с четырьмя последними зубами и впился в ногу служителя. Тот вскрикнул и опустил взгляд вниз, упуская на мгновение второе умертвие из виду, и женщина бросилась на него, вцепившись зубами в щеку. На запах крови кинулась мертвая псина, прыгнула и повисла на плече жреца. Через мгновение его уже не было видно под грудой живых мертвецов, а вскоре затихли и истошные крики.

Маги смешались с воинами, сбросив свои балахона и сменив их на доспехи. Первый наплыв у городских стен отвлек внимание городской стражи, и теперь, уничтожив небольшую волну нежити, воины и маги спешили на городские улицы. Лошади ржали, пугаясь тварей, заполнивших город. Били копытами, попадая в мертвецов и в живых. Кто-то вывалился из седла, и на него бросились умертвия, впиваясь в незащищенную плоть.

— Бросай сферу! — крикнул светловолосый страж товарищу.

— Там живые, — мотнул тот головой, и мужчины схватились за мечи.

— Они лезут в дома! — заорал Шефри Дальгард, отбрасывая прочь тело кошки с черными глазами. — Бездна, мы не справимся!

— Драконы! — выкрикнул рыжий страж, указывая на небо.

— Аниторн ничего не сможет сделать, улицы все еще полны живых, — ответил

младший Дальгард и с досадой сплюнул. — Бараны.

— Это жрецы, — мрачно произнес рыжий. — Они сказали, что опасности нет. Люди верят жрецам.

— Кто ж знал! — выкрикнул кто-то за их спинами.

Лорд и страж обернулись. Жрец, подвернув балахон, орудовал дубиной, разбивая голову очередной твари. Воины усмехнулись и вновь ринулись в схватку. Над головами захлопали крылья. Шефри вскинул голову и едва успел увернуться от бросившейся с открытого окна курицы.

— Вот Бездна! — заорал он, прикрывая голову руками от следующей. — Он же деревни под чистую поднял. И скот тоже!

— Т-т-там корова человечину жрет, — заикаясь, бормотал лавочник, тыкая пальцем в проулок. — К-к-корова ч-человечину.

— Прячься, дурень! — заорал на него младший Дальгард.

— К-к-куда?

Лорд ответил витиеватой бранью, и лавочник побежал дальше. Недалеко раздался крик. Шефри обернулся и сплюнул, три курицы, словно взбесившиеся вороны, клевали и рвали когтями на лапах, женщину в богатой одежде, упавшую на землю. Послышался звук выбитого стекла, нежить лезла в окна домов. Бык выбивал головой дверь, под его ногами крутилась мертвая собака, подвывая от нетерпения. Из дома неслись истошные крики о помощи. Но помогать было некому, защитники гибли под натиском все возрастающей нежити.

Вот уже замелькали покалеченные тела горожан, чьи глаза заполнились тьмой. Они бросались на тех, в ком еще теплилась жизнь. Город умирал, заполняясь живыми мертвецами. Все чаще вспыхивал Огонь из разбитый сфер, загорались дома, где прятались живые люди. И стоило где-то раздаться крику, как нежить бросалась туда. Ворота обителей не успевали закрыться. И среди оживших мертвецов уже мелькали балахоны жрецов, пожиравшие живых собратьев. Огонь в чашах пылал по-прежнему ровно, словно ничего не происходило.

За городской стеной завис в воздухе даархар. Длинные черные пряди цеплялись за рога, бросались в лицо, скрывая широкую клыкастую ухмылку Эрхольда Дархэйма. Он смотрел, как летят драконы, как закладывают они круг над захваченным городом и разлетаются в разные стороны, деля его на семь частей. Удивило одно, аниторн летел не на своем отвратительном черном драконе. Впрочем, это было пустяком. Главное, Бриллиантдох, корчась в муках смертельного ужаса, и живая Сила душ бурным потоком мчалась к даархару, наполняя его. Таким могущественным он себя не чувствовал еще никогда. Целый город, один из самых больших в королевстве лежал у его ног и щедро отдавал свою Силу. Эрхольд раскинул руки и расхохотался.

Рик смотрел на город с высоты, стиснув зубы. Желваки ходили на скулах лорда, но это было единственным признаком обуревавшей его ярости. Аниторн не позволял злости затмить разум. Он видел, как Воитель и Аскерд полыхнули огнем, и понял что в тех частях Бриллианта, куда полетели эти драконы, живых уже нет. По крайней мере, на улицах. Затем полился огонь из пасти Хагарда. Вскоре полыхнул пламенем и его старший брат. Окраины вымерли.

Ханнис волновалась. Ее рев врывался в вой и крики на улицах города. В центре, где стоял дворец градоправителя, еще оставались живые, и помочь с воздуха им было

невозможно. Но можно было откинуть нежить со стен и крыш домов. Однако, опасаясь поджечь жилища, где прятались бриллиантцы, Риктор не спешил отдать приказ Ханни.

— Нужно как-то скинуть их оттуда, — задумчиво произнес аниторн.

Драконница взревела, отзываясь и помчалась к крыше ближайшего дома, сгребла лапами несколько умертвий и сбросила вниз, издав брезгливое:

— Фур-р

— Согласен, — передернул плечами мужчина. — Мерзость.

Ханни кружила над домами, сбрасывая нежить, после выпустила струю огня по черепичной крыше, и твари завывали, корчась в пламени.

— У-у, — протянула Ханнис, выворачивая голову на седока.

— Да, так легче, но опасно, — ответил Рик. — Мы можем сжечь людей заживо.

Драконница заворчала, но огонь больше не вырвался из ее пасти. Аниторн огляделся и велел:

— На площадь, девочка. Будем драться на земле.

Драконница заложила круг, выбирая место для посадки.

— Дай-ка огоньку, расчисти себе место, — разрешил лорд.

Струя белого пламени ударила в каменные плиты площади, поджигая нежить и их добычу. После опустилась сама, раздавив лапами козла, рвущего какого-то горожанина крепкими зубами, уцелевшего каким-то чудом. Рик спрыгнул на землю и огляделся. Они с Ханнис оказались в одиночестве. Нежить замерла за пределами огненного круга, ожидая, когда пламя угаснет. Драться с ратью мертвецов было сущей глупостью, но аниторн и не собирался вступать с ними в драку.

— Попробуем еще раз, — прошептал он и присел на корточки, накрыв плиты ладонями. Выдохнул и попросил: — Отзовись. Если слышишь меня, отзовись.

Но ничего не произошло, земля молчала. Рыкнув с досады, аниторн вскинул руки вверх:

— Отзовись... Отзовись, Бездна тебя задери!

И вновь тишина, ветер не спешил закружить вокруг аниторна.

— Да как же это должно происходить?! — выкрикнул Рик. — Я, потомок Валистара Илейнария, призываю воздушную стихию!

Огонь начал спадать, пожрав тела. Нежить придвинулась ближе. Где-то в месиве тел еще слышались человеческие стоны и крики. Драконница беспокойно перетаптывала с лапы на лапу. Она втягивала носом воздух, порывивала, била по земле хвостом. Ярость аниторна достигла предела, и он махнул рукой, заорав:

— Бесит!

Из затухающего пламени вырвался пылающий жгут и рванул в сторону, куда махнул Риктор Илейни. Завыл низкорослый жрец... мертвец, что был жрецом, охваченный пламенем. А аниторн застыл с открытым ртом, глядя на огонь. После поднял взгляд на драконницу.

— Еще огня, — велел он.

Ханнис послушно выдохнула пламя, поджигая столпившуюся нежить. Рик подбежал к ней, забрался на спину и велел:

— Взлетаем.

Драконница оторвалась от земли, и пока она поднималась, лорд раскрыл ладонь и прошептал:

— Призываю.

Ветер скользнул по ладони, свернулся невидимой перчаткой, Сила, наконец, отозвалась. Толком не понимая, что делает, Рик покрутил кистью, и ветер, что обернулся вокруг ладони мягкой перчаткой, свернулся в маленький вихрь и помчался вниз. Ворвался в центр драконьего пламени, и оно послушно поднялось по невидимому жгуту, превращая воздушный вихрь в огненный. Едва дыша, Риктор отбросил жгут в сторону, и он, словно плеть, ударил по толпе мертвецов.

— Ох, ты ж, — потрясенно прошептал Илейни. — Бездна меня заberi, если я понял, как это делаю.

Затем снова раскрыл ладонь, и ветер снова окутал ее прохладным дыханием.

— Ханни, кажется, у меня получилось. Родовая Сила откликнулась. Бездна-а-а, — протянул лорд. Он решительно тряхнул волосами и произнес. — Ну, пробуем. Ханни, огонь.

Драконьих послушно выпустила струю пламени, лорд вскинул обе руки, потянув Силу воздуха. Он чувствовал себя слепым котенком, почти не осознавая, что делает. Два воздушных вихря разделили драконье пламя на двое, и в руках Рик оказалось две огненные плети. Аниторн взмахнул первой, сбивая со стен нежить, лезущую в окна. Рассмеялся, словно ребенок, радующийся новой игрушке, и ударил двумя плетями, с восторгом наблюдая, как слетают со стен пылающие твари.

— Ханнис, улицы, огонь, — скомандовал мужчина.

И пока драконьих чистила улицу, аниторн сбивал мертвецов с домов, уже не взмахивая руками. Огненные плети теперь больше напоминали двух змей, послушных воле лорда. Они стремительно ползли по стенам, по крышам, не касаясь их, оплетали нежить и скидывали на землю, где уже пыли тела тех умертвий, которые подожгла Ханнис.

Опьянение Силой закончилось неожиданно быстро, заставляя думать. Город пылал в огне, и из окон все чаще выглядывали люди, вызывая о помощи. Вода? Нет, вода не в силах погасить драконье пламя. Стряхнув с ладоней огненные плети, Рик проследил, как они исчезают в огне, полыхающем на улицах, и почувствовал себя шkodливым мальчишкой, слишком увлекшимся новой забавой. Огонь уже был лишним, можно было использовать только воздух, этого было достаточно...

— Точно! Воздушная стена! Но как...

Его идея была проста, окружить огонь воздушной стеной, которая не давала бы пламени распространиться. Прикрыв глаза, Рик попробовал представить себе стену, прозрачную и прочную, как толстое стекло, очень толстое стекло. Стена, возвышающаяся над домами, затем еще одна, и еще, и еще. Перед внутренним взором аниторна появился прозрачный ящик, внутри которого дул ветер, с четырех сторон сразу, сгоняя пламя к центру. А когда он открыл глаза, то охнул от того, что увидел внизу. Пламя отодвинулось от стен домов, и можно было увидеть четкие контуры квадрата, в середине которого бушевал вихрь белого огня, дожирая тела, лежавшие на улице. И как только пламя опало, каменные плиты оказались черными от сажи, но тварей здесь уже не было. Из нескольких окон смотрели люди, и взгляды их были устремлены на драконьих и ее седока. Аниторн махнул выжившим горожанам рукой и направил Ханнис на помощь другим драконоправам, выстраивая мысленно новые прозрачные ящики. И Сила его не заканчивалась.

Рик увидел Шефри Дальгарда на крыше главной обители Бриллианта. Прижимаясь к нему спиной, стоял какой-то городской стражник. Они отбивались от нападающих умертвий, но силы были на исходе. Движения рук мужчин стали медленными, рваными, и твари почти

добрались до них. Илейни скрутил новую плеть из воздушных потоков, размахнулся, и нежить полетела в сторону от двух мужчин.

— Мой лорд, — прочел по губам Шефри аниторн, кивнул и смел воздушной волной тех, кто еще оставался на крыше.

— Сидите там! — крикнул Илейни и поспешил дальше.

Даархар сузил глаза, наблюдая за серой драконицей. То, что вытворял аниторн, оказалось полной неожиданностью. Добыча ускользала из рук, и это Эрхольду не понравилось. Взмахнув крыльями, Дархэйм нырнул в за клубившуюся тьму. Через короткое мгновение он появился с другой стороны города, осклабился и неспешно полетел навстречу аниторну, не скрываясь и не пытаясь нападать.

Черный дракон неспешно летел, чутко прислушиваясь к женщине, сидевшей на его спине. Лоэль уже привык к высоте и теперь лежал спокойно, начиная тревожиться лишь тогда, когда придерживающая его рука исчезала. Он задира голову и смотрел на свою хозяйку, казалось, не замечавшую ни величественную картину, раскинувшуюся внизу, ни каяра, чью шерсть трепал ветер, не чувствовала радости от полета, ее мысли были далеко, и в глазах застыла тревога.

— Гор! — Фиалка сдалась, больше не пытаясь быть послушной. — Гор, нам надо вернуться.

Дракон издал короткий рев и прибавил в скорости.

— Гор, я не смогу жить, если он погибнет.

— Ар-р.

— Ты же тоже себе этого не простишь, Гор! — закричала она. — Он ведь был с тобой рядом, всегда был рядом. Любил, заботился, оберегал. И ты заботился о нем. Неужели бросишь сейчас, когда он может погибнуть?! Гор! Вспомни, Рик — твоя семья! Ты искал его, когда он пропал. Я помню, как ты был счастлив, когда нашел его, Гор!

Великан еще прибавил в скорости, и вскоре ветер яростно ревел вокруг Фиалки. Каяр уже не скулил, он выл от страха. Слезы застилали глаза женщины, она смахивала их и кричала на пределе голосовых связок, преодолевая рев ветра.

— Гор, Эрх убьет его! Так или иначе, но брат не оставит Рiku жизнь! Если он знает, что аниторн — это ключ от врат, он выпустит из Рика всю кровь, он не ограничится каплей. Если не знает, то убьет из-за своей глупой ревности и злости, не найдя меня. Гор, услышь меня!!! Возможно, именно сейчас Рик умирает в руках жестокого обезумевшего мерзавца! А если Эрх откроет врата, то не будет нашего мира, не будет ни тебя, ни меня, и ты ничего не сможешь сделать. Гор, ты был его другом! Он умрет, а ты так и будешь стеречь самку, которую даже не можешь покрыть собой, которая не даст тебе потомство? Да очнись же ты!!! — она зарыдала в голос, ударяя кулаком по чешуе. — Очнись! Очнись! Очнись!

Гор упрямо летел вперед, унося все дальше свое маленькое сокровище. Он не хотел слышать, не хотел думать, не хотел помнить, как маленький лорд снял с него путы, причинявшие боль и поклялся, что больше никто не причинит боли малышу-дракону. Не хотел вспоминать, как они бегали по горному лугу, потом валялись в траве, и детеныш человека крепко прижимал к себе необычного друга, чей рост тогда как у большой собаки. Гор не хотел помнить, как его человек ликовал, крича и размахивая руками, когда крылья юного дракона подняли его впервые в небо. Он хотел забыть, как Рик просиживал рядом со своим драконом, когда тот трое суток мучился от пробуждения пламени, и как счастливо хохотал, увидев белый огонь. И мгновения, когда молодой лорд приходил в драконник и

просиживал подолгу рядом с летуном, рассказывая ему обо всем на свете, тоже хотел забыть. И как спасал Гора на Играх, не дав водным чудищам сожрать дракона, и как просил прощение за причиненную боль. И о том, как умирало от тоски и тревоги драконье сердце, когда человек не вернулся. Гор хотел все это забыть, потому что это мешало желанию сберечь самку. Если он вернется, то ее заберут...

— Гор! Если Рика не станет, я уйду за ним, слышишь? — орала Фиалка, захлебываясь слезами. — Если его не станет, я покину тело и вернусь в мир мертвых! Гор, да опомнись же ты!!! Эрх сильней и коварней, он найдет лазейку и заберет жизнь аниторна. Гор, прошу тебя...

Дракон взревел. Ярость и горечь смешались в этом реве. Он пытался забыть, он очень старался не думать о своей стае. Гор так хотел думать лишь о своей самке и ее жизни, но... Мальчик с синими, как небо глазами, смотревший на него с доверием и любовью все еще стоял перед внутренним взором дракона. И душа великана помнила страх потерять маленького дракона. Не закрыться в драконнике, не улететь от него подальше, зная, что он где-то продолжает свое существование, а потерять навсегда, зная, что уже никогда не сможет прилететь, склонить голову и почувствовать, как кончики человеческих пальцев обрисовывают чешуйки на шее. Исчезнет запах Силы, всегда привлекавший дракона, исчезнет человек, оставив лишь память и слезы самки, которая будет смотреть, обвиняя каждым взглядом, что он, Гор-ин-Сианлэй, сын вольного ветра посмел забыть о своей семье и дал ей погибнуть.

Струя пламени вырвалась из драконьей пасти, и вдогонку ей помчался новый рев, оглушительный, яростный, полный отчаяния. Дракон заложил крутую петлю, и Фиалка изо всех сил вцепилась в воющего каяра, радуясь, что сама пристегнута ремешками к седлу. Гор повернул назад и помчался так быстро, как летел только в день Игр, спасая своего человека. Он и сейчас спешил к нему, чтобы не дать погибнуть. А самка... Он заберет ее после...

Ханнис первая почуяла даархара. Она заревела, поворачивая голову. Струя пламени ударила в Дархэйма, и он исчез в клубах черного тумана, тут же вынырнув чуть в стороне от того места, где летел прежде. Рик выдохнул, осознав, как легко потомок Виллиана ушел от драконьего пламени. Закрутив воздушный поток, аниторн отправил его в даархара. Ветер налетел, смел Дархэйма, но тот вновь растворился во тьме и появился справа от Риктора, насмешливо грозя пальцем.

— У тебя появилась начинка, Илейни, — усмехнулся Эрхольд. — Так даже интересней. Поиграем?

Вместо ответа аниторн велел:

— Огонь, принцесса.

Ханнис выдохнула пламя, Дархэйм исчез, и Рик свернул огненные плети. Они описали круг вокруг человека и драконицы, и когда даархар вынырнул из черного тумана, одна их плетей ударила его. Эрхольд вскрикнул и исчез, вновь появившись намного дальше. Плети вытянулись, становясь тоньше, но теперь ими было сложнее управлять. Тонкий длинные змейки белого пламени переплетались, метались из стороны в сторону, не причиняя вреда Дархэйму.

Тот рассмеялся и вдруг повернул голову, глядя в сторону. Рик бросил взгляд туда же, куда смотрел даархар. К ним мчался Алармис, неся на себе Раймуса Дальгарда. Следом за ним летел Аскерд, на нем сидел Тибод. Он поднял арбалет, прихваченный в замке, и прицелился в Дархэйма. Рик увидел, как губы даархара растянулись в усмешке. Заклубился

черный туман, скрывая Эрхольда.

— Осторожно! — заорал аниторн, спешно подтягивая к себе огненные плети и создавая вокруг Ханнис кольцо огня.

Дархэйм появился за спиной Раймуса. Он опустился на спину взревшего Алармиса, обхватил сзади второго лорда Дальгарда и, не спуская глаз с аниторна, полоснул Раймуса по горлу когтями, разорвав его.

— Райм! — надрывный крик Тибода ударил по ушам.

Рик зачаровано смотрел, как даархар взмыл со спины дракона, утягивая за собой Раймуса с поникшей головой. Арбалетный болт просвистел рядом с Эрхольдом, но так и не задел, снесенный ветром. Дархэйм поднялся еще выше, держа в руках истекающее кровью тело, усмехнулся и раскинул руки, отпуская мертвого лорда. Взгляд аниторна проследил за полетом мертвеца, затем вернулся к даархару, и лорд Илейни прохрипел:

— Что ты хочешь?

— Тебя, — ответил Дархэйм, весело подмигнув. — Сунется кто-то из твоих шавок, и он умрет раньше, чем его дракон изрыгнет пламя.

— Ублюдок! — крик Тибода заставил обоих обернуться. — Тварь!

Очередной арбалетный болт разорвал воздух, но завяз в щите из черного тумана, не причинив даархару вреда.

— Чтоб ты сдох, Дархэйм, — тяжело сглотнув, ответил аниторн.

Эрхольд рассмеялся, снова растворяясь в своей силе. Рик уже знал, где он появится. Ханнис помчалась навстречу отцу, убитому горем. Круг огня разомкнулся, и к Тибоду помчались тонкие струи белого пламени. Они сплелись сетью и накрыли мага. Но даархар теперь появился под брюхом дракона. В руках его сверкнул меч. Драконье брюхо было самым уязвимым местом летуном. Чешую тут была намного мягче и пробить ее мечом было несложно. Дархэйм направил острие в брюхо Аскерда и посмотрел на аниторна.

— Я лечу за тобой, — мрачно ответил Рик.

— Мне плевать, — рассмеялся Эрхольд.

Яростный смерч смел его, не дав закончить удар. Аскерд заревел, кувыркнувшись в воздухе, сбитый тем же вихрем. Дракон вывернулся, распластав крылья по воздуху. Дальгард едва удержался в седле. Он поднял глаза на господина.

— Улетай, Тибод, — велел Рик.

— Нет, — мотнул головой маг.

— Шефри на крыше обители. Возможно, там вновь полно мертвецов, а его силы на исходе. Спаси второго сына, — сухо ответил Илейни. — Никому за мной не лететь. — После пригнулся к Ханнис. — Унеси меня, девочка. Так быстро, как только сможешь. К холмам.

Драконца завывала и сорвалась с круга, по которому летала все это время. Лорд не оглядывался, он знал, что даархар последует за ним. Аниторн не оставил ему выбора. Ханнис, подобно стремительной молнии мчалась по небосводу, все больше удаляясь от Брилланта и замка на утесе. Рик обернулся только раз, удостоверился, что никто из его лордов не летит следом. Они все еще были заняты выжиганием нежити и спасением тех, кто выжил во время нашествия мертвой рати даархара. Город был полон огня, и аниторн с сожалением подумал, что не успел спасти город от пожара.

А когда вновь посмотрел вперед, впереди за клубился черный туман. Казалось, еще мгновение, и Ханни влетит в ловушку. Новый воздушный вихрь отделился от ладони лорда Илейни и бросился на переход Дархэйма, разметав тьму и оставив чернеющий провал,

способный поглотить дракона. Ханнис взмыла выше, промчавшись над переходом, и он тут же закрылся, не получив добычи.

— Ты восхитительна, принцесса, — произнес Рик, только осознав, что не дышал все то время, пока их несло в ловушку.

Вскоре из пространства вынырнул сам даархар, но тут же исчез, а перед драконицей зачернело сразу несколько переходов. Риктор выругался сквозь зубы, Ханни заревела, словно поддерживая его.

— Я удержусь, малышка, — сказал ей мужчина, доверяясь драконице. — Не сможешь уйти, садись.

Внизу было пустынно, но невдалеке находилось село, и подвергать людей опасности не хотелось. До холмов деревушек, было несколько, и только на самих холмах никто не жил. Рик надеялся дотянуть, но Эрхольд Дархэйм решил сделать все, чтобы не дать аниторну совершить задуманное.

Ханнис нырнула вниз, пролетев под одним порталом, и тут же извернулась, словно змея, облетая следующий. Рванула вверх и сразу бросила тело направо. Рика швыряло из стороны в сторону, грозя вовсе выкинуть из седла, но годы, проведенные с Гором, не пропали зря. Илейни столько раз летал на нем без седла, что умудрялся удерживать даже тогда, когда драконица ввинтила свое тело между двумя порталами.

— Держись, девочка, — крикнул ей Рик, перекрывая шум ветра. — Уже немного.

Она завывала, тяжело взмахнула крыльями, но все же вырвалась из западни даархара. Ханнис снова прибавила в скорости, но теперь переходы возникали один за другим, выматывая драконицу. Она металась по воздуху, словно щепка по волнам. Взмахи крыльев стали беспорядочными, и высота значительно снизилась. Туман за клубился вновь, и Рик показалось, что он растянут, словно издевательская ухмылка. Ханни нырнула под него, задела верви деревьев и, испуганно заревев, помчалась к земле. Аниторн закрыл глаза, готовясь к падению, но драконица сумела вывернуться и опустилась на лапы, тут же завалившись на бок. Она тяжело дышала, крыло неестественно вывернулось. Лорд успел прыгнуть и откатиться в сторону. Но тут же бросился назад, упав на колени перед мордой драконицы. Она смотрела на человека, жалобно подвывая.

— Боги, — выдохнул аниторн, осматривая Ханнис. — Ханни, девочка, ты сломала крыло.

— У-у-у, — ответила она, уткнувшись носом в ладонь человека.

— Мы все исправим, принцесса. Целители вылечат его, маленькая, обещаю, — он склонился прижимаясь щекой к морде драконицы.

Она лизнула мужчину и вдруг отпрянула, угрожающе заревев. Риктор обернулся. За его спиной опускался Эрхольд Дархэйм. Он коснулся ногами земли, крылья сложились, живо напомнив плащ, а через мгновение на аниторна смотрел черноволосый мужчина. Отдающие холодом, серые глаза были полны насмешки. Эрхольд скрестил на груди руки и усмехнулся:

— Как трогательно.

Риктор Илейни выпрямился, склонил голову к плечу и с любопытством осмотрел Дархэймом.

— Хорош? — осклабился черный лорд.

— Было любопытно, как выглядят выродки, — пожав плечами, ответил Рик. — Ничего особенного. Я думал, ты покрыт бородавками, как отвратительная жаба.

Ухмылка стекла с лица Дархэйма, взгляд его сверкнул злобой, и аниторн понял, что

попал в уязвимое место сына Виллиана. Теперь улыбался Илейни.

— Задевает? — участливо спросил он.

— Мне плевать на комариные укусы, — справившись с яростью, ответил Эрхольд.

— Должно быть, много кусали, — подмигнул аниторн, вытягивая из ножен меч.

Пришло время узнать, верна ли догадка Дальгарда. Голубой камень у рукояти блеснул в солнечных лучах. Дархэйм рассмеялся и швырнул в Рика сгустком черной Силы. Риктор поднял меч, и тьма рассеялась, словно ударившись о невидимую преграду. Даархар опустил голову, глядя на аниторна исподлобья. После усмехнулся и обнажил свой меч:

— Я достану тебя, Илейни, — сказал он.

— Или я тебя, — усмехнулся Рик.

Они закружили по земле, мягко ступая, словно два хищника, изучающие друг друга. Илейни вспоминал, видел ли он Энрика Дави в зале для поединков в королевском дворце. Видел. Они никогда не становились в пару, но пару раз аниторн наблюдал за ним. Впрочем, ничего серьезного, лорды обычно развлекались, больше хвастаясь ловкостью, чем мастерством. Оба раза Дави выиграл. Если это уже был Дархэйм, то его манера боя была известна Риктору. Он позволял противнику выдохнуться, уходя в защиту, а когда тот готов был торжествовать, начинал нападать сам. Так было оба раза. Игра и фальш, потом несколько бросков, и меч прижат к груди вымотанного беготней противника.

Эрхольд пристально следил за аниторном, в это мгновение занимаясь тем же, чем и Рик — вспоминал, что знал о мастерстве Илейни. Риктор не спешил нападать, и это начинало злить Дархэйма. Тогда даархар напал первым. Короткая схватка, и противники вновь кружат, не сводя взгляды друг с друга.

— Как ты умудрился влюбиться в собственную сестру? — спросил Рик, отбрасывая в сторону всякое благородство. — Ты безумен от рождения, или же Сила Смерти помутила твой рассудок?

— Мой рассудок достаточно светел, чтобы понять, чего ты добиваешься, — усмехнулся Эрхольд.

В это раз первым напал Рик. Зазвенела сталь, острие промелькнуло в опасности близости от горла Дархэйма. Его клинок мазнул по плечу аниторна, не причинив вреда, и они отскочили друг от друга.

— Обидно было узнать, что из любви родилась ненависть? Она ведь сразу возненавидела тебя, да, Эрх? Ты сходил с ума от страсти, а она брезговала твоих прикосновений. Это было больно?

— Заткнись! — выкрикнул Дархэйм.

В Рика помчались черные жгуты, но вновь разбились о невидимый щит, а затем порыв ветра сбил с ног черного лорда. Илейни бросился к нему, перевернул меч вертикально, готовясь вонзить его в грудь лежащего противника, но Эрхольд ударил аниторна по ногам, откатился в сторону и вскочил, тут же кидаясь на поднимающегося противника.

Вновь скрестились мечи. Теперь мужчины дрались зло, перестав прощупывать друг друга.

— Это было не слишком благородно, — усмехнулся Дархэйм.

— У меня на всех благородства не хватает, — ответил Рик, отбивая выпад. — На тебе закончилось. Ты изменял своей мечте, Эрх? Или все это время хранил ей верность? — Эрхольд промолчал, только удары стали быстрее и яростнее. — Что ты чувствовал, когда убил сестру? Каково это держать в руках ту, из-за которой обезумел, и знать, что убийца —

это ты?

— Ненавижу, — прошипел в ответ даархар, ударив рукоятью в лицо аниторна.

Риктор отпрянул, хватаясь за разбитый нос, но утер его рукавом, оставляя на рукаве кровавый след, и поставил меч, парируя выпад Дархэйма. Они вновь сцепились. Эрхольд теснил аниторна, время от времени пробуя надежность его щита. Сгустки тьмы летели в Рика, но раз за разом разбивались о защиту меча Илейни. И когда аниторн оказался прижат к дереву, Ханнис поднялась на лапы и бросилась на даархара.

Эрхольд выкинул назад руку, и в драконица заревела, оплетенная черной Силой.

— Нет, — выдохнул Рик, откидывая в сторону Дархэйма и бросаясь к Ханнис, пытаясь прикрыть ее щитом.

Даархар, словно только и ждал этого размашистого движения, ударил по руке аниторна, и меч упал на землю. Дархэйм отшвырнул его ногой в сторону. И когда Рик бросился за ним, выпустил Силу в Илейни. Лорд откатился в сторону, уворачиваясь от тьмы, уперся ладонями в землю и взмолился:

— Призываю.

И она отозвалась, слабо дрогнув. Эрхольд поджал губы, и его личина вновь сменилась. Крылья распустились за спиной, даархар взлетел. Аниторн снова бросился к мечу, но отпрянул, когда перед ним за клубилась тьма.

— Сдаешься? — усмехнулся Дархэйм.

— Еще потрепыхаюсь, — ответил Илейни.

Воздушный поток свернулся в вихрь и налетел на даархара, отбрасывая его в сторону. Но через мгновение тот опустился на землю, наступив ногой на меч, Рик так и не успел поднять его. Илейни обернулся к Ханнис. Драконица лежала с закрытыми глазами, тяжело дыша. Не решившись трогать ее, аниторн вновь отпустил ветер. И снова Дархэйм ушел в переход, появившись за спиной Рика.

— А теперь? — любопытствовал он.

— И теперь не хочу, — мотнул головой Илейни, снося Эрхольда ударом ноги в живот.

Добежал до того места, где лежал меч и услышал смех даархара. Артефакт был в его руках. Рик выругался. Затем топнул ногой, и земля взметнулась стеной, ветер подхватил ее и швырнул в лицо Дархэйма. Тот упал спиной в переход и вышел в стороне от аниторна, размазывая грязь по лицу.

— Мне надоело играть, — сказал Эрхольд.

И вокруг Рика за клубилась тьма. Холод коснулся кожи, заставив передернуть плечами. А через мгновение лорду показалось, что его засасывает в ледяную воронку. Он стиснул зубы, из всех сил рванул вперед, но его продолжало тянуть. Шаг назад, еще... И серая пелена вдруг окружила аниторна. Притяжение портала исчезло, а с неба раздался драконий рев. Этот голос Илейни узнал бы из тысячи драконьих голосов.

— Гор, — прошептал мужчина. — Гор!

Однако уже через мгновение застонал, осознав, что дракон прилетел не один, и кто отрезал его от портала даархара:

— Зачем?

— А вот и моя маленькая Ви, — осклабился Эрхольд. — Как все удачно складывается. — После обернулся к Рiku, жизнерадостно улыбнувшись: — Мое сердце нарастила силу, но она все так же слабей меня. Я заполучу обоих.

— Прочь! — заорал аниторн. — Гор, улетай!

Дракон, словно не слыша, помчался к земле. Из его пасти вырвалась струя пламени, и снова, как и много раз до этого, Дархэйм скрылся в клубах тьмы. Белый огонь теперь неся в Рика. Отчаянно закричала Фиалка, горестно заревел Гор, понимая, что убил человека. А потом все заволокло тьмой. Рик вскинул руки, и воздух уплотнился, выгнулся сферой, скрывая его от драконьего пламени, и когда его поток иссяк, ветер разметал черноту. Аниторн вскинул голову туда, где был его дракон и застонал. Дархэйм прижимал к себе вырывающуюся Фиалку.

— Бездна, — выругался Рик. — Бездна!

Его дракон резко обернулся на голос лорда и взвыл, радуясь, что человек жив. Но сразу отвернулся, теперь глядя только на даархара, висевшего недалеко от него с самкой в руках. Гор выпустил из носа струйки дыма.

— И что же ты сделаешь, дракон? — спросил Эрхольд.

Он вновь забавлялся. Риктор скрипел зубами в бессильной ярости. Гор не мог пользоваться своим огнем. Фиалка была прижата к груди Дархэйма. Она била его по лицу наотмашь, пинаясь, но ее брат лишь морщился.

— Чтоб ты сдох, Эрх! — взвизгнула женщина.

— Нас ждет долгая жизнь, сердце мое, — приблизив к ней лицо, сказал Дархэйм. — Очень долгая. Вместе.

— Ненавижу тебя, — прошипела она.

— И я тебя, сестрица, — усмехнувшись, ответил Эрхольд. — Так же сильно, как люблю. Но люблю, наверное, все же больше, раз ты все еще жива. — И вдруг сузил глаза. — Ах, ты тварь...

Гор подлетел совсем близко, пока Фиалка отвлекала брата, вынуждая смотреть только на себя. Затворница отпустила Силу, отбрасывая брата в сторону, и дракон полыхнул снова. Даархар вскрикнул, когда жар опалил его, и скрылся в переходе. Фиалка упала в свой портал. Черный туман смешался с серым, разрывая переход, и женщина полетела к земле.

Навстречу ей понесся поток воздуха, становись все плотней. Следом помчался Гор, забыв о Виллиане раскрывшем свой портал под Фиалкой. Дракон поднырнул, пытаясь поймать ее на спину. Затворница прокатилась по спине великана, не удержалась и полетела вниз, минуя ловушку брата. Ее поймал воздушный поток. Фиалка пролетела по нему, как по трубе и попала в руки Рика. Они вскинули головы, с возрастающим ужасом глядя на дракона, попавшего в клубящуюся воронку. Тьма свернулась вокруг драконьего тела, ломая его. Гор взревел, рванул прочь, но не смог удержаться и полетел вниз. Рик снова вскинул руки, но дракон оказался слишком тяжелым. Он упал с гулким ударом, взметнув облака пыли.

— Гор... — бледнея, прошептал Рик. — Гор... Гор!

За спиной горестно заревела Ханнис, чувствуя несчастье, случившееся с ее братом.

— Ханни, огонь! — закричал аниторн.

Драконница выдохнула пламя, Илейни свернул из него пылающие плети и, как только увидел, что даархар возвращается, взмахнул им. Эрхольд закричал, закрывая лицо руками. Удар, еще удар, хлестко, метко, с яростью и болью. Дархэйм упал, огонь охватил его, поджигая одежду.

— Вернись, — прохрипел потомок Виллианов и исчез в клубящейся тьме.

Рик опустил затуманенный неожиданными слезами взор, справляясь с душившей его болью. Сглотнул комок и обернулся. Фиалка уже стояла на коленях перед Гором, окутывая его своей Силой. Серый туман был совсем блеклым, почти прозрачным. Женщина рыдала в

голос и звала дракона. Где-то недалеко послышался вой каяра, его затворница отправила на землю, еще не долетев до места сражения аниторна и Дархэйма.

— Гор, — прошептал Илейни.

Он направился к дракону, на ходу отмечая, как вывернуты лапы, что крылья поломаны. Дыхание вырывалось со свистом и дымом. Мужчина добрел до великана и упал на колени.

— Гор, — позвал он, заставляя себя говорить ровно, но голос все равно сорвался. — Гор.

Дракон открыл глаза и посмотрел на человека.

— Ар, — произнес он.

— Да, Гор, я жив, — ответил аниторн, улыбаясь через силу. — Ты успел как раз вовремя.

— Пф.

— Конечно, ты самый быстрый, — Илейни замолчал, справляясь с чувствами, душившими.

— Пф.

— Сам ты плакса. Бездна... — Рик отвернулся, смахивая с глаз слезы. — Вот видишь, глаза сухие. А ты задавака и чешуйчатая морда.

— Аурф.

Аниторн обернулся к Фиалке.

— Ты можешь ему помочь? Сделай что-нибудь. Прошу!

— Ему уже не помочь, Рик, — всхлипнула женщина. — Посмотри, он весь переломан, кости... кости порвали... ох.

Она порывисто отвернулась и уткнулась в плечо лорда, надрывно всхлипывая.

— Боги, — простонал мужчина, на мгновение закрывая лицо ладонями.

— Пф.

— Я не плачу, — приглушенно ответил он дракону. — Вот, смотри. Было бы из-за кого плакать. Вредный, самовлюбленный мерзавец... Бездна, Гор, пожри тебя блохи, да, я плачу, парень, — воскликнул аниторн, прижимаясь лбом к шее летуна. Не бросай меня.

— Урф.

— Как я без тебя, друг? Ты же моя семья, Гор... Не уходи.

Фиалка поднялась на ноги и отошла в сторону. Она ожесточенно стерла с лица слезы и о чем-то задумалась, глядя на лорда и его дракона. Рик вытянулся рядом, прижимаясь щекой к шее дракона. Он что-то шептал ему, и Гор ворчал, отвечая. Плечи мужчины вздрагивали, но его рыдания были беззвучными. Он гладил своего летуна, прислушивался к затихающим ударам сердца и все сильнее сжимал руки.

— Не отпущу, — простонал он. — Не отдам. Гор...

— Рик! — вскрикнула Фиалка, решившись на что-то.

— Что? — глухо отозвался мужчина.

— Рик, я могу соединить с тобой душу Гора. Что-то вроде твоего амулета. Ты сможешь почувствовать его... Это единственное, что я могу.

Она замолчала и опустила голову. Руки ее безвольно повисли вдоль тела. Виалин Шагерд, урожденная Дархэйм, не могла выносить смерти. Она разрывала ей сердце, и женщина никогда не трогала уходящие души, не собирала Силу в мире мертвых. Она даже не любила туда заходить, но ее связь с этим миром была столь прочна, что женщина точно знала, когда откроются врата и примут освободившуюся душу. Врата для дракона уже начали

открываться. Затворница понимала, как может дать своему мужчине и не ждала, что он согласится, но Рик обернулся к Фиалке и коротко бросил:

— Сделай.

Закрыв глаза, женщина призвала всю Силу, что еще была в ней, и прислушалась, ожидая мгновения, когда сердце великана остановится. Тук... тук... тук... тук... Тишина. Конец. Серая пелена рванула к дракону, окутала его вместе с человеком, так и не отпустившим летуна...

— Боги, — выдохнул мужской голос за плечом затворницы. — Что за...

Крик аниторна разорвал тишину, окутавшую холмы. Замерла подвывающая Ханнис, на мгновение застыли лорды, примчавшиеся к своему господину на выручку. Фиалка открыла глаза и ахнула. Тело Гора исчезло. Испарилось, словно его и не было, а на земле лежал без сознания Риктор Илейни. Тело его выгнулось дугой, затем опало, и лорд замер.

— Что ты с ним сделала? — один из лордов вцепился в руку женщины.

— Не знаю, — прошептала она.

— Ты убила господина?! — лорд впился пальцами в плечи затворницы, с силой встряхнув.

Она прикусила губу, и кровь выступила в уголке рта. Тут же Риктор глубоко вдохнул и открыл глаза.

— Руки, — неожиданно низким голосом пророкотал он, глядя на лорда, державшего затворницу, янтарными глазами с вертикальными черточками зрачков. — Не смей прикасаться.

— Рик? — позвал Шефри, прилетевший на Аскерде.

— Гор? — дрожащим голосом спросила Фиалка.

— Не тот и не другой, — вдруг усмехнулся Тибод Дальгард. — И оба сразу. Кажется, в нашем мире появился первый лорд-дракон.

Лорд Илейни моргнул, и глаза его вновь стали голубыми. Приблизившись к Фиалке, он остановился, нависая над ней несколько мгновений. Затем подхватил ее на руки и спросил:

— Что с городом?

— Чист, — ответил один из лордов. — Прибыли маги короля, им было не прорваться, пока даархар не покинул город. Сейчас дочищают его и занимаются горожанами.

Аниторн кивнул, после посмотрел на старшего Дальгарда:

— Мне переход, Ханни к целителям. — И уже исчезая в портале с женщиной на руках, бросил через плечо: — Не беспокоить, я двое суток не спал.

Портал закрылся, и Тибод, несмотря на тяжесть на душе, произнес:

— Добрых снов, господин, — и рассмеялся.

Глава 29

Окно перехода блекло полыхнуло посреди замкового двора. Риктор Илейни шагнул на каменные плиты, оглядывая свое жилище. Здесь все было также, словно и не было бойни в Бриллианте. Воины стояли на стенах, челядь спряталась в замке, только двое слуг и прачка тихо переговаривались, тревожно поглядывая на небо в ожидании возвращения драконов. Увидев господина, к нему бросились Тодар и лорд Амелти.

— Мой лорд! — воскликнул Амелти.

— Господин, — Тодар был более сдержан, но смотрел пристально.

— Очистка города почти закончена, — ответил Илейни. — Что происходило здесь?

— Ничего, совсем ничего, — ответил лорд Амелти.

— Нашли? — уточнений не требовалось, мужчины поняли, о ком говорит господин.

— Нет, — с досадой ответил Тодар. — Думали, вылезут, чтобы напакостить, пока вас нет, но так никто и не появился. Где засели крысы, непонятно.

— Рик, — позвала Фиалка.

Мужчина опустил на нее взгляд.

— Отпусти, я поставлю охранку. Если Эрх захочет выйти в замке, мы сразу узнаем.

Он поджал губы, на мгновение крепче прижимая к себе затворницу, но после все-таки кивнул.

— Я буду рядом.

— Это недолго, — улыбнулась Фиалка. — Моих сил еще хватает. Чувства лордов были такими сильными...

— Подкрепилась, лакомка, — в голосе аниторна послышалось урчание. Он вдруг притиснул к себе женщину и жадно потянул носом. — Ты пахнешь, м-м-м... Как ты соблазнительно пахнешь...

Словно забыв, что они стоят посреди замкового двора, Рик запустил пальцы в волосы затворницы, не давая ей отвернуться, и склонился к самому лицу, все с той же жадностью вглядываясь в чернеющие глаза. Дыхание его стало тяжелым, ноздри трепетали, лорд продолжал принюхиваться, все более пьянея от аромата женского тела. Казалось, жидкий янтарь полностью залил глаза аниторна, не оставив ни одного белого пятнышка. Зрачки вытянулись в тонкие черточки и тут же расширились.

Фиалка зачаровано следила за игрой цвета в глазах Рика. Она хрипло вздохнула и потянулась к нему, чувствуя, как растворяется в его взгляде. Ее ладони накрыли плечи лорда, и его объятия стали почти болезненными.

— Рик, — имя прозвучало стоном, и мужчина поймал его губами, накрыв губы затворницы.

И поцелуй его был жадным. Не осталось прежней нежности, сейчас он словно утверждал свою власть, уже одними объятиями показывая свои права на женщину, задыхавшуюся от страсти, разбухшей губами аниторна. Она узнавала его и не узнавала вовсе, но все больше поддавалась напору, забывая, как и он, что вокруг них стоят стража, челядь, лорды. Казалось, весь мир исчез в это мгновение, оставляя Фиалку и Риктора Илейни парить в пустоте, в которой ткалось полотно новой жизни, зародившейся в этом поцелуе лорда-дракона и его женщины.

— Мой лорд! — возмущенный возглас Раса прозвучал неожиданно, расколов уютную пустоту. Она отозвалась недовольным рыком, вырвавшимся из груди аниторна, и рассыпалась на осколки, возвращая мужчину и женщину в замковый двор.

Целитель спешил к господину, гневно сведя брови. Рука старика взметнулась, грозя сухим тонким пальцем. Рик прижал к себе Фиалку, словно боясь, что Расслед заберет дочь, и вздрогнул ощутив уже привычный щипок в бедро.

— Не рычи на моего отца, — строго сказала леди Верд.

— Мой лорд, я просил ва... — Расслед оборвал себя на полуслове, глядя на господина. Затем гулко сглотнул. — Что с тобой, мой мальчик?

Он протянул руку к анитору, накрыл ладонью широкую грудь и прикрыл глаза,

прислушиваясь к чему-то, а очнулся оттого, что Рик взял руку целителя за запястье и поднес к лицу принюхиваясь.

— Рас, ты пахнешь, — заявил лорд.

— Что? — целитель попытался вырваться из захвата, но Илейни держал крепко, продолжая принюхиваться. — Мой лорд, это возмутительно!

Казалось, аниторн не слышит целителя, продолжая нюхать его ладонь. Наконец, поднял на Раса янтарные глаза и осклабился:

— Вкусно пахнешь.

— Кхм.

Он обернулся и взглянул на изломленную бровь затворницы.

— Моего отца целовать не надо, — усмехнулась женщина.

— Чего? — опешил целитель, задержав рукой с удвоенной силой.

— Запах разный, — не обращая внимания на попытки Раса освободиться, Рик потер подбородок, о чем-то думая. Затем снова понюхал руку целителя, взял руку Фиалки и поднес ее к лицу, втягивая запах. — Совсем разный, но есть что-то схожее...

Лорд закрыл глаза, а когда снова посмотрел на лорда и леди Верд, глаза его приняли прежний цвет, и на лице появилось выражение исследовательского интереса, живо напомнившее прежнего Риктора Илейни. Он опять принюхался к руке целителя, после к его дочери, зажмурился и с удовольствием выдохнул одно слово:

— Жизнь. — Мужчина открыл глаза и посмотрел на новообретенных родственников. — Вы оба пахнете жизнью. Иного слова не подберу. Ты, — он перевел взгляд на Расследа, — целитель. Ты сохраняешь жизни. И ты, — теперь аниторн смотрел на Фиалку. — Ты не забрала ни одной жизни, твоя Сила — сила чувств. А чувства и есть сама Жизнь. Теперь я понимаю, что привлекло Гора к вам обоим. Сила даархара — смерть, ваша — жизнь. Но ты, — целитель, наконец, оказался на свободе, зато Фиалка опять была прижата к крепкому телу лорда, — ты пахнешь гораздо многогранней, и я хочу уловить каждый оттенок.

Мужчина потянулся к губам затворницы, но за спиной засопел целитель, и лорд-дракон вновь рыкнул. Но усмехнулся и повернулся к Расследу:

— Рас, ты самый опытный и сильный целитель из всех, кого я знаю. Тебе стоит прогуляться в Бриллиант, там твоя помощь может быть весьма кстати.

— Мой лорд...

— Леди Верд, вы собирались установить охранку, идемте, — не слушая его, произнес аниторн, подал руку Фиалке и повел ее к крепостной стене.

— Возмутительно! — воскликнул целитель. — Рик, ты дал мне слово!

— И приведи любого выжившего жреца, — бросил через плечо лорд Илейни. — Чем быстрее, тем лучше. Можешь начать со жреца.

— Так-то лучше, — проворчал строгий отец и повернулся к лорду Амелти. — Вы откроете мне портал?

— И сопровожу, — поклонился лорд, повернувшийся спиной к господину, как только тот проявил свои чувства к избраннице открыто.

— Вы крайне любезны, — ответно поклонился целитель, снова бросил взгляд на Рика, прижимавшего к себе Фиалку за талию. — И поторопимся.

Лорд Амелти взглянул в ту же сторону и скрыл улыбку, ответив:

— Да, лучше не откладывать, — и маги скрылись в портале.

И как только переход закрылся, аниторн встал за спину затворницы, прижав ее спиной к

своей груди. Ладони лорда мягко скользили по талии, спустились на бедра, чуть сжав, и поползли снова вверх.

— Ты меня отвлекаешь, — проворчала Фиалка.

— Не отвлекайся, — невозмутимо ответил мужчина, снова сжав ее бедра.

— Рик!

— У тебя время до появления жреца, — напомнил Илейни, жмурясь на солнце.

— Тебе нужно отдохнуть, — мягко произнесла затворница. — Два дня без отдыха, сражение, слияние сущностей...

— Хорошо. Не спеши, — неожиданно согласился Риктор и добавил. — Когда уйдет жрец, просто выгоним всех из замка. Кто не успеет уйти ему же хуже. Сдерживаться больше не буду.

— Дикарь! — неожиданно возмутилась Фиалка.

— Я еще сам не понял, кто я, но кое с чем справляюсь с трудом, — не без намека ответил аниторн, тесней прижимаясь бедрами к женщине, давая ощутить силу своего желания.

— Возьмешь прямо здесь? — она вывернулась и посмотрела на мужчину, изломив бровь.

— Если ты не успеешь закончить, и жрец проведет обряд на стене, значит, овладею здесь, — почти равнодушно ответил лорд.

Фиалка развернулась к нему лицом и заглянула в глаза.

— Рик так бы не сделал, — вдруг севшим голосом проговорила она.

— Ты его плохо знала, — ослабился Илейни и снова развернул женщину к себе спиной, возобновляя поглаживания. — Время идет.

Затворница снова обернулась, покачала головой и обличительно повторила:

— Дикарь!

— И это говорит лесная затворница, рычавшая на несчастного раненого мужчину, когда он нуждался в ласке и добром слове, — лорд иронично хмыкнул, приблизил губы к ее уху и жарко шепнул: — Продолжай.

Он слегка прикусил мочку женского ушка, лизнул место укуса и прижался губами чуть ниже.

— Рик, — выдохнула Фиалка, ощущая твердость его члена. — Ты мне мешаешь.

— Нисколько, — ответил мужчина распрямляясь. — Я тебе помогаю.

— Соблазняя меня на виду у всех? — зашипела затворница.

— Щедро делюсь своими чувствами, — укоризненно покачал головой лорд. — Набирай полную пригоршню.

Фиалка вывернулась, прищурилась, изучая невозмутимую физиономию аниторна, усмехнулась и согласно кивнула:

— Может и остынешь немного, — сказала она задумчиво, Рик жизнерадостно ослабился.

Женщина отвернулась и простерла руки перед собой. Белесый туман сорвался с ее ладоней, спускаясь за крепостную стену. Аниторн снова склонился, провел языком по ее шее, поцеловал нежную кожу под мочкой уха и опустился к ключице, скользя губами по коже. Кажется, окончательно забыв об обитателях замка, лорд потерялся бедрами о затворницу, стиснул ее бедра и глухо застонал.

Фиалка откинула голову назад, уперлась затылком в грудь Риктора, прикрыла глаза,

прислушалась к чувствам аниторна и тут же задохнулась от их обилия и силы. И основным сейчас было возбуждение, росшее с каждым мгновением. Она осторожно потянула на себя Силу, а вскоре черпала ее смело, уже не боясь опустошить мужчину. Туман сгустился, пополз по стенам, впитывался в камни, рос, поднимаясь выше, выстраивая вторую стену.

Фиалка продолжала поглощать чувства, бурлившие в мужчине, ласкавшего ее всё смелей, всё настойчивей. И она уже не останавливала его. Возбуждение лорда наполнило женщину. Оно неслось по крови затворницы, разжигая страсть и без того уже тлевшую в теле, наполнив его негой предвкушения. С ее губ сорвался тихий стон, и Рик обхватил запястья Фиалки, поднимая ее руки кверху, порывисто разворачивая к себе лицом. Белесые струи переплелись и разошлись пышной шапкой, подобно кроне дерева с тонким стволом.

— Рик, подумай о чем-нибудь еще, — взмолилась затворница.

— В моих мыслях только ты, — ответил аниторн, обхватил ее лицо ладонями и завладел ее губами.

Женщина охнула, прильнула к лорду всем телом, окончательно теряя голову. И когда мужчина выпустил ее губы из плена, откинула голову назад, открывая ему шею.

— Я не дождусь жреца, — хрипло произнес Рик, скользя губами по шее Фиалки.

Он сжал в пальцах ткань ее платья и потянул кверху...

— Мой лорд! — истощный крик целителя показался аниторну отвратительнейшим из звуков.

— Жрец здесь, — задыхаясь, ответила Фиалка.

Она открыла глаза и посмотрела вверх. Над замком поднимался белесый купол. Он все более истончался, становясь прозрачным, а через несколько мгновений окончательно истаял.

— Успела, — женщина через силу улыбнулась, посмотрела в янтарные драконьи глаза лорда и вдруг прижалась к нему, запустив пальцы в волосы и заставляя склониться к себе. — Больше не могу. — Простонала женщина и впиалась в мужские губы, издав стон наслаждения.

— Виалин! — взвизгнул старик.

Имя это резануло слух, неожиданно отрезвив. Фиалка отшатнулась от лорда, глядя на него расширившимися глазами.

— Что это было? — сипло спросила она, боясь повернуть голову и увидеть людей, находившихся в замковом дворе.

— Всего лишь желание, — ответил Рик, прожигая женщину взглядом. Затем взял за руку и заставил повернуться в сторону побагровевшего целителя и измотанного недавними событиями жреца. — Мы готовы к обряду.

Станный это был обряд. Жрец, чье лицо было черно от копоти, и глаза покраснели от дыма, устало вздохнул, взглянул на аниторна и проговорил, зевая:

— Обнажи-и-ите ру-уки.

Лорд Расслед Верд, выдававший замуж единственную дочь, стоял, преисполнившись благородного величия. Едва господин перестал осаждать молодую леди Верд и сообщил о готовности приступить к обряду, целитель успокоился. Он гордо оглядел всех, кто сейчас смотрел на происходящее, после благочестиво вздохнул и сцепил пальцы, подперев сжатыми ладонями подбородок. Конечно, старику хотелось бы увидеть настоящую пышную свадьбу, но... Главное соблюсти приличия.

Лорды-драконоправы, недавно прилетевшие на своих драконах, подошли ближе, с

интересом наблюдая за сильно сокращенной церемонией. Не было прохождения через очищающий и благословляющий огонь, хоть в замке и находились чаши, чтобы разжечь пламя, не было долгих молитв и коленопреклонений перед пылающими статуями Богов. Не было пышных нарядов и поездки на белоснежных лошадях до обители по улицам Брилланта, заполненным народом. Не было даже прежнего Брилланта, и людям, кто выжил после нашествия мертвых тварей, было не до аниторна и его невесты. Даже жрецу было плевать на соблюдение всех правил.

Рик и Фиалка подтянули рукава кверху, но рукав камзола скользнул обратно, снова закрыв руку, и лорд просто оторвал его, отшвырнув в сторону, следом оторвал рукав рубашки и приставил свою руку к руке Виалин Верд. Кто-то в толпе челяди и воинов охнул, осознав, сколько силы в господине, раз он с легкостью порвал добротный камзол. Все это заметили, кроме, кажется, самого аниторна. Он поднял взгляд голубых глаз на жреца и приподнял брови.

Тот подошел ближе, достал сферу с ритуальным огнем, раскрыл ее тонким стилетом, после опустил острие в пламя и вывел на руке жениха орнамент, следом проделал то же самое с рукой невесты.

— Соедините ру-уки, — снова зевнул жрец.

Рик накрыл тыльную сторону ладони Фиалки своей ладонью, и жрец закончил самый короткий в мире обряд соединения:

— Волею Богов, — зевнул и махнул рукой, — идите с миром по тропе, не убоясь огня, ибо... Связаны навечно.

Орнамент одновременно вспыхнул на руках жениха и невесты, расползся вокруг руки, немного выше запястья, продолжая начертанный жрецом рисунок, и потух, оставив на коже витиеватое клеймо брачных браслетов. Рик склонил голову к плечу, рассматривая новое украшение, сжал пальцы Фиалки и вскинул их руки кверху:

— Свершилось! — неожиданно громким ревом оповестил всех древний старец — Расслед Верд.

И замок взорвался криками ликования. Лорд Илейни наконец женился! Только самому лорду было наплевать и на крики, и на всеобщую радость, и на поздравления с пожеланиями. Он подхватил свою супругу на руки, успев бросить на ходу:

— Наградить жреца за отлично проведенный обряд, — и направился в замок.

Люди расступались перед лордом-драконом и его леди, отчего-то опасаясь оказаться на пути аниторна. Они смотрели вслед молодым супругам, не пряча понимающих улыбок.

— Замок-то хоть устоит? — весело спросил один из лордов-драконоправов. — Все-таки в крови господина теперь сила дракона.

— Что? — обернулся к нему Расслед. — Рассказывайте!

Лорд приобнял тестя аниторна за плечи:

— А не выпить ли нам, лорд Верд, доброго вина во славу господина и его супруги? Там и расскажу вам обо всем.

— Замечательная мысль, лорд Лаэрти, — одобрил Рас.

Во всеобщем оживлении не участвовали только Тибод и Шефри Дальгард. Отдав дань почтения своему господину, они отправились за телом Раймуса, чтобы отнести его в родовой склеп, где второй лорд Дальгард должен был обрести свой покой, присоединившись к славным предкам. Никто не удерживал двух мужчин, лишь проводили сочувствующими взглядами. Драконоводы занимались уставшими летунами, врачевали Ханнис, тихо

переговариваясь о том, что происходило в замке. Воссоединение господина с избранной им женщиной было подобно солнечному лучу, пробившемуся из-за хмурых туч, яркой вспышкой прочертивший скорбь, объявшаую Побережье.

Но все это было где-то далеко, в другом мире, жившем своей самостоятельной жизнью, и не задевало мужчину, не выпускавшего из рук свою женщину. Он все еще пытался сдержатъ рвущееся наружу желание, но вот их взгляды встретились, и мир раскололся, разлетелся тысячьо осколков.

— Все вон, — выдохнул аниторн, останавливаясь посреди лестницы.

— Господин? — страж, стоявший напротив, непонимающе посмотрел на лорда.

Рик повернул к нему голову, и воин охнул, глядя в янтарную глубину драконьего взгляда.

— Прочь! — пророкотал голос лорда Илейни, наполняясь силой.

Страж поежился и первым поспешил исполнить приказание господина. Лестница опустела в мгновение ока, где-то хлопнула дверь, пряча за собой случайного слугу. В короткое мгновение замок затих, и только Рик и Фиалка застыли на ступенях, не сводя друг друга с горящих взглядов. Лорд опустил супругу на одну ступеньку выше и остановил голодный взгляд на ее губах. «Я тебя съем», — вдруг вспомнила женщина слова прежнего Риктора Илейни. На мгновение ей показалось, что он готов воплотить свою угрозу в жизнь. И хоть она понимала, что это всего лишь возрастающее возбуждение, но попятилась, и на лице лорда появилась хищная ухмылка. Он склонил голову к плечу, наблюдая за тем, как Фиалка поднимается все выше, не сводя с него взгляда. Шаг, еще шаг, и еще. Лорд улыбнулся еще шире и резко произнес:

— Ам!

И женщина сорвалась на бег. Она вдруг поняла, что не знает нового Рика, похожего и непо похожего на ее аниторна. В нем так ясно сейчас угадывался зверь, и это вызывало невольную дрожь. Фиалка не знала этого Рика, он завораживал ее и пугал одновременно. Но в это мгновение страх переселил желание, которое в ней разжигал мужчина, застывший на лестнице и следивший за супругой цепким взглядом, и затворница позволила себе слабость. Она бежала по коридору, мечтая спрятаться и переждать ураган, зарождавшийся в янтарных глазах лорда Илейни. Фиалка отчаянно мечтала увидеть прежнего Рика, но за ее спиной притаился зверь в человеческом обличье, заставляя сердце испуганно трепыхаться.

Рывок, и женщина оказалась прижата спиной к мужскому крепкому телу.

— Куда-то спешишь? — жаркое дыхание коснулось виска.

Фиалка зажмурилась и прошептала:

— Рик.

— Да-а, — искушающе протянул мужчина, и его язык прошелся по ушной раковине затворницы.

Она порывисто развернулась и зажмурилась, опасаясь взглянуть в глаза охотника, поймавшего свою добычу. Ладони Рика скользнули по плечам супруги, опустились вниз, обжигая руки даже сквозь ткань рукавов, чувствуя, как вздрагивает ее тело. Он снова наблюдал за ней, не спеша исполнить свое желание. Фиалка открыла глаза и невольно поежилась, ощущая себя испуганной ланью в лапах дракона. Она отступила на шаг назад, и мужчина шагнул вслед за ней. И снова шаг. Аниторн не сокращал расстояния между ними, и не давал ему увеличиться. Наступал неспешно, даже лениво, кривя губы в предвкушающей улыбке. Голодный взгляд не отрывался от глаз затворницы, наполнившихся зовущей тьмой.

Стена обожгла лопатки прохладой, как только Фиалка уперлась в нее. Лорд сделал последний шаг, разделявший их, и уперся ладонями по обе стороны от головы молодой супруги. Навис сверху беспощадной громадой и приблизил лицо к лицу женщины.

— Попалась, затворница, — произнес он, и леди Илейни зажмурилась, справляясь с дрожью, охватившей тело от бархатистых урчащих ноток в голосе мужа.

Его дыхание вновь коснулось ее кожи. Рик потерял кончиком носа о висок и склонился к сочным губам затворницы. Обрисовал кончиком языка нижнюю губу, прихватил ее зубами, не причиняя боли, чуть оттянул и, наконец, углубил поцелуй, скользнув языком в рот затворницы. Мужская ладонь протиснулась под поясицу Фиалки, притиснув ее к горячему телу лорда. Вторая накрыла затылок, не позволяя отстраниться, и попытка женщины что-то сказать захлебнулась под напором губ Риктора Илейни. Он был хозяином и господином, и его власть уже казалась неоспоримой. И Фиалка сдалась, ослабнув в мужских руках. Голова закружилась от пьянящего чувства принадлежности своему мужчине, и ладони, еще пытавшиеся оттолкнуть лорда, накрыли его плечи, стиснув ткань камзола.

Он оторвался от ее губ, заглянул в затуманившиеся желанием глаза. Горячие ладони огладили контуры женского тела, остановились на бедрах, сжимая их, и снова поползли вверх, остановились на плечах, и аниторн одним движением спустил платье вниз вместе с нижней сорочкой. Фиалка охнула, машинально прикрыв освобожденную от ткани грудь. Рик сжал ее запястья и отвел руки в стороны, с жадным интересом рассматривая мгновенно затвердевшие темные вишенки женских сосков. От его взгляда горячая волна прокатилась по женскому телу, выступив бисеринками испарины на коже. Запах ее желания достиг обоняния лорда, вырвав из его груди хриплый вздох, и он сорвался.

Стянув до конца платье и сорочку, повисшие на бедрах супруги, Рик поднял ее выше, вжимая своим телом в стену. Фиалка обхватила ногами талию мужа, зарылась пальцами в волосы, спутав их, и сама захватил в плен его губы. А через короткое мгновение застонала, почувствовав, как головка члена уперлась между влажных складок ее лона. Судорожный вздох, и она заскользила по налитому стволу, опускаясь на него. Звериный рык вырвался из горла аниторна, отозвавшись трепетом страха и предвкушения в груди затворницы. Лицо лорда исказилось сладкой судорогой. Он закрыл глаза, наслаждаясь ощущением тесных стенок влагалища, плотно обхвативших его член. Пальцы Рика сжали ягодицы Фиалки, он выдохнул:

— Наконец-то, — и сделал первое движение бедрами.

Лорд распахнул глаза, жадно следя за тем, как меняется ее лицо, отражая нарастающее наслаждение. С приоткрытых губ срывалось частое прерывистое дыхание, смешиваясь со стонами. И Рик насыщался ими, вновь и вновь вонзаясь в податливое женское тело. Фиалка откинула голову назад, и он прижался губами к ее шее, жаля обжигающими поцелуями.

— Рик! — задыхаясь, выкрикнула затворница, задрожав от оргазма, прокатившегося жаркой истомой по телу.

Он гулко и протяжно застонал, снова вжал в стену. Тело его содрогнулось от накачивающего наслаждения, и мужчина закричал, поддаваясь ярчайшему в своей жизни оргазму. Крик перерос в рев, жаркая струя семени выплеснулась в женское нутро, и лорд едва устоял на ногах, продолжая содрогаться в сладких конвульсиях. Он уперся лбом в стену над плечом Фиалки, опалая ее кожу жарким хриплым дыханием. А где-то внутри него ликовал дракон получивший, наконец, желанную самку.

Ладони затворницы огладили плечи аниторна, и она обняла его за шею, прижалась

щекой к темно-каштановым волосам и вздохнула, чувствуя умиротворение и всепоглощающую нежность к своему мужчине, переставшего пугать ее. И недавняя слабость показалась женщине смешной и глупой. Кого она испугалась? Того, кого смогла полюбить всей душой, зная его так недолго? Того, кому доверяла, и потерять которого оказалось настолько страшно, что она покинула свое надежное убежище, позволив брату найти себя.

Лорд отдышался и поднял голову, потревожив затихшую супругу. Их взгляды встретились, и Фиалка захлебнулась вернувшейся синевой глаз аниторна. Она потянулась к его губам, прошептав:

— Я так сильно люблю тебя.

Рик прерывисто вздохнул, позволил женщине встать на ноги, провел по щеке костяшками пальцев, все еще хрипло ответив:

— Ты — огонь моей души.

— Ох, Рик... — всхлипнула она, и этот тихий всхлип поймали губы ее мужа.

Он вновь поднял ее на руки, переступил одежду Фиалке, оставшиеся валяться на полу, и направился в опочивальню. Замок по-прежнему безмолвствовал. Никто не попался на пути супругов, никто не осквернил случайным взглядом их уединения. Никто не нарушил таинство, сплетавшие две души в неразрывный узел. Сейчас мир принадлежал двум людям, делившимся своей любовью друг с другом. Взгляды, объятия, поцелуи — все было наполнено этим светлым согревающим душу чувством. И пусть где-то сходил с ума в своей необузданной ярости Эрхольд Дархэйм, раздираемый ревностью и ненавистью, все это оставалось где-то далеко, не смея отравить счастья лорда и леди Илейни, наконец, обретших друг друга.

Рик вошел в свои покои, продолжая прижимать к себе жену, в чьих глазах больше не было страха. И это умиротворяло дракона, поселившегося в аниторне, заставляя его тихо урчать от удовольствия. На губах женщины играла светлая улыбка, и ресницы прикрыли сияющие глаза. Ресницы спрятали радость, озарявшую душу затворницы, чье одиночество уничтожил лорд-аниторн Риктор Илейни, однажды выпав на нее из портала маленького мага Тэдиуса Родоса. Мастер пожелал отправить господина в самое безопасное место, чтобы спасти его от неминуемой смерти. Последнее желание умирающего мага, усиленное открывшимися вратами мира мертвых, уже ожидавших его, дало жизнь гораздо большему, чем спасение жизни. Всего одно желание, словно камень, брошенный в воду, разошлось кругами, вовлекая в водоворот Судьбы все больше людей, меняя predetermined события, ломая намеченный исход, связало жизни тех, кому не суждено было даже узнать о существовании друг друга, создало новую сущность. Но обо всем этом первый лорд-дракон подумает позже...

Сейчас же он приблизился к своему ложу и опустил на него свою супругу. Он взглянул на вольготно раскинувшуюся женщину, и глаза вновь зажглись вожделением. Рик все еще не насытился ею, он все еще чувствовал голод, новый, незнакомый, но понятный, будоражащий. Это уже было не желание, это казалось потребностью в теле той женщины, что смотрела на него из-под прикрытых век. Одна-единственная женщина во всем свете отныне влекла Риктора Илейни, и это было даром драконьей сущности. Фиалке ни к чему было ревновать и сомневаться. Этот мужчина принадлежал ей одной, и ни одна красавица мира, будь ее тело в сто раз прекрасней, не смогла бы разжечь в лорде-драконе желания. Только Виалин Илейни распалила его кровь, превращая ее в горящую лаву. И лава эта уже мчалась по венам и артериям, воспламеняла сердце и разжигала пожар вожделения в его чреслах. Наполнила

естество кровью, вновь подняв его и заставив затвердеть. Но сейчас Рик смирил звериную жажду обладания, он хотел насытиться каждым касанием, каждым поцелуем. Хотел ощутить вкус ее тела на языке. И мужчина стянул с себя камзол с оторванным рукавом, следом рубаху и опустился рядом на ложе, склоняясь к губам своей супруги.

Его поцелуй был наполнен тягучей нежностью, а не недавним напором. Лорд ласкал рот Фиалки языком и губами, а не завоевывал его, утверждая свою власть. Наслаждался ее откликом, тихим постаныванием. Ловил губами ее язык, втягивал в рот, снова отпускал, позволял ей вести в упоительном соединении губ. Ладони женщины блуждали по телу мужа, гладили широкую мускулистую спину, обрисовывали позвонки, спускаясь вниз, и снова поднимались, чтобы зарыться в длинные пряди волос Рика.

Он оторвался от губ Фиалки, заглянул в затянутые пеленой желанием черные глаза, рвано вздохнул и снова склонил голову, целуя шею. Провел языком по пульсирующей жилке снизу вверх, жадно втягивая носом запах женской кожи, прикусил мочку уха губами, пощекотал языком и снова задохнулся от ее стоны. Что рождалось в нем в эти мгновения всепоглощающей нежности? Мужчина и сам не знал, но оно было подобно цветку, чьи лепестки раскрывались один за другим, и это чувство наполняло его восторгом, будоражившим кровь.

И снова лорд отодвинулся от Фиалки, с бесконечным восхищением рассматривая ее. Его взгляд оглаживал женское тело, скользил по плавным изгибам, ласкал так ощутимо, что затворница закусил губу и прерывисто вздохнула. Она рывком села, помешав Рiku рассматривать себя. Он недовольно поджал губы, но женщина не обратила на это внимание. Поднялась на колени, положила ладони на плечи аниторна, мгновение смотрела на пульсирующую жилку на его шее, а после коснулся ее губами.

Черты лица Рика смягчились, краткое недовольство исчезло, и он откинул голову назад, позволяя Фиалке делать то, что ей хочется. Она проложила дорожки легких поцелуев к ключицам, ужалила языком впадинку между ними и спустилась на рельефную грудь лорда. Но уперлась в нее рукам и вынудила его откинуться на спину и нависла сверху. Красно-рыжие волосы густым водопадом упали ему на грудь, и Фиалка повела головой, лаская тело супруга шелковистыми мягкими прядями. Он закрыл глаза, наслаждаясь нехитрой лаской.

Женщина улыбнулась, глядя на аниторна, откинула волосы на спину и обвела кончиком языка коричневатую ареолу мужского соска и сжала его губами, пройдясь языком по наверху. Стон лорда отозвался в Фиалке сладким томлением, и женщина невольно застонала в ответ. Она проложила новую дорожку из поцелуев ко второму соску, теперь лаская его. Ладонь женщины огладила плоский мускулистый живот, спустилась ниже, и пальчики прошли по всей длине возбужденного члена.

— Бездна, — выдохнул Рик, сжимая ладонями плечи Фиалки.

Она подняла голову, встретилась с его затуманенным взором и искушающе улыбнулась. После удобно устроилась между ног лорда, покрыла поцелуями живот, пощекотала языком впадинку пупка. Ее губы скользили по бедрам, не спеша приблизиться к налитому стволу, вздрагивавшему каждый раз, стоило женщине приблизиться к нему. Рик поднял голову, с жадным ожиданием глядя на супругу. Она лукаво улыбнулась, лизнула нежную кожу мужского естества и снова поцеловала бедро. Аниторн издал мучительный стон и откинулся назад, накрывая глаза рукой. И тогда женские губы обхватили увлажнившуюся головку, награждая за терпение.

Ладонь затворницы сжалась на стволе, сдвинув кожу вниз, язык слизал пряные капли

смазки, обрисовал головку по контуру, пощекотал вершинку, и женщина втянула закаменевший член в рот, продолжая ласкать его языком. Рука ее плавно двигалась вверх и вниз, следуя за горячим влажным ртом. Фиалка приподняла голову, прошлась языком от головки до основания и обратно, и снова вобрала естество лорда в рот, с восторгом слушая его рваное дыхание и стоны. Пальцы аниторна зарылись в волосы женщины, сжали их в кулак, и мужчина двинул бедрами навстречу, насаживая рот Фиалки на свой член. Но вскоре убрал руки, снова позволяя вести затворнице. Она смотрела на подрагивающий живот супруга, чувствуя, сколь близко его наслаждение. И теперь ласкала мужское естество быстрее, всасывая его, облизывая ствол, задевая головку. И когда член напрягся, и из горла аниторна вырвался хрипловатый вскрик, ее рот заполнился выплеснувшимся семенем. Фиалка проглотила его и подняла голову, улыбаясь и облизывая губы.

Рик тяжело выдохнул открыл глаза и посмотрел на жену, похожую сейчас на довольную сытую кошку.

— Кова-арная, — протянул мужчина и рывком завалил ее на постель, придавливая своим телом. Поцеловал во влажно поблескивающие губы и подмигнул: — Мой черед.

И снова накрыл ее губы своими, ловя дыхание женщины, вновь ставшее прерывистым. Поднял голову, разрывая поцелуй, хищно улыбнулся и спустился ниже, несильно сжав в ладонях полушария женских грудей. Поиграл пальцами с затвердевшими сосками, а после накрыл один из них губами. Фиалка выгнулась ему навстречу, и ладони лорда переместились ей под поясницу, не давая снова опустить на ложе. Он продолжал ласкать ее грудь, получая удовольствие от ее стонов, своим именем, которое выдыхала женщина, и желание снова забурлило в нем, заставив член затвердеть. В это мгновение Рик нашел драконью часть своей сущности особенно полезной. Страсть зверя продолжала кипеть в крови, будоража сознание. Запах женского желания кружил голову, и если бы сейчас кто-то посмел нарушить игры супругов, лорд-дракон мог убить его, не разбираясь друг это или враг.

Насладившись своей сладкой пыткой, заставившей женщину метаться в исступлении, аниторн выпрямился, огладил ладонями ее тело, ухмыльнулся и перебрался ниже, расставив ноги затворницы широко в стороны. Она приподняла голову, посмотрела на мужа и прочитала в его глаза одно единственное слово «мечь».

— Не надо, — взмолилась Фиалка.

— Доверься мне, — ответил ей лорд коварной ухмылкой.

Он опустил ладони на округлые колени леди Илейни, провел ими вниз, лаская внутреннюю поверхность бедер, и большие пальцы рук аниторна остановились по обе стороны от женского лона. Легко погладили губы, обильно покрытые любовным соком, спустились к входу во влагалище и снова поднялись к тугому бугорку в основании нежных складок. Фиалка задохнулась, закусил губу, но пальцы мужчины продолжали поглаживать кожу вокруг лона, так и не прикоснувшись к самому чувствительному месту. Женщина разочаровано выдохнула, но вновь затаила дыхание, когда Рик опустил голову, целуя внутреннюю сторону бедра. Она уже почувствовала его дыхание рядом со средоточием своего желания, и... лорд переместился на второе бедро.

— Ты... — затворница задохнулась. Рик поднял голову и вопросительно посмотрел на нее. Палец лорда прошелся между створок лона и скользнул внутрь женского тела, дразня и еще больше распаяя женщину.

— Кто я? — искушающим голосом спросил аниторн, убрав палец из лона супруги.

Он поднес руку к лицу, глубоко втянул ее запах и протяжно застонал, слизнув следы ее

влаги с пальца.

— Рик... — в ее глазах вновь была мольба, и мужчина негромко рассмеялся.

Аниторн опустил взгляд между распахнутых ног супруги, тихо рыкнул и снова опустил голову вниз, с наслаждением скользя языком между нежных складок и пьянея от вкуса тела Фиалки. Он ласкал ее, постанывая от удовольствия, раздвинул влажные губы, открывая набухший бугорок, и прошелся по нему языком. И женщина вскрикнула, подаваясь навстречу Рiku, сама потерлась о его язык. А когда губы мужчины сомкнулись вокруг клитора, Фиалка впиалась пальцами ему в волосы и задрожала от ослепляющего оргазма, выгнувшего тело. Движения мужского языка стали мягче, продляя удовольствие, помогая достичь его пика. И когда тело затворницы опало, все еще мелко подрагивая, Рик навис над ней, стерев с подбородка влагу.

Он прижался к губам Фиалки, целуя жадно, но по-прежнему без напора. Член лорда прижался к лону затворницу, но не вошел в него. Мужчина продолжал целовать супругу, водя головкой между влажных складок, растягивая предвкушение, лаская своей плотью чувствительный бугорок. И женщина вновь задрожала, всхлипнула и подалась бедрами вперед, пытаясь насадить себя на член мужа.

Мужчина выпрямился, с улыбкой глядя на затворницу, и вновь устраиваясь между ее ног. Поднял их себе на плечи и, наконец, вошел в жаркую глубину ее тела, хрипло застонав. Неспешно подался назад, почти покинув лоно, и вновь толкнулся вперед, мерно скользя между горячих стенок влагалища, насыщаясь своими ощущениями. Повернул голову, целуя женскую ножку.

— Рик, — выдохнула Фиалка. — Ри-ик...

И он больше не сдерживался. Навис над женщиной, тут же впившейся ему в плечи, и толкнулся сильнее, входя глубже.

— Еще, — задышалась леди затворница. — Еще... Сильней, Рик, еще! Ах!

И лорд повиновался, уже ожесточенно вколачиваясь в нее, причиняя сладкую боль. Брал на всю длину, до основания, более не сдерживая свою потребность. Слушал ее крик и отвечал громкими стонами, насыщаясь любимой женщиной. Пил ее наслаждение, отдавая взамен жар своего тела. А когда Фиалка задрожала всем телом, заметалась, и по щекам потекли слезы наслаждения, лорд вонзился в нее в последний раз и сорвался в пропасть испепеляющего оргазма, сгорая в нем без остатка, изливаясь в женское нутро до капли. Ноги затворницы соскользнули с мужских плеч, и Рик упал рядом с ней, обнял за талию и тесно прижал к себе, все еще приходя в себя. Фиалка приблизила губы к губам аниторна и прошептала:

— Люблю тебя.

— Люблю тебя, — ответил мужчина, и их уста встретились в поцелуе, наполненном трепетом нежности.

Фиалка увидела, как веки Рика дрогнули, потом еще раз, но он упрямо открывал их снова, пытаясь отогнать накатывающий сон. Женщина погладила его по волосам и шепнула:

— Спи.

— Не хочу, — также шепотом ответил лорд.

— Хочешь, — улыбнулась она. — Тебе нужен отдых.

Рик отрицательно качнул головой и крепче прижал к себе супругу.

— Не хочу оставлять тебя одну, — сказал он. — Не сейчас.

— Дракон, — Фиалка рассмеялась и звонко поцеловала мужа в щеку. — Узнаю Гора, он

так же сопротивлялся сну. Пожалуй, стоит попросить отца, чтобы он и господину дал своего чудесного снадобья.

— Накажу, — без угрозы ответил аниторн, но леди Илейни даже не усомнилась, что Риктор так и сделает, если его решат опоить.

Это вызвало интерес. Фиалка приподнялась на локте и с любопытством посмотрела на лорда Илейни.

— Попробуй и узнаешь, — усмехнулся мужчина, отвечая на невысказанный вопрос.

Женщина хмыкнула и снова коснулась головы анитора. Ладонь заскользила по его волосам, лаская и успокаивая. Сероватая дымка сплелась с прядями, легко коснулась висков лорда-дракона, спрятавшего зевок.

— Нужно вставать, — сказал Рик. — Еще немного понежимся и встаем.

— Конечно, любовь моя, — покладисто согласилась Фиалка. — Как скажешь, так и сделаем.

— Встаем, — полусонно пробормотал мужчина, все еще борясь с собой.

Дымка напозла на его лицо, вынуждая сомкнуть веки. Фиалка склонилась, касаясь губами высокого лба Риктора Илейни, он отозвался умиротворенным вздохом. Дыхание анитора стало мерным и глубоким, и мужчина, наконец, уснул.

— Так-то лучше, — улыбнулась леди Илейни, целуя теперь губы супруга. После хмыкнула и покачала головой: — Упрямец.

Впрочем, женщина и сама чувствовала усталость. Однако прежде, чем устроиться рядом со спящим мужем, затворница хотела еще раз проверить защиту, установленную над замком. Оглядевшись, Фиалка вспомнила, что ее одежда осталась валяться в коридоре, и в опочивальню аниторн принес жену обнаженной. Выбираться из покоев, в чем мать родила, надеясь на то, что ее никто не увидит, леди не решилась. Не пристало госпоже с голым задом по собственному замку бегать. Женщина хмыкнула и, наконец, заметила халат Рика. Запахнувшись в него и поддернув полы, чтобы не волочились по полу, Виалин Илейни первым делом направилась в свои покои, памятуя, что там осталось второе платье, принесенное еще с вечера на выбор. Бросив от дверей последний взгляд на спящего мужчину, Фиалка притворила за собой двери опочивальни, а после покинула и покои.

За дверями все еще никого не было. Женщина, улыбаясь своим мыслям, вошла к себе и остановилась, смиряя счастливый бег сердце. Жила ли она до встречи с Риктором Илейни? Дышала ли полной грудью? Помнит ли о том, что было прежде? Кажется, что родилась она в то мгновение, когда заглянула в глаза цветом небесной лазури в своем старом домике, когда он, опомнившись, выпустил из тисков горло затворницы. И первым вдохом стал тот, что наполнил грудь, когда мужские пальцы разжались, позволяя воздуху хлынуть в легкие.

— Глупая, — покачала головой Фиалка.

Зачем сопротивлялась? Почему не желала увидеть своей любви еще там, в лесу? К чему было цепляться за старые клятвы, когда тот, кому они были принесены, отпустил, попросив жить? И сейчас Виалин была благодарна тому магу, что отправил к ней анитора. И то, как выпал он на нее, и как тащила до домика — все вспоминалось с теплотой. Не было досады, не осталось сожалений. Хотя нет, одно было. Что не позволила себе быть счастливой раньше. И жег стыд за слова лжи, брошенные в лицо мужчине, который улетел на черном драконе, унося с собой ее душу.

— Рик... — прошептала Фиалка. — Мой Рик. Боги...

Она накрыла ладонью грудь, ощущая, как замирает сердце, стоит лишь устам

произнести дорогое имя. Судорожно вздохнула и заставила себя очнуться. Платье нашлось в опочивальне, где пролежало все это время, нетронутое затворницей. Женщина заглянула в умывальню и быстро привела себя в порядок, смывая следы близости с супругом. После ополоснула лицо холодной водой, отгоняя усталость, и вернулась в опочивальню. Одевшись и причесав волосы, леди Илейни свернула их в узел на затылке.

— Кажется, все, — сама себе сказала она.

Не хватало только ее башмачков, но они должны были отыскаться на лестнице или в коридоре. Пришлось остаться босой, пока не набредет на свою обувь. Легко отмахнувшись от такого пустяка, Фиалка вышла из опочивальни, напевая себе под нос простенькую песенку, услышанную когда-то во время странствий с Дорбом Шагердом. Ее настроение было солнечным, и такая же светлая улыбка то и дело начинала играть на устах бывшей затворницы.

— Сестрица.

Она вздрогнула всем телом и мотнула головой, решив, что ослышалась.

— Я здесь.

Виалин почувствовала, как кровь отливает от лица. Она медленно развернулась вправо и увидела незнакомого мужчину. Глаза его были черны, как ночь, и догадаться, что это одно из созданий Эрхольда Дархэйма, притаившегося в замке, не составило труда. Губы мужчины искривились в издевательской ухмылке, и он произнес голосом брата Виалин:

— Пора возвращаться в лоно семьи, Ви.

— Эрх, — прошептала женщина. Но мотнула головой, смерив мужчину неприязненным взглядом, и отчеканила: — Катись в Бездну, Эрх.

— Я там уже давно, — расхохоталось создание голосом Дархэйма. — Я пропитан ею, дорогая сестрица. Отравлен бесповоротно.

Фиалка закусила губу, глядя на клубы черной Силы, повалившие из глаз мертвеца.

— Там и оставайся, выродок, — бросила женщина и кинулась к дверям.

Но на ее пути возник второй незнакомец, подставивший ногу, и Виалин полетела на пол. Она обернулась и вскрикнула, увидев перед глазами черный клубящийся туман, уже затопивший все вокруг. И сердце застыло, понимая, что радужному счастью пришел конец. Горячие слезы потекли по щекам Виалин. Сила Эрхольда уже окружила ее, затягивая в переход, и сопротивляться не имело смысла, это было бы пустой тратой собственной Силы. Но женщина успела увидеть, как второе создание направляется к дверям ее покоев, и поняла, кого вторым заберет даархар.

— Рик, — сдавленно выдохнула Фиалка. Он был сейчас беспомощен, словно дитя. Спящий, прогнавший стражу... — Что я наделала?

А затем стиснула зубы, вскочила на ноги и вскинула ладонь вверх, заставляя охранку сработать. Уже проваливаясь в вязкий холод перехода Дархэйма, Виалин слышала голоса и топот за дверями. Спасла!

— Он все равно придет за тобой, — слышала она голос брата, и его руки сомкнулись на плечах леди Илейни, прижимая спиной к мужской груди...

Глава 30

— Господин!

Веки дрогнули, и аниторн открыл глаза, бездумно глядя на Тодара, застывшего у ложа.

— Господин, — начальник замковой стражи позвал лорда повторно.

— Что? — хрипловато спросил Риктор Илейни.

Веки, словно налитые свинцом, все норовили закрыться, и сон никак не удавалось стряхнуть.

— Мы поймали одного из прислужников даархара, — голос Тодара звучал неуверенно, словно мужчина опасался произносить то, о чем сейчас говорил.

— В кандалы, — сонно ответил аниторн.

— Господин, это не все...

— Ну? — Рик сгреб подушку, удобней устраиваясь на ней.

— Госпожа... пропала.

— Угу, — промычал лорд, снова проваливаясь в сон.

Тодар перешагнул с ноги на ногу, не решаясь растолкать аниторна и повторно доложить о происшествии. Он знал, что должен это сделать, но отчего-то было страшно. Впрочем, насчет страха все было понятно. В аниторне теперь жил его дракон, а от дракона никогда не знаешь, чего ожидать. Например, Гор, пока он существовал отдельно от господина. Они с хозяином были не разлей вода, всегда едины, даже понимали друг друга. И ходил дракон за человеком, как на веревочке. Куда лорд, туда и Гор. И ведь распалась дружба, как только между ними встала госпожа...

Додумать Тодар не успел, лорд Илейни сел на постели, озираясь вокруг себя желтеющими глазами. Взгляд драконьих глаз остановился на начальнике замковой стражи, и тот, гулко сглотнув, отступил назад. Мужчине вдруг показалось, что хозяин набросится на него, столько в его глазах было ярости. Но аниторн стремительно поднялся с кровати и огляделся, отыскивая взглядом штаны, отброшенные за ненадобностью некоторое время назад. На привычном месте лежала свежая одежда. Прислуга в замке Илейни всегда быстро соображала. И как только стало известно об исчезновении госпожи, слуга Риктора тут же сменил порванный камзол и штаны на целый наряд.

— Где тварь? — коротко спросил аниторна, заканчивая облачение.

— В т-темнице, — ответил Тодар. Затем мотнул головой, отгоняя испуг, и повторил уже твердо: — В темнице, господин.

— Кто-нибудь пострадал?

— Нет, господин. Им занимались маги, и прислужник особо не оказывал сопротивления. Только сказал, что будет говорить с вами и больше ни с кем.

— Как обнаружили исчезновение госпожи?

— Так этот и сказал, — Тодар едва поспевал за аниторном.

Рик подошел к дверям покоев Фиалки и поморщился. После прикрыл нос и рот ладонью, распахнул дверь и зарычал по-звериному, ощутив запах Силы даархара.

— Мертвечиной несет, — сипло произнес лорд. — Смрад невыносимый.

Тодар приняхался, но ощутил лишь слабый запах тлена. Риктор вошел в покои, пересек их и остановился подле кушетки.

— Вот и второй, — сказал он, глядя на мертвеца, освобожденного от воли Дархэйма. — Сжечь.

Тодар скользнул взглядом по телу мужчины, лежавшему на полу. На его лице появились следы разложения, и начальник замковой стражи понял, что сладковатое зловоние он ощутил именно от трупа.

— Когда же он умер? — пробормотал Тодар.

— Еще до того, как даархар появился в моем замке, — ответил Риктор Илейни, стремительно покидая покои. — Сжечь немедленно.

Тодар кивнул за его спиной и подозвал двух стражей, передавая повеление господина. Затем догнал лорда и пристроился за его плечом.

— Охранка леди Илейни сработала? — спросил аниторн, сбегая по лестнице.

— Да, господин. Оглушило всех, — отозвался воин. — Мы сразу сюда побежали, тварь черноглазую недалеко от ваших покоев отловили. А госпожи уже не было. Мы сразу... это... к вам заглянули. Потом в ее покои. Мертвеца не увидели, правда.

— Это она дала знак, — уверенно произнес лорд, спускаясь в подземелье. — Если бы он пробивался снаружи, она бы оказалась рядом со мной, успела бы. Разбудила. Значит, застал мою жену в ее покоях. Через свою тварь забрал. Он их и спрятал, чтобы незаметно вернуться. Бездна. Удавлю! — последнее слово снова отдалось рычанием, но аниторн быстро взял себя в руки, подавив рвущуюся наружу ярость. — Вторая, должно быть, за мной шла, и Фиалка успела позвать на помощь.

Тодар снова кивнул. Убежденность в голосе господина вселяла уверенность и в его начальника стражи. Аниторн вообще сейчас источал силу, перед которой хотелось преклониться. Воины лорда Илейни всегда уважали своего господина и шли за ним, храня верность. Но теперь в Рикторе появилось нечто, что вызывало невольный восторг и трепет. Уверенность, что перечить не стоит. И уважение тут было не причем, как и доверие. Это было новое чувство, и Тодар еще не понял до конца, нравится ему это или нет. В любом случае, изменять своей клятве в верности воин не собирался.

— Открыть, — коротко велел аниторн, еще приближаясь к темнице.

Страж спешно отомкнул дверь, и обоняние Рика вновь окутал смрад черной Силы. Нервно дернув подбородком, мужчина вошел в сырую каморку, освещенную лишь светом одинокого факела.

— Магический светляк потух, — объяснил, стоявший тут же лорд Давас. — Он все-таки как-то влияет на магию.

Аниторн кивнул. Он мазнул взглядом еще по двум магам и остановился на узнике, прикованном к стене. Мужчина был растянут, но на губах его играла высокомерная ухмылка, словно это люди, стоявшие перед ним, явились на допрос, и вершить их судьбу будет узник.

— Дархэйм, — Рик уперся тяжелым взглядом в черные глаза пленника. — Ты здесь, я знаю.

— Откуда? — фальшиво изумилось создание.

— Смердишь, — снова поморщился лорд Илейни. — От твоей Силы несет трупами Мерзко.

— И давно ты стал таким чувствительным? — поинтересовался даархар устами своей куклы.

— К Бездне игры, — отмахнулся лорд-дракон. — Где моя жена?

Тварь некоторое время молчала. Лицо куклы утратило вдруг всякое выражение, и Рик едва заметно усмехнулся, понимая, что разозлил Дархэйма одним-единственным словом — жена. Через несколько мгновений узник зашевелился и поднял глаза на аниторна.

— Брак недействителен, — нагло заявил он. — Я — единственный мужчина в ее роду, и мое согласия на брак ты не получал, Илейни.

— Какая досада, — столь же фальшиво огорчился Риктор. — Ты разбил мне сердце, дорогой шурин...

Тварь зашипела, и аниторн осклабился открыто, показав крепкие зубы. Но уже через мгновение был вновь собран.

— Где она?

— Ты неверно задаешь вопрос, Илейни, — покачал головой куклы Эрхольд. — Где она, тебя волновать не должно. Достаточно того, что она со своей семьей, под охраной любящего брата. Но ты можешь спросить меня, дозволено ли тебе навестить нашу милую семейку.

Узник затих, издевательски усмехаясь. Он ждал, и аниторн ждал, чего ждет Дархэйм.

— Ну и? — хмуро спросил Рик.

— Что? — невинно переспросила кукла.

Лорд поджал губы, прищурил глаза и некоторое время смотрел на узника, продолжавшего ухмыляться.

— Спроси меня, аниторн, — проникновенно произнес даархар. — Спроси со всем почтением и мольбой, иначе я не дам ответа. Можешь даже встать на колени, это уладит мой взор.

Лорды тревожно посмотрели на господина. Рик склонил голову. Плечи его поникли, и мужчина отставил назад ногу, начиная опускаться на колени. Но вдруг вскинул голову и одарил куклу Дархэйма не менее издевательской усмешкой.

— А знаешь, мой нелюбимый шурин, я не хочу спрашивать у тебя позволения, — сказал он, распрямляясь. — Я вообще плохо воспитан и обожаю являться без приглашения. Особенно... к себе домой!

Аниторн развернулся и покинул темницу, коротко приказав:

— Сжечь.

— Мой лорд... — один из магов поспешил за Илейни. — Вы поняли, где искать?

— Он на моей земле и ждет меня, — ответил Рик, взбегая по ступеням. — У него моя жена, мой родовой меч, и он угрожает делу моего рода. Я принимаю приглашение.

— Приказать седлать драконов?

Риктор Илейни приостановился, его раздумье длилось всего несколько мгновений, и он мотнул головой:

— Они устали. Вы тоже.

— Но вы не можете идти в одиночку, господин, — три лорда закрыли путь аниторну, устремив на него упрямые взгляды.

— Неразумно... — подал голос Тодар и юркнул за спины магов.

Рик усмехнулся, скрестил на груди руки и проникновенно поинтересовался, изломив брови:

— Спорим?

— Наш лорд — наше сокровище, — нагло заявил лорд Давас.

— Клятва рода не оставляет нам выбора, — поддержал его лорд Амелти.

— Потеря господина влечет за собой бесчестье и наказание, — невозмутимо, словно говорил не о собственной участи, а пояснял нерадивым отрокам известный закон, ответил лорд Ришлей.

— Да-да, — подал голос Тодар из своего укрытия.

— Если Дархэйм не убьет вас, то я сам сверну вам шеи, — с доброй улыбкой ответил аниторн. — Чтоб другим неповадно было спорить.

— На все воля господина, — склонил голову Ришлей, остальные просто поежились под взглядом лорда Илейни.

Рик возобновил свое стремительное движение, и его лорды поспешили следом, замыкал шествие неожиданно взмокший Тодар. Начальник замковой стражи посмотрел на подрагивающие руки, нервно потер шею, но упрямо догнал аристократов, успевших значительно удалиться.

— На сборы четверть хора. Огонь, клинки, арбалеты, — чеканил аниторн. — Остальные маги-самоубицы могут идти со мной, но только маги. Отправимся порталом, сразу к воротам.

— К воротам? — лорд Амелти приостановился, изумленно глядя на спину господина. — Мой лорд, вы уверены...

Взгляд аниторна, брошенный через плечо, заставил мага судорожно вздохнуть. Риктор отвернулся, но все-таки ответил:

— Я чувствую. Он будет там... Надеюсь, мы придем раньше.

— Но если даархар не знает, где ворота, — неуверенно заговорил Давас. — Что если он хочет вынудить вас рассказать, где они.

— Он знает, — ответил Риктор Илейни.

И это была не догадка, не предположение. Рик знал о том, что Эрхольд Дархэйм уже был на острове, и был неоднократно. Об этом ему нашептывал ветер, об этом кричало море, ударяясь о скалистый утес. И даже толком не понимая их голоса, лорд-дракон улавливал смысл. Когда-то давно, когда люди еще верили в мудрость драконов, Валистар Илейнарий не просто сумел соединить себя со стихиями напрямую, они въелись в саму его суть. Хранитель врат перестал быть обычным жителем своего мира, он стал его частью, звеном, соединившим извечные силы природы, древнюю мудрость драконов и человеческую душу. Валистар и его потомки были открыты миру, и мир щедро делился с ними своими богатствами: силой, знаниями, помощью.

Теперь Рик знал это точно, без архивов и записей, без учений и долгих пояснений. Как знал, что драконы, чей огонь только проснулся, были вымотаны до предела, как знал, что Ханнис намного лучше, но летать она не сможет еще какое-то время. Как знал и то, что в глубине морской пучине камгалы почувствовали возвращение Хранителя в мир.

И так же знал лорд Риктор, сын Октора, потомок славного рода Илейни, что рос крепкой ветвью из ствола древа Илейнариев, что отныне изменился лик рода, и потомки его будут обладать не только даром предков, но и драконьей сущностью. Но смогут ли они когда-нибудь превратиться в драконов, раскрыть крылья и поднять свои тела в воздух, этого аниторн не знал. Как не знал, будет ли ему и его потомкам дарован огонь.

— Это было бы не лишним, — проворчал себе под нос мужчина. — Надо попробовать.

Рик, чей разум всегда был пытливым и открытым новым знаниям, обнаружил, что и сейчас не утратил прежнего любопытства. Впрочем, в этом они с Гором всегда были похожи. «Одно сердце на двоих»... Кто же знал, что слова эти окажутся пророческими? И женщину они выбрали одну на двоих...

— Бездна.

О Фиалке он старался сейчас не думать. Это было сложно. Новая драконья сущность приходила в ярость, требовала крушить все вокруг, чтобы выплеснуть бешенство. Но человек понимал глупость и тщетность такого порыва. Те, кто находился рядом, были не виноваты в произошедшем, и калечить их и убивать на потребу своему гневу было бессмысленной жестокостью. Если бы Тодар знал, что творится в душе господина, скрытое под маской сосредоточенности, он бы не рискнул даже подойти к нему близко. И все же дракон стал частью человека, но не наоборот, и Рик давил в себе зверя, рвавшегося наружу. Смене

личины это не помогало, а бед могло принести немало. Да и светлая голова сейчас была полезней, чем одурманенная кровавым туманом злобы. Ту бурю, что бушевала в нем, аниторн готов был выплеснуть только на одно существо, и это он собирался сделать в ближайшее время.

И все же... И все же Фиалка оставалась наедине с безумцем, возжелавшим невозможного, противоестественного, отвратительного... Оглушительный рев сотряс стены древнего замка, заставив притихнуть его обитателей. Ожесточенно замотав головой, Рик выдернул себя из вязкого омута, куда пыталась утянуть его драконья часть сущности. Он взял свой меч, обычный, не несший в себе никакой магии, заткнул за пояс и за голенища кинжалы. Открыл ларец, где еще оставались подаренные когда-то жрецами сферы с Огнем, аккуратно ссыпал их в бархатный мешочек, прицепил его к поясу и покинул покои, стремительно спускаясь в замковый двор.

Его уже ждали. Маги, все десять прибывших, стояли посреди двора, на их лицах была написана мрачноватая решимость, но страха не было. Если лорды чего-то и опасались, то хорошо прятали это. Рик приблизился к своей маленькой рати, оглядел всех по очереди и коротко произнес:

— Мы обязаны выстоять. От этого зависит жизнь всего нашего мира.

— Наш господин... — начал один из лордов.

— Наше единственное истинное сокровище — это Жизнь, — холодно произнес аниторн. — Ее охраняли наши предки, и мы обязаны быть достойными их. Открыть переход к Драконьей скале.

— Там? — негромко спросил лорд Ришлей, но вопрос повис в воздухе. Все, что требовалось, Риктор Илейни уже сказал.

Тут же распахнулось окно перехода, открыв каменный склон, и... сразу же помутнело, словно зеркальная поверхность, на которую дохнули с той стороны. Скала расплылась, воздух сгустился, и портал свернулся, так и не впустив никого из одиннадцати мужчин.

— Вот ублюдок! — зарычал Рик и стиснул кулаки, умиряя полыхнувшую огненной яростью кровь.

— Господин, — выдохнул лорд Амелти, — он закрыл переход... Ему подвластна магия!

— Однако шурин полон неожиданностей, — зло произнес аниторн.

— Драконы? — неуверенно спросил лорд Годард.

Аниторн закрыл глаза и подумал, что если сможет обернуться драконом, то ему не понадобятся ни маги, ни драконы. Как это должно было происходить? Может быть, тоже стоило просто позвать? Ничего не произошло. Человек остался человеком с драконьей яростью в кипевшей крови. Протяжно выдохнув, Рик обратил взор янтарных глаз к драконнику.

— Нет, — ответил он. — Они устали, назад могут не вернуться. И их огонь сейчас слаб, нужно набраться сил.

— Но...

— Пойду один, меня должен пропустить. Я нужен этой кровожадной твари. Думаю, и на драконах вы останетесь за пределами острова. А раз он использует свою Силу, значит, камгалы уже поднялись со дна, и летуны могут не устоять под их взглядом. Я видел, что стало с Гором, он сам летел к ним в пасть. Если драконы поддадутся, погибните и все вы. Откройте переход.

Повеление осталось без ответа. Лорды медленно окружили аниторна, их ладони

накрыли рукояти мечей.

— Мы не откроем вам переход, господин.

— Это опасно.

— Жизнь — наша ценность, но вы ее главный хранитель, и лишиться вас, все равно что лишиться жизни.

— Мы разрушим то, что закрывает портал...

Кулаки аниторна стиснулись, дыхание стало тяжелым.

— Бездна, — выдохнул Рик, опуская голову. — Бездна... Прочь.

— Мой лорд...

— Прочь! — взревел лорд Илейни, распрямляясь. — Хотите жить, прочь от меня!

— Г...

Ладонь аниторна сжалась на груди одного из магов, комкая его камзол. Мужчина гулко сглотнул, глядя в нечеловеческие глаза господина, и отлетел, отброшенный его рукой, словно котенок.

— Пр-рочь, — прорычал взбешенный лорд-дракон, разворачиваясь к другому магу. — Меня не возьмет магия...

Это были его последние слова, а после человеческая речь утонула в драконьем реве. Из драконника понесся ответный рев, но ворота спешно закрыли, отсекая летунов, поддавшихся ярости аниторна. Громадные тела бились об ворота, сотрясая их, вздрагивали стены, но вырваться драконам не удавалось, и они приходили в неистовство. Все, кто был в замковом дворе, бросились врассыпную, только маги еще пытались устоять против господина.

Его амулет поглощал выплеск за выплеском, мышцы под одеждой вздулись, и та затрещала. Казалось, аниторн даже стал выше ростом и шире в плечах. Но так ли это, уточнять никому не хотелось. На него попытались наброситься скопом, но Риктор легко освободился, разбрасывая лордов по сторонам. Он почти утратил ясность мысли, поддаваясь слепой звериной ярости, и теперь помнил лишь об одном, что его избранница в опасности, и он должен найти ее, забрать, спрятать, защитить...

— А-а-а! — надрывный крик разорвал легкие, взметнулся под небеса и затих далеким эхом. — Я ч-щеловек, — прошипел Рик, падая на колени и хватаясь за голову. — Ч-щеловек.

Маги замерли, испытывая благоговейный ужас перед внутренней схваткой между зверем и человеком. А через несколько мгновений все стихло, разум победил ярость. Аниторн встал на ноги и окинул взглядом поле недавнего сражения. Четверо из десяти магов не поднимались на ноги. Живы, это аниторн понял сразу, но неприятный запах хвори уже тронул обоняние. Поломал...

Еще двое поднимались на ноги, тяжело дыша. Четверо лордов, оставшихся на ногах, с опаской поглядывали на господина. Дыхание их было прерывистым и хриплым.

— Рас! — заорал Илейни. — Рас!

— Да... мой мальчик, — гулко сглотнув, отозвался целитель.

— Исцели, — аниторн указал рукой на пострадавших магов. После мотнул головой и выдавил. — Не хотел.

После направился к драконнику, где всё еще метались драконы, и отомкнул засов.

— Господин... — подал голос один из драконоводов, но осекся под взглядом Риктора и отошел за спины своих товарищей.

Лорд потянул створу, открывая ворота, и остановился на пороге, глядя на великанов, вдруг замерших перед ним. Драконы осторожно потянули носами запах, шедший от

человека. Аскерд шагнул вперед, склонил голову к мужчине и отпрянул, стоило тому протянуть руку. Попятился назад Воитель, с подозрением глядя на лорда. Близнецы не двинулись с места, продолжая принюхиваться. Ханнис издала ворчание из глубины драконника.

— И я рад тебе, принцесса, — отозвался Рик, после обвел взглядом пятерых самцов, которые вели себя так, словно в их стае появился чужак, вызывавший опаску.

Наконец отмер Алармис и шагнул к человеку. Он подставил голову, позволяя дотронуться до себя, приподнял крылья и издал рев. Лорд рассеянно пробежался пальцами по чешуйкам.

— Да, я изменился, — ответил он дракону.

Алармис склонил голову на бок, после снова приблизил ее к лорду и слегка толкнул лбом, что-то негромко ворча.

— У меня не получилось, — вздохнул Риктор.

Дракон снова приподнял крылья.

— Нет, в этот раз я буду один, — отрицательно покачал головой аниторн.

— У-у-у, — завыла из глубины драконника Ханни.

— Ар-рф, — мотнул головой Алармис.

Близнецы дружно шагнули к человеку. Воитель просунул между ними голову, Аскерд не спускал с человека внимательного взгляда. Рик отрицательно покачал головой. Великаны еще некоторое время смотрели на человека с силой дракона, а после дружно отступили, прекращая безмолвный спор. Аниторн благодарно кивнул им и повернулся к обитателям своего замка. Драконы поняли, смогут ли понять люди? Возможность выжить существовала лишь для того, кто окажется лицом к лицу с даархаром, и это было столь очевидно, что упрямство вызывало гнев. Дархэйм не пропустит сквозь свои ловушки никого, кроме Риктора Илейни, потому что аниторн нужен черному лорду, жизнь остальных для не имела цены. Лишь жизненная сила их душ, а значит, люди умрут, не успев даже ступить на остров, как умрут и драконы, пополнив резерв даархара.

— Мой лорд, — заговорил один из драконоправов, — прежде, чем вы войдете в портал, примите мой скромный дар. Возможно, он поможет вам.

Мужчина стянул с руки браслет — переплетение кожаных ремешков. Невзрачный, больше похожий на оберег от сглаза и проклятий, которые сотнями продавали за гроши на ярмарках, браслет плотно обхватил запястье аниторна, и тот ощутил Силу, которой он был наполнен. Накопитель — понял Рик.

— Неисчерпаемый накопитель, — уточнил драконоправ. — Потоки зациклены, Пополнить резерв из него невозможно, но как защите, ему нет цены.

— Благодарю, — кивнул аниторн. — Время.

Лорды переглянулись, но окно перехода вновь развернулось перед Риком.

— Я один, — произнес он, и портал, начавший затягиваться, гостеприимно очистился.

Не оглядываясь и не прощаясь, Риктор Илейни вошел в портал. Один из магов не выдержал и бросился следом, но пространство свернулось, драконоправ едва успел отскочить, чтобы не попасть в ловушку. В замке на утесе воцарилось тревожное молчание, нарушить которое не было ни сил, ни желания, словно любой произнесенный звук мог оказаться роковым, уничтожив надежду. Люди переглядывались и разбредались в разные стороны, только Расслед дошел до драконника и сел на скамейку у самых ворот. Старик посмотрел на драконов, они ответили ему понимающими взглядами. Целитель закрыл лицо

ладонями, и плечи его вздрогнули. Напряжение и страх оказались слишком велики, и теперь покидали тело Расследа, стекая горячими слезами по морщинистым щекам. Из глубины драконника вышла Ханнис. Она опустилась у ног целителя, прижалась головой к его ногам и затихла. Драконы улеглись на пол, устремив взгляды на ворота драконника, и в глазах их застыло ожидание...

Рик огляделся. Он стоял на площадке, куда приземлялись драконы. Это было единственное место, где великаны могли не опасаться сорваться в море. Ни Дархэйма, ни Фиалки видно не было, но аниторн не сомневался, что они уже у врат. Смерд Силы смерти витал в воздухе, проникал в легкие, вынуждая кривиться и сплевывать. Он злил, раздражал, вызывал желание зарычать. Конечно, драконы впадали в ярость, спеша избавиться от терзавшего обоняние зловония. Сейчас лорд Илейни понимал, как никогда, желание великанов растерзать источник столь мерзкого запаха. Он и сам едва удерживался от желания выхватить меч немедленно и броситься на врага, чтобы уничтожить даже само воспоминание о нем. И снова человек возобладал над драконом, вынудив притихнуть.

Нельзя впадать в бешенство. Нельзя! Нельзя позволять красному туману затмевать сознание, иначе спасать будет уже нечего и некому. Рик уже знал эту слепую ярость, когда стирается грань между врагом и другом, когда остается одно желание — уничтожать. Он познал его во дворе своего замка и понял, сколь губителен такой порыв. Все, что ему сейчас было нужно — это холодная голова и светлый разум. С остальным он справится, лорд в это верил, не позволяя себе сомневаться и допускать иной исход. Ответственность, возложенная Валистаром на себя и своих потомков, теперь давила на плечи.

— Справлюсь, — прошептал Рик и направился в сторону пещеры.

Он знал, что его не ждет западня, Дархэйму он нужен был живым. Впрочем, это не означало, что аниторн необходим даархару невредимым, и все же лорд Илейни был уверен, что Эрхольд захочет расправиться с ним собственными руками, на глазах сестры, чтобы лишний раз показать ей всю силу своего гнева, ревности и мести. Чтобы не задумал выродец Виллиана, но до врат анитору путь должен быть открыт.

Глава 30

— Господин!

Веки дрогнули, и аниторн открыл глаза, бездумно глядя на Тодара, застывшего у ложа.

— Господин, — начальник замковой стражи позвал лорда повторно.

— Что? — хрипловато спросил Риктор Илейни.

Веки, словно налитые свинцом, все норовили закрыться, и сон никак не удавалось стряхнуть.

— Мы поймали одного из прислужников даархара, — голос Тодара звучал неуверенно, словно мужчина опасался произносить то, о чем сейчас говорил.

— В кандалы, — сонно ответил аниторн.

— Господин, это не все...

— Ну? — Рик сгреб подушку, удобней устраиваясь на ней.

— Госпожа... пропала.

— Угу, — промычал лорд, снова проваливаясь в сон.

Тодар перешагнул с ноги на ногу, не решаясь растолкать анитора и повторно доложить о происшествии. Он знал, что должен это сделать, но отчего-то было страшно. Впрочем, насчет страха все было понятно. В аниторе теперь жил его дракон, а от дракона никогда не

знаешь, чего ожидать. Например, Гор, пока он существовал отдельно от господина. Они с хозяином были не разлей вода, всегда едины, даже понимали друг друга. И ходил дракон за человеком, как на веревочке. Куда лорд, туда и Гор. И ведь распалась дружба, как только между ними встала госпожа...

Додумать Тодар не успел, лорд Илейни сел на постели, озираясь вокруг себя желтеющими глазами. Взгляд драконьих глаз остановился на начальнике замковой стражи, и тот, гулко сглотнув, отступил назад. Мужчине вдруг показалось, что хозяин набросится на него, столько в его глазах было ярости. Но аниторн стремительно поднялся с кровати и огляделся, отыскивая взглядом штаны, отброшенные за ненадобностью некоторое время назад. На привычном месте лежала свежая одежда. Прислуга в замке Илейни всегда быстро соображала. И как только стало известно об исчезновении госпожи, слуга Риктора тут же сменил порванный камзол и штаны на целый наряд.

— Где тварь? — коротко спросил аниторна, заканчивая облачение.

— В т-темнице, — ответил Тодар. Затем мотнул головой, отгоняя испуг, и повторил уже твердо: — В темнице, господин.

— Кто-нибудь пострадал?

— Нет, господин. Им занимались маги, и прислужник особо не оказывал сопротивления. Только сказал, что будет говорить с вами и больше ни с кем.

— Как обнаружили исчезновение госпожи?

— Так этот и сказал, — Тодар едва поспевал за аниторном.

Рик подошел к дверям покоев Фиалки и поморщился. После прикрыл нос и рот ладонью, распахнул дверь и зарычал по-звериному, ощутив запах Силы даархара.

— Мертвечиной несет, — сипло произнес лорд. — Смрад невыносимый.

Тодар принялся, но ощутил лишь слабый запах тлена. Риктор вошел в покои, пересек их и остановился подле кушетки.

— Вот и второй, — сказал он, глядя на мертвеца, освобожденного от воли Дархэйма. — Сжечь.

Тодар скользнул взглядом по телу мужчины, лежавшему на полу. На его лице появились следы разложения, и начальник замковой стражи понял, что сладковатое зловоние он ощутил именно от трупа.

— Когда же он умер? — пробормотал Тодар.

— Еще до того, как даархар появился в моем замке, — ответил Риктор Илейни, стремительно покидая покои. — Сжечь немедленно.

Тодар кивнул за его спиной и подозвал двух стражей, передавая повеление господина. Затем догнал лорда и пристроился за его плечом.

— Охранка леди Илейни сработала? — спросил аниторн, сбегая по лестнице.

— Да, господин. Оглушило всех, — отозвался воин. — Мы сразу сюда побежали, тварь черноглазую недалеко от ваших покоев отловили. А госпожи уже не было. Мы сразу... это... к вам заглянули. Потом в ее покои. Мертвеца не увидели, правда.

— Это она дала знак, — уверенно произнес лорд, спускаясь в подземелье. — Если бы он пробивался снаружи, она бы оказалась рядом со мной, успела бы. Разбудила. Значит, застал мою жену в ее покоях. Через свою тварь забрал. Он их и спрятал, чтобы незаметно вернуться. Бездна. Удавлю! — последнее слово снова отдалось рычанием, но аниторн быстро взял себя в руки, подавив рвущуюся наружу ярость. — Вторая, должно быть, за мной шла, и Фиалка успела позвать на помощь.

Тодар снова кивнул. Убежденность в голосе господина вселяла уверенность и в его начальника стражи. Аниторн вообще сейчас источал силу, перед которой хотелось преклониться. Воины лорда Илейни всегда уважали своего господина и шли за ним, храня верность. Но теперь в Рикторе появилось нечто, что вызывало невольный восторг и трепет. Уверенность, что перечить не стоит. И уважение тут было не причем, как и доверие. Это было новое чувство, и Тодар еще не понял до конца, нравится ему это или нет. В любом случае, изменять своей клятве в верности воин не собирался.

— Открыть, — коротко велел аниторн, еще приближаясь к темнице.

Страж спешно отомкнул дверь, и обоняние Рика вновь окутал смрад черной Силы. Нервно дернув подбородком, мужчина вошел в сырую каморку, освещенную лишь светом одинокого факела.

— Магический светляк потух, — объяснил, стоявший тут же лорд Давас. — Он все-таки как-то влияет на магию.

Аниторн кивнул. Он мазнул взглядом еще по двум магам и остановился на узнике, прикованном к стене. Мужчина был растянут, но на губах его играла высокомерная ухмылка, словно это люди, стоявшие перед ним, явились на допрос, и вершить их судьбу будет узник.

— Дархэйм, — Рик уперся тяжелым взглядом в черные глаза пленника. — Ты здесь, я знаю.

— Откуда? — фальшиво изумилось создание.

— Смердишь, — снова поморщился лорд Илейни. — От твоей Силы несет трупами Мерзко.

— И давно ты стал таким чувствительным? — поинтересовался даархар устами своей куклы.

— К Бездне игры, — отмахнулся лорд-дракон. — Где моя жена?

Тварь некоторое время молчала. Лицо куклы утратило вдруг всякое выражение, и Рик едва заметно усмехнулся, понимая, что разозлил Дархэйма одним-единственным словом — жена. Через несколько мгновений узник зашевелился и поднял глаза на аниторна.

— Брак недействителен, — нагло заявил он. — Я — единственный мужчина в ее роду, и мое согласия на брак ты не получал, Илейни.

— Какая досада, — столь же фальшиво огорчился Риктор. — Ты разбил мне сердце, дорогой шурин...

Тварь зашипела, и аниторн осклабился открыто, показав крепкие зубы. Но уже через мгновение был вновь собран.

— Где она?

— Ты неверно задаешь вопрос, Илейни, — покачал головой куклы Эрхольд. — Где она, тебя волновать не должно. Достаточно того, что она со своей семьей, под охраной любящего брата. Но ты можешь спросить меня, дозволено ли тебе навестить нашу милую семейку.

Узник затих, издевательски усмехаясь. Он ждал, и аниторн ждал, чего ждет Дархэйм.

— Ну и? — хмуро спросил Рик.

— Что? — невинно переспросила кукла.

Лорд поджал губы, прищурил глаза и некоторое время смотрел на узника, продолжавшего ухмыляться.

— Спроси меня, аниторн, — проникновенно произнес даархар. — Спроси со всем почтением и мольбой, иначе я не дам ответа. Можешь даже встать на колени, это усладит мой взор.

Лорды тревожно посмотрели на господина. Рик склонил голову. Плечи его поникли, и мужчина отставил назад ногу, начиная опускаться на колени. Но вдруг вскинул голову и одарил куклу Дархэйма не менее издевательской усмешкой.

— А знаешь, мой нелюбимый шурин, я не хочу спрашивать у тебя позволения, — сказал он, распрямляясь. — Я вообще плохо воспитан и обожаю являться без приглашения. Особенно... к себе домой!

Аниторн развернулся и покинул темницу, коротко приказав:

— Сжечь.

— Мой лорд... — один из магов поспешил за Илейни. — Вы поняли, где искать?

— Он на моей земле и ждет меня, — ответил Рик, избегая по ступеням. — У него моя жена, мой родовой меч, и он угрожает делу моего рода. Я принимаю приглашение.

— Приказать седлать драконов?

Риктор Илейни приостановился, его раздумье длилось всего несколько мгновений, и он мотнул головой:

— Они устали. Вы тоже.

— Но вы не можете идти в одиночку, господин, — три лорда закрыли путь аниторну, устремив на него упрямые взгляды.

— Неразумно... — подал голос Тодар и юркнул за спины магов.

Рик усмехнулся, скрестил на груди руки и проникновенно поинтересовался, изломив брови:

— Спорим?

— Наш лорд — наше сокровище, — нагло заявил лорд Давас.

— Клятва рода не оставляет нам выбора, — поддержал его лорд Амелти.

— Потеря господина влечет за собой бесчестье и наказание, — невозмутимо, словно говорил не о собственной участи, а пояснял нерадивым отрокам известный закон, ответил лорд Ришлей.

— Да-да, — подал голос Тодар из своего укрытия.

— Если Дархэйм не убьет вас, то я сам сверну вам шеи, — с доброй улыбкой ответил аниторн. — Чтоб другим неповадно было спорить.

— На все воля господина, — склонил голову Ришлей, остальные просто поежились под взглядом лорда Илейни.

Рик возобновил свое стремительное движение, и его лорды поспешили следом, замыкал шествие неожиданно взмокший Тодар. Начальник замковой стражи посмотрел на подрагивающие руки, нервно потер шею, но упрямо догнал аристократов, успевших значительно удалиться.

— На сборы четверть хора. Огонь, клинки, арбалеты, — чеканил аниторн. — Остальные маги-самоубицы могут идти со мной, но только маги. Отправимся порталом, сразу к воротам.

— К воротам? — лорд Амелти приостановился, изумленно глядя на спину господина. — Мой лорд, вы уверены...

Взгляд аниторна, брошенный через плечо, заставил мага судорожно вздохнуть. Риктор отвернулся, но все-таки ответил:

— Я чувствую. Он будет там... Надеюсь, мы придем раньше.

— Но если даархар не знает, где ворота, — неуверенно заговорил Давас. — Что если он хочет вынудить вас рассказать, где они.

— Он знает, — ответил Риктор Илейни.

И это была не догадка, не предположение. Рик знал о том, что Эрхольд Дархэйм уже был на острове, и был неоднократно. Об этом ему нашептывал ветер, об этом кричало море, ударяясь о скалистый утес. И даже толком не понимая их голоса, лорд-дракон улавливал смысл. Когда-то давно, когда люди еще верили в мудрость драконов, Валистар Илейнарий не просто сумел соединить себя со стихиями напрямую, они ввелись в самую его суть. Хранитель врат перестал быть обычным жителем своего мира, он стал его частью, звеном, соединившим извечные силы природы, древнюю мудрость драконов и человеческую душу. Валистар и его потомки были открыты миру, и мир щедро делился с ними своими богатствами: силой, знаниями, помощью.

Теперь Рик знал это точно, без архивов и записей, без учений и долгих пояснений. Как знал, что драконы, чей огонь только проснулся, были вымотаны до предела, как знал, что Ханнис намного лучше, но летать она не сможет еще какое-то время. Как знал и то, что в глубине морской пучине камгалы почувствовали возвращение Хранителя в мир.

И так же знал лорд Риктор, сын Октора, потомок славного рода Илейни, что рос крепкой ветвью из ствола древа Илейнариев, что отныне изменился лик рода, и потомки его будут обладать не только даром предков, но и драконьей сущностью. Но смогут ли они когда-нибудь превратиться в драконов, раскрыть крылья и поднять свои тела в воздух, этого аниторн не знал. Как не знал, будет ли ему и его потомкам дарован огонь.

— Это было бы не лишним, — проворчал себе под нос мужчина. — Надо попробовать.

Рик, чей разум всегда был пытливым и открытым новым знаниям, обнаружил, что и сейчас не утратил прежнего любопытства. Впрочем, в этом они с Гором всегда были похожи. «Одно сердце на двоих»... Кто же знал, что слова эти окажутся пророческими? И женщину они выбрали одну на двоих...

— Бездна.

О Фиалке он старался сейчас не думать. Это было сложно. Новая драконья сущность приходила в ярость, требовала крушить все вокруг, чтобы выплеснуть бешенство. Но человек понимал глупость и тщетность такого порыва. Те, кто находился рядом, были не виноваты в произошедшем, и калечить их и убивать на потребу своему гневу было бессмысленной жестокостью. Если бы Тодар знал, что творится в душе господина, скрытое под маской сосредоточенности, он бы не рискнул даже подойти к нему близко. И все же дракон стал частью человека, но не наоборот, и Рик давил в себе зверя, рвавшегося наружу. Смене личности это не помогало, а бед могло принести немало. Да и светлая голова сейчас была полезней, чем одурманенная кровавым туманом злобы. Ту бурю, что бушевала в нем, аниторн готов был выплеснуть только на одно существо, и это он собирался сделать в ближайшее время.

И все же... И все же Фиалка оставалась наедине с безумцем, возжелавшим невозможного, противоестественного, отвратительного... Оглушительный рев сотряс стены древнего замка, заставив притихнуть его обитателей. Ожесточенно замотав головой, Рик выдернул себя из вязкого омуты, куда пыталась утянуть его драконья часть сущности. Он взял свой меч, обычный, не несший в себе никакой магии, заткнул за пояс и за голенища кинжалы. Открыл ларец, где еще оставались подаренные когда-то жрецами сферы с Огнем, аккуратно ссыпал их в бархатный мешочек, прицепил его к поясу и покинул покои, стремительно спускаясь в замковый двор.

Его уже ждали. Маги, все десять прибывших, стояли посреди двора, на их лицах была написана мрачноватая решимость, но страха не было. Если лорды чего-то и опасались, то

хорошо прятали это. Рик приблизился к своей маленькой рати, оглядел всех по очереди и коротко произнес:

— Мы обязаны выстоять. От этого зависит жизнь всего нашего мира.

— Наш господин... — начал один из лордов.

— Наше единственное истинное сокровище — это Жизнь, — холодно произнес аниторн. — Ее охраняли наши предки, и мы обязаны быть достойными их. Открыть переход к Драконьей скале.

— Там? — негромко спросил лорд Ришлей, но вопрос повис в воздухе. Все, что требовалось, Риктор Илейни уже сказал.

Тут же распахнулось окно перехода, открыв каменный склон, и... сразу же помутнело, словно зеркальная поверхность, на которую дохнули с той стороны. Скала расплылась, воздух сгустился, и портал свернулся, так и не впустив никого из одиннадцати мужчин.

— Вот ублюдок! — зарычал Рик и стиснул кулаки, усмиряя полыхнувшую огненной яростью кровь.

— Господин, — выдохнул лорд Амелти, — он закрыл переход... Ему подвластна магия!

— Однако шурин полон неожиданностей, — зло произнес аниторн.

— Драконы? — неуверенно спросил лорд Годард.

Аниторн закрыл глаза и подумал, что если сможет обернуться драконом, то ему не понадобятся ни магии, ни драконы. Как это должно было происходить? Может быть, тоже стоило просто позвать? Ничего не произошло. Человек остался человеком с драконьей яростью в кипевшей крови. Протяжно выдохнув, Рик обратил взор янтарных глаз к драконнику.

— Нет, — ответил он. — Они устали, назад могут не вернуться. И их огонь сейчас слаб. Нужно набраться сил.

— Но...

— Пойду один, меня должен пропустить. Я нужен этой кровожадной твари. Думаю, и на драконах вы останетесь за пределами острова. А раз он использует свою Силу, значит, камгалы уже поднялись со дна, и летуны могут не устоять под их взглядом. Я видел, что стало с Гором, он сам летел к ним в пасть. Если драконы поддадутся, погибните и все вы. Откройте переход.

Повеление осталось без ответа. Лорды медленно окружили аниторна, их ладони накрыли рукояти мечей.

— Мы не откроем вам переход, господин.

— Это опасно.

— Жизнь — наша ценность, но вы ее главный хранитель, и лишиться вас, все равно что лишиться жизни.

— Мы разрушим то, что закрывает портал...

Кулаки аниторна стиснулись, дыхание стало тяжелым.

— Бездна, — выдохнул Рик, опуская голову. — Бездна... Прочь.

— Мой лорд...

— Прочь! — взревел лорд Илейни, распрямляясь. — Хотите жить, прочь от меня!

— Г...

Ладонь аниторна сжалась на груди одного из магов, комкая его камзол. Мужчина гулко сглотнул, глядя в нечеловеческие глаза господина, и отлетел, отброшенный его рукой, словно котенок.

— Пр-рочь, — прорычал взбешенный лорд-дракон, разворачиваясь к другому магу. — Меня не возьмет магия...

Это были его последние слова, а после человеческая речь утонула в драконьем реве. Из драконника понесся ответный рев, но ворота спешно закрыли, отсекая летунов, поддавшихся ярости аниторна. Громадные тела бились об ворота, сотрясая их, вздрагивали стены, но вырваться драконам не удавалось, и они приходили в неистовство. Все, кто был в замковом дворе, бросились врассыпную, только маги еще пытались устоять против господина.

Его амулет поглощал выплеск за выплеском, мышцы под одеждой вздулись, и та затрещала. Казалось, аниторн даже стал выше ростом и шире в плечах. Но так ли это, уточнять никому не хотелось. На него попытались наброситься скопом, но Риктор легко освободился, разбрасывая лордов по сторонам. Он почти утратил ясность мысли, поддаваясь слепой звериной ярости, и теперь помнил лишь об одном, что его избранница в опасности, и он должен найти ее, забрать, спрятать, защитить...

— А-а-а! — надрывный крик разорвал легкие, взметнулся под небеса и затих далеким эхом. — Я ч-щеловек, — прошипел Рик, падая на колени и хватаясь за голову. — Ч-щеловек.

Маги замерли, испытывая благоговейный ужас перед внутренней схваткой между зверем и человеком. А через несколько мгновений все стихло, разум победил ярость. Аниторн встал на ноги и окинул взглядом поле недавнего сражения. Четверо из десяти магов не поднимались на ноги. Живы, это аниторн понял сразу, но неприятный запах хвори уже тронул обоняние. Поломал...

Еще двое поднимались на ноги, тяжело дыша. Четверо лордов, оставшихся на ногах, с опаской поглядывали на господина. Дыхание их было прерывистым и хриплым.

— Рас! — заорал Илейни. — Рас!

— Да... мой мальчик, — гулко сглотнув, отозвался целитель.

— Исцели, — аниторн указал рукой на пострадавших магов. После мотнул головой и выдавил. — Не хотел.

После направился к драконнику, где всё еще метались драконы, и отомкнул засов.

— Господин... — подал голос один из драконоводов, но осекся под взглядом Риктора и отошел за спины своих товарищей.

Лорд потянул створу, открывая ворота, и остановился на пороге, глядя на великанов, вдруг замерших перед ним. Драконы осторожно потянули носами запах, шедший от человека. Аскерд шагнул вперед, склонил голову к мужчине и отпрянул, стоило тому протянуть руку. Попятился назад Воитель, с подозрением глядя на лорда. Близнецы не двинулись с места, продолжая принюхиваться. Ханнис издала ворчание из глубины драконника.

— И я рад тебе, принцесса, — отозвался Рик, после обвел взглядом пятерых самцов, которые вели себя так, словно в их стае появился чужак, вызывавший опаску.

Наконец отмер Алармис и шагнул к человеку. Он подставил голову, позволяя дотронуться до себя, приподнял крылья и издал рев. Лорд рассеянно пробежался пальцами по чешуйкам.

— Да, я изменился, — ответил он дракону.

Алармис склонил голову на бок, после снова приблизил ее к лорду и слегка толкнул лбом, что-то негромко ворча.

— У меня не получилось, — вздохнул Риктор.

Дракон снова приподнял крылья.

— Нет, в этот раз я буду один, — отрицательно покачал головой аниторн.

— У-у-у, — завывла из глубины драконника Ханни.

— Ар-рф, — мотнул головой Алармис.

Близнецы дружно шагнули к человеку. Воитель просунул между ними голову, Аскерд не спускал с человека внимательного взгляда. Рик отрицательно покачал головой. Великаны еще некоторое время смотрели на человека с силой дракона, а после дружно отступили, прекращая безмолвный спор. Аниторн благодарно кивнул им и повернулся к обитателям своего замка. Драконы поняли, смогут ли понять люди? Возможность выжить существовала лишь для того, кто окажется лицом к лицу с даархаром, и это было столь очевидно, что упрямство вызывало гнев. Дархэйм не пропустит сквозь свои ловушки никого, кроме Риктора Илейни, потому что аниторн нужен черному лорду, жизнь остальных для не имела цены. Лишь жизненная сила их душ, а значит, люди умрут, не успев даже ступить на остров, как умрут и драконы, пополнив резерв даархара.

— Мой лорд, — заговорил один из драконоправов, — прежде, чем вы войдете в портал, примите мой скромный дар. Возможно, он поможет вам.

Мужчина стянул с руки браслет — переплетение кожаных ремешков. Невзрачный, больше похожий на оберег от сглаза и проклятий, которые сотнями продавали за гроши на ярмарках, браслет плотно обхватил запястье аниторна, и тот ощутил Силу, которой он был наполнен. Накопитель — понял Рик.

— Неисчерпаемый накопитель, — уточнил драконоправ. — Потоки зациклены, Пополнить резерв из него невозможно, но как защите, ему нет цены.

— Благодарю, — кивнул аниторн. — Время.

Лорды переглянулись, но окно перехода вновь развернулось перед Риком.

— Я один, — произнес он, и портал, начавший затягиваться, гостеприимно очистился.

Не оглядываясь и не прощаясь, Риктор Илейни вошел в портал. Один из магов не выдержал и бросился следом, но пространство свернулось, драконоправ едва успел отскочить, чтобы не попасть в ловушку. В замке на утесе воцарилось тревожное молчание, нарушить которое не было ни сил, ни желания, словно любой произнесенный звук мог оказаться роковым, уничтожив надежду. Люди переглядывались и разбредались в разные стороны, только Расслед дошел до драконника и сел на скамейку у самых ворот. Старик посмотрел на драконов, они ответили ему понимающими взглядами. Целитель закрыл лицо ладонями, и плечи его вздрогнули. Напряжение и страх оказались слишком велики, и теперь покидали тело Расследа, стекая горячими слезами по морщинистым щекам. Из глубины драконника вышла Ханнис. Она опустилась у ног целителя, прижалась головой к его ногам и затихла. Драконы улеглись на пол, устремив взгляды на ворота драконника, и в глазах их застыло ожидание...

Рик огляделся. Он стоял на площадке, куда приземлялись драконы. Это было единственное место, где великаны могли не опасаться сорваться в море. Ни Дархэйма, ни Фиалки видно не было, но аниторн не сомневался, что они уже у врат. Смерд Силы смерти витал в воздухе, проникал в легкие, вынуждая кривиться и сплевывать. Он злил, раздражал, вызывал желание зарычать. Конечно, драконы впадали в ярость, спеша избавиться от терзавшего обоняние зловония. Сейчас лорд Илейни понимал, как никогда, желание великанов растерзать источник столь мерзкого запаха. Он и сам едва удерживался от желания выхватить меч немедленно и броситься на врага, чтобы уничтожить даже само воспоминание о нем. И снова человек возобладал над драконом, вынудив притихнуть.

Нельзя впадать в бешенство. Нельзя! Нельзя позволять красному туману затмевать сознание, иначе спасать будет уже нечего и некому. Рик уже знал эту слепую ярость, когда стирается грань между врагом и другом, когда остается одно желание — уничтожить. Он познал его во дворе своего замка и понял, сколь губителен такой порыв. Все, что ему сейчас было нужно — это холодная голова и светлый разум. С остальным он справится, лорд в это верил, не позволяя себе сомневаться и допускать иной исход. Ответственность, возложенная Валистаром на себя и своих потомков, теперь давила на плечи.

— Справлюсь, — прошептал Рик и направился в сторону пещеры.

Он знал, что его не ждет западня, Дархэйму он нужен был живым. Впрочем, это не означало, что аниторн необходим даархару невредимым, и все же лорд Илейни был уверен, что Эрхольд захочет расправиться с ним собственными руками, на глазах сестры, чтобы лишний раз показать ей всю силу своего гнева, ревности и мести. Чтобы не задумал выродок Виллиана, но до врат аниторну путь должен быть открыт.

Амулет с душой матери раскалился добела, мешая Риктору приблизиться к западне, приготовленной Дархэймом. Мужчина вытащил амулет поверх одежды, но его жар ощущался даже сквозь слои ткани.

— Не в это раз, матушка, — произнес лорд. — Или помоги мне, или же я сниму амулет.

Алмазная капля, походившая на слезу, ярко сверкнула, ослепив аниторна, и он сорвал с шеи шнурок с подвеской-амулетом. Мать сопротивлялась, она желала сохранить свое дитя любым способом. Она берегла сына столько лет и теперь не желала сдаваться. Черная Сила оказалась не подвластна даже материнской любви, и душа леди Илейни взбунтовалась.

— Матушка, ты всегда была со мной рядом, — воскликнул Рик, закрывая ладонью глаза от нестерпимого сияния, все так же лившегося сквозь прозрачные грани. — Будь со мной и сейчас. Не заставляй меня выбирать между двумя самыми любимыми мною женщинами. Я всегда слушался тебя, но сейчас ты меня не остановишь. Или же смирись и стань мне поддержкой, какой была всегда, или же я сделаю выбор.

Амулет полыхнул светом в последний раз, и сияние угасло. Душа матери смирилась. Выбор ее сына был очевиден, и он оставался за живой леди Илейни, мертвой пришлось подчиниться.

— Благодарю, матушка, — прошептал аниторн, прижался губами к амулету и вернул его на прежнее место.

Но теперь пришлось ждать, пока перед глазами перестанут плясать мушки. Рик досадливо покривился, протирая глаза. А когда взор снова очистился, мужчина бросил взгляд на море и застыл, глядя на обитателей морских глубин. Они поднялись на поверхность, и теперь скала была окружена древними чудовищами. Камгалы смотрели на человека, взиравшего на них сверху. Риктор неожиданно понял, что нет притягивающего страшного взгляда, скорей в жутковатых глазах камгалов читалось любопытство. Лорд еще несколько мгновений рассматривал древних существ, и вдруг понял, что они приветствуют его. Рик поднял руку, коротко махнув в ответ. Камгалы медленно опустились под воду, но не ушли, оставшись безмолвными стражами, готовыми прийти на помощь по первому зову.

— Моя рать растет, — усмехнулся он и продолжил свой путь.

Мужчина перебрался с уступа на уступ и вспомнил, как был здесь в последний раз с Фиалкой. Ярость, утихшая совсем недавно, вновь всколыхнулась, заставляя кровь ускорить свой бег. Илейни стиснул зубы и шумно потянул носом воздух, заставляя себя успокоиться. Нет, о затворнице не стоило думать, иначе сразу захлестывали тревога и гнев. Чтобы

отвлечься, Рик огляделся. Он оказался напротив того места, где умирал Рагдар. И снова закипела ярость, теперь от осознания того, к чему приведет победа даархара.

Аниторн прижался спиной к скалистой стене, ощутил затылком ее шероховатую твердость. Мужчина выровнял дыхание, усмирил гнев и выдохнул. После протянул руку и раскрыл ладонь. Ветер, словно послушный пес, закрутился у ног лорда, поднялся к лицу, разметав волосы, и окутал ладонь незримой перчаткой. Рик усмехнулся и направился к входу в пещеру.

Темнота приняла мужчину в свои объятия, разом став густой, словно смола. Он резко обернулся и увидел, как последний луч света исчезает за пеленой клубящейся черноты, затянувшей вход. Еще мгновение, и Рик понял, что потерял направление, запутавшись во тьме. Он использовал магический светлячок, но тот, тускло полыхнув, растворился в темноте. Ощущение неприятного промозглого холода забиралось под одежду. Смерд, к которому лорд успел притерпеться, усилился, выбивая почву из-под ног. Вновь заклокотала ярость...

Приятное тепло вдруг окутало сознание, разлилось по коже, впиталось в поры, и лорд-дракон выдохнул, благодарно прошептав:

— Матушка.

Он потянул шнурок амулета, опустил поверх одежды, и сияние граней алмазной капли прочертило тьму скупыми лучами. Чернота тут же поглотило всполох, но и этого хватило аниторну, чтобы увидеть начало спуска. Закрыв глаза и представив себе, что дневной свет по-прежнему тускло освещает пещеру, Рик сделал несколько шагов, нащупал ногой первую ступеньку и сделал шаг.

Неприятное ощущение холода на коже вдруг исчезло. Аниторн открыл глаза...

— Огненные... — гулко сглотнул лорд Илейни, озираясь по сторонам.

Он видел в темноте, теперь видел. Еще одно достоинство новой сущности Рик оценил сразу. Мужчина обернулся и скривился, черный туман медленно полз за ним, поднимался щупальцами на стены, полз по потолку, нагоняя свою добычу. Аниторн хотел прибавить шаг, но нога поехала по слизи, покрывавшей ступени, и лорд был вынужден оставить попытки быстрого спуска. Скатиться вниз и распластаться перед даархаром гордому потомку властителей Риерской земли не хотелось вовсе.

Прошипев сквозь зубы ругательство, Рик проследил взглядом щупальца тьма уже поравнявшиеся с ним, вдох-выдох, и чернота вновь сомкнулась вокруг аниторна. Мужчина приложил ладонь к стене, пытаясь спускаться на ощупь, и тут же отдернул руку, брезгливо кривясь. Ему показалось, что он дотронулся до чего-то склизкого и мерзкого, чье тело отдавало могильным холодом. Захотелось согреться...

Аниторн криво усмехнулся и достал сферу с Огнем. Раздавил ее и бросил себе под ноги. Огонь взвился перед лордом стеной, разогнав ощущение вязкого холода. Рик отпустил ветер, и он помчался вниз, утягивая за собой пламя. Несколько мгновений, и по ступеням побежала огненная змея, указывая путь, просушивая лестницу и разрывая черноту Силы даархара. Лорд накрыл ладонями рукояти кинжалов и уверенно продолжил спуск.

Но чем ближе становились последние ступени, тем медленней шел Риктор Илейни, прислушиваясь к тому, что происходило в зале с рунами. Втягивал носом запахи, пытаясь уловить будораживший его аромат Фиалки, но чувствовал лишь зловоние тлена. Тишина окутывала пещеру, и нарушало ее лишь легкий шорох подошв сапог аниторна о каменные ступени. Рик обернулся, задумчиво глядя на дорожку из огня, после скользнул взглядом в

темноту. Желание затопить каменный зал пламенем лорд подавил, опасаясь сжечь собственную супругу.

Осторожно ступая, мужчина достиг последних ступеней. Он достал новую сферу, бросил ее на пол и направил новую змейку вперед, всматриваясь в пространство. Огонь дополз до возвышения, осветив женскую фигуру, лежавшую на нем. Ее невозможно было ни с кем спутать, и кровь снова ускорила бег в теле аниторна. Мужчина смотрел на красно-рыжие пряди, рассыпавшиеся по каменному жертвеннику, на свадебный наряд, в который была одета женщина, и сознании всё больше мутилось от гнева. Сердце сжала ледяная рука боли, когда лорд подумал, что пришлось перенести Фиалке, находясь в когтях даархара, и тихий стон сорвался с его уст. Женщина приподняла голову и слабо позвала:

— Рик...

И зверь внутри взбунтовался, беря власть над человеком. Аниторн, забыв о том, что Дархэйм может стоять за спиной, сорвался с места, спеша к жертвеннику. Ему оставалось сделать всего несколько шагов, когда липкую тишину разорвал надрывный крик, казалось, шедший из стен:

— Рик, стой!!!

Мужчина замер на месте, порывисто обернулся, отыскивая, откуда шел крик. Голос принадлежал Фиалке, он был наполнен отчаянием, и это сбило зверя. Аниторн закрутился на одном месте, приносясь, словно охотничий пес.

— Рик... — снова позвала Фиалка, лежавшая на жертвеннике. — Помоги мне...

Лорд снова посмотрел на свою супругу, но теперь он не спешил к ней. Мягко ступая, пригнув голову и пристально всматриваясь в женское тело, Рик продолжал приносясь, приближаясь к жертвеннику, словно крадущийся зверь. Он остановился в трех шагах от каменного возвышения.

Запах Фиалки он так и не почувствовал. Лорд склонил голову к плечу, продолжая вглядываться в женщину, лежавшую на жертвеннике. Слух его был напряжен до предела и, казалось, он слышит даже далекий рокот моря, но иных звуков в пещере не было. Только его собственное дыхание... Рик прищурился, подтверждая свою догадку, грудь «Фиалки» не вздымалась. Кукла — понял аниторн, но не отошел от жертвенника, только поманил к себе затухающую огненную струйку.

— Рик, — на него смотрели знакомые черные глаза, только они были пустыми. Не манили, не открывали перед лордом бездонной пропасти, куда хотелось шагнуть, забыв об опасности. — Помоги мне. Он... — голос подделки сорвался, — он издевается надо мной, Рик. Спаси меня...

Аниторн сделал шаг назад, продолжая прислушиваться к тишине. Огонь окружил жертвенник, поднялся выше, задел подол платья и начал разгораться, все сильнее пожирая тонкую ткань. Лицо куклы исказилось гримасой муки. Она повернула голову и теперь не сводила глаз с лорда.

— Рик, — прошептали бескровные губы. — Ты забыл меня. Господин отказался от своей Нэми...

Мужчина, успел отойти на несколько шагов и уже отворачивался от жертвенника, когда услышал ее слова. Он резко обернулся и застыл, вглядываясь в глаза. Языки пламени отражались пустоте черных глаз, озаряли мертвенно-бледное лицо белыми всполохами.

— Нэми, — эхом отозвался аниторн.

— Рик, — она закрыла глаза, и на мгновение лорду показалось, что он сейчас увидит

слезы, но тело было мертвым, и влажных дорожек на щеках не появилось. Душа инверны была заключена в темницу безжизненной плоти. Веки опять поднялись, и женщина произнесла: — Я хочу быть с тобой, мой возлюбленный господин.

Оторопь спала, и мужчина судорожно вздохнул.

— Ты хочешь моей смерти, Нэми? — спросил он.

— Я хочу быть с тобой... Он обещал...

— Что ты приготовила для меня, моя маленькая инверна? — голос аниторна прозвучал неожиданно холодно, даже язвительно. — Нож?

— Я хочу быть с тобой, — повторила душа Нэми.

Рик не ответил. Он обошел жертвенник, всматриваясь в огонь, пожиравший уже не только одежду, но и тело, скрытое под тканью. В правой руке, уже обуглившейся, кукла сжимала нож, лорд удовлетворенно усмехнулся. Как же все должно было быть просто. Аниторн бросается на помощь своей жене, она втыкает в него нож, и Дархэйм получает его кровь, даже не предприняв никаких усилий. Спаситель становится жертвой, поддавшись порыву... И ведь у него могло получиться, если бы не Фиалка.

— Покажись, — бросил в темноту Рик. — Где ты прячешься, даархарский ублюдок?

— Рик.

Мужчина бросил взгляд на куклу с душой Нэми. Ее волосы уже полыхали, объятые огнем, кожа на лице вздулась волдырями. Мертвое тело горело, но душа инверны не чувствовала боли, она все еще пыталась позвать некогда любимого лорда.

— Я освобожу тебя, — негромко произнес Рик. — Прощай.

— Рик...

Но он больше не смотрел на тело, которому Дархэйм придал черты своей сестры, не слушал того, что говорила ему душа инверны. Аниторн озирался по сторонам, пытаясь найти даархара.

— Дархэйм!

Тишина... Казалось, даже голос вязнет во тьме, которую прорезал огонь, выжигавший морок, едва не погубивший Риктора Илейни. Скрипнув зубами, лорд прикрыл глаза. Губы его исказила кривая ухмылка, и мужчина вдруг ласково позвал:

— Дорогой шурин, ты ведешь себя неучтиво. Ты злишься, что не стал гостем на свадьбе? Прости, мы не знали, куда отправить тебе приглашение. А может, ты считаешь, что нам стоит устроить пышное празднество? Могу поклясться, что нас с моей возлюбленной супругой еще будут чествовать в королевском дворце. Жаль, что тебя там не будет. Ты ведь рад нашему счастью, не так ли?

Амулет, все еще надетый поверх одежды, вдруг полыхнул, и Рик отскочил в сторону, развернувшись на каблуках. Кинжалы, сжатые в ладонях, помчались к смазанной тени, вынырнувшей из темноты. Очередная кукла застыла на месте. Рукояти кинжалов торчали из ее груди. Мертвец качнулся в сторону аниторна, вытянув вперед руки со скрюченными пальцами.

Риктор раскрыл ладонь, и от жертвенника к нему скользнула огненная плеть. Взмах, и одежда мертвеца занялась. Порыв ветра помчался к безжизненному телу, раздувая пламя, и оно охватило покойника, превращая его в костер.

— Так и будешь прятаться за куклами? — спросил аниторн у пустоты. — Сколько у тебя их тут? Я думал, ты опасный зверь, а ты всего лишь трусливая крыса, спрятавшаяся в нору.

— Зато ты глупый кот, сунувший голову в крысиную нору, — послышался голос

Дархэйма за его спиной.

Амулет снова полыхнул, и Рик метнулся в сторону. Черные жгуты опутали его ноги, обдав холодом, и распались туманом, не причинив вреда. Лорд бросил взгляд на свою руку, где был надет кожаный браслет. Сейчас он казался вязью из защитных рун, отлитых из темного золота. Мужчина вскинул взгляд на даархара и подмигнул ему.

— Огонь, воздух... Когда ты стал магом? — полюбопытствовал Дархэйм, неспешно обходя аниторна по кругу. — И браслет интересный... Но он лишь временная помеха.

— Твоя Сила бесполезна против магии этого мира, — пожал плечами Рик, вытягивая из ножен меч.

— Я выпил много душ, Илейни, — усмехнулся даархар. — Были и души магов. Я умею из всего извлекать пользу.

Выплеск магии аниторн ощутил. Никогда раньше он не чувствовал бестелесной Силы, а теперь смог, и даже уловил, едва различимый за зловонием горячей плоти, запах, чем-то напомнивший мужчине запах железа. Браслет не пропустил выплеск, давая лорду возможность еще раз оценить дар драконоправа.

— Всего лишь вопрос времени, — равнодушно произнес Дархэйм. Он протянул в сторону руку, и из тьмы в его ладонь скользнул реликвия рода Илейни. На губах даархара появилась издевательская ухмылка. — Я готов сделать тебе приятное, мой ненавистный зять, ты умрешь от собственного оружия.

— Ты бесконечно добр, мой отвратительный шурин, — с такой же издевательской ухмылкой склонил голову аниторн, сжимая в руке еще одну сферу.

Он выпрямился, отсалютовал клинком и скользнул назад, швырнув в Эрхольда раздавленную сферу. Огонь взвился, жадно бросаясь на свою жертву. До Рика донесся сдавленный вскрик, и даархар растворился во тьме. Илейни замер, прислушиваясь. Воздух колыхнулся, подсказывая хранителю, и он обернулся одновременно с появлением Дархэйма.

— Подленько, — покачал тот головой.

— А ты вдруг преисполнился благородством? — изломил в фальшивом изумлении брови Рик.

— Я — злодей, мне можно, — ответил с усмешкой Эрхольд. — ты у нас герой. И где же громкие клятвы и следование кодексу поединков?

— Забыл, — пожал плечами аниторн, окружая себя огненным кругом. — Учился плохо.

— Вздумаешь повторить проделку с огнем, больно будет ей, — без тени улыбки произнес Дархэйм, указывая взглядом в сторону.

Риктор повернул голову и увидел Фиалку. Она была прикована черными путами к скале. Ворот платья был разорван, на щеке темнел синяк. В расширенных от страха глазах застыла тревога. Обоняния коснулся ее запах, и кровь бросилась в голову лорда.

— Ты ее ударил, — прошипел аниторн, и глаза его в одно мгновение утратили небесно-голубой цвет.

— Ого, — протянул даархар. — Это что еще за дрянь?

— Я тож-ше умею из-свлекать польз-су, — слова вырвались шипением. Рик мотнул головой, пытаясь вернуть ясность мысли. — Что ты с ней сделал?

— Все, что мне захотелось, — осклабился Дархэйм. — А желаний у меня накопилось мно-ого.

Ярость затмила сознание, лишила осторожности, оставив лишь желание уничтожить тварь, посмевавшую прикоснуться к выбранной женщине. Забыв о предупреждении, лорд

отправил в даархара извивающуюся ленту пламени. И тут же по ушам ударил женский крик. Рик порывисто развернулся. Черные жгуты прошли тело Фиалки в нескольких местах.

— Прекрати! — закричал мужчина.

— Я предупреждал, — холодно ответил Дархэйм. — Не я, а ты причинил ей боль.

Мощный вихрь поднял тело даархара в воздух и швырнул о стену. Оттащил в сторону и снова швырнул. Опять подхватил... Черный лорд исчез в клубах своей Силы. Рик бросился к Фиалке. Голова ее свесилась на грудь, закрыв лицо спутанными красноватыми прядями.

— Боги, — выдохнул аниторн, останавливаясь рядом с ней.

Он бережно отвел в сторону волосы, приподнял за подбородок голову, и женщина открыла глаза.

— Не поддавайся, — хрипло прошептала она. — Только не поддавайся.

— Он...

— Только ударил, — ответила Фиалка. — Я обещала покинуть тело, если он посмеет сделать большее. Рик...

— Что, цветочек?

— Не поддавайся, не верь... Обернись! — вдруг выкрикнула она, глядя за спину супруга. И уже тише добавила. — Меня не убьет.

Новый вихрь разметал черноту, закрыв невидимым щитом аниторна. Рик развернулся, выставив меч, и сталь звякнула, отбивая удар, направленный в спину. Лорды смерили друг друга ненавидящими взглядами, и аниторн бросился на даархара. Благородство? Какое неуместное слово. Рик забыл, что оно означает. Он наступал, не давая Дархэйму возможности вздохнуть, и Эрхольд позволял ему это, не понимая, что его излюбленная тактика сейчас играет против него, потому что ограничиваться поединком на мечах аниторн не собирался.

Дождавшись, пока внимание Дархэйма сосредоточится только на клинке, Илейни ударил его под колено, сваливая с ног. Честный бой? Какая нелепость! Рик нанес новый удар по ребрам, еще один, с кровожадным удовольствием наблюдая, как корчится даархар. Словно простолюдин, благородный лорд избивал Дархэйма, забыв о кодексах и правилах. Казалось, что аниторн желает превратить противника в кровавое месиво. Лицо его было перекошено маской злобы, столь ядовитой, что казалось, остановись аниторн хоть на мгновение, и она выжрет его самого изнутри, расползется отравленными щупальцами, захватит разум, наполнит спорами душу, окончательно превращая человека в зверя.

Эрхольд, ошеломленный поворотом поединка, ослепленный болью, извивался, пытаясь уйти из-под града тяжелых ударов, но Илейни не позволял ему ни вывернуться, ни нанести ответный удар. И когда даархар распластался на полу, не подавая признаков жизни, лорд-дракон подобрал меч, принадлежавший его роду, и вознес над телом Дархэйма. Эрхольд слабо застонал, разлепил веки, и взгляд его остановился на острие клинка, летящего ему в грудь. Черный туман бросился к противникам, словно взбесившийся зверь. Заволок Дархэйма, и меч ударился о каменный пол, даархар исчез.

Яростный рев вырвался из груди аниторна. Он завертелся на месте, отыскивая взглядом сбежавшую добычу. Стон Фиалки заставил его остановиться. Мужчина обернулся к жене и глухо зарычал, глядя на черные щупальца, сжавшие кольца вокруг женского тела.

— Ублюдок! — выкрикнул аниторн. — Как ты можешь издеваться над той, кого любишь?

— У нас это семейное, — ответил Дархэйм, появляясь рядом с сестрой.

Он сменил личину, и теперь крылатое существо, чью голову венчали рога, кривило разбитые губы в злой усмешке. Эрхольд протянул руку, сжал запястье Фиалки и рывком прижал ее к себе. Ладонь его накрыла шею женщины. Он не спускал взгляда с лица аниторна. И когда пальцы сжались на ее горле, Рик дернулся вперед, невольно вскинув руку вверх и отчаянно мотнув головой.

— Нет! — вскрикнул он, обнажая свое самое слабое место.

— Нет? — осклабился Виллиан. — Ты так боишься потерять эту ядовитую суку? Жизни за жизнь?

— Не верь, — прохрипела Фиалка. — Меня не убьет... не в его власти.

Ладонь даархара переместилась с горла на губы затворницы. Он склонился к ней голову и провел языком по щеке. Лицо женщины скривила гримаса отвращения. Аниторн бросил тело вперед, но столкнулся невидимой преградой. Ударил по ней плечом, но так и не смог прорваться ближе. Дархэйм подмигнул.

— Магия этого мира, Илейни.

— Я все равно доберусь до тебя, — прошипел Рик. — Только посмей!

Эрхольд хохотнул, глядя на бессильную ярость аниторна. Он все так же не спускал взгляда с Риктора, когда перестал зажимать рот сестре. Теперь ладонь его скользнула по ее груди, болезненно сжав ее. Фиалка зашипела, дернулась, но вырваться не смогла. Брат рассмеялся, опустил руку ниже, накрывая через ткань платья лобок.

— Не смей! — выкрикнула женщина.

— Ты не исчезнешь, Ви, — жарко прошептал ей на ухо даархар. — Ты ведь не захочешь пугать своего безумно злого нового мужа?

— Он все поймет, — ответила Виалин, в отчаянии кусая губы.

— Даже то, что я возьму твое тело у него на глазах? — его язык обвел по контуру ушную раковину сестры, поиграл с мочкой, и Эрхольд прижался губами к шее леди Илейни.

— Тебе не привыкать насиловать спящее тело, да, братец? — едко спросила Виалин. — Ты так любишь мертвецов.

— Ты и есть мертвец, сердце мое, — усмехнулся Дархэйм. — Уже четыре года ты обманываешь всех, существуя в чужом теле. А знаешь что? — он неожиданно сменил направление разговора. — Мне оно нравится почти так же, как твое прежнее тело. Интересно, там ты так же хороша, как раньше?

Он рванул подол кверху, обнажая ноги Виалин. Женщина зажмурилась. Нижнего белья она так и не надела, пользуясь длинным подолом, скрывшим вызывающую наготу леди Илейни. Она ведь собиралась вернуться в постель к мужу...

— О-о, — протянул Эрхольд, оглаживая обнаженное женское бедро. — Какая приятная неожиданность.

— Прочь! — пророкотал Рик, глядя на то, как когтистые пальцы, лаская, поглаживают теперь лобок его жены. — Убери руки, тварь!

Даархар широко ухмыльнулся, и черные жгуты вздернули руки Виалин кверху, обернувшись вокруг запястий.

— Заманчиво выглядит, не так ли, презренный зять? — осклабился Дархэйм.

Он выпустил подол платья и обвел ладонями контуры женского тела. Снова накрыл грудь, теперь ласково поглаживая ее, вновь опустил руки вниз, стискивая бедра сестры. Дыхание Эрхольда стало тяжелым, и Виалин задержалась, пытаясь отодвинуться от него. Она смотрела на своего супруга, не переставая молить:

— Не поддавайся, Рик. Не поддавайся...

Он не слышал. Смотрел тяжелым взглядом на даархара, который стянул платье с одного плеча Фиалки. Смотрел, как Дархэйм целует обнажившуюся кожу, проводит по ней языком, стискивает ладонями грудь, и бешенство заволакивало разум красной пеленой, лишая возможности думать, теряя осторожность. Голубой камень у рукояти меча мягко светился, поглотив магию и расчистив проход. Душа матушки обжигала даже через ткань одежды, пытаюсь заставить сына очнуться от слепой ярости, но он, кажется, этого даже не почувствовал. Тело и разум аниторна охватил беспощадный огонь, и драконья сущность, наконец, возобладала над человеческой.

Лорд сорвался с места, бросившись на даархара. Губы Дархэйма растянула коварная улыбка. Виалин отлетела прочь, отброшенная его рукой. И когда Рик почти настиг Эрхольда, на месте черного лорда за клубилась тьма. Он скользнул в сторону, стиснув в ладонях запястье Илейни, подцепил охранный браслет, срывая его...

— Рик!!! — заорала Фиалка, и ловушка захлопнулась.

Лорд-дракон провалился в переход даархара. Липкий холод сковал тело, лишая возможности пошевелиться. А когда тьма развеялась, Риктор Илейни уже лежал на каменном жертвеннике, перетянутый черными жгутами Силы Дархэйма. Мужчина рванул, но ледяные иглы впились в кожу, не выпуская свою добычу из холодных лап. Красная пелена ярости начала рассеиваться, освобождая разум, и лорд задохнулся от осознания, что проиграл. Он приподнял голову и увидел, что Фиалка вновь прикована к каменной стене пещеры.

— Рик, — простонала женщина. — Рик.

— Оплачь его, сестрица, — Эрхольд нагнулся над поверженным противником. — Скоро ты снова овдоеешь. И ты все еще не видишь, что судьба сама толкает нас друг к другу? Твои мужья уходят один за другим, а я остаюсь.

— Ты убиваешь их, выродок! — закричала Виалин, захлебываясь слезами. — Ты убиваешь все светлое, что есть в моей жизни!

— Всего лишь держу свое слово, — спокойно ответил Дархэйм, вытаскивая кинжал из ножен, висевших на поясе. — Я предупреждал тебя, ты не послушалась. К чему слезы, Ви? Ты получаешь, что заслужила. — Затем посмотрел в глаза аниторну. — Ты умрешь не сразу. Хочу, чтобы ты видел мою победу и наслаждался ею в полной мере.

— Дархэйм, это мир погибнет, — сипло ответил Рик. — Оба мира. Им нельзя соприкасаться. Это поняли древние даархары и ушли. Они запечатали...

— Знаю, — кивнул Эрхольд. — Но мне плевать на оба этих мира. Ни в одном из них я не собираюсь задерживаться. Да, Ви, ты сейчас будешь иметь честь познакомиться с нашим отцом. Он так рвется к нашей безумной матери, что даже стал преступником в своем мире. Он кое-что принесет мне за помощь, и мы с тобой уберемся отсюда подальше.

— Все погибнет, — повторил аниторн. — Твой отец...

— Сдохнет раньше, — пожал плечами даархар. — Из-за него умер мой человеческий отец, и этого я ублюдку не прощу.

— Ты убьешь его? — подала голос Виалин.

— Разумеется, душа моя, — кивнул Дархэйм. — Давно руки чешутся. Но мы ведь не скажем ему об этом, сестрица? Пусть это останется нашей маленькой тайной. — Он хмыкнул и стал серьезным. — Однако довольно тянуть. Папочка уже заждался на той стороне. Пора пригласить его на собственную кончину.

Рик закрыл глаза, призывая воздух. Порыв ветра пронесся по пещере, бросился на черного лорда, и... клинок даархара вошел в тело Риктора Илейни. Пальцы Эрхольда соскользнули с рукояти кинжала, вцепились в край жертвенника, и Дархэйм распрямился. Он снял кожаную флягу с пояса, приставил к ране в боку аниторна и надавил второй рукой, ускоряя бег крови. Рик стиснул зубы, пытаясь сдержать крик.

— Ты можешь, кричать, Илейни, — не глядя на него, произнес даархар. — Даже для мужчины это не будет позором. Должен отдать тебе должное, ты боролся до конца, даже сейчас еще пытаешься бороться. Пустое, последний потомок славного рода. Береги силы, и тогда сможешь насладиться зрелищем до конца. Впрочем... ты все равно уже ничего не изменишь.

— Эрх! — крикнула Виалин. — Эрх, дай мне исцелить его! Ты уже получил все, что хотел. Эрх!

— Не все, — усмехнулся Дархэйм. — Остался еще подарок от нашего отца, и ты, сердце мое.

— Я обещаю уйти с тобой, я не буду противиться. Только позволь мне исцелить Рика. Он сможет закрыть ворота, когда мы уйдем, и оба мира будут спасены. Позволь хотя бы это!

— Правда? Ты даже готова пожертвовать собой, сестрица? — Эрхольд насмешливо изломил брови и посмотрел на Виалин. — Он настолько тебе дорог? Или же все дело в спасение никчемного мира, обитатели которого готовы уничтожить истину ради власти, где убивают своих хранителей, забывая о благодарности за давнее спасение?

— Эрх, погибнут два мира! — воскликнула женщина. — Зачем тебе столько жизней? Ты даже не сможешь воспользоваться ими.

— Какое благородство, сестрица, — умилился даархар. — А на своего муженька тебе, стало быть, наплевать? Ради миллионов ты просишь всего одну жизнь? Скажи мне, сердце мое.

Фиалка на мгновение закрыла глаза, борясь с собой, а затем взглянула на брата и спокойно ответила:

— Он для меня ничего не значит, Эрх. Ты же понимаешь, что стать женой аниторна было заманчиво. Столько власти. И он вился щенком у моих ног, я могла вертеть им, как угодно, он продолжал бы есть с моих рук и вилять хвостом. И я бы не просила за него, но погибнет слишком много невиновных. Я прошу за них.

Дархэйм убрал флягу, полную крови, мазнул взглядом по красной струйке, продолжавшей сочиться из раны, затем поднял взгляд на Рика и сочувственно вздохнул:

— Вот видишь, Илейни. Она настоящая дрянь, не лучше твоей мачехи. Кстати, Ингер скончалась... Хотя на это тебе наплевать. А на слова твоей жены? Она назвала тебя слюнявым щенком. Страдаешь?

— Я страдаю только от одного, что не могу вырвать тебе сердце, выродок, — ответил аниторн.

— А то, что сказала твоя женушка, тебя совсем не огорчает? — Эрхольд потер подбородок. — Ты ей тоже не поверил? Вот и я не верю. И я даже со всей уверенностью скажу, что моя обожаемая сестрица готова купить одну твою жизнь ценою жизней обитателей обоих миров. Но прикрылась замечательно. Врушка моя. Всегда моя, — жестко закончил Дархэйм и отошел от жертвенника.

— Эрх, он же истечет кровью, — Фиалка задергалась в путах. — Пусти меня к нему!

— Я же говорю — врушка, — усмехнулся Дархэйм.

— Я не обманываю тебя, — она преданно взглянула на брата, и тот рассмеялся и погрозил сестре пальцем.

— Мы оба знаем, что сейчас бесстыже лжешь. Но я дам тебе возможность выторговать жизнь своего мужа. — Он подошел к ней. — Поцелуй меня. Не так, как ты когда-то меня целовала, а как женщина мужчину. Добровольно. Без брани, укусов и проклятий. Готова купить жизнь аниторна?

Путы на руках Виалин вдруг исчезли. Она вскинула пытливый взгляд на брата, Эрхольд вопросительно приподнял бровь.

— Время, любимая, время. Его мгновения тают...

— Не смей, — прохрипел Рик, пытаясь вырваться из своих пут. — Не вздумай, Фиалка!

— Я готова, — прошептала она, опуская ресницы.

Ладони женщины легли на грудь Дархэйма. Она привстала на цыпочки, потянулась к нему, но Эрхольд не спешил склоняться к Виалин, и женщина пожала плечами.

— Ты сам этого не хочешь.

— А может, я жду, что ты будешь умолять меня, чтобы я позволил тебе себя поцеловать? — насмешливо спросил даархар.

— Катись в Бездну, Эрх! — с яростью выкрикнула Виалин и тут же оказалась прижата к телу брата.

— Как же я ненавижу тебя, сестрица, — прошипел он ей в губы. — Я бы с радостью свернул тебе шею, но слишком сильно люблю, чтобы потерять тебя второй раз. — И после холодно напомнил. — Договор.

Его губы коснулись губ Виалин. Эрхольд ждал, не спеша целовать ее. Фиалка подавила всхлип и прижалась к губам брата. Давя в себе отвращение, она провела языком по его губам, протиснулась между ними, проталкивая язык в рот Эрхольда. Руки его сжались крепче на теле Виалин. Черный лорд мучительно застонал и ответил на поцелуй. Пальцы его зарылись в красноватые пряди женщины, не давая ей остановиться и отодвинуться. Целовал с жадностью, не желая отпускать ее, и Фиалка не выдержала, прихватив Эрхольда зубами за губу. Он вскрикнул и отпрянул, зло глядя на нее.

— Время, — напомнила мужчине сестра. — Пусти меня к Рику.

Дархэйм стер с губы кровь, усмехнулся и ответил:

— Нет.

— Ты обещал! — воскликнула Виалин.

— Я обещал подумать. Подумал. Нет. Ты слишком привязана к нему, раз решилась ответить мне. Илейни умрет. Судьба мира меня не волнует вовсе.

— Какая же ты мразь, братец, — выплюнула ему в лицо женщина. — Умрет он, уйду я.

— Как скажешь, — пожал плечами даархар. — Только без тела, куда ты можешь сбежать, мне тебя достать будет проще.

— Выродок! — сорвалась Виалин. — Ничтожная тварь!

Он уже не слушал. Дархэйм опустился на пол и позволил своему духу скользнуть в мир мертвых. Тахрад ждал его.

— Время пришло, — бросил ему сын. — Я открываю врата.

— Наконец-то, — выдохнул беловолосый мужчина. — Начинаем.

— Ключ.

— Вот, — Тахрад показал кольцо. — В мир мертвых тяжело проносить вещи из мира живых. Это отнимает силы.

— Я сейчас расплачусь, — усмехнулся Эрхольд. — Готов сейчас отдать его?

— Конечно, нет, — зеркальной усмешкой ответил даархар. — Только, когда войду во врата мира людей.

— Как скажешь.

Дархэйм открыл глаза и потянулся. После поднялся на ноги. На сестру он не глядел, как не глядел и на аниторна, ослабевшего уже настолько, что он не мог даже повернуть головы. Его смерть была совсем близко, но это волновало даархара в последнюю очередь. Как не волновал полный ярости и ненависти взгляд Виалин, прекратившей выкрикивать проклятья. Единственное, что сейчас волновало Дархэйма, это местонахождение врат. Где именно они находятся, Эрхольд не знал.

— Надо было вспороть ему брюхо и забрызгать все стены, — проворчал себе под нос даархар.

Он замер посреди пещеры, и клубы черной Силы начали таять, открывая рунные надписи. Дархэйм достал обычный магический накопитель и выпустил несколько светлячков, заливших каменный зал мягким белым светом. Он мог видеть в темноте, но сейчас нуждался в свете, но это было чуть ли не единственным, чего ему не могла дать собственная Сила. Язвительную усмешку сестры Эрхольд пропустил мимо ушей. Он снова замер, ожидая...

Бежали мгновения, но ничего не происходило. Впрочем, зова отца он тоже не слышал. И это могло означать, что намерения Тахрада провалились, и его все-таки поймали, или же он все еще открывал врата. Должно быть, с той стороны так же не было намеков на их местонахождения.

— Не получается, братец? — с фальшивым участием спросила Виалин, скрестив на груди. Они были единственными, что ей оставил подвижным брат, не опутав снова после поцелуя.

— Тебе бы этого хотелось? — усмехнулся Эрхольд, не оборачиваясь.

— Мне бы хотелось, чтоб ты сдох прямо сейчас, — ответила она, и Дархэйм обернулся, чтобы одарить сестру жизнерадостной ухмылкой.

Однако застыл на месте, глядя на происходящее за спиной Виалин, а в следующее мгновение бросился к ней, рывком откидывая в сторону. Женщина охнула, сильно ударившись бедром об пол, но стиснула зубы и бросила на Эрхольда полный злости взгляд. Но черный лорд снова не смотрел на нее, он глядел, как исчезают руны, как проявляются письмена под ними и тут же тают следом, как каменную стену покрывает марево, словно под сводами зала пылал огонь, а затем скала начинает таять, становясь прозрачной. А через мгновение плавающий воздух застыл, становясь похожим на слюду, только чище, словно...

— Боги, — выдохнула Виалин, глядя на тающую стену. — Как стекло.

— Ага, — кивнул ее брат, совсем как когда-то, когда они были еще детьми и встречали что-то удивительное и интересное.

А затем с той стороны стекла приблизился мужчина. Он был высок, так высок, что даже Эрхольд, превосходивший Рика на полголовы, казался рядом с ним не выше среднего роста. Дархэйм изломил бровь, в мире мертвых отец ему не казался великаном. Тахрад остановился, протянул руку, прижимая ее к застывшему пространству, и тут же отдернул, зашипев. Ни звука не долетело до людей, оставшихся по эту сторону перехода, но лицо даархара исказилось, и он затряс рукой, не оставляя сомнения в том, что ему больно.

— Эрхольд, — позвала брата Виалин, — ты все еще можешь остановиться.

— Нет, — ответил Дархэйм и откупорил флягу с кровью аниторна.

— И ты убьешь его, Эрх? Он же...

— Испоганил нам с тобой жизнь, — оборвал ее Эрхольд. — Если бы не он, мы могли бы быть обычными темными магами. Может, не очень сильными, но могли бы жить без опаски. Думаешь, если бы стало известно, чьи мы дети, мы бы долго протянули?

— Но его призвал наш человеческий отец! — воскликнула женщина, дернулась к брату и закусил губу, чтобы не вскрикнуть от облегчения — пути исчезли.

— А кто его просил возвращаться второй раз? — Дархэйм резко обернулся, и Фиалка замерла, боясь обнаружить свою свободу.

— Тебе было проще, если бы не было меня, да, братец? — язвительно спросила затворница.

— Да, — неожиданно хрипло отозвался Эрхольд, прочистил горло и уже ровно добавил: — Но не так интересно.

Виалин дождалась, пока брат вернется к прозрачной стене, за которой ждал беловолосый даархар, и отползла немного назад. Замерла, настороженно следя за Эрхольдом, но он был поглощен своим занятием и на сестру внимания не обращал. Женщина вскочила на ноги и бросилась к жертвеннику. Уже добежала до него, протянула руки к Рику, чтобы влить в него своей Силы, но петля черной Силы вдруг сдавила ей горло и рванула назад.

— Ты думаешь, я не чувствую, что ты делаешь, сердце мое? — насмешливо спросил Дархэйм. — Ты не приблизишься к издыхающему мужу. Даже попрощаться. — После все-таки обернулся, с яростью глядя на задыхающуюся сестру, и выкрикнул: — Угомонись!

Фиалка беспомощно всхлипнула и повернулась в сторону жертвенника, не желая смотреть ни на то, как откроются врата, ни на брата, ни на отца.

— Рик, — простонала она и закрыла лицо ладонями, не в силах сдержать слез.

Он умирал. Риктор Илейни знал это так же точно, как то, что день сменяет ночь. Лорд чувствовал, как вместе с кровью его покидает жизнь. Даже его помощник воздух теперь отзывался вяло и неохотно, а вскоре Рик прекратил попытки призвать его. Он закрыл глаза, прислушиваясь к разговору брата с сестрой, но его суть уже улавливал плохо. Где-то внутри умирающего существа все еще кипел гнев за тот поцелуй, на который согласилась его супруга. Драконья сущность, еще недавно виновато скрывшаяся, теперь вновь напоминала о себе жаркими всплесками гнева.

— Мой господин...

Рик с трудом повернул голову и посмотрел на дух инверны. Похоже, врата мира мертвых уже открыты, раз он смог увидеть почившую душу...

— Ты ведь этого хотела? — спросил аниторн, вкладывая насмешку в свой вопрос. — Ты счастлива?

— Прости... — прошелестел ее ответ.

Лорд зарыл глаза, судорожно выдохнул, снова пытаюсь услышать, о чем разговаривают брат и сестра. Он умирал с каждым мгновением, уже не в силах спасти ни весь мир, ни одну-единственную женщину. Аниторн поджал губы и позволил ярости захлестнуть сознание. Неожиданно кулак сжался и с силой ударил по жертвеннику. Рик распахнул глаза, изумленно глядя в потолок.

— Дракон... — услышал он шепот призрачной Нэми.

Рик снова закрыл глаза. Теперь он прислушивался к себе. Рану пекло, словно его кровь

превратилась в жидкий огонь. Глухо застонав, аниторн стиснул кулаки и заскрежетал зубами, стараясь не закричать от неожиданной боли. Она была странной, непривычной, ломающей. Словно каждый сустав выворачивал кто-то невидимый. Кожа и внутренности пылали огнем, сводя с ума. Но он все еще пытался не терпеть. Кусал губы, стискивал края жертвенника пальцами, ломал ногти, глотал собственную кровь из прокушенных губ. А потом сознание, словно смиростивившись над человеком, покинуло его.

А когда снова пришел в себя, боль стала тупая, ноющая. Рик разлепил глаза и посмотрел туда, откуда доносились всхлипывания Фиалки. Взгляд лорда прошелся по сжавшейся фигурке на полу пещеры, и внутри родилось недовольство тем, что она сидит на каменном полу. Потом снова пришла ярость, а с ней вернулся и огонь. Его женщина плакала, ей сделали больно. Тихий рык лорд-дракон подавил, всматриваясь сквозь пелену боли в то, как даархара плеснул из фляги на окно... Откуда тут окно? А потом он разглядел, что за окном неправильной овальной формы стоит еще один даархар.

Чужой — отстраненно отметил разум. В отличие от брата и сестры Дархэймов, пришелец был иным. И вроде все то же, но что-то в облике незнакомца отличало его от жителей мира людей. Он был, наверное, даже красив, и что-то в его чертах казалось знакомым, но лорд-дракон внутренне подобрался, словно сторожевой пес, готовый броситься на чужака. Тот, кто хотел перейти грань, не принадлежал этому миру.

Пространство подернулось маревом, и последняя преграда истаяла. Беловолосый перешел грань между мирами.

— Нужно закрыть, — услышал Риктор голос чистокровного даархара. — За мной могут идти стражи. Где кровь хранителя?

— Закончилась, — усмехнулся Эрхольд и протянул руку. — Ключ.

— Кто это? — взгляд пришельца упал на Виалин.

— А мгновение назад ты казался выше, — отметил Дархэйм.

— Искажение пространства, — отмахнулся даархар. — Совсем небольшое. Кто она?

— Ключ, — жестко повторил черный лорд. — Остальное тебя не касается, Тахрад.

— Она... она знакомо пахнет, — даархар потер лоб, словно раздумывая о чем-то. — Я чувствую... Дочь?

Эрхольд обошел на шаг назад, склонил голову к плечу, с интересом рассматривая своего даархара...

— Отец! — вдруг выкрикнула Виалин, подаваясь вперед, но тьма уже бросилась на Тахрада.

Даархар упал на колени, вскинул взгляд на сына и прохрипел:

— Все-таки решился...

— Ключ, — чеканно произнес Эрхольд.

— Держи.

Рик услышал, как что-то звякнуло о каменный пол, покатилося, но черное щупальце поймало это и бросило в ладонь Дархэйма. Он приподнял предмет, рассматривая его, и аниторн увидел кольцо. Удовлетворенно кивнув, Эрхольд надел кольцо на палец.

— Сопротивляешься, Тахрад? — насмешливо спросил черный лорд. — Зря, я сильнее.

— Да, — голос чужака стал сиплым. — Ты сильнее. Отпусти.

— Нет, — сухо ответил Дархэйм. — Мы уходим.

— Отец, он заточил матушку, она в темнице! — снова выкрикнула Виалин.

Даархар вскинул голову, глаза его полыхнули бешенством, и путы тьмы разлетелись

ключьями.

— Что ты сделал? — Тахрад поднялся на ноги, но тьма вновь атаковала его, откинула к стене, растянула, опутав тело.

Эрхольд подошел к отцу, всмотрелся в лицо отца, в бешенстве рвущего путы, тут же вновь оплетавшие его, и приблизил к нему лицо:

— Старая ведьма умрет вслед за тобой, — произнес он, криво усмехнувшись. — Скоро все умрут. Миры поглотят друг друга. Пуф... и всё. Каково умирать, зная, что ты погубил всех, кого знал? Каково это думать, что из-за твоей любви умирает та, к кому ты стремился столько лет?

— Что? — даархар перестал вырываться.

— Ты не знал? — Дархэйм издевательски поцокал языком. — Представь, я тоже. Узнал только сегодня, но это уже не имеет значения. Я позабочусь о тебе, и ты не увидишь, как из-за тебя наступи конец света. — Он раскрыл ладонь, и тьма послушно скользнула в руку, стала плотней, вытянулась, принимая форму кинжала.

— За что? — глухо спросил Тахрад.

— За моего отца, за моего настоящего отца, — холодно ответил Эрхольд и вогнал кинжал в тело даархара. Тахрад закричал, выгнувшись всем телом. Голова его свесилась на грудь, но черный лорд хлопнул по щеке отца, и тот разомкнул веки. Эрхольд отошел на шаг и повторил, глядя в глаза, затянутые пеленой боли: — Пуф... и всё-о-о.

Дархэйм стремительно приблизился к Виалин, ухватил ее за локоть и рывком поставил на ноги.

— Нам пора, сердце мое.

— Не пойду, — замотала головой женщина. — Никуда не пойду. Отстань. Оставь меня!

Ее крик остановила хлесткая пощечина. Дархэйм закинул сестру на плечо и шагнул в черноту своего перехода, спеша убраться подальше от открытых врат. Рик стиснул края жертвенника, и что-то твердое царапнуло по камню... Он стиснул зубы и резко поднял руку вверх, преодолевая сопротивление пут, ударивших его ледяными иглами боли. Аниторн поднес руку к глазам и с интересом посмотрел на когтистую лапу, на которой кожа местами сменилась черными чешуйками.

Лорд напрягся и рванул тело вверх, преодолевая сопротивление пут. Вены вздулись, взбугрились мышцы, и крик ярости и боли разорвал грудь в ключья. Рик на мгновение замер, тяжело дыша, все еще до конца не веря, что ему удалось это сделать, затем поднялся с жертвенника, но сойти с места не смог. Вновь тело скрутила боль. Мужчина упал на колени, уперся ладонями в холодный каменный пол, но новая огненная вспышка ослепила его.

— Великая Тьма, — прохрипел даархар, прикованный к стене.

Аниторн повернул ему голову и оскалится, показав увеличивающиеся зубы, а через мгновение он вновь закричал. Треск раздающихся костей заполнил пространство, кожа грубела и трескалась, превращаясь в чешую. Она ползла по телу, отвоевывая еще не захваченную территорию. Лорд попытался подняться на ноги, но вновь упал. Взгляд желтых драконьих глаз опустился вниз. Человеческих ног не было, вместо них появились драконьи лапы.

Позвоночник захрустел, спина аниторна выгнулась дугой, и он взревел, когда чешую пробили острые костяные пластины гребня.

— Тебе не хватит места, — морщась от собственной боли, произнес Тахрад, — ты растешь.

Рик снова повернул к нему голову, и даархар увидел, как раздалась человеческая челюсть. В человеческом облике все больше проглядывали драконьи черты, и лицо стало напоминать тупоносую драконью морду. И если еще несколько мгновений назад человека почти не было видно из-за жертвенника, то теперь он возвышался над ним, по прежнему стоя на коленях.

— Куда... — с трудом пророкотал аниторн.

— Он вернется, — ответил Тахрад, тяжело дыша. — Ему нет пути из этого мира, он закрыт.

— Ар-р, — прорычал уже не человек, но еще не дракон.

— Если не выйдешь отсюда, застрянешь, — даархар откинул назад голову и стиснул зубы, со свистом втягивая воздух.

И оборотень поднялся на лапы. Неумело, еще путаясь в четырех конечностях, он побрел к лестнице. А когда почти скрылся из вида в темноте, что-то гулко шлепнулось о ступени, и даархар успел увидеть, как следом за обращающимся драконом волочится хвост, появившийся мгновение назад.

Рик поднимался вверх, переставляя по ступеням лапу за лапой, цокая когтями по камням. Он чувствовал, как чешуя на боках трется о стены, между которыми раньше он мог стоять, раскинув руки, и чем выше поднимался, тем тесней становилась лестница. В конце он едва протиснулся, выбираясь в верхнюю пещеру. Еще несколько шагов, и голова черного дракона выглянула наружу.

На улице уже наступила ночь, и звезды загорались в небе, любясь на свое отражение в морской воде. Дракон выбрался из пещеры, огляделся и задрал к небу голову, горестно заревев, Дархэйм исчез вместе с Виалин. Море взметнуло волны, обрушив их на скалистые склоны. На поверхности появились камгалы, всматриваясь в дракона. Прошло бесконечно долгое мгновение, и они снова скрылись под водой, узнав хранителя.

За спиной великана послышался шорох. Он вывернул голову и увидел собственные крылья. Неуверенно развернул их, но изнутри пришла уверенность, что у него все получится. Дракон тряхнул головой, заворчал и подошел к самому краю обрыва. Он закрыл глаза, оттолкнула и... полетел вниз, не сумев поймать воздушный поток. В панике Рик воззвал к ветру, и он бросился к хранителю, поймал и понес вверх. Взмах крыльев, еще один, еще, и тело словно вспомнило, что когда-то умело летать. И вот уже не дракон мчится над морем, будто игривый щенок, соревнуясь в скорости с ветром. Но вспышка восторга исчезла так же быстро, как и появилась. Дракон развернулся и помчался к острову. Даархар сказал, что его сын вернется, и Рик точно знал, что он не солгал. Облетев скалу, он опустился на выступ, и принялся, ожидая свою добычу.

В каменной зале клубилась тьма, ледяная, злая, хищная, и из ее вязкого нутра шагнул на каменный пол взбешенный Эрхольд Дархэйм, вытаскивая следом за собой сестру. Он подошел к отцу, сжал в ладони его волосы и задрал голову вверх.

— Я сделал все так, как написано в твоих записях, переход не открылся, — ледяным тоном произнес черный лорд.

Тахрад криво усмехнулся, разглядывая лицо взбешенного сына.

— Значит, я не все там написал, — едва слышно ответил даархар.

— Говори, пока еще не сдох! — рявкнул Эрхольд.

— Подними меня вверх, покажу, — ответил ему отец, издевательски ухмыляясь.

— Все еще трепыхаешься? — неожиданно успокоился Дархэйм.

— Жить хочется, — Тахрад облизал пересохшие губы и закрыл глаза. — Что ты сделал со мной? Я не чувствую своей Силы.

— Как открыть переход?

— Подними меня наверх, покажу.

— Ты все равно не выживешь. Моя тьма уже пожрала твою Силу, следом начнет умерщвлять плоть, пядь за пядью, ме-едленно, бо-ольно, — Эрхольд скрестил на груди руки.

— Ты, должно быть, гордишься собой? — усмехнулся даархар.

— Чрезвычайно, — ответил Дархэйм. — Если скажешь, как открыть переход, я оставлю тебе жизнь. Пусть жизнь калеки без возможности восполнить запас Сил, пусть короткую, но я смогу отправить тебя к нашей матери, и вы сдохните, нежно прижимаясь друг к другу. Ну?

— Подними меня наверх, — повторил Тахрад. Голос его звучал слабо, но в глазах застыло упрямство. — Я прошу всего лишь вытащить меня наружу из этой пещеры.

После взгляд даархара переместился на дочь, не сводившую взгляда с опустевшего жертвенника. Она порывисто обернулась, и Тахрад едва заметно улыбнулся, прикрыв глаза. Женщина тихо охнула и прикрыла рот ладонью. В ее глазах блеснула надежда, и ответ отца Виалин поняла верно.

— Идем! — зло бросил Эрхольд, комкая в кулаке ткань на плече отца.

Он дернул его и толкнул в клубящуюся тьму. Дархэйм рывком притянул к себе сестру, шагнул в переход и уже, когда клубы почти свернулись, он мазнул взглядом по жертвеннику.

— Где он?! — черный лорд вцепился в плечи даархара, тяжело опустившегося на скалу.

Тахрад шумно втянул носом воздух и посмотрел на звезды. После пожал плечами и чему-то усмехнулся.

— Где Илейни? — голос Эрхольда звенел от напряжения. — Как он освободился?

— Неужели ты его боишься, сын? — насмешливо изломил брови даархар. — Слабый умирающий человечек тебя пугает?

— Заткнись, — прошипел Дархэйм.

— Как скажешь, — пожал плечами Тахрад и вытянулся в полный рост, устало вздохнув.

— Как работает ключ?! — заорал взбешенный до предела черный лорд. — Как открыть этот проклятый переход?! Отвечай!

И вновь черные холодные жгуты оплели даархара и потащили к краю обрыва.

— Тогда ты точно ничего не узнаешь, — прохрипел Тахрад, отчаянно цепляясь пальцами за неровные выступы.

— Зато увижу, как ты сдохнешь, — ядовито ответил Эрхольд. — Где Илейни? Как открыть переход? Ответ и проживешь еще немного.

Тахрад поднял глаза к небу, и губы его тронула издевательская ухмылка.

— Ты его искал? — спросил даархар, указывая взглядом вверх.

Дархэйм нахмурился и поднял лицо кверху. Над его головой завис в воздухе черный дракон. Вопреки всем законам, он вольготно раскинул крылья по ветру, но не двигался с места. Воздух словно сам поддерживал могучее тело великана, закованного в матово поблескивающую чешую. Дракон склонил голову на бок и... подмигнул черному лорду.

— Рик? — выдохнула Фиалка. — Это, правда, ты? Рик! — надрывно закричала она и вдруг расхохоталась, закрыв ладонью рот. Слезы вновь побежали по ее щекам, но не горе и боль потери запустили их бег. В смехе женщины слышалось облегчение. Леди Илейни прижала ладони к груди и с благоговением прошептала: — Мой лорд-дракон.

— Не может быть, — гулко сглотнул Эрхольд. — Так не бывает.

— Бывает, — отозвался Тахрад, отползая в сторону, как только черные щупальца ослабли. — Я сам видел превращение.

— Ты должен был сдохнуть! — заорал на дракона младший даархар.

Аниторн, не дожидаясь, пока негодование Дархэйма иссякнет, камнем помчался вниз, ударил бронированным лбом Эрхольда, и тот отлетел к краю обрыва. И не успел он вскочить на ноги, когда мощная когтистая лапа сбила его вниз, туда, где ждали свою добычу камгалы. Море уже бурлило, предвещая их появление. Гибкие щупальца с острыми загнутыми шипами уже протянулись к летящему в их разверстые пасти Эрхольду Дархэйму.

— Нет! — в ужасе выкрикнул он, едва успевая открыть переход.

Младший даархар провалился во тьму, и дракон яростно взревел, взмывая ввысь. А когда переход вновь открылся, и из его недр вылетел Дархэйм, сменив личину, черный дракон вновь бросился на него. Тьма помчалась ему навстречу, расплзлась, превращаясь в огромную паутину. Вихрь налетел на нее, разметал по сторонам, но рваные клочья вновь растянулись, сцепились краями, и дракон, не успевший увернуться, запутался в сетях черной Силы даархара.

Острые иглы холода вонзились между чешуйками. Крылья, спутанные волей Дархэйма, больше не держали великана, и он полетел в море, кишащее камгалами. И когда гибель дракона казалась неминуемой, Фиалка вскинула руки, выплескивая остатки своей Силы, и под низверженным исполином за клубилась сероватая дымка, мягко принимая его в свои объятия. Она расплзлась по телу, покрытому чешуей, сплетаясь с тьмой, и дракон распустил крылья. Воздушный поток подхватил его и понес все выше и выше, поднимая над разъяренным даархаром, над скалой, где застыли в молчаливом ожидании отец и дочь, туда, где ревел обжигающий ледяной ветер, и куда подняться Эрхольд Дархэйм был не в силах.

Ледяные иглы растворились в ласковом касании сероватой дымки Силы жизни, она проникла под чешую, растворилась в крови, сплелась с силой амулета, истаявшем на раскаленном теле лорда, впервые сменившего личину. А потом дракон взревел, ощутив нестерпимое жжение в глотке. Он опустил голову вниз, и струя ослепительного белого пламени понеслась в даархара, готового опустить на скалу.

Рик видел, как Дархэйм успел нырнуть в свой портал, и произнес насмешливое:

— Пф.

Дракон вновь помчался вниз, безошибочно почувствовав, где разошлось пространство. Воздушный вихрь промчался над водой, собирая ее, закручивая в беспощадный смерч, и как только даархар появился из перехода, в него вновь понеслась струя драконьего пламени, всколыхнулась тьма, но ее смел столб ревущей воды, подхватил даархара, понес к скалам и швырнул на выступ, лишая сознания. Дракон опустил на остров по сходящейся спирали, сложил крылья и склонил голову на бок, рассматривая поверженного врага. Затем лапа его взметнулась вверх, страшные когти нацелились на тело Эрхольда Дархэйма...

Их было пятеро. Крылатые, увенчанные рогами, даархары появились из пещеры, где остались открытыми врата. Они стояли, прижимаясь к склону, и все пять взгляды были обращены вниз, где вновь вспенилось море, являя молчаливых стражей. Один из пришельцев гулко сглотнул и что-то выкрикнул.

— Он говорит, что даархары пришли с миром, — перевел Тахрад. — Это сыновья хранителя врат. Он спрашивает, где хранитель с этой стороны.

Фиалка указала рукой на другую часть острова. Чужаки взмыли в воздух, но их закружило в призрачном вихре и отбросило обратно к пещере.

— Силы хранителя не пропустят, — тихо сказала леди Илейни. Тахрад перевел ее слова, после посмотрел на дочь:

— Они просят его позволения покинуть врата и приблизиться к нему.

— Рик! — крикнула Фиалка.

Над скалой поднялся черный дракон, сжимая в передней лапе бессознательного Эрхольда Дархэйма.

— Они пришли с миром. Это хранители врат, — пояснила женщина супругу. — Они просят позволения покинуть врата и подойти к тебе.

— Ар-р, — рыкнул дракон и снова исчез из виду.

— Лорд-аниторн позволяет вам пройти к нему, — не без гордости произнесла леди Виалин Илейни.

Даархары проследили взглядом, как исчезли под водой чудовища, не отпускаявшие их своими голодными манящими взглядами, ветер вяло взъерошил волосы чужаков, и они поднялись в воздух. Двое из них приблизились к Тахраду, что-то зло прошипев ему в лицо, после подхватили под руки и понесли вслед за тремя товарищами. Фиалка тревожно проследила их полет, вдруг осознав, что главный среди них тот, что летел первым, двое, чуть отставших являлись его телохранителями, как и те двое, что схватили ее отца. Женщина охнула и поспешила следом за даархарами, не желая оставлять Рика наедине с ними.

Неожиданно пространство огласилось драконьим ревом. Виалин испуганно вскрикнула и поспешила к мужу. Нога ее соскользнула с очередного уступа, женщина неловко взмахнула руками и сорвалась вниз, истошно взвизгнув. Но мягкие незримые объятия обхватили ее, всколыхнув растрепанные волосы, и призрачная рука вернула Фиалку на скалу, бережно поставив на ноги недалеко от площадки. И когда она вышла на нее, Рик уже был в человеческом обличье. Обратный оборот — вот что означал его рев.

Абсолютно голый хранитель мира людей взирал на пришельцев величественным взглядом, скрестив на груди руки. Его босая нога покоилась на горле шурина, уже очнувшегося, но отчего-то все еще не исчезнувшего в своем переходе. Эрхольд хрипел, пытаясь скинуть аниторна, но сопротивление его было вялым, и вскоре лорд Дархэйм и вовсе затих. Фиалка приблизилась, но осталась стоять в стороне, не влезая в разговор мужа и даархаров. Тахрад по-прежнему переводил.

— Мы пришли, чтобы принести наши извинения, — говорил беловолосый даархар. — Наш старший хранитель погиб. Он был убит этим... э-э... мной, — Тахрад явно смягчил то, что сказал о нем наследный хранитель из его мира. — Он вообще замечательный парень, и вы можете забирать его себе.

— Врешь, — усмехнулся Рик, и даархар-хранитель нахмурился, также услышав ложь. — Они хотят забрать тебя и наказать.

— Хотят, — нехотя признался Тахрад.

— Не вижу повода им отказывать, — аниторн скользнул взглядом по Дархэйму. — Я сам горю нетерпением заняться тем же самым со своим даархаром.

Фиалка вдруг подошла к мужу, он приобнял ее, и женщина что-то зашептала ему на ухо. Риктор Илейни поджал губы, упрямо мотнул головой, но она продолжила шептать, и взгляд небесно-голубых глаз остановился на Тахраде.

— Дома поговорим... обо всем, — ответил ей супруг, и леди Илейни покорно склонила голову. Лорд-дракон посмотрел на даархара-хранителя. — Я хочу обменять отца на сына. Я отдам это злобное недоразумение, вы мне вашего душегуба.

— Э-э... — протянул Тахрад, осознавая слова аниторна. После перевел его слова и напряженно затих, ожидая ответа. Наконец, его соплеменник ответил. — Он отказывается. — И видя, что хранитель мира людей готов пожать плечами и принять отказ, с мольбой посмотрел на него.

— Пожалуйста, — прошептала Фиалка.

Тахрад вдруг сорвался с места, ухватил руку сына и показал кольцо, надетое на палец, что-то быстро говоря старшему даархару. Тот перевел взгляд на перстень, присвистнул и усмехнулся, отвечая аниторну.

— Он говорит, что готов обменяться. Говорит, что с таким... хорошим парнем, как я, вам будет легко и приятно жить рядом.

— Ясно, он предлагает тебя убить побольнее, — не выдержал Рик, негромко рассмеявшись.

— Что-то в этом роде, — не стал вдаваться в подробности беловолосый даархар.

— Что сделают с ним? — Илейни перестал улыбаться и с ненавистью посмотрел на шурина.

— О-о, — Тахрад усмехнулся. — Во дворце властелина его не ждет теплого приема. Он носитель моей крови, и, взявшись помогать мне, принял на себя вину и за мои... э-э... шалости. Он займет мое место, как мой единственный сын и наследник. А то, что он мой сын властелин поймет сразу, он сильнейший маг нашего мира.

— И не жалко сына? — с интересом спросил аниторн.

— Мой сын меня не жалел, — сухо ответил даархар.

Рик пожал плечами и убрал ногу с горла Эрхольда. Хранитель из другого мира небрежно махнул рукой, и Дархэйма подхватили под руки, стянули жгутами Силы и потащили к пещере. Хранители обменялись поклонами, даархар бросил взгляд на своего соплеменника, после развернулся и полетел вслед за своими телохранителями.

— Я вернусь! — донес ветер до Риктора и Виалин крик Дархэйма.

— Это вряд ли, — усмехнулся аниторн. Он прижал к себе жену, коротко поцеловал ее и тоже направился к пещере...

Когда лорд добрался до каменного зала, даархары уже исчезли в черноте перехода. Рик огляделся и заметил брошенный кинжал у жертвенника. Хмыкнув, он поднял его, подошел к воротам и провел острой гранью клинка по запястью. Кровь стекла на пол, потянулась к каменной стене, и пространство подернулось красноватым маревом, уплотняясь, теряя прозрачность, затвердевая камнем...

— А теперь сотрем это место с лица земли, — произнес лорд-дракон.

Он поднялся наверх, здесь его уже ждали Фиалка и Тахрад. Прикрыв глаза, Рик прислушался к себе и позвал внутренний огонь. Второй оборот дался быстрее и менее болезненно.

— Ар-рф, — изрек дракон, опускаясь на брюхо.

Фиалка посмотрела на отца и поманила его за собой.

— Можно? — все-таки спросил даархара, заметив пристальный взгляд зятя.

— Пф, — фыркнул тот.

Вскоре черный дракон взмыл над островом. Он облетел его по кругу, а после задрал голову и протяжно заревел. Воздух отозвался порыв ветра, море взбурлилось жадными волнами, и земля задрожала. Дракон заревел вновь, и его седоки крепко вцепились в пластины гребня, когда три стихии, объединив свои силы, закружили вокруг черного

исполина. Он снова издал протяжный громоподобный рев, и вся мощь, собранная хранителем, обрушилась на одинокий Драконий остров. Скала задрожала, пошла трещинами и с оглушительным грохотом обрушилась в море. Врата исчезли в морской пучине, навсегда уничтожая попытки нового прорыва. Эра страха перед Виллианами закончилась.

— И канули они в Бездну, — прошептала Виалин, вспоминая слова из учения жрецов, и вдруг рассмеялась, наконец, поверив в то, что все закончилось.

Исчезла скала, прятавшая врата, улеглись стихии, и дракон плавно развернулся, спеша вернуться домой. И когда он опустился во дворе своего замка, издав торжествующий рев, драконы ответили ему, а после склонили головы, навсегда признавая сильнейшего из них своим вожаком.

Эпилог

Солнечные лучи золотили землю, согревали благодатным теплом. Изумрудные травы, ласкающие глаз своей сочной шелковистостью тянулись вверх, нежась в добром свете, который дарует сама жизнь. Легкий шаловливый ветер спешил куда-то, задевая мимоходом кроны деревьев, путался в ветках, играл листвой и мчался дальше. Воздух наполняло щебетание пичуг, жужжание пчел, людские голоса. В далеком небе, затопленном чистейшей синевой, неспешно плыли белоснежные облака, летали птицы, ближе к земле деловито роилась мошкара. Мир радовался, мир дышал полной грудью, мир жил...

По огромному пшеничному полю скользила тень, распластавшая крылья по воздуху. Она скользила по желтеющим колосьям, перебиралась на зеленые шапки густого леса, ныряла в овраг и снова мчалась по сочному лугу, благоухающими травами и цветами. Случайные прохожие задирали головы, приставляли ладони к глазам и следили взглядами за полетом черного дракона.

Он летел величаво, не разгоняясь, чутко прислушиваясь к всаднице, сидевшей на его спине, время от времени оборачиваясь и проверяя, не скинула ли она капюшон с головы, крепко ли держится за пластины гребня. И если видел, что женщина летит с непокрытой головой, позволяя ветру играть со своими волосами, раскинув руки, забыв об осторожности, дракон начинал ворчать, и всадница отвечала ему звонким счастливым смехом, восклицая:

— Рик, не будь злой нянькой. Мне так чудесно!

— Пф, — отвечал великан. — Ар-рф.

— Не ворчи, грозный дракон, — она улыбалась, нежно поглаживая черную чешую. — Я тебя не боюсь. Совсем не боюсь, ни капельки... Но люблю больше жизни.

Дракон умиротворенно вздыхал, одаривая всадницу пронзительным взглядом янтарных глаз, но неумолимо произносил?

— Фр-р.

Женщина показывала ему язык, снова натягивала капюшон, стягивала его, чтобы защититься от ветра, крепко бралась за гребень, и как только великан отворачивал голову, она через некоторое время снова разоблачалась и раскидывала руки, ловя воздушные потоки. А когда внизу показалась столица, дракон опустился ниже, пролетел над городской стеной, и женщина крикнула стражам:

— Доложите во дворец, что прибыл лорд-аниторн Побережья Риктор из рода Илейни!

— А где он сам?! — крикнул вслед изумленный страж, и всадница весело ответил:

— Перед вами!

Стражники переглянулись, и один из них, почесав в затылке, спросил товарища:

— Мне показалось, или на шее дракона была повязана накидка цветов рода Илейни?

— Что-то было такое, — пожал плечами второй воин. — Мало ли что там для своих летунов драконоправы придумали еще. Но лорд-то где?! Только баба какая-то на спине дракона сидела.

— Все равно скажи магу, — отмахнулся первый.

Дракон промчался над городом, достиг королевского дворца и заложил широкий круг, начиная спускаться вниз. Дворцовая стража следила за ним, приложив ладони к глазам. Летун был им знаком, но только вместо того, кто должен был восседать на великане, они увидели женщину, чьи волосы могли поспорить в своей яркости с огнем. И как только дракон опустился на площадь перед дворцом, он припал брюхом к земле, и женщина легко скользнула вниз.

Всадница с интересом огляделась и, заметив венценосца, спускавшегося по ступеням парадной лестницы, склонилась в приветственном поклоне. Король остановился и нахмурился, рассматривая дракона и красноволосую женщину. Она распрямилась и посмотрела на великана. Тот фыркнул, выпустив из ноздрей две струйки сизого дыма, и...

Дружный вздох прокатился порывом легкого ветерка над дворцовой площадью, когда дракон, издав рев, опустил голову, и тело его начало уменьшаться. Исчез хвост, истаяли крылья, чешуя побледнела и истончилась, превращаясь в человеческую кожу, пластины гребня будто втянулись в позвоночник, и плащ, повязанный на шею летуну, мягко опустился на человеческие плечи, скрыв его наготу. Темно-каштановые волосы рассыпались поверх плаща, и мужчина распрямился, открывая королю, его свите и страже знакомый облик аниторна Побережья.

Красноволосая незнакомка необычайной красоты, заботливо, даже как-то по простому, поправила на лорде Илейни плащ, сдула невидимую пылинку и вложила пальцы в протянутую сквозь прорезь в плаще ладонь. Они приблизились к ошеломленному венценосцу, и аниторн склонился:

— Милости Богов, государь.

— Р-рик-ик? — запинаясь, протянул монарх и мотнул головой, словно пытался отогнать видение.

— Ваш преданный слуга, государь, — чуть насмешливо ответил лорд Илейни. — Позвольте представить вам мою супругу, — он указал на свою спутницу. — Леди Виалин Илейни, в девичестве Верд.

— С... супруга, ага, — сглотнув, кивнул Ледагард. Он перевел взгляд на Фиалку, рассеяно произнес: — Красивая леди... — И воскликнул, будто очнувшись: — Рик, ты — дракон! За какой Бездной ты дракон?! Ущипните же меня кто-нибудь! Ай!

Государь возмущенно уставился на леди Илейни, скромно потупившую взор.

— Вы приказали, Ваше Величество, — сказала она.

— Какая исполнительность, — ядовито фыркнул Ледагард и потер руку, что-то ворча себе под нос. — Однако не сон. За мной.

Король развернулся на каблуках и быстро взбежал по ступеням, чета Илейни степенно последовала за ним. И пусть под плащом аниторна ничего не скрывалось, кроме самого аниторна, и ноги его были босы, а у его супруги от полета растрепались волосы, и платье ее было лишено лоска, но отчего-то ни у кого на устах не мелькнуло даже легкой усмешки. Придворные расступались перед лордом и леди Илейни, поворачивали вслед голову и молча

взирали на их переплетенный пальцы, являвшиеся вызовом этикету. На то, как аниторн поворачивал голову и с нежностью смотрел на свою жену, и она отвечала ему любящим взглядом. И казалось, что для этих двоих мир сузился настолько, что никому более в нем не осталось места.

— В мой кабинет, — бросил Ледагард, не оборачиваясь.

Он ушел вперед, но вдруг обернулся и воскликнул:

— Почему ты не сказал мне, что ты теперь дракон?! И давно ли ты дракон? И почему ты похож на своего Гора? Рик, Бездна тебя задери, я гневаюсь!

— На то, что я дракон, государь? — изломил бровь аниторн.

— На то, что я обо всем узнаю вместе с остальными, — сварливо ответил Его Величество. — Я должен был стоять, с превосходством и насмешкой глядя на невеж, раскрывших рты, но я сам стоял, как дурак, разверзши свой королевский рот, как... как какой-нибудь крестьянин! Пожри тебя Виллианы, Рик! Твоя жена меня ущипнула!

— Всего лишь старалась быть прилежной поданной и исполнять пожелания своего короля по первому его требованию, — скрыв иронию, произнес лорд-дракон. — К Бездне, государь, если бы Виалин не оказалась расторопней меня, я бы сам с превеликой радостью, ущипнул вас!

— Что?!

— Все, чтобы угодить нашему господину, — ответил аниторн, преданно глядя на Ледагарда.

— Подобрались две ехидны, — ядовито проскрежетал Его Величество, погрозив чете Илейни королевским перстом.

— Государь благословил нас, — широко осклабился Рик, и Фиалка кокетливо похлопала ресничками.

— Пф! — с пафосом фыркнул Ледагард, взмахнув рукой.

Придворные, стража и слуги слушали их, затаив дыхание. Не так часто удается стать свидетелем столь вольного разговора государя и одного из крупнейших наместников королевства. Люди проводили Его Величество, аниторна и его супругу пристальными взглядами и разочарованно вздохнули, когда они скрылись за дверями королевского кабинета.

Ледагард присел на край стола и окинул лорда и леди Илейни суровым взглядом, после хмыкнул и жадно посмотрел на аниторна.

— Рассказывай! — потребовал он. — Все рассказывай и с подробностями, я хочу знать до мельчайшей детали обо всем, что произошло на Побережье. Моя любезная леди, — государь обратил взор на Виалин, — присаживайтесь. Возможно, вы желаете осмотреть дворец?

— Моя жена останется здесь, — неожиданно надменно произнес Рик, одарив короля взглядом вмиг пожелтевших глаз.

— Ого, — венценосец почесал кончик носа и повторил: — Ого! Рычим на короля?

— Как можно рычать на своего господина? — склонил голову лорд. — Но моя жена будет подле меня и никак иначе.

— Да пожалуйста, — пожал плечами государь. — Жалко что ли? Ну, рассказывай.

Он поерзал, устраиваясь удобней, но заговорить аниторн не успел. В двери кабинета постучались и доложили о том, что прибыл лорд Тибод Дальгард и просит принять его.

— Потом, — отмахнулся Ледагард, но Рик отрицательно покачал головой.

— Он со мной, государь. Тибод принес мою одежду и, более того, он принес вам решение ваших разногласий со жрецами.

— Кудесник? — брови Его Величества взлетели вверх, после сошлись на переносице, и король снова погрозил пальцем. — А я опять ничего не знаю. Я тебя уже почти ненавижу, Илейни!

— Мне достаточно того, что меня любит моя жена, — усмехнулся Рик, однако добавил: — Но благоволение моего государя, конечно, стоит с любовью моей жены на одной ступени.

— Змей, — фыркнул Ледагард и махнул рукой. — Впустите Дальгарда.

Тибод Дальгард степенно вошел в королевский рабочий кабинет, встал так, что оба господина оказались перед ним и склонил голову, приветствуя их.

— Лорд Дальгард, — король слез со стола и скорбно вздохнул, — приношу вам соболезнование, вы потеряли вашего старшего сына и наследника. Это невосполнимая утрата. Лорд Раймус был доблестным воином.

— Раймус пал в бою, как и подобает воину и верному слуге своего господина, — ответил старший Дальгард. — Мы гордимся им, и его имя останется навсегда в родовом архиве.

— Имя вашего сына не будет забыто, мой дорогой Тибод, — произнес венценосец, слегка сжав плечо мага.

Тот поклонился и сменил направление беседы:

— Государь, дозволено ли мне будет передать лорду-аниторну его одежду?

— Передавай, — милостиво разрешил венценосец, вернулся на стол и сцепил руки на животе. — Рик, облачение не мешает повествованию. Рот, к счастью, в этом деле не участвует. Одевайся и рассказывай. Все-все-все.

— Слушаюсь, государь, — улыбнулся аниторн, скидывая плащ.

Ледагард отвел глаза в сторону, Фиалка, окинув тело мужа горделивым взглядом, умиротворенно вздохнула, Дальгард остался невозмутим. Рик взялся за штаны и начал свой рассказ, не став утаивать от государя ни малейшей детали, не вдаваясь лишь в ненужные подробности. Его Величество слушал с жадным интересом, не перебивая и не уточняя, только время от времени всплескивал руками, негодуя хмурил брови, когда речь заходила о даархаре, изумлялся, слушая о пробуждении родовой Силы Илейни, и с особым любопытством выслушал историю превращения своего аниторна в дракона. И когда лорд-дракон закончил, вздохнул:

— Однако мы были на краю Бездны. Хорошо, что все закончилось благополучно... Жаль, что мерзкий даархар исчез, надеюсь, в том мире его будут рвать на куски калеными щипцами. Столько жизней, столько жизней...

В кабинете воцарилось скорбное молчание. Перед глазами Рика встал опустевший Бриллиант. После возвращения с Драконьего острова он долго бродил по пустынным выжженным улицам, встречался с выжившими жителями, спрашивал о нуждах. Несколько жрецов, сражавшихся бок о бок с городской стражей и людьми аниторна, склоняли головы, отводили глаза, больше не кидаясь обвинениями. Да и до обвинений ли было, когда они стали свидетелями полета Виллиана над городом, видели его Силу, уверовав, наконец, в правдивость предупреждений лорда Илейни.

Впрочем, повернуть время вспять было не под силу даже могущественным магам, и совершенных ошибок уже было не исправить. Невозможно было стереть из людской памяти призывы не верить крикам стражей, пытавшихся спасти людей, в Бриллианте служителям

Огненных больше не верили. К замку же на утесе протянулась вереница просящих о помощи. Аниторн принял всех, выслушал, приказал своим людям помочь погорельцам и потерявшим кормильцев семьям. Сирот пристроили в приют, которым занялась леди Илейни и отобранные ею служанки из замка супруга. Больных исцеляли королевские маги, задержавшиеся в разоренном городе, и Расслед, который теперь передвигался везде в сопровождении одного из лордов-магов, служивших роду Илейни, охранявших теста господина. Расслед фыркал, Рик заботился о старике.

Постепенно жизнь возвращалась в притихший город, но до его прежнего цветения и благоденствия было еще далеко. Еще предстояло отстроить заново разрушенные дома, заселить их людьми, убедив их, что Бриллиант не проклят. Нужно было помочь снова встать на ноги коренным бриллиантцам, отстроить обители. Вера горожан пошатнулась, но религия в королевстве не менялась, потому нужно было прийти к согласию со служителями культа.

И вот тут уже были сложности. Молва донесла до старшего жреца известия о том, что драконники Илейни больше не пустуют, и глава служителей взбунтовался, требуя от короля наказания для ослушника. Старший жрец грозил гневом Богов, даже посмел намекнуть на свержение государя, если тот не сделает, как должно. О чем Ледагард не замедлил наябедничать своему аниторну.

— Ждите меня завтра после полудня, Ваше Величество. Меня и моего кудесника, — ответил ему Риктор Илейни. И выполнил свое обещание, явившись в столицу в оговоренное время.

Теперь заговорщикам предстояло устранить угрозу власти Ледагарда, и у аниторна уже была готова задумка, о чем он и сообщил государю, прервав мрачное молчание. Вскоре трое мужчин уже с оживлением обсуждали предложенное Риктором Илейни, то посмеиваясь, то ожесточенно споря. Фиалка в споре участвовала, но слушала с интересом, с усмешкой наблюдая за тремя великовозрастными мальчишками, готовившими пакость служителям культа Огненных Богов.

— Ох, скорей бы завтра! — воскликнул Его Величество. — Я хочу видеть их рожи... Нет! Я хочу видеть одну рожу, но перекошенную от злости и отсутствия выхода. Ну, держись, жрец Арвил, — государь погрозил в воздух кулаком. — У-у-у, ряженая нечисть. — После умиротворенно вздохнул и расплылся в жизнерадостном оскале. — А теперь скажи моей супруге, что все ее коварные намерения свахи рухнули в Бездну, и та рать невест, готовая к завоеванию королевского аниторна, осталась не у дел.

— Мой господин мстителен сверх всякой меры, — усмехнулся лорд Илейни.

— А не надо было выставлять короля дураком, — язвительно парировал Ледагард. Он подмигнул аниторну, но вновь стал серьезным, и в глаза венценосца прищурились. — Ты не ответил мне еще на один вопрос.

— Какой, государь? — вопросительно приподнял брови Риктор.

— Что ты намерен делать дальше? Осушишь море и вернешь себе земли Риера? — напряжение появилось в голосе короля, только что весело смеявшегося при обсуждении завтрашнего дня. Он испытующе смотрел на аниторна, ожидая его ответа, от которого зависело будущее королевства.

Риктор Илейни потянулся с явным удовольствием, потер подбородок и вздохнул, устремив задумчивый взгляд в окно. Виалин переводил тревожный взгляд с мужа на короля, понимая, что возвращение земель Риера может обернуться войной, потому что часть королевства Ледагарда уйдет вместе с его аниторном, который сам имеет право от рождения

называться королем. Дальгард казался невозмутимым. Для него не было вопроса, кому служить, и на чью сторону встать. И если лорд Илейни решит стать правителем возвращенного Риера, то он последует за ним, как и весь род Дальгард. И если придется поднять оружие против своего вчерашнего короля, они обнажат мечи и встанут на защиту своего господина.

— Ну?! — воскликнул венценосец.

— А? — Рик обернулся к Ледагарду. — Простите, Ваше Величество, залюбовался видом из окна вашего кабинета. Чудесный вид...

— Да ты издеваешься, мерзавец! — воскликнул возмущенный монарх. — Что будешь делать с Риером?

— А что можно делать с тем, чего нет уже много столетий? — пожал плечами аниторн. — Воскрешу о нем память в родовых архивах. О наследии предков забывать не стоит, это ведет к трагедии, государь.

— Ты будешь возвращать себе эти земли? — хмуро спросил Ледагард.

— И снова открыть доступ к вратам? — Рик с иронией смотрел на короля. — Не для того я скрыл их под водой, где камгалы неусыпными стражами охраняют место прорыва, чтобы потом вновь открыть к нему доступ. Я всего лишь довел до конца дело своего предка.

— Неужели не хочется стать королем? — снова прищурился венценосец.

Рик от души рассмеялся.

— Ваше Величество, я первый в нашем мире человек-дракон, и мои потомки унаследуют этот дар. Я могу управлять стихиями, не прибегая ни к каким ухищрениям, мне подвластен драконий огонь, и сами драконы признали во мне вожака. Я живу на землях моего рода, чье доброе имя очищено от грязи. И пусть это не может стать известно всем, но я теперь знаю всю правду о моих предках, и могу смотреть с гордостью на любого, кто попытается очернить славное имя — Илейни. Меня окружают верные люди, и мне в супруги мне досталась лучшая из женщин. О чем мне еще мечтать, государь? Только о том, что смогу и дальше быть верным слугой моего господина, да не оставит он меня и моих потомков своей высочайшей милостью.

Лорд-дракон с улыбкой смотрел на короля, кусавшего губы. Наконец, Ледагард отмер и потряс кулаком:

— Ты все-таки издевался надо мной, гадкий аниторн! Тянул с ответом, подрывал мое королевское здоровье волнением и тревогой. Я вновь гневаюсь на тебя, Рик. И пусть за меня отомстит моя королева, — венценосец вздохнул и улыбнулся: — Но как же я рад иметь тебя своим другом, мой коварный лорд.

— Я готов принести вам клятву верности прямо сейчас, Ваше Величество, — ответил Рик.

— Завтра, мой мальчик, все завтра, — подмигнул Ледагард. — Ты принесешь мне клятву после того, что мы задумали.

— Как вам угодно, государь, — склонил голову аниторн, и угроза, витавшая в воздухе, исчезла окончательно.

Скандала не случилось. Ее Величество, уже прослышав о спутнице аниторна, ждала появления супругов. Их появление она встретила с прохладной любезностью, долго и пристально изучала взглядом леди Илейни, после вздохнула и махнула рукой:

— Благословляю вас, дети мои, и пусть Боги не оставят вас своею милостью.

Впрочем, благодушной после этого она не стала, продолжая дуться за срыв своей

блистательной идеи о женитьбе упрямого холостяка. И рать, как выразился король, заготовленных ею невест приуныла, потеряв виды на выгодное супружество. Немного оттаяла Ее Величество после беседы с леди Илейни, все же признав ее «милой особой». Однако с лордом Илейни продолжала разговаривать скупой, сжеживая фразы сквозь зубы. Рик отвечал спокойствием и легкой иронией, зная, что вскоре королева остынет и преображение человека в дракона будет ее интересовать гораздо больше, чем его своевольная женитьба. К тому же, времени заскучать у него не было, Ледагард был слишком увлечен завтрашним днем, чтобы перестать о нем думать, и остаток времени, которое супруги Илейни провели наедине с королевской четой, прошло в тихом обсуждении деталей.

— Да пошлют нам Боги удачу в делах, — высокопарно провозгласил венценосец, расставаясь со своим аниторном и его женой.

— Удача будет непременно с нами, государь, — улыбнулся Рик.

И завтрашний день настал. В нем не было ничего особенного. День, как день. Утро началось с большого королевского завтрака, где почетные места рядом с королем заняла чета Илейни. Праздность, ничего не значащей беседы, любопытные взгляды придворных на жену аниторна: чуть презрительные — женские и более заинтересованные — мужские. Вот и все, чем ознаменовался завтрак.

После завтрака несколько придворных кавалеров имели разговор с лордом Илейни, после чего на его супругу перестали смотреть вовсе. Стайка дам, осмелившихся восхвалять аниторна в присутствии его супруги, удостоилась ее короткого замечания, и желание глядеть в сторону Риктора Илейни у них также пропало, а леди Илейни получила прозвище — эта Оса Илейни, что ее, впрочем, нисколько не расстроило. Зато глаза Ее Величества, узнавшей о событиях, произошедших после завтрака, потеплели, и она снизошла до похвалы, одоблив порыв супругов оградить друг друга от чужих взглядов и посягательств на честь благородной семьи.

К полудню Его Величество и лорд-аниторн в сопровождении своих супругов, нескольких придворных и верных стражей направились в главную обитель, где должна была состояться дневная служба, которую вел сам старший жрец королевства. Благочестивый порыв, право слово! Поступок, достойный всяческих похвал, вызвал улыбки умиления на лицах горожан. Ведь уже последние дня три жрецы сетовали на то, что государь начал забывать своих Богов, предаваясь греховной праздности и лени за стенами своего дворца. И вот, смотрите, Его Величество опровергает слова служителей, спеша на одну из важнейших служб за весь день, где будут прославлять Богов и раздавать их благословение. Любопытные люди потянулись к главной обители, желая лично увидеть, как облагодетельствуют их государя Огненные Боги.

Небольшая процессия остановилась недалеко от ворот главной обители. Король и аниторн спешили, бросили поводья стражам и переглянулись, обменявшись благочестивыми приторными улыбками. Они подошли к воротам вместе со своей свитой, переступили порог и... Огонь, не пылавший в полную силу уже несколько дней, вдруг взвился столь высоко, что языки его лизнули потолок.

— Боги приветствуют государя! — восторженно закричал один из придворных лордов. — Вы видели?! Боги дали знак! Наш государь отмечен Богами!

— Я верный сын своих Покровителей, — скромно ответил Ледагард.

— Да здравствует король Ледагард! — взревели воины оставшиеся за пределами обителями, но слышавшие крики придворных лордов. — Наш государь отмечен милостью Огненных!

Восторженный отклик народа, увидевшего сквозь ворота всполох пламени, слился с голосами воинов и придворных. Аниторн первым опустился на колени перед Его Величеством, за ним последовали все, кто был в обители, на ногах остался только старший жрец, длинный, как жердь, а его остроконечная ритуальная шапка и вовсе делала главу служителей похожим на кол. Рик вскинул брови и указал на жреца рукой:

— Старший жрец смеет спорить с Богами! — возмущенно воскликнул он.

— Должно быть, жрец Арвил считает себя равней Огненным, — усмехнулся Ледагард. — Если уж я, их посредник с детьми Богов на земле, смиренно склоняю голову перед Благословением, а служитель стоит, гордо вскинув голову, то как же расценивать такое?

— Святотатство! — выдохнул Риктор Илейни со священным ужасом.

Леди Илейни закатила глаза, схватившись за сердце, и красиво упала в обморок. Ее Величество выдержала происходящее более стойко, но прикрыла рот платком, в ужасе взирая на святотатца.

— Святотатство! — закричал все тот же придворный лорд. — Старший жрец смеет себя равнять с Богами!

— Позор! Старший служитель возгордился и потерял разум! Пусть пройдет Очищение, — продолжал негодовать аниторн, на мгновение прекратив приводить свою супругу в сознание... — Очищение!

— Очищение! Очищение! Очищение! — хором повторили придворные.

— Что?! — спесь слетела со старшего служителя. И все, что он собирался сказать, растерялось в едином народном порыве. — Это все подстроено! Боги гnevаются на венценосного развратника!

Виалин, едва вернувшись в сознание, снова лишилась чувств, но теперь стало дурно и Ее Величеству, и супруг еле успел подхватить тело своей супруги, самой благочестивой дамы во всем королевстве.

— Разве возможно влиять на Божественный Огонь? — округлил глаза какой-то богатый торговец, пришедший в обитель за Благословением.

— Отвечай, Арвил, — прищурился король. — Ты, старший жрец, бросил богохульные слова. Неужто и правда человек может влиять на Огонь наших Покровителей? Отвечай!

Его голос прокатился рокотом грома по притихшей обители. Жрец побагровел, после побледнел и хрипло произнес:

— Кто может влиять на решения самих Богов? Должно быть, мой разум помутился. Я пройду Очищение.

— Старший жрец, желает искупить богохульство и пройти Очищение! — тут же торжественно воскликнул Ледагард. — Да простят его Боги за гордыню, хулу на своего государя и его верных людей и за святотатство!

Аниторн скорбно вздохнул и склонил голову над женой, открывшей глаза и с осуждением взиравшей на старшего жреца. Арвил подошел к чаше к Очищающим Огнем, бросил злой взгляд на короля и шагнул в пламя. Вскоре холодные голубые языки Огня охватили его. И как только спина старшего жреца скрылась за пеленой пламени, по голубым лепесткам побежали красные росчерки, совсем как в день Очищения аниторна. Пламя нагревалось, меняло цвета, превращаясь из Очищения в Кару.

И когда Огонь запылал ровным красным цветом, из недр чаши послышался надрывный крик Арвила. Риктор Илейни поставил на ноги супругу и отважно бросился к чаше, срывая

на ходу камзол, стянул сапоги и шагнул в яростно ревущее пламя. И тут же накал Божественной ярости угас, сменяясь прохладным синим цветом Благословляющего Огня.

— Велика мудрость Огненных Богов, — с восторгом произнес Ледагард.

Аниторн вынес из холодного пламени обожженное тело старшего жреца, встретился с его взглядом, затянутым пеленой боли, и подмигнул, тихо шепнув:

— Боги воздают всем по заслугам.

Арвил не ответил, провалившись в беспамятство. Младшие жрецы, склонившись перед королем и его аниторном в низких поклонах, унесли старшего служителя в недра обители. Ледагард с Риком, переглянувшись, последовали за ними. И когда двери маленькой комнатки, куда уложили обожженного мужчину, закрылись за ними, фальшивое благочестие слетело с лиц короля и лорда Илейни.

— Привести в сознание, — жестко велел Его Величество.

Жрец-целитель послушно выполнил требование государя. И когда глаза старшего служителя открылись, венценосец отчеканил:

— Волею моих Покровителей, ты больше не старший жрец.

— Нет... такой власти, — прохрипел жрец.

— Я — посредник Богов на земле! — взревел Ледагард. — Меня коснулось их Благословения, и тому есть множество свидетелей! Тебя же Боги покарали, и это тоже видели многие. И если бы не мой аниторн, любимец Богов, также облагодетельствованный Огненными, от тебя даже пепла не осталось! Ты же назначаешься младшим жрецом в крепость «Отверженных», и будешь нести слово Богов тому отребью, что подыхает в стенах узилища.

Арвил задохнулся, с ужасом глядя на короля. Тот осмотрел притихших служителей:

— Наука усвоена всеми?

— Да, государь, — ответили жрецы, смиренно склоняясь.

Удовлетворенно кивнув, Ледагард, в сопровождении аниторна, покинул каморку, и их место тут же заняли стражи во главе с магом, который должен был переправить бывшего старшего жреца в крепость «Отверженных», где содержали убийц, насильников, детоубийц и прочий сброд, приговоренный к смерти. Их кормили столь скудно, что узники начинали ловить крыс. В крепости не было окон, и в холодные сырые темницы никогда не проникал свежий воздух и солнечные лучи. Темнота, голод, холод медленно и неотвратимо убивали заключенных, наказывая лучше самых искусных палачей. Все боялись страшной крепости, стоявшей в гиблом месте, среди болот и вечных ядовитых туманов. Служить там не хотел никто, потому направление в крепость воинов и жрецов было наказанием за провинности. Оттого-то участь бывшего старшего жреца так впечатлила его собратьев. Враждовать с королем не захотел никто, разом приняв его условия.

Народ встретил появление короля коленопреклоненно. Ледагард остановился, поднял вверх руку и пророкотал:

— Дети мои, милость Огненных с нами! Истинный виновник их гнева найден и наказан за злокозненность и святотатство! Отныне жить нам с вами в мире, процветании и благоденствии! Хвала Огненным Богам!

— Хвала! — взревела ликующая толпа.

— Хвала нашему королю Ледагарду Великому! — выкрикнул аниторн.

— Хвала нашему королю!

— Хвала отцу и заступнику! — с готовностью подхватила толпа.

— Хвала королевскому аниторну Риктору Хранителю мира! — уже веселясь, закричал венценосец.

— Хвала Риктору Хранителю! — в экзальтированном восторге провыл народ.

Лорд Илейни поднял руку, призывая к молчанию людское море, выросшее многократно за то время, что они находились в обители. После подозвал Дальгарда, выскользнувшего из ворот обители вслед за королем и его свитой, и опустился перед Его Величеством на одно колено. Затем надрезал ладонь и заговорил:

— Я — Риктор, сын Октора из славного рода Илейни, произрастающего крепкой ветвью на древнем древе Илейнариев, приношу клятву от себя и моих потомков королю Ледагарду Гальверу и его потомкам. Мой род клянется верно служить нашим повелителям, охраняя их честь, достоинство и благоденствие. Клянусь, что род Илейни не замыслит злого против королевского рода, до последнего вздоха оставаясь защитой и хранителем королевских жизней и границ их вотчины. Да услышат меня Огненные Боги и скрепят мой обет навечно своим благословением.

Мягко полыхнула вспышка, скрепившая клятву аниторна печатью, тут же исчезнувшей на ладони, стянув и исцелив порез. А над головами людей ослепительно засиял портал, откуда вылетели семь серых драконов без драконоправов. Они закружили в небе, оглашая его ревом. После подняли головы вверх и выдохнули струи белого огня, унесшегося в небо. И вдруг синий Огонь Благословения охватил аниторна, возрос, расширился, охватывая короля и лорда Дальгарда, встал стеной, отгородивший их от людей, вновь разразившихся криками ликования. А когда огонь спал, остались только государь и маг, а вместо лорда Илейни стоял красавец черный дракон, гордо вззирающий на притихший в изумленном молчании народ.

— Чудо, — вдруг выдохнул кто-то. — Боги явили чудо!

— Чудо! — закричал женский голос.

— Чудо!

— Лорд-аниторн поклялся быть верным защитником всему королевству, и Боги даровали ему личину дракона!

— Хвала Огненным Богам!!!

Черный дракон вскинул голову и оглушительно заревел. С неба откликнулись серые великаны, продолжая кружить над людскими головами. Лорд опустился на брюхо, и король смело забрался ему на спину. И когда черный дракон взмыл в небо, унося государя к его дворцу, народ бросился следом. Все видели, как серая стая пристроилась в хвост аниторну в облике дракона, и вновь увидели знак.

Черный великан приземлился на дворцовой площади. Ледагард спустился на землю и отошел на несколько шагов. Следом за вожакom села и стая, площадь оказалась пустой, и места всем летунам хватило. А когда прибежали люди, черный дракон, издав новый рев, склонил перед королем голову, следом за ним склонились и остальные великаны. Всеобщий вздох восторженного изумления прокатился над площадью и дворцом.

Недалеко открылся портал, откуда появился Дальгард, сопровождавший Ее Величество и леди Илейни. Государь поманил его к себе, достал кинжал, висевший в ножнах на его поясе, и провел острой гранью по ладони:

— Я — Ледагард сын Эйдора из славного рода Гальверов, беру под вечную защиту род Илейни. И потомки мои будут оберегать и хранить в неприкосновенности жизни всех потомков рода Илейни, более не лишая их ни земли, ни имущества, ни славного имени. Пусть Огненные Боги станут мне свидетелями и примут мой обет.

Блеклый всполох оставил печать на королевской ладони, навсегда скрепляя его клятву. Затем воздушный поток вознес Ледагарда над площадью. Он оглядел народ, насытившийся чудесами, кажется, до конца своей жизни, и выкрикнул:

— Слушайте, дети мои, высочайшее повеление! Отныне почитать драконов за существ разумных, ибо разум их неоспорим. А коли драконы разумны, то надругательство над ними, как и убийство будет караться жестоко. Такова воля наших Покровителей!

И как только он договорил, драконы вновь склонили головы, благодаря за мудрое решение. Государь опустил на землю и взмахнул рукой отпуская стаю, и они послушно взмыли вверх, закружив собравшихся порывом ветра от взмахов могучих крыльев. Они вновь закружили в небе, не спеша улетать. Ледагард проводил их взглядом, после подмигнул аниторну, подал руку королеве и направился во дворец.

Леди Илейни забралась на спину своему мужу, и он взлетел следом за своей стаей. Люди прикладывали ладони к глазам, следя за тем, как черный дракон уводит за собой стаю. Кто-то перевел взгляд в сторону дворца, король стоял на ступенях дворца, также как и все сейчас, провожая улетающую стаю восторженным взором. На лице его было написано удовлетворение.

Когда столица осталась позади, Риктор повернул голову и недовольно взглянул на хохочущую супругу.

— Арф.

— Ты самый нудный из всех драконов! — воскликнула Фиалка натягивая на голову капюшон. После снова хохотнула. — Это было настоящее зрелище. Думаешь, маги хорошо поработали, уничтожая у горожан воспоминания вчерашнего дня, и никто не вспомнит о твоём обращении до благословения Богов?

— Пф, — ответил Рик.

— Дальгард просто чудо! — Дракон тут же обернулся. — Но не такое восхитительное, как ты, мой любимый. — Он удовлетворенно фыркнул, и леди Илейни снова рассмеялась. — Ты слишком ревнив.

— Ар-р.

— Меня снова ждет наказание?

— Пф... Пф-ф. Пф!

— Три раза? Рик, ты выжимаешь из меня все соки!

— Пф.

— Ну знаешь, — женщина передернула плечами. — Драконья страсть не имеет предела.

— Ар, — гордо согласился аниторн.

— Я от тебя сбегу, честное слово! — возмутилась Фиалка.

Дракон трубно проревел и резко пошел вниз. Женщина вцепилась ему в гребень и зажмурилась от неожиданности. Серая стая полетела дальше, спеша вернуться в свой драконник. Аниторн опустил на большую поляну, встряхнулся, скидывая жену на мягкую траву и сменил облик.

— Сбежишь, значит? — прищурившись, спросил он. Фиалка кивнула. — Бегала уже, не убежала.

— А я очень быстро побегу, — усмехнулась женщина.

— Тогда я не оставлю тебе силы на беготню, — осклабился Рик, опускаясь на колени рядом с супругой. — Ножки будут слабенькие-слабенькие.

— Чудовище, — от души ответила Виалин и широко улыбнулась.

— Лицемерка, — припечатал ее супруг. — Сама напрашиваешься.

— Я? — округлила глаза леди Илейни в фальшивом изумлении. — Как ты мог обо мне такое подумать?

Мужчина навис над ней, вынуждая откинуться на спину.

— Еще и врушка, — улыбнулся он.

— Значит, опять наказание? — вздохнула Фиалка, аниторн с готовностью кивнул, и женщина напомнила. — До слабеньких ножек.

— До слабеньких и дрожащих, — подтвердил Рик, накрывая ее губы своими губами...

В замок они вернулись уже затемно. Аниторн вошел в пустой драконник, опустил на брюхо, давая Виалин слезть с его спины, после сменил личину и накинул приготовленный здесь плащ. Теперь это было одним из правил — в свободном драконнике всегда должен висеть плащ для господина, дабы ему не смущать наготой обитателей замка.

Стянув тесемки, Рик поднял жену на руки, жизнерадостно улыбнувшись. Фиалка положила ему голову на плечо и устало вздохнула.

— Сама просила, — усмехнулся лорд.

— А ты и рад стараться, — она покрепче обняла мужа за шею и шепнула, обжигая ему шею горячим дыханием. — Я так счастлива, Рика. Никогда в жизни я не была так счастлива.

— Я тоже, цветочек, — ответил мужчина, мягко улыбнувшись.

Рик вошел в замок, поднялся к их совместным покоям с супругой, и когда входил в дверь, Виалин уже сладко посапывала на его плече. Аниторн добродушно усмехнулся, отнес жену в опочивальню и бережно уложил ее на постель. Глаза Фиалки приоткрылись, она скользнула по супругу бездумным сонным взглядом и пробормотала, вряд ли даже осознав свои слова:

— Завтра я опять буду плохой девочкой.

— Готов наказывать тебя до конца своей жизни, — хмыкнул Рик.

— Угу, — промычала она, зарываясь лицом в подушку.

— Спи, любимая, — прошептал с улыбкой лорд Илейни, поцеловал жену в висок и покинул опочивальню, пропустив в двери каяра.

Белый зверь важно прошествовал мимо хозяина, мимоходом потерявшись о его бедро большой головой, и улегся перед ложем, уставившись пристальным взглядом красных глаза на дверь. В свое отсутствие аниторн доверял охрану своей драгоценной супруги только Лоэлю, ставшему личным телохранителем леди Илейни. Воины аниторна стояли за дверями, сопровождали госпожу, но находиться столь близко к ней мог лишь каяр, и зверь был явно доволен решением человека, отныне признанным белым хищником за вожака.

Удостоверившись, что в замке все спокойно и из Бриллианта не поступало никаких тревожных весте, как и со всего Побережья, Риктор Илейни вернулся в драконник. Он ослабил завязки плаща настолько, чтобы они не порвались при обороте, и вернул себе облик черного дракона. У аниторна осталось одно важное дело, которое он должен был закончить, и помочь ему в этом мог лишь тот, к кому сейчас направлялся лорд-дракон.

Он мчался по темнеющему небу, смотрел как тает синева, сменяясь чернотой, как сквозь призрачную дымку проступают ледяные звезды, как нарождающийся месяц, умывшись облаками, взирает на засыпающую землю. Внизу обширной необъятной громадой шумел лес, приветствовавший великана, кланялся макушками вековых деревьев, и дракон склонил в ответ голову, словно увидел старого доброго знакомого. Впрочем, так оно и было. Под черным великаном раскинулся лес, подаривший ему Фиалку.

Дракон негромко заворчал, вспоминая, как когда-то, когда он был еще разделен на человека и дракона, обе его сущности, ныне накрепко спаявшиеся друг с другом, уже летели здесь, унося в своих сердцах любовь к одной хрупкой, но сильной женщине, соединившей в себе все, что было дорого человеческому мужчине и его летуну. Она стала необходима обоим, и это оказалось истинным выбором, который принес мир в измененную душу аниторна, удовлетворив обе части его сущности. Это стало новым знанием, которое лорд-дракон передаст по наследству своим потомкам. И, возможно, выбор своей истинной половины сможет сделать их такими же счастливыми, как их предка, положившего начало новой династии людей-оборотней, людей-драконов.

Риктор Илейни умиротворенно вздохнул, увидев лесной луг, где он впервые познал Фиалку, как женщину, где его драконья часть сделала свой выбор. Заложив над лугом круг, дракон опустил на мягкую душистую траву. Ненадолго замер, жмурясь от воспоминаний, а после позволил внутреннему огню изменить его тело, вернув человеческие черты. Поправив плащ, лорд откинул на спину волосы и направился в сторону сторожки, где тоже жили его воспоминания, гревшие душу.

Но теперь в маленьком лесном домике не было затворницы, и каяр уже не прятался в темноте, охраняя покой своей хозяйки. Сейчас тут жила совсем другая пара. Мужчина и женщина, чьи сердца столько лет бились друг друга, пока они были непреодолимо далеки друг от друга, теперь учились быть вместе. Привыкали, познавали, знакомились заново...

После того, как Рик вернулся в замок, явив ожидавшим его людям свое измененное тело, спасенную супругу и неожиданно появившегося второго тестя, аниторн поспешил избавиться от нового обитателя их мира. По просьбе леди Илейни, он отнес Тахрада и жену к полуразрушенному замку, стоявшему на берегу моря. После того, как исчез Эрхольд Дархэйм, чары его спали, и замок открылся во всей своей ужасающей красе. Дракону не составило труда отыскать его. К тому же даархар, нетерпеливо ерзавший на его спине, то и дело восклицал:

— Туда! Прямо! Я чувствую ее, чувствую!

Но когда Аниторн приземлился, Тахрад вдруг застыл изваянием, едва коснувшись ногами земли, прошептал:

— Столько лет... Столько бесконечно долгих лет я шел к ней...

— Скольким людям это стоило жизни, — не скрывая раздражения и враждебности, оборвал его Риктор Илейни.

— Я не просил Эрхольда убивать, мне не нужны были жизни, которые он пил, не зная меры, — сухо ответил даархар.

— Тебе была нужна лишь одна жизнь, — негромко произнесла Виалин, и Тахрад вдруг сник.

— Откуда же мне было знать, что эта единственная жизнь принадлежит избраннику моей дочери? — сказал он.

— И что было бы, если бы узнал? — насмешливо спросил Рик. — Остановился бы?

Тахрад поджал губы и отрицательно мотнул головой, но тут же добавил:

— Для открытия врат достаточно было совсем немного крови хранителя. У меня не было выбора, мой хранитель не отстал бы от меня...

— Да перестань! — язвительно хохотнул аниторн. — Ты бы убил его еще десять раз, если бы это открыло тебе врата в наш мир. Даже кончина мира не стала бы преградой. Эрхольд твой сын.

— Я не знал о том, что мирам соприкасаться нельзя! — воскликнул даархар. — Да и зачем мне гибель мира, если бы это уничтожило в корне то, для чего я прорывался столько времени. Какой мне прок от этого? Я хотел дожить свою жизнь рядом с Элорой, и уж никак не несчастных несколько дней. Моему сыну было плевать, он хотел убраться из этого мира, и смог бы это сделать, если бы не был столь самоуверен. Я говорил ему, что мир людей закрыт, но он, продумав многое, упустил из виду эту мелочь. Если бы он прошел на ту сторону врат, у него бы все вышло. Но я даже рад, что он оказался самовлюбленным и высокомерным упрямым. И можете осуждать меня за это, он сам виноват. Я был с ним честен, он решил обмануть, чтобы заполучить ключ...

— Слушай, даархар, — Рик остановил его жестом. — Я не вижу особой разницы между вами. Твоя жалкая попытка свалить вину за все на своего сына и оправдать себя в наших глазах, тщетна. Он шел к своей цели, ты к своей, и на тех, кто попадался на вашем пути, вам было плевать. Отец, сын, дочь, сестра — неважно, главное, цель. Вы оба ее достигли. Он хотел покинуть этот мир, и он покинул, пусть и не так, как ему виделось. Ты хотел попасть в этот мир, и ты здесь. Но я не позволю тебе занять его место. Ты сейчас пуст, как кувшин, который только что слепил гончар, в тебе нет ни капли черной Силы, я чувствую. Ты стал человеком, и значит, теперь ты подвластен магии моего мира. На тебя наложат печать, которая не позволит тебе пополнить запас Силы и сменить личину. Этот мир — слишком большое искушение для тебя, Тахрад, а я не намерен терпеть здесь твои... э-э... шалости. После встречи с леди Дархэйм, я призову своего мага. Если ты не согласен, говори сейчас, и я с радостью откушу тебе голову. И помни, моя жена просила за тебя, а не я.

— Я до смерти устала от Эрха, — усмехнувшись, отозвалась леди Илейни. — Мне хотелось избавиться от него, и я опасалась, что все-таки сможет ускользнуть, как делал это много раз.

— И все? — вскинул брови даархар. — Моя дочь так легко готова была избавиться от отца?

Виалин кривовато улыбнулась:

— Моего отца зовут — лорд Расслед Верд, никого иного я этим словом называть не буду. Думаю, матушка меня поймет. Виалин Шагерд, урожденная Дархэйм, была убита собственным братом. На этом ее история жизни оборвалась. Виалин Илейни, признанная Верд, существует совсем недавно, но свое новое имя она готова носить с гордостью и благодарностью. Что же до того, что еще двигало мной — это матушка. Я желаю ей, наконец, познать долгожданное счастье. И ты тот, кто может его ей дать. Это все.

— Что ж, — Тахрад невесело усмехнулся, — значит, у меня нет детей.

— Но осталась твоя женщина, — ответил Риктор Илейни. — Иди и забери ее.

— И если матушка захочет, я помогу ей зачать, — добавила Фиалка, подходя к своему мужу.

— А это уже не мало, — улыбнулся даархар. — Я настоящий богач.

Он первым направился в замок, но уже в воротах брезгливо скривился, оттолкнув ногой быстро разлагающийся труп, перешагнул через второй и уверенно вошел внутрь.

— Какая мерзость, — скривилась Виалин, зажав нос двумя пальцами. — Отвратительный запах.

— Запах смерти и разложения, — ответил аниторн и передернул плечами.

После поднял жену на руки, и перешагнул мертвеца, еще не так давно стоявшего на страже ворот. Мертвецов оказалось много. Тела валялись, казалось по всему замку. Леди

Илейни с содроганием узнавала их, шептала имена и еле сдерживала слезы, вспоминая прислугу и стражу живыми и полными силы людьми.

— Он их всех убил, всех, — сдавленно прошептала женщина.

— Он был обычным чудовищем, — сказал Рик.

— Когда-то он был моим любимым братом, — всхлипнула Фиалка. — И сколько я не думаю, никак не могу увидеть того, что сделало его чудовищем. Когда он перестал быть тем, кому я клялась быть самым преданным другом? Что изменило его?

— Возможно, он, — аниторн указал взглядом на даархара, — а может, и все вкупе. В любом случае, случившегося не изменить. И все, что меня занимает сейчас — желание поскорей покинуть это проклятое место.

Тахрад нашел свою Элору. Он шел к ней, не спрашивая у Виалин, где ее мать, не просил показать дорогу, словно невидимая нить указывала ему путь, и чем ближе даархар подходил к дверям темницы, тем быстрее становились его шаги, и по лестнице в подземелье он уже бежал, гонимый давним желанием новой встречи. Но вновь остановился перед дверями темницы и обернулся, растерянно глядя на приближающегося Риктора Илейни с супругой на руках.

— Ну? — насмешливо изломил бровь аниторн. — Что же ты остановился? Ради этого мгновения ты жил все эти годы.

— Страшно, — вдруг ответил Тахрад и улыбнулся, разом растеряв свою уверенность. — Она никогда не видела меня в моем истинном облике, только в теле своего человеческого мужа...

Рик поставил жену на ноги и подошел к темнице леди Дархэйм. После подергал скобу, заменявшую ручку, и навалился плечом. Одежда затрещала на вздувшихся буграми мышцах. Еще толчок, и дверь поддалась.

— Ого! — воскликнул даархар. — Силен, как дракон.

Он хмыкнул, но снова нервно потер руки. После решительно тряхнул головой и вошел в темницу. Рик и Виалин остались за дверью, давая мужчине и женщине насладиться встречей. Молча слушали сдавленные всхлипы леди Дархэйм и негромкое воркование даархара. И лишь когда страсти немного улеглись, Виалин постучала в дверь и позвала матушку.

В замке они не задержались, покинув его через портал, открытый Тибодом Дальгардом, которого призвал аниторн. И когда к каменным, почерневшим от времени и копоти стенам не осталось никого живого, Риктор Илейни сменил личину, поднялся в небо и выпустил струю огня. Порыв ветра подхватил его, разметал по замку, раздув пожарище, в котором исчезли не только мертвецы, но и сами стены древней твердыни.

А когда дракон опустился на землю, Фиалка сказала ему, что подарила свой домик в лесу кровным родителям. Все, в чем нуждались Элора и Тахрад — это они сами, и уединенную от всех сторожку приняли с радостью и благодарностью.

— Только об одном жалею, — неожиданно произнесла леди Дархэйм, прощаясь с дочерью и зятем, — что не была матерью для своего сына. Слишком поздно я поняла, что мальчику была нужна не строгость, а любовь. Слишком долго я возлагала на него грехи его отцов. Жаль, что плата за ошибки молодости оказалась так высока.

Виалин обняла мать, принимая ее боль и раскаяние. Рик же смотрел на матушку своей жены и ее возлюбленного из иного мира, когда они уходили сквозь переход Дальгарда в лес, и в его взгляде не было ни сочувствия, ни умиротворения. Взор пожелтевших взгляд был

тяжелым и мрачным. Слишком дорого обошлась миру людей эта любовь. И как бы она не была горяча и предана, но искупить жизни, погубленные в гонке за встречей любящих душ, она не искупала. Хранитель не смог простить Элоре и Тахраду их дороги друг к другу. Однако неприязнь быстро спрятал, зная, что это огорчит его супругу.

И вот теперь лорд Илейни направлялся к сторожке, чтобы задать всего один вопрос. Честь его требовала исполнить давнюю клятву, и аниторн не привык отказываться от своих обетов. Он приблизился к кромке леса, взглянул на знакомые очертания маленького домика и замер, приняхиваясь. Даархара он перехватил раньше, чем тот нанес удар. Сжал пальцами шею и с яростью заглянул в глаза.

— Не узнал, — просипел Тахрад. — Услышал чужака, но не узнал...

Рик убрал руку и усмехнулся. Даархар тряхнул головой, отдышался и угрюмо взглянул на гостя.

— Зачем ты пришел ночью, словно вор? — спросил он.

— Не за твоей жизнью, даархар, — ответил лорд-дракон. — Мне нужен ответ.

— Какой?

Тахрад кивнул в сторону сторожки. Они дошли до дверей, но входить внутрь аниторн не стал. Он присел на бревно, лежавшее у стены, взглянул на звезды и спросил:

— Можно ли отпустить из ловушки души, убитых даархаром, если они помещены в созданное им хранилище?

— Как это? — не понял Тахрад, присаживаясь рядом.

Рик коротко рассказал о произошедшем с Нэми, о том, что сам едва не попал в ловушку, и о словах Фиалки, рассказавшей, как поступает с плененными душами Эрхольд Дархэйм.

— Все? — с каменным выражением на лице спросил даархар. И, дождавшись кивка аниторна, заливисто расхохотался, живо напомним Рiku смех его супруги, с той лишь разницей, что смех Виалин был, по-женски, мелодичен.

— Что смешного? — насупился аниторн.

— Да нет никакой ловушки! — весело воскликнул Тахрад. — Создавать миры и реальности могут только Изначальные! Эрхольд всего лишь привязал души к себе, не позволив им уйти в мир мертвых.

— А тьма...

— Ты же умирал, Рик, — второй тесть лорда Илейни широко улыбнулся. — Твой разум создал эту черноту, когда его уничтожала магия даархаров. Конечно, ты мог услышать голос духа, ты ведь уже почти не принадлежал миру живых. Виалин сумела отсечь образующуюся привязку души к ее господину. И освобожденная от власти Эрхольда душа вернулась в тело, не без помощи моей дочери, конечно. Только и всего.

— Значит, души, которые он привязал к себе, ушли вместе с ним в твой мир? — еще больше мрачняя, спросил аниторн.

Тахрад пожал плечами. После задумчиво потер подбородок.

— Вряд ли, — наконец, сказал он. — Во-первых, привязка духа идет не столько к живой сущности, сколько к миру живых, это не позволяет душе уйти в мир мертвых. А во-вторых, когда Эрхольд очнулся и задержался в твоих руках, хранитель Ламаар блокировал его Силу, это в его власти. Видел на его шее ожерелье с пятью завитками? Так вот это — дихтрад. Он дает возможность своему владельцу перекрыть все выплески магии на расстоянии тысячи шагов. Обычно дихтрад носят властители. Безумно дорогой артефакт. Мало того, что блокирует, так еще и тянет Силу из магов. Чем древней дихтрад, тем могущественней его

влияние. Маг может сам определить круг тех, чью Силу артефакт не тронет, их количество определяет число завитков. Ламаар может оставить магию пятерым. И поверь, это означает, что он весьма сильный маг. Дихтрад подчинить не просто. Иногда он выпивает даже собственного владельца...

— Все это познавательно, — усмехнулся аниторн, — и я даже готов послушать твои рассказы, но не сейчас. Так что с душами?

— А что с душами? — пожал плечами Тахрад. — Если учесть, что магия Эрхольда была подавлена силой артефакта хранителя, и души, поработанные им, принадлежали этому миру, то, скорее всего, они еще тогда обрели свободу, когда за моим сыном закрылись врата в другой мир. Сам я проверить не могу, ты меня вынудил остаться обычным человеком, — не без яда произнес даархар, но закончил спокойно, — но моя дочь, или же любой некромант смогут призвать нужную тебе душу. Вот и проверишь. Если же духи ушли вслед за господином, то...

Он развел руками, и Риктор мрачно кивнул.

— Ясно. Буду искать некроманта.

— Не надо никого искать, — послышался голос из небольшого окошка. Мужчины обернулись и увидели леди Элору. — Я все-таки, хоть и не особо сильный, но все-таки темный маг. Если лорд-аниторн не желает тревожить нашу дочь тем, что ей легко сделать без лишних ритуалов, значит, считает, что ей встреча с той, кто явится на зов, будет не слишком приятна. Я не хочу, чтобы то, что касается нашей семьи, выходило за ее пределы. Я проведу ритуал призыва. Мне нужна капля вашей крови, лорд Риктор.

— Вы... вы все-таки темный маг, — с сомнением произнес Рик.

— А вы муж моей дочери и будущий отец моих внуков, — парировала женщина. — Возможно, я успела наделать ошибок, но ума у меня достаточно, чтобы не навредить будущему своего рода.

— Хорошо, — согласился аниторн, не уловив в словах своей тещи лжи и коварства.

Он поднялся с бревна и направился в сторожку. Тахрад последовал за Риком. В глазах его ясно читалось любопытство, несмотря на то, что он когда-то откликнулся на призыв темного мага, видеть сам ритуал даархару не довелось. Он вообще не видел еще ни одного человеческого магического ритуала, и теперь с интересом ожидал, что будет делать Элора.

Женщина указала взглядом на стол, и мужчины сдвинули его в сторону, освобождая место. Элора опустилась на колени, расставил три свечи так, что они образовали пирамиду вершиной вниз. После начертала три руны с внешней стороны граней треугольника, четвертую поместила в центр, что-то тихо нашептывая. Затем прокалила над огнем нож и протянула руку. Аниторн вложил в ее ладонь свою, и женщина надрезала подушечку указательного пальца. Надавила, и несколько капель крови упали на руну в середине треугольника.

— Имя.

— Нэми, — ответил Рик.

— Нэми, — прошептала Элора, но тут же поморщилась.

Пламя свечей затрепало, поднялось выше, на мгновение ослепив лорда Илейни. Центральная руна осветилась багровым сиянием, оно расползлось до граней треугольника, налилось пульсирующей плотностью, поднялось выше, достигло высотой человеческого роста, и аниторн вдруг увидел, что под багровым куполом стоит призрачная женская фигура.

— Нэми, — позвал мужчина, и дух поднял голову.

Это была инверна. Все такая же хрупкая, все такая же нежная и мертвая.

— Рик, — прошелестела она, узнав его.

— Ты свободна, Нэми? — спросил лорд, вглядываясь в лицо духа. — Оковы Дархэйма больше не удерживают тебя?

— Свободна...

— Ты уйдешь?

Она отрицательно покачала головой.

— Почему?

— Охраняю...

— Что охраняешь? — неожиданно растерялся Рик.

— Моего господина, — ответил призрак. — Тебя... твой род. Так хочу.

— Кем она была при жизни? — тихо спросила Элора.

— Инверна, — ответил аниторн и снова посмотрел на Нэми.

Леди Дархэйм усмехнулась.

— Похоже, у рода Илейни появился свой дух-хранитель. Неплохо. В ней была лунная магия? — Риктор отрицательно покачал головой. — Жаль, она могла быть намного полезней. Но инверны сами по себе сильные сущности, она выбрала остаться рядом с вами.

— Она не в мире мертвых?

— Нет, — ответила сама Нэми.

— И ты будешь смотреть на то, что я...

— Оберегать. Так хочу.

— Она уже не может ревновать, — неожиданно заговорил Тахрад. — Дух утрачивает чувства. Должно быть, при жизни забота о тебе была для нее особенно важна, раз эта потребность осталась и после смерти. Дух-хранитель... Она будет заботиться обо всех, кто носит твою кровь...

— Такая нянька у детей, замечательно! — Элора улыбнулась. — Не хмурьтесь, дорогой зять. Иногда даже у духов есть выбор, и эта девушка свой сделала. Она не будет вам мешать, всего лишь приглядывать, ограждать, незримо защищать от бед.

Призрак смотрел на аниторна, но мужчина все еще не знал, что сказать.

— Похоже, девчонке нужно согласие, — заметил Тахрад.

— А если откажу? — спросил Рик.

— Останусь...

— Соглашусь?

— Больше силы...

— Ты в любом случае будешь рядом?

— Мой выбор...

Шумно вздохнув, лорд-дракон произнес:

— Хорошо. Я согласен, чтобы ты осталась рядом и заботилась о моем роде.

— Благодарю... — прошелестел призрак. Багровое сияние на мгновение сменилось серебристым, и дух Нэми растворился в воздухе.

— А может и проснулась лунная магия... — задумчиво произнесла Элора. — Впрочем, с прижизненной ее все равно не сравнить. Лорд Риктор, а почему в инверне не было магии? Вы не любили ее?

— Не обсуждается, — отчеканил Рик. После склонил голову. — Благодарю за помощь. Доброй ночи.

Элора и Тахрад проводили его взглядами, и женщина улыбнулась:

— Любимец Богов.

— Заносчивый гордец, — фыркнул даархар.

— Нет, мой возлюбленный, — покачала головой леди Дархэйм. — Он всего лишь...

И они закончили дружно:

— Драко-он!

P.S.

Черный дракон стремительно неся в небесной синеве, ловя раскрытой пастью ветер. Он то взлетал так высоко, что даже дракону становилось тяжело дышать, то вдруг камнем падал вниз, распахивая крылья почти у самой земли, снова взмывал вверх. Переворачивался в замысловатой петле, рискуя сломать крылья в воздушных потоках, и снова мчался вперед, издавая громоподобный рев.

Вскоре он увидел замок на утесе и полетел к нему, заложил над замком круг, перевернулся в воздухе и пошел на снижение по нисходящей спирали. Наконец, лапы дракона коснулись каменных плит родового замка, и он гордо прошествовал в залу для преобразования, так называлось место, специально отведенное для того, чтобы лорд Илейни мог сменить облик и одеться. Когда-то это можно было сделать в драконнике, но теперь все три драконника были полны драконов разнообразных мастей и размеров.

Одевшись, лорд Илейни снова вышел во двор и с ухмылкой посмотрел на серого дракона, опускавшегося посреди замкового двора. Он что-то ворчал, квохтал, порывивал, даже заревел, но лорд весело рассмеялся, глядя на бранящегося великана:

— Ты так и не смог меня догнать, Воитель! Ой! — тут же вскрикнул лорд, хватаясь за затылок. — Отец, за что?!

— За непотребное поведение, — отчеканил старший лорд Илейни и отвесил отпрыску второй подзатыльник.

— Да я спокойной летал! Он просто выдумщик и ябеда! — возмутился наследник и оболтус — юный лорд Эльрен Илейни.

— Ты так же говорил, когда злющий Аскерд едва не спалил поле в Анноре. И когда на твоём хвосте отпечатались зубы Ханнис, пытавшейся остановить и вразумить тебя. Прикажешь, мне летать с тобой? Забросить все дела и следить, чтобы мой старший сын, вставший на крыло, не свернул себе шею по собственной дури?

Эльрен насупился, бросая на лорда Риктора Илейни взгляды исподлобья. После огляделся, но спасительницы-матушки так и не обнаружил. Шмыгнув носом, юный лорд вкрадчиво спросил:

— А где матушка?

— Наказана, — ехидно ответил аниторн.

— За что?! — изумился отпрыск.

— Не обсуждается, — чеканно произнес лорд Риктор. — Марш в класс, тебя заждались твои учителя.

Эльрен сник и поплелся в сторону парадной лестницы, уже понимая, что матушку и ее участие в побеге с уроков старшего отпрыска отец уже разоблачил, и значит, ждать помощи не откуда. Дух-хранитель поможет, если только он полетит с лестницы вниз головой. Дед Расслед прочтет речь о пользе знаний, а драконы... Драконы, приставленные ко второму

лорду Илейни, с ним не разговаривали, устав гоняться за подопечным, легко ускользавшим из-под строгого надзора великанов. Воитель, кажется, был последним и самым терпеливым нянькой. А молодняк отец к сыну даже не подпустит, чтобы Эльрен не втянул их в свои лихие игрища в воздухе.

— Никакой жизни, — удрученно вздохнул юноша, махнув рукой от кажущейся безысходности.

— Что-что? — отец, все это время следовавший за сыном и оставшийся им незамеченным, теперь стоял за спиной отпрыска, изломив бровь.

— А что, отец?! — Эльрен даже зажмурился от собственной смелости. — Я уже взрослый, а все по вашему повелению делаю. То в залу для поединков, то в учебный класс, то объезжаем Побережье, то прошения дурацкие и жалобы выслушиваем. А я свободы хочу! — и повторил, должно быть, чтобы убедиться, что отец все понял верно: — Я взрослый.

— Тогда женись, — тут же ответил лорд-аниторн. — Раз ты взрослый самостоятельный мужчина — женись.

Эльрен почесал в затылке, после посмотрел на родителя удивленным взглядом синих, как небо, глаз:

— Так мне всего пятнадцать, еще три года нельзя. Это девицам уже можно, а я еще...

— Не дорос? — участливо поинтересовался отец. — Даже жениться не можешь. А уж это каждый дурак сделать может. А ты нет. И какой ты после этого взрослый?

— Дурак может, а я не могу, может, потому что умный, — проворчал юный лорд Илейни.

— Ну раз умный, то будешь заниматься управлением, — парировал аниторн. — Сегодня же выделю тебе надел, и прочь с глаз моих. Послания с отчетами о состоянии своих земель, будешь мне присылать каждые два месяца, как делают все взрослые и умные землевладельцы.

— Мне пятнадцать, отец! По законам нашего государя Ледагарда, я через три года смогу самостоятельно...

— И управлять не можешь? — полюбопытствовал отец, прерывая сына. — Для женитьбы ты слишком умен, для управления слишком мал. И что остается делать?

— Что? — с подозрением спросил Эльрен.

— Учиться! — гаркнул лорд Илейни-старший, и его отпрыск сорвался с места, по опыту зная, что сердить родителя не стоит. А то, что он в гневе, тут и к провидцам ходить не нужно. Попытка борьбы за независимость с треском провалилась.

Рик проводил сына пристальным взглядом пожелтевших глаз, после усмехнулся и направился к своему кабинету. Однако не успел он взяться за ручку, как дверь сама распахнулась, врезав аниторну по лбу, и под его бранное шипение, в ноги лорда бросился маленький черноволосый и синеглазый вихрь с подвыванием:

— Папочка, спаси-и-и!

— Лерия, — обреченно вздохнул избитый лорд, поднимая на руки пятилетнюю дочь. — Ты покушалась на своего отца?

— Папочка, прости-и-и, — не меняя интонации, провыла маленькая леди. Но сразу же добавила: — И спаси-и-и!

— От кого? — Рик осторожно заглянул в кабинет.

— От меня-а! — прорычал семилетний лорд Октор Илейни. — Я — Виллиан, и я съем тебя глупая девчонка-а-а.

Лерия оглушительно завершала отцу в ухо, крепко обняв ручонками шею родителя, снизу за ноги его обхватил сын, трясая, словно пытался вытряхнуть из лорда Илейни-старшего душу. И суровый лорд-дракон простонал:

— Да откуда у меня столько детей?!

— Последствия наказаний, любимый, — промурлыкала из-за его спины леди Виалин Илейни. — Их всего-то пятеро, что за стон обреченности?

Рик звонко поцеловал в щеку Лерию и поставил ее на ноги, после ухватил за ухо Октора, попытавшегося добраться до сестры, отодвинул его в сторону, одарив грозным взглядом. И пока Лери показывала брату язык, спрятавшись за юбку матери, а тот, потирая ухо, исподтишка грозил ей кулаком, аниторн посчитал, загибая пальцы:

— Эльрен, Раймус, Октор, Лерия. Их четыре, родная. Ровно четыре и ни одним ребенком больше. Уж это-то я точно знаю.

— О пятом еще не знаешь, — расплылась в широком оскале леди Илейни. — Но он уже есть. И, как сказал мой отец, он есть уже не менее семи дней. Целая седмица, жизнь моя.

— Хм... День рождения Его Величества, фейерверк в саду... Бездна! И когда я все успеваю?! — с неожиданным возмущением воскликнул отец разрастающегося семейства.

— Ты расторопный, — скромно потупилась Фиалка. — Кстати, матушка приглашала нас на празднование дня рождения моего младшего брата, я дала согласие.

— Еще один ребенок... Я точно умру, — обреченно произнес Риктор Илейни.

— Ты же дракон, любимый, — укоризненно покачала головой Виалин. — Крепись.

Рик притворно вздохнул, но супруга ответила ему ироничным взглядом, и мужчина усмехнулся.

— Нэми, — позвал он.

В воздухе замерцала фигура духа-хранителя рода Илейни, и сразу коридор заполнился ощущением тепла и уюта. Нэми мягко улыбнулась, без слов поняв, что хочет от нее господин, протянула призрачные руки к младшим отпрыскам Риктора и Виалин.

— Пора смотреть сказки, — мелодичный голос духа был полон таинственности.

— Сказки! — захлопала в ладошки Лерия.

Октор фыркнул, но проворчал, пряча сияющий любопытством взгляд черных глаз:

— Посмотрю эти детские сказочки, а потом все равно тебя съем, Лери.

Призрак заскользил по коридору, увлекая за собой детей, и они вприпрыжку побежали следом. Леди Элора и Тахрад оказались правы. В духе инверны не было ревности, не было обиды или злости. Эти чувства принадлежали живым, а добрая душа северянки была привязана к своему господину и теперь служила ему с той же охотой, с какой когда-то дарила свою любовь. Она оберегала детей лорда Илейни, появляясь вовремя там, где больше всего была нужна. Поймала Раймуса, когда он возомнил, что уже сможет сменить личину, и прыгнул с крепостной стены. Угостила каяра, когда маленький Эльрен слишком усердно дергал его за уши и разозлил зверя. Не позволила Октору проглотить случайно найденную пуговицу, когда тому исполнился всего год. Поймала Лерию, забравшуюся на последнюю ступень высокой лестницы в библиотеке, куда уговорила зайти свою няньку, задремавшую в уютном кресле, пока девочка рассматривала красивые картинки в альбоме с изображениями животных. Помогала Виалин в тяжелых родах и ненавязчиво успокаивала Рика, когда тот приходил в ярость, спасая от его гнева обитателей замка. Сейчас было сложно представить жизнь в замке на утесе без его духа-хранителя.

— Рас ведь увидел, кто у нас родится? — спросил аниторн, привлекая к себе супругу.

Он провел ладонью по ее черным, как сама ночь волосам, привычно затаил дыхание, глядя в черную бездну глаз, и женщина прижалась щекой к груди мужа.

— Отец сказал, что это девочка, — ответила леди Илейни, умиротворенно прикрыв глаза.

— Еще один цветочек, — улыбнулся Рик. — Надеюсь, не такой колючий, как первый, и не такой вредный, как второй.

И тут же вскрикнул, ощутив, как Фиалка ущипнула его. Он расхохотался и стиснул супругу в объятьях.

— Попалась, — торжественно провозгласил аниторн.

— Да разве из твоих силков вырвешься? — она улыбнулась, обнимая мужа за шею. — Да и ножки у меня всегда слабенькие-слабенькие, на таких не побегаешь.

— А хочется? — спросил Рик, с интересом глядя на жену.

Фиалка встала на цыпочки, потянувшись к губам Риктора, и прошептала, почти коснувшись их:

— От себя глупо бегать.

— Сухая глупость, — так же шепотом ответил Рик и накрыл губы Виалин своими губами.

Из-за угла вывернул Раймус, третий лорд Илейни, в сопровождении своего учителя фехтования и друга Шефри Дальгарда. Они остановились, заметив аниторна с супругой, переглянулись, и мальчик скривился, фыркнув:

— Ну сколько можно целоваться?

— Вырастишь, сам меру выберешь, — хмыкнул маг.

— Я вообще не собираюсь целоваться, — передернул плечами Раймус. — Это все девчонки придумали, а они хорошего придумать не могут.

Шефри едва сдержал смех, развернул своего подопечного и подтолкнул к другой лестнице. Затем обернулся, бросив последний взгляд на целующегося господина и его жену, подавил новый смешок и поспешил увести ворчащего Раймуса. Рик и Виалин так и не заметили, что их уединение было нарушено. Они разомкнули уста, и леди Илейни повторила свое маленькое заклинание:

— Мой...

— Моя...

А мир вокруг них продолжал жить и радоваться каждому мгновению своего существования. Мир дышал счастьем и умиротворением, как и его хранитель, первый, но не последний лорд-дракон.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net